

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ

Н. Н. Миклаухо-Маклаи

ПУТЕШЕСТВИЯ НА БЕРЕГ МАКЛАЯ

Николай Николаевич Миклухо-Маклай

Путешествия на берег Маклая

В жизни человека необходима романтика. Именно она придает человеку божественные силы для путешествия по ту сторону обыденности. Это могучая пружина в человеческой душе, толкающая его на великие свершения. Фритъоф Нансен

«Что там, за линией горизонта?»

В руках у читателя – первая книга из «Библиотеки путешествий». Мне доставляет искреннее удовольствие поддержать начинание издательства, отважившегося на ее создание.

А. П. Чехов, откликнувшийся на кончину великого путешественника Николая Михайловича Пржевальского проникновенной статьей, писал: «Изнеженный десятилетний гимназист мечтает бежать в Америку или Африку, совершать подвиги – это шалость, но не простая... Это слабые симптомы той доброкачественной заразы, которая неминуемо распространяется на земле от подвига».

Любознательность, наука, жажда новых впечатлений и открытий, романтика и мечта – вот те основные силы, которые создают из человека первооткрывателя, путешественника, исследователя Земли и всего окружающего его мира.

Любознательность и мечта вели тверского купца Афанасия Никитина в его «хождениях за три моря» в Индию. Страстный интерес к загадочному Китаю лежал в основе долгого путешествия венецианца Марко Поло. Романтика познания бесконечной Земли, поиска новых путей надувала паруса каравелл генуэзского моряка Христофора Колумба, открывшего для европейцев Новый Свет.

И разве не дерзкое желание вывести человечество на просторы Вселенной, проложить космические маршруты лежало в основе подвижнической научной деятельности Константина Циолковского, блестящего инженерного расчета Сергея Королева, дерзновенного полета Юрия Гагарина?

Не померкнут в памяти человечества труды и подвиги путешественников, первооткрывателей, ученых, исследователей, по крупицам собиравших знания о Земле, устройстве ее поверхности, о ее водах и суше. И не только потому, что без их открытий современный уровень освоения мира был бы просто невозможен. Духовная составляющая их свершений не менее, если не более, важна, чем составляющая материальная. Могущество человеческого духа, способного преодолеть любые трудности на непроторенных путях исканий, – вот о чем свидетельствуют деяния великих людей, посвятивших себя путешествиям в неведомое.

Авторы книг, вошедших в «Библиотеку путешествий», о подвиге и мечте знают не понаслышке. Р. Амундсен, В. М. Головин, Н. Ф. Крузенштерн, Д. Ливингстон, Ф. П. Литке, Н. Н. Миклухо-Маклай, Ф. Нансен, Г. И. Невельской, В. А. Обручев, Р. Пири, Н. М. Пржевальский, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Р. Скотт, П. Фосетт, В. В. Юнкер и многие другие первопроходцы в

своих трудах, мемуарах, записках прославили Человека, его неустанный поиск нового.

Вот яркое свидетельство замечательного отечественного исследователя Арктики, имя которого легко найти на любой географической карте, – Владимира Юльевича Визе (1886–1954): «Мне попала в руки книга Фритьофа Нансена о его замечательной экспедиции на знаменитом судне «Фрам». Я не отрываясь читал эту чудесную книгу, и у меня впервые зародилась мысль: посвятить свою жизнь Арктике, продолжить начатые работы Нансена, разрешить те вопросы, которые вставали перед знаменитым норвежцем, когда его судно проносило через полярный бассейн».

Под этими словами, я думаю, могут подписаться многие современные исследователи Земли, которым книги их предшественников подсказали выбор пути, определили их жизнь.

Мне представляется символичным, что мысль о «Библиотеке путешествий» родилась в «Дрофе» – издательстве, специализирующемся на выпуске учебной литературы, книг для детей и юношества.

«Библиотека...» обращена ко всем читателям, но в первую очередь – к молодым. Вопрос: «Что там, за линией горизонта?» – это вопрос, который человек задает себе в детстве. Чувство удивления перед неизвестным, желание понять, что скрывается за воображаемой линией, отделяющей познанное от неизвестного, близкое от далекого, понятное от тайны, свойственно прежде всего молодости.

Призыв молодых героев «Двух капитанов»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» – по-прежнему находит отклик в сердцах людей. А это значит, что «Библиотека путешествий», в которой живет дух исканий и открытий, будет востребована читателями. Чилингаров Артур Николаевич, Герой Советского Союза, доктор географических наук, почетный профессор Государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова, президент Ассоциации полярников, член основанного в 1905 г. в США Международного клуба исследователей, член Британского Королевского географического общества, специальный представитель Президента РФ по вопросам Международного полярного года

Письмо Л. Н. Толстого Н. Н. Миклухо-Маклаю

25 сентября 1886 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Очень благодарен за присылку ваших брошюр. Я с радостью их прочел и нашел в них кое-что из того, что меня интересует. Интересует – не интересуется, а умиляет и приводит в восхищение в вашей деятельности то, что, сколько мне известно, вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе, что люди нашего общества даже его и не понимают. Мне ваше дело представляется так: люди жили так долго под обманом насилия, что наивно убедились в том, и насилующие и насилуемые, что это-то уродливое отношение людей, не только между людоедами и нехристианами, но и между христианами, и есть самое нормальное. И вдруг один человек, под предлогом научных исследований (пожалуйста, простите меня за откровенное выражение моих убеждений), является один среди самых страшных диких, вооруженный вместо пуль и штыков одним разумом, и доказывает, что все то безобразное насилие, которым живет наш мир, есть только старый отживший humbug (т. е. вздор. –

Б. П.), от которого давно пора освободиться людям, хотящим жить разумно.

Вот это-то меня в вашей деятельности трогает и восхищает, и поэтому-то я особенно желаю вас видеть и войти в общение с вами. Мне хочется вам сказать следующее: если ваши коллекции очень важны, важнее всего, что собрано до сих пор во всем мире, то и в этом случае все коллекции ваши и все наблюдения научные ничто в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которые вы сделали, поселившись среди диких и войдя в общение с ними и воздействуя на них одним разумом, и поэтому, ради всего святого, изложите с величайшей подробностью и свойственной вам строгой правдивостью все ваши отношения человека с человеком, в которые вы вступили там с людьми. Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, – в науке о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю, и вы сослужите большую и хорошую службу человечеству. На вашем месте я бы описал подробно все свои похождения, отстранив все, кроме отношений с людьми. Не взыщите за нескладность письма. Я болен и пишу лежа, с неперестающей болью. Пишите мне и не возражайте на мои нападки на научные наблюдения. Я беру эти слова назад, а отвечайте на существенное. А если заедете, хорошо было бы.

Уважающий вас Л. Толстой

Ответное письмо Н. Н. Миклухо-Маклая

Санкт-Петербург, 29 января 1887 г.

Ваше сиятельство, глубокоуважаемый граф Лев Николаевич!

Позвольте искренно поблагодарить вас за письмо от 25 сентября и вместе с тем прошу простить, что только теперь отвечаю на него. Письмо не только было для меня интересно, но результат чтения его повлияет немало на содержание книги о моих путешествиях. Обдумав ваши замечания и найдя, что без ущерба научному значению описания моего путешествия, рискуя единственно показаться некоторым слишком субъективным и говорящим чересчур много о собственной личности, я решил включить в мою книгу многое, что я прежде, до получения вашего письма, думал выбросить. Я знаю, что теперь многие, не знающие меня достаточно, читая мою книгу, будут недоверчиво пожимать плечами, сомневаться и т. д. Но это мне все равно. Для того, чтобы мотивировать, почему мне пришлось сделать мой рассказ более длинным, вы, надеюсь, позволите мне в одном из дополнений к 1-му тому моей книги напечатать несколько выдержек из вашего письма, т. к. мне невозможно будет объяснить более кратко и просто причину, заставившую меня вставить несколько эпизодов, характеризующих мои отношения к туземцам, т. к. я убежден, что самым суровым критиком моей книги, ее правдивости и добросовестности во всех отношениях буду я сам.

Разумеется, я не буду возражать на ваши нападки на науку, ради которой я работал всю жизнь и для которой я всегда готов всем пожертвовать.

Через несколько дней я еду в Сидней; буду назад в мае. Летом или осенью, дорогою в Киевскую губернию, заеду к вам в Ясную Поляну.

С глубоким уважением посылаю, непрошенный, мою фотографию в обмен на Вашу, которую, если можно, пришлите до 8-го февраля. М. -М.

Путешествия на Новую Гвинею

Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований

Мне кажется, что мне следует прежде всего сказать,

почему я избрал о. Новую Гвинею целью моего путешествия и моих исследований. Читая описания путешествий, почти что во всех я находил очень недостаточными описания туземцев в их первобытном состоянии, т. е. в состоянии, в котором люди низших рас жили и живут

до более близкого столкновения с белыми или расами с уже определенной цивилизацией (как индусская, китайская, арабская и т. п.). Путешественники или оставались среди этих туземцев слишком короткое время, чтобы познакомиться с их образом жизни, обычаями, уровнем их умственного развития и т. д., или же главным образом занимались собиранием коллекций, наблюдением других животных, а на людей обращали совершенно второстепенное внимание. С другой стороны еще такое пренебрежение ознакомления с первобытными расами мне казалось достойным положительного сожаления вследствие обстоятельства, что расы эти, как известно, при столкновении с европейской цивилизацией с каждым годом исчезают.

Времени, по моему мнению, не следовало упускать, и цель –

исследование первобытных народов – мне казалась достойною посвятить ей несколько лет жизни. Совершенно согласно с моими желаниями повидать другие части света и знания мои подходящи для такого предприятия. Занятия анатомией человека и медициною могли значительно облегчить антропологические работы, которыми я думал заняться.

Но где найти эти первобытные племена людей вне влияния других, поднявшихся на сравнительно высшую ступень цивилизации?

Между многочисленными островами Тихого океана острова Меланезии менее известны, чем остальные, хотя и представляют большой научный интерес, и между последними Новая Гвинея по своей величине [1] и по своей неизвестности играет первую роль. [2]

Несмотря на то что она открыта уже более 300 лет тому назад, [3] только некоторые <из> берегов местности известны европейцам <благодаря> посещению мореплавателями разных национальностей. [4]

Внутренность острова и ее естественные произведения остаются еще не исследованными.

Научное путешествие Валласа [Уоллеса], уяснившее нам распространение фаун в Малайском архипелаге и дозволившее <сделать> интересные выводы, относящиеся к геологической истории нашей планеты, хотя имело границу Новую Гвинею, пролило и на фауну этой последней некоторый свет.

По мнению Валласа, фауна Новой Гвинеи принадлежит к австралийской, но будучи малоизвестной, не позволяет еще окончательного приговора.

Представляя совершенно относительно другие условия жизни, будучи страной преимущественно гористою, покрытою лесом, имея климат более жаркий и сырой, Новая Гвинея, несмотря на сродство фаун, вероятно, представляет также значительные отличия, дающие предполагать, что она единственная страна земного шара, в которой могут скрываться органические формы, вполне для нас новые.

Новая Гвинея по своему положению составляет центральное звено при исследовании органической природы Полинезии и могущее дополнить наши сведения касательно проблематического материка, так наз. Lemurii{1}.

Но не в одном зоологическом отношении Новая Гвинея представляет такое большое поле исследования. Она представляет также важное антропологическое и этнографическое значение, будучи населена малоисследованной расой папуасов, которой положение в ряду других почти не уяснено.[5]

Более изолированные и менее подверженные примеси с другими племенами, жители Новой Гвинеи могут предст[авить] исходную группу для сравнения с разбросанными темными жителями Малайского и Меланезийского архипелагов. Она сама представляет не одно, а, по всей вероятности, много различных племен.

Это были соображения, побудившие меня при обдумывании плана предпринимаемого путешествия на острова Тихого океана избрать исходной станцией моего путешествия Новую Гвинею. Между многими вышеизложенными вопросами я избрал в этнологическом отношении следующие две задачи, которые, как мне кажется, следует решить перед другими, потому что они представляют больший общенаучный интерес, именно: во-первых, уяснить антропологическое отношение папуасов к другим расам вообще, которое еще почти что не определено; и во-вторых, по возможности и по собственным наблюдениям определить распространение этой расы по отношению с другими племенами Тихого океана, будучи того мнения, что этим этнология племен, населяющих острова Тихого океана, значительно уяснится, так как она представляет еще много спорного.

Не занимаясь по зоологии систематикой и не имея склонности к собиранию коллекций, интересных зоологу и географу, задачи Валласа не могли руководить моим путешествием.

Сравнительные же анатомические исследования оставляли мне вполне свободу последующей перемены места исследований, и поэтому я план странствования своего подчинил антропо-этнографическим целям, при которых всегда останется у меня время для специальных анатомических исследований.

Решив это, я без долгих размышлений избрал Новую Гвинею первою станцией путешествия как более трудную во всех отношениях, пока мои силы постепенно не ослабли от друг[их] напряж[ений].

Теперь мне следовало бы сообщить в кратких чертах известное о Новой Гвинее. Но наши познания в этом отношении так кратки и это уже сделано другими, которые тщательно собрали те немногие сведения, которые разбросаны в разных сочинениях о путешествиях. Так, например, Finsch собрал все касающееся Новой Гвинеи даже в отдельной книге. Замечу, однако же, для полноты, что в зоологическом отношении Новая Гвинея представляет особенности. В уже несколько раз цитированном сочинении Бэра мы имеем отличную разработку материала касательно той части человеческой породы, которая населяет Новую Гвинею. Материал критически рассмотрен и разобран, и выдвинутый ряд вопросов ожидает новых ответов.

Таким образом, почти вся научная литература о Новой Гвинее подготовлена, и мне остается только отправляться за добытием новых фактов, но пред этим я желал бы показать читателям, как не установилось еще антропологическое положение той расы, которая предств[ляется] мне для исследования.

Не останавливаясь на первых известиях о папуасах и на разнообразных описаниях их, рассмотренных у Бэра, я прямо перехожу к позднейшим суждениям о них, падающим почти в настоящее время, и между другими остановлюсь на двух, рассматривающих предмет с различных сторон, именно зоолога и лингвиста.

Валлас, пробовавший почти 8 лет в частых сношениях с папуасами и малайцами и, как сам выражается, постоянно наблюдал их, очень энергически напирал на различие обоих племен, основываясь не только на их внешности, но и их характере. Причисляя малайцев к народам Азии, он присоединяет папуасов к полинезийцам, которых вместе с жителями Австралии считает за остатки одной общей океанийской расы, населявшей некогда теперь покрытый океаном материк.

Валлас также говорит и об альфуру, отделяя их от папуасов, ставя их ближе к малайцам, но не причисляя их к последним. Он предполагает их, так же как и малайцев, азиатского происхождения.

Если на все это были бы доказательства, то вопрос об отношении племен имел бы прекрасное решение. Но является еще большая трудность соединить папуасов с полинезийцами, отличными и по языку и по наружности. Меньшее затруднение представляет присоединение австралийцев к папуасам.

Тем более Валласу трудно окончательно решать эти вопросы, что он с полинезийцами и австралийцами не знаком по личным наблюдениям, по крайней мере я нигде не нахожу в его книге указани[й] о пребывании в Полинезии или Австралии.

Что же касается до большого различия, на которое указывает <Валлас>, малайцев от папуасов, то после Блуменбаха почти все классификаторы человеческих племен постоянно отделяли первых от последних.

Первое пребывание в Новой Гвинее на Берегу Маклая

(от сентября 1871 г. по декабрь 1872 г.)

{2}

19 сентября 1871 г. около 10 час. утра показался, наконец, покрытый отчасти облаками высокий берег Новой Гвинее.[6]

Корвет «Витязь» шел параллельно берегу Новой Британии из Port Praslin (Новой Ирландии), нашей последней якорной стоянки. Открывшийся берег, как оказалось, был мыс King William, находящийся на северо-восточном берегу Новой Гвинее.

Высокие горы тянулись цепью параллельно берегу (на картах они обозначены именем Финистер; высота их превышает 10 000 фут[7]). В проходе между о. Рук и берегом виднелись несколько низких островков, покрытых растительностью. Течение было попутное, и мы хорошо подвигались вперед. Часу во втором корвет «Витязь» настолько приблизился к берегу Новой Гвинее, что можно было видеть характерные черты страны. На вершинах гор лежали густые массы облаков, не позволявшие различать верхние их очертания; под белым слоем облаков по крутым скатам гор чернел густой лес, который своим темным цветом очень разнился от береговой полосы светло-зеленого цвета.[8]

Береговая полоса возвышалась террасами или уступами (высоты приблизительно до 1000 фут) и представляла очень характеристичный вид. Правильность этих террас более заметна внизу, на небольшой высоте. Многочисленные ущелья и овраги, наполненные густою зеленью, пересекали эти террасы и соединяли таким образом верхний <лес>[9] с прибрежным узким поясом растительности. В двух местах на берегу виднелся дым, свидетельствующий о присутствии человека. В иных местах береговая полоса становилась

шире, горы отступали более в глубь страны, и узкие террасы, приближаясь к морю, превращались в обширные поляны, окаймленные темною зеленью.

Около 6 часов вечера отделился от берега маленький островок, покрытый лесом. Между светлою зеленью кокосовых пальм на островке видны были крыши хижин, и по берегу можно было различить и людей. У островка впадала речка, которая, судя по извилистой линии растительности, протекала по поляне. Не найдя удобного якорного места, мы (90 сажень пронесло) прекратили пары, и корвет «Витязь» лег в дрейф. Вечер был ясный, звездный, только горы оставались закрыты, как и днем, облаками, которые спустились, казалось, ниже, соединясь с белою пеленою тумана, разостлавшегося вдоль берега у самого моря. Из темных туч на вершинах часто сверкала молния, причем грома не было слышно.

20 сентября. За ночь попутное течение подвинуло нас к северу миль на 20. Я рано поднялся на палубу, рассчитывая увидеть до восхода солнца вершины гор свободными от облаков. И действительно, горы ясно были видны и представляли мало отдельных вершин, а сплошную высокую стену почти повсюду одинаковой высоты. При восходе солнца вершина и подошва гор были свободны от облаков, посередине их тянулись белые strati <(слоистые облака)>. [10] Поднявшееся солнце осветило берег, на котором ясно можно было различить три или четыре параллельных, громоздившихся один над другим хребта. По мере того как мы подвигались вперед, вид берега изменялся. Террас более не было, а к высоким продольным хребтам примыкали неправильные поперечные ряды холмов, между которыми, вероятно, протекали речки. Растительности было более.

Около 10 1/2 часов, подвигаясь к заливу Астроляб, мы увидели перед собою два мыса: южный – мыс Риньи и северный – мыс Дюпере, оба невысокие, и второй далеко выдающийся в море.[11] Облака понемногу заволокли вершины высоких хребтов; громадные кучевые облака, клубясь и изменяя форму, легли на них. По склонам невысоких холмов виднелись кое-где густые столбы дыма. Стало довольно тепло: в тени термометр показывал 31 °С. Часам к 12 мы были среди большого залива Астроляб.

На предложенный мне командиром корвета «Витязь» капитаном второго ранга[12] Павлом Николаевичем Назимовым вопрос, в каком месте берега я желаю быть высаженным, я указал на более высокий левый берег, предполагая, что правый, низкий, может оказаться нездоровым. Мы долго вглядывались в берег залива, желая открыть хижины туземцев, но кроме столбов дыма на холмах <ничего>[13] не заметили; подойдя, однако ж, еще ближе к берегу, старший офицер П. П. Новосильский закричал, что видит бегущих дикарей. Действительно, можно было различить в одном месте песчаного берега несколько темных фигур, которые то бежали, то останавливались.

Около того места выделялся небольшой мысок, за которым, казалось, находилась небольшая бухта. Мы направились туда, и предположение относительно существования бухты оправдалось. Войдя в нее, корвет «Витязь» стал на якорь саженьях в 70 от берега на 27 саженьях глубины. Громадные деревья, росшие у самой окраины приглыбого[14] скалистого (поднятого кораллового рифа) берега бухточки, опускали свою листву до самой поверхности воды, и бесчисленные лианы и разные паразитные растения образовывали своими гирляндами положительную занавесь между деревьями, и только северный песчаный мысок этой бухточки был открыт. Вскоре группа дикарей появилась на этом мыске. Туземцы казались очень боязливыми. После долгих совещаний между собою один из них выдвинулся из группы, неся кокосовый орех, который он положил у берега и, указывая на него мимикой, хотел, казалось, объяснить, что кокос этот назначается для нас, а затем быстро скрылся в чаще леса.

Залив Астролябия и прилегающие местности в 1871–1872 гг.

Я обратился к командиру корвета с просьбой дать мне четверку, чтобы отправиться на берег, но когда узнал, что для безопасности предусмотрено отправить еще и катер с вооруженною командою, я попросил дать мне шлюпку без матросов, приказал своим обоим слугам Ульсону и Бою спуститься в шлюпку и отправился знакомиться с моими будущими соседями, захватив предварительно кой-какие подарки: бусы, красную бумажную материю, разорванную на куски и на узкие ленточки, и т. п.

Обогнув мысок, я направился вдоль песчаного берега к тому месту, где мы впервые увидели туземцев. Минут через 20 приблизился к берегу, где и увидел на песке несколько туземных пирог. Однако мне не удалось здесь высадиться по случаю сильного прибоя. Между тем из-за кустов показался вооруженный копьем туземец и, подняв копье над головой, пантомимую хотел мне дать понять, чтоб я удалился. Но когда я поднялся в шлюпке и показал несколько красных тряпок, тогда из леса выскочили около дюжины вооруженных разным дрекольем дикарей. Видя, что туземцы не осмеливаются подойти к шлюпке, и не желая сам прыгать в воду, чтоб добраться до берега, я бросил мои подарки в воду, надеясь, что волна прибьет их к берегу. Туземцы при виде этого энергически замахали руками и показывали, чтобы я удалился. Поняв, что присутствие наше мешает им войти в воду и взять вещи, я приказал моим людям грести, и едва только мы отошли от берега, как туземцы наперегонку бросились в воду, и красные платки были моментально вытащены. Несмотря, однако, на то, что красные тряпки, казалось, очень понравились дикарям, которые с большим любопытством их рассматривали и много толковали между собой, никто из них не отважился подойти к моей шлюпке.

Видя такой неуспех завязать первое знакомство, я вернулся к корвету, где узнал, что видели дикарей в другом месте берега. Я немедленно <отправился>[15] в указанном направлении, но и там не оказалось дикарей; только в маленькой бухточке далее виднелись из-за стены зелени, доходящей до самой воды, концы вытащенных на берег пирог. Наконец в одном месте берега между деревьями я заметил белый песок, быстро направился к этому месту, оказавшемуся очень уютным и красивым уголком; высадившись тут, увидел узенькую тропинку, проникавшую в чащу леса.

Я с таким нетерпением выскочил из шлюпки и направился по тропинке в лес, что даже не отдал никаких приказаний моим людям, которые занялись привязыванием шлюпки к ближайшим деревьям. Пройдя шагов 30 по тропинке, я заметил между деревьями несколько крыш, а далее тропинка привела меня к площадке, вокруг которой стояли хижинки с крышами, спускавшимися почти до земли. Деревня имела очень опрятный и очень приветливый вид. Средина площадки была хорошо утоптана землею, а кругом росли пестролиственные кустарники и возвышались пальмы, дававшие тень и прохладу. Побелевшие от времени крыши из пальмовой листвы красиво выделялись на темно-зеленом фоне окружающей зелени, а ярко-пунцовые цветы китайской розы <Hibiscus rosa sinensis>[16] и желто-зеленые и желто-красные листья разных видов кротонов и Coleus оживляли общую картину леса, кругом состоящего из бананов, панданусов, хлебных деревьев <арковых>[17] и кокосовых пальм. Высокий лес кругом ограждал площадку от ветра.

Хотя в деревне не оказалось живой души, но повсюду видны были следы недавно покинувших ее обитателей: на площадке иногда вспыхивал тлеющий костер, здесь валялся недопитый кокосовый орех, там – брошенное второпях весло; двери некоторых хижин были тщательно заложены какою-то корою и заколочены накрест <пластинами расколотого бамбука>[18] У двух хижин, однако, двери остались открытыми: видно, хозяева куда-то очень торопились и не успели их запереть. Двери находились на высоте в двух футах, так что двери представлялись скорее окнами, чем дверьми, и составляли единственное отверстие, чрез которое можно было проникнуть в хижину. Я подошел к одной из таких дверей и заглянул в хижину. В хижине темно – с трудом можно различить находящиеся в ней предметы: высокие нары из бамбука, на полу несколько камней, между которыми тлел огонь, служили опорой стоявшего на них обломанного глиняного горшка; на стенах висели связки

раковин и перьев, а под крышей, почерневшей от копоти, – человеческий череп. Лучи заходящего солнца освещали теплым светом красивую листву пальм; в лесу раздавались незнакомые крики каких-то птиц. Было так хорошо, мирно и вместе чуждо и незнакомо, что казалось скорее сном, чем действительностью.

В то время как я подходил к другой хижине, послышался шорох. Оглянувшись в направлении, откуда слышался шорох, увидел в недалеких шагах как будто выросшего из земли человека, который поглядел секунду в мою сторону и кинулся в кусты. Почти бегом пустился я за ним по тропинке, размахивая красной тряпкой, которая нашлась у меня в кармане. Оглянувшись и видя, что я один без всякого оружия и знаками прошу подойти, он остановился. Я медленно приблизился к дикарю, молча подал ему красную тряпку, которую он принял с видимым удовольствием и повязал ее себе на голову. Папуас этот был среднего роста, темно-шоколадного цвета, с матово-черными, курчавыми, как у негра, короткими волосами, широким сплюснутым носом, глазами, выглядывавшими из-под нависших надбровных дуг, с большим ртом, почти, однако же, скрытым торчащими усами и бородою. Весь костюм его состоял из тряпки шириною около 8 см, повязанной сначала в виде пояса, спускавшейся далее между ног и прикрепленной сзади к поясу, и двух тесно обхватывающих руку над локтем перевязей, род браслетов из плетеной сухой травы. За одну из этих перевязей или браслетов был заткнут зеленый лист *Piper betle*, за другую на левой руке – род ножа из гладко обточенного куска кости, как я убедился потом, кости казуара. Хорошо сложен, с достаточно развитой мускулатурой.

Выражение лица первого моего знакомца показалось мне довольно симпатичным; я почему-то подумал, что он будет меня слушаться, взял его за руку и не без некоторого сопротивления привел его обратно в деревню. На площадке я нашел моих слуг Ульсона и Боя, которые меня искали и недоумевали, куда я пропал. Ульсон подарил моему папуасу кусок табаку, с которым тот, однако же, не знал, что делать, и, молча приняв подарок, заткнул его за браслет правой руки рядом с листом бетеля.

Пока мы стояли среди площадки, из-за деревьев и кустов стали показываться дикари, не решаясь подойти и каждую минуту готовые обратиться в бегство. Они молча и не двигаясь стояли в почтительном отдалении, зорко следя за нашими движениями. Так как они не трогались с места, я должен был каждого отдельно взять за руку и притащить в полном смысле слова к нашему кружку. Наконец, собрав всех в одно место, усталый, сел посреди их на камень и принялся наделять разными мелочами: бусами, гвоздями, крючками для ужения рыбы и полосками красной материи. Назначение гвоздей и крючков они, видимо, не знали, но ни один не отказался принять.

Около меня собралось человек восемь папуасов; они были различного роста и по виду представляли некоторое, хотя и незначительное, различие. Цвет кожи мало варьировал; самый резкий контраст с типом моего первого знакомца представлял человек роста выше среднего, худощавый, с крючковатым выдающимся носом, очень узким, сдавленным с боков лбом; борода и усы были у него выбриты, на голове возвышалась целая шапка красно-бурых волос, из-под которой сзади спускались на шею окрученные пряди волос, совершенно похожие на трубкообразные локоны жителей Новой Ирландии. Локоны эти висели за ушами и спускались до плеч. В волосах торчали два бамбуковых гребня, на одном из которых, воткнутом на затылке, красовались несколько черных и белых перьев казуара и какаду в виде веера. В ушах были продеты большие черепаховые серьги, а в носовой перегородке – бамбуковая палочка толщиной в очень толстый карандаш с нарезанным на ней узором. На шее, кроме ожерелья из зубов собак и других животных, раковин и т. п., висела небольшая сумочка, на левом же плече висел другой мешок, спускавшийся до пояса и наполненный разного рода вещами.

У этого туземца, как и у всех присутствовавших, верхняя часть рук была туго перевязана плетеными браслетами, за которыми были заткнуты различные предметы – у кого кости, у

кого листья или цветы. У многих на плече висел каменный топор, а некоторые держали в руках лук почтенных размеров почти что в рост человека и стрелу более метра длины. При различном цвете волос, то совершенно черных, то выкрашенных красною глиною, и прически их были различные: у иных волосы стояли шапкою на голове, у других были коротко острижены, у некоторых висели на затылке вышеописанные локоны; но у всех волосы были курчавы, как у негров. Волоса на бороде завивались также в мелкие спирали. Цвет кожи представлял несколько незначительных оттенков. Молодые были светлее старых. Из этих впервые восьми встреченных мною папуасов четыре оказалось больных: у двоих элифантиазис{3} изуродовал по ноге, третий представлял интересный случай psoriasis, распространенный по всему телу, у четвертого спина и шея были усеяны чирьями, сидящими на больших твердых шишках, а на лице находилось несколько шрамов, следы, вероятно, таких же <давнишних чирьев>.[19]

Так как солнце уже село, я решил, несмотря на интерес первых наблюдений, вернуться на корвет; вся толпа проводила меня до берега, неся подарки: кокосы, бананы и двух очень диких поросят, у которых ноги были крепко-накрепко связаны и которые визжали без устали; все было положено в шлюпку. В надежде еще более укрепить хорошие отношения с туземцами и вместе с тем показать офицерам корвета моих новых знакомых, я предложил окружавшим меня папуасам сопутствовать мне к корвету на своих пирогах. После долгих рассуждений человек пять поместились в двух пирогах, другие остались и даже, казалось, усиленно отговаривали более отважных от смелого и рискованного предприятия. Одну из пирог я взял на буксир, и мы направились к «Витязю». На полдороге, однако же, и более смелые раздумали, знаками показывая, что не хотят ехать далее, старались отдать буксир, между тем как другая, свободная пирога быстро вернулась к берегу. Один из сидевших в пироге, которую мы тащили за собою, пытался даже своим каменным топором перерубить конец, служивший буксиром. Не без труда удалось втащить их на палубу: Ульсон и Бой почти что насильно подняли их на трап. На палубе я взял пленников под руки и повел под полуют; они от страха тряслись всем телом, не могли без моей поддержки держаться на ногах, полагая, вероятно, что их убьют. Между тем совсем стемнело, под ют был принесен фонарь, и дикари мало-помалу успокоились, даже повеселели, когда офицеры корвета подарили им разные вещи, угостили чаем, который они сразу выпили. Несмотря на такой любезный прием, они с видимым удовольствием и с большою поспешностью спустились по трапу в свою пирогу и быстро погребли обратно к деревне.

На корвете мне сказали, что в мое отсутствие показались опять туземцы, принесли с собою двух собак, которых тут же убили и оставили тела их в виде подарка на берегу.

21 сентября. Берег залива Астроляб в том месте, где «Витязь» бросил якорь, горист; несколько параллельных цепей гор различной вышины тянутся вдоль берега и только на WNW берегу прерываются изменностью. NW берег горист, хотя не так высок, как южный, и оканчивается невысоким мысом.

Все эти горы (из которых высочайшая достигает приблизительно <от> пяти до шести тысяч футов) покрыты густою растительностью до самых вершин и пересечены во многих местах поперечными долинами. Иногда горы приближаются почти до самого берега, чаще же между первыми холмами и морем тянется невысокая береговая полоса. Лес же в некоторых местах спускается до самого моря, так что нижние ветви больших деревьев находятся в воде. Во многих местах берег окаймляется коралловыми рифами и реже представляется отлогим и песчаным, доступным приливам, и в таком случае служит удобною пристанью для туземных пирог. Около таких мест обыкновенно находятся, как я узнал впоследствии, главные береговые селения папуасов. Все эти наблюдения я сделал на рассвете на мостике корвета и остался вполне доволен общими видами страны, которую избрал для исследования <и>;, быть может, продолжительного пребывания. После завтрака я снова отправился в деревню, в которой был вчера вечером. Мой первый знакомый, папуас Туй, и несколько других вышли ко мне навстречу.

В этот день на корвете должен был быть молебен по случаю дня рождения вел. кн. Константина Николаевича и установленный пушечный салют; я поэтому решил остаться в деревне среди туземцев, которых сегодня набралось несколько десятков, чтобы моим присутствием ослабить несколько страх, который могла произвести на туземцев пальба.

Но так как времени до салюта оставалось еще достаточно, то я отправился приискать место для моей будущей хижины. Мне не хотелось селиться в самой деревне и даже вблизи ее, во-первых, потому, что не знал ни характера, ни нравов моих будущих соседей; во-вторых, незнакомство с языком лишало возможности испросить на то их согласие; навязывать же мое присутствие я считал бестактным; в-третьих, очень не любя шум, боялся, что вблизи деревни меня будут беспокоить и раздражать крики взрослых, плач детей и вой собак.

Я отправился из деревни по тропинке и минут через 10 подошел к маленькому мыску, возле которого протекал небольшой ручей и росла группа больших деревьев. Место это показалось мне вполне удобным как по близости к ручью, так и потому, что находилось почти на тропинке, соединявшей, вероятно, соседние деревни. Наметив, таким образом, место будущего поселения, я поторопился вернуться в деревню, но пришел уже во время салюта. Пушечные выстрелы, казалось, приводили их больше в недоумение, чем пугали. При каждом новом выстреле туземцы то пытались бежать, то ложились на землю и затыкали себе уши, тряслись всем телом, точно в лихорадке, приседали. Я был в очень глупом положении: при всем желании успокоить их и быть серьезным не мог часто удержаться от смеха; но вышло, что мой смех оказался самым действительным средством против страха туземцев, и так как смех вообще заразителен, то я заметил вскоре, что и папуасы, следуя моему примеру, начали ухмыляться, глядя друг на друга.

Довольный, что все обошлось благополучно, я вернулся на корвет, где капитан Назимов предложил мне отправиться со мною для окончательного выбора места постройки хижины. К нам присоединились старший офицер и доктор. Хотя, собственно, мой выбор был уже сделан, но посмотреть еще другие места, которые могли оказаться лучшими, было не лишнее. <Из> трех осмотренных нами мест одно нам особенно понравилось: значительный ручей впадал здесь в открытое море; но, заключая по многим признакам, что туземцы имеют обыкновение приходить сюда часто, оставляют здесь свои пироги, а недалеко обрабатывают плантации, я объявил командиру о моем решении поселиться на первом, избранном мною самим месте.

Часам к 3 высланы с корвета люди, занялись очисткою места от кустов и мелких деревьев, плотники принялись за постройку хижины, начав ее с забивки свай под тенью двух громадных *Canarium commune*.

22, 23, 24, 25 сентября. Все эти дни я был занят постройкою хижины. Часов в 6 утра съезжал с плотниками на берег и оставался там до спуска флага. Моя хижина имеет 7 футов ширины и 14 длины и разгорожена пополам перегородкой из брезента (крашенная парусина). Одну половину я назначил для себя, другую для моих слуг – Ульсона и Боя. Так как взятых из Таити досок не хватило, то стены сделаны из дерева только наполовину, нижние; для верхних же, равно и двух дверей, опять служит брезент, который можно было скатывать. Для крыши заготовлены были особым образом сплетенные из листьев кокосовой пальмы циновки; работу эту я поручил Бою. Пол, половина стен и стойки по углам были сделаны из леса, купленного в Таити и приспособленного на корвете. Сваи, верхние скрепления, стропила пришлось вырубать и выгонять уже здесь; но благодаря любезности командира корвета рук было много, постройка шла успешно.

Туземцы, вероятно, напуганные пальбою 21-го числа и присутствием большого количества людей с корвета, мало показывались, 2–3 человека, и то редко. Офицеры корвета занялись съемкою бухты и при этом посетили пять или шесть прибрежных деревень, где за разные мелочи (бусы, пуговицы, гвозди, пустые бутылки и т. п.) набрали множество разного оружия и

утвари и выменяли, между прочим, также более десятка черепов.

Многие местности получили названия: небольшая бухточка, где «Витязь» стоит на якоре, названа в честь е. и. в. генерал-адмирала и президента имп. Русского Географического общества портом вел. кн. Константина. Все мыски были окрещены именами офицеров, делавших съемку, а остров, который виднелся у мыса Дюпере, назвали островом «Витязя» (впоследствии я узнал, что <туземное имя>[20] его о. Били-Били).

25-го числа Бой начал крыть крышу, потому что завтра последний день пребывания корвета. Между тем приходил мой доброжелатель Туй и своей выразительной мимикой старался объяснить, что когда корвет уйдет (при этом он указал на корвет и далекий горизонт) и мы останемся втроем (он указал на меня, Ульсона и Боя и на землю), придут из соседних деревень туземцы (указывая на лес и как бы называя деревни), разрушат хижину (тут он подошел к сваям, делая вид, как бы рубит их) и убьют нас копьями (тут он выпрямился, отставил одну ногу назад и, закинув правую руку над головой, имел вид человека, бросающего копье; затем подошел ко мне, толкнул меня несколько раз в грудь пальцем и, наконец, полузакрыв глаза, открыв немного рот и высунув кончик языка, принял положение человека, падающего на землю; те же мимические движения он проделал, указывая поочередно на Ульсона и Боя). Очень хорошо понимая предостережения Туя, я сделал, однако же, вид, что не понял его. Тогда он снова стал <называть>[21] имена деревень: Бонгу, Горенду, Гумбу и т. д., показывая, что рубит сваи; на все то я только махнул рукой и подарил ему гвоздь.

Возвратясь на корвет, я рассказал виденную мною пантомиму в кают-компании, что, вероятно, побудило одного из офицеров, лейтенанта С. Чирикова, заведовавшего на «Витязе» артиллерийскою частью, предложить мне приготовить несколько мин и расположить их вокруг моего дома. Я не отказался от такого средства защиты в случае крайней необходимости, если бы туземцы действительно вздумали явиться с теми намерениями, о которых старался объяснить мне Туй.

26 сентября. Лег вчера в 11 часов вечера, встал сегодня в 2 часа утра. Все утро посвятил корреспонденции в Европу и сборам. Надо было разобраться с вещами, часть которых оставалась в Гвинее, а другая отправлялась обратно с корветом в Японию.

Отправляясь в Новую Гвинею не с целью кратковременного путешествия, а продолжительного, в течение нескольких лет жителя, я уже давно пришел к заключению, что мне следует быть независимым от пищи европейской. Я знал, что плантации папуасов не бедны, свиней они также имеют; главным же образом охота могла всегда доставлять мне средство пропитания. Вследствие этого и после многих месяцев жизни на судне, в море, где консервы играют всегда значительную роль и немало успели надоесть мне, я совершенно равнодушно отнесся к обеспечению себя провизией в последнем порте. Я взял кое-что, но так мало, что Павел Николаевич Назимов очень удивился и предложил мне весьма любезно уделить многое из своей провизии, которую я принял с благодарностью и которая могла мне пригодиться в случае болезни. Он оставил мне также самую малую из шлюпок корвета, именно четверку с которою в крайности может управиться и один человек. Иметь шлюпку было для меня удобно в высшей степени, так как при помощи ее я мог ознакомиться с другими береговыми деревнями, а в случае полной неудачи добиться доверия туземцев она давала мне возможность переселиться в другую, более гостеприимную местность. Кончив разборку вещей на корвете, после завтрака я стал перевозиться. Небольшое мое помещение скоро переполнилось вещами до такой степени, что значительное число ящиков пришлось поставить под домом для предохранения их от дождя, солнца и расхищения.

Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая на Новой Гвинее в Гарагаси

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Между тем с утра еще лейтенант Чириков был занят устройством мин, расположив их полукругом для защиты при нападении дикарей со стороны леса, а человек тридцать матросов под наблюдением лейтенанта Перелешина и гардемарина Верениуса занимались расчисткой места около дома, так что получилась площадка в 70 м длины и 70 м ширины, окруженная с одной стороны морем, а с трех – густым лесом. П. Н. Назимов был также некоторое время около хижины и помогал мне своими советами. Я указал, между прочим, командиру и офицерам место, где я зарюю в случае надобности (серьезной болезни, опасности от туземцев и т. п.) мои дневники, заметки и т. д.[22] Место это находилось под большим деревом недалеко от хижины; чтобы легче было найти его, на соответствующей стороне ствола кора была снята приблизительно на один фут в квадрате и вырезана фигура стрелы, направленной вниз.

Около 3 часов Порт Константин – имя, данное небольшой бухточке, у которой стояла моя хижина, – представлял очень оживленный вид: перевозили последние дрова на корвет в маленьком паровом баркасе, шныряли взад и вперед шлюпки и вельботы, шестерка перевозила мои вещи, несколько раз отправляясь на корвет и возвращаясь к берегу. Около моей хижины работа также кипела: достраивалась хижина, копали ямы для мин, вырубались кусты, делая более удобный спуск от площадки, на которой стояла моя хижина, к песчаному берегу моря у устья ручья, и т. д.

К сожалению моему, я не мог присмотреть за всеми этими работами, пришлось возвращаться на корвет, так как еще не все вещи были уложены. Весь вечер провозился я с этими вещами, и без помощи В. П. Перелешина и А. С. Богомолова, которых я очень благодарю за их внимание ко мне и любезность, я бы не кончил уборки в тот вечер. Крайнее утомление, хлопоты последних дней и особенно вторая бессонная ночь привели меня в такое нервное состояние, что я почти не мог держаться на ногах, говорил и делал все совершенно машинально, как во сне. В час ночи я кончил укладку на корвете; оставалось еще перевезти последние вещи на берег и написать некоторые письма.

27 сентября. В 2 часа утра привез я последние вещи и у домика застал г. Богомолова, который принимал и сторожил мои вещи на берегу, в то время как Бой, проработавший весь день над крышей, спал непробудным сном. Хижина в такой степени завалена вещами, что с трудом нашлось достаточно места прилечь. Несмотря на самую крайнюю усталость, я не мог заснуть: муравьи и комары не давали покоя. Возможность, однако, хотя закрыть глаза, если не спать, значительно меня облегчила. Около четырех часов утра я вернулся на корвет, чтобы написать необходимые письма, не находя ни возможности, ни места сделать это в моем новом помещении. Что и кому писал сегодня утром, помню смутно; знаю только, что последнее письмо было адресовано е. и. в. вел. кн. Константину Николаевичу.

Поблагодарив за все бескорыстные оказанные мне услуги командира и офицеров корвета «Витязь» и простившись со всеми, я спустился в свою шлюпку и окончательно съехал на берег. Когда якорь корвета показался из воды, я приказал Ульсону спустить развевавшийся над деревом у самого мыска флаг, но, заметив, что последний не спускается, подошел к Ульсону посмотреть, в чем дело, и к удивлению и негодованию увидел, что у моего слуги, обыкновенно так храбrivшегося на словах, руки дрожали, глаза полны слез, и он тихо всхлипывает. Взяв с досадою из его дрожавших рук флаглинь, я сказал, что, пока корвет еще не ушел, он может на шлюпке вернуться, не мешкая, а то будет поздно. Между тем корвет выходил из Порта Константина, и я сам отсалютовал отходящему судну.

Первая мысль, пришедшая мне в голову, была та, что туземцы, пользуясь уходом огромного дымящегося страшилища, могут каждую минуту нагрянуть в мое поселение, разнести мою хижину и сваленные в беспорядке вещи и что отныне я предоставлен исключительно самому себе, все дальнейшее зависит от моей энергии, воли и труда. Действительно, как только

корвет скрылся за горизонтом, на соседнем мыске показалась толпа папуасов, они прыгали и бегали, описывая круги, их движения были похожи на какую-то пляску, по крайней мере все делали одни и те же движения. Вдруг все остановились и стали глядеть в мою сторону: вероятно, один из них заметил русский (национальный) флаг, развевавшийся у моей хижины. Они сбегались в кучку, переговорили, затем опять повернулись в мою сторону, прокричали что-то и скрылись.

Сигнальный барабан (барум) новогвинейских папуасов

Необходимо было немедленно же приступить к разборке вещей, разбросанных в беспорядке в хижине и шалаше; но от усталости, волнения и двух почти бессонных ночей я находился в весьма плачевном состоянии: голова кружилась, ноги подкашивались, руки плохо слушались.

Скоро пришел Туй разведать, остался ли я или нет, не с прежним добродушием поглядывал на меня, подозрительно осматривал мой дом, хотел войти в него, но я жестом и словом «табу»^{4} остановил его. Не знаю, что на него подействовало – жест или слово, но он вернулся на свое место. Туй знаками спрашивал, вернется ли корвет, на что я отвечал утвердительно. Желая избавиться от гостя, который мешал мне разбирать вещи, я просил его (я уже знал десятка два слов) принести кокосовых орехов, подарив ему при этом кусок красной тряпки. Он действительно сейчас же удалился, но не прошло и часу, как снова вернулся с двумя мальчиками и одним взрослым папуасом. Все они почти не говорили, сохраняя очень серьезное выражение лица; даже и маленький мальчик лет семи был погружен, смотря на нас, в глубокую задумчивость. Туй пытался заснуть или показывал вид, что спит, следя зорко по временам за моими движениями, так как, уже не стесняясь гостями, я продолжал устраиваться в моем помещении. Туй опять обошел все мины, подозрительно смотря на рычаги с привешенными камнями и веревками; они его, кажется, сильно интересовали, но он не осмеливался близко приближаться к ним. Наконец, он простился с нами, причем сделал странный кивок головою назад, проговорил что-то, чего я, однако, не расслышал и не успел записать (с первого дня знакомства с папуасами я носил постоянно в кармане записную книжку для записывания при каждом удобном случае слов туземного языка), и удалился.

Часов около четырех послышался свист, звонкий, протяжный, и из-за кустов выступил целый ряд папуасов с копьями, стрелами и другим дреколем.

Я вышел к ним навстречу, приглашая знаками подойти ближе. Они разделились на две группы: одна, более многочисленная, поставив свое оружие около деревьев, приблизилась ко мне с кокосами и сахарным тростником; другая, состоящая из шести человек, осталась около оружия. Это были жители деревни за мыском, которых я наблюдал сегодня утром, по уходе корвета, прыгающими и бегущими. К этой деревне, которую называют Гумбу, я старался подойти на шлюпке в первый день прихода «Витязя» в Порт Константин. Я им подарил разные безделки и отпустил, показав, что хочу спать.

28 сентября. Лунный вечер вчера был очень хорош. Разделив ночь на 3 вахты, я взял на себя самую утомительную – вечернюю (от 9 до 12 часов).

Когда в 12 часов я был сменен Ульсоном, то вследствие сильного утомления долго не мог заснуть, так что ночь показалась мне, несмотря на все свое великолепие, очень длинной.

День прошел, как и первый, в разборке и установке вещей, что оказалось не так просто: вещей много, а места мало. Наконец, кое-как их разместил в несколько этажей, другие подвесил, третьи поместил на чердаке, который Ульсон и я ухитрились устроить под крышею. Одну сторону моей комнаты (7 фут длины и 7 фут ширины) занимает стол (около 2 фут ширины), другую – две корзины, образующие мою койку (не совсем 2 фута ширины). В

проходе, шириною около 3 фута, помещается мое удобное, необходимое складное кресло.

Папуасы вытаскивали из моря большие клетки или корзины продолговатой формы, в которых ловят рыбу. Бой (повар) приготовлял нам три раза есть и спросил в девятом часу, не сварить ли еще в четвертый раз немного рису.

Я сегодня отдыхал, никуда не ходил и решил спать всю ночь.

29 сентября. Проспал как убитый, не просыпаясь ни разу. Погода стоит очень хорошая. Целый день не было и признака папуасов. Я предложил моим людям последовать моему примеру, т. е. спать по ночам, так как узнал, что они разделили прошлую ночь на четыре вахты; но они не захотели, говоря, что боятся папуасов.

На руках и на лбу образовались подушки от укушений комаров, муравьев и других бестий. Странное дело, я гораздо менее страдаю от этой неприятности, чем Ульсон и Бой, которые каждое утро приходят жаловаться на не дающих по ночам им покоя насекомых.

30 сентября. Днем видел только несколько туземцев; все, кажется, входит в свою обычную колею, которую приход корвета на время нарушил. Решил, однако же, быть очень осторожным во всех отношениях с туземцами. В описаниях этой расы напугивают постоянно на их вероломство и хитрость; пока не составлю о них собственного мнения, считаю рациональным быть настороже. По вечерам люблюсь великолепным освещением гор, которое доставляет мне каждый раз новое удовольствие.

По уходе корвета здесь царствует всегда мне приятная тишина: не слышать почти людского говора, спора, брани и т. д., только море, ветер и порою какая-нибудь птица нарушают общее спокойствие. Эта перемена обстановки очень благотворно на меня действует – я отдыхаю. Потом эта ровность температуры, великолепие растительности, красота местности заставляют совершенно забывать прошлое, не думать о будущем и только любоваться настоящим. Думать и стараться понять окружающее – отныне моя цель.

Чего мне больше? Море с коралловыми рифами с одной стороны, лес тропической растительности с другой, то и другое полно жизни, разнообразия; вдали горы с причудливыми очертаниями, над которыми клубятся облака с не менее фантастическими формами. Я лежал, думая обо всем этом, на толстом стволе повалившегося дерева и был доволен, что добрался до цели или вернее до первой ступени длиннейшей лестницы, которая должна привести к цели...

Туй из деревни Горенду

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Пришел Туй, у которого взял урок папуасского языка. Я прибавил несколько слов к моему лексикону, точным образом записал их и, оставшись доволен учителем, подарил ящик от сигар, а Ульсон дал ему старую шляпу Туй был в восторге и быстро удалился, как бы боясь, чтобы мы не раздумали и не взяли данных вещей назад, или желая скорей показать свои новые подарки своим соплеменникам.

Около часу спустя показалась вереница туземцев, человек около 25; впереди двое несли на плечах привешенного к бамбуковой палке поросенка, затем на головах посуду и, наконец, остальные – кокосовые орехи. Туй и много других знакомых были в толпе. Все свои дары туземцы положили на землю передо мной; потом каждый отдельно передал свой подарок мне в руки. Часть толпы отделилась от тех, которые расположились около меня. Туй объяснял им, что успел узнать об употреблении каждой вещи; те с большим интересом рассматривали

каждую вещь, быстро переходя от одного предмета к другому. Мало говорили и вообще не шумели. К лестнице, т. е. к дверям моего дома, они не подходили из деликатности или просто боязни – не знаю. Все знали мое имя и, обращаясь, называли по имени. Около Боя собрался кружок послушать его игру на маленьком железном инструменте – губной гармонии, которая на островах Самоа в большом ходу и на которой Бой играл с большим искусством. Музыка произвела необычайный эффект: папуасы обступили Боя и с видимым любопытством и удовольствием прислушивались к этой детской музыке. Они очень обрадовались, когда я им подарил несколько подобных гармоний, и тотчас же начали упражняться на новом инструменте. Просидев около часу, они ушли; при прощании протягивали левую руку. У весьма многих я заметил сильно развитый элифантиазис.

Часов в 10 вечера разразилась над нами сильная гроза, дождь лил ливнем, но крыша, к нашему общему удовольствию, не промокла.

<1> октября. Проснувшись до рассвета, решил идти в одну из деревень – мне очень хочется познакомиться с туземцами ближе.

Отправляясь, я остановился перед дилеммой: брать или не брать револьвер? Я, разумеется, не знал, какого рода прием меня ожидает в деревне, но, подумав, пришел к заключению, что этого рода инструмент никак не может принести значительной пользы моему предприятию. Употребя его в дело при кажущейся крайней необходимости, даже с полнейшим успехом, т. е. положи я на месте 6 человек, очень вероятно, что в первое время после такой удачи страх оградит меня; но надолго ли? Желание мести, многочисленность туземцев в конце концов превозмогут страх перед револьвером. Затем размышления совершенно иного рода укрепили мое решение идти в деревню невооруженным.

Мне кажется, что заранее человек не может быть уверен, как он поступит в каком-нибудь дотоле не испытанном им случае. Я не уверен, как я, имея револьвер у пояса, отнесусь, например, сегодня, если туземцы в деревне начнут обращаться со мною неподходящим образом, смогу ли я остаться совершенно спокойным и индифферентным на все любезности папуасов. Но я убежден, что какая-нибудь пуля, пущенная некстати, может сделать достижение доверия туземцев невозможным, т. е. совершенно разрушить все шансы на успех предприятия. Чем более я обдумывал мое положение, тем яснее становилось мне, что моя сила должна заключаться в спокойствии и терпении. Я оставил револьвер дома, но не забыл записную книжку и карандаш.

Я намеревался идти в Горенду, т. е. ближайшую от моей хижины деревню, но в лесу нечаянно попал на другую тропинку, которая, как я полагал, приведет меня все-таки в Горенду, но заметив, что я ошибся, я решил продолжать путь, будучи уверен, что тропа приведет меня в какое-нибудь селение. Я был так погружен в раздумье о туземцах, которых еще почти что не знал, о предстоящей встрече, что был изумлен, когда очутился, наконец, около деревни, но какой – я не имел и понятия.

Слышались несколько голосов мужских и женских. Я остановился для того, чтобы сообразить, где я и что должно теперь случиться.

Пока я стоял в раздумье, в нескольких шагах от меня появился мальчик лет 14 или 15. Мы молча с секунду поглядели в недоумении друг на друга... Говорить я не умел, подойти к нему – значило напугать его еще более. Я продолжал стоять на месте. Мальчик же стремглав бросился назад в деревню. Несколько громких возгласов, женский визг и затем полнейшая тишина.

Я вошел на площадку. Группа вооруженных копьями людей стояла посредине, разговаривая оживленно, но вполголоса между собою. Другие, все вооруженные, стояли поодаль; ни женщин, ни детей не было – они, вероятно, попрятались. Увидев меня, несколько копий были

подняты, и некоторые из туземцев приняли очень воинственную позу, как бы готовясь пустить копье. Несколько восклицаний и коротких фраз с разных концов площадки имели результатом, что копья были опущены. Усталый, отчасти неприятно удивленный встречей, я продолжал медленно подвигаться, смотря кругом и надеясь увидеть знакомое лицо. Такого не нашлось. Я остановился около барлы{5}, и ко мне подошли несколько туземцев. Вдруг пролетели, не знаю, нарочно ли или без умысла, одна за другой 2 стрелы, очень близко от меня. Стоявшие около меня туземцы громко заговорили, обращаясь, вероятно, к пустившим стрелы, а затем, обратившись ко мне, показали на дерево, как бы желая объяснить, что стрелы были пущены с целью убить птицу на дереве. Но птицы там не оказалось, и мне подумалось, что туземцам хочется знать, каким образом я отнесусь к сюрпризу, вроде очень близко меня пролетавших стрел. Я мог заметить, что как только пролетела первая стрела, много глаз обратились в мою сторону, как бы изучая мою физиономию. Но, кроме выражения усталости и, может быть, некоторого любопытства, вероятно, ничего не открыли в ней. Я в свою очередь стал глядеть кругом – все угрюмые, встревоженные, недовольные физиономии и взгляды, как будто говорящие, зачем я пришел нарушить их спокойную жизнь. Мне самому как-то стало неловко: начто прихожу я стеснять этих людей. Никто не покидал оружия, за исключением двух или трех стариков. Число туземцев стало прибывать, кажется, другая деревня была недалеко, и тревога, вследствие моего прихода, дошла и туда. Небольшая толпа окружила меня; двое или трое говорили очень громко, как-то враждебно поглядывая на меня. При этом, как бы в подкрепление своих слов, они размахивали копьями, которые держали в руках. Один из них был даже так нахален, что копьем при какой-то фразе, которую я, разумеется, не понял, вдруг размахнулся и еле-еле не попал мне в глаз или в нос. Движение было замечательно быстро, и, конечно, не я был причиной того, что не был ранен, так как я не успел двинуться с места, где стоял, а ловкость и верность руки туземца, успевшего остановить конец копья своего в нескольких сантиметрах от моего лица. Я отошел шага на два в сторону и мог слышать несколько голосов, которые неодобрительно (как мне, может быть, показалось) отнеслись к этой бесцеремонности.

В эту минуту я был доволен, что оставил револьвер дома, не будучи уверен, так же ли хладнокровно отнесся я ко второму опыту, если бы мой противник вздумал его повторить.

Мое положение было глупое: не умея говорить, лучше было бы уйти, но мне страшно захотелось спать. Домой идти далеко. Отчего же не спать здесь? Все равно, я не могу говорить с туземцами, и они не могут меня понять.

Недолго думая, я высмотрел место в тени, притащил туда новую циновку (вид которой, кажется, подал мне первую мысль – спать здесь) и с громадным удовольствием растянулся на ней. Закрывать глаза, утомленные солнечным светом, было очень приятно. Пришлось, однако же, полуоткрыть их, чтобы развязать шнурки башмаков, расстегнуть штiblеты, распустил пояс и найти подложить что-нибудь под голову. Увидел, что туземцы стали полукругом в некотором отдалении от меня, вероятно, удивляясь и делая предложения о том, что будет далее.

Одна из фигур, которую я видел пред тем, как снова закрыл глаза, оказалась тем самым туземцем, который чуть не ранил меня. Он стоял недалеко и разглядывал мои башмаки.

Я припомнил все происшедшее и подумал, что все это могло бы кончиться очень серьезно, и в то же время промелькнула мысль, что, может быть, это только начало, а конец еще впереди. Но если уж суждено быть убитым, то все равно, будет ли это стоя, сидя, удобно лежа на циновке или же во сне. Далее подумал, что если пришлось бы умирать, то сознание, что при этом 2, 3 или даже 6 диких также поплатились жизнью, было бы весьма небольшим удовольствием. Был снова доволен, что не взял с собою револьвер.

Когда я засыпал, голоса птиц заняли меня; резкий крик быстро летающих лори несколько раз заставлял меня очнуться; оригинальная жалобная песня «коки»{6} <Chlamydodera>,[23]

напротив, наводила сон; треск цикад также нисколько не мешал, а способствовал сну.

Мне кажется, я заснул скоро, так как встал очень рано и, пройдя часа 2 почти все по солнцу, с непривычки чувствовал большую усталость и в особенности усталость глаз от яркого дневного света.

Проснулся, чувствуя себя очень освеженным. Судя по положению солнца, должно было быть по крайней мере третий час. Значит, я проспал два часа с лишком. Открыв глаза, я увидел нескольких туземцев, сидящих вокруг циновки шагах в двух от нее; они разговаривали вполголоса, жуя бетель. Они были без оружия и смотрели на меня уже не так угрюмо. Я очень пожалел, что не умею еще говорить с ними, и решил идти домой, приведя мой костюм в порядок; эта операция очень заняла окружающих меня папуасов. Затем я встал, кивнул головой в разные стороны и направился по той же тропинке в обратный путь, показавшийся мне теперь короче, чем утром.

После 6 часов вечера поднялся довольно сильный ветер со шквалом и дождем; температура быстро понизилась. Темно делается уже в 7 часов; безлунные ночи, темень страшная, шагах в четырех от дома трудно его отличить.

<2 октября>. Всю ночь лил дождь ливнем. Утро пасмурное и опять идет мелкий дождь.

Муравьи здесь выводят из терпения, ползают по голове, забираются в бороду и очень больно кусаются. Бой до того искусан и так расчесал укушенные места, что ноги его распухли, а одна рука покрыта ранами. Обмыв раны разведенным нашатырным спиртом, я перевязал более глубокие раны карболовой кислотой. Вечером зашел ко мне Туй, вооруженный копьем, и выпросил топор (ему необходимо перерубить что-то), обещая скоро возвратиться; я поспешил исполнить его просьбу, интересуясь знать, что выйдет из этого опыта моей доверчивости. Курьезнее всего, что, еще не зная языка, мы понимали друг друга.

<3 октября>. Утром бродил при отливе по колена в воде, но ничего интересного не попало.

Папуасы притащили мне 4–5 длинных бамбуковых палок, футов в 20, для веранды.

Туй также принес мне бамбук, но о топоре ни слова. Нашел, что книги и рисунки кажутся туземцам чем-то особенно страшным; многие встали и хотели уйти, когда я им показал рисунок (портрет) из какой-то иллюстрации. Они просили меня унести скорее его в дом и только когда я это сделал, успокоились.

<4 октября>. Я напрасно усомнился в честности Туя: сегодня не было еще 6 часов, как он явился и принес топор. Довольный этою чертой характера моего приятеля, подарил ему зеркало, с которым он немедленно и убежал в деревню, вероятно, похвастаться подарком. Этот подарок побудил, вероятно, и других туземцев посетить меня. Они принесли мне кокосов и сахарного тростнику, на что я ответил пустой коробкой и гвоздями средней величины. Немного погодя еще явилось несколько человек также с подарками; дал каждому по два гвоздя средней величины. Надо заметить, что в этом обмене нельзя видеть продажу и куплю, а обмен подарков:

то, чего у кого много, то он дарит, не ожидая непременно вознаграждения. Я уже несколько раз испытывал туземцев в этом отношении, т. е. не давал им ничего в обмен за принесенные ими кокосы, сахарный тростник и пр. Они не требовали ничего за них и уходили, не взяв своих подарков назад.

Я сделал еще другое замечание: моя хижина и я сам производят на туземцев какое-то особенное чувство: им у меня не сидится, они осматриваются, точно каждую минуту ожидают появления чего-то особенного, весьма немногие смотрят мне в глаза, а отворачиваются или

нагибаются, когда я взгляну на них. Некоторые из них смотрят на мою хижину, на вещи в ней как-то завистливо (хотя я не могу описать точного выражения таких лиц, но почему-то мне положительно кажется, что в их лице, вероятно, выражается зависть). Раза два или три приходили ко мне люди, смотревшие на меня очень злобным, враждебным взглядом. Брови у них были сильно нахмурены и верхняя губа как-то поднята вверх; каждую минуту я ожидал, что она поднимется выше и что я увижу их сжатые зубы.

Следы «Витязя» видны кругом моего мыса; по лесу трудно пройти, везде срубленные деревья, сучья, висящие на спутанных лианах, заграждают путь. Старые тропинки завалены во многих местах. Понятно, все это приводит папуасов в изумление; своими каменными топорами они не нарубили бы в целый год столько деревьев, сколько матросы в несколько дней.

5 октября. Всю ночь была слышна у моих соседей в Горенду музыка: дудка и барабан. Дудка состоит из просверленной сверху и сбоку скорлупы кокосового ореха, особенно малой величины; есть также дудки из бамбука. Барабан же представляет большой выдолбленный ствол от 2 до 3 м длины и от 1/2 до 3/4 м ширины; имеет вид корыта, поддерживается двумя брусками; когда ударяют по бокам его большими палками, то удары слышатся на расстоянии нескольких миль. У моих соседей сегодня, вероятно, праздник: приходившие ко мне имели физиономию, окрашенную красною охрою, и имели на спине разные узоры; почти у всех в волосах воткнуты гребни с перьями. Туй прислал с одним из своих сыновей свинины, плодов хлебного дерева, банан и таро, все хорошо сваренное и аккуратно завернуто в больших листьях *Artocarpus incisa*.

6 октября. Приходили и сегодня мои соседи из Горенду с несколькими гостями – жителями островка Били-Били (на русской карте назван островом «Витязь»). Больше число разных украшений (из раковин, зубов собак и клыков свиньи), размалеванные физиономии и спины, взбитые, выкрашенные волосы давали гостям положительно парадный вид. Хотя тип физиономий был не отличен, но различие внешних украшений давало людям из Били-Били такой вид, что их сейчас же можно было отличить от людей Горенду и других ближайших деревень.

Мои соседи из Бонгу показывали многие из моих вещей своим знакомым, причем последние каждый раз при виде неизвестного им предмета широко раскрывали глаза, немного разевали рот и клали один из пальцев между зубами.[24]

Когда стало темнеть, я вздумал пройти немного по тропинке. Мне хотелось убедиться, можно ли будет возвращаться ночью из деревень; но вдруг так стемнело, что я поспешил вернуться домой, и хотя можно было разглядеть общее направление тропинки, но я вернулся домой с разбитым лбом и больным коленом, наткнувшись сперва на сук, а затем на какой-то пенек.

Итак, по лесу ночью ходить не придется.

Замечаю, что в бутылке чернил осталось очень мало, и положительно не знаю, найдется ли в багаже другая.

7

октября. Отправился утром при отливе за добычей на риф, гуляя по колону в воде, и сверх ожидания набрал на несколько интересных *Calcispongia* (известковых губок).[25] Чрез полчаса у меня было более чем на день работы. Вернувшись с рифа, я решил, однако же, оставить микроскоп в покое до завтра и идти знакомиться с моими соседями – в деревню на восток от мыса Обсервации. Отправился туда, сам, разумеется, не зная дороги, а просто выбирая в лесу тропинки, которые, по моим соображениям, должны были привести меня в деревню. Сперва шел по лесу – густому, с громадными деревьями. Шел и наслаждался разнообразием и роскошью тропической растительности, новостью всего окружающего...

Из леса вышел я к морю. Следуя морским берегом, нетрудно было добраться до деревни. Так как я не встретил никого дорогою, то некому было дать знать жителям Гумбу о моем приближении. Свернув с морского берега на хорошо утоптанную тропинку и сделав несколько шагов, я услышал голоса мужчин и женщин. Скоро показались из-за зелени крыши хижин. Пройдя около одной из них, я очутился на первой площадке деревни, где увидел довольно многолюдную и оживленную сцену. Двое мужчин работали над исправлением крыши одной из хижин и казались очень занятыми, несколько молодых девушек и мальчиков плели, сидя на земле, циновки из листьев кокосовой пальмы и подавали их людям, поправлявшим крышу; двое или трое женщин возились с детьми разного возраста; две громадные свиньи с поросятами доедали остатки завтрака. Хотя солнце было уже высоко, но тени на площадке было много и жар вовсе не чувствовался. Разговор был общий и казался очень оживленным. Картина эта по своей новизне имела для меня громадный интерес. Вдруг пронзительный крик – разговор оборвался и наступила страшная суматоха. Женщины и девушки с криками и воплями бросили свои занятия и стали хватать грудных детей, которые, разбуженные внезапно, плакали и ревели; подростки, приведенные в недоумение испугом матерей, завизжали и заголосили; таща детей с собой, женщины, боясь оглянуться, кинулись в лес; за ними последовали девушки и подростки; даже собаки с воем и свиньи с сердитым хрюканьем побежали за ними.

Встревоженные воплями женщин, сбежались мужчины со всей деревни, по большей части вооруженные чем попало, и обступили меня со всех сторон. Я стоял спокойно посреди площадки, удивляясь этой тревоге, недоумевая, почему мой приход мог произвести такую кутерьму. Я очень желал успокоить туземцев словами, но пока я таковых не знал, и лишь приходилось довольствоваться жестами, что было вовсе не легко. Они стояли вокруг меня нахмурившись и перекидывались словами, которых я не понимал. Устав от утренней прогулки, я отправился к одной из высоких платформ, взобрался на нее, расположился довольно удобно и знаками пригласил туземцев последовать моему примеру. Некоторые поняли, кажется, что я не имею намерения повредить им, заговорили между собою уже спокойнее и даже отложили в сторону оружие, между тем как другие, все еще подозрительно оглядываясь на меня, не выпускали своих копий из рук. Группа туземцев вокруг меня была очень интересна, но мне нетрудно было заметить, что мой приход был им крайне неприятен. Большинство посматривало на меня боязливо, и все как будто томительно ожидали, чтобы я удалился. Я вынул мой альбом, сделал несколько набросков хижин, расположенных вокруг площадки, высоких платформ, подобных той, на которой я сидел, и перешел затем к записыванию некоторых замечаний самих туземцев

<o самих туземцах?>, оглядывая каждого с ног до головы очень внимательно. Мне стало ясно, что мое поведение начинает смущать туземцев; особенно не нравился им мой внимательный осмотр. Многие, чтобы избавиться от моего пристального взгляда, встали и ушли, что-то ворча. Мне очень хотелось пить. Кругом меня соблазняли кокосовые орехи, но никто не подумал предложить мне даже один из валявшихся на земле свежих кокосов, чтобы утолить жажду. Никто из туземцев не подошел ближе и не постарался заговорить со мною, а все смотрели враждебно и угрюмо.

Понимая, что, оставаясь долее, я не подвину вперед моего дела – знакомства с туземцами, я встал и при общем молчании прошел через площадку, направляясь по тропинке, которая и привела меня к морю.

Возвращаясь домой и обдумывая виденное, я пришел к заключению, что сегодняшняя моя экскурсия доказывает, как нелегко будет одолеть недоверие туземцев и что на это потребуются очень немало терпения и такта в обращении с ними с моей стороны.

Придя к закату солнца домой, я был встречен моими слугами, которые начинали беспокоиться по случаю моего продолжительного отсутствия; они, между прочим, известили меня, что в мою отлучку двое жителей Горенду принесли три свертка: для меня, для Ульсона

и Боя. Я приказал их раскрыть, и в них оказались вареные бананы, плод хлебного дерева и куски какого-то мяса, похожего на свинину. Мясо мне не особенно понравилось, но Ульсон и Бой ели его с удовольствием. Когда они кончили, я очень смутил их замечанием, что это, вероятно, человеческое мясо. Оба очень сконфузились и уверяли, что это была свинина, однако я остался в сомнении.

8 октября. Вечером какое-то маленькое насекомое влетело мне в глаз, и хотя мне удалось его вытащить, но глаз очень болел всю ночь и веки распухли, так что о работе с микроскопом нельзя было и думать. По этому случаю утром, при самом начале прилива, я отправился бродить на риф и так увлекся, что не заметил, как вода стала прибывать. Возвращаясь с рифа на берег, мне приходилось несколько раз погружаться в воду выше пояса.

Кончили крышу веранды и возились с уборкою своего гнезда. Помещение мое всего в одну квадратную сажень, а вещей тьма.

9 октября. Очищал площадку перед хижиной от хвороста и сухих листьев. Мое помещение с каждым днем улучшается и начинает мне все более и более нравиться.

Вечером слышу: кто-то стонет. Иду в дом и застаю Боя, который, закутавшись с головой в одеяло, еле-еле мог ответить на мои расспросы. У него оказалась довольно возвышенная температура.

10 октября. Часу в четвертом из мыска вдруг показался парус, а затем большая пирога особенной постройки, с крытым помещением наверху, в котором сидели люди, и один только стоял на руле и управлял парусом. Подойдя ближе к моему мыску, рулевой, повернувшись в нашу сторону, начал что-то кричать и махать руками. Такой большой пироги я здесь по соседству еще не видал. Пирога направилась в Горенду, но через пять минут показалась другая, еще больше первой; на ней стоял целый домик или, вернее, большая клеть, в которой помещалось человек 6 или 7 туземцев, защищенных крышею от жарких лучей солнца. На обеих пирогах было по две мачты, из которых одна была наклонена вперед, другая назад. Я догадался, что мои соседи захотят показать своим гостям такой курьез, как белого человека, и приготовился поэтому к встрече.

Действительно, через четверть часа с двух сторон, из деревень Горенду и Гумбу, показались прибывшие туземцы. С гостями, прибывшими, как я узнал, с островка Били-Били, пришло несколько моих соседей-туземцев, чтобы объяснить своим гостям разные диковинные вещи у хижины белого. Люди из Били-Били с большим удивлением и интересом рассматривали все: кастрюли и чайник в кухне, мое складное кресло на площадке, небольшой столик там же; мои башмаки и полосатые носки возбудили их восторг. Они не переставали открывать рот, приговаривая протяжные «а-а-а...», «е-е-е...», чмокать губами, а в крайних случаях вкладывать палец в рот. Гвозди им также понравились. Я дал им, кроме гвоздей, несколько бус и по красной тряпке, к великой досаде Ульсона, которому не нравилось, что я раздаю вещи даром и что гости пришли без подарков.

У людей из Били-Били часть волос была тщательно выкрашена красною охрой; лоб и нос были раскрашены тою же краской, а у некоторых даже спины были размалеваны. У многих на шее висело ожерелье, которое опускалось на грудь и состояло из двух клыков папуасской свиньи (*Sus papuensis*), связанных таким образом, что, вися на груди, они представляли лежащую цифру 3 с равною верхнею и нижнею частью. Это украшение, называемое жителями Горенду «буль-ра», по-видимому, очень ценится ими. Я предлагал им взамен буль-ра нож, но они не согласились на такой обмен, хотя и очень желали добыть нож. Они были очень довольны моими подарками и ушли в отличном настроении духа. Я был, однако же, удивлен, увидев <их>[26] снова чрез полчаса, на этот раз нагруженными кокосами и бананами; они успели сходить к своим пирогам и принести мне свои подарки.

Церемония делания подарков имеет здесь свои правила: так, например, каждый приносит свой подарок от других отдельно и передает его прямо в руки лицу, которому хочет дарить. Так случилось и сегодня: каждый передал свой подарок сперва мне, затем Ульсону – значительно менее, а затем Бою – еще меньше. Люди Били-Били долго оставались у хижины и, уходя, когда стало темнеть, знаками указывая на меня и шлюпку мою, а затем на свой островок, который виднелся вдаль, показывали жестами, что не убьют и не съедят меня и что там много кокосов и банан. Прощаясь, они пожимали мне руку выше локтя. Двое, которым я больше почему-то подарил безделок, обнимали меня левою рукой и, прижимая одну сторону моей груди к своей, повторяли: «О Маклай! О Маклай!» Когда они отошли на несколько шагов, то, полуобернувшись и остановившись, согнули руку в локте и, сжимая кулак, разгибали ее; это был их последний прощальный привет, после которого они быстро скрылись.

11 октября. Меня свалил сегодня первый пароксизм лихорадки; как ни крепился, пришлось лечь и весь день пролежать... Было скверно.

12 октября. Сегодня наступила очередь Ульсона. Когда я встал, ноги у меня дрожали и подгибались. Бой тоже уверяет, что он нездоров. Моя хижина – настоящий теперь лазарет!. Узнал сегодня от Туя имена разных деревень, виднеющихся с моего мыска. Я удивлялся числу имен: каждый ничтожный мысок и ручеек имеют специальное туземное название; так, например, небольшой мысок, на котором стоит моя хижина, где никогда до меня никто не жил, называется Гарагаси{9}; мыс Обсервации напротив – Габина и т. п. Деревня, которая была посещена мною вечером в день прихода «Витязя» в Порт Константин, называется, как я уже упоминал несколько раз, Горенду. Затем идет Бонгу, дальше Мале, еще дальше (отличающаяся несколькими светло-желтоватыми кустами Coleus и лежащая у самого берега деревня, которую я посетил с офицерами «Витязя») Богатим. Еще далее у мыска, недалеко уже от островка Били-Били, деревня Горима; на восток от Гарагаси деревня, в которой мне не удалось пристать в первый день, называется Гумбу, затем далее Марагум, еще далее деревня Рай. При расспросах Туя я не мог не подивиться его смысленности, с одной стороны, и некоторой тупости или медленности мышления, с другой. Слушая названия, я, разумеется, записывал их и на той же бумаге сделал набросок всей бухты, намечая относительное положение деревень. Туй это понимал, и я несколько раз проверял произношение названий деревень, прочитывая их громко, причем Туй поправил не только два названия, но даже и самый набросок карты. В то же время мое записывание имен и черчение на бумаге несколько не интересовали его; он как будто и не замечал их. Мне казалось странным, что он не удивлялся. Отпустив Туя, я принялся ухаживать за двумя больными, которые стонали и охали, хотя и сам после вчерашнего пароксизма еле-еле волочу ноги. Пришлось приготовить обед самому. Весь вечер охание обоих больных не прекращалось.

13 октября. У меня пароксизм повторился; все больны... скверно, а когда начнется дождливое время года, будет, вероятно, еще сквернее.

14 октября. Дав людям по приему хины и сварив к завтраку по две порции риса на человека, я отправился в лес, главным образом, чтобы отделаться от стонов и оханий. Птиц много. Как только туземцы попривыкнули ко мне, буду ходить на охоту, так как консервы для меня противны.

Когда я вернулся, то застал Ульсона все еще охающим на своей койке. Бой же был на ногах и варил бобы к обеду. Приходил Туй с тремя людьми из Гумбу. Привезенный мною табак (американский в табличках) начинает нравиться туземцам. Они употребляют его, смешивая со своим. Курят они таким образом: во-первых, берут полусухой (сушеный на солнце), но еще мягкий лист туземного табаку, расправляют его руками, сушат, держа высоко над огнем, затем разрывают на мелкие кусочки, которые свертывают в виде сигары в также высушенный над огнем специальный[27] лист, а затем уже курят, проглатывая дым. Теперь, получая от меня иногда табак, они перед курением обращаются с ним как со своим, т. е. разрывают табачную табличку на малые кусочки, сушат их, а затем еще более размельчают их и

примешивают к своему табаку. Одна папироса переходит от одного к другому, причем каждый затягивается дымом один или два раза, проглотит его медленно и передает сигару соседу. Занятие одного из моих гостей заинтересовало меня. Он приготавливал тонкие узкие полоски из ствола какого-то гибкого вьющегося растения. Он сперва выскрабливал одну сторону его, отдирая от него тонкую полоску, разрезал ее потом осколком раковины, которые он менял или обламывал, чтобы получить острый край, служивший ему ножом. Эти полоски назначались для плетения браслет «сагю», носимых туземцами на руках выше *biceps*'а и на ногах <y> колен. Туземец так ловко и быстро работал своим примитивным инструментом, что, казалось, никакой другой не может послужить лучше для этой цели.

Единственным лакомством является здесь для меня кокосовая вода. Кроме нее и чаю, я ничего не пью. Обыкновенно выпиваю два кокосовых ореха в день.

15 октября. Из вчерашнего моего разговора с Туем оказывается, что горы вокруг залива Астроляб весьма населены. Он называл множество имен деревень, прибавляя к каждому имени слово «мана», т. е. гора.

После трех дней лечения цвет лица Боя заметно посветлел – побледнел.

16 октября. Вчера вечером – сильнейшая гроза. Дождь шел ливнем и пробил мою крышу. На столе моем был настоящий потоп; пришлось убирать бумаги и книги, и ночь я провел в большой сырости. Сегодня в продолжение дня перебивало в моей хижине более 40 человек из разных деревень, что мне порядком надоело; умей я говорить – дело было бы иное; но изучение языка идет вперед все еще туго.

17 октября. У Боя, только что оправившегося от лихорадки, явилась новая болезнь – сильная опухоль лимфатических желез в паху, отчего он движется еще медленнее прежнего. Ульсон тоже плох. Еле-еле шевелит языком, словно умирающий, валяется весь день, ночью вздыхает и охает; вечером же при заходе солнца выползает и прохладается с непокрытой головой, разумеется, украдкой от меня, так как я ему запретил выходить куда-либо без шляпы, особенно при свежем береговом ветре.

Последнюю неделю мне часто приходилось стряпать на нас троих.

Я привязан к этим двум субъектам и не могу никуда уйти из дома на несколько дней. Туземцы их нисколько не слушаются, между тем как я взглядом заставляю моих соседей останавливаться и повиноваться мне. Замечательно, как они не любят, когда я на них смотрю, а если нахмурюсь и посмотрю пристально – бегут.

18 октября. Начали разводить огород, сделали гряды. Работа была нелегкая, так как слой земли очень незначителен и, покопав немного, натыкаешься на коралл. Кроме того, множество корней так перепутаны, что приходится работать топором столько же, сколько и лопатой. Посеяли бобы, семена тыквы из Таити и кукурузу; не знаю, что взойдет еще, так как семена, кажется, плохи (т. е. лежали слишком долго).

Был несколько часов в лесу, дивясь громадному разнообразию растительных форм, сожалел на каждом шагу, что смыслю так мало в ботанике.

19 октября. Погода меняется. Кажется, что скоро начнутся дожди, а моя крыша протекает. Чувствуются последствия лихорадки: усталость во всем теле и нежелание чем-либо заняться.

К ночи собралась гроза. Беспреданно сверкала яркая молния, но грома почти что не было слышно.

20 октября. Сегодня визит 13 человек из Ямбомбы, островка близ Били-Били, которые,

должно быть, много слышали обо мне от <обитателей последнего>.[28] Из моих подарков они оценили всего более гвозди.

Наблюдал долго, как сын Туя, мальчик лет 15, стрелял из лука в рыбу, но очень unsuccessfully, не попал ни в одну. Стрелы исчезали на секунду в воде, а затем выплывали на поверхность, стоя в воде перпендикулярно. Затем они снова были собраны охотником. Стрелы эти отличаются от обыкновенных тем, что имеют вместо одного острия несколько: четыре, пять, иногда и более; острие сделано из твердого дерева и всажено в длинный тонкий тростник.

Мужской дом и хижина на Берегу Маклая

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Я решил увеличить мое помещение – заменить высокое крыльцо верандою, т. е. переставить трап и закрыть полустеною из кокосовых листьев переднюю часть веранды.

Вздумано – сделано. Отправился в лес с Боем. У каждого из нас было по топору. Мы нарубили разного матерьяла для постройки, и к обеду, т. е. к 4 часам, веранда была готова. Она имеет 4 фута ширины и 7 длины. Из высокого ящика, поставленного на другой, устроил я род стола. Это будет мое обычное место для работы днем, так как здесь светло и можно будет говорить с туземцами, не двигаясь с места. Кроме того, отсюда прелестный вид на море.

22 октября. Расскажу сегодня, как проводил до сих пор большинство дней.

Вставал я ранее моих слуг, еще в полутемноте, часов в пять; отправлялся кругом дома посмотреть, не случилось ли чего нового за ночь, затем спускался к ручью мыться, причем очень часто забывал взять с собою мыло. Придешь вниз, вспомнишь, что мыло забыл, ну и лень подняться за ним в хижину, особенно когда я нашел прекраснейший суррогат мыла в мелком песке на дне ручья. Захватишь немного этого песку, потрешь им руки, которые делаются немного красными, но зато совершенно чистыми, затем, крепко зажмурясь, вытрешь им лицо. Одно неудобство: много песку остается в бороде. Возвращаясь к дому около трех четвертей шестого; уже светло. Бой разводит огонь и греет воду для чая. Я отправляюсь на веранду и жду там чай, который мне подают с сухарями или печеными бананами, очень приятными на вкус. Около 7 часов записываю температуру воздуха, воды в ручье и в море, высоту прилива, высоту барометра, направление и силу ветра, количество испарившейся воды в эвапориметре, вынимаю из земли зарытый на один метр глубины термометр и записываю его показание.

Окончив метеорологические наблюдения, отправляюсь или на коралловый риф за морскими животными, или в лес за насекомыми. С добычею сажусь за микроскоп или кладу в спирт собранных насекомых, или же принимаюсь за какую-нибудь другую работу до 11. В 11 завтракаю. Завтрак состоит из отваренного рису с кёри^{10}. После завтрака ложусь в повешенный на веранде гамак и качаюсь в нем до часа, причем часто засыпаю. В час те же метеорологические наблюдения, как в 9 часов.[29] Затем опять принимаюсь за какую-нибудь работу, как, например, приведение в порядок наблюдений, записанных в карманной книжке, реже за чтение. Приход папуасов часто прерывает мои занятия, так как я спешу к ним, не желая опустить случая прибавить несколько слов к моему папуасскому словарю.

После пяти отправляюсь погулять в лес до обеда, который подает мне Бой около 6 часов и который состоит из тарелки отваренных чилийских бобов с небольшим куском «чарки»[30] и одной или двух чашек чаю. Тарелка рису утром, тарелка бобов вечером, несколько чашек чаю в день – вот моя ежедневная пища. Привезенные мною несколько банок мясных и рыбных консервов я вполне предоставил моим слугам. Самый вид их мне противен. Время после

обеда я посвящаю на разные домашние работы, как то: чистку ружей, уборку своей кельи, а затем, сменив мой костюм, сделанный из бумажной материи, на фланелевый, когда темнеет, сажусь на пень у берега, слежу за приливом и отливом, рассматриваю далекий горизонт, облака и т. д. Иногда ложусь снова в гамак и прислушиваюсь к раздающемуся кругом меня в лесу крику птиц и трескотне десятков разноголосых цикад. В 8 часов иду в комнату и, зажегши свою небольшую лампочку (более похожую на ночник, чем на лампу), записываю происшествия дня в дневник. В 8–9 часов опять метеорологические наблюдения и, наконец, предпоследний акт дня – очищаю кокосовый орех и выпиваю его прохладительную воду. Вернувшись в комнату, осматриваю заряженные ружья и ложусь на жесткую постель, состоящую из двух корзин, покрытых одеялом вместо тюфяка и простынь. Засыпаю обыкновенно очень скоро.

Визиты туземцев и заболевание Ульсона и Боя нарушают немного ход этой с виду однообразной, но в действительности для меня очень интересной жизни.

23 октября. Приходил Туй с двумя другими туземцами. Все были вооружены копьями, луками со стрелами, и у каждого было по топору на плече. Я выразил желание, чтобы гости показали мне употребление лука и стрел, что они сейчас же и исполнили. Стрела пролетела около 65 шагов, но при этом было заметно, что даже легкий ветер имеет большое влияние на полет ее. На таком расстоянии она навряд ли могла бы причинить серьезную рану; шагов на 20 или на 30 – иное дело, и Туй, может быть, прав, показывая, что стрела может пронзить руку насквозь.

Затем Туй показал целый маневр боя: держа лук и стрелы на левом плече, а копье в правой руке, [31] он отбежал шагов 10, кидаясь в разные стороны, сопровождая каждое движение коротким, резким криком. Он то натягивал тетиву лука и пускал стрелу, то наступал и копьем как будто старался ранить неприятеля, то прятался за деревьями, иногда нагибался или быстро отпрыгивал в сторону, избегая воображаемую стрелу. Другой туземец, соблазненный примером, присоединился к нему и стал представлять противника; этот турнир был интересен и довольно характеристичен.

24 октября. Сегодня утром я был удивлен внезапным появлением грибов различных форм, которых я прежде не видел. Они выросли решительно повсюду: на стволах деревьев, на земле, на камнях и даже на перилах моей веранды. Вчера вечером их положительно не было. Очевидно, они выросли за ночь. Чему приписать это появление – не знаю. Думая об этом, мне пришло на ум внезапное и трудно объяснимое появление разных эпидемических болезней, которые также, вероятно, происходят от внезапного развития микроскопических грибков и т. п. организмов. Один из более курьезных грибов, выросший в продолжение нескольких часов и удививший меня своею величиною и формою, я тщательно нарисовал.

Сегодня я обратил внимание еще на то обстоятельство, что в этих странах носовой платок делается почти ненужною вещью. В продолжение месяца у меня в кармане пролежало почти без употребления только два платка. Причина тому – отсутствие или большая редкость катара носовой полости, который в Северной Европе почти что постоянен.

Лунная ночь сегодня великолепна. В лесу фантастически хорошо. Качаясь в своем гамаке, подвешенном между деревьями, прислушиваясь к ночной музыке и созерцая разнообразие растительных форм, облитых лунным светом... verlor mich ganz in der Contemplation der prachtvollen geheimnissvoll fantastischen Umgebung... [32] Да простят мне русские патриоты и реалисты эти строки!

25 октября. Лежание в гамаке вечером не прошло мне даром. Ночью чувствовал озноб и проснулся весь в испарине и каким-то расслабленным. Все утро одолевала такая лень, что почти ничего не делал. Лень было даже и читать, так как держать книгу, лежа в гамаке, показалось мне слишком утомительным. После обеда рисовал, но вскоре стемнело, не успел

кончить. Снова идет дождь; приходится переносить вещи с одного места на другое. Бой все еще лежит, Ульсон еле-еле двигается.

Удобный у меня характер: живу и смотрю на все окружающее, точно до меня не касается. Иногда, правда, приходится выходить из этого созерцательного состояния, как, например, в настоящую минуту, когда крыша протекает, на голову падают крупные капли холодного дождя и когда все бумаги, рисунки и книги на столе, перед которым я сижу, могут вымокнуть.

26 октября. Я и Ульсон работали целый день в лесу, а затем в хижине, стараясь поправить крышу. Бой, все еще страдающий от своей опухоли, охает или, вернее, мычит, как теленок. Этот концерт мне был так невыносим, что выгнал меня из дома. Дав больному небольшой прием морфия, я вышел на площадку. Ночь была великолепная, и долетавшие стоны больного представляли резкий диссонанс с невыразимую прелестью природы.

27 октября. Стон Боя продолжался всю ночь, часто будил меня, и благодаря ему я проснулся, когда уже было совсем светло и когда Ульсон принес мой завтрак на веранду, сказав при этом, что Туй уже давно сидит в кухне. Выпив чай, я отправился в кухню (в шалаш) и действительно увидел там папуаса, но совершенно мне незнакомого. Я принялся рассматривать его, но все-таки не мог припомнить, где и когда я его видел. Я предположил, что незнакомец пришел вместе с Туем, а последний уже ушел. Каково же было мое удивление, когда Ульсон спросил меня, неужели я не узнаю Туя.

Я снова взглянул на туземца, который, улыбаясь, показывал на осколки стекла и на свою верхнюю губу. Тут я заметил, что он выбрил усы и часть бороды. Это так изменило лицо моего старого знакомого, что я его сперва вовсе не узнал. Губы и подбородок были отлично выбриты, он так искусно совершил эту операцию, что нигде не было ни царапины. Открытие, что стеклом удобно бриться (на островах Полинезии этот способ очень в ходу), до которого Туй дошел совершенно самостоятельно, сильно возвысит ценность разбитых бутылок, в чем я сейчас же убедился, видя, с каким выражением удовольствия Туй получил в подарок от Ульсона несколько осколков стекла.

Сходство разбитого стекла с отбитыми осколками кремня или кусочками разбитых раковин – инструменты в употреблении у папуасов для резания – легко объясняет открытие Туя, но вместе с тем доказывает наблюдательность и желание туземцев знакомиться опытом с новыми для них предметами. Взойдя на мою веранду, я сделал неприятное открытие: крыша, над которой я трудился часов пять, снова протекает, чего я никак не мог ожидать, накладывая сплетенные кокосовые листья очень часто. Обдумывая причину течи, я пришел к заключению, что виною тому не материалы и не кладка листьев, а слишком малая покатость крыши. Таким образом, объясняется высота крыш хижин на островах Тихого океана. Эта-то высота и крутизна главным образом и делают крыши непромокаемыми.

Чувствуя себя плохо, я принял хины (прием в 1/2 грамма) и хорошо сделал, потому что к часу я чувствовал лихорадку во всех членах и благодаря приему хины предупредил пароксизм.

Ульсон тоже плох; ходит и говорит, как больной. Бой не встает; опять лазарет. Бываю в доме только по вечерам и ночью. Целый день на площадке около дома и нередко на веранде. Приходится зажигать лампу в половине седьмого. Не проходит вечера или ночи без отдаленного грома и очень яркой молнии. Сегодня опять гроза, опять течет на стол, на книги... Везде мокро.

28 октября. Приходил опять Туй, опять я его вначале не узнал, так изменилось выражение его лица. Его физиономия, казалось мне, отличалась от других своею симпатичностью; теперь она производит на меня неприятное впечатление. Причина тому – выражение рта. Линия рта вообще имеет значительное влияние на выражение лица, но такого разительного

доказательства верности этого замечания я еще не встречал. Усы и борода действительно хорошая маска.

Опять часу во втором вдали показались парусные пироги. Думал, что придут гости, но никто не явился.

Бой стонет ужаснейшим, раздирающим голосом; дал ему небольшой прием морфия, который его скоро успокоил. В 8 часов пошел дождь. В 9 часов, кончив мои метеорологические наблюдения, я уже хотел лечь спать. Вдруг опять слышу стоны. Что такое? У Ульсона опять пароксизм. Очень сожалею, что поселился под одной крышею с другими, это будет в последний раз.

29 октября. Несмотря на стоны Ульсона, я заснул, но не успел проспать и получаса, как снова был разбужен странным воем, который, казалось, то приближался, то опять удалялся. Спросонья я не мог дать себе отчета, что это может быть. Вышел на веранду. Дождь перестал, и было не слишком темно. Я оделся, вышел, сошел к ручью, и мне пришла фантазия пойти по тропинке в Горенду и послушать вблизи пение папуасов, так как вышеупомянутый вой не мог быть не чем иным, как пением туземцев. Надо было сказать Ульсону, что я ухожу; ему моя фантазия очень не понравилась. Он уверял меня, что если папуасы вдруг придут, то непременно убьют его и Боя, так как оба они больны и защищаться не могут. В утешение я поставил мое двуствольное ружье около его койки и уверил, что при первом выстреле вернусь немедленно в Гарагаси. Дождь хотя и прошел, но было пасмурно; однако благодаря взошедшей, хотя и скрытой облаками, луне я мог пробираться осторожно по тропинке. Пение слышалось все громче, по мере того как я приближался к Горенду. Очень утомившись от этой прогулки в полутемноте, я сел на пень и стал вслушиваться. Пение, или вой, несшийся мне навстречу, был очень прост, и напев постоянно повторялся. Кроме того, этот примитивный мотив еще подымался и опускался неправильными волнами, то неожиданно совсем обрывался, чтобы начаться через полминуты. От времени до времени слышались удары барума.

Иногда тот же напев, начинаясь медленно, тихо, протяжно, постепенно рос, делался все громче и громче, такт все учащался; наконец пение переходило в какой-то почти что нечеловеческий крик, который, внезапно обрываясь, замирал.

Сидя на пне, я раза два чуть было не свалился. Мне казалось, что я вижу какой-то страшный сон. Очнувшись во второй раз и чувствуя большое желание спать, я переменял намерение: вместо того, чтобы идти вперед, я пошел назад и не помню как добрался до моей хижины, где тотчас же лег, даже не раздеваясь. Несколько раз еще в просонках слышал урывки папуасского концерта.

30 октября. Сегодня утром шел в первый раз в это время дня дождь. Не наступает ли дождливое время года? Когда дождь перестал, сидя на пне у моего флагштока, я был свидетелем оригинальной ловли рыбы. Был отлив; мелкая рыба, должно быть преследуемая акулами, которых здесь не мало, металась во все стороны, выпрыгивая иногда из воды. Из-за деревьев у берега вышел Туй и следил за эволюциями рыб. Вдруг рыбы, вероятно жестоко преследуемые неприятелем, кинулись к берегу. В несколько прыжков Туй очутился около них. Вода там была немного ниже колен и дно, разумеется, хорошо видно. Вдруг Туй сделал энергический прыжок, и одна из рыбок оказалась пойманною. Туй ловил их ногою. Он сперва придавил ее ступнею, потом поднял, ухватив между большим и вторым пальцем ноги. Согнув колено, он протянул руку и, высвободив добычу, положил рыбку в мешок. После этого, быстро нагнувшись и схватив камень, Туй бросил его в воду со значительною силою; потом, подойдя к тому месту, куда был брошен камень, он, стоя на одной ноге, поднял другую убитую камнем рыбку. Все было сделано не только очень искусно, но даже и весьма грациозно. Туй, однако же, человек далеко не молодой; мне он кажется лет около 45 или более. Увидев меня на моем мыске, он пришел в Гарагаси. Я бросил на землю четвертушку

бумаги и сказал, чтобы он поднял ее ногой. Я хотел знать, может ли он так плотно прижать большой палец ко второму, чтобы удержать бумагу. Бумага была мигом поднята и, перейдя у него за спиной в руку, была передана мне. Он то же сделал с небольшим камнем, который поднял с земли, не останавливаясь ни секунды.

Каждый день вижу новых бабочек, но мало приходится ловить их – не искусен я, и притом с двух сторон море, а с других двух – лес, свободного места вокруг дома немного. Сегодня видел особенно много больших и красивых бабочек, но словил только одну. Не могу сказать, что совершенно здоров; голова очень тяжела, спина болит и ноги слабы. Ночью Бою было значительно лучше, так как я ему насильно прорезал большой нарыв – это было необходимо. Я приказал Ульсону держать его, и мигом было все сделано. Ночью, проснувшись около 11 часов, слышу опять стоны; у Ульсона – пароксизм. Ходит, качаясь, со стеклянными глазами и осунувшимся лицом.

Состояние Боя начинает меня беспокоить; лихорадка, по-видимому, прошла, но все-таки температура тела гораздо выше нормальной; кашель, который, по его словам, беспокоит его уже несколько лет, кажется, стал сильнее за последние недели вследствие опухоли, которая кончилась нарывом.

Вот уже недели две как он лежит и почти что не ест; это происходит отчасти вследствие поверья, что больному следует очень мало есть.

31 октября. Приходило несколько жителей Бонгу со своими гостями из ближайших гор, которые отличаются от береговых папуасов более небрежною прическою и, как мне показалось, немного более светлым цветом кожи.

1 ноября. Видел снова нескольких туземцев, живущих в горах. Они носят меньше украшений, чем береговые папуасы.

Вдали показались две парусные пироги, идущие от деревни Богати, направляясь, кажется, сюда.

У папуасов нет обычая здороваться или прощаться между близкими соседями; они делают это только в экстренных случаях. Туй, бывающий в Гарагаси чаще других туземцев, приходит и уходит, не говоря ни слова и не делая никакого жеста.

Я не ошибся: две партии туземцев, человек около 20, приходили ко мне. Так как я желал от них отделаться поскорее, то промолчал почти все время, не переставая наблюдать за моими гостями, расположившимися вокруг моего кресла.

Я не открыл пока у папуасов какой-нибудь любимой позы, они часто меняют свое положение: то сидят на корточках, то, опускаясь на колени, сидят на своих икрах, то, почти не изменяя этого положения, раздвигают ноги так, что их ступни приходятся по обеим сторонам ягодич; иногда они ложатся, подпирая подбородок рукою, и продолжают, переменяя положение, говорить или есть. Ульсон принес свою гармошку и стал играть; при первых звуках папуасы вскочили все разом и отодвинулись назад. Через несколько времени некоторые из них стали нерешительно подходить. В общем музыка, раздиравшая мне уши (Ульсон играл какую-то матросскую песню), очень понравилась гостям; они выражали свое изумление и одобрение легким свистом и покачиванием из стороны в сторону. Чтобы отделаться от гостей, я роздал каждому по полоске красной материи, которою они повязали себе головы. Вообще молодые люди здесь очень падки до всевозможных украшений. Для полного туалета папуасского денди требуется, вероятно, немало времени.

Олум, около 20 лет, из деревни Гумбу

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. Ноябрь 1871 г.

2 ноября. Ночью решил, что отправлюсь один в шлюпке посмотреть на конфигурацию ближайших холмов. Встав еще до света и выпив холодного чая, так как завтрака ждать мне не хотелось, я отправился на шлюпке сперва к мыску Габина (мыс Обсервации), а затем вдоль берега по направлению к деревне Мале. За береговым лесом поднималось несколько холмов футов в 300 вышины, склоны которых были не везде лесисты и покрыты высокою травой. В нескольких местах в горах, подымавшихся над холмами, вились дымки костров. Вероятно, там расположены деревни.

В это же утро я занялся ловлею морских животных на поверхности, и скоро моя банка наполнилась несколькими небольшими медузами, сифонофорами и множеством ракообразных. Во всяком случае, сегодняшняя экскурсия показала мне богатство здешней морской фауны.

Немало утомившись, голодный, вернулся в Гарагаси к завтраку, после которого провел несколько часов за микроскопом, рассматривая более внимательно мою добычу.

После дневных трудов я лежал вечером спокойно в гамаке на веранде. Хотя не было поздно (всего 6 час. 45 мин.), но было уже очень темно. Черные облака приближающейся грозы надвигались все более и более. Я спокойно любовался молнией, внезапно озарявшей облака, как вдруг почувствовал, что мой гамак закачался, затем последовал другой толчок, но на этот раз покачнулся и заходил не только гамак, но вместе с ним и крыша, и стены, и столбы моего дома. Прибежавший из кухни Ульсон стал меня настойчиво спрашивать, будет ли еще землетрясение и будет ли оно сильнее или нет.

Часа через 2 я сидел в хижине и только что принялся отсчитывать деления анероида, как снова почувствовал, что земля заколебалась, но сильнее первого раза и продолжительнее. Записав случившееся в метеорологический журнал, я лег спать, прося Ульсона разбудить меня, если почувствует ночью что-нибудь подобное. Я боялся проспять землетрясение, как это уже случилось со мною в Мессине в 1869 г., когда я проспал отлично всю ночь и узнал только на другое утро, что большинство жителей не могло сомкнуть глаз во всю ночь. Действительно, ночью я был разбужен, когда подо мною койка и пол снова зашатались. Все уже успокоилось, когда я услышал голос Ульсона, звавшего меня. Сбиравшаяся всю ночь гроза совсем рассеялась, к утру и при восходе солнца небо было почти совсем безоблачно.

3 ноября. Надо было мне вырубить в лесу несколько шестов, и я только что вернулся домой, как Ульсон пришел с известием, что земля все еще не успокоилась. «Как так?» – спросил я. Ульсон очень удивился, что я ничего не заметил, уверяя, что много раз он чувствовал незначительные толчки.

«Это колебание не земли, а ваших колен, – сказал я Ульсону, – так как часа через полтора у вас будет опять пароксизм лихорадки». Ответом моим Ульсон остался очень недоволен, заявляя, что он не ошибается. Оказалось действительно, что он был прав, так как в продолжение следующего часа я и сам почувствовал два или три незначительных, хотя и явственных колебания.

Необходимо было укоротить канат якоря моей шлюпки, так как при бывшем ночью сильном прибое ее подрейфовало и киль ее терся о рифы. Пришлось бродить по пояс в воде, так как Ульсон действительно принужден был лечь по случаю лихорадки. Барометр, который весь месяц не подымался выше 410 д<амп>елений</амп>, оба эти дня стоял очень высоко и поднялся сегодня до 464.

После обеда пришел Туй. Он выбрил себе еще часть бороды и брови. Я долго и внимательно рассматривал его волосную систему. Тело мало покрыто волосами; на руках их вовсе не заметно, на груди и спине также немного, но положительно нигде нет и признака

распределения волос пучками.

4 ноября. Вот скоро 6 недель, как я познакомился с папуасами, а они не видали еще у меня никакого оружия. Дома оно у меня, разумеется, есть, но даже уходя в лес, я редко беру с собою револьвер; отправляясь же в туземные деревни, не беру его положительно никогда. Эта обезоруженность кажется туземцам весьма странною. Они уже не раз старались разузнать, не имею ли я в доме копья, лука или стрелы. Предлагали даже взять у них, но я отвечал на это только смехом и с очень презрительным жестом отодвинул от себя их оружие, показав, что я в нем не нуждаюсь. Их было человек 20 и все вооружены. Мой поступок их очень озадачил; они поглядели на свое оружие, на дом, на меня и долго толковали между собою. Я их оставляю в неведении, пока это возможно.

5 ноября. Комары и муравьи не давали мне покоя. Спал скверно. Около двух часов утра опять дом заходил и закачался.

Ассел из деревни Горенду

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Землетрясение длилось не более полуминуты, но оно было сильнее, чем два дня тому назад. Под влиянием этих колебаний земли является какое-то любопытство; спрашиваешь себя: «Что дальше будет?» Долго не мог заснуть, ожидая продолжения. Барометр поднимается выше и выше. Ночью во время землетрясения поднялся до 515 – не знаю, чему приписать это. Утром был дождь, но затем прояснилось.

6 ноября. Ночью была сильнейшая гроза; трудно, не быв на месте, представить себе те раскаты грома и почти непрерывную молнию, которые в продолжение трех или четырех часов оглушали и ослепляли нас. Дождь падал не каплями, а лил тонкими струйками. После такой ночи утро было свежее, воздух прозрачный. День простоял великолепный, и я без особенных поисков наловил порядочно насекомых, которые после дождя повыползли просушиться. Удалось мне также поймать длиннохвостую ящерицу с предлиннейшими задними ногами.

7

ноября. Ульсона сегодня опять схватила лихорадка, сопровождаемая рвотою и бредом. Успел сделать портрет одного из пришедших туземцев. Трудно заниматься, когда оба слуги больны: приходится самому готовить кушанье, быть медиком и сиделкою, принимать непрошенных любопытных, подчас назойливых гостей, а главное – сознавать, что связан и должен сидеть дома...

В такие дни, даже и в том случае, когда чувствую себя крайне нехорошо, я принужден оставаться на ногах.

8 ноября. Снова разразилась гроза; в хижине было повсюду мокро и сыро. Вставал ночью давать лекарство больным, которые стонали и охали весь вечер и всю ночь. Около 12 часов почувствовал легкое землетрясение, не толчками, а род дрожания земли. Чувствовалось, что горы, весь лес, дом и рифы дрожат под влиянием могучей силы. Все еще сильная гроза с непрерывною молниею и сильными раскатами грома, потоки дождя и порывы ветра дополняли картину.

9 ноября. Утро было сырое и свежее (всего 22 °С). Тепло одетый, я пил чай на веранде, когда увидел перед собою Туя, который, также чувствуя свежесть утра и не имея подходящего температуры костюма, принес с собою примитивную, но довольно удобопереносимую печь –

именно толстое тлеющее полено. Подойдя ближе, он сел у веранды. Курьезно было смотреть, как он, желая согреться, переносил тлеющее полено от одной стороны тела к другой и то держал его у груди, то клал сперва у одного, а затем у другого бока, то помещал его между ногами, смотря по тому, какая часть тела казалась ему более озябшею. Скоро пришло еще несколько жителей Бонгу; среди них находился человек низкого роста с диким и робким выражением лица. Так как он не решался подойти ко мне, то я сам пошел к нему. Он хотел было бежать, но был остановлен другими. Посмотрев на меня, он долго смеялся, затем стал прыгать, стоя на месте. Очевидно, вид первого белого человека привел его в такое странное состояние. Люди из Бонгу постарались объяснить мне, что этот человек пришел из очень далекой деревни, лежащей в горах и называемой Марагум. Он явился с целью посмотреть на меня и на мой дом.

Все пришедшие имели на себе по случаю холодного утра свои «согреватели»; у некоторых вместо полена был аккуратно связанный пук тростника. Присев перед моим креслом, они сложили свои головни и тростник в виде костра и принялись греться около огня. Я уже не раз замечал, что туземцы носят с собою головни с целью иметь возможность во время перехода из одного места в другое зажигать свои сигары. Немного позже другая партия туземцев явилась из Гумбу, также со своими гостями из Марагум-Мана, которые заинтересовали меня как жители гор. Тип их положительно был одинаков с приморскими жителями, но цвет кожи был гораздо светлее, чем у моих соседей. Он не казался темнее цвета кожи многих жителей Самоа, что мне сразу бросилось в глаза. Особенно у одного из пришедших кожа на лице была гораздо светлее, чем на теле. Жители Марагум-Мана были приземисты, но хорошо сложены: ноги крепкие, с развитыми икрами. Я им сделал несколько подарков, и они ушли, весьма довольные, не переставая удивляться дому, креслу и моему платью.

У Ульсона опять лихорадка, скверная тем, что пароксизмы наступают совершенно неправильно. В 5 часов опять гроза, дождь, сырость, так что я принужден сидеть дома и кутаться. Дождливые дни для меня очень неприятны. Так как моя келья очень мала, то она служит мне и спальней, и складочным местом. Когда дождя нет, я провожу целые дни вне ее; разные углы площадки вокруг дома составляют собственно мой дом: здесь моя приемная с несколькими бревнами и пнями, на которых могут располагаться мои гости; там в тени, с далеким видом на море, мой кабинет с покойным креслом и со складным столом; было также специальное место, предназначенное мною для столовой. Вообще я был очень доволен моим помещением.

10 ноября. Нахожу, что туземцы здесь народ практичный, предпочитающий вещи полезные разным безделкам. Ножи, топоры, гвозди, бутылки и т. п. они ценят гораздо более, чем бусы, зеркала и тряпки, которые они хотя и берут с удовольствием, но никогда не выпрашивают их, в противоположность вещам, упомянутым раньше.

Недоверчивость моих соседей доходит до смешного. Они рассматривали мой нож с большим интересом. Я показал им два больших ножа, фута в полтора длиною, и, шутя и смеясь, объяснил им, что дам эти два больших ножа, если они оставят жить у меня в Гарагаси маленького папуасенка, который пришел с ними. Они переглянулись с встревоженным видом, быстро переговорили между собою и затем сказали что-то мальчику, после чего тот бегом бросился в лес. Туземцев было более десятка и все вооруженные. Они, кажется, очень боялись, что я захвачу ребенка. И это были люди, которые уже раз 20 или более посещали меня в Гарагаси.

Другой пример: приходят ко мне человека три или четыре, невооруженные. Я уже знаю наперед, что недалеко в кустах они оставили человека или двух с оружием, чтобы подоспеть к ним на помощь в случае нужды. Обыкновенно туземцы стараются скрыть, что они приходят вооруженными.

О женщинах и говорить нечего. Я не видал еще ни одной вблизи, а только издали, в то время,

когда они убегали от меня, как от дикого зверя. Самцы у папуасов очень берегут своих самок. Эта черта, встречающаяся у большинства диких рас, объясняется тем, что они не знают никаких удовольствий, кроме половых.

Это отношение к женщинам отличает их от полинезийцев, которые нередко предлагают самым бессовестным образом женщин всем желающим.

11 ноября. Сегодня опять пришла моя очередь болеть. Хотя пароксизм был утром, но он на весь день лишил меня возможности чем-либо заняться. Ульсона я снова поставил на ноги с помощью хины. Бой все еще болеет. Я ему регулярно даю хину и уговариваю, чтобы он ел, но он питается почти исключительно бананами и сахарным тростником. Тайком от меня, как я узнал от Ульсона, он выпивает большое количество воды, хотя я ему каждый день повторяю, чтобы он не пил ничего другого, кроме горячего или холодного чая.

По вечерам Ульсон надоедает мне постоянными рассказами о своей прошлой жизни. У некоторых людей положительная потребность говорить! Без болтовни им жить невозможно. А для меня именно с такими людьми и трудно жить. Сегодня поутру мне удалось сделать довольно удачный портрет Туя.

12 ноября. По ночам гораздо шумнее, чем днем. С полудня до трех или четырех часов, исключая кузнечиков и весьма немногих птиц, никого не слышно; с заходом же солнца начинается самый разноголосый концерт: кричат лягушки, цикады, ночные птицы, к ним примешиваются также голоса разных животных, которых мне еще не удавалось видеть. Почти каждый вечер аккомпанементом к этому концерту являются раскаты грома, который днем раздается редко. Ночью и прибой на рифах слышится яснее; ко всему этому присоединяется еще назойливый писк комаров, а подчас издали долетает завывание папуасов, заменяющее у них песни. Несмотря на всю эту музыку, мне вообще спится хорошо.

Сегодня целый день чувствую утомление во всем теле после вчерашнего пароксизма.

13 ноября. У здешних туземцев существует только одно обозначение для выражения понятий «писать» и «рисовать», что очень понятно, так как до изобретения письмен они еще не дожили. Когда я записываю что-нибудь, они говорят: «Маклай негрэнгва». Если я рисовал кого-нибудь из них, они также говорили: «Негрэнгва». Показываю им печатную бумагу – снова «негрэнгва». Объясняя друг другу пользу маленького гвоздя при черчении узора на бамбуковом футляре для извести, они опять употребляли слово «негрэнгва».

Опять приходили ко мне жители Бонгу со своими гостями из гор (горцами). Я старался узнать, как они добывают огонь, но не мог добиться, не зная еще достаточно языка.

Туземцы очень приставали, чтобы я пожевал с ними бетель, на что я, однако же, не согласился, вспомнив, что раз попробовал, но обжег себе язык негашеною известью, которой я примешал слишком много.

15 ноября. Во время прилива (около 4 часов) я и Ульсон принялись за нелегкую работу: втащить на берег четверку, чтобы просушить ее и выкрасить. Шлюпка оказалась очень тяжелой для двух человек, но несмотря на это, мы ее одолели, причем нам очень помогли железный лом и система блоков, полученные мною от П. П. Новосильского. После более чем часовой работы мы наконец втащили шлюпку на берег до такого места, куда вода никогда не доходит даже при самом <высоком>[33] приливе. Устали порядком.

Папуасские орнаментированные бамбуковые мундштуки для сигар

16 ноября. После утреннего чая опять принялись за работу: надо было установить шлюпку

для очистки и окраски. Тяжелая работа эта продолжалась, однако, не более часа. Пришлось напрячь все усилия, чтобы достигнуть удовлетворительного результата. В другом месте, где можно было бы легко найти помощь, мы оба объявили бы нашу вчерашнюю и сегодняшнюю работу невозможной и прибегли бы к чужой помощи. Здесь же, где не на кого надеяться, сам принимаешься за все и пробуешь таким образом свои силы. Это полное напряжение способностей и сил во всех отношениях возможно при нашей цивилизации только в исключительном положении и то редко, и чем далее, тем реже оно будет встречаться. Усовершенствования при нашей цивилизации клонятся все более и более к развитию только некоторых наших способностей, к развитию одностороннему, к односторонней дифференцировке. Я этим не возвожу на пьедестал дикого человека, для которого развитие мускулатуры необходимо; не проповедую возврата на первые ступени человеческого развития, но вместе с тем я убедился опытом, что для каждого человека его физическое развитие во всех отношениях должно было бы идти более параллельно, а не совершенно отстраняться преобладанием развития умственного.

17 ноября. Нового ничего нет. Все по-старому. Утром я зоолог-естествоиспытатель, затем, если люди больны, повар, врач, аптекарь, маляр, портной и даже прачка, etc., etc., etc. Одним словом, на все руки, и всем рукам дела много. Хотя очень терпеливо учусь туземному языку, но все еще понимаю очень мало; более догадываюсь, что туземцы хотят сказать, а говорю еще меньше.

Папуасы соседних деревень начинают, кажется, меньше чуждаться меня... Дело идет на лад; моя политика терпения и ненавязчивости оказалась совсем верною: не я к ним хожу, а они ко мне; не я их прошу о чем-нибудь, а они меня и даже начинают ухаживать за мною. Они делаются все более и более ручными: приходят, сидят долго, а не стараются, как прежде, выпросить что-нибудь и затем улизнуть поскорее со своею добычей.

Однако досадно, что я еще так мало знаю их язык. Знание языка, я убежден, единственное средство для удаления этого недоверия, которое все еще держится, а также единственный путь к ознакомлению с туземными обычаями, по всей вероятности, очень интересными. Учиться языку мне удобнее дома, чем посещая деревни, где туземцы при моих посещениях бывают обыкновенно так возбуждены и беспокойны, что трудно заставить их усидеть на месте. В Гарагаси малейшие признаки нахальства у них пропадают; они терпеливо отвечают на вопросы, дозволяют рассматривать, мерить и рисовать себя. К тому же в Гарагаси у меня все под рукою: и инструменты для антропологических измерений, и аппараты для рисования.

Не лишним является также и большой выбор подарков для вознаграждения их терпения или для обмена на какие-нибудь безделки, украшения или вообще различные мелочи, которые папуасы носят с собою всюду под мышкою в особых мешках. Я не упускаю случая при посещении горных жителей измерять их головы, делать разные антропологические наблюдения и, между прочим, собирать образчики для моей коллекции волос. Как известно, изучение качества волос представителей разных рас имеет большое значение в антропологии, почему я никогда не пренебрегаю случаями пополнять мою коллекцию новыми образчиками.

Здесь это собирание представляло сперва некоторую трудность. Уморительно было смотреть, с каким страхом отскочил Туй при виде ножниц, которые я поднес к его волосам. Он готов был бежать и не подходил ко мне все время, пока я держал ножницы. Отказаться от собирания волос в этой местности я не мог, но как победить нежелание Туя, который между всеми моими новыми знакомыми становился самым ручным? Если уж он не соглашается на это, то что же будут делать другие, более дикие? Я подумал, не примет ли он в обмен на свои волосы несколько моих, и, отрезав пучок своих волос, предложил ему взять их, конечно, на обмен. Это удалось, я выбрал несколько локонов, отрезал их и отдал ему свои.

Пока я завертывал образчик волос в бумагу и надписывал пол, приблизительно лета и место

головы, откуда были срезаны, Туй также завернул тщательно мои волосы в лист, который он сорвал недалеко. Таким образом, т. е. способом обмена на собственные волосы, моя коллекция волос туземцев значительно увеличилась{11}. Но в один прекрасный день Ульсон заметил мне, что я выстриг себе всю левую сторону головы. Это произошло оттого, что держа ножницы в правой руке, мне было легче срезать волосы на левой стороне головы. Тогда я стал резать с другой стороны.

Раз, гуляя по лесу, я забрел так далеко, что чуть-чуть не заблудился; но, к счастью, наконец, набрел на тропу, которая привела меня к морю, где я сейчас же мог ориентироваться. Это случилось около деревни Мале, куда я, однако ж, не пошел, а направился в Бонгу, по дороге домой. Но дойти до Бонгу мне не удалось; было уже почти темно, когда я добрался до Горенду, где я решил переночевать, к великому удивлению туземцев. Придя в деревню на площадку, я прямо направился в большую буамрамру{12} Туя, желая как можно менее стеснять туземцев и зная очень хорошо, что мое посещение встревожит всех жителей деревни. Действительно, слышались возгласы женщин и плач детей.

Пришедшему Тую я объяснил, что хочу спать у него. Он что-то отвечал мне много, кажется, хотел проводить меня при свете факела в Гарагаси, говорил что-то о женщинах и детях. Я почти что не понял его и, чтоб отделаться, лег на барлу – род длинных нар с большими бамбуками вместо подушек – и, закрыв глаза, повторял: «Няварь, няварь» (спать, спать). У меня часов не было, и хотя было не поздно, но, утомленный моей многочасовой прогулкой, я вскоре задремал и затем заснул. Проснулся я, вероятно, от холода, так как я спал ничем не покрытый, а ночной ветер продувал насквозь ввиду отсутствия у этих хижин стен спереди и сзади.

Не ев ничего с 11 часов утра, я чувствовал также большой аппетит. Я был один в буамрамре, где царил полумрак. Встав, я направился на площадку, к костру, вокруг которого сидело несколько человек туземцев. Между ними был и Туй. Я обратился к нему, указывая на рот и повторяя слово «уяр» (есть), которое он сейчас же понял и принес мне небольшой табир (овальное неглубокое блюдо) с холодным таро{13} и вареными бананами. Несмотря на недостаток соли, я съел несколько кусков таро с удовольствием; бананы я также попробовал, но они показались мне очень безвкусными. Я чувствовал себя настолько освеженным получасовую дремотою и затем подкрепленным пищею, что предложил двум молодым туземцам проводить меня с факелами до Гарагаси.

В ночной темноте попасть домой без огня было совершенно невозможно. Туземцы поняли мое желание и были, кажется, даже довольны, что я не остаюсь ночевать. Мигом добыли они несколько факелов из сухих пальмовых листьев, которые связываются для этой цели особенным образом, взяли каждый по копью, и мы отправились. Лес, освещенный ярким светом горящих сухих листьев, представлялся еще красивее и фантастичнее, чем днем. Я любовался также моими спутниками, их быстрыми и ловкими движениями; они держали факел над головой, а копьем отстраняли нависшие ветви лиан, местами преграждавшие нам путь. Один из туземцев шел за мной; оглянувшись на него, я невольно подумал, как бы легко ему было сзади проткнуть меня копьем. Я был невооружен, по обыкновению, и туземцам это обстоятельство было хорошо известно. Я дошел, однако ж, цел и невредим до Гарагаси, где и был встречен крайне встревоженным Ульсоном, почти уже потерявшим надежду видеть меня в живых.

22 ноября. На днях я убил голубя <Carpofaga>[34] у самой хижины, и так как подобного экземпляра я еще никогда не видел, то и отпрепарировал аккуратно скелет и повесил его сушиться на дерево довольно высоко. Не прошло и двух часов, как мой скелет среди белого дня пропал с дерева в трех шагах от дома. Сидя на веранде и чем-то занимаясь, я видел мельком быстро скрывающуюся в кустах собаку, но не думал, что она уносит скелет, над которым я работал около часа. Сегодня утром удалось убить другого голубя, но он упал в море. Не чувствуя охоты купаться и не желая тревожить Ульсона, который занимался

приготовлением чая, я стал ждать, чтобы наступающий прилив прибил мою добычу к берегу. Сидя за чаем на веранде, я следил за медленным движением убитой птицы, которую волны подвигали к берегу. Однако это продолжалось недолго: мелькнул один плавник, затем другой, и тело птицы вдруг скрылось в воде, оставив после себя только несколько водяных кругов. В некотором расстоянии появилось на секунду несколько плавников акул, которые, вероятно, сражались из-за добычи.

Вчера вечером Туй хотел выказать мне свое доверие и попросил позволения ночевать у меня. Я согласился. Уходя, он сказал, что придет позднее. Предполагая, что он не вернется, я уже лег на койку, когда услышал голос его, зовущий меня. Я вышел – действительно, это был Туй. Вид его при лунном свете был очень характеричен и даже эффектен: темное, но хорошо сложенное тело красиво рисовалось на еще более темном фоне зелени. Он одною рукою опирался на копье, в другой, опущенной, держал догорающее полено, которое освещало его с одной стороны красноватым отблеском. Плащ или накидка его из грубой тапы {14} опускалась с плеч до земли. Стоя таким образом, он спрашивал, где ему лечь. Я ему указал на веранду, где он может провести ночь, и дал ему циновку и одеяло, которыми он остался очень доволен. Туй улегся. Это было часов около десяти. В половине 12-го я встал, чтобы посмотреть на термометр. Луна еще ярко светила. Я взглянул на веранду, но Туя там не было, а на его месте лежали только свернутая циновка и одеяло. Видно, голые нары его хижины ему более по вкусу, чем моя веранда с циновкою и одеялом.

23 ноября. Пристрелил одну из птичек <Chlamydodera sp>,[35] которые так кричат на высоких деревьях около дома. Туземное имя ее «коко». Это имя – не что иное, как звукоподражание ее крику: «коко-ниу-кай»; при этом, когда она кричит, звук «коко» выделяется очень ясно.

Сегодня я сделал неожиданное, но весьма неприятное открытие: все собранные мною бабочки съедены муравьями; в коробке остались только кусочки крыльев некоторых из них.

У Ульсона лихорадка снова, мне опять пришлось колоть дрова, варить бобы и кипятить воду для чая. Вечер иногда провожу над приготовлением серег, которые режу для туземцев из жестяных ящичков из-под консервов. Я подражаю форме черепаховых серег, носимых туземцами. Первую пару сделал я ради шутки и подарил Туу, после чего множество туземцев перебивало у меня, прося сделать им такие же.

Серьги из жести положительно вошли в моду, и спрос на них растет.

24 ноября. Застрелил белого какаду, который упал с дерева в море. Я только что перед этим встал и собирался идти к ручью мыться, поэтому я тотчас же разделся и сошел в воду, чтобы достать птицу и выкупаться. Отливом она была отнесена от берега, но я направился к ней, несмотря на глубину, и был уже сажень в двух, как вдруг большая акула схватила птицу. Близость таких соседей не особенно приятна, когда купаешься.

У Ульсона снова лихорадка и даже более сильная, чем в прошлый раз. Глаза, губы и язык сильно опухли, и я снова принужден исполнять все домашние обязанности.

25 ноября. Несмотря на значительный прием хины (1–5 гран), у Ульсона опять пароксизм с бредом и с сильною опухолью не только лица, но и рук. Опять приходится рубить дрова, стряпать кушанье, уговаривать и удерживать Ульсона, который вдруг вскакивает, хочет купаться и т. д. Особенно надоедает мне эта стряпня. Если бы приходилось делать это каждый день, то я отправлялся бы в деревню и предоставлял туземцам варить таро и ямс за меня.

Дни проходят, а мое изучение туземного языка подвигается очень туго вперед. Самые употребительные слова остаются неизвестными, и я не могу придумать, как бы узнать их. Я даже не знаю, как по-папуасски такие слова: да, нет, дурно, хочу, холодно, отец, мать...

Просто смешно, а что я не могу добиться и узнать их – это остается фактом. Начнешь спрашивать, объяснять – не понимают или не хотят понять. Все, на что нельзя указать пальцем, остается мне неизвестным, если только не случайно узнаешь то или другое слово. Между другими словами, узанными от Туя, который пришел отдохнуть в Гарагаси, возвращаясь откуда-то, я узнал совершенно случайно название звезды – «нири». Оригинально то, что папуасы называют (но не всегда) солнце не просто «синг», а «синг-нири», луну – «каарам-нири», т. е. звезда-солнце, звезда-луна.

27 ноября. Ульсон объявил мне утром, что, вероятно, более не встанет; он едва мог приоткрывать глаза (веки так опухли) и шевелить языком, который, по его словам, был вдвое толще против обыкновенного. На его опасения смерти я возразил, что стыдно ему трусить и что, вероятно, он встанет завтра поутру, после чего я его заставил проглотить раствор около грамма хины <v>[36] подкисленной жидкости, которую он запил несколькими глотками крепкого чая. Дозу эту я снова повторил часа через четыре после первой; хотя он сильно ворчал, глотая невкусное лекарство, пароксизма сегодня не было, и к вечеру он встал, немного глухой, но с сильнейшим аппетитом. Зато у меня был ночью пароксизм, трясло очень сильно, зубы щелкали, и я не мог согреться. Когда явилась испарина, я заснул часа на два. Утром встал, еле-еле волоча ноги, но все-таки встал и даже отправился в лес, так как сухих дров в кухне почти не осталось. Когда я пробирался чрез чащу в одном месте на меня напали осы. Я бросился бежать, оставивши дрова и даже топор. Боль от укушения была очень сильная. Прибежав домой, я сейчас же помочил ужаленные места на руках, груди и лице нашатырным спиртом, отчего боль моментально исчезла.

Сегодня полнолуние, и двое молодых людей из Горенду, Асол и Вуанвум, сейчас (около 9 часов вечера) заходили сюда, раскрашенные красною и белую краскою, убранные зеленью и цветами, по дороге в Гумбу, где они проведут ночь. У туземцев, как я заметил, с полнолунием сопряжены особенные собрания; они делают друг другу визиты, т. е. жители одной деревни посещают жителей другой, ходят всегда более разукрашенными, и песни их долетают обыкновенно в такие ночи (т. е. во время полнолуния) в форме пронзительного и протяжного воя до Гарагаси.

Так случилось и в прошлую ночь. Я был разбужен Ульсоном, спрашивающим, слышал ли я крики и заряжены ли все у меня ружья? Я не успел ответить, как из леса по направлению к Горенду послышался громкий пронзительный крик, в котором, однако ж, можно было признать человеческий голос. Крик был очень странный и принадлежал, вероятно, многим голосам. Ульсон сказал мне, что последние пять минут он слышал уже несколько подобных звуков. Первый из них был так громок и пронзителен и показался ему до того страшным, что он решился разбудить меня, полагая, что это может быть сигнал нападения на нас. Я встал и вышел на площадку; из многих деревень неслись однообразные удары барума. Полная луна только что показывалась величественно из-за деревьев, и я сейчас же подумал, что слышанные крики произведены были в честь восхода луны, припомнив, что при появлении луны туземцы вскрикивали каким-то особенным образом, как бы приветствуя восход ее. Это объяснение мне показалось совсем удовлетворительным, и, посоветовав Ульсону не ожидать нападения на нас, а просто спать, сам заснул немедленно.

29 ноября. Спустили опять на воду вычищенную и выкрашенную шлюпку. Я очень устал, главная работа выпала в этот раз на меня, так как Ульсон по слабости после лихорадки мало мог делать.

30 ноября. Солнце становится у нас редкостью, проглядывая ненадолго из-за туч.

Большое удобство моего помещения в этом уединенном месте заключается в том, что можно оставлять все около дома и быть уверенным, что ничего не пропадет, за исключением съестного, так как за собаками усмотреть трудно.

Туземцы пока еще ничего не трогали. В цивилизованном крае такое удобство немислимо; там замки и полиция часто оказываются недостаточными.

3 декабря. Ходил в деревню Горенду за кокосами. По обыкновению предупредил о моем приближении громким свистом, чтобы дать женщинам время попрятаться. На меня эта деревня всегда производит приятное впечатление, так как в ней все чисто, зелено, уютно. Людей немного; они не кричат и не производят разных шумных демонстраций при моем появлении, как прежде, только птицы, летая с дерева на дерево или быстро пролетая между ними, нарушают благодворный покой. На высоких барлах важно восседают на корточках двое или трое туземцев, редко перекидываясь словами и молча разжевывая кокосовый орех или очищая горячий «дегарголь» (сладкий картофель); иные заняты в своих хижинах, другие около них, многие, ничего не делая, греются на солнце или расщипывают свои волосы.

Придя в Горенду, я также сел на барлу и также занялся свежеспеченным дегарголем. Человек 8 собралось скоро около барлы, на которой я сидел, и поочередно стали высказывать свои желания: одному хотелось иметь большой гвоздь, другому – кусок красной тряпки; у этого болела нога, и он просил пластыря и башмак. Я слушал молча; когда они кончили, я сказал, что хочу несколько зеленых кокосов. Двое мальчиков, накинув петлю себе на ноги, быстро поднялись на кокосовую пальму и стали бросать кокосы вниз. Я пальцами показал, сколько кокосов хочу взять, и предложил отнести их в «таль-Маклай», или дом Маклая, что и было исполнено. Довольные моими подарками, они убрались все чрез полчаса. С двоих я успел снять довольно удачный портрет.

Вечером опять дождь, гром и молния. Ветер много раз задувал лампу. Иногда поневоле приходится ложиться спать, так как писание дневника и приведение в порядок заметок постоянно прерываются необходимостью зажечь постоянно потухающую от ветра лампу. Скважин, щелей и отверстий всякого рода в моем помещении так много, что защититься от сквозняка нечего и думать. Теперь с 8 или 9 часов вечера дождь, который начался при заходе солнца, будет идти, вероятно, часов до 3 или 4 утра.

В октябре было еще сносно, но в ноябре дождь шел чаще. В декабре он имеет, кажется, намерение идти каждый день. Дождь барабанит по крыше, протекает во многих местах, даже на стол и на кровать, но так как поверх одеяла я закрыт еще непромокаемым, то по ночам мне до дождя нет дела.

Я убежден, что мне было бы комфортабельнее, если бы я жил совершенно один, не имея слуг, за которыми до сих пор я ухаживал более, чем они за мною. Про Боя уж и говорить нечего; он лежит, не вставая, второй месяц, но и Ульсон болеет втрое чаще меня; правда, что последний, чувствуя самое легкое нездоровье, готов валяться весь день. Так, например, сегодня он пролежал весь день, почему вечером я должен был приготовить чай для нас троих, не позволив ему выйти по случаю дождя.

Делать чай в Гарагаси в темные дождливые ночи, как сегодня, не так просто. Пришлось при сильном дожде пройти в шалаш, набрать там по возможности сухих ветвей, наколоть их, зажечь потухнувший от дождя костер, долго раздувать его, потом, так как не оказалось достаточно воды в чайнике, надо было в темноте и под дождем спуститься к ручью. При этом было так темно, что, зная наизусть дорогу, я чуть было два раза не упал, сбившись с дороги; приходилось ожидать молнию, при помощи которой я снова попадал на знакомую тропу. При этом дожде и порывах ветра брать фонарь с собою было бы бесполезно. Когда я вернулся промокшим до костей, мое крохотное помещение показалось мне очень удобным; я поспешил переодеться и пишу эти строки, наслаждаясь чаем, который именно сегодня кажется мне очень вкусным.

Надо заметить, что вот уже второй месяц, как у нас нет сахара, и недель пять, как были выброшены последние сухари, которые изъели за нас черви. Мы долго боролись с ними,

старались высушить их сперва на солнце, а потом на огне, они все-таки одолели и остались живы. Я заменяю сухари печеными бананами или, когда нет бананов, ломтиками печеного таро. Я действительно несколько не чувствую этой перемены, хотя Ульсон и даже Бой ворчали, когда сахар кончился. Остальная наша пища та же, что и прежде: вареный рис с кёри и бобы с солью. Но довольно о пище. Она несложна, и ее однообразность даже нравится мне; кроме того, все неудобства и мелочи эти вполне сглаживаются кое-какими научными наблюдениями и природою, которая так хороша здесь... Да, впрочем, она хороша везде, умей ею только наслаждаться.

Вот пример. Полчаса тому назад, когда мне пришлось отправиться к ручью за водой, я был в самом мерзком настроении духа, утомленный десятиминутным раздуванием костра, дым которого разъедал мне до слез глаза. Когда огонь был сделан, оказалось, что воды не было достаточно в чайнике. Отправляюсь к ручью. Совершенно темно, мокро, ноги скользят, то и дело оступаешься: дождь, уже проникший через две фланелевые рубашки, течет по спине, делается холодно; снова оступаешься, хватаешься за куст, колешься. Вдруг сверкает яркая молния, освещает своим голубоватым блеском и далекий горизонт, и белый прибой берега, капли дождя, весь лес, каждый листок и даже шип, который сейчас уколол руку, – только одна секунда, и опять все черно и мокро, и неудобно; но этой секунды достаточно, чтобы красотой окружающего возвратит мне мое обыкновенное хорошее расположение духа, которое меня редко покидает, если я нахожусь среди красивой местности и если около меня нет надоедающих мне людей.

Однако уже 9 часов. Лампа догорает. Чай допит, и от капающей везде воды становится очень сыро в моей келье, надо завернуться скорее в одеяло и продолжать свое дальнейшее существование во сне.

5 декабря. После дождя собрал множество насекомых и нашел также очень красивый и курьезный гриб. Бой так слаб, что почти не держится на ногах. Сегодня бедняга упал, сходя с лестницы. Ульсон лежал и охал, закрывшись с головою одеялом. Когда я заметил упавшего Боя у лестницы, я кое-как втащил его обратно в комнату. Он был в каком-то забытьи и не узнавал меня.

Сегодня опять пошел дождь с 4 часов. Везде все сыро.

6 декабря. Бой очень страдает, я не думаю, что он проживет долго. Другой инвалид сидит, тоже повеся нос.

Приходил Туй и, сидя у меня на веранде, между прочим с очень серьезным видом сообщил, что Бой умрет скоро, что Виль (туземцы так называют Ульсона) болен и что Маклай останется один; при этом он поднял один палец, потом, показывая на обе стороны, продолжал: «Придут люди из Бонгу и Гумбу, – при этом он указывал на все пальцы рук и ног, т. е. много людей, – придут и убьют Маклая». Тут он даже показывал, как мне проколят копьем шею, грудь, живот, и нараспев печально приговаривал: «О Маклай! О Маклай!»

Я сделал вид, что отношусь к этим словам как к шутке (сам же был убежден в возможности такого обстоятельства), и сказал, что ни Бой, ни Виль, ни Маклай не умрут, на что Туй, поглядывая на меня как-то недоверчиво, продолжал тянуть самым жалостным голосом: «О Маклай! О Маклай!»

Этот разговор, мне кажется, тем более интересен, что, во-первых, это может действительно случиться, а, во-вторых, по всей вероятности, мои соседи толковали об этом на днях, иначе Туй не поднял бы старого вопроса о моем убиении.

Скучно то, что вечно нужно быть настороже; впрочем, это не мешает спать. Пришло человек 8 туземцев из Горенду и Мале. Будучи в хорошем расположении духа, я каждому гостю из Мале дал по подарку, хотя они сами ничего не принесли.

Туй и Лали спросили меня вдруг: «Придет ли когда корвет?» Разумеется, определенного ответа я не мог дать. Сказать же: «Придет, но когда, не знаю», – я не сумел. Не умею также выразить большое число по-папуасски. Думая, что нашел случай поглядеть, как мои соседи считают, я взял несколько полосок бумаги и стал резать их поперек. Нарезал, сам не знаю сколько, и передал целую пригоршню одному из туземцев Мале, сказав, что каждая бумажка означает два дня. Вся толпа немедленно его обступила. Мой папуас стал считать по пальцам, но, должно быть, неладно, по крайней мере другие папуасы решили, что он не умеет считать, и обрезки были переданы другому. Этот важно сел, позвал другого на помощь, и они стали считать. Первый, раскладывая кусочки бумаги на колене, при каждой обрезке повторял: «наре, наре» (один); другой повторял слово «наре» и загибал при этом палец, прежде на одной, затем на другой руке. Насчитав до 10 и согнув пальцы обеих рук, опустил оба кулака на колени, проговорив: [...] [37] – «две руки», причем третий папуас загнул один палец руки. Со вторым десятком было сделано то же, причем третий папуас загнул второй палец; то же самое было сделано для третьего десятка; оставшиеся бумажки не составляли четвертого десятка и были оставлены в стороне. Все, кажется, остались довольными, три раза повторяя [...] [38] Мне снова пришлось смутить их; взяв один из обрезков, я показал два пальца, прибавив: «бум-бум» – день, день. Опять пошли толки, но порешили тем, что завернули обрезки в лист хлебного дерева, тщательно обвязали его, чтобы, должно быть, пересчитать их в деревне.

Вся эта процедура показалась мне очень интересной. Недоверие папуасов и какая-то боязнь передо мною, разумеется, мне очень неприятны. Пока они будут не доверять мне, я ничего от них не добыю.

Бой вряд ли проживет еще много дней. Ульсон такой трус, что при нем туземцы могут разграбить и сжечь дом. Но как только научусь более туземному языку, так перестану сидеть дома. Кое-какие инструменты и письменные принадлежности закопаю, находя, что они будут сохраннее в земле, чем в доме, под охраною одного Ульсона.

8 декабря. Вчера вечером мимо моего мыска проезжали две пироги с огнем. Ночь была тихая и очень темная. Мне пришла фантазия зажечь фальшфейер [15]. Эффект был очень удачен и на моих папуасов произвел, вероятно, сильное впечатление: все факелы были брошены в воду, и когда после полуминутного горения фальшфейер потух, пирог и след простыл. Приходил Лалай из Били-Били, человек с очень характерной физиономией, с крючковатым носом и очень плохо развитыми икрами. Было бы, однако ж, неверно придавать этому обстоятельству значение расового признака. Брат этого человека имеет нос вовсе не крючковатый, совершенно сходный с носами других туземцев, а что ноги его представляются такими худощавыми, это также не удивительно, имея в виду жизнь на маленьком острове или в пироге, в поездках по деревням. У горных жителей икры прекрасно развиты, как это я заметил у приходивших туземцев-горцев.

Затем нагрянула целая толпа людей из Бонгу с двумя мальчиками лет семи или восьми. У этих ребят очень ясно выдавался африканский тип: широкий нос, большой, немного выдающийся вперед рот с толстыми губами, курчавые черные волосы. Животы у них очень выступали и казались туго набитыми. Между детьми такие негроподобные особи встречаются гораздо чаще, чем между взрослыми.

Бой очень плох. Ульсон начинает поговаривать, что хорошо было бы выбраться отсюда, а я отвечаю, что я не просил его отправляться со мною в Новую Гвинею и даже в день ухода «Витязя» предлагал ему вернуться на корвет, а не оставаться со мною. Он каждую ночь ожидает, что туземцы придут и перебьют нас, и ненавидит Туя, которого считает за шпиона.

Недавно в начале ночи, часу в двенадцатом, я был пробужден от глубокого сна многими голосами, а затем ярким светом у самого спуска от площадки к морю. Вероятно, несколько пирог приближались или уже приблизились к нам. Ульсон завопил: «Идут, идут». Я вышел на

веранду и был встречен ярким светом факелов и шестью туземцами, вооруженными стрелами и копьями, беспрестанно зовущими меня по имени. Я не двигался с места, недоумевая, что им от меня нужно. Ульсон же, подойдя сзади, сам вооруженный ружьем, совал мне двустволку, приговаривая: «Не пускайте их идти далее». Я знал, что выстрел одного дула, заряженного дробью, обратит в бегство большую толпу туземцев, не знающих еще действия огнестрельного оружия.[39] и поэтому ждал спокойно, тем более что мне казалось, что я узнаю знакомые голоса.

Действительно, когда после слова «гена» (иди сюда), которым я их встретил, они высыпали на площадку перед верандой, каждый из них, придерживая левой рукой свое оружие и факел и вопя: «Ники, Ники!», протягивал мне правую с несколькими рыбками. Я поручил несколько пристыженному Ульсону собрать рыбу, которой ему давно хотелось. При этом группа вооруженных дикарей, освещенных яркими факелами, заставляла меня пожалеть, что я не художник: так она была живописна. Спускаясь к своим пирогам, они долго кричали мне на прощанье: «Эме-ме, эме-ме», а затем быстро скрылись за мыском. Рыба оказалась очень вкусной.

13 декабря. Несмотря на большое утомление, хочу записать происшествия дня, так как нахожу, что рассказ выйдет более реален, пока ощущения еще не ступшеваны несколькими часами сна.

Теперь ровно 11 час. 50 мин. вечера, и я удобно сижу в моем зеленом кресле и записываю при свете очень неровно горящей лампы происшествия дня.

Встав утром, я счел сообразным с моим настоящим положением приготовить все, чтобы зарыть в землю при первой необходимости мои бумаги, не только исписанные, т. е. дневник, метеорологический журнал, заметки и рисунки, но и чистую бумагу на случай, если я уцелею, а хижина будет разграблена или сожжена туземцами. Пришедший Туй показался мне сегодня действительно подозрительным. Поведение его как-то смахивало на шпионство. Он обходил, внимательно смотря кругом, нашу хижину, посматривал с большим интересом в комнату Ульсона, причем несколько раз повторял: «О Бой, о Бой»; затем, подойдя ко мне, пристал отпустить Боя в Гумбу, чем мне так надоел, что я ушел в комнату и этим заставил уйти <i>и его>.[40] К полудню я почувствовал легкий пароксизм, выразившийся в очень томительной зевоте и чувстве холода и подергивания во всем теле. Я оставался на ногах все утро, находя лучшим при таких условиях лечь только в самой крайней необходимости.

Приехало трое туземцев из Горенду. Один из них, заглянув в комнату Ульсона и не слыша стонов Боя, спросил, жив ли он, на что я ему ответил утвердительно. Туземцы стали снова предлагать взять Боя с собою. На что он им? Не понимаю. Бояться его как противника они не могут; может быть, желают приобрести в нем союзника? Теперь уже поздно.

Пообедав спокойно, я указал Ульсону на громадный ствол, принесенный приливом, угрожавший нашей шлюпке, и послал его сделать что-нибудь, чтобы ствол не придавил ее. Сам же вернулся в дом заняться письменной работой; но стоны Боя заставили меня заглянуть в его комнату. Несчастный катался по полу, скорчившись от боли. Подоспев к нему, я взял его на руки, как ребенка, – так он похудел в последнюю неделю, – и положил на койку. Холодные, потные, костлявые руки, охватившие мою шею, совершенно холодное дыхание, ввалившиеся глаза и побелевшие губы и нос убедили меня, что недолго остается ему стонать. Боль брюшной полости, очень увеличившаяся, подтвердила мое предположение, что к другим недугам присоединилось peritonitis <i>и воспаление брюшины>.[41]

Я вернулся к своим занятиям.

Во второй раз что-то рухнуло на пол и послышались стоны. Я снова поднял Боя на постель; его холодные руки удерживали мои; он как будто желал мне что-то сказать, но не смог. Пульс

был слаб, иногда прерывался, и конечности заметно холодели. Снова уложив его, я сошел к берегу, где Ульсон возился со шлюпкой, и сказал ему, что Бой умрет часа чрез полтора или два. Это очень подействовало на Ульсона, хотя мы ожидали эту смерть уже недели две и не раз говорили о ней. Мы вместе вошли в комнату; Бой метался по полу, ломая себе руки. Жалко было смотреть на него, так он страдал. Я достал из аптеки склянку с хлороформом и, налив несколько капель на вату, поднес ее к носу умирающего. Минут через 5 он стал успокаиваться и даже пробормотал что-то; ему, видимо, было лучше. Я отнял вату.

Ульсон стоял совершенно растерянный и спрашивал, что теперь делать. Я коротко сказал ему, что тело мы бросим сегодня ночью в море, а теперь он должен набрать несколько камней и положить их в шлюпку, и чем больше, тем лучше, для того чтобы тело сейчас же пошло ко дну. Ульсону это поручение не особенно понравилось, и мне пришлось добавить несколько доводов: что нам невозможно нянчиться с разлагающимся телом, так как гниение в этом климате начнется сейчас же после смерти; что хоронить его днем, при туземцах, я не намерен и что вырыть глубокую яму в коралловом грунте слишком тяжело, недостаточно же глубокую могилу туземные собаки разыщут и разроют. Последние два довода поддержали немного его падающий дух.

Чтобы быть уверенным, что все будет сделано, а главное – чтобы камней было бы достаточно, чтобы не допустить тело всплыть, я отправился сам к шлюпке. Поднявшись затем к дому, я зашел к Бою посмотреть, в каком он положении. В комнате было совсем темно, стонов не было слышно. Я ощупью добрался до его руки. Пульса более не было. Нагнувшись к нему и приложив одну руку к сердцу, другую ко рту, я не почувствовал ни биения, ни дыхания. Пока мы ходили к ручью за камнями, он умер так же молча, как и лежал во все время своей болезни. Я зажег свечу и посмотрел на тело. Оно лежало в том положении, как Бой обыкновенно спал и сидел, т. е. поджавши ноги и скрестив руки. Ульсон, стоявший за мной, несмотря на то что при жизни Боя он постоянно бранил его и скверно отзывался о нем, был очень тронут и стал говорить о Боге и об исполнении воли его. Не имея на то никакого основания, мы оба говорили очень тихо, как будто боясь разбудить умершего. Заметив это обстоятельство, я вспомнил невольно слова Шопенгауэра{16}[...][42] и вполне согласился с его объяснением. Когда я выразил Ульсону свое давнишнее намерение – именно распилить череп Боя и сохранить мозг его для исследования, Ульсон совсем осовел и умильно спрашивал меня этого не делать.

Соображая, каким образом удобнее совершить эту операцию, я к досаде моей открыл, что у меня не имеется достаточно большой склянки для помещения целого мозга. Ожидая, что каждый час могут явиться туземцы и, пожалуй, с серьезными намерениями, я отказался не без сожаления от намерения сохранить мозг полинезийца, но не от возможности добыть препарат гортани со всеми мускулами, языком и т. д., вспомнив обещание, данное мною моему прежнему учителю проф. Г. {17}, живущему ныне в Страсбурге, прислать ему гортань темнокожего человека со всею мускулатурой ее. Достав анатомические инструменты и приготовив склянку со спиртом, я вернулся в комнату Боя и вырезал гортань с языком и всей мускулатурой. Кусок кожи со лба и головы с волосами пошли в мою коллекцию. Ульсон, дрожа от страха перед покойником, держал свечку и голову Боя. Когда же при перерезании plexus brachialis рука Боя сделала небольшое движение, Ульсон так испугался, что я режу живого человека, что уронил свечку, и мы остались в темноте. Наконец, все было кончено, и надо было отправлять труп Боя в сырую могилу, но так осторожно, чтобы соседи наши ничего не знали о случившемся.

Не стану описывать подробно, как мы вложили покойника в два больших мешка, как зашнуровали их, оставив отверстие для камней, как в темноте несли его вниз к шлюпке, как при спуске к морю благодаря той же темноте Ульсон оступился и упал, покойник на него, а за покойником и я; как мы не смогли сейчас же найти нашу ношу, так как она скатилась удачнее нашего, прямо на песок. Отыскав, однако же, его, мы опустили его, наконец, в шлюпку и вложили пуда 2 камней в мешок. Все это было очень неудобно делать в темноте. Был отлив,

как на зло. Нам опять стоило больших усилий стащить по камням тяжелую шлюпку в воду.

Не успели мы взяться за весла, как перед нами в одной четверти мили из-за мыса Габина (мыса Обсервации на карте) мелькнул один, затем второй, третий... десятый огонек. То были одиннадцать пирог, приближавшихся в нашу сторону. Туземцы непременно заедут к нам или, увидя шлюпку, подъедут близко к ней. Их ярко горящие факелы осветят длинный мешок, который возбудит их любопытство.

Одним словом, то, чего я не желал, т. е. чтобы туземцы узнали о смерти Боя, казалось, сейчас наступит. «Нельзя ли Боя спрятать в лес?» – предложил Ульсон. Но теперь, с камнями и телом, мешок был слишком тяжел для того, чтобы тащить его между деревьями, и потом туземцы будут скоро здесь. «Будем грести сильнее, – сказал я, – мы, может быть, ускользнем». Последовали два, три сильных взмаха веслами, но что это? – шлюпка не подвигается, мы на рифе или на мели. Папуасы все ближе, мы из всех сил принялись отпихиваться веслами, но безуспешно.

Наше глупое положение было для меня очень досадно; я готов был прыгнуть в воду, чтобы удобнее спихнуть шлюпку с мели; я хотел сделать это, даже несмотря на присутствие многочисленных акул. Мне пришла счастливая мысль осмотреть наш борт; моя рука наткнулась тогда на препятствие. Оказалось, что второпях и в темноте отданный, но не выбранный конец, которым шлюпка с кормы прикреплялась к берегу, застрял между камнями и запутался между сучьями, валявшимися у берега, и что именно он-то и не пускает нас. С большим удовольствием схватил я нож и, перерезав веревку, освободил шлюпку.

Мы снова взяли за весла и стали сильно грести. Туземцы выехали на рыбную ловлю, как и вчера; их огни сверкали все ближе и ближе. Можно было расслышать голоса. Я направил шлюпку поперек их пути, и мы старались как можно тише окунать весла в воду, чтобы не возбудить внимания туземцев. «Если они увидят Боя с перерезанным горлом, они скажут, что мы убили его, и, пожалуй, убьют нас», – заметил Ульсон. Я в половину разделял это мнение и не особенно желал встретиться в эту минуту с туземцами. Всех туземцев на пирогах было 33 – по три человека на пироге. Они были хорошо вооружены стрелами и копьями и, сознавая свое превосходство сил, могли очень хорошо воспользоваться обстоятельствами. Но и у нас были шансы: два револьвера могли, очень может быть, обратить всю толпу в бегство. Мы гребли молча, и отсутствие огня на шлюпке было вероятною причиною, что нас не заметили, так как факелы на пирогах освещали ярко только ближайšie предметы вокруг них. Нас действительно, кажется, не замечали.

Туземцы были усердно заняты рыбного ловлею. Ночь была тихая и очень темная; от огней на пирогах шли длинные столбы отблеска на спокойной поверхности моря. Каждый взмах весел светился тысячами искр. При таком спокойном море поверхностные слои его полны очень богатою и разнообразною жизнью. Я пожалел, что нечем было зачерпнуть воды, чтобы посмотреть завтра, нет ли чего нового между этими животными, и совсем забыл о присутствии покойника в шлюпке и о необходимости хоронить его.

Любуясь картиною, я думал, как скоро в человеке одно чувство сменяется совершенно другим. Ульсон прервал мои думы, радостно заметив, что пироги отдаляются значительно от нас и что никто нас не видел. Мы спокойно продолжали путь и, отойдя, наконец, на милю приблизительно от мыса Габина, опустили мешок с трупом за борт. Он быстро пошел ко дну; но я убежден, что десятки акул уничтожат его, вероятно, в эту же ночь.

Вернулись домой, гребя на этот раз очень медленно. Пришлось опять, благодаря темноте и отливу, долго возиться со шлюпкой. В кухонном шалаше нашелся огонь, и Ульсон пошел приготовить чай, который теперь, кажется, готов и который я с удовольствием выпью, дописав это последнее слово.

14 декабря. Встав, я приказал Ульсону оставить все в его отделении хижины, как было при Бое, и в случае прихода туземцев не заикаться о смерти его. Туй не замедлил явиться с двумя другими, которых я не знал; один из них вздумал подняться на первую ступеньку лестницы, но когда я ему указал, что его место – площадка перед домом, а не лестница, он быстро соскочил с нее и сел на площадке. Туй снова заговорил о Бое и с жаром стал рассуждать, что, если я отпущу Боя в Гумбу, то тот человек, который пришел с ним, непременно его вылечит. Я ему отвечал отрицательно. Чтобы отвлечь их мысли от Боя, я вздумал сделать опыт над их впечатлительностью.

Я взял блюдечко из-под чашки чаю, которую я допивал; вытерев его досуха и налив туда немного спирта, я поставил на веранду и позвал моих гостей. Взяв затем стакан воды, сам отпил немного и дал попробовать одному из туземцев, который также убедился, что это была вода. Присутствующие с величайшим интересом следили за каждым движением. Я прилил к спирту на блюдечке несколько капель воды и зажег спирт. Туземцы полуоткрыли рот и, со свистом втянув воздух, подняли брови и отступили шага на два. Я брызнул тогда горящий спирт из блюдечка, который продолжал гореть на лестнице и на земле. Туземцы отскочили, боясь, что я на них брызну огнем, и, казалось, были так поражены, что убралась немедленно, как бы опасаясь видеть что-нибудь еще страшнее. Но минут через 10 они показались снова и на этот раз уже целою толпою. То были жители Бонгу, Били-Били и острова Кар-Кар (Кар-Кар – туземное название о. Дампира). Толпа была очень интересна, представляя людей всех возрастов; на всех было их праздничное убранство, но особенно гости мои отличались украшениями, матерьял которых совершенно определялся местом их жительства. Так, например, мои соседи, мало занимающиеся рыбной ловлей, имели украшения преимущественно из цветов, листьев и семян, между тем как на жителях Били-Били и Кар-Кара, живущих у открытого моря и занимающихся ловлею морских животных, были навешаны разного рода убранства из раковин, костей рыб, скорлупы черепах и т. п.

Жители Кар-Кара представляли еще ту особенность, что все тело, преимущественно голова, было вымазано черною землею и так основательно, что при первом взгляде можно было подумать, что цвет их кожи действительно такой черный, но при виде некоторых из них, у которых одна только голова была окрашена, легко можно было убедиться, что и у первых черный цвет был искусственный и что тело жителей Кар-Кара в действительности только немногим темнее жителей этого берега.

Жители Бонгу были сегодня, как бы в контраст своим черным гостям, вымазаны красною охрою; и в волосах, и за перевязями рук, и под коленями у них были воткнуты красные цветы Hibiscus. Всех пришедших было не менее 40 человек, и 3–4 между ними отличались положительно красивым лицом. Прическа каждого из них представляла какое-нибудь отличие от всех остальных. Кроме того, что волосы были окрашены самым разнообразным образом, частью черной, частью красной краской, в них были воткнуты гребни, украшенные разными цветными перьями (какаду, разных <других> попугаев, казуара, голубей и белых петухов). У многих гостей из Кар-Кара мочка уха была оттянута в виде петли значительных размеров, как на всех островах Новых Гебридских и Соломоновых. Гости оставались более двух часов. Пришедшие знали от Туя о горячей воде, и всем хотелось видеть ее. Туй упрашивал показать всем, «как вода горит».

Когда я исполнил эту просьбу, эффект был неописанный: большинство бросилось бежать, прося меня, убегая, «не зажечь моря».

Многие остались стоять, будучи так изумлены и, кажется, испуганы, что ноги, вероятно, изменили им, если бы они двинулись. Они стояли, как вкопанные, озираясь кругом с выражением крайнего удивления. Уходя, все наперерыв приглашали меня к себе, кто в Кар-Кар, кто в Сегу, в Рио и в Били-Били, и мы расстались друзьями. Не ушли только несколько туземцев из Кар-Кара и Били-Били, которые стали просить о «гаре» (кожа), чтобы покрыть раны, гной которых привлекал целые стаи мух; они летали за ними и, конечно, очень

надоедали и мучили их, облепляя раны, как только пациент переставал отгонять их. Я не мог помочь им серьезно, но облегчил их значительно, обмыв раны карболовой водой, а затем перевязав их карболовым маслом и освободив их, таким образом, хотя и временно, от мух.

Из одной раны я вынул сотни личинок, и, разумеется, этот туземец имел причину быть мне благодарным. Я особенно тщательно обмыл и перевязал раны на ноге ребенка лет пяти, который был принесен отцом. Последний так расчувствовался, что, желая показать мне свою благодарность, снял с шеи ожерелье из раковин и захотел непременно надеть его на меня.

15 декабря. Снова больные из Били-Били; один страдает сильною лихорадкой; я хотел дать ему хины, разумеется, не во время пароксизма, и показал ему, что приду потом и дам выпить «оним» (т. е. лекарство); но он усиленно замахал головой, приговаривая, что умрет от моего лекарства. Принимать что-либо туземцы боятся, хотя очень ценят наружные средства. У Боя осталась бутылка с кокосовым маслом, настоенным на каких-то душистых травах. Один туземец из Били-Били жаловался очень на боль спины и плеч (вероятно, ревматизм); я ему предложил эту бутылку с маслом, объяснив, что надо им натираться, за что он сейчас же и принялся. Сперва он делал это с видимым удовольствием, но вдруг остановился, как будто соображая что-то, а затем, вероятно подумав, что, употребляя незнакомый «оним», он, пожалуй, умрет, пришел в большое волнение, бросился на своего соседа и стал усердно тереть ему спину, а потом, вскочив на ноги, как сумасшедший, стал перебегать от одного к другому, стараясь мазнуть их маслом. Вероятно, он думал при этом, что если с ним случится что-нибудь неладное, так то же самое должно случиться и с другими. Его товарищи, очень озадаченные его поведением, не знали, как отнестись к этому, не знали, сердиться ли им или смеяться.

Сегодня я убедился, что наречие Били-Били отличается от здешнего (диалекта Бонгу, Горенду и Гумбу), и даже записал несколько слов, несколько не схожих с диалектом Бонгу. Приходил опять отец с детьми, которые мне показались не темнее жителей Самоа.

16 декабря. Занимался уборкою в моем палаццо, что всегда отнимает много времени, и вполне согласился с верностью индусского афоризма.[43] Если это случается даже с высокомудрыми людьми, то подавно может случиться со мной, вовсе не претендующим на такую мудрость. Я положительно не имел времени на научные исследования последние недели.

18 декабря. Туземцев не видать, и очень часто думаю, как я хорошо сделал, устроившись так, чтоб не иметь слишком близких соседей.

Сегодня я случайно обратил внимание на состояние моего белья, упакованного в одной из корзинок, служащей мне койкой. Оно оказалось покрытым во многих местах черными пятнами, и места, где были эти пятна, можно без затруднения проткнуть пальцем. Это, разумеется, была моя вина: я ни разу в продолжение 3 месяцев не подумал проветрить белье. Я поручил Ульсону вывесить все на солнце; многое оказалось негодным.

Сегодня туземцы спрашивали меня, где Бой. Я отвечал им: «Бой арен» (Боя нет). «Где же он?» – был новый вопрос. Не желая говорить неправду, не желая также показать ни на землю, ни на море, я просто махнул рукой и отошел. Они, должно быть, поняли, что я указал на горизонт, где далеко-далеко находится Россия. Они стали рассуждать и, кажется, под конец пришли к заключению, что Бой улетел в Россию. Но что они действительно думают и что понимают под словом «улетел», я не имею возможности спросить, не зная достаточно туземного языка.

Сделал сегодня интересное приобретение: выменял несколько костяных инструментов, которые туземцы употребляют при еде, – род ножа и две ложки. Нож называется туземцами «донган», сделан из заостренной кости свиньи, между тем как «шелюпа» – из костей кенгуру.

Она обточена так, что один конец ее очень расширен и тонок. Приложенный рисунок даст лучшее понятие, чем длинное объяснение.[44]

20 декабря. Наша хижина приняла очень жилой вид, и обстановка в ней очень удобна при хорошей погоде. Когда льет дождь, то течь в разных местах крыши очень неудобна. Приходили туземцы из Бонгу. Они, кажется, серьезно думают, что Бой отправлен мною в Россию и что я дал ему возможность перелететь туда. Я прихожу к мысли, что туземцы считают меня и в некоторой степени Ульсона какими-то сверхъестественными существами.

25 декабря. Три дня лихорадки. Ложился только на несколько часов каждый день, когда уж буквально не мог стоять на ногах. Положительно ем хину; приходится по грамму в день. Сегодня лучше, пароксизма не было, но все-таки чувствую большую слабость. Ноги как бы налиты свинцом и частые головокружения. Ульсон очень скучает. Для него одиночество особенно ощутительно, потому что он очень любит говорить. Он придумал говорить сам с собою, но этого ему кажется мало.

Замечательно, как одиночество действует различно на людей. Я только вполне отдыхаю и доволен, когда бываю один, и среди этой роскошной природы я чувствую себя – за исключением тех дней, когда у меня бывает лихорадка, – вполне хорошо во всех отношениях. Сожалею только, когда натыкаюсь на вопросы, которые вследствие недостаточности моих знаний не могу объяснить. Бедняга Ульсон совсем обескуражен: хандрит и охает постоянно, ворчит, что здесь нет людей и что здесь ничего не достанешь. Из предупредительного и веселого он стал раздражительным, ворчливым и мало заботящимся о работе; спит он около 11 часов ночью, даже еще час или полтора после завтрака и находит здесь все-таки «das Leben sehr miserabel».[45]

В чем я начинаю чувствовать, однако же, положительный недостаток – это в животной пище. Вот уж три месяца, как мы питаемся исключительно растительной пищей, и я замечаю, что силы мои слабеют. Отчасти, разумеется, это происходит от лихорадки, но главным образом от недостатка животной пищи. Есть все консервы мне так противно, что я и не думаю приниматься за них. Как только я буду в лучших отношениях с туземцами, то займусь охотой, чтоб немного разнообразить стол. Свинину, которую я мог бы иметь здесь вдоволь, я терпеть не могу. Вчера Туй принес мне и Ульсону по значительной порции свинины. Я, разумеется, отдал свою Ульсону, который принялся за нее сейчас же и съел обе порции, не вставая с места. Он не только обглодал кости, но съел также и всю толстую кожу (свинина была старая). Смотря на него и замечая, с каким удовольствием он ел, я подумал, что никак нельзя ошибиться в том, что человек животное

плотоядное.

Со шлюпкою много дела, так как настоящее якорное место очень плохо.

При рисовании мелких объектов руки мои, привыкшие уже к топорной работе, к напряжению больших систем мускулов, плохо слушаются, в особенности когда требуется от них движения отдельных мускулов. Вообще при моей теперешней жизни, т. е. когда приходится быть часто и дровосеком, и поваром, и плотником, а иногда и прачкою, и матросом, а не только барином, занимающимся естественными науками, рукам моим приходится очень плохо. Не только кожа на них огрубела, но даже сами руки увеличились, особенно правая. Разумеется, не скелет руки, а мускулатура ее, отчего пальцы стали толще и рука шире.

Руки мои и прежде не отличались особенною нежностью, но теперь они положительно покрыты мозолями, обрезами и ожогами; каждый день старые подживают, а новые являются. Я заметил также, что ногти мои, которые были всегда достаточно крепки для моих обыкновенных занятий, теперь оказываются слишком слабыми и надламываются. На днях я сравнил их с ногтями моих соседей-папуасов, которым, как не имеющим разнообразных

инструментов, приходится работать руками гораздо больше моего. Оказалось, что у них ногти замечательнейшие, по крайней мере в три раза толще моих (я срезал их и мой ноготь для сравнения). Особенно толсты у них ногти больших пальцев, причем средняя часть ногтя толще, чем по бокам. Вследствие этого по сторонам ногти легче обламываются, чем в середине, и нередко можно встретить у туземцев ногти, совершенно уподобляющиеся когтям.

27 декабря. Пока пришедшие туземцы разглядывали в выпрошенных у меня зеркалах свои физиономии и выщипывали себе лишние, по их мнению, волосы, я осматривал содержание одной из сумок (так наз. «гун»), носимых мужчинами на перевязи через левое плечо и болтающихся у них под мышкой. Я нашел в ней много интересного. Кроме двух больших «донганов», тут были кости, отточенные на одном конце, служащие как рычаг, кол или нож; в небольшом бамбуковом футляре нашлись четыре заостренные кости, очевидно инструменты, могущие заменить ланцет, иглу или шило; затем «ярур», раковину (Cardium), имеющую зубчатый нижний край и служащую у туземцев для выскребывания кокосов. Был также удлинённый кусок скорлупы молодого кокосового ореха, заменяющий ложку; наконец, данный мною когда-то большой гвоздь был тщательно отточен на камне и обернут очень аккуратно корою (разбитую подобно тапе полинезийцев); это могло служить очень удобным шилом. Все эти инструменты были очень хорошо приспособлены к своей цели. Туземцы очень хорошо плетут разные украшения, как браслеты (сагю), повязки для придерживания волос (дю) из различных растительных волокон. Но странно, они не плетут циновки, материал для которых (листья пандануса) у них в изобилии. Я не знаю, чему приписать это обстоятельство: отсутствию ли надобности в циновках или недостатку терпения.

Корзины, сплетенные из кокосовых листьев, чрезвычайно схожи с полинезийскими. Они их очень берегут; правда, при их примитивных инструментах из камней и костей, каждая работа не очень легка; так, например, над деревцом сантиметров 14 диаметром двум папуасам приходится проработать со своими каменными топорами, если они хотят срубить его аккуратно, не менее получаса. Все украшения и обтеску им приходится делать камнем, обточенным в виде топора, костями, также обточенными, осколками раковин или кремнем, и можно только удивляться, как с помощью таких первобытных инструментов они строят порядочные хижины и пироги, не лишённые иногда довольно красивых орнаментов. Заметив оригинальность и разнообразие последних, я решил скопировать все орнаменты, которые встречаю на туземных вещах.

28 декабря. Я остановил проходящую пирогу из Горенду, узнав стоящего на платформе Бонема, старшего сына Туя. Он был особенно разукрашен в это утро. В большую шапку взбитых волос было воткнуто множество перьев и пунцовых цветов Hibiscus. Стоя на платформе пироги с большим луком и стрелами в руках, внимательно глядя по сторонам, следя за рыбою, грациозно балансируя при движениях очень маленькой пироги, каждую минуту готовый натянуть тетиву лука и спустить стрелу, фигура его действительно была очень красива. Длинные зеленые и красные листья Colodracon, заткнутые за браслеты на руках и у колен, а также по бокам за пояс, который был сегодня совершенно новый, окрашенный заново охраю и поэтому ярко-красный, немало способствовали приданию Бонему особенно праздничного вида.

Туземцы с видимым удовольствием приняли мое приглашение, сделанное мною с целью не упустить случая снять рисунок красивой куафюры[46] молодого папуаса. Она состояла, как видно на приложенном рисунке,[47] из гирлянды или полувенка пунцовых цветов Hibiscus; спереди – три небольших гребня, каждый с пером, поддерживали гирлянду и тщательно вычерненные волосы; четвертый, большой гребень, также с двумя цветами Hibiscus, придерживал длинное белое петушиное перо, загибающееся крючком назад. Чтобы другие два туземца не мешали мне, я дал им табаку и отослал курить на кухню, в шалаш, и когда кончил рисунок, согласился исполнить их просьбу дать им зеркало, после чего каждый поочередно принялся за подновление прически.

Бонем вытащил все гребни и цветы из волос и принялся большим из гребней взбивать слежавшиеся в некоторых местах, как войлок, волосы, после чего волосяная шапка увеличилась раза в 3 против первоначального; он подергал локоны на затылке, или «гатесси», которые тоже удлинились. После этого он снова воткнул цветы и гребни в свой черный парик, посмотрел в зеркало, улыбнулся от удовольствия и передал зеркало соседу, который в свою очередь принялся за свою куафюру. (Я рассказываю эти мелочи потому, что они объясняют, после каких манипуляций волосы папуасов представляют иногда различный вид, который побудил некоторых путешественников, заглядывавших в разные местности Новой Гвинеи на очень короткое время, своими сообщениями подать повод к значительной разногласию, встречающейся в разных учебниках по антропологии.) Из плотно прилегающей к голове мелкокурчавой куафюры обоих туземцев, сопровождавших Бонема, она превратилась минут через 5 раздергивания и взбивания в эластичную шапку папуасских волос, так часто описанную путешественниками, которые видели в ней что-то характеристичное для некоторых «разновидностей» папуасской расы.

Налюбовавшись своими физиономиями и прическами, мои гости вернулись в свою пирогу, прокричав мне: «Эмеме» (не знаю все еще, что это значит).

У Ульсона сегодня лихорадка. Не успел я немного оправиться, как он заболевает.

29 декабря. Заходил в Горенду напомнить туземцам, что они давно не приносили мне свежих кокосов. «Не приносили оттого, – хором возразили папуасы, – что «тамо-русс» (русские люди, матросы «Витязя») срубили много кокосовых деревьев и теперь мало осталось кокосовых орехов».

Зная очень хорошо, что это было большое преувеличение и что если это случилось, то только в виде исключения, я предложил указать мне, где срубленные деревья. Несколько туземцев вскочили и побежали указать мне срубленные стволы кокосовых пальм около самой деревни, приговаривая: «Кокосы есть можно, но рубить стволы нехорошо». Они были правы, и я должен был замолчать.

Привезенная посуда мало-помалу исчезает, бьется, почему мне приходится заменять ее туземного – небольшими табирами вместо блюд и раковинами скорлупы кокосовых орехов, служащими мне тарелками.

Туземцы здесь чернят себе не только физиономии, но и рот (язык, зубы, десны и губы) веществом, которое они разжевывают; оно называется «таваль». Это они делают не постоянно, а при особенных случаях. 1872 год

1 января. Ночью была сильная гроза. Проливной дождь шел несколько раз ночью и днем. Ветер был также силен. Лианы, подрубленные у корня при расчистке площадки и висевшие до сих пор во многих местах над крышей, падали, и одна из них, около 7 м длины и 3–4 см толщины, свалилась с большим шумом, пробила крышу и разбила один из термометров, которым я обыкновенно мерил температуру воды.

2 января. Ночью свалилось с шумом большое надрубленное у корня дерево и легло поперек ручья. Было много работы очистить последний от сучьев и листьев.

3 января. Туй, возвращаясь с плантации, принес сегодня очень маленького поросенка, которого собака загрызла, но не успела съесть. Большая редкость животной пищи и постоянное хныканье Ульсона о куске мяса были причиной, почему я сейчас же взял подарок Туя. Маленькое, очень худое животное оказалось для меня интересным, представляя новую полосатую разновидность. Темно-бурые полосы сменялись светло-рыжими, грудь, брюхо и ноги были белые. Я отпрепарировал голову, сделал эскиз, а затем передал поросенка Ульсону, который принялся чистить, скоблить и варить его. Смотря на Ульсона, занятого приготовлением, а потом едою его, можно было видеть, насколько люди – животные

плотоядные; да, кусок говядины – важная вещь. Мне не кажется особенно странным, что люди, прежде имевшие животную пищу, переселяясь в местность, где не было таковой, стали есть человеческое мясо, которое к тому же очень вкусно, как уверяют знатоки.

Далу (Лалу) из деревни Бонгу

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Несколько дней тому назад, занимаясь рассмотрением моей коллекции волос папуасов, я констатировал несколько интересных фактов, например: распределение волос на голове туземцев считается специальной особенностью папуасской породы людей. Уже давно мне казалось неверным положение, что волосы папуасов растут пучками или группами на теле. Но громадный парик моих соседей не позволял ясно убедиться, как именно они распределены. Присматриваясь к распределению волос на висках, затылке и верхней части шеи у взрослых, я мог заметить, что особенной группировки волос пучками не существует, но до сих пор коротко обстриженную голову туземца мне не случалось еще видеть. После завтрака, лежа в моем гамаке, я скоро заснул, так как свежий ветер качал мою койку. Сквозь сон услышал я голос, зовущий меня, и, увидев зовущих, я тотчас вскочил. Это был Колле из Бонгу с мальчиком лет 9, очень коротко обстриженным.

С большим интересом и вниманием я осмотрел его голову и даже срисовал то, что показалось мне особенно важным. Я так углубился в изучение распределения волос, что моим папуасам стало как-то жутко, что я смотрю так пристально на голову Сыроя (имя мальчика), и они поспешили объявить мне, что должны идти. Я с удовольствием подарил им вдвое больше, чем обыкновенно даю, и дал бы в двадцать раз более, если бы он позволил вырезать небольшой кусочек кожи с головы. Волосы растут, как я убедился, у папуасов не группами или пучками, как это можно прочесть во многих учебниках по антропологии, а совершенно так же, как и у нас. Это для многих, может быть, очень незначительное наблюдение разогнало мой сон и привело в приятное настроение духа{18}.

Несколько человек, пришедших из Горенду, снова подали мне повод к наблюдениям. Лалу попросил у меня зеркало и, получив его, стал выщипывать себе волосы из усов, те, которые росли близко у губ, а также все волосы из бровей; он особенно старательно выщипывал седые волосы. Желая пополнить мою коллекцию, я принес щипчики и предложил ему свои услуги, на что он, разумеется, сейчас же согласился. Я стал выщипывать по одному волоску, чтобы видеть их корни.

Замечу здесь, что волосы папуасов значительно тоньше европейских и с очень маленькими корнями. Рассматривая распределение волос на теле, я заметил на ноге Бонема совершенно белое пятно, происшедшее, вероятно, от глубокой раны. Легкие, поверхностные ранки оставляют на коже папуасов темные шрамы, а глубокие остаются долгое время, может быть навсегда, без пигмента. Кстати, ноги Бонема очень широки, около пальцев от 12 до 15 см; затем пальцы ног кривы; у многих нет ногтей (старые раны); большой палец отстоит значительно от второго.

У Дигу лицо носит следы оспы, он объяснил мне, что болезнь пришла с северо-запада и что от нее многие умерли. Когда это случилось и случилось ли раз – я не сумел спросить. Между прочим я убедился, что язык Бонгу, деревни, отстоявшей от Горенду всего на 10 минут ходьбы, имеет много других слов, как, например: камень называется в Горенду «убу», в Бонгу – «гитан», в Били-Били – «пат». У Лалу очень типический enface по узкости лба (115 мм) и ширине лица между скулами (150 мм).

4 января. Последние две недели дули довольно сильные ветра, преимущественно от 10 час. утра до 5 час. пополудни; здесь они являются редкостью в октябре и ноябре месяце, почему

днем теперь гораздо свежее. Ульсон уговорил меня ехать удить рыбу, но как я и ожидал, мы ничего не поймали. Жители Горенду и Бонгу занимались также рыбного ловлей; я направил шлюпку к трем ближайшим огонькам посмотреть, как они это делают. Подъехав довольно близко, я окликнул их; на пирогах произошло смятение. Огни сейчас же потухли, и пироги скрылись в темноте по направлению к берегу. Причиной бегства туземцев и внезапной темноты было присутствие на пирогах женщин, которых при моем появлении поспешно высадили на берег. Я узнал об этом по донесшимся до меня женским голосам.

Они, однако ж, вернулись, и минуты через две шлюпка была окружена десятком пирога, и почти что каждый из туземцев подал мне по одной или по две рыбки, а затем они отъехали и продолжали ловлю. На платформе каждой пироги лежал целый ворох связанной в пучки длинной сухой травы (*Imperata*). Стоящий впереди пироги туземец зажигал один за другим эти пучки и освещал поверхность воды. На платформе помещался другой туземец с юром (острогой) футов 8 или 9 длины, который он метал в воду и почти что каждый раз сбрасывал ногой с юра две или три рыбки. Часто ему приходилось выпускать последние из рук, и когда это случалось, то пирога подъезжала к юру, который плавал стоя, погруженный в воду только на четверть. Юр так устроен, что, погрузившись в воду и захватив добычу (рыбки остаются между зубьями), поднимается из воды сам и плавает, почти что перпендикулярно стоя в воде. Наконец, третий папуас управлял шлюпкой, стоя на корме.

11 января. Целые пять дней подряд надоедала мне лихорадка. Не стану подробно описывать мое состояние, но это полезно знать тем, которым вздумается забраться сюда. Эти пять дней голова несносно болела, и я был очень слаб, но вместе с тем, не желая звать Ульсона, сам осторожно спускался с постели на пол, боясь упасть, если встану на ноги. Глаза и лоб заметно опухали во время пароксизма. Все эти дни я находился в каком-то забытьи и принимал хину, вероятно, не вовремя; это и было главною причиною того, что лихорадка так затянулась.

Около 12 часов пришло несколько человек из Бонгу с приглашением прийти к ним. Один из посетителей сказал мне, что очень хочет есть. Я ему отдал тот же самый кокос, который он принес мне в подарок. Сперва топором, а затем донганом (костяной нож) он отделил зеленую скорлупу ореха и попросил у меня табир (деревянное блюдо). Не имея такого, я принес ему глубокую тарелку. Держа кокос в левой руке, он ударил по нему камнем, отчего орех треснул как раз посредине; придерживая его над тарелкой, он разломил его на две почти что равные части, причем вода вылилась в тарелку. К нему подсел его товарищ, и оба, достав из своих мешков по яруру (*Cardium*), стали выскребывать ими свежее зерно ореха и выскребленную длинными ленточками массу опускать в кокосовую воду. В короткое время вся тарелка наполнилась белою кашею; начисто выскребленные половинки скорлупы превратились в чашки, а те же яруры – в ложки. Кушанье это было приготовлено так опрятно и инструменты так просты и целесообразны, что я должен был отдать предпочтение этому способу еды кокосового ореха предо всеми другими, виденными мною. Туземцы называют это кушанье «монки-ля», и оно играет значительную роль при их угощениях.

Несмотря на крапывающий дождь, я принял приглашение туземцев Бонгу отправиться к ним, надеясь, что мне удастся осмотреть обстоятельно деревню и что знание языка уже подвинулось достаточно для того, чтобы понять объяснения многих мне еще непонятных вещей. Я предпочел отправиться в Бонгу в шлюпке. Берег около Бонгу совершенно открытый, и при значительном прибое было рискованно оставить шлюпку не вытасченную на берег, так как был прилив и ее не замедлило бы выкинуть на берег. Нашлось, однако же, большое свесившееся над водою дерево, называемое туземцами «субари» (*Callophyllum inophyllum*), к которому мы прикрепили шлюпку. Подъезжая к дереву, я бросил с кормы заменявший якорь большой камень; затем, привязав шлюпку к дереву с носа и таким образом оставив ее в полной безопасности, я мог отправиться в деревню.

Несколько туземцев, стоящих по пояс в воде, ожидали меня у борта для переноски на берег.

Когда я собрался идти в деревню, один из мальчиков побежал туда возвестить, что я приближаюсь. За мною следовало человек 25 туземцев. От песчаного берега шла довольно хорошо утоптанная тропинка к деревне, которая с моря не была видна. Шагов за 5 до первых хижин не было видно и слышно признаков обитаемого места, и только у крутого поворота я увидел первую крышу, которая стояла у самой тропинки. Пройдя около нее, я вышел на площадку, окруженную десятком хижин.

В начале дневника я уже описал в общих чертах хижины папуасов. Они почти целиком состоят из крыши, имеют очень низкие стены и небольшие двери. За неимением окон они темны внутри, и единственная мебель их состоит из нар. Но кроме этих жилых частных хижин, в которых живут отдельные личности, в деревнях встречаются еще и другие постройки для общественных целей. Эти последние представляют большие сараеобразные здания, гораздо больше и выше остальных. Они обыкновенно не имеют передней и задней стен, а иногда и боковых, и состоят тогда из одной только высокой крыши, стоящей на столбах и доходящей почти что до земли. Под этой крышей по одной стороне устроены нары для сидения или спанья. Здесь же помещенная разным образом посуда хранится под крышею для общественных праздников.

Таких общественных сборных домов, род клубов,[48] было в Бонгу 5 или 6, по одному на каждой площадке. Меня сперва повели к первому из них, а затем поочередно ко всем другим. В каждом ожидала меня группа папуасов, и в каждом я оставлял по несколько кусков табаку и гвоздей для мужчин и полоски красной бумажной материи для женщин, которых даже и сегодня туземцы куда-то попрятали; по крайней мере я не видал ни одной. Деревня Бонгу была значительнее Горенду, раза в три по крайней мере больше последней. Как в Горенду, так и здесь хижины стояли под кокосовыми пальмами и бананами и были расположены вокруг небольших площадок, соединенных друг с другом короткими тропинками.

Обойдя, наконец, всю деревню и раздав все мои подарки, я уселся на нарах большой барлы {19}; около меня собралось около 40 человек туземцев. Это строение имело 24 фута ширины, 42 фута длины и в середине футов 20 вышины. Крыша только на один фут не доходила до земли и поддерживалась посередине тремя здоровыми столбами. По сторонам, по три с каждой, были вкопаны также столбы в 1 м вышины, к которым была привязана или прикреплена различным образом [...] [49] и на которые опирались главным образом стропила. Крыша была немного выгнута наружу и капитально сделана, представляя изнутри чистую, тщательно связанную решетку. Можно было положительно надеяться, что она может устоять против любого ливня и продержится около десятка лет. Над нарами, как я уже сказал, было подвешено разного рода оружие; посуда, глиняная и деревянная, стояла на полках; старые кокосовые орехи скучены под нарами. Все казалось солидным и удобным.

Отдохнув немного, осмотрев все кругом и расспросив, насколько мог, о том, чего не понимал, я направился далее, чтобы поискать, не найду ли чего-нибудь интересного. Я оставил Ульсона и одного из папуасов принимать за себя обратные подарки туземцев, которые они постепенно сносили из своих хижин в барлу и передавали Ульсону. То были: сладкий картофель, бананы, кокосы, печеная и копченая рыба, сахарный тростник и т. п. У одной барлы верхняя часть задней стенки, сделанная из какой-то коры,[50] была разрисована белою, черною и красною краской. К несчастью, шел дождь, и я не мог срисовать этих первобытных изображений рыб, солнца, звезд, кажется, и людей и т. п.

В одной барле я нашел, наконец, то, чего уже искал давно, а именно несколько фигур, вырезанных из дерева; самая большая из них (более 2 м) стояла среди барлы около нар, другая (метра в полтора) около входа, третья, как очень ветхая, негодная, валялась на земле. Я расположился рисовать и снять копии со всех трех, разговаривая с туземцами, которые расспрашивали, есть ли такие телумы в России и как они там называются. В одной барле укрепленное довольно высоко, так что я не мог удобно рассмотреть его, висело бревно, состоящее из целого ряда человекоподобных фигур.

Эта барла была такая же, как и другие, и не представляла, кроме телумов, ничего особенного, что бы давало право считать эту постройку за храм, как были описаны аналогичные постройки в Доре и в бухте Гумбольдта в Новой Гвинее разными путешественниками.

Мне захотелось приобрести один из виденных телумов; я вынул нож и показал, что дам 2 или 3 за небольшой телум. Мне сейчас же принесли какой-то обгорелый и сломанный, которого я, однако же, не взял, ожидая, что получу лучший.

Солнце уже было низко, когда я направился к шлюпке, сопровождаемый рукопожатиями и возгласами «эме-ме». Добравшись домой и выбрав все подарки из шлюпки, оказалось, что Ульсон очень разочарован поездкою. «Мало дают, кокосы старые, рыба так жестка, как дерево, бананы зелены, да и ни одной еще женщины не видали», – ворчал он, отправляясь в кухню доваривать бобы к обеду.

15 января. Ночью была гроза и ветер SW, порывистый и очень сильный. Лес кругом стонал под его напором; по временам слышался треск падающих деревьев, и я раза два думал, что наша крыша слетит в море. В такие ночи спится особенно хорошо: почти что нет комаров и чувствуется очень прохладно. Около часа утра я был разбужен страшным треском и тяжелым падением, после которого что-то посыпалось на нашу крышу. Я выглянул за дверь, но темь была такая, что положительно ничего нельзя было разобрать, почему я снова лег и скоро заснул. Был разбужен, однако ж, очень рано шумом сильного прибоа.

Было 5 часов; начинало только что светать, и в полумраке я разглядел, что площадка перед моим крыльцом была покрыта черною массою выше роста человеческого; оказалось, что большое дерево было сломано ночью ветром и упало перед самою хижиною. Когда здесь падает дерево, то оно не валится одно, а волочит за собой массу лиан и других паразитных растений, ломает иногда ближайшие деревья или по крайней мере сучья их, опутанные лианами упавшего дерева. Чтобы пробраться к ручью, надо было топором прочистить себе дорогу через зелень. Весь день прошел в очень пустых, но необходимых работах; у Ульсона была лихорадка, и он не мог подняться. Пришлось поэтому отправиться за водой, разложить костер и сварить чай, потом очистить немного площадку от поломанных ветвей, чтобы свободно ходить вокруг дома.

Сделав метеорологические наблюдения и дав лекарство Ульсону, часа на два я освободился и мог приняться за кое-какие анатомические работы. К 10 часам я принужден был, однако, оставить их, вспомнив, что нет дров для приготовления завтрака и обеда. Нарубив достаточно дров, я отправился к ручью вымыть рис, который я сварил, испекши в то же время в золе сладкий картофель. После завтрака я прилег отдохнуть; моя сиеста была прервана приходом нескольких туземцев, которые надоедали мне до 3 часов. Один из них указал мне на глубоко сидящую шлюпку; она была полна воды вследствие дождя, и невозможно было оставить ее до следующего дня в этом положении, так как ночью мог быть снова дождь и мог совершенно заполнить ее. Нехотя полуразделся, добрался до шлюпки и вычерпал не менее 23 1/2 ведер воды; занятие это с непривычки очень утомительно.

Сбросив мокрое платье, я посмотрел на часы. Было около 5 часов. Пришлось идти снова в кухню и готовить обед; варить бобы я, разумеется, и не подумал, так как на варку их требуется около 4 часов. Сварил поэтому снова рису, приготовил кёри, испек картофель и сделал чай. Провозился с этой стряпней, которая наводит на меня хандру, до 6 часов. Пообедал, да и то беспокойно: пришлось идти снять сушившееся белье, так как стал накрапывать дождь, приготовить лампу и т. д.

Даже питье чая не обходится без работы: не имею сахара уже несколько месяцев, а один чай не приходится мне по вкусу; я придумал его пить с сахарным тростником. Вооружившись ножом, я откалываю кору тростника, режу его на мелкие пластинки, кусаю их и постепенно

высасываю сладкий сок, запивая чаем. Около 8 часов принялся за дневник; в 9 запишу температуру воздуха, сойду к морю, запишу температуры воды, ручья и моря, посмотрю на высоту прилива, замечу направление ветра, занесу все это в журнал и с удовольствием засну.

Я описал сегодняшний день как пример многих других на тот случай, когда, забыв подробности моей жизни здесь, я буду к досаде моей находить, что мало сделал в научном отношении в Новой Гвинее.

17 января. Вздумал отправиться в Бонгу, закончить рисунки телумов и изображений на стене одной барлы. Встретив Туя, который шел ко мне, я предложил ему идти со мной. Он согласился. Когда мы проходили через Горенду, к нам присоединились Бонем и Дигу. Выйдя из леса к морю, мы пошли по отлогому песчаному берегу. Был прилив, и волны набегали на отлогий берег почти что выше линии прилива, где лес образовал густую стену зелени. Не желая замочить обувь, мне приходилось выбирать моменты, когда волна откатывалась, и перебегать с одного места на другое.

Бонем и Корой из деревни Горенду

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Туземцы очень обрадовались случаю побегать или, может быть, пожелали узнать, могу ли я бегать, <i>и> пустились вдогонку Желая сам сравнить наши силы в этом отношении, я поравнялся с ними, и мы пустились бежать. Туземцы поняли сейчас же, в чем дело, и мало отставали; к моему удивлению, мои ноги оказались крепче, я обогнал всех; их было человек 5, все они были здоровы, молоды и, кроме пояса, совершенно голы; на мне же, кроме обыкновенного платья, были надеты башмаки и гамаша. Придя в Бонгу, я направился прямо к барле снимать рисунки, находящиеся на фронтоме ее. Кончив рисунки, я роздал туземцам несколько кусков табаку, который им все более и более нравится, и отправился походить по деревне. Хотя мое присутствие было известно всей деревне, на этот раз (кажется, первый) и женщины не убежали в лес, а только при моем приближении прятались в хижину; лиц их я не мог разглядеть, фигура же их походит на мужскую. Костюм отличается от последних, так как вместо пояса спереди и сзади на них болтаются какие-то толстые фартуки.

Дюгу из деревни Горенду

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Когда я собрался уйти, мне принесли несколько банан и два куска мяса, вероятно, испеченного на углях и аккуратно защемленного между расщепленными палочками; один из этих кусков, назначенный для меня, оказался свиной, а другой – собачье мясо, которое просили передать Ульсону.

Вернувшись домой и почувствовав хороший аппетит, я передал свинину Ульсону, а сам принялся за собачье мясо, оставив ему половину; оно оказалось очень темным, волокнистым, но съедобным. Ульсон сперва ужаснулся, когда я ему предложил собачье мясо, но кончил тем, что съел его.

Новогвинейская собака, вероятно, не так вкусна, как полинезийская, о чем свидетельствует Кук, находивший собачье мясо лучше свиной.

25 января. Дней шесть страдал от лихорадки, один пароксизм сменялся другим. Шел много

раз дождь.

Был в Горенду за сахарным тростником. Пока туземцы сходили за ним на плантации, я сделал несколько рисунков хижин и в первый раз увидел, каким образом туземцы хранят для себя воду, а именно в больших бамбуках, как это делается и во многих местах Малайского архипелага. Узнал только сегодня, т. е. на 5-й месяц пребывания, название слов «утро», «вечер», названия ночи еще не добился. Смешно и досадно сказать, что только сегодня узнал наверное, как сказать по-папуасски слова «хорошо» или «хороший». До сих пор я уже два раза был в заблуждении, предполагая, что знаю эти слова, и, разумеется, употреблял их. Очевидно, папуасы не понимали при этом, что я этими словами хочу сказать «хорошо». Очень трудно заставить себя понять, если слово, которое хочешь знать, не просто название предмета. Например, как объяснить, что желаешь знать слово «хорошо»?

Туземец, стоящий перед вами, понимает, что вы хотите знать какое-нибудь слово. Берешь какой-нибудь предмет, о котором знаешь, что он туземцу нравится, а затем другой в другую руку, который, по вашему мнению, не имеет для него никакой цены, показываешь ему первый предмет и говоришь: «Хорошо», стараясь при этом сделать довольную физиономию. Туземец знает, что, услышав русское слово, он должен сказать свое, и говорит какое-нибудь; потом показываешь другой предмет, делаешь кислую физиономию и бросаешь его с пренебрежением; на слово «дурно» туземец тоже говорит свое; пробуешь несколько раз с разными туземцами – слова выходят различные. Наконец, после многих попыток и сомнений я наткнулся на одного туземца, который, как я был убежден, меня понял; оказалось, слово «хорошо» по-папуасски «казь». Я его записал, запомнил и употреблял месяца два, называя что-нибудь «казь», и имел удовольствие видеть, что при этом туземцы делали довольную физиономию и повторяли «казь», «казь».

Однако же я заметил, что как будто не все понимают, что я желаю сказать «хорошо». Это случилось, однако, только на третий месяц; я стал искать поэтому случая проверить это слово. Я наткнулся, как мне казалось, в Бонгу на очень сметливого человека, который сообщил мне уже много мудреных слов. Перед нами возле хижины стоял хороший горшок и невдалеке валялись черепки другого. Я взял то и другое и повторил процедуру вышеописанную. Туземец меня понял, кажется, подумал немного и сказал два слова. Я стал его проверять, показывая на разные предметы, как то: целый и разорванный башмак, плод, годный для пищи, и другой, негодный, и спрашиваю: «Ваб»? (слово, которое он мне сказал). Он повторял «ваб» каждый раз. Наконец, думаю, узнал. Снова употреблял это слово «ваб» около месяца и опять заметил, что это слово не годится, и даже открыл, что «казь» – туземное название, значит «табак», второе же – «ваб» – означает большой горшок.

К тому же у диких племен вообще есть обыкновение повторять ваши слова. Вы говорите, указывая на хороший предмет: «Казь»; туземец вторит вам: «Казь», и вы думаете, что он понял вас, а папуасы думают, что вы говорите на своем языке, и стараются запомнить, что вы такую-то вещь называете «казь». Узнанное теперь, кажется, окончательно настоящее значение слова «хорошо» – «ауе» – я приобрел окольными путями, на что употребил ровно 10 дней. Видя, что первый способ не выдерживает критики, я стал вслушиваться в разговор папуасов между собою и, чтобы узнать слово «хорошо», стал добиваться значения «дурно», зная, что человек склонен чаще употреблять слово «дурно», чем «хорошо». Это мне удалось, но все же я не был вполне уверен, что нашел его, почему и прибегнул к хитрости, которая помогла: стал давать пробовать разные соленые, горькие, кислые вещества и стал прислушиваться к тому, что говорят пробующие своим товарищам. Я узнал, что «дурно», «скверно», одним словом «нехорошо» называется «борле». С помощью слова «борле», которое оказалось понятным для всех, я добился от Туя значения противного, которое есть «ауе»{20}.

Еще комичнее история слова «киринга», которое туземцы употребляют очень часто в разговоре со мной и которое, я полагал, означает «женщина». Только на днях, т. е. по

прошествии 4 месяцев, я узнал, что это слово не папуасское, а Туй и другие туземцы убедились, что оно не русское, за которое они его считали. Как оно вкралось и каким образом произошло это недоразумение – я не знаю.

Вот почему мой лексикон папуасских слов так туго подвигается и вряд ли когда будет обширный.

Зубы начинают болеть от жевания и сосания сахарного тростника, а без него чай невкусен. Странно, что чувствую по временам какую-то потребность съесть что-нибудь сладкое.

1 февраля. По уговору зашел ко мне Туй часов в 6, чтобы вместе идти в Бонгу. Туй решился сегодня съесть тарелку вареного рису, и мы отправились.

От Горенду в Бонгу приходится идти у самого берега, и во время прилива, как я уже упоминал, вода обдаёт ноги.

В Бонгу я открыл еще один большой телум, который я не замедлил срисовать. В левой руке большой телум держал маленького из глины и весьма неискусной работы. Я приобрел последний за три куска табаку.

Я добивался, чтобы мне принесли черепа, но туземцы уверяли меня, что русские забрали все, показывая мне разный хлам, который они получили за них. Один из туземцев Бонгу показал мне, наконец, куст, под которым должен был находиться череп. Но ни он и никто из туземцев не хотели доставить его. Тогда я сам направился к кусту и открыл его лежащим на земле и окруженным костями свиней и собак. Туземцы отступили на несколько шагов, говоря, что это нехорошо и чтобы я его выбросил. Этот случай, как и обстоятельство, что туземцы за разные пустяки расставались с черепами своих земляков, казался мне доказательством, что черепа у них не в особенном почете. Я подумал, что приобретенный мною череп принадлежит какому-нибудь неприятелю и что поэтому его мало ценят, и спросил об этом туземцев, на что с удивлением услышал, что это был «тамо Бонгу».

Я приступил затем к закупке съестных припасов. Рыбы достал я много, потом выменял ветку дозревающих банан, которую взвалил на плечи. Наконец с обоими телумами в карманах и с черепом в руках я направился домой. От тяжести и скорой ходьбы мне стало очень жарко, но затем, когда высокая вода обдавала ноги, уже раньше совершенно вымокшие, я почувствовал сильный холод, дрожь и головокружение. В Горенду я предложил Дигу донести бананы и пару кокосов. Наконец я добрался домой. Едва успел сбросить вымокшую одежду, как принужден был лечь, так как пароксизм сегодня был очень силен. Мои челюсти под влиянием лихорадки так тряслись, зубы так стучали, что мне невозможно было сказать несколько слов Ульсону, который до того испугался, думая, что я умираю, что бросился к койке и зарыдал, сокрушаясь о своей участи в случае моей смерти. Не запомню я и такой высокой температуры, не понижавшейся в продолжение почти что 6 часов.

При этом я был немало удивлен странным ощущением: при переходе из периода озноба к периоду жара я почувствовал вдруг очень странный обман чувства осязания. Я положительно чувствовал, что мое тело растет, голова увеличивается все более и более, хватает почти до потолка, руки делаются громадными, пальцы на руках становятся так толсты и велики, как мои руки, и так далее. Я ощущал при этом чувство громадной тяжести разрастающегося тела. Странно, что при этом я не спал, это не был бред, а положительное ощущение, которое продолжалось около часу и которое очень утомило меня. Пароксизм был так силен и ощущения так странны, что я долго не забуду его.

Мои промокшие ноги и ощущение холода во время утренней прогулки не прошли мне даром.

8 февраля. Я принял 0,8 г. хины ночью и ту же дозу перед завтраком, и хотя в ушах страшно звенело и я был глух весь день, пароксизма не было. Сегодня погода была особенно

приятная: слегка пасмурно, тепло (29 °С), совершеннейший штиль. Полная тишина прерывалась только криком птиц и постоянной почти песнью цикад. Монотонность освещения сменялась проглядывающим по временам лучом солнца. Освеженная ночным дождем зелень в такие минуты блестела и оживляла зеленые стены моего палатки; далекие горы казались более голубыми, и серебристое море блестело заманчиво между зелеными рамами; потом опять мало-помалу все тускнело и успокаивалось. Глаз также отдыхал. Одним словом, было спокойно, хорошо...

Крикливые люди также не мешали сегодня; никто не приходил. Я думал при этом, что в состоянии большого покоя (правда, трудно достижимого) человек может чувствовать себя вполне счастливым. Это, вероятно, думают миллионы людей, хотя другие миллионы ищут счастья в противоположном.

Я так доволен в своем одиночестве, встреча с людьми для меня хотя не тягость, но они для меня почти что лишние; даже общество (если это можно назвать обществом) Ульсона мне часто кажется назойливым, почему я и отстранил его от совместной еды. Каждый из нас ест на своей половине. Мне кажется, что если бы не болезнь, я здесь не прочь был бы остаться навсегда, т. е. не возвращаться никогда в Европу.

В то время, когда я прогуливался между кустами, мое внимание было обращено на одно дерево, почти все листья которого были изъедены насекомыми и покрыты разными грибами. Притом в умеренных странах я никогда не встречал таких различных форм листьев на одном и том же дереве. Рассматривая их, трудно поверить, что они все росли на одной ветке. Здешняя растительность отличается от растительности в умеренных полосах громадным разнообразием разноформенных паразитных растений и лиан, которые опутывают стволы и ветки деревьев, теряющих по удалению всех этих паразитов свой роскошный вид и кажущихся очень мизерными. Те же деревья, которые растут свободно, отдельно, как, например, у берега моря, представляют великолепные образчики растительного мира.

Деревня Гумбу

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Я каждый день наблюдаю движение листьев, положительно замечательное. У одного растения из семейства лилий они гордо поднимаются по утрам и после каждого дождя и уныло опускаются вдоль ствола, касаясь земли, в жаркие солнечные дни. Жалеешь, что не хватает глаз, чтобы все замечать и видеть кругом, и что мозг недостаточно силен, чтобы все понимать...

9 февраля. Забрел утром довольно далеко. Вышел из леса по тропинке, она привела меня к забору, за которым я увидел головы нескольких знакомых жителей Горенду. Между ними были и женщины; они работали, сняв лишнюю одежду, которая вместо длинных фартуков из бахромы спереди и сзади состояла, как и у мужчин, из пояса, гораздо более узкого, чем у первых; перевязь его проходила между ногами. Как только я показался, они не замедлили скрыться за группу сахарного тростника и не показывались, пока я был на плантации.

Туре, около 20 лет, из деревни Гумбу

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Плантация была недавнего происхождения. Забор в рост человека, совсем новый, был сделан весьма прочно. Он состоял из очень близко друг к другу воткнутых в землю палок,

собственно стволов *Sacharum konigii*; они были насажены в два ряда, отстоящие друг от друга на 20 см. Этот промежуток был наполнен всевозможными обрубками стволов, сучьев, расколотого дерева; а затем очень часто тростники, приходящиеся друг против друга, были связаны и придерживали всю эту массу хвороста. Главным образом придавало забору крепость то обстоятельство, что в непродолжительном времени после его насаждения тростник пускал корни, начинал расти и с каждым месяцем и годом становился все крепче. Калитка или ворота заменялись вырезкою в заборе так, что приходилось переступать порог фута в 2 вышины. Это мера предосторожности против диких свиней, которые могли бы забраться на плантацию.

Несколько перекрещивающихся дорог разделяли большое огороженное пространство на участки, на этих участках возвышались очень аккуратно расположенные довольно высокие полукруглые клумбы. Они имели около 75 см в диаметре, а земля, из которой они состояли, была очень тщательно измельчена. В каждой клумбе были посажены различные растения, как: сладкий картофель, сахарный тростник, табак и много другой зелени, мне неизвестной. Замечательно хорошая обработка земли заставила меня обратить внимание на орудия, служащие для этой цели; но кроме простых длинных кольев и узких коротких лопаток я ничего не мог найти.

У забора дымился небольшой костер, который главным образом служил туземцам для закуривания сигар. До сих пор я не мог открыть у папуасов никакого способа добывать огонь и всегда видел, что они носят его с собою и, придя на место, раскладывают небольшой костер для того, чтобы огонь не потух. Вечером я узнал от Туя много слов, но не мог добиться слова «говорить», никак не мог объяснить. Туй, кажется, начинает очень интересоваться географией и повторял за мной имена частей света и стран, которые я ему показывал на карте; но очень вероятно, что он считает Россию немного больше Бонгу или Били-Били.

12 февраля. Сегодня был счастливый день для меня. Добыл 6 хорошо сохранившихся цельных черепов папуасов, и вот каким образом. Узнав случайно, что в Гумбу много черепов, я отправился туда и приступил сейчас же к рисованию телумов, что, однако ж, оказалось неудобным по случаю темноты хижины. В других, однако ж, тоже нашлись телумы, которые были вынесены на площадку, где я их и нарисовал, после чего, раскрыв связку с подарками – гвоздями, табаком и полосками красной материи, я объявил, что желаю «тамо-гате».

Послышались голоса, что черепов больше нет, что русские забрали все. Я остался при своем, что есть, и показал еще раз на кусок табаку, 3 больших гвоздя и длинную полоску красного ситца; это была назначенная мною плата за каждый череп. Скоро принесли один череп, немного погодя два других, затем еще три. С большим удовольствием роздал я туземцам обещанное, да еще дал каждому вместо двух три полоски красной материи. Я связал добытые черепа, прикрепив их к палке, и, несмотря на сотни муравьев, взвалил добычу на плечи. Я очень жалею, что ни к одному черепу не была дана мне нижняя челюсть, которую туземцы здесь хранят у себя и нелегко с нею расстаются. Она служит им памятью по умершем.

14 февраля. Сегодня в первый раз Туй принес мне испеченного таро [...].[51] Только что я расположился рисовать пятый череп, явились гости из дальней горной деревни; ни физиономией, ни цветом кожи, ни украшениями они не отличаются от моих соседей. Когда я им показал их физиономию в зеркале, то надо было видеть их глуповато-изумленные и озадаченные лица. Некоторые отворачивались и потом снова осторожно заглядывали в зеркало, но под конец заморская штука им так понравилась, что они почти вырывали ее друг у друга из рук. Я выменял у одного из гостей футляр для хранения извести с весьма оригинальным орнаментом на несколько железных безделушек. По их уходе Ульсон заметил, что из нашей кухни пропал нож и что он подозревает одного из приходивших жителей Горенду. Это первая кража, сделанная туземцами, и именно вследствие этого я не могу пропустить ее и должен принять меры против повторения подобных оказий. Сегодня, однако

ж, я не мог идти в деревню для обличения вора. Пришлось заняться шлюпкой, которая стала сильно течь; во многих местах оказались проточины червей. Я решил, очистив низ шлюпки, покрыть его тонким слоем смолы; для этого надо было шлюпку опрокинуть или поставить на бок, что для двоих было тяжелой работой. Мы, однако же, одолели ее.

16 февраля. Я был занят около шлюпки, когда пришел впопыхах один из жителей Горенду и объявил, что послан позвать меня Туем, на которого обрушилось дерево. Он рубил его, и при падении оно сильно ранило Туя в голову, и теперь он лежит и умирает. Собрав все необходимое для перевязки, я поспешил в деревню; раненый полулежал на циновке и был, кажется, очень обрадован моим приходом, и видя, что я принес с собою разные вещи для перевязки, он охотно снял ту, которая была у него на голове и состояла из трав и листьев. Рана была немного выше виска, с довольно длинными разорванными краями. Я забыл захватить с собою кривые ножницы, которые оказались необходимы, чтобы обрезать волосы около раны; большими же, бывшими со мной, я только раздражал рану. Мелко-курчавые волосы, слепленные кровью, представляли плотную кору. Сделав, что мог, я рассказал Тую и старику Буа, который пришел посмотреть на перевязку, о вчерашней краже и сообщил подозрение на одного из жителей Горенду. Оба заговорили с жаром, что это дурно, но что подозреваемый отдаст нож. Вернувшись позавтракать в Гарагаси и на этот раз захватив ножницы, корпию и т. п., я возвратился в Горенду. Около меня и Туя, которому я обмывал рану, собралось целое общество. Между прочими находился также и предполагаемый вор. Кончив перевязку, я прямо обратился к этому человеку (Макине) и сказал: «Принеси мне мой нож». Он очень покойно, как ни в чем не бывало, вытащил требуемый нож и подал мне его. Как я узнал впоследствии, это случилось по требованию всех жителей Горенду. Туя я объяснил, чтобы он лежал, не ходил бы по солнцу и не снимал перевязки. Бледность была заметна, несмотря на темный цвет лица; она выражалась в более холодном тоне цвета кожи.

Резные идолы (телумы). Остров Били-Били

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 18 февраля 1872 г.

Когда я уходил, Туй указал мне на большой сверток ауся{21} и сахарного тростника, приготовленного для меня; это должен был, кажется, быть гонорар за лечение. Он не хотел взять за это табак, который я, однако же, ему оставил, не желая, чтобы он думал, что я ради гонорара помог ему. Многие жители Горенду, приходившие ко мне вечером, указывая на деревья, стоящие около дома и угрожавшие мне падением, прибавляли, что крыша моего дома нехороша, что она протекает, и предлагали переселиться к ним в Горенду, говоря, что все люди в Горенду очень скоро построят мне дом.

Что крыша плоха – это правда, так как в двух местах я могу видеть луну, просвечивающую между листьями.

17 февраля. Кончил рисование черепов; они все оказались *hypsistenocephali* (по Велькеру) {22}, т. е. длинно-высокоголовые. Был в Горенду; хотел перевязать рану Туя, но во всей деревне не нашел никого, за исключением трех или четырех собак; все люди были на работе или в лесу. Туй, чувствуя себя, вероятно, лучше, также ушел.

18 февраля. Утром, придя в Горенду, я нашел Туя в гораздо худшем состоянии, чем третьего дня; рана сильногноилась и над глазом и даже под ним распространилась значительная опухоль. Побранив раненого за его легкомысленное вчерашнее гулянье, я перевязал рану, сказал, что он умрет, если будет ходить по солнцу, и прибавил, что увижу его вечером. Я только что расположился обедать, как прибежал Лялай, младший сын Туя, с приглашением от отца прийти обедать в Горенду; он сказал, что для меня готова там рыба, таро, аусь, кокосы и сахарный тростник. Я пообедал, однако же, дома, а затем отправился с Лялай и Лялу в

деревню. Пройдя ручей, я услышал вдруг восклицание Лялу; обернувшись и спросив, что такое, я узнал, что Лялу наступил на змею, очень «борле» (дурную), от укушения которой человек умирает. Немедля я вернулся к тому месту, где Лялу указал мне на змею, спокойно лежащую поперек тропинки. Видя, что я приближаюсь к змее, оба туземца подняли крик: «Борле, борле, ака Маклай моен» (дурно, дурно, нехорошо, Маклай умрет). Чтобы овладеть животным, мне пришлось почти что отделить голову ножом, потом, подняв змею за хвост, я позвал Ульсона и отправил мою добычу домой, а сам скорым шагом (солнце уже садилось) пошел в деревню.

По обыкновению мой свисток предупредил жителей Горенду о моем приближении. Я это делал, как уже заметил прежде, чтобы женщины имели время спрятаться, зная, что мои соседи не желают показывать их мне. Не желая стеснять их, я предупреждал свистком о моем присутствии, чтобы показать, что я не подкрадываюсь и не стараюсь подсмотреть их образ жизни. Я много раз замечал, что туземцам очень нравился мой образ действий. Они видели, что я поступаю с ними открыто и не желаю видеть больше, чем они хотят мне показать. При моем свистке все женщины от мала до велика прятались в кусты или хижины. Сегодня было то же самое; пользуясь последними лучами солнца, я перевязал рану Туя и расположился около больного, вокруг которого собралось уже большое общество соседей, а также и жителей Бонгу и Гумбу.

Туй заметил, что при моем «кин-кан-кан» (название это он выдумал для моего свистка и произносил его в нос) все «нангели» (женщины) убежали, но что это очень дурно, потому что Маклай – «тамо-билен» (человек хороший). При этом я услышал за собою женский голос, как будто опровергающий слова Туя, и, обернувшись, увидел старую женщину, которая добродушно улыбалась; это была жена Туя, старая, очень некрасивая женщина, с отвислыми, плоскими длинными грудями, морщинистым телом, одетая в род юбки из каких-то грязных желто-серых волокон, закрывающей ее от пояса до колен. Волосы ее висели намасленными пучками вокруг головы и опускались также и на лоб. Она так добродушно улыбалась, что я подошел к ней и пожал ей руку, что ей и окружающим туземцам очень понравилось. При этом из-за хижин и кустов появились женщины разных возрастов и небольшие девочки. Каждый из мужчин представил мне свою жену, причем последняя протягивала мне свою руку. Только молодые девушки в очень коротких костюмах хихикали, толкали друг друга и прятались одна за другой.

Каждая женщина принесла мне сахарного тростника и по пучку ауся. Все, кажется, были довольны знакомством или тем, что избавились, наконец, от стеснения прятать своих жен при моем приходе. Мужчины образовали группу около лежащего Туя, курили и разговаривали, беспрестанно обращаясь ко мне (я теперь уже много понимаю, хотя еще не много говорю). Женщины расположились в некотором расстоянии около жены Туя, занимавшейся чисткою таро. Многие из молодых женщин, как, например, жена старшего сына Туя – Бонема, были недурны собою. Лицо и тело были довольно круглы, и небольшие стоячие груди напомнили мне конические груди девушек Самоа. Здесь, как и там, девочки рано развиваются; почти что дети, они уже начинали иметь вид маленьких женщин. У девушек длинные юбки из бахромы были заменены другим костюмом, который можно сравнить с двумя фартуками, один из них закрывает заднюю, а другой – переднюю часть тела. По сторонам верхние части ног от пояса остаются совершенно непокрытыми. Передний фартук короче заднего. У девочек моложе 12 лет фартуки эти принимают вид кисточек, из которых задняя гораздо длиннее передней и похожа на хвостик.

Подарков от женщин было так много, что двое туземцев должны были снести их в Гарагаси, куда я поспешил, потому что темнота уже наступала. Не успел я дойти домой, как ливень захватил меня.

19 февраля. Нашел рану Туя в худшем состоянии вследствие того, что он не может усидеть на одном месте и ходит много по солнцу. Он захотел угостить меня таро, но костер в его

хижине потух. Лялай был послан за огнем, но, вернувшись минут через 10, объявил отцу, что огня нигде нет. Так как в деревне никого, кроме нас троих, не было и хижины все были плотно заложены бамбуком, то Туй приказал сыну осмотреть все хижины, не найдет ли в них где огня. Прибежали несколько девочек и вместе с Лялаем стали осматривать хижины, но огня нигде не оказалось. Туй очень досадовал, желая сварить таро, а также и покурить. Он утешал себя, говоря, что люди с поля скоро принесут огонь. Я убедился таким образом, что у моих соседей пока еще нет средств добывать огонь{23}. Пришедшие женщины расположились около нас и с большим любопытством осматривали меня и мой костюм. Это любопытство было довольно натурально, так как они до сих пор никогда не видели меня вблизи. Я и сам осматривал их внимательно. У некоторых девочек волосы были совсем острижены, у многих смазаны золою или известью; первое – для уничтожения насекомых, второе – чтобы сделать волосы светлыми. Старухи носят их длинными, и «гатеси» (локоны на затылке), густо смазанные черною землею, висят вокруг всей головы. Пришедшие с плантации женщины и девочки принесли на спине большие мешки, перевязь которых охватывала верхнюю часть лба. Когда мешок был полон и тяжел, то они сильно нагибались, чтобы сохранить равновесие.

Как и у мужчин, носовая перегородка у женщин пробуравлена. В ушах, кроме обыкновенной дырочки для больших серег, есть еще отверстие в верхней части ушей. Через них проходит шнурок, которого средняя часть перехватывает голову как раз от одного уха к другому, а на обоих свободных концах, висящих до плеч, нанизаны попарно клыки собак. Под крышей над входом в одну хижину я заметил большого жука, энергично старавшегося освободиться из петли, которая стягивала его поперек. Лялай, семилетний сын Туя, заявил, что это его жук, которого он принес, чтобы съесть, но если я хочу, то могу взять его. Жук этот был новый вид [...] [52] и совершенно цел, почему я и воспользовался предложением мальчика. Пока я отвязывал жука, Туй показал мне на большого паука и сказал, что жители Горенду, Бонгу и Гумбу едят также и «кобум» (т. е. пауков). Итак, к мясной пище папуасов следует причислить личинки бабочек, жуков, пауков и т. п.

20 февраля. Подходя поутру к хижине Туя, я издали увидел целую сходку мужчин и женщин. Последнее обстоятельство – присутствие женщин особенно удивило меня, так как обыкновенно к этому часу все женщины уже работают на плантациях.

Деревня Горенду

1. Общественный сарай. 2. Обыкновенная хижина в два этажа. 3. Барла. Стол и скамья для [...] [53] 4. Хижина в один этаж. 5. Место костра. 6, 7. Хижины с овальным фундаментом. 8. Бамбук с водою.

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. Февраль 1872 г.

Приблизившись к Тую, я догадался, в чем дело: весь лоб, щеки и верхняя часть шеи образовали сплошную подушку; веки так опухли, что он еле мог открывать глаза. Он едва говорил; туземцы суетились около него, думая, что Туй, пожалуй, умрет. Осмотрев больного и найдя, что вся масса флюктуировала, я решился отправиться в Гарагаси за всем необходимым, чтобы делать припарки. Захватив с собою ланцет, я вернулся в Горенду, где был встречен всеми с выражениями радости. Приготовив припарки из льняного семени, я стал прикладывать их очень усердно, так что скоро без надреза значительное количество жидкой материи вылилось через ранку на виске. Я продолжал припарки в продолжение нескольких часов, сменял их очень добросовестно.

Большое общество окружило нас в почтительном расстоянии; все расселись и разлеглись в самых разнообразных позах, описывать которые при всем желании было бы очень нелегко и

все-таки не дало бы ясного представления. Главное занятие женщин и девочек было искать в куафюрах мужчин вшей, которых они раскусывали зубами и, вероятно, глотали. Я роздал сегодня женщинам по несколько полосок красной материи и по некоторому количеству бисера, который я отмеривал чайной ложкой, давая каждой по 2 ложки. Раздача женщинам шла гораздо покойнее, чем раздача чего-нибудь подобного мужчинам. Каждая получала свое и уходила, не прося прибавки, и только улыбкой и хихиканьем выражала удовольствие. Табак, кажется, понравился женщинам больше, чем остальное. За болезнью Туя жена его с женою сына приготавливали ужин для семьи и меня. Следя внимательно за приготовлением пищи, распределением и уничтожением ее туземцами, я удивлялся массе, которую папуасам приходится пожирать для существования. Не жадность, а положительная необходимость заставляет их есть так много в странах с недостаточной животной пищей. Они наедаются до того, особенно дети, что им положительно трудно двигаться.

Костяные изделия папуасов

(слева направо: ложка, вилка, нож)

21 февраля. Чувствовал себя очень скверно, но опасение ухудшения состояния Туя заставило меня отправиться в Горенду. Благодаря вчерашним припаркам опухоль была меньше и еще уменьшилась, когда я придавил ее пальцем, причем большое количество материи вылилось из раны. Вернувшись домой, мне пришлось пролежать весь день. Сегодня, когда я был в Горенду, женщин не было. Убедившись, что Туя лучше, они отправились работать на плантации, куда они уходят обыкновенно на весь день. В диком состоянии для мужчины женщины более необходимы, мне кажется, чем в нашем цивилизованном мире.

У диких женщины более работают для мужчин; у нас – наоборот; с этим обстоятельством связано отсутствие незамужних женщин между дикими и значительное число старых дев у нас. Здесь каждая девушка знает, что будет иметь мужа; они сравнительно мало заботятся о своей внешности.

22 февраля. Сегодня сделал интересное открытие: проходя мимо хижины одного туземца, я обратил внимание на его занятия. Перед ним стояла чаша, сделанная из большого кокосового ореха; другая с отверстием посередине – тоже скорлупа ореха – имела дно, покрытое слоем тонкой травы. Поставив вторую на первую, он из третьей налил на траву какую-то темно-зеленую густую жидкость, которая профильтровывалась в нижнюю. Когда я спросил, что это такое, он мне ответил, подавая кусок корня: «Кеу», и показал мне, что, выпив эту жидкость, он заснет.

Хотя я не видал листьев этого «кеу», но я думаю, что это нечто иное, как *Piper methysticum*, или полинезийская кава. Насколько я знаю, употребление кавы туземцами Новой Гвинеи до сих пор было неизвестно.

24 февраля. Не найдя Туя в Горенду, я отправился на плантации, предполагая найти его там, и не ошибся. Он сидел, несмотря на палящее солнце, около работавших членов семьи. Отправив его в деревню, я остался несколько времени на плантации посмотреть на способ обработки земли. Я уже говорил выше, что плантации папуасов очень хорошо обработаны и что круглые высокие клумбы состоят из тщательно измельченной земли. Все это достигается, как я увидел, весьма просто, но с большим трудом, с помощью двух самых примитивных орудий: простого заостренного кола более 2 м длины, называемого туземцами «удя», и узкой лопаты в 1 м длины. Вот в чем заключается процесс обработки: двое, трое или более людей становятся в ряд и вместе разом вонзают свои колья по возможности глубже в землю, потом тоже разом поднимают продолговатую глыбу земли, затем идут далее и выворачивают целые ряды таких глыб. Несколько человек, также при помощи кольев, разбивают эти глыбы на

более мелкие; за ними следуют женщины, которые, вооруженные «удя-сабами» – узкими лопатами, разбивают большие комья земли, делают клумбы и даже растирают землю руками.

26 февраля. Достал из Гумбу еще череп и на этот раз с нижней челюстью. Видел нескольких жителей Колику-Мана, которые приглашали прийти к ним; с ними была молодая женщина, сравнительно с другими очень красивая.

27 февраля. Встал до света. Запасся провизией, вареными бобами и таро на целый день и отправился в Горенду, где по уговору я должен был найти Бонема и Дигу готовыми сопровождать меня.

Перевязав рану Туя, которому гораздо лучше, я спросил о Бонеме. Ответ: ушли в Теньгум-Мана. Где Дигу? Ушел с Бонемом. «Тамо борле», – сказал я. Мне было тем досаднее, что я не знал дороги в Колику-Мана. Направление было мне известно по компасу, но тропинки здесь такие капризные, что, желая попасть на S, идешь часто на N, затем, идя большими извилинами то на W, то на O, добираешься, наконец, до настоящего направления. Бывают также такие оказии: тропинка, по которой шел, вдруг кончается, перед тобою узкий, но глубокий овраг, внизу ручей, на другой стороне сплошная стена зелени. Куда идти, чтобы попасть далее? Тропинка хорошо протоптана, много людей прошло здесь, но здесь ей конец. Что же оказывается? Надо при помощи свесившегося над оврагом дерева спуститься к ручью, там найти другое дерево, взобраться на один сук, почти что скрытый зеленью, перейти на другое дерево и затем пройти до известного поворота и спрыгнуть на пень уже по другой стороне оврага растущего дерева; перейдя, наконец, через этот секретный и сложный мост, тропа продолжается. Или случается, что надо подняться или спуститься по течению ручья, идя в воде шагов на 100 или 200, чтобы выйти на продолжение тропинки. Подобные загадки, встречающиеся на дорогах, заставили меня еще более досадовать на изменников.

Не желая подать виду, что меня можно водить за нос, я объявил, что сам найду дорогу. Вынул компас. Туземцы отступили шага на два, но все же могли видеть движущуюся стрелку компаса. Я посмотрел на него (более для эффекта) и очень самоуверенно выбрал дорогу, к великому удивлению папуасов, и отправился. Я решил идти в Бонгу и там найти себе спутника. Пройдя уже полдороги, я услышал за собою голоса знакомых, зовущих меня. Жители Горенду одумались, побоялись рассердить меня и прислали 2 человек. Но эти люди пришли более для того, чтобы уговорить меня не идти в Колику-Мана, а не для указания дороги. После длинных разговоров они вернулись в Горенду, а я пошел вперед. Снова послышались шаги. Это был Лако, вооруженный копьем и топором; он сказал мне просто, что пойдет со мною в Колику-Мана.

Более я ничего не желал и весело отправился по тропинке. Часто сворачивал я в сторону. Лако, шедший за мною (папуасы так недоверчивы, что не допускают, чтобы я шел за ними), указывал мне настоящую тропинку. Будь я один, я бы уже много раз сбился с пути.

Из леса вышли мы, наконец, к обрывистому морскому берегу. Внизу, футов 30 или 40 ниже, была хорошенькая бухточка. Надо было сойти вниз. Эта бухточка оказалась бы для меня задачей, подобно вышеупомянутой. Тропинка, подойдя к обрыву, сворачивала и шла на юг, в глубь леса, а мне надо было идти на SW. Лако подошел к дереву и махнул рукою, чтобы я следовал за ним. Когда я приблизился, он указал мне на путь и сам быстро, но осторожно стал спускаться по корням дерева к морскому берегу. Я последовал по этой воздушной лестнице, которая, хотя и казалась головоломною, но в действительности была не особенно трудною. Приходилось, разумеется, держаться на руках и, висая в пространстве, искать ногами следующую опору; в случае, если бы я оборвался, то, вероятно, раздробил бы себе череп. Внизу, пройдя минут 5 по берегу, мы опять вошли в лес. Послышался снова вдали крик. То были те же люди из Бонгу. Мы подождали немного, пока они присоединились к нам с заявлением, что пойдут со мной в Колику-Мана. Сначала лесом, затем вброд через два

ручья, потом через небольшую речку Теньгум. Мы спустились по ней к морскому берегу; перешли затем еще две речки. Вода речек была сравнительно очень холодна (25,5 °С) и контрастировала очень неприятно с температурой горячего песка морского берега, уже накаленного солнцем до 39 °С, хотя было всего 8 1/2 часов утра.

Пройдя еще с полчаса берегом, мы остановились у двух больших деревьев, откуда тропинка вела в лес; это место, оказалось, служит постоянным привалом путников в Колику-Мана, которое, однако ж, скоро заменилось поляною, покрытою высокой травой в рост человека. Эта трава покрывает все плоские и отлогие места в окрестностях и называется туземцами «унан»; она так густа и жестка, что без тропинки почти невозможно пробраться даже на короткое расстояние.

Солнце давало себя чувствовать. Пересекавшие иногда поляны участки леса приятно действовали своею прохладой. Мы незаметно поднимались в гору, но опять пришлось спуститься в глубокий овраг, внизу которого стремительно бежала речка. Нависшие с обеих сторон деревья образовали свод над нею; она напомнила мне сицилианские фьюмары.[54]

Дно ее было как бы вымощено камнями, и вода, не более 1 фута глубины, со своеобразным ропотом неслась к морю. Все речки этого берега имеют горный характер, очень крутые склоны, что объясняет их стремительность; и при дожде в несколько часов они делаются совершенно непроходимыми, с шумом и пеною катя вниз большие камни, роя берега и неся оборванные или поломанные деревья.

Поднявшись на другую сторону, тропинка вела все в гору и почти все время лесом. У последнего дерева Лако показал мне первые хижины Колику-Мана. Ряд открытых холмов тянулся к главному хребту. По ним в некоторых местах можно было различить черную линию тропинки, которая вела выше и выше. Тропинка оказалась крутою, скользкою от бывших недавно дождей. Солнце пекло сильно, но виды по обе стороны были очень хороши.

Мы прошли вдоль забора очень обширной плантации, расположенной на скате холма. Можно было подивиться предприимчивости и трудолюбию туземцев, взглянув на величину ее и тщательную обработку земли. У забора рос сахарный тростник, и моим спутникам захотелось потешиться. Мы остановились; сопровождавшие меня туземцы прокричали что-то; им ответил женский голос, который скоро приблизился. Тогда мои спутники стали передо мной на возвышенном крае тропинки и совсем закрыли меня. Между тростником я увидел скоро приближавшуюся молодую женщину; когда она подошла к забору, говорившие с нею туземцы быстро расступились, и перед нею стоял я. Сильнейший ужас изобразился на лице папуаски, никогда еще не видавшей белого; полуоткрытый рот испустил протяжное выдыхание, глаза широко раскрылись и потом редко и конвульсивно заморгали, руки ухватили судорожно тростник и удерживали откинутую назад верхнюю часть туловища, между тем как ноги отказывались служить ей.

Спутники мои, довольные эффектом своей шутки, стали объяснять ей, кто я; бросив ей кусок красной материи, я пошел далее.

Деревни Колику (

рис. 26 февраля 1872 г.) и Теньгум-Мана, подарки других деревень

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Тропинка становилась все круче. Наконец показалась первая кокосовая пальма, а затем крыша туземной хижины. Минуты через две я был на площадке, окруженной 6 или 7 хижинами. Меня приняли двое мужчин и мальчик, к которому присоединилась старая, очень

некрасивая женщина. Мои спутники очень заботились о том, чтобы жители Колику-Мана получили хорошее впечатление обо мне. Насколько я мог понять, они расхваливали мои качества: исцеление раны Туя, говорили о разных диковинных вещах в моем «таль» и т. п.

Отдохнув и роздав табак мужчинам, а тряпки женщинам, я принялся рассматривать местность кругом и хижины. Площадка, на которой мы расположились, была вершиной одной из возвышенностей хребта и окружена густою растительностью и десятком кокосовых пальм, так что только в двух или трех местах можно было видеть окрестную местность. Вид на N был особенно хорош: зеленые холмы на первом плане, цепь зеленых гор, а за ними оригинальный контур пика Константина; внизу блестящее море с островами. На S и на SO был целый лабиринт гор и холмов, покрытых лесом. Некоторые скаты были зеленого цвета, именно те из них, которые были покрыты не лесами, а унаном (*Imperata*).

Молодой папуас, лет 16—17, из деревни Колику

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Хижины не особенно отличались от характера хижин береговых деревень; они были, однако же, меньше, вероятно, вследствие небольшого пространства на вершине и трудности переноски строительного материала.

Собравшиеся вокруг меня туземцы не представляли различия от берегового населения, по внешности они отличались тем, что носили гораздо меньше украшений. В буамрамре я нашел телум, которого нарисовал; потом пошел к следующей группе хижин, а затем к третьей, которая стояла отдельно, выше двух остальных и куда пришлось лезть по крутой тропинке.

Пока для меня и моих спутников готовили обед, я стал расспрашивать о маб (вид *Cuscus'a*), который, по уверениям береговых жителей, очень часто встречается в горах. Мне принесли только обломанный череп одного и нижние челюсти двух других маб.

Нам подали, наконец, 2 табира: один для меня, другой для моих спутников. После прогулки все показалось мне отлично сваренным. Когда мы принялись за еду, все туземцы вышли на площадку и оставили меня и моих спутников одних. Некоторые из туземцев занялись приготовлением кеу. Поданное мне блюдо было огромно, и я, разумеется, не съел и одной четверти содержимого; несмотря на мое возражение, все оставшееся было завернуто в банановые листья, чтобы кушать это «мондон» (потом), а пока повешено в буамрамре.

В одном месте, где деревья расступались, можно было видеть окрестности на SO, где мне, между прочим, указали положение деревень Энглам— и Теньгум-Мана, куда я собираюсь отправиться. Все туземцы были очень предупредительны, и когда я собрался идти, из каждой хижины хозяйкою ее было вынесено по несколько аян (*Dioscorea*){24}, которые были положены мне к ногам.

Уходя, я пригласил туземцев в Гарагаси.

Был час четвертый, и солнце все еще сильно пекло; особенно утомительна была дорога вниз по открытым холмам; в тени же леса было очень сыро и прохладно. Выйдя к морю и охваченный ветром, мне показалось очень холодно, почему я, несмотря на усталость, прибавил шагу, но все-таки от пароксизма лихорадки не увернулся. Пришед в Бонгу, не говоря ни слова, я отправился в одну из больших хижин, стащил мокрую обувь, растянулся на барле и скоро заснул. Проснувшись ночью и чувствуя себя вполне здоровым, я решил идти домой, что было возможно по случаю прекрасной лунной ночи.

28 февраля. Отправился в Гумбу, надеясь набрать там еще несколько черепов. Я не спешил, чувствуя еще некоторую усталость от вчерашней прогулки. Добравшись до тропинки, направляющейся в деревню, я присел отдохнуть и полюбоваться морем. Мое раздумье было прервано появлением туземца, который бежал по берегу. Держа в левой руке над головою лук и стрелы, с каменным топором, висевшим на плече, он бежал весьма быстро и по временам правою рукою делал какие-то знаки. Вышедшие ко мне навстречу жители деревни при виде бегущего о чем-то оживленно заговорили и еще более оживились, когда за первым бегущим последовал второй, третий, четвертый. Все бежали скоро, ровно и, казалось, с важным известием. Трудно было не любоваться ими: так легко, свободно они двигались вперед. Я сидел на своем месте; первый, не останавливаясь, пробежал мимо нас, прямо в деревню. Хотя он и не остановился, но выразительной мимикой сказал новость, которую бежал сообщить деревне. Поравнявшись с нами, он ударил правой рукой себе в грудь, закинув на сторону голову и высунув немного язык (жест, которым папуасы выражают обыкновенно смерть, убийство или что-нибудь подобное); он крикнул: «Марагум – Горенду!» Второй последовал за ним; окружавшие меня туземцы побежали также в деревню; я сам направился туда же.

Не дойдя до первых хижин, услышали мы ускоренные удары барума; эти удары были другого tempo, чем обыкновенно. Из хижин было вынесено большое количество разного рода оружия. Не понимая, в чем дело, но видя общее смятение, я почти что силою остановил одного из бежавших в Гумбу туземцев и узнал от него новость: люди Марагум напали на Горенду, убили нескольких, в том числе и Бонема, затем отправились на Бонгу, но придут, вероятно, и в Гумбу и в «таль Маклай».

Марагум-Мана – большая деревня, с которою мои соседи уже давно в неприязненных отношениях. Я припомнил, что в Горенду уже несколько недель около хижин лежала постоянно наготове куча стрел и копий, так как жители все ожидали нападения со стороны горцев. В Гумбу царствовало общее смятение, которое невольно подействовало и на меня. Мужчины громко разговаривали с большим жаром, другие готовили оружие, женщины, дети и собаки кричали и выли.

Я направился скорым шагом домой, мысленно браня тревогу и глупых людей, мешающих моей покойной жизни. Несколько слов о происшедшем, сказанных Ульсону, привели его в сильную тревогу. Он попросил приготовить шляпку на случай, если «Марагум-Мана-тамо» оказались <бы> слишком многочисленными, и <сказал>,[55] что если нам не удастся отстоять хижину, мы можем перебраться в Били-Били. Чтобы успокоить его, я согласился, но сказал, что переносить что-либо в шляпку еще слишком рано и что первый выстрел так озадачит туземцев, что навряд ли они сунутся, чтобы испытать действие на них дроби, которая почти наверно разгонит их. Я, однако ж, зарядил мои ружья и решил обождать их прихода, спокойно растянувшись на койке. Я весьма скоро заснул, зная очень хорошо, что Ульсон, будучи сильно возбужден, не проспит прихода гостей.

Знаю, что заснул очень крепко и спал хорошо. Был разбужен криками и шумом в лесу. При этом я услышал изменившийся голос Ульсона: «Вот они! Пусть господин теперь приказывает, я все буду делать, что он скажет, а то я не буду знать, что делать», – говорил он на своем ломаном шведско-немецком языке. Я приказал ему загородить ящиками его дверь, самому же оставаться в доме и заряжать ружья и револьверы, которые я ему буду передавать по мере надобности; при том постараться, чтобы руки его не так тряслись. Пока мы приводили все в осадное положение, крики и шум в лесу приближались. Я вышел на веранду, положив перед собою два револьвера и ружье-револьвер. Двуствольное ружье, заряженное мелкою дробью, я держал в руках. Между деревьями за ручьем показались головы. Но что это? Вместо копий и стрел я вижу кокосы и бананы в руках приближающихся. Это не могут быть люди из Марагума.

Действительно, то были жители Бонгу, которые пришли мне сказать, чтобы я не беспокоился

о Марагум-тамо, и рассказали мне причину тревоги. Утром сегодня женщины Бонгу, выйдя на работу далеко в поле, заметили на холмах несколько незнакомых вооруженных людей; им показалось, что эти люди стараются окружить их, и некоторым из женщин почудилось, что вооруженные люди направляются в их сторону и приближаются. Они с криком бросились бежать; те, которые были впереди, услышав шаги бегущих за собою, убедились, что за ними гонятся, стали еще более кричать и направились к плантации, где работали несколько мужчин. Последние, увидав скоро, что все это была ложная тревога, стали бить своих жен, чтобы заставить их замолчать, достигли, однако же, противоположного. Жены и дочери их подняли такой гвалт, что вдалеке проходившие люди Гумбу не могли более сомневаться, что люди Марагум-Мана бьют и убивают жителей Горенду, потому кинулись бежать к Гумбу, где уже рассказали слышанную мною повесть о нападении на Горенду, смерти Бонема и т. д. Они прибавили, что люди, виденные женщинами Бонгу, могли быть действительно жителями Марагум-Мана, и поэтому все-таки опасаются нападения.

Моим соседям очень понравилось обстоятельство, что и я приготовился принять как следует неприятеля, и просили позволения прислать своих женщин под мое покровительство, когда будут ожидать нападения горцев. Я подумал, что это удобный случай познакомить моих соседей с огнестрельным оружием. До сих пор я этого не делал, не желая еще более возбуждать подозрительность и недоверие туземцев; теперь же я мог им показать, что в состоянии действительно защитить себя и тех, кого возьму под свое покровительство. Я приказал Ульсону принести ружье и выстрелил. Туземцы схватились за уши, оглушенные выстрелом, кинулись было бежать, но остановились, прося спрятать ружье скорее в дом и стрелять только тогда, когда придут Марагум-тамо. Ружье туземцы называли сегодня «табу», вследствие того, кажется, что с первого дня моего пребывания здесь все недозволенное, все, до чего я не желал, чтобы туземцы дотрагивались или брали в руки, я называл «табу», употребляя полинезийское слово, которое таким образом вошло в употребление здесь.

1 марта. Приходили люди Гумбу просить меня идти с ними и жителями Горенду и Бонгу на Марагум, говоря, что будут делать все, что я прикажу, и прибавляя, что, услышав о приближении Маклая, жители деревни Марагум убегут дальше в горы.

Пришли также жители Колику-Мана, а с ними Туй и Лялу. Все говорили о Марагум и хором прибавляли, что теперь, когда Маклай будет с ними, Марагум-тамо будет плохо.

Такое распространяющееся мнение о моем могуществе мне не только не лестно, но в высшей степени неприятно. Чего доброго, придется вмешаться в чужие дела; к тому же такие штуки нарушают мою покойную жизнь лишним шумом и тревогою.

Пошедший вечером дождь заставил меня опять отложить поездку в Били-Били.

Сидя в шалаше у костра, я занимался печением на углях ауса и банан себе на ужин и наслаждался тишиною ночи, когда мой слух внезапно был поражен сильными, затем учащенными ударами барума в Горенду. Одна и та же мысль мелькнула в голове у меня и у Ульсона: люди Марагум нападают на жителей Бонгу и Горенду, откуда стали доноситься протяжные звуки каких-то нестройных инструментов. Это обстоятельство, как и то, что бессонницей делу не поможешь, заставили меня лечь спокойно спать и не прислушиваться к фантастическим звукам, долетавшим из деревни.

2 марта. Ночью сквозь сон несколько раз слышал звуки барума, звуки папуасских музыкальных инструментов и завывания самих туземцев. Около половины пятого утра послышалось сквозь сон, что кто-то зовет меня. Я вышел на веранду и разглядел в полумраке Вангума из Горенду, который пришел позвать меня от имени всех туземцев, жителей Горенду, Бонгу и Гумбу, на их ночной праздник. Я, конечно, согласился, оделся второпях, и мы пошли, вследствие темноты часто спотыкаясь о корни и лианы.

На первой площадке Горенду я был встречен Туем, весьма бледным от бессонной ночи. Он попросил перевязать его рану, которая все еще сильно беспокоила его. Когда я кончил, он указал на тропинку, которая из деревни вела между деревьями к морю, и прибавил: выпей «кеу» и покушай «аяна» и «буам». По тропинке пришел я к площадке, окруженной вековыми деревьями, на которой расположились человек 50 туземцев. Открывшаяся картина была не только характеристична для страны и жителей, но и в высшей степени эффектна. Было, как я сказал, около 5 часов утра. Начинало светать, но еще лес покоился в густом мраке. Площадка была с трех сторон окружена лесом, а переднюю представлял обрывистый морской берег; но и эта сторона не была совершенно открыта. Стволы двух громадных деревьев рисовались на светлой уже поверхности моря. Мелкая растительность и нижние сучья этих двух деревьев были срублены, так что прогалины между ними казались тремя большими окнами громадной зеленой беседки среди леса.

На первом плане, вблизи ряда костров, группировалась на циновках и голой земле вокруг нескольких больших табиров толпа туземцев в самых разнообразных позах и положениях. Некоторые, стоя, закинув голову назад, допивали из небольших чаш последние капли кеу; другие, уже с отуманенными мозгами, но еще не совсем опьяненные, сидели и полулежали с вытаращенными, неподвижными и мутными глазами и глотали зеленый напиток; третьи уже спали в разнообразнейших позах (лежа на животе, другие на спине с раскинутыми руками и ногами, третьи полусидели с головами, низко склонившимися на грудь). Между тем как некоторых одолела бессонная ночь и кеу, другие, сидя вокруг табиров с аяном и буамом, весело болтали. Были еще и такие, которые хлопотали около больших горшков с варящимся кушаньем. Несколько, вероятно, отъявленных любителей папуасской музыки, подняв высоко над головою или прислонив к деревьям свои бамбуковые трубы, более чем в 2 м длины, издавали протяжные завывающие громкие звуки; другие, дуя в продолговатый, просверленный сверху и сбоку орех, производили очень резкие свисткообразные звуки. Кругом к стволам деревьев были прислонены копья; луки и стрелы торчали из-за кустов. Картина была в высшей степени своеобразна, представляя сцену из жизни диких во всей ее первобытности, – одна из тех, которые вознаграждают путешественника за многие труды и лишения. Но и для художника картина эта могла бы представлять значительный интерес своим разнообразием поз и выражений толпы здоровых, разного возраста туземцев, странностью освещения первых лучей утра, уже золотивших верхние ветви зеленого свода, и красного отблеска костров.

Я погрузился в рассматривание новой для меня картины. Мой взгляд переходил от одной группы к другой, от окружающей обстановки к спокойному, серебрившемуся морю и далеким горам, по которым разливался розовый свет восхода. Мне жаль было, когда несколько знакомых голосов, приглашавших присесть к ним, оторвали меня от наблюдений и созерцания. (Я часто в моих путешествиях желал и желаю быть единственно зрителем, наблюдателем, а не участником происходящего.)

Завтрак должен был быть сейчас готов, что было возведено усиленным завыванием бамбуковых труб, причем я ощутил всю неприятность этих раздирающих ухо звуков.

Скоро собралось значительное число жителей трех деревень – Бонгу, Горенду и Гумбу. Они накинулись на кушанья, принесенные в табирах очень большого размера. Из одного табира мне было положено в свежее отколотую половину кокосовой скорлупы немного желтовато-белой массы, предложенной мне с уверениями, что это очень вкусно. То был буам (саго, приготовленный из саговой пальмы) с наскобленным кокосовым орехом. Это папуасское кушанье имело действительно приятный вкус. Затем меня угостили хорошо сваренным аяном, который надо было есть сегодня с так называемым орланом^{25} [...],[56] но этот кислый соус имел такой острый запах, что я отказался от него. Скатертью служили нам банановые листья, посудой, т. е. тарелками и чашами, – скорлупа кокосовых орехов, вилками – обточенные бамбуковые палочки, заостренные кости, а многие пускали в ход свои гребни (на папуасском языке вилка и гребень – синонимы), ложками – туземные яруры. Было

оригинально видеть это разнообразие орудий, которые употребляются здесь при еде.

Уже совсем рассвело, и, рассматривая окружающих, я везде встречал знакомые лица из соседних деревень. Когда я поднялся, чтобы уйти, мне был дан целый сверток вареного аяна и послышались приглашения прийти обедать. Уходя, я должен был посторониться, чтобы дать пройти процессии, которая несла припасы для продолжения праздника. Туй с Бонемом принесли на палке большой сверток буама, тщательно обвернутый листьями; за ними несколько туземцев несли кокосы, а другие пронесли также повешенную на палке, лежащей на плечах двух носильщиков, большую корзину аяна, за нею другую и третью. Дальше 6 туземцев несли трех свиней, крепко привязанных к палкам, концы которых лежали у них на плечах. Эта процессия подвигалась с некоторою торжественностью; припасы раскладывались по порядку на известных местах площадки. Гости из других деревень осматривали и считали принесенное, делая свои замечания; все это должно было быть съедено за обедом, которым заканчивалось угощение, начавшееся накануне вечером.

Не зная наверняка, приду ли я к обеду, за мною пришли несколько туземцев, чтобы снова звать меня в Горенду. Пришлось опять вернуться в деревню, что я и сделал, запасшись обещанным табаком; по дороге я был остановлен женщинами трех деревень: дай им табаку! Пришлось дать. Женщины не принимают непосредственного участия в этих папуасских пиршествах; они едят отдельно и служат только при чистке съестных припасов; для них, как и для детей, доступ на площадку воспрещен. Так было и в Горенду. Мужчины пировали в лесу, женщины и дети расположились в деревне и чистили аян. На площадке сцена была очень оживлена и имела иной характер, чем утром. На одной стороне на циновках лежали куски распластанных свиней; кроме нескольких ножей, обмененных у меня, туземцы резали мясо бамбуковыми ножами и, кроме того, своими костяными донганами, отделяя мясо по мускулам, а затем очень искусно рвали его руками.

Другая сторона площадки была занята двумя рядами бревен, положенных параллельно; на них были поставлены большие горшки, фута 1 1/2 в диаметре; таких горшков я насчитал 39; далее стояли, также на двух бревнах, 5 горшков еще большего размера, в которых варился буам. В середине площадки очищали буам от листьев и других нечистот и скребли кокосы. Жители Горенду как хозяева разносили воду в больших бамбуках и складывали дрова около горшков. Я пришел как раз в то время, когда шел дележ мяса; оно лежало порциями, нарезанное или оторванное руками от костей. Туй громко вызывал каждого гостя, называя его имя и прибавляя «тамо» (человек) такой-то деревни. Названный подходил, получал свою порцию и шел к своему горшку (для каждого из гостей пища варилась в особенном горшке). Не успел я сесть около одной группы, как раздался голос Туя: «Маклай, тамо-русс». Я подошел к нему и получил на зеленом листе несколько кусков мяса.

Услужливый знакомый из Бонгу указал мне, где стоял для меня назначенный горшок, и так как я остановился в раздумье перед ним, не особенно довольный перспективой заняться варкой своей порции, как это делали все гости, то мой знакомый, догадавшись, что мне не хочется варить самому, объявил, что он сделает это для меня, и сейчас же принялся за дело. Он сорвал с соседнего дерева 2 больших листа и положил их крест-накрест на дне горшка; затем вынул из стоящей большой корзины несколько кусков очищенного аяна и положил вниз, а сверху куски свинины. Его сменили двое других туземцев, которые наполняли поочередно все горшки аяном: один, стоя с полною корзиною по одну сторону ряда горшков, другой же – по другую, наполняя их как можно плотнее аяном.

Когда у всех гостей были приготовлены таким образом горшки, жители Горенду, которые, будучи хозяевами, приняли на себя роль слуг, вооружились большими бамбуками, наполненными морской и пресной водою, и стали разливать воду в каждый горшок, причем морской воды они лили приблизительно 2/3, доливая 1/3 пресной. Каждый горшок был прикрыт сперва листом хлебного дерева, а затем «гамбою»{26}; это опять было сделано одним из молодых людей Бонгу, который затем стал разводить огонь под горшками. Все это

делалось одно за другим, в большом порядке, как бы по установленному правилу; то же самое случилось и при разведении громадного костра, на котором должно было вариться кушанье. Этот костер был не менее 18 м длины и 1 м ширины. Топливо было так хорошо расположено под бревнами, на которых стояли горшки, что оно скоро вспыхнуло.

Я направился к другим группам. В одной несколько туземцев скребли кокосовый орех, усердно работая своими ярурами, сохраняя начисто выскобленные половинки скорлупы. Наскобленный кокосовый орех назначался для буама, который варился в особенных больших горшках. Около другой группы лежали разные музыкальные инструменты, которые без различия называются папуасами «ай». Главнейший состоит из бамбука, метра в 2 и более длины; он хорошо очищен и перегородки внутри уничтожены; один конец этих длинных труб папуасы берут в рот, растягивая значительно губы, и, дуя или, вернее, крича в бамбук, издают пронзительные, протяжные звуки, немного похожие на завывание собак; звук этих труб можно слышать за полмили.

Другой инструмент, называемый «орлан-ай», состоит из ручки, к которой прикреплено много шнурков с нанизанными на них скорлупами орлана. Держа ручку и потрясая инструментом, туземцы производят такой звук, как будто кто трясет большими деревянными четками. Затем – «монки-ай», пустая скорлупа кокосового ореха с отверстием наверху и с другим сбоку, которые попеременно закрываются пальцем. Приложив к губам и дуя в верхнее отверстие (отверстие не вкладывается в рот, а в него дуют сверху), производят резкий звук, который варьируется вследствие открывания и закрывания бокового отверстия, а также и величины кокосового ореха. Было еще несколько других инструментов, но три описанных были главные. Участники этого папуасского пиршества, отрываясь на минуту от работы, принимались за какой-нибудь из описанных инструментов и старались показать свое искусство на одном из них по возможности более оглушительным образом, превзойти, если можно, все предшествовавшие ушираздирающие звуки.

Я отправился в деревню посмотреть, что там делается. Женщины все еще чистили аян, по временам отщепливая внутренние слои бамбуковой пластинки, которая служила им вместо ножа, вследствие чего край пластинки снова делался более острым. Что эти туземные ножи режут очень хорошо, я убедился сам, накануне вырезав себе, вовсе не желая того, из пальца кусок мяса. В деревне было жарко, гораздо меньше тени, чем в лесу, и уставшие от работы женщины пристали ко мне за табаком. Так как мужчин нигде не было видно, то они были гораздо менее церемонны, чем обыкновенно, в присутствии их мужей, отцов и братьев. Доступ женщинам на площадку, где пировали мужчины, как и мальчикам до операции «мулум», после которой они считаются уже мужчинами, строго воспрещен.

Я вернулся на площадку, где готовился наш обед. Несколько туземцев из стариков принялись за приготовление кеу.

Несколько раз в продолжение дня я замечал, что туземцы, обращаясь ко мне, называют меня Туй, а Туя – Маклаем. На мое замечание, что я Маклай, а не Туй, один из туземцев объяснил мне, что я так заботился о Туе во время болезни, что исцелил его, – Туй готов решительно все делать для меня; мы теперь такие друзья, что Туй называется Маклай, а Маклай – Туем.

Значит, и здесь, в Новой Гвинее, существует обычай передачи имен, подобно как и в Полинезии^{27}.

Жара, а особенно оглушительная музыка имели результатом сильнейшую головную боль, и я сообщил Туу, что отправляюсь домой. Как раз кушанье в моем горшке было готово, и меня не хотели отпустить, не дав мне его с собою. Его положили в корзину, обложенную внутри свежими листьями хлебного дерева. Моя порция была так велика, что тяжесть ее равнялась той, которую может нести рука человека. Я пожалел тех, кому предстояло набить свои желудки даже половиною того, что я отнес домой в руках.

3 марта. Пришедший Туй, заметя около кухни пустую корзину, в которой я вчера принес свою порцию из Горенду, привязал ее к одной из ветвей дерева около хижины, сказав мне, что если кто спросит, откуда это, я бы отвечал: «Буль (свинина) и аян от Туя в Горенду». Таким образом я узнал значение корзин разной величины, висящих на деревьях в деревнях. Я не раз спрашивал, зачем они там висят, на что мне отвечали имя какой-нибудь деревни.

4 марта. Заперев палками, гвоздями и веревками обе двери моей хижины и укрепив перед каждой пальмовую ветвь, одним словом, заперев их совершенно ? Ia raroa, т. е. так, как делают туземцы, я поднял около 12 часов ночи якорь и направился в Били-Били, островок, отстоящий отсюда миль на 15.

Парусная лодка. Остров Били-Били

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Я рассчитывал добраться туда при помощи берегового ветра и вернуться, пользуясь обыкновенно дующим днем NW, к вечеру сегодняшнего же дня. Береговой ветерок действительно потащил нас вперед, хоть и медленно; к тому же спешить было некуда, перед нами была еще почти вся ночь. К рассвету ветерок посвежел, и мы пошли скорее. Поднявшееся солнце осветило интересную для меня картину гор, которые на этом расстоянии кажутся очень высокими. Я старался рассмотреть конфигурацию гор и запомнить, в каких местах можно было с меньшими препятствиями проникнуть далее. За Мале, не доходя Богати, береговой хребет как бы расступается. Солнце совсем поднялось, и ветер стал спадать; наступил, наконец, полный утренний штиль перед NW, который начинает задуть около 8–9, а иногда только 10 часов утра. Пришлось гресть, что было довольно утомительно после ночи, проведенной без сна. Мы, наконец, приблизились к юго-восточному берегу островка, состоявшего из поднятого кораллового рифа и о который бил прибой. Высыпавшие туземцы, узнав меня, весело бежали по берегу и показывали мне, что следует обогнуть остров. Вскоре открылась и деревня. На песчаный берег были вытащены большие пироги, и так высоко, что казалось – они стояли в самой деревне. Между ними возвышались высокие крыши хижин, за которыми в свою очередь высились ряды кокосовых пальм, светлая зелень которых выдавалась на темно-зеленом фоне остального леса.

Когда мы подошли ближе к песчаному берегу, шлюпка моя была мигом подхвачена десятками рук и скоро вытащена на отлогий берег. Оставив Ульсона в шлюпке при вещах, я отправился в деревню, сопровождаемый почти что всем мужским населением. Не видя женщин, желая также познакомиться с ними, а главное – желая избавить их от затруднения прятаться при моем приближении, что было бы стеснением для нас всех, я настоял, чтобы они сами вышли получить подарки, которые я намеревался им дать. Каин, одна из влиятельных личностей деревни, который уже не раз бывал в Гарагаси и знал диалект Бонгу, узнав от меня, что женщины Гумбу, Горенду, Бонгу и других деревень более от меня не прячутся, уговорил и жителей Били-Били согласиться на мое желание. Тогда на зов мужчин из хижин вылезли несколько старух, почти совсем голых некрасивых существ. Мне объяснили, что большинство женщин на плантациях, на материке, но что они скоро вернуться.

Раздав мужчинам табак, а женщинам тряпки и бусы, я пожелал посмотреть на их телумы. Меня повели к одной хижине, но в ней было так темно, что пришлось уговорить туземцев вынести телум из хижины. Это был первый телум, изображавший женскую фигуру. Нарисовав его, мы направились в довольно обширную буамрамру, стоящую посередине деревни. Четыре угловых столба были вырезаны в виде телумов.

Нарисовав и их в мой альбом, я обошел всю деревню. Вышел также на противоположный берег острова. Вид оттуда был великолепный, к сожалению, однако ж, все вершины гор были

покрыты клубами облаков.

Когда я вернулся в деревню, меня окружили женщины и девушки, только что вернувшиеся с плантаций. Все они громко просили бус и красных тряпок, которые они видели у старух, получивших их от меня утром. У женщин украшений из раковин и собачьих зубов было гораздо больше, чем в деревнях на материке, но зато костюм их был короче и воздушнее. У девочек моложе 13 лет он ограничивался очень небольшой кисточкой спереди (закрывающей mons Veneris) и более длинной сзади. К поясу, который придерживал кисточки, по обеим сторонам были привешены украшения из раковин, больших черных и красных зерен, которые лежали по сторонам сзади, на ягодицах. Уши были пробурены во многих местах. Женщины на островке Били-Били очень деятельны: на них лежит приготовление или выделка горшков, которые развозятся и вымениваются их отцами или мужьями в береговых деревнях.

Перед отъездом я хотел напиться, почему спросил кокосовых орехов. Мне принесли несколько таких, которые туземцы называют «пиу». Я записал слов 15 или 20 диалекта Били-Били, который оказался весьма отличным от языка моих соседей, хотя некоторые слова встречаются одинакие. Многие жители Били-Били, однако ж, знают диалект Бонгу.

Шутя я сказал, что, может быть, я перееду жить в Били-Били. Эти слова были подхвачены, и жители острова с восторгом (скорее поддельным, чем истинным) стали повторять, что Маклай будет жить в Били-Били, что Били-Били лучше, чем Бонгу, и т. д. Когда я собрался ехать, пошел сильный дождь, и я решил остаться ночевать в Били-Били, к видимому удовольствию жителей.

«Пелия» – телум с острова Били-Били

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Оставить вещи в шлюпке нельзя было по случаю дождя, почему я попросил указать мне место, где я мог бы провести ночь. Мне предложили хижину или каюту одной из вытасненных на берег больших пирог. Эти пироги заслуживают внимания своею постройкою, почему я их здесь опишу. Сама пирога отличается от малых единственно своими размерами. Длина некоторых из них приблизительно около 10 или 12 м, и они (как и малые) выдолблены из одного толстого ствола; но для того чтобы пирогу не так легко заливало, к обоим краям выдолбленного ствола «пришиты» по длинной планке или две, одна на другой. Я сказал, что на каждой доске пришиты, потому что «через каждые» 1/2 м расстояния в крае пироги (в стволе), а также в планке сделано по соответственному отверстию, через которое проходит гибкий, тонкий ствол, связывающий планку с самой пирогой. Щели и промежутки, оставшиеся в отверстиях, законопачиваются разбитою и вымоченною в воде древесиною какого-то дерева. Нос и корма кончаются высокою, иногда выгнутою доскою с различною резьбою. На одной стороне находится вынос, прикрепленный к пироге двумя поперечными перекладами {28}. Размеры выноса относительно длины пироги можно видеть на рисунке (см. с. 155).

На перекладинах выноса находится платформа, на которой в больших пирогах Били-Били выстроена целая хижина длиной метра в 2, шириною метра в 4 или 5. Стены ее сделаны из расколотого бамбука, крыша – из сплетенных листьев саговой пальмы. Мачта как раз разделяла хижину на две части, по обеим сторонам которых находились два длинных сиденья, где лежа могли помещаться двое. Таким образом, считая двух других, могущих спать на полу, в хижине находилось на ночь или в случае непогоды помещение не менее как для 8 человек. Верхняя половина хижины имела разборные стены, даже крыша могла быть разобрана в очень непродолжительное время. Вообще можно было заметить, что все в пироге было прилажено очень удобно, и нигде в этой хижине не терялось даром место. У

самой мачты на высоте сиденья был укреплен плоский ящик, наполненный землей, в котором в случае надобности мог быть разложен огонь совершенно безопасно. Я нашел предложенное мне помещение очень удобным, светлее и чище, чем в хижине, и мне тотчас же пришла мысль воспользоваться со временем подобной большой пирогой для посещения деревень вдоль берега.

Каин, хозяин пироги, мой хороший приятель, принес скоро большой табир с дымящимся саго и наскобленным кокосовым орехом. Переставший перед заходом солнца дождь позволил мне обойти еще раз деревню, причем в углу одной хижины я открыл череп крокодила [...],[57] которых, как меня уверяли, очень много в море.

Я затем имел случай видеть производство горшков, которым Били-Били славится на берегу материка Новой Гвинеи на несколько десятков миль. Не удивительно, что Били-Били доставляет их такое количество, так как выделкою их занимается почти каждая семья, и у каждой хижины под крышей стоят ряды готовых и полуготовых горшков. Выделывание горшков выпадает на долю женщин. Я проследил весь процесс, начиная от смешивания глины с мелким песком до обжигания готовых горшков.

Орудие, употребляемое при выделке их, ограничивается двумя или тремя дощечками и парю круглых немного приплюснутых с обеих сторон камней. Сперва с помощью плоской палочки делается из глины верхнее отверстие горшка, которое оставляется сушиться на солнце. Когда оно немного отвердеет, к нему мало-помалу прилепляются по кускам остальные стенки, которые выравниваются. Правильная форма горшку дается тем, что, держа горшок на коленях, женщины просовывают левую руку с круглым или плоским камнем в горшок, подставляя его к внутренней поверхности стенки, а правой рукой ударяют дощечкой по соответствующему месту на внешней стороне и выравнивают при этом как поверхность, так и толщину горшка. Когда горшок готов, его сперва сушат на солнце, а потом обжигают на слое хвороста, обкладывая листьями, тонкими прутьями и т. д. Положив горшки в несколько рядов один на другой и обложив всю кучу мелким, легким хворостом, поджигают костер. Все они приблизительно одной формы, хотя разной величины, от [...] до [...]. Украшений на них мало: иногда ряд точек вокруг горла или род звезды вместо круга; иногда те же украшения выдавлены ногтем.

При заходе солнца я сделал снова прогулку вокруг островка. Я уже чувствовал себя в Били-Били, как у себя дома, и познакомился уже со многими главными тропинками и закоулками островка. Как я уже заметил выше, весь остров, за исключением деревни, покрыт лесом, в котором находится несколько экземпляров красивых старых деревьев и живописных групп пальм. Самый край берега, который у деревни отлог и песчан, здесь обрывист и состоит из поднятого кораллового известняка; в некоторых местах в нем находятся глубокие пещеры, в которые с шумом льет вода. Вид высоких гор, открытое море, красивые деревья вокруг и даже однообразный, убаюкивающий гул прибоя мне так понравились, что мысль переселиться сюда, которую я высказал туземцам шутя, показалась мне довольно хорошей. Я даже нашел 2 уголка, куда я мог бы поставить свою хижину, я не знал, которому отдать преимущество. Одно обстоятельство, однако ж, мешает: островок мал, а людей много; пожалуй, будет тесно.

Дерево, срубленное каменным топором

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Когда я отправился гулять, мне понравилось, что никто из туземцев не побежал за мною поглядеть, куда я иду, никто не спросил, куда и зачем я отправляюсь. Все были заняты своим делом. Мои соседи на материке гораздо любопытнее или, может быть, подозрительнее.

Здесь, однако ж, люди гораздо разговорчивее или любознательнее. Место жительства туземцев на небольшом островке повлияло значительно на характер их занятий и на их собственный. Не имея места на острове заниматься земледелием, они получают все главные съестные припасы из соседних береговых деревень, сами же занимаются разными ремеслами: горшечным производством, выделыванием деревянной посуды, постройкой пирог и т. п.

Возвращаясь в деревню, я был остановлен у одной хижины: хозяин пожелал поднести мне подарок и, схватив какую-то несчастную собаку (которая, вероятно, не ожидала такого конца) за задние лапы, ударил ее с размаха головой о соседнее дерево и, разможив ей таким образом череп, положил ее к моим ногам. Он это сделал так скоро, что я не успел остановить его. Поняв, что это был подарок и не желая обидеть дарящего, я принял его, но попросил, чтобы хозяин сам приготовил, сварил или изжарил бы собаку. Когда мне подали целый табир с кусками вареного собачьего мяса, я роздал обступившим меня туземцам по кусочку, оставив большую порцию Каину, небольшую Ульсону и маленькую себе.

Перед тем, как стало темнеть, все население островка, мужское и женское, было налицо. Также очень много детей, многим из которых родители хотели дать имя Маклая, на что, однако ж, я не согласился. Форма головы (чрезмерно пирамидальная с покатым лбом) одного из грудных детей обратила на себя мое внимание. Можно было подумать, что форма была дана голове искусственно, но я положительно не нашел никаких доказательств искусственной деформации черепа. Впрочем, такие конические головы я уже не раз встречал в Полинезии.

5 марта. Прослав отлично ночь, я отправился на восточный берег островка посмотреть на вершины гор Мана-Боро-Боро, как называют туземцы горы Финистер. При восходе солнца горы видны ясно; к 7–8 часам утра облака собираются и ложатся на вершины до вечера. Сегодня утро было великолепное, и два прохода &v&g; береговой цепи, около дер. Мале и около дер. Богати, так и манили возможностью пробраться вовнутрь страны.

Я так замечтался, что не заметил, как около меня расположилась целая группа туземцев и молча следила за моими взорами. Подошел также и Каин, которому я сказал, что, поев его саго, я отправлюсь домой, как только ветер будет посильнее. В ожидании саго и ветра я занялся составлением словаря диалекта Били-Били, который значительно разнится от языка моих соседей. В физиономиях туземцев я мог заметить желание, чтобы я убрался поскорее. Это желание они довольно хорошо скрывали под личиною большой любезности. Чувство это я нашел таким естественным, может быть, вследствие того, что сам испытывал его подчас. Эти люди привыкли быть одни; всякое посещение особенно такого чужестранного зверя, как я, для них сперва хотя и интересно, но потом утомительно, и желание избавиться от него, отдохнуть очень натурально.

Поэтому, как только подул слабый ветерок, я подал знак, и человек 30 проворно стащили в воду мою шляпку. Я поднял флаг, который жителям очень понравился, что они выразили громким «ай!», и медленно стал подвигаться домой, сопровождаемый прощальными криками жителей Били-Били и обещаниями скоро навестить меня. Главною причиною этого желания было, что ребенок из Кар-Кара с большими ранами на ногах, отцу которого я дал свинцовую мазь, очень поправился, почему множество больных Били-Били пристали помочь и им, но, не взяв никаких лекарств с собою, я объявил, чтобы они приехали ко мне.

К 2 часам пополудни, по случаю слабого NW, мы были уже в виду мыса Гарагаси, и не без чувства ожидания и любопытства поднялся я к своей хижине, которую в первый раз оставил так долго без присмотра и не был совершенно уверен, что мои веревки и пальмовые листья окажутся достаточно надежною преградой любопытству папуасов. Все, однако же, оказалось целым, и не успел я распутать веревки у дверей, как один за другим явилось человек 20 или более, которые с удивленными физиономиями спрашивали, где я был, и на мой ответ: «В Били-Били» сказали, что думали, что я отправился в Россию. После обеда мы выгрузили

подарки из Били-Били; оказалось около 50 кокосов, 4 ветви хороших банан и фунтов 20 саго. Табак и гвозди окупались.

6 марта. Выйдя утром на веранду, я увидел на моем столе медленно и красиво извивающуюся змею. Уловив момент, я живо схватил ее за шею у самой головы и, опустив ее в банку со спиртом, держал в ней, пока она, наглотавшись спирту, выпущенная мною, бессильно опустилась на дно банки.

Явился Туй, и я имел с ним долгий разговор о Били-Били, Кар-Каре, Марагум-Мана и т. д. Между прочим, он сообщил мне несколько названий предметов на диалектах 9 ближайших деревень. Между кокосами Били-Били было много таких, которые уже пустили ростки. Выбрав несколько из них, я посадил их перед домом.

По этому случаю я спросил Туя о кокосовых пальмах Горенду: все ли принадлежат деревне или же отдельным личностям. Туй сообщил мне, что в Горенду есть кокосовые пальмы, принадлежащие отдельным личностям, а другие – всей деревне. То же самое как и большие хижины: есть буамрамры, принадлежащие отдельным лицам, и другие, принадлежащие всей деревне.

Вечер был очень тише и тих. Я долго оставался у берега, сидя на стволе большого [...],[58] свесившегося над водой. Поверхность моря была очень покойна, и, следя за движением тысяч светящихся животных в море, можно было видеть, что они движутся самостоятельно и с различной скоростью. Это зрелище было совершенно иное, чем смотря на море ночью с судна, которого движение вперед может быть причиной раздражения и испускания света разных морских животных.

7

марта. Опять хозяйственные занятия. Белые бобы начинают портиться. Пришлось сушить их на солнце, причем сотни толстых червей выползли на подложенный холст. Ульсону пришлось отбирать испорченные бобы, что продолжалось до 2 часов. Вечером я отправился в Горенду за аянами и застал Туя опять в лежачем положении: он ходил много по солнцу, вопреки моему запрету, вследствие чего у него появился за ухом нарыв, который причинял сильную боль. Мне пришлось вернуться за ланцетом, открыв нарыв, откуда вытекло много материи, и Туй изъясился очень скоро, что чувствует большое облегчение.

Возвращаться пришлось в темноте, но я довольно хорошо пробрался по тропинке, где и днем приходится часто спотыкаться о лианы и корни. Становлюсь немного папуасом: сегодня утром, например, почувствовав голод во время прогулки и увидев большого краба, я поймал его и сырого, т. е. живого, съел, что можно было съесть в нем.

8 марта. Шлюпка опять сильно течет; в день набирается около 23 ведер воды, почти по ведру в час.

9 марта. Ходил в Горенду, где хорошо позавтракал аянами и саго.

В середине февраля прекратился дегарголь [...],[59] Вначале марта сахарный тростник почти что исчез; скоро, говорят, не будет и аяна, а вместо него на смену явится бау [...],[60] а потом еще род бобов, который папуасы называют [...],[61] аусь [...],[62] тоже с каждым днем становится хуже, так как часть его оказывается черною и изъеденною отчасти червями.

14 марта. Встал с сильнейшею головою болью; малейший шум был для меня несносен. Вдруг на большом дереве ([...],[63]), к которому прислоняется моя хижина, раздался громкий, резкий, неприятный крик черного какаду <(Microglossus aterrimus Gm)>,[64] этой специально новогвинейской птицы. Я подождал несколько минут, надеясь, что он улетит. Наконец, не вытерпел и вышел с ружьем из хижины. Птица сидела почти совершенно над

головой, футов на 100, по крайней мере, от земли. Ружье было заряжено очень мелкою дробью, так что при такой высоте и густой зелени кругом я сомневался, что выстрел будет иметь эффект, но выстрелил, главным образом чтобы спугнуть птицу и избавиться от ее несносного крика. Хотя я выстрелил почти что не целясь, птица с пронзительным криком, кружась, упала у самого ствола дерева. Неожиданная редкая добыча заставила меня на время позабыть головную боль и приняться за препарирование какаду. Расстояние между концами растянутых крыльев было более 1 м.

Хижина на сваях. Остров Били-Били

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. Март 1872 г.

К 12 часам головная боль так одолела меня, что я принужден был бросить работу и пролежал почти не двигаясь, разумеется, без еды, до следующего утра.

15 марта. Отпрепарировал мозг [...] [65] и оставил мой первый экземпляр черного какаду для миологических исследований [29].

Вечером зашел в Горенду и видел на туземцах результаты большого угощения Бонгу. Туземцы так наелись, что их животы, сильно выдававшиеся и натянутые, были так нагружены, что им было трудно ходить. Несмотря на то, каждый нес на спине или в руках порядочную порцию еды, с которой они намерены покончить сегодня же. Полный желудок мешал им даже говорить, и, ожидая приготовления ужина, что было предоставлено сегодня молодежи, большинство из мужчин лежало, растянувшись у костров. Я долго не забуду этого зрелища.

16 марта. Несколько пришедших из Колику-Мана людей принесли мне в подарок поросенка, за что получили установившуюся уже цену – небольшое зеркало в деревянной рамке. Так как их пришло человек около десяти, то пришлось каждому дать что-нибудь; дал по небольшому куску табаку, который здесь начал очень расходиться, так как при каждой встрече – приходят ли туземцы ко мне, иду ли я в деревню – все пристают: «Табак, табак».

Разговоры о нападении со стороны Марагум-Мана-тамо продолжают. Они так мне надоели, что положительно желаю, чтобы они, наконец, действительно пришли.

29 марта. Туземцы настолько привыкли ко мне и настолько убеждены, что я им не причиню никакого вреда, что я перестал стесняться относительно употребления огнестрельного оружия. Хожу почти каждое утро в лес за свежую провизией. Разные виды [...] [66] предпочитают, разумеется, мною, но я не пренебрегаю мясом попугаев, какаду и других. Попробовал на днях мясо *Corvus senex*, которого скелет я, разумеется, отпрепарировал.

Туземцы очень боятся выстрелов из ружья; несколько раз уже просили не стрелять близ деревень, но вместе с тем очень довольны, когда я им дарю перья убитых птиц, которыми они украшают свои гребни.

Вчера часы у меня остановились. Желая встать до света, я лег очень рано и заснул крепким сном. Когда я проснулся, было темно; мне показалось почему-то, что я спал долго и что скоро пора идти. Часы стоят. Я оделся и пошел сам развести огонь. Заварил чай и спек в золе аусы и бананы. Позавтракал, стал потом дожидаться первых лучей. Сидел, сидел, сидел – все так же темно. Решил, наконец, снять часть охотничьей амуниции и поспать немного. Я заснул, несколько раз просыпался – все еще было темно. Наконец, проснувшись, я вскочил, так как было уже совсем светло. Полагаю, что я завтракал в 12 часов или в час ночи. Положительно очень неудобно не иметь часов.

В Горенду застал Туя, готового сопровождать меня, и с восходом солнца мы отправились. Влезли сперва на Горенду-Мана (около 300 футов вышины) и прошли лесом на SO. Хребет невысокого кряжа был покрыт не густым, но высоким лесом, и, раз взобравшись туда, идти было удобно. Птиц, однако же, почти что не было, даже крика их нигде не было слышно. Пройдя около часа, мы вышли из леса к другому скату хребта, покрытому высоким унаном (*Imperata spec.?*), и отсюда открылась очень красивая обширная панорама холмов, кряжей и гор, покрытых темным лесом, между которым в немногих местах проглядывали светло-зеленые лужайки и склоны, покрытые унаном. На дальних высоких вершинах гор клубились уже облака.

Туй не дал мне долго любоваться видом и стал быстро спускаться по крутому скату кряжа, держась за унан и почти что исчезая в нем. Мы сошли к болоту, где высокая трава была заменена тростником (*Vidua Sacharum*) и папоротниками. Здесь послышалось далекое журчанье. Туй объяснил мне, что мы приближаемся к большой воде (реке). Снова вошли в лес. Изрытая везде земля показывала частое посещение этой местности дикими свиньями. Шум воды становился все сильнее. Деревья стали редеть. Мы выходили к опушке леса, когда на одном из деревьев я заметил несколько фигур. Они меня очень заинтересовали. Я их срисовал. Спрошенный Туй объяснил мне, что кто-нибудь из людей Теньгум– или Энглам-Мана вырубил их топором. Я спросил, стало ли это дерево теперь телум, на что получил отрицательный ответ. Хотя я уже здесь с лишком полгода, но все-таки знание языка оказалось недостаточным, я не мог спросить обстоятельно, зачем, почему сделаны эти фигуры и что они означают.

Мы подошли к самой реке, которая оказалась видимо далеко с моря. Она на значительном протяжении отделяет низкий береговой хребет от более высокого, течет с S на N и на значительном расстоянии впадает около Гумбу в море. Русло речки очень широкое, но в это время года оно было пересохшим, и несколько отдельных рукавов различной ширины образовали множество островков, покрытых преимущественно крупным булыжником. Ложе реки было в этом месте широкое (шире Невы против Петропавловской крепости), и я насчитал не менее пяти рукавов, которые надо было перейти, чтобы попасть на другой берег. В двух или трех средних вода бежит очень стремительно.

Не желая смочить обувь, я снял башмаки, что оказалось ошибкою, так как, не привыкши ходить босиком, мне было трудно идти по мелкому булыжнику. Течение было здесь также сильное, и только благодаря копы Туя, которое он мне подал, я перешел благополучно на одну из отмелей. Перейти через 4 остальных рукава мы не рискнули. Туй попробовал было, но в нескольких шагах погрузился выше пояса в воду. Я не настаивал идти далее, потому что при глубине воды и силе течения я, не умея плавать, не мог бы без чужой помощи добраться до противоположного берега. На силы Туя, не совсем еще поправившегося от раны, я не мог положиться. Переходя вброд через правый рукав, ноги мои были неприятно бомбардированы довольно крупными булыжниками (больше куриного яйца), которые неслись по течению. В средних, более широких и глубоких рукавах булыжники эти, разумеется, больше и могут, я полагаю, сшибить человека с ног.

Буамбрамра и хижина. Бонгу

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 17 марта 1872 г.

Виды на оба берега были живописны, и я пожалел, что при жарком солнце не нашел возможным сделать полный рисунок, а удовольствовался поверхностным наброском, который прилагаю.[67] Булыжники островка, на который мы перешли, были очень крупны (некоторые из них величиною с детскую голову) и свидетельствовали о силе течения во время дождей. Толстые стволы деревьев, лежащие там и сям на островках, тоже доказывали, что при

дождях масса воды должна быть очень значительна. Туй сказал мне, что в реке много рыбы и что люди Горенду и Бонгу приходят иногда ловить ее.

Я не захотел возвращаться старую дорогой. Мы поэтому влезли на крутой холм, цепляясь за корни. На вершине опять оказался унан и опять жара от палящего солнца. Снова сошли вниз к реке и опять поднялись по отлогому скату холма, покрытого лесом. Здесь, думал Туй, будет богатая охота на птиц. Но их нигде кругом не было ни видно, ни слышно. Позавтракав очень рано и не взявши ничего с собою, я почувствовал, что желудок очень пуст. Не находя добычи решительно никакой, направился домой. Туй попросил подождать его, говоря, что он хочет вырезать недалеко несколько бамбуков. Я согласился. Прождав полчаса, я стал звать его – ответа нет. Употребил свисток в дело – молчание.

Прождав еще четверть часа и думая, что Туй преспокойно возвратился домой, я также направился к дому. Надо было пройти сперва широкий луг унана. Не найдя настоящей тропы, я должен был проложить себе сам путь, что оказалось очень трудно. Жесткий, густой, выше человеческого роста унан представляет упругую массу, раздвинуть которую подчас руками или ногами мне оказывалось не под силу. Чтобы двигаться далее в таких критических местах, придумал употреблять средство, которое увенчалось успехом: я во весь рост ложился на унан, который под тяжестью моего тела медленно опускался; вставая, я мог идти далее или снова повторять придуманный маневр. Трава была выше моего роста, почему только при помощи компаса, который я, к счастью, захватил с собою, я мог идти по направлению к дому, а не блуждать по сторонам.

Раз пять я отдыхал – так трудно было прокладывать себе дорогу по этому зеленому морю. Отвесные лучи солнца, пустой желудок, вся охотничья сбрюя заставили меня даже бояться солнечного удара, так как я несколько раз почувствовал головокружение. Я, наконец, добрался до леса, и здесь долго пришлось искать тропинку в Гарагаси. Вернувшись домой, две чашки чаю, хотя не особенно хорошего и очень жиденького и без сахара, значительно освежили меня.

30 марта. Приготовил скелет серого ворона ([...][68]) и красного попугая ([...][69]). Из обрезанных мускулов, окончив работы, сам срубил себе котлетку, которую сам изжарил, так как Ульсон был занят стиркой белья. Котлетка оказалась очень вкусная.

Погода так же хороша, как и вчера: в тени не более 31 °С, что здесь вообще бывает не часто. Когда стемнело, туземцы из Горенду приехали ловить рыбу перед самой моей хижиной, на что они сперва пришли спросить позволения. Туй и Бугай остались посидеть и покурить около меня, отправив молодежь ловить рыбу. По их просьбе Ульсон спел им шведскую песню, которая им очень понравилась. Ловля рыбы с огнем очень живописна, и я долго любовался освещением и сценою ловли. Все конечности ловящего заняты при этом; в левой руке он держит факел, которым размахивает по воздуху, как только последний начинает гаснуть; правую туземец держит и бросает юр; на правой ноге он стоит, так как левую по временам снимает рыбок с юра. Когда ловля кончилась, мне преподнесли несколько рыбок, которые оказались [...].[70]

31 марта. Я размерил рис и бобы на следующие 5 месяцев; порции оказались очень небольшими, но все-таки, имея этот запас, приятно чувствовать, что не завишу от туземцев. К тому же ружье доставляет мне ежедневно свежую провизию, так что с этой стороны наша жизнь вполне обеспечена. Последние недели я замечаю изменение погоды: NW, иногда очень свежий, дувший последние месяцы в продолжение дня, заменился тихим ветерком и часто даже днем случаются штили. В марте выпало меньше дождя, чем в предыдущие месяцы, но последние дни по ночам собираются кругом черные тучи.

По деревням я замечаю также недостаток провизии.

2 апреля. Около 3 часов почувствовал себя скверно – пароксизм – и должен был пролежать весь вечер, не двигаясь, по случаю сильнейшей головной боли. Ночью была великолепнейшая гроза. Почти постоянная молния ярко освещала деревья кругом, море и тучи. Гроза обнимала очень большое пространство: почти одновременно слышались раскаты грома вдали и грохот его почти что над головой. Частые молнии положительно ослепляли, в то же время самый дальний горизонт был так же ясен, как днем; я вспомнил Шопенгауэра [...] [71]{30}.

В то же время меня трясла сильная лихорадка. Я чувствовал холод во всем теле. Кроме того, холод и сырость, врывающиеся с ветром в двери и щели, очень раздражали меня. Как раз над головой на крыше была небольшая течь, и не успевал я немного успокоиться, как тонкая струйка или крупная капля дождя падала на лицо. Каждый порыв ветра мог сорвать толстые сухие лианы, все еще висящие над крышею, что имело бы последствием падение тяжелых ящиков, лежащих на чердаке надо мною.

Нуждаясь в нескольких часах сна и отчаиваясь заснуть при всех этих условиях, я принял незначительную дозу морфия и скоро уснул.

3 апреля. После обеда отправился в Бонгу достать проводников для экскурсии в Теньгум-Мана. Я воспользовался отливом, чтобы засухо дойти туда. По обыкновению по приходе гостя туземцы готовят ему угощение, которое сегодня выпало не особенно удачным: вместо аяна сварили бау, и саго имело сильный запах плесени. Я сидел у костра, у которого несколько женщин занимались приготовлением ужина, и удивлялся ловкости, с какой они чистили овощи своими первобытными инструментами: обломком раковины [...] [72] и бамбуковым ножом. Одна из женщин пробовала чистить бау ножом, данным мною ее мужу, но легко было заметить, что она владела им гораздо хуже, чем своими инструментами. Она беспрестанно зарезала слишком глубоко, вероятно, потому, что, работая своими инструментами, они привыкли употреблять гораздо более силы, чем при усовершенствованных европейских.

Мне показали сегодня в первый раз род бобов («могар»), который туземцы поджаривают здесь, как мы, например, жарим кофе.

У одной женщины на руках был грудной ребенок, который вдруг раскричался. Я невольно нахмурился, что испугало женщину, которая поднялась моментально и удалилась в хижину; ребенок не переставал кричать, однако ж, почему женщина вышла снова из хижины, положила его в большой мешок, который повесила себе на спину таким образом, что снурок охватывал лоб, и, нагнув голову, чтобы сохранить равновесие, принялась быстро бегать назад и вперед по площадке между хижинами, причем ребенок, крик которого был, вероятно, затруднен движением, скоро умолк.

Мой ужин был готов, и меня повели в буамрамру и пригласили сесть на нары, после чего передо мной поставили табир с дымящимся бау и аусем. У папуасов здесь обычай оставлять гостя одного во время еды или только сидеть против него и прислуживать ему; хозяин при этом ничего не ест, а только прислуживает, другие же все отворачиваются или уходят на время.

Я нашел себе двух проводников, и еще третий по собственному желанию присоединяется к нам.

Когда я собрался идти, уже почти что совсем стемнело и только на берегу моря можно было различать предметы, в лесу же царствовала полная темнота, и ощупью только я мог

пробраться по узкой тропинке и не без труда дошел до Горенду, где жители были крайне удивлены моему позднему приходу. Несколько человек сидели около своих хижин и в темноте перекидывались иногда словами; только в буамрамре горел костер и варился ужин для гостя из Гумбу. Мне также предложили ужинать; я отказался и попросил только горящее полено, чтобы добраться до дому. Мне хотели дать проводника, я отказался, находя, что мне следует привыкать быть в некоторых отношениях папуасом. Я отправился с пылающим поленом в руках, но огонь скоро погас, а зажечь его снова я не сумел. Тлеющий конец мне вовсе не помогал, почему я и бросил его на полдороге. Несколько раз сбивался с тропинки, по которой днем я проходил уже много сотен раз; я наткнулся на пни и ветви и раза два усумнился, что дойду в этой темноте до дому. Я уже мирился с мыслью переночевать в лесу, но все же двигался вперед и все-таки добрался до дому, где удивился, что пришел с целыми глазами и неоцарапанным лицом.

6 апреля. Приготовился совсем идти в Теньгум-Мана. Думая в шлюпке отправиться в Бонгу, переночевать там и рано, с восходом солнца, идти в Теньгум-Мана, но сильная гроза с проливным дождем заставили меня остаться дома.

7 апреля. Теньгум-Мана – горная деревня, лежащая за рекою Габенеу, и особенно интересует меня как одна из самых высоких деревень этого горного хребта, носящего общее имя Мана-Боро-Боро. Хотя я многих жителей горных деревень не раз уже видел в Гарагаси, мне хотелось посмотреть, как они живут. Оставив Ульсона в Гарагаси, я взвалил на плечи небольшой ранец, с которым, будучи студентом в Гейдельберге и в Иене, я исходил многие части Германии и Швейцарии. Захватив с собою самое легкое одеяло, я направился в Бонгу. Дорогой, однако ж, ноша моя оказалась слишком тяжелою, почему в Горенду я отобрал некоторые вещи, свернул их в пакет и передал его Дигу, который охотно взялся нести мои вещи.

Прилив был еще высок; пришлось разуть ноги и часто по колена в воде идти по берегу. Солнце садилось, когда я вошел в Бонгу. Большинство жителей собиралось на рыбную ловлю, но многие по случаю моего прихода остались, чтобы приготовить мне ужин. В Бонгу были также гости из Били-Били, и мы вместе поужинали. Совсем стемнело, но папуасы и не думали зажечь других костров, кроме тех, которые были необходимы для приготовления ужина, и эти не горели, а догорали. Люди сидели, ели и бродили почти в полной темноте. Это хотя и показалось мне оригинальным, но не совсем удобным. Может быть, это происходит от недостатка сухого леса и значительной трудности рубить свежий каменными топорами. Когда надо было немного более света, туземцы зажигали пук сухих кокосовых листьев, который ярко освещал окружающие предметы на минуту или на две.

Папуасы имеют хорошую привычку не говорить много, особенно при еде, процесс которой совершается молча. Наскучив сидеть впотьмах, я пошел к морю посмотреть на рыбную ловлю. Один из туземцев зажег пук кокосовых листьев, и при свете этого факела мы пришли к берегу, где дюжина ярких огней пылала на пирогах и отражения их, двигаясь по воде, местами освещали пену прибоя. Весь северный горизонт был покрыт темными тучами. Над Кар-Каром беспрестанно сверкала молния, и по временам слышался далекий гром. Я присоединился к группе сидевших на берегу на стволе выброшенного прибоем большого дерева. Пироги одна за другой скоро стали приставать к берегу, и рыбаки приступили к разборке добычи. Мальчики лет 8 или 10 стояли у платформы пирога, держа факелы, между тем как взрослые раскладывали в кучки словленных рыбок. При резком освещении профиль мальчиков мне показался типичным, типичнее, чем профиль взрослых, у которых усы, бороды и громадная шевелюра, у каждого различная, представляли индивидуальный отпечаток. У мальчиков же безволосая нижняя часть лица и почти у всех выбритая голова представляли очень типические силуэты.

Три особенности кинулись мне в глаза: высокий, бегущий назад череп с покатым лбом, выдающиеся вперед челюсти, так что верхняя губа выдавалась далее вперед, чем

оконечность носа, и, в-третьих, тонкость шеи, особенно верхней полости, под подбородком. Каждый из рыбаков принес мне по несколько рыбок, и один из них, когда мы вернулись в деревню, испек их для меня в горячей золе. Когда я отправился в буамрамру, где должен был провести ночь, меня сопровождали человек 5 туземцев, которым было любопытно знать, как я лягу спать.

Лако, хозяин хижины, сидел у светло горящего костра и занимался печением пойманной им рыбы. Внутренность хижины была довольно обширна и производила при ярком освещении, позволявшем рассмотреть все до малейшей подробности, странное впечатление своею пустотою. Посередине помещался костер, у правой стены – голые длинные нары; разновидность широкой полки была прикреплена вдоль левой стороны, на ней лежало несколько кокосов, над нарами висели 2–3 копыя, лук и стрелы. От конька крыши опускалась веревка, имевшая 4 конца, которые прикреплялись к 4 углам небольшой висячей низкой бамбуковой корзины, в которой, завернутые в зеленые листья, лежали вареные съестные припасы. Вот все, что было в хижине.

Несколько кокосовых орехов, немного печеного аяна и рыбы, 2–3 копыя, лук и стрелы, несколько табиров, 3 или 4 маль{31} были единственною движимою собственностью Лако, как и большинства папуасов. Хотя у него еще не было жены, но была уже хижина, между тем как у большинства неженатых туземцев хижин не имеется.

Я приготовил себе постель, разостлав одеяло на длинных нарах, подложил под голову ранец, надул каучуковую подушку, к величайшему удивлению диких, сбросил башмаки и лег, закрывшись половиною одеяла, между тем как другая половина находилась подо мною. Человек 6 туземцев следили молча, но с большим интересом за каждым моим движением. Когда я закрыл глаза, они присели к костру и стали шептаться, чтобы не мешать мне. Я очень скоро заснул.

8 апреля. Я проснулся ночью, разбуженный движением нар. Лако, спавший на противоположном конце, соскочил с них, чтобы поправить тухнувший костер; на голое тело его, должно быть, неприятно действовал ночной ветерок, пробиравшийся чрез многочисленные щели хижины. Лако не удовольствовался тем, что раздул костер, и, подложив дров, он разложил еще другой, под нарами, под самым тем местом, где лежал, так что теплый дым проходил между расколотым бамбуком, из которого был сделан верх нар, и согревал одну сторону его непокрытого тела. Я сам нашел, что мое войлочное одеяло было не лишним удобством: ночь была действительно прохладная.

Несколько раз сквозь сон слышал, как Лако вставал, чтобы поправить огонь; также по временам будил меня крик детей, раздававшийся из ближайших хижин. Крик петуха и голос Лако, разговаривавшего с соседом, окончательно разбудили меня, так что я встал и оделся. Не найдя ни у хозяина, ни у соседей достаточно воды, чтобы умыться, я отправился к ручью. Было еще совсем темно, и я с горячей головней в руках принужден был искать дорогу к берегу моря, куда впадал ручей. Над Кар-Каром лежали темные массы облаков, из которых сверкала частая молния; восточный горизонт начинал только что бледнеть. Умывшись у ручья и захватив принесенный бамбук с водою, я вернулся в деревню и занялся приготовлением чая. Процесс этот очень удивил Лако и пришедших с утренним визитом папуасов, которые все стали хохотать, увидя, что я пью горячую воду и что она может быть «инги» (кушанье, еда) для Маклая. Покончив с чаем и выйдя из хижины, я был неприятно удивлен тем, что еще господствует темнота, несмотря на то, что я уже около часа был на ногах. Не имея часов с собою, я решил снова лечь и дожидаться дня. Я проснулся, когда уже совсем рассвело, и стал собираться в путь. Оказалось затруднение. Люди Бонгу не желали ночевать в Теньгум-Мана, между тем как я хотел провести там ночь. Я решил так, что отпущу людей Бонгу по приходе в деревню сегодня же и вернусь завтра с людьми Теньгум-Мана домой. Дело уладилось, и вместо двух со мной отправилось семь человек.

Перейдя чрез береговой хребет (около 400 фут.), мы спустились к реке Габенеу. Спуск был очень крут, так как тропинка шла без всяких зигзагов прямо вниз. Я спустился благополучно только благодаря копы, которое взял у одного из спутников. Наш караван остановился у берега реки, мутные воды которой шумно неслись мимо, стуча камнями, катившимися вдоль дна. Я разделся, оставшись в одной рубашке, башмаках, которые принес для этой цели, и шляпе, распределив снятые вещи между спутниками. Дал один конец принесенного линя, который захватил с этою целью, одному туземцу и сказал другому, дав ему другой конец, чтобы переходил чрез реку. Течение значительно подвигало его наискось, и он еще не был на другом берегу, когда мой 25-саженный лень оказался недостаточно длинным, почему я приказал первому зайти в воду настолько, чтобы веревки хватило бы до другого берега. Таким образом лень был растянут поперек самого стремительного места рукава. Я сошел в реку, держась одною рукою за лень. Вода показалась мне очень холодною (хотя термометр показывал 22 °С) и доходила мне выше груди, а в одном месте до плеч. Камни действительно бомбардировали ноги, но течение могло нести только небольшие, которые не в состоянии были сбить человека с ног.

Я нашел, что и без линя я мог бы перейти реку, подвигаясь наискось, что я и сделал при переходе через следующие 3 рукава. Главное неудобство состояло в неровном кремнистом дне и в мутности воды, не позволявшей разглядеть характер дна.

Перейдя на другой берег, я уже хотел одеться, когда мне сказали, что нам придется перейти еще через один рукав, почему я и остался в своем легком, но не совсем удобном костюме. Солнце очень пекло мои голые и мокрые ноги; вместо того чтобы взобраться на правый берег, мы пошли вверх по руслу реки, по каменистым отмелям, переходя десяток раз рукава реки, вода которой была во многих местах выше пояса. Мы шли таким образом около 2 часов под палящим солнцем, и, чтобы предупредить возможность пароксизма лихорадки, я принял грана 3 хины. Оба берега реки были высоки и покрыты лесом и в некоторых местах обрывисты, причем можно было видеть пласты серо-черного глинистого сланца. У большого ствола саговой пальмы, принесенной сюда, вероятно, в последнюю высокую воду, Лако сказал мне, что здесь я могу одеться, так как более в воде не придется идти. Пока я следовал его совету, туземцы курили, жевали бетель, разглядывая мои башмаки, носки, шляпу, и, рассуждая о них, делали очень смешные замечания.

На пне, где мы сидели, я заметил несколько фигур, вырубленных топором, похожих на те, которые я видел во время последней экскурсии к реке.

Подойдя к правому берегу, в месте, где я менее всего ожидал тропинки, мне указали узкую тропу вверх, и только с помощью корней и ветвей можно было добраться до площадки, откуда тропинка становилась шире и отложе. Не стану описывать наш путь вверх, скажу только, что дорога была очень дурна, крута, и я несколько раз принужден был отдыхать, не будучи в состоянии идти постоянно в гору. Обстоятельство это ухудшалось тем, что, идя впереди всех и имея за собою целый караван, я не мог останавливаться так часто, как если бы я был один. Никто из туземцев не смел или не хотел идти передо мной.

Теньгум-Мана

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 7 апреля 1872 г.

Наконец, пройдя обширную плантацию сахарного тростника и банан, мы достигли вершины. Я думал, что сейчас покажется деревня, но ошибся, пришлось идти далее. В ответ на крик моих спутников послышалось несколько голосов, а затем, немного спустя, показалось несколько жителей деревни, из которых, однако, многие бросились назад, завидя меня. Много слов и крику стоило моим спутникам вернуть их; боязливо приблизились они снова, но когда я

протянул одному из них руку, он опять стремглав бросился в кусты. Было смешно видеть, как эти здоровенные люди дрожали, подавая мне руку, и быстро пятились назад, не смея взглянуть на меня и смотря в сторону.

После этой церемонии мы отправились в деревню: я вперед, а за мною гуськом человек 25. Мое появление там произвело тоже действие панического страха: мужчины убежали, женщины быстро ретировались в хижины, закрывая за собою двери, дети кричали, а собаки, поджав хвосты и отбежав в сторону, принялись выть. Не обращая внимания на весь этот переполох, я присел, и в очень короткое время почти все убежавшие жители стали показываться один за другим снова из-за углов хижин. Мое знание диалекта Бонгу здесь не пригодилось, и только при помощи переводчика я мог объяснить, что я намереваюсь остаться ночевать в деревне, чтобы мне указали хижину, где я могу провести ночь, и прибавил, что желал бы достать в обмен за ножи один экземпляр маба ([...][73]) и дюга ([...][74]){32}. После некоторых прений меня привели в просторную хижину, и, оставив там вещи, я отправился, сопровождаемый толпою туземцев, осмотреть деревню. Она была расположена на самом хребте. Посредине тянулась довольно широкая улица; с обеих сторон стояли хижины, за которыми спускались вниз крутые скаты, покрытые густо зеленью. Между хижинами и за ними подымались многочисленные кокосовые пальмы; по скату ниже были насажены арековые пальмы, которые здесь растут в изобилии, к великой зависти всех соседних деревень.

Большинство хижин было значительно меньше, чем в прибрежных деревнях. Все они были построены на один лад: имели овальное основание и состояли почти что из одной крыши, так как стен по сторонам почти не было видно. Перед маленькой дверью была полукруглая площадка под такую же крышею, которая опиралась на две стойки. На этой площадке сидели, ели и работали женщины, защищенные от солнца. Пока я занялся рисованием двух телумов, для нас, т. е. гостей, готовились «инги». Прибежали 2 мальчика с известием, что инги готово, за ними следовала процессия: 4 туземца, каждый с табиром; в первом находился наскобленный кокосовый орех, смоченный кокосовой водой, в трех остальных – вареный бау. Все четыре были поставлены у моих ног. Взяв по небольшой порции монки-ла и вареного таро, я отдал все остальное моим спутникам, которые жадно принялись есть. Немного поодаль расположились жители Теньгум-Мана, и я имел удобный случай рассмотреть их физиономии, так как они были заняты оживленным разговором с людьми Бонгу. Между ними было несколько таких физиономий, которые вполне соответствовали понятию о дикаре. Вряд ли самое пылкое воображение талантливого художника могло придумать более подходящую.

Дягусли из деревни Теньгум-Мана

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 8 апреля 1872 г.

Мне принесли несколько сломанных черепов маба, но между ними не оказалось ни одного черепа казуара. По всему было видно, что здешние жители не занимаются правильной охотой, а убивают этих животных при случае. Мои спутники, между тем, наговорили так много страшного обо мне, т. е. что я могу жечь воду, убивать огнем, что люди могут заболеть от моего взгляда и т. д., и т. д., что, кажется, жителям Теньгум-Мана стало страшно оставаться в деревне, пока я там нахожусь. Они серьезно спрашивали людей Бонгу, не лучше ли им уйти, пока я у них в деревне. Я очень негодовал на моих спутников за такое застрашивание горных жителей моей личностью, не догадываясь тогда, что это было сделано с целью установить между жителями горных деревень мою репутацию как очень опасного или очень могучего человека. Они это делали, как я потом понял, для своей же пользы, выставляя меня как их друга и покровителя.

Мне так надоели вопросы, останусь ли я в Теньгум-Мана или вернусь домой, что я повторил

мое решение остаться и лег на нары под полукруглым навесом хижины и заснул. Моя сиеста продолжилась более часа. Сквозь сон я слышал прощанья туземцев Бонгу с жителями Теньум-Мана.

Отдохнув от утренней ходьбы, я пошел погулять по окрестностям деревни, разумеется, сопровождаемый целою свитою туземцев. Пять минут ходьбы по тропинке привели нас к возвышенности, откуда слышались голоса. Взбираясь туда, я увидел крыши, окруженные кокосовыми пальмами. Это была вторая площадка; выше ее была еще третья – самая высокая точка в Теньгум-Мана; вид отсюда должен был быть очень обширный, но его значительно скрывала растительность. На NO вдали простиралось море, на O, отделенная глубокою долиной, возвышалась Энглам-Мана, на W за рядом холмов виднелось каменистое ложе реки Коли, на SW тянулся целый лабиринт гор. Расспросы о них привели к результату, что только Энглам-Мана заселена, что все другие, видневшиеся с этой точки, совершенно необитаемы и что туда никто не ходит и нет нигде в тех местах тропинок. Возвращаясь, я обратил особенное внимание на хижины. Перед входом многих из них висели кости, перья, сломанные черепа собак, кускусов, у некоторых – даже человеческие черепа, но без нижней челюсти. В одном месте поперек площадки на растянутой между двумя деревьями веревке висел ряд пустых корзин, свидетельствовавших о подарках из других деревень. Энглам-Мана изобилует арековой пальмой и кеу.

«Кария» – телум из деревни Теньгум-Мана

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 8 апреля 1872 г.

Когда я поставил столик, сел на складную скамейку, вынул портфель с бумагой и камеру-луциду^{33}, туземцы, окружавшие меня, сперва попятнулись, а затем совсем убежали. Не зная диалекта их, я не пытался говорить с ними и молча принялся рисовать одну из хижин. Не видя и не слыша ничего страшного, туземцы вновь приблизились и совершенно успокоились, так что мне удалось сделать 2 портрета; как раз один из них был именно тот, о котором я сказал, что он внешнею особенно подходит под наше представление о дикаре. Но так как эта «дикость» не заключается в чертах лица, а в выражении, в быстрой перемене одного выражения на другое и в подвижности мускулов лица, то, перенеся на бумагу одни линии его профиля, я получил очень недостаточную копию с оригинала. Другой туземец был гораздо благообразнее и не имел таких выдающихся челюстей.

Ален из деревни Теньгум-Мана

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 8 апреля 1872 г.

Обед и ужин, который мне подали, состояли снова из вареного бау, банан и наскобленного кокосового ореха. Один из туземцев, который знал немного диалект Бонгу, взялся быть моим чичероне, не отходил все время от меня; заметив, что принесенное бау так горячо, что я не могу есть его, он счел обязанностью своими не особенно чистыми руками брать каждый кусок таро и дуть на него. Поэтому я поспешил взять табир из-под его опеки и предложил ему скушать те кусочки бау, которые он приготавливал для меня. Это, однако ж, не помешало ему следить пристально за всеми моими движениями. Заметив волосок на куске бау который я только что подносил ко рту, мой туземец поспешно полез своей рукой, снял его и, с торжеством показав его мне, бросил.

Чистотою здешние папуасы, сравнительно с береговыми, не могут похвастаться. Это отчасти

обусловливается недостатком воды, которую им приходится приносить из реки по неудобной горной лесной дороге.

Когда я спросил воды, мне вылили из бамбука после долгого совещания, откуда налить, такую грязную бурду, что я отказался даже попробовать ее.

Около 6 часов облака спустились и закрыли заходящее солнце; стало сыро и холодно, скоро совершенно стемнело. Как и вчера в Бонгу, мы остались в темноте; при тлеющих углях можно было едва-едва разглядеть фигуры, сидящие в двух шагах. Я спросил огня. Мой чичероне понял, должно быть, что я не желаю сидеть в темноте, и принес целый ворох сухих пальмовых листьев и зажег их. Яркое пламя осветило сидящую против меня группу туземцев, которые молча курили и жевали бетель. Среди них около огня сидел туземец, которого я уже прежде заметил; он кричал и командовал больше всех, и его слушались; он также вел преимущественно разговор с жителями Бонгу и хлопотал около кушанья. Хотя никакими внешними украшениями он не отличался от прочих, но манера его командовать и кричать заставила меня предположить, что он главное лицо в Теньгум-Мана, и я не ошибся. Такие субъекты, род начальников, которые, насколько мне известно, не имеют особенного названия, встречаются во всех деревнях; им часто принадлежат большие буамрамры, и около них обыкновенно группируется известное число туземцев, исполняющих их приказания {34}.

Резное изображение. Деревня Теньгум-Мана

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 8 апреля 1872 г.

Мне захотелось послушать туземное пение, чтобы сравнить с пением береговых жителей, но никто не решался затянуть мун Теньгум-Мана, и я счел поэтому самым рациональным лечь спать.

9 апреля. Толпа перед хижиной, в которой я лежал, еще долго не расходилась, туземцы долго о чем-то рассуждали. Особенно много говорил Минем, которого я принял за начальника. Только что я стал засыпать, как крик свиньи разбудил меня. Несколько зажженных бамбуков освещали группу туземцев, которые привязывали к длинной палке довольно большую свинью, назначенную для меня. Потом ночью сильный кашель в ближайшей хижине часто будил меня; также спавшие на других нарах двое туземцев часто поправляли костер, разложенный посреди хижины, и подкладывали уголья под свои нары. С первыми лучами солнца я встал, обошел снова всю деревню, собирая черепа, кускус и что найдется интересного; приобрел, однако ж, только 2 человеческих черепа без нижних челюстей и телум, которого туземцы называли «Калиа». Этот последний телум я получил после долгих толков, крика Минема и обещания с моей стороны, кроме гвоздей, прислать несколько бутылок.

После завтрака, состоявшего также из вареного таро и кокоса, я дал нести мои вещи 3 туземцам и вышел из-под навеса хижины. На площадке стояло и сидело все население деревни, образуя полукруг; посредине стояли двое туземцев, держа на плечах длинный бамбук с привешенной к нему свиньей. Как только я вышел, Минем, держа в руках зеленую ветку, подошел торжественно к свинье и проговорил, при общем молчании, речь, из которой я понял, что эта свинья дается жителями Теньгум-Мана в подарок Маклаю, что ее люди этой деревни снесут в дом Маклая, что там Маклай ее заколет копьем, что свинья будет кричать, а потом умрет, что Маклай развяжет ее, опалит волосы, разрежет ее и съест. Кончив речь, Минем заткнул зеленую ветвь за лианы, которыми свинья была привязана к палке. Все хранили молчание и ждали чего-то. Я понял, что ждали моего ответа.

Я подошел тогда к свинье и, собрав все мое знание диалекта Бонгу, ответил Минему, причем

имел удовольствие видеть, что меня понимают и что остаются довольны моими словами. Я сказал, что пришел в Теньгум-Мана не за свиньей, а чтобы видеть людей, их хижины и гору Теньгум-Мана, что хочу достать по экземпляру маба и дюга, за которых я готов дать по хорошему ножу (общее одобрение с прибавлением слова «эси»), что за свинью я также дам в Гарагаси то, что и другим давал, т. е. «ганун» – зеркало (общее одобрение), что когда буду есть свинью, то скажу, что люди Теньгум-Мана – хорошие люди, что если кто из людей Теньгум-Мана придет в таль Маклай (дом Маклая), то получит табак, маль (красные тряпки), гвозди и бутылки; что если люди Теньгум-Мана хороши, то и Маклай будет хорош (общее удовольствие и крики: «Маклай хорош и тамо Теньгум-Мана хороши»). После рукопожатий и криков «эме-ме» я поспешил выйти из деревни, так как солнце уже поднялось высоко.

Мужской дом в деревне Теньгум-Мана

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Проходя мимо последней хижины, я увидел небольшую девочку, которая вертела в руках связанный концами снурок. Остановившись, я посмотрел, что она делает; она с самодовольною улыбкою повторила свои фокусы со снурком, которые оказались теми же, которыми занимаются иногда дети в Европе.

Сходя с одной возвышенности, я удивился многочисленности проводников, которые все были вооружены копьем, луком и стрелами. Для закуривания многие несли с собою дымящееся обугленное полено, не открыв до сих пор способа добывания огня. Они повели меня другою дорогою, а не той, по которой я пришел. Зная свои тропинки лучше, чем люди Бонгу, они хотели сократить путь, который оказался круче и неудобнее, чем тот, по которому мы шли вчера.

В одном месте, около плантации, вдоль тропинки лежал толстый ствол упавшего дерева, по крайней мере в метр в диаметре. На стороне, обращенной к деревне, были вырублены несколько иероглифических фигур, подобных тем, которые я видел в русле реки на саговом стволе, но гораздо старше последних. Эти фигуры на деревьях, как и изображения в Бонгу (о которых я говорил) и на пирогах Били-Били, заслуживают внимания, потому что они не что иное, как первый фазис развития письменности, первые шаги изобретения так называемого идейного шрифта. Человек, рисовавший углем или краскою или рубивший топором свои фигуры, хотел выразить какую-нибудь мысль, изобразить какой-нибудь факт. Эти фигуры не служат уже простым орнаментом, а имеют абстрактное значение; так, например, в Били-Били изображения процессии для приготовления к празднеству были сделаны в воспоминание окончания постройки пироги. Знаки на деревьях имеют очень грубые формы, состоят из нескольких линий; их значение, вероятно, остается понятным только для вырубавшего их и для тех, которым он объяснил значение своих иероглифов.

Я с удовольствием услышал шум реки, потому что тропинка была утомительна и необходимо было полное внимание, чтобы не задеть ногою за какую-нибудь поперек лежащую лиану, не оступиться о камень, не расшибить себе колено о лежащий поперек ствол, скрытый травой, не выколоть себе глаз о сучья и т. п. Все это мешало спокойно рассматривать местность. Мы подошли к тому самому месту, где вчера начали восхождение к Теньгум-Мана. У последнего уступа в несколько десятков фута вышиною была прогалина и вид на реку очень живописен.

Я остановился, чтобы отдохнуть и сделать набросок местоположения в альбом, сказав людям, чтобы они сошли вниз к реке и там бы ждали меня. Картина оживилась сошедшими вниз папуасами и приобрела тем туземный колорит. Я насчитал 18 человек. Они расположились отдыхать разнообразными группами. Одни лежали, вытянувшись на теплом песке, другие, сложив принесенные головни, сидели у костра и курили, третьи жевали бетель.

Некоторые, наклонившись к реке, пили мутную воду Многие, не расставаясь со своим оружием, стояли на больших камнях, опираясь на копья. Они зорко осматривали противоположный берег. Я потом узнал, что жители Теньгум-Мана находятся во вражде и ведут войну с жителями Гадаб-Мана; поэтому они все были вооружены и несколько человек стояли часовыми во время отдыха товарищей.

Я так загляделся на окружающую меня картину, что позабыл рисовать; притом мой неискусный карандаш мог бы воспроизвести лишь неполную, бледную копию с этой своеобразной местности и ее жителей. Я сошел к реке, как вчера, разделся, и мы отправились вниз по ее руслу. Солнце сильно пекло, и камни, по которым пришлось идти, поранили мне ноги до крови. Две сцены оживили нашу переправу. Один из туземцев, заметив гревшуюся на солнце ящерицу и зная, что я собираю различных животных, подкрался к ней, затем с криком бросился на нее, но она улизнула. Человек 10 пустились преследовать ее, она металась между камнями, туземцы преследовали ее с удивительной ловкостью и проворством, несмотря на все препятствия, ношу и оружие. Наконец, ящерица скрылась между камнями под группу камыша, но и здесь дикие отыскивали ее. В один момент камыш был выдернут, камни разбросаны и земля быстро раскопана руками. Один из туземцев схватил ящерицу за шею и подал ее мне. Кроме платка, у меня не нашлось ничего, чтобы спрятать ее; пока ее завязывали, она успела укусить одного из туземцев так, что кровь сейчас же показалась, но улизнуть она не могла.

При переходе чрез один из рукавов реки туземцы заметили множество маленьких рыбок, быстро скользивших между камнями; мои спутники схватили камни и в один миг десятки их полетели в воду, часто попадая в цель. Убитые и пораненные рыбки были собраны, завернуты в листья и сохранены на ужин. Сегодня пришлось идти вниз по реке дольше, чем вчера, так как я хотел попасть прямо домой, а не в Бонгу или в Горенду. Придя, наконец, домой часам к четырем, я застал Ульсона бледным и шатающимся вследствие двух пароксизмов, так как он не во время принял хину. Я узнал, что в мое отсутствие Туй ночевал в Гарагаси (вероятно, приглашенный Ульсоном), чем я остался очень недоволен. Пришли еще жители Горенду и их гости из Били-Били. Около моей хижины расположились, болтая, человек 40 туземцев. Раздав табаку и по куску красной материи моим проводникам, я дал, согласно обещанию, зеркало одному из них за свинью, 2 бутылки и несколько больших гвоздей за телума и отпустил их, очень довольных мною, обратно в Теньгум. Сам же, не евши в течение 10 часов, с удовольствием выпил чай без сахара с вареным аяном.

10 апреля. Ночью я почувствовал боль в ноге и когда встал утром, она оказалась сильно опухшею, с тремя ранками, наполненными материей. Это был результат вчерашнего перехода через реку. Невозможность надеть башмаков и боль при движении заставили меня сидеть дома. Я поручил жителям Бонгу привязать на свой лад принесенную вчера свинью, так как я не хотел приказать зарезать ее немедленно.

12 апреля. Два дня сидения дома имели хороший результат для моей ноги, так что я был в состоянии отнести сам порции свиного мяса в подарок жителям Горенду, так как сегодня свинья из Теньгум-Мана была зарезана Ульсоном. Она была слишком велика для двоих, и я, не желая возиться с солением и следуя местному обычаю, решил дать половину знакомым в Горенду и Бонгу{35}. Принесенные куски мяса произвели большой эффект в Бонгу, и хотя я принес свинину только трем из жителей, но сейчас же были созваны женщины с трех площадок, чтобы чистить и готовить аян и бау. В угощении приняли участие и жители [...].[75]

Отдыхая, лежа в прохладной буамрамре, я заметил старый телум, у которого тело было человеческое, а голова крокодила. Затем я обратил внимание на приготовление папуасского кушанья «кале», которое видел в первый раз. Оно состояло из наскобленного, слегка поджаренного кокосового ореха, растертого с бау или аяном, из чего выходит довольно вкусное тесто.

Детей здесь рано приучают помогать в хозяйстве. Смешно видеть, как ребенок года в полтора или два тащит к костру большое полено, а затем бежит к матери пососать грудь.

Сегодня опять имел случай видеть обстоятельно процедуру приготовления кеу. Видел также, что и женщины пьют иногда этот напиток.

14 апреля. Несколько человек явилось из Бонгу за лекарством; один пришел с больными ногами; другой принес мне экземпляр трубы, которую я ему уже давно заказал, остальные явились с кокосовыми орехами.

Передавая мне длинный бамбук [...],[76] туземец сказал мне, чтобы я не показывал «ай» (общее название всех музыкальных инструментов) женщинам и детям, что это для них может быть худо. Здесь туземцы хранят все свои музыкальные инструменты втайне от женщин и детей и занимаются своим «ай» (т. е. музыкой) всегда вне деревень. Причина этого устранения женщин от музыки, пения и т. п. мне остается неизвестной.

15 апреля. Погода меняется, частые штили, слабый ветер иногда от SO, пасмурность. Мое помещение так мало, что, если не соблюдать самый строгий порядок и неаккуратно каждый день ставить и класть все на место, положительно негде было бы сидеть. Эти постоянные уборки сопряжены со значительною скукою и потерю времени.

16 апреля. Придя утром в Горенду, я встретил там двух женщин из другой деревни, которые пришли в гости к женам Туя и Бугая. Большие мешки с подарками (бау и аяна) висели у них за спинами, между тем как веревки этих мешков обвивали лоб. Мешки были так тяжелы, что они не могли идти или стоять иначе, как полусогнувшись. Они были очень любезно встречены женщинами Горенду, которые пожимали им руки и гладили по плечу. Женщины при здоровании между собою подают друг другу руки или 2 или 3 пальца. У этих женщин от плеч над грудями, опускаясь к средней линии тела, был выжжен ряд пятен, которые отличались своим более светлым цветом от остальной кожи. Этот род татуировки встречается далеко не у всех.

17 апреля. Сегодня видел в Гумбу, как при помощи простой раковины и нескольких осколков кремня выделываются из бамбука папуасские гребни. Верхняя часть этих гребней украшается бордюром орнаментов, выцарапанных очень искусно осколками кремня. Бордюры эти очень разнообразны, и я нарисовал несколько из них (сделал факсимиле). Чтобы сделать подобный гребень своими примитивными инструментами, туземцу требуется почти что полдня работы.

Последнее время приходилось серьезно заниматься охотой, так как наша дневная пища (стакан кофе утром с небольшим количеством таро, вареного или печеного, и немного бобов, таро и чашка чаю за обедом) становилась недостаточною. Охота здесь не оказалась трудною, так как птицы, еще не знакомые с действием огнестрельного оружия, не боязливы и подпускают меня очень близко. Главная добыча моя состоит [...].[77] Мне вздумалось испытать на себе действие кеу. Наскреб ножом корень и стебель *Piper methysticum*, нарезал листьев и на полученную массу, составляющую около 2 полных столовых ложек, налил воды в обыкновенный стакан почти до края. Дал настояться около часу, после чего выжал размокшую массу (корень, стебель и листья) через полотно несколько раз, постоянно смачивая ее тою же жидкостью. Выжатая жидкость была зелено-коричневого цвета и имела горький, но не неприятный вкус. Запах был сильный, характеристичный, но не неприятный. Выпив около стакана этой горькой жидкости так, как пьют лекарство, т. е. не обращая внимания на не особенно хороший вкус, я не почувствовал никакого особенного действия. Не думаю, чтобы виною этого была слабость настоя, а скорее отсутствие слюны, которая производит брожение жидкости и делает напиток кеу одуряющим.

19 апреля. Дождь лил всю ночь и все утро и наполнил 480 делений моего дождемера.

20 апреля. Зайдя в Горенду, я сидел в ожидании ужина на барле. От нечего делать взял в

руки лежавшую на земле стрелу и, заметя обломанный конец, вынул нож, чтобы заострить его, так как туземцам эта операция, производимая кремнем, не очень легка и отнимает много времени. Стоящий около меня Вангум объяснил, что стрела сломалась, будучи пущена в маба. Когда я спросил, убит ли маб, он отвечал, что нет, что он находится в соседней хижине. Я отправился или, вернее, влез в нее (так высоки пороги и так малы двери) и в полумраке рассмотрел белую, висящую у потолка массу, которая оказалась мабом. Хижина была в два этажа, и животное висело, крепко привязанным за хвост головою вниз. Желая рассмотреть его ближе, я сказал, чтобы его вынесли из хижины. Вангум раковиною перерезал лиану, привязанную к хвосту маба, который при этом ухватился передними лапами за [...] [78] и с такою силою, что Вангум, ухвативший его за хвост обеими руками, не мог стащить с места, так как животное вонзило свои крепкие, острые когти в дерево. Прежде чем я мог остановить его, Вангум с силою ударил толстою палкою по передним ногам маба, так что от боли животное должно было уступить и было, наконец, стащено вниз. Держа его за хвост, чтобы не быть укушенным, Вангум выбросил его из хижины. Я последовал за ним.

Бедное раненое животное сердито разевало рот при каждом моем движении, показывая свои длинные нижние резцы и серо-красноватый язык, но не пробовало убежать. Оно было около 50 см длины, серовато-белого цвета. Мех был мягок и густ, волоса, однако же, не длинны. Жирное тело не могло держаться на коротких ногах, снабженных длинными согнутыми когтями. Когда, собравшись с духом, маб вздумал бежать, то это не удалось ему на ровной земле. Он сделал несколько неуклюжих движений, остановился и прилег на сторону; может быть, это случилось потому, что животное не оправилось еще от сильного удара палкою по передним ногам или от раны стрелою.

Желая приобрести маба, я сейчас же предложил за него нож, который для туземцев был бы хорошею ценою за животное, и спросил, кому он принадлежит. Оказалось, что настоящего владельца его не было, потому что он был пойман следующим образом. Утром двое туземцев в одно и то же время заметили животное, которое спускалось с дерева почти что у самой деревни. Когда они бросились ловить его, испуганный маб, не видя другого спасения, влез быстро на отдельно стоящую пальму, после чего в ловле приняло участие полдеревни: один выстрелил из лука, ранил животное слегка в шею, другой влез на дерево и сбросил его, остальные поймали его уже внизу. Было решено съесть его сообща, и уже приготавливали костер, чтобы опалить его густую шерсть. Мое предложение поэтому очень озадачило туземцев. Каждому хотелось получить нож, но никто не смел сказать: «Животное мое». Мне отвечали, что дети в Горенду будут плакать, если им не дадут поесть мяса маба.

Я знал очень хорошо, что если я возьму животное и унесу его домой, никто из жителей Горенду не посмеет воспротивиться этому; но мне противно было совершить такую несправедливость и силою завладеть чужою собственностью. Я объявил поэтому стоящим в ожидании моего решения туземцам, что пусть люди Горенду съедят маба, но что голову его я беру себе. Обрадованные таким оборотом дела, несколько человек бросилось помогать мне. Тупым ножом, за неимением другого, перепилил я шею несчастного животного, которое во время этой варварской операции не испустило ни единого звука. Когда я мыл покрытые кровью руки, я вспомнил, что надо было отрезать переднюю и заднюю ногу, но маб был уже на костре, и я должен был довольствоваться полуобугленными конечностями. Я успел спасти еще часть цепкого голого хвоста, который очень похож на длинный палец и покрыт в разных местах роговыми бородавками.

21 апреля. Срисовал морду, ноги и хвост маба, отпрепарировал череп, который оказался отличным от черепов, полученных в Теньгум-Мана; мех у той разновидности был также черный с желтоватыми пятнами. Вынул мозг, срисовал его, сделал несколько разрезов и т. д. Когда я занимался этим, я услышал легкий шорох. Большая ящерица, по крайней мере метра полтора длины, собирала под верандою обрезки мускулов маба, которые я выбросил, препарировав череп. Пока я схватил заряженное ружье, ящерица, быстро пробежав по площадке перед домом, скрылась в лесу. Я сделал несколько шагов и был остановлен

странным звуком над головой. Высоко между зеленью я заметил красивый гребень черного какаду. Он, должно быть, увидел меня и с криком улетел в лес. В то же время услышал падение ореха кенгара (*Canarium commune*). Обойдя дерево, я увидел другого какаду, который сидел еще выше и молча раскусывал твердую скорлупу ореха *Canarium*. Я рискнул выстрелить, и большая птица, махая одним крылом (другое было прострелено), упала вниз. Несколько дробинок пробили череп, глаз был залит кровью. Какаду бился здоровым крылом и рыл клювом землю. Бамбуковая палка в 3 см в диаметре, схваченная клювом, была изгрызена в щепки. Он упал, наконец, на спину, открыл широко клюв и усиленно дышал. После продолжительного дыхания он совершенно мог закрыть мясистым языком все отверстие рта, хотя клюв был раскрыт. Язык, как хорошо прилаженный клапан, прижатый к небу, замыкает совершенно рот. Эта способность (вероятно, встречающаяся и у других птиц) несомненно имеет значение, например, при полете птиц. Какаду недолго заставил ждать меня, я скоро мог начать препарировать скелет. Я смерил расстояние между концами крыльев, осторожно отпрепарировал красивый хохол, выдернул большие перья хвоста, которыми туземцы украшают свои гребни. Они действительно красивы, черно-матового цвета с голубоватым отливом.

Несмотря на пароксизм лихорадки, я отпрепарировал тщательно скелет, причем вес отрезанных мускулов равнялся приблизительно 2 фунтам; вес же всей птицы был около 4 1/2 фунтов. Срубленные отрезки мускулов какаду дали нам по чаше (сделанной из кокосовой скорлупы) хорошего бульона. Я должен сказать, что посуда мало-помалу заменилась более примитивною, которая не так бьется, как фарфор или фаянс. Я наделал около 10 чаш из скорлупы кокосовых орехов, и они заступили постепенно место разбитых тарелок и блюд.

23 апреля. В Гумбу трое туземцев занимались плетением большой корзины для ловли рыбы. Работа в высшей степени основательная и прочная. Корзина почти вся состоит из бамбука и довольно замысловатой формы. Несколько девочек и женщин проделывали разные фокусы длинным, со связанными концами шнурком. При этом они употребляли не только пальцы рук, но и пальцы ног.

Пришлось поспешить вернуться домой, так как я почувствовал приближение пароксизма лихорадки. Еле-еле добрался домой и лег сейчас же, как только пришел. Пароксизм был почему-то сильнее обыкновенного. Он прошел, однако ж, к 6 часам, оставив после себя большую слабость.

25 апреля. Вчера был опять пароксизм. Днем погода стояла очень хорошая по обыкновению, ночью же шел сильный дождь. SO все еще нет.

26 апреля. Вчера в Бонгу пришла пирога из Били-Били; сегодня с раннего утра толпа моих знакомых расположилась перед хижиной. Между пришедшими были также 4 человека из деревни Рай. Эта деревня лежит на юго-восточной стороне залива, за рекой [...],[79] и я в первый раз видел перед собою жителей с того берега. Внешностью и украшениями они не отличаются от здешних.

Каин просил отточить ему маленький топор. Я ему как-то прежде дал обломок железа от сломанного ящика. Он очень аккуратно сделал ручку топора по образцу обыкновенных ручек каменных топоров, но вместо камня он вложил кусок данного мною железа, прикрепив его к ручке, совершенно как туземцы прикрепляют камни. Он пробовал отточить железо на камне, что ему, однако же, не совсем удалось, почему он привез свой новый топор в Гарагаси. Из этого, как из многих подобных примеров, видно, что туземцы с радостью примут и будут употреблять европейские орудия при первом представившемся случае. Мои гости сидели долго и, наконец, перед уходом люди Били-Били, наслышавшись в Бонгу и в Горенду о моих «табу», которые убивают птиц на высоких деревьях, а также могут убивать людей, попросили меня показать им «табу» и выстрелить раз, вероятно, чтобы разнести об этом описания и рассказы далее по деревням. Люди из Рай-Мана очень боялись и просили не делать этого, т.

е. не стрелять. Другие, однако ж, их пристыдили, так что все стали упрашивать меня удовлетворить их любопытству, и я согласился.

Когда я вынес ружье, то мои папуасы, как стадо баранов, сгруппировались очень близко один к одному. Многие обхватили соседей рукою в ожидании страшного происшествия.

Когда раздался выстрел, они все разом, точно снопы, повалились на сторону; ноги их так тряслись, что они даже не могли усидеть на корточках.

Я уже давно опустил ружье и рассматривал группу лежащих, когда некоторые осмелились взглянуть в мою сторону, поднимая немного голову и отнимая руки от ушей, которые они заткнули, как только раздался выстрел. Было интересно видеть выражение страха, написанного на их лицах: рты были полуоткрыты, язык двигался, но еще не мог внятно произносить слова, глаза также были открыты более обыкновенного. Трясущейся рукою многие из них делали знаки, чтобы я унес страшное оружие.

Каменные топоры папуасов с Новогвинейских островов

Выйдя снова из хижины, я застал туземцев в оживленном разговоре. Они передавали друг другу свои впечатления и были очень расположены скорее уйти. Я успокоил их, говоря, что ружье мое может быть опасным только для дурных людей, а для хороших, как они, у меня есть табак, гвозди и т. д. Если бы я не видел сам, то с трудом мог бы себе представить такой страх от ружейного выстрела у крепких, взрослых людей. В то же время я заметил, что страх туземцев непродолжителен и что они скоро привыкают к этому аффекту их нервной системы. Когда они ушли, я отправился с ружьем в лес, где наткнулся на трех туземцев. Один играл на папуасской флейте, состоящей из простой бамбуковой трубки в 25 мм в диаметре, закрытой с двух концов, но с двумя отверстиями по бокам, внизу и сверху; двое других были заняты около толстого гнилого пня, который они прилежно рубили каменными топорами; рыхлая гниль так и летела в разные стороны. Из этой массы вываливались белые жирные личинки, которые сотнями пробуравливали лежащий ствол.

Порубив некоторое время, они останавливались и с большим аппетитом жевали и глотали толстые личинки, иногда обеими руками кладя их в рот. Поев достаточное количество, одни снова принимались за флейту, другие за топоры. Они имели очень веселый вид, лакомясь таким образом и принимаясь за музыку. Оригинально то, что в разные периоды года у туземцев в ходу различные музыкальные инструменты и что это сопряжено как бы с характером употребляемой пищи; так, например, тюмбин они употребляют, когда едят бау; при аяне он лежит у них в стороне. Когда они едят свинью, то трубят в большие бамбуковые трубы, бьют в барум и т. д.

29 апреля. Подходя к Бонгу, увидел вытащенную на берег большую пирогу, совершенно похожую на те, которые строятся в Били-Били. Она принадлежала жителям Гада-Гада. Увидев меня, они попросили посидеть с ними и хотя видели меня в первый раз, но все знали мое имя очень твердо. Между ними и жителями Митебог я встретил людей с очень симпатичными физиономиями. Выражение лица некоторых молодых папуасов было так кротко и мягко, что подобные физиономии, помимо цвета кожи, представляли бы исключение даже между так называемыми цивилизованными расами. Мои соседи имеют вид гораздо более суровый, и обращение их не такое предупредительное; вообще они составляют переход между островитянами и жителями горных деревень. Украшений больше, и сделаны они гораздо тщательнее; вероятно, их образ жизни оставляет им более свободного времени. Пока в деревне для меня приготовляли ужин, я обратил внимание на выделку большого бамбукового гребня; единственным орудием служила при этом простая раковина; нельзя было не подивиться терпению и искусству рабочего. Несколько мальчиков и девочек, лет 8

или 9, совершенно голых, таскали сухие пальмовые ветви, вероятно, для кровли. Они возвращались обыкновенно бегом, стараясь перегнать друг друга; длинные туловища и короткие ноги девочек невольно обращали внимание сравнительно с легким, свободным бегом длинноногих мальчишек.

Когда гости с островов Гада-Гада и Митебог собрались в путь, я заметил, что между подарками деревни Бонгу, состоявшими из большого количества таро в корзинах, находилась также одна пустая бутылка и 3 гвоздя, как большие драгоценности. Таким образом, вещи европейского происхождения могут странствовать далеко и податься, может быть, повод к неверным соображениям, предположениям и т. д.

30 апреля. После весьма счастливой охоты (мне удалось убить шесть больших птиц в один час) я направился в Гумбу, желая отдохнуть и напиться воды кокосового ореха; дорогой я заметил несколько деревьев со следами вырезанных фигур и орнаментов, вероятно, очень давнего происхождения.

Придя в Гумбу, не нашел положительно ни одной души в целой деревне, не заметил даже ни одной собаки.

Ульсон очень обрадовался моей добыче, уверяя меня, что часто чувствует голод, чему я не очень удивился, так как частенько сам чувствую, что недостаточно ем.

2 мая. Данные туземцам семена тыквы, посеянные месяца 2 или 3 тому назад, принесли первые плоды. Туй и Лалу пришли утром пригласить меня прийти вечером «поесть тыкву»; я был удивлен, что они запомнили это имя, и нашел, что оно вошло в общее употребление.

Отправившись рано в Горенду, я застал Бонема с другим туземцем, делающим парус пироги. Работа была нехитрая: между 2 шестами были протянуты довольно часто тонкие шнуры из [...],[80] один из туземцев обломком раковины резал в длину листья пандануса, отдирая колючий край листьев и вырезая среднюю жилу, так что из каждого получались 2 длинные полоски, которые переплетались между натянутыми шнурами. Я присел к этой группе, и скоро пришло еще несколько человек туземцев из лесу с длинными шестами. Эти шесты были прямые, и все ветки и веточки тщательно устранены, вероятно, с помощью раковины [...].[81] Кора была стянута с палок очень искусно, вся зараз, затем снова вывернута, освобождена тщательно от верхней кожицы и постепенно разбита на плоском камне ударами толстой короткой палки. Двое воодушевляли работающих заунывными звуками тюмбина.

Оказалось, что Туй пришел пригласить меня, чтобы я показал им, как следует есть тыкву, так как это была первая, которую им случилось видеть. Я разрезал ее, положил в горшок с водой, где она скоро сварилась. Туземцы обступили меня, желая досмотреть, как я буду ее есть. Хотя я и не люблю тыкву, но решил показать, что ем ее с аппетитом, чтобы и туземцы попробовали ее без предубеждения. Но новое кушанье все-таки показалось им чем-то особенным, и, наконец, они порешили есть его с наскобленным кокосовым орехом, и в этом виде скоро уничтожили всю тыкву.

4 мая. Слышанные вечером удары барума в Бонгу продолжались от времени до времени всю ночь. Около полудня пришли несколько туземцев с приглашением идти с ними поесть свинью и послушать их арии. Не желая нарушать хорошие отношения, я пошел с ними.

В деревне не было ни одного мужчины – одни женщины и дети; зато на площадке в лесу я был встречен продолжительным завыванием со всех сторон, после чего все разом стали звать меня присесть к ним. Я выбрал место немного в стороне, чтобы лучше видеть происходящее. Человек 10 было занято приготовлением еды, несколько других образовывали в другом углу группу, усердно занятую жеванием и процеживанием кеу, действие которого уже заметно было на многих физиономиях; большинство сидело, ничего не делая, и вело оживленный разговор, причем я часто слышал имя «Анут» и «тамо-Анут».[82]

Про них мои соседи рассказывали, что они хотят напасть на мою хижину, слышав, что у меня много ножей, топоров и красных «маль», а что нас всего двое – я и Ульсон. Будучи уверен, что это может случиться не без согласия моих знакомых из Бонгу или Гумбу, которые будут весьма не прочь разделить с теми людьми добычу, я счел подходящим обратиться все это в шутку и прибавить, что не мне будет худо, а тем, которые придут в Гарагаси, а затем переменял разговор, спросив, не пойдет ли кто со мною в Энглам-Мана. Мне ответили, что Бонгу с Энглам-Мана не в хороших отношениях и что если пойдут туда, то будут убиты, но что жителям Гумбу туда идти можно.

Когда кушанье было готово и разложено по порциям, один из туземцев побежал в деревню, и мы скоро услышали удары барума. При этом все присутствующие на площадке стали кричать изо всех сил, другие принялись трубить. Шум был оглушающий и доставлял туземцам заметное удовольствие.

На некоторых влияние кеу было хорошо заметно. Они плохо стояли на ногах, язык не слушался их, а руки тряслись. Лицо их выражало состояние, которое немцы называют Katzenjammer.[83] По случаю пира у туземцев головы и лица были недавно раскрашены: у одних вся голова была намазана черною, у других – красною краскою; у третьих голова была красная с черным бордюром, у иных черная с красным бордюром; только у стариков ни лица, ни головы не были раскрашены. Вообще эти последние употребляют только черную краску для волос и лица и почти не носят никаких украшений на шее.

6 мая. Вечером был в Горенду. Инго нарисовал мне в записную книгу фигуры разных животных и людей. Я удивлялся твердости руки при употреблении нового для него совершенно инструмента, как карандаш, и прямоте линий. Узнал, между прочим, что нос и уши туземцев пробурываются или заостренной бамбуковой палочкой, или «дигланом» аяна (шипом Dioscorea). Светлые пятна на руках и ногах мужчин, на плечах и грудях женщин производятся не только небольшими кусочками горячей древесной коры, но и раскаленным камнем.

Только сегодня, т. е. в конце восьмого месяца, смог я добиться папуасских слов (диалект Бонгу), как: отец, мать, сын.

Деревня Бонгу

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 14 мая 1872 г.

Я воспользовался приходом 4 туземцев, чтобы поднять шлюпку еще выше на берег, чем прежде; для этого надо было снести вниз толстое бревно и подложить под киль. Я и Ульсон с большим усилием пронесли его шагов 20, и потом, донеся до берега, я сказал, что теперь его можно катить вперед по песку, но туземцы, очень удивленные нашей силой, хотели показать свою: все четверо приступили к бревну, подняли с большим трудом и, крича и пыхтя, почти бегом донесли его до шлюпки. Так поступают они при каждом случае, где требуется сильное напряжение: они бросаются с криком и азартом, постоянно воодушевляя друг друга восклицаниями, и, действительно, успевают сделать то, что навряд бы могли сделать, действуя медленно.

14 мая. Много посетителей: из Энглам-Мана человек 15 и 20 из Ямбомбы, Тути, Били-Били и др.

Нога очень болит. Маленькие ранки, сделанные при экскурсии в Энглам-Мана, слились вследствие небрежного за ними ухода в несколько больших, так что я не могу ходить. Из Горенду принесли мне роскошный ужин: несколько вареных [...] [84] с вареным таро, печеный хлебный плод, затем саго с натертым кокосовым орехом.

22 мая. Нарывы на ноге еще не прошли; не мог с ними няньчиться, так как приходится ежедневно ходить на охоту, чтобы не голодать. Сегодня в Горенду туземцы серьезно попросили меня прекратить дождь. На мой ответ, что сделать этого я не могу, они все хором заявили, что могу, но не хочу.

23 мая. Пришедший Туй рассказал, что только что вернулся из Богати, где многие жители окрестных деревень собрались по случаю смерти одного из них. Вот почему, объяснил мне Туй, мы слышали много раз в продолжение вчерашнего дня удары барума. Это делается, продолжал он, когда умирает мужчина; при смерти женщин этого не бывает. Буа принес мне экземпляр маба, и я приобрел его за нож. Препарируя скелет, я отдал обрезки мяса Ульсону, который изрубил их для супа, так как вареное и печеное мясо вследствие ароматичности и приторности мне не нравится.

25 мая. При восходе солнца послышался в Горенду барум, но не такой громкий и продолжительный, как обыкновенно. Пришедший Туй сказал мне, что барум был слышен по случаю смерти одного из жителей Гумбу и что жители Горенду и Бонгу отправляются в Гумбу. Я поспешил выпить кофе, чтобы идти туда же. Дорогою встретил целую вереницу туземцев, вооруженных копьями, луками и стрелами. Завидя меня, все они остановились, чтобы пропустить меня вперед. Когда они узнали, что и я иду в Гумбу, было заметно, что они сразу не могли решить, что им делать: отговаривать меня или нет. После общего совещания они предпочли молчать.

Выйдя к морю, мы догнали целую толпу женщин; многие шли с грудными детьми в мешках или на плечах, смотря по возрасту. У входа в деревню наша группа остановилась; мне сказали, что женщины должны пройти вперед; мы пропустили их и скоро услышали их плач и вой, очень похожий на вой здешних собак. Когда я подошел к первым хижинам, меня предупредил один из спутников, чтобы я был осторожнее, так как в меня может попасть стрела или копье. Не понимая, в чем дело, я отправился далее. Действительно, с площадки, окруженной хижинами, неслись крики, иногда очень громкие речи. Сопутствовавшие мне туземцы, держа в левой руке лук и стрелы, а копье наперевес в правой, беглым шагом поспешили на площадку и образовали ряд против первой группы уже находившихся там.

Я остановился в таком месте, что мог видеть происходящее в деревне и быть в то же время заслоненным от стрел. Между обеими друг пред другом стоящими группами или шеренгами нападающих и защищающихся выступил один из жителей Гумбу (кажется, родственник умершего). Он ораторствовал очень громко, подкрепляя свои слова энергичными движениями, кидаясь в разные стороны и угрожая наступавшим своим копьем. От времени до времени являлся с другой стороны противник и также действовал более гортанью и языком, чем луком и копьем. Некоторые пускали свои стрелы, очевидно, стараясь не задеть никого; крик, беготня и суматоха были значительны. Туземцы выступали поочередно, не вместе; навстречу выходил также один противник; смотря на эту воинскую игру, я не мог не любоваться красивым сложением папуасов и грациозными движениями гибкого тела. На меня оглядывались с удивлением, как на непрошеного гостя.

Наконец, набегавшись и накричавшись, все воины уселись в несколько рядов на площадке; за ними расположились женщины с детьми. Стали курить и не так громко, как обыкновенно, разговаривать. Несколько человек занялись приготовлением «папуасского гроба»: были принесены отрезки (*foliogum vaginae*) разных пальм и сшиты лианами, так что образовали два длинных куска. Эти куски были положены крест-накрест и снова скреплены посредине, затем концы загнуты так, что двойная средняя часть образовывала дно в 50 см квадрата. Загнутые концы образовали стенки большой коробки в 1 м вышины. Чтобы стенки не распадались, коробка была обвязана в нескольких местах лианами. Туземцы не спешили, курили и разговаривали вполголоса; вой в хижине покойника то усиливался, то стихал. Немного в стороне варился в большом горшке бау, который, еще совсем горячий, был положен на листья, связан в пакет и повешен на сук дерева около хижины, у дверей которой висела

убитая собака. Мне объяснили, что ее потом будут есть гости, присутствовавшие при погребении.

Несколько человек вошло в хижину умершего и скоро показались в дверях, неся покойника, который был уже согнут в сидячее положение, так что подбородок касался колен; лицо смотрело также вниз, рук не было видно; они находились между туловищем и согнутыми ногами. Все тело было обвязано поясом покойника, чтобы удержать члены в желаемом положении; трое туземцев несли мертвого; двое придерживали его по сторонам, третий, обхватив туловище и ноги руками, собственно нес его.

Женщины, из которых одна была мать умершего, а другая жена, заканчивали процессию, придерживая концы пояса, который обхватывал тело покойника. Обе они были измазаны черною краскою, очень небрежно, пятнами. На них не было никаких украшений, и даже обыкновенная, весьма приличная по своей длине их юбка была заменена сегодня очень незначительным поясом, от которого висели спереди и сзади обрывки бахромы – также черной, которые едва покрывали тело. Все показывало, что они умышленно нарядились так, чтобы показать, что не имели ни времени, ни желания заняться своим костюмом. Обе они плаксивым голосом тянули печальную песню.

Когда покойник показался у дверей, все присутствующие умолкли, встали и хранили молчание до конца. Покойника опустили в вышеописанную коробку, стоявшую посредине площадки; голову покрыли «тельруном» (мешком, в котором женщины носят детей) и потом, пригнув боковые стенки коробки, связали их над головою так, что коробка приняла форму трехсторонней пирамиды; затем обвязали очень тщательно лианами и привязали верхний конец к довольно толстому шесту. Во время этой операции несколько туземцев выступили из рядов и положили около коробки с телом несколько сухих кокосовых орехов и новый, недавно выкрашенный пояс. Двое туземцев взяли концы шеста, к которому был привязан сверток с покойником, на плечи и понесли обратно в хижину; третий взял кокосы и пояс и последовал за ними. Этим церемония кончилась. Присутствовавшие разобрали свое оружие и стали расходиться. Я пошел в хижину посмотреть, куда положат тело, зарюют ли или оставят его просто в хижине.

Последнее предположение оправдалось. Шест был поднят на верхние перекладыны под крышею, и пирамидальная коробка закачалась посреди опустевшей хижины. Вдова, уже старая женщина, принялась раскладывать огонь немного в стороне.

Возвращаясь домой, я догнал туземцев; человек 40 зашли ко мне в Гарагаси поболтать о покойнике, покурить, попросить перьев и разбитого стекла для бритвы.

28 мая. Отправился в Гумбу, чтобы найти спутников, желающих идти со мною в Энглам-Мана. Двое с удовольствием согласились. У одной хижины заметил несколько туземцев, делавших якоря для своих сетей. Якорь состоял из обрубка довольно толстого ствола с четырьмя или пятью ветвями, расходящимися почти в одном и том же месте. Эти ветки, обрубленные, а потом заостренные, образовывали лапы якоря. Вокруг средней части ствола были прикреплены лианами камни, оплетенные таким образом, что, казалось, лежали в корзине. Тяжесть камней предохраняет якорь от всплывания.

Недалеко от нас сидела [...] [85] дочь Бугая, девочка лет 10, держа большой плоский камень почти что между ног, и занималась стачиванием раковины из рода *Copus* в плоские кольца, употребляемые женщинами и девочками в виде ожерелья. Камень был смочен водою, и работа быстро подвигалась вперед.

29 мая. Несмотря на головную боль и головокружение, я решил не откладывать моей экскурсии в Энглам-Мана и идти вечером в Гумбу, а оттуда на следующее утро направиться в Энглам-Мана. На всякий случай приняв 0,3 grm. хины, я отправился в Гумбу,

сопровожаемый 3 мальчиками из этой деревни, которым дал нести нужные для экскурсии вещи.

Так как уже темнело, я отправился вдоль морского берега и таким образом добрался до деревни, при входе в которую ожидала меня молодежь Гумбу. С криками «Маклай гена» (Маклай идет), «Эмэ-ме» выхватили мои вещи у несших их мальчиков и проводили меня до площадки, где я нашел целое собрание, занятое ужином. Тамо сидели на барле, маласси – на земле около хижин{36}. Как я узнал, сегодня был ужин в честь или в воспоминание умершего, по случаю чего ели свинью, но одни только тамо; маласси же довольствовались одним бау. Как тамоборо (большому человеку) и как гостю передо мною поставили большой табир с таро и с большим куском свинины. Немного в стороне на циновке около костра лежал Кум и просил меня помочь ему, жалуюсь на сильную боль в боку и в животе. Я дал ему несколько капель Tincturae opii, и на другой день Кум прославлял мою воду, т. е. лекарство.

После ужина около меня собралась вся деревня. Мы сидели в совершенной темноте. Костра не было, а луна всходила поздно. Меня расспрашивали о России, о домах, свиньях, деревьях и т. п. Перешли потом к луне, которую, очевидно, смешивали с понятием о России, и очень хотели знать, есть ли на луне женщины, сколько у меня там жен; спрашивали о звездах и допытывались, на которых именно я был, и т. д.

Каждое мое слово выслушивали с большим вниманием. Стало холодно и сыро, и я пожелал идти спать. Несколько человек проводили меня в обширную буамрамру, принадлежавшую Алуму, одному из туземцев, который должен был идти со мною. Более половины буамрамры в длину было занято широкими нарами, другая – двумя большими барумами, так что для прохода оставалось немного места. Я прозяб, сидя на площадке, и был доволен, что могу выпить чаю, так как с собою взял все необходимое для этого. На пылающем посреди хижины костре быстро вскипела вода. Так как в буамрамре было недостаточно светло, хотя огонь костра весело пылал, я зажег стеариновую свечку. Отыскал чистую доску и, покрыв ее салфеткой, разложил все вещи, необходимые для чаепития, т. е. небольшой чайник, жестянку с сахаром, другую – с бисквитами, стакан и ложку. Все эти аксессуары приготовления моего ужина до того удивляли туземцев, что они даже не говорили, а молча, с напряженным вниманием следили за каждым моим движением. Я уже так привык не стесняться десятков глаз, устремленных на меня в упор и следящих за каждым моим движением, что несколько не стеснялся, а поспешил выпить чай, чтобы отдохнуть. Я постлал на барлу одеяло, красный цвет которого и мягкость возбудили взрыв удивления, и, сняв башмаки, улегся на нары. Человек 5 или 6 оставались в хижине и продолжали болтать, но одного жеста с моей стороны было достаточно, чтобы выслать их всех вон. Скоро все стихло в деревне, и я заснул.

Я был разбужен шорохом, как будто в самой хижине; было, однако ж, так темно, что нельзя было разобрать ничего. Я повернулся и снова задремал. Во сне я почувствовал легкое сотрясение нар, как будто бы кто лег на них. Недоумевая и удивленный смелостью субъекта, я протянул руку, чтобы убедиться, действительно ли кто лег рядом со мной. Я не ошибся; но, как только я коснулся тела туземца, его рука схватила мою, и я скоро не мог сомневаться, что рядом со мной лежала женщина. Убежденный, что эта оказия была делом многих и что тут замешаны папаши и братцы и т. д., я решил сейчас же отделаться от непрошеной гостьи, которая все еще не выпускала моей руки. Я поднялся с барлы и заявил, что я спать хочу, и, не зная все еще достаточно хорошо туземный язык, заметил: «Ни где, Маклай нангели авар арен» (Ты ступай, Маклаю женщин не нужно) и улегся снова на другом конце барлы. Впросонках слышал я шорох, шептанье, тихий говор вне хижины, что подтвердило мое предположение, что в этой проделке участвовали не одна эта незнакомка, а ее родственники и другие. Было так темно, что, разумеется, лица ее не было видно. На следующее утро я, разумеется, не счел подходящим собирать справки о вчерашнем ночном эпизоде: такие мелочи не могли интересовать человека с луны. Я мог, однако ж, заметить, что многие знали о нем и о его результатах. Они, казалось, были так удивлены, что не знали, что и думать.

Хотя я поднялся часов в 5, мы собрались в путь не ранее 7, когда солнце уже значительно поднялось. Мой багаж я разделил между двумя туземцами, и несмотря на то, что каждый нес не более 18 фунтов или даже менее, оба жаловались на тяжесть ноши.

Лесом, потом между высокими бамбуками и открытым полем, поросшим густым унаном, мы пришли к реке Габенеу, которая в этом месте оказалась широкою и очень быстрою. Вода точно кипела; я сошел в нее, и единственно с помощью туземцев, которые окружали меня, я мог перебраться на другую сторону. Течение было так сильно, что удержаться на ногах не было возможности. Пройдя чрез песчаную отмель, нам снова пришлось идти в воде, переправляясь чрез другой рукав. Потом я оделся, и мы вошли в лес, прохлада которого была очень приятна после прогулки под солнцем, действие которого я нашел возможность с успехом парализовать, натирая себе зад шеи, уши, нос и щеки глицериновым желе.

Изображение лица на топорище (вид спереди и сбоку)

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. Май 1872 г.

Эту операцию я повторяю раза два или три, как только чувствую, что кожа высыхает; без глицерина, какого-нибудь другого масла или жира эффект солнечного жара в этих странах на кожу мог бы быть серьезным и по меньшей мере неприятным.

Перейдя невысокий гребень холмов, местами покрытых лесом, местами унаном, часа через 2 ходьбы от реки Габенеу мы подошли к песчаному берегу небольшой речки Альгумбу, протекавшей между красивыми лесистыми холмами. Берег в одном месте представлял длинную песчаную полосу, и моим спутникам вздумалось попробовать здесь свое искусство стрельбы из лука. Для этого они сняли с плеч свои ноши и один за другим пустили стрелы, натянув, сколько было силы, тетиву своих луков. Я смерил шагами расстояние упавших на песок стрел и получил 46, 47, 48 шагов (т. е. от 46–50 м), но на этом крайнем расстоянии стрела уже совсем теряла свою силу и только едва втыкалась в песок. Метрах в 20–25 эти стрелы могут нанести серьезную рану. Замечу при этом, что между моими спутниками не было ни одного тамо, а молодые люди и мальчики от 14–25 лет.

Мы расположились отдохнуть около речки. Я взял с собою остатки от вчерашнего ужина, чтобы было что закусить в дороге, и предложил часть моим спутникам, но они все отказались под предлогом, что с этим таро варилась свинья, которую ели только тамо, почему маласси не могут касаться до него, а если они это сделают, то заболеют. Это мне было сказано очень серьезно, с полною верою в то, что это так, и я снова убедился, уже не в первый раз, что понятие «табу» существует здесь, как и в Полинезии.

Отсюда началась самая трудная часть дороги: почти все в гору и большею частью вдоль открытых склонов гор, на которых рос высокий унан, коловший и резавший мне лицо и шею своими верхушками. Туземцы, чтобы защитить свое далеко не нежное тело от царапин унана, держали перед собою ветви в виде щитов. Тропинки не было видно. Одни ноги чувствовали ее, не находя препятствия двигаться вперед. Пропустив человека, унан снова замыкал тропинку. Иногда он представлял значительное затруднение, так что его приходилось поднимать копиями. Солнце давало себя мучительно чувствовать.

На значительной высоте, там, где уже начались плантации Энглам-Мана, открылась далекая панорама: были видны несколько островков у мыса Дюпере; берег от Гумбу далеко простирался на NO и, кроме реки и речки, через которые мы перешли, виднелись еще две: одна небольшая [...],[86] а другая не меньше реки Габенеу [...].[87] Пока я записывал и рисовал виденное, мои спутники усердно кричали, чтобы вызвать кого-нибудь из плантаций. Наконец в ответ на их зов послышались женские голоса. Мои спутники обступили меня, так что собиравшимся женщинам меня не было видно. Когда последние подошли, спутники мои

расступились, и женщины, прежде никогда не выдавшие белого, остановились передо мною как вкопанные. Они не могли ни говорить, ни кричать, наконец, опомнившись немного, с криком стремглав кинулись вниз при страшном хохоте моих проводников. Младшая из женщин, вздумавшая оглянуться, оступилась при этом и растянулась, к счастью для нее, на мягком уране. Мои спутники сказали ей что-то вслед, что заставило ее взвизгнуть, быстро вскочить и последовать за остальными. Мы поднялись к небольшому леску; здесь, обменявшись с туземцами несколькими словами, Обор сломал ветку, прошептал что-то над нею и, зайдя за спину каждого из нас, поплевал на него и ударил раза 2 веткою по спине, затем, изломав ветку на маленькие кусочки, спрятал их в лесу между хворостом и сухими листьями.

Не умея добывать огонь, туземцы ходят, как я уже не раз говорил, с головнями, особенно отправляясь в более далекие экскурсии. Так было и сегодня: двое из сопровождавших меня запаслись огнем, но узнав, что я могу добыть его, как только они этого пожелают, очень обрадовались и бросили лишнюю ношу. При остановках мне, к величайшему удовольствию спутников моих, уже случалось зажигать спички и давать им, таким образом, возможность разводить маленький огонек, чтобы высушить табак, а затем зеленый лист, в который они его завертывают. Здесь я доставил им в 3-й раз удовольствие посмотреть на вспыхивающую спичку и покурить.

Крики моих проводников были услышаны жителями Энглам-Мана, которые, завидя меня, тотчас же умерили скорость шагов и не без робости подошли к нам. После обычных приветствий – жевания бетеля и курения мы двинулись далее. Тропинка обратилась в лестницу, состоящую из камней и корней. Местами она была так крута, что даже туземцы сочли нужным вбить между камнями колья, чтобы дать ноге возможность найти опору. В местах, где положительно нельзя было пройти, были построены из бамбука узкие мостики. Вдоль обрывистой стены надо было переставлять одну ногу за другою, чтобы не свалиться. Разрушив немногие искусственные приспособления, деревню можно было в полчаса сделать с этой стороны малодоступною.

Я был рад добраться, наконец, до деревни. Мои ноги чувствовали десятичасовую ходьбу, и первое требование мое по приходе в деревню было дать мне молодой кокосовый орех, чтобы утолить жажду. К великому моему неудовольствию были только старые, воду которых нельзя пить. Зато меня усердно угощали бетелем, предлагали сделать кеу и т. п. Отдохнув немного, я отправился, сопровождаемый целою процессиею, по деревне или по кварталам ее, которых оказалось 3. Хижины здесь были так же малы, как в Теньгум– и Колику-Мана, и вообще деревня эта, как и другие горные, грязнее прибрежных. Зная, что я интересуюсь телумами, меня зазывали во многие хижины, и я удивился множеству виденных телумов сравнительно с числом их в береговых деревнях. Я срисовал некоторые из них. Везде, где только я останавливался, мне приносили орехи арековой пальмы, которыми Теньгум– и Энглам-Мана изобилуют. Вернувшись к хижине, где я оставил вещи, я увидел, что для меня готовят ужин.

Солнце уже садилось. Я выбрал место близ огня и принялся за ужин. Скоро все мужское население Энглам-Мана собралось около меня и моих спутников. Последние много рассказывали обо мне и даже такие пустые мелочи, которые я сам давным-давно забыл и припоминал теперь, при рассказе туземцев. Разумеется, все было очень изменено, преувеличено, пройдя через целый ряд рассказчиков и пересказчиков. Слушая, что обо мне говорилось, причем упоминалось и о луне, и о воде, которую я мог заставить гореть, о выстрелах, о птицах, которых я убиваю в лесу, и т. д., и т. д., мне стало ясно, что здесь меня считают совершенно необыкновенным существом.

Пожинав и не желая приобрести насморк, от которого страдала большая часть населения деревни, я сказал, что хочу спать. Тогда десяток людей бросились с горящими головнями, чтобы показать мне дорогу в небольшую хижину. По сторонам узкого прохода стояли двое нар, одни небольшие, другие побольше. Пока я развертывал одеяло и устраивался на ночь, в

хижину набралось так много туземцев, что передние были понемногу совсем притиснуты к моим нарам. Надеюсь, что они скоро уберутся, я, завернувшись в одеяло, лег, повернув лицо к стене. Жители Гумбу, вероятно, рассказали туземцам, не удержавшись при этом от прибавлений, все диковинные вещи, которые они видели вчера вечером, когда я пил чай, и думали увидеть снова, но ошиблись. Поэтому они уселись у огня, стали говорить, курить, жевать бетель и раздувать костер, увеличивая чад и дым в хижине до того, что глаза стало резать. Мне это очень надоело, и я объявил, что от разговоров Энглам-Мана-тамо уши Маклая болят и что Маклай хочет спать. Это подействовало: все замолкли, но только на время; думая, что я заснул, они снова принялись говорить, сначала шепотом, а затем так же громко, как и прежде.

Так как заснуть мне не удавалось, я вышел из хижины и сказал снова, что хочу спать, что от болтовни Энглам-Мана-тамо уши болят и что дым ест мне глаза.

Ночь была звездная; большая группа туземцев сидела на площадке вокруг костра; когда эти люди узнали, в чем дело, несколько голосов поднялось, вероятно, с выговором мешавшим мне туземцам. По крайней мере последние один за другим выбрались из хижины, куда я вернулся, пропустив последнего.

31 мая. Посредственно проспав ночь, я проснулся рано, еще перед рассветом. Вспомнил свою неудачную попытку измерить высоту Теньгум-Мана с помощью аппарата Реньо{37} и стал придумывать средство, как бы снова не испугать туземцев и сделать наблюдение. Придумав подходящий способ, я постарался заснуть, что мне вполне удалось. Было уже совершенно светло, когда я проснулся. Увидев, что в хижине уже было целое собрание туземцев, я нашел время удобным для опыта. Вставая, я стал кряхтеть и потирать себе ногу, и когда туземцы спросили меня, что со мной, я ответил, что нога очень болит. Мои вчерашние спутники стали также охать и повторять: «Самба-борле» (нога болит). Я посидел, как бы что обдумывая, затем встал, говоря: «У Маклая есть хорошая вода: потереть ногу – все пройдет».

Все туземцы поднялись с нар посмотреть, что будет. Я достал мой гипсометр,[88] налил из принесенной склянки воды, зажег лампочку, приладил на известной высоте термометр, сделал наблюдение, записал температуру и, сказав, что мне надо еще воды, сделал опять наблюдение и, записав снова температуру в книжке, слил оставшуюся воду в стакан и уложил весь аппарат в мешок.

Видя, что публики набралось очень много, я снял носок и усердно начал вытирать ногу, наливая на нее воды; затем я снова улегся, сказав, что скоро боль ноги пройдет. Все присели, чтобы посмотреть на чудо исцеления и вполголоса стали говорить о нем. Минут через 10 я начал шевелить ногу, попробовал ступить на нее и, сперва хромя, уложил все вещи, а затем вышел из хижины, уже совсем здоровым, к великому удивлению туземцев, видевших чудо и отправившихся рассказывать о нем по деревне. Это скоро привлекло ко мне разных больных, ожидавших быстрого исцеления от моей воды. Я показал им пустую склянку и сказал, что воды более нет, что в Гарагаси я могу найти для них лекарство.

Приготовление чая, новые вещи и невиданная процедура отвлекли внимание толпы. Я мог срисовать оригинальную хижину, в которой провел ночь. Она стояла позади других, на небольшой возвышенности, состоящей из голой скалы, и постройкою не отличалась от прочих. Фасад ее был метра 3 1/2 в ширину, и средняя часть его не превышала 3 или 3 1/2 м. Длина хижины равнялась 6 м; крыша по сторонам спускалась до самой земли. Размерами своими она была даже меньше многих других хижин; зато по обеим сторонам узкой и низкой двери, походившей более на окно, стояло несколько телумов. Некоторые из них были в рост человека, а над дверью висели кости казуара, черепах, бак, свиней, перья птиц, кожа ящериц, клювы Висегос, зубы разных животных и т. п. Все это вместе с телумами и обросшей травой серою старою крышею имело свой особенный характер. Между 4 телумами один обратил на

себя мое особенное внимание: он был самый большой, физиономией он не отличался многим от остальных, но держал обеими руками перед грудью длинную доску, покрытую очень неправильными вырезками, похожими на какие-то иероглифы, которые вследствие ветхости почти теряли свои контуры.

Внутренность хижины тоже отличалась от прочих: над нарами был устроен потолок из расщепленного бамбука; там хранились разные музыкальные инструменты, употребляемые только во время «ай». Между прочим, мне показали с таинственностью, говоря при этом шепотом, большую деревянную маску с вырезанными отверстиями для глаз и рта, которая надевалась во время специальных пиршеств; ее название здесь «аин», и это была первая, которую мне пришлось видеть. Наконец, задняя часть хижины была занята тремя большими барумами; большие горшки и громадные табиры стояли на полках по стенам рядом с тремя телумами; под крышей висели нанизанные почерневшие от дыма кости черепах, птиц, рыб, челюсти кускуса и свиньи и т. п.; все это были воспоминания об угощениях, происходивших в этой хижине.

Не успел я кончить эскиз хижины и напиться чаю, как пошел дождь, который постепенно так усилился, что идти сегодня домой оказалось неудобным. Пришлось вернуться под крышу. Имея достаточно времени, с помощью камеры-люциды я сделал портрет одного из туземцев с очень типичной физиономией. Жители здесь оказались очень различного роста, цветом светлее прибрежных, но зато между ними встречаются чаще некрасивые лица, чем внизу. О женщинах и говорить нечего: уже после первого ребенка они везде здесь делаются одинаково некрасивы; их толстые животы и груди, имеющие вид длинного полупустого мешка, почти что в фут длину, и неуклюжие ноги делают положительно невозможную всякую претензию на красоту. Между девочками 14–15 лет встречаются некоторые – но и то редко – с приятными лицами.

Я узнал, что жители соседней деревни, лежащей на NO от Энглам-Мана, называющейся Самбуль-Мана, узнав о моем приходе сюда, явятся познакомиться со мною. Действительно, когда дождь немного перестал, на площадку пришли люди из Самбуль-Мана. Я вышел к ним, пожал руку и указал каждому место полукругом около меня. Когда я смотрел на кого-либо из них, он быстро отворачивался или смотрел в сторону до тех пор, пока я не отводил глаз на другое лицо или на другой предмет. Тогда он в свою очередь начинал рассматривать меня, оглядывая с ног до головы. Меня усердно угощали бетелем; я не чувствую отвращения к нему, но не люблю его, главным образом потому, что вкус его остается во рту очень долго и изменяет вкус всех других съестных продуктов.

Люди из Самбуль-Мана во всем схожи с жителями Энглам-и Теньгум-Мана. У них также элифантиазис и другие кожные болезни встречаются часто; оспа также оставила на многих свои следы. Наречие Энглам-Мана немного отличается от наречия как Самбуль-, так и Теньгум-Мана. Я собрал слова всех трех диалектов.

После непродолжительной сиесты я совершил прогулку в лес; нашел тропинки хуже вчерашних. Видел несколько новых для меня птиц, не встречающихся внизу. После дождя в лесу раздавалось немало птичьих голосов; почти все были мне неизвестны; я убежден, что орнитологическая фауна гор значительно разнится от береговой.

Боге из деревни Энглам-Мана

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 31 мая 1872 г.

Голод вернул меня в деревню. Один из первых попавшихся мне навстречу туземцев спросил меня, ем ли я кур. Я ответил утвердительно. Тогда принесли двух и при мне размозжили им головы о дерево; затем вместо ощипывания опалили или сожгли перья; принесли также

несколько связок таро и стали его чистить. Все это были приношения отдельных личностей; меня угощала целая деревня. Один из туземцев, чистивших таро, попросил у меня для этого нож, но он не только действовал им хуже и медленнее, беспрестанно зарезая слишком глубоко, но под конец даже обрезался, после чего двое туземцев принялись за приготовление бамбуковых ножей.

Был принесен кусок старого бамбука, каменным топором обрублены оба конца и затем расколоты на тонкие, длинные пластинки, которые, будучи согреты на угольном огне, получили такую твердость, что ими можно было резать не только мягкие таро и ямс, но мясо и даже волосы. Пример этого я увидел здесь же: один из туземцев, нечаянно попав ногою в лужу, обрызгал грязью волоса другого, после чего первый взял один из бамбуковых ножей и стал отрезать большие пучки волос, забрызганные грязью. Дело не обошлось без гримас сидящего, но редким ножом можно резать столько волос зараз, как этой бамбуковой пластинкой. Здесь же я видел бритье волос головы небольшой девочки такую же деревянную бритвою. Это было сделано весьма искусно и успешно, без всякой боли для пациентки.

Туземцы положительно ходили за мною по пятам, целою толпой сопровождали они меня всюду, умильно улыбаясь, когда я глядел на кого-нибудь из них, или без оглядки убегая при первом моем взгляде.

Такая свита везде и повсюду весьма утомительна, особенно, когда не можешь говорить с ними и сказать им вежливо, что постоянное присутствие их надоедает.

По случаю дождя все в деревне рано улеглись спать, и я мог записать эти заметки, сидя один у костра.

1 июня. Встав до рассвета, я один отправился бродить по деревне и в окрестностях ее, чтобы найти удобное место с обширным видом на горы кругом. Высокие цепи их, одна выше другой покрытые зеленью до вершин, очень манили меня. Были бы там деревни, я, во всяком случае, скоро отправился бы туда, переходя из одной в другую, все выше и выше. Однако ж высокие горы не населены; я сперва не верил этому, но сегодня убедился: нигде в горах выше Энглам-Мана нет и признаков жилья.

Позавтракав, я стал торопить туземцев к уходу. Человек 12 захотели идти со мною: одни, чтоб нести мои вещи, другие – свинью, подарок туземцев, третьи – ради прогулки. Один из намеревавшихся идти со мною туземцев, старик лет под 60, усердно обмахивал себе шею, спину и ноги зеленою веткою, постоянно что-то нашептывая. На мой вопрос, для чего это он делает, он мне объяснил, что дорога длинна и что для этого нужно иметь хорошие ноги, и чтобы иметь их, он и делает это. Отдав ветку одному из моих спутников, он сказал несколько слов, после чего и этот стал делать то же самое. Принесли горшок с вареным таро; когда содержимое в нем было разложено по табирам для моих проводников из Гумбу и моих новых спутников из Энглам-Мана, один из последних взял тлеющую головню и, подержав ее над каждым блюдом, проговорил короткую речь, желая, чтобы мы благополучно вернулись домой и чтобы с нами не случилось какого-нибудь несчастья.

Вследствие дождя дорога была очень неудобна, но спускаться все-таки было легче, чем подниматься. Мы часто останавливались, чтобы партия женщин Гумбу, возвращавшаяся вместе с нами из Энглам-Мана, могла следовать за нами. Кроме грудного ребенка, почти что у каждой лежал на спине громадный мешок с провизиею, подарок жителей Энглам-Мана; мужья же их несли одно только оружие.

Я вернулся в Гарагаси не ранее 5 часов после с лишком восьмичасовой ходьбы.

2 июня. Был рад просидеть весь день дома и не видеть и не слышать с утра до вечера людей около себя.

3 июня. Убил в продолжение двух часов 7 различных птиц. Между ними находился молодой самец райской птицы (*Paradisea apoda*), а также в первый раз убитый мною *Centropus* [...];[89] последняя редко летает, а обыкновенно бегаёт между кустарником. Туземцы называют её дум, подражая её заунывному крику «дум». Я много раз слышал этот крик, не зная, какая птица его производит. Перья черно-зеленого цвета, хвост очень длиннее сравнительно с небольшими крыльями. Не думаю, однако ж, чтобы это был новый вид, а уже описанный *Centropus*.

6 июня. Старый Бугай из Горенду пришел в Гарагаси с людьми из Марагум-Мана, с которыми Горенду и соседние деревни заключили мир. Бугай с жаром рассказывал четверым пришедшим о могуществе моего страшного оружия, называемого туземцами «табу», и о том, как они уже имели случай удостовериться в его действии. Пока мы говорили тихо, прилетел большой черный какаду и стал угощаться орехами кенгара, как раз над моею хижиною. Раздался выстрел, птица свалилась, а мои туземцы обратились в бегство. Торжествующий Бугай, и сам немало струхнувший, вернул их, однако ж, уверяя, что Маклай – человек хороший и им дурного ничего не сделает. Какаду показался мне очень большим; смерив его между концами крыльев, оказалось 1027 мм. Вернувшиеся туземцы, попросив спрятать «табу» в дом, подошли к птице, заахали и стали очень смешно прищелкивать языками. Я им подарил перья из хвоста какаду, которыми они остались очень довольны, и несколько больших гвоздей; с последними они не знали, что делать, вертя их в руках, ударяя один о другой, и прислушивались к звуку, пока Бугай не рассказал им об их значении и о той многосторонней пользе, которую туземцы уже умеют извлекать из железных инструментов. После этих объяснений Марагум-Мана-тамо завернули гвозди в старый маль, род папуасской тапы. Прислушиваясь к их разговору, я не мог ничего понять. Диалект был также отличен от языка Самбуль– и Энглам-Мана.

Вздумал пригласить жителей Горенду есть у меня свинью, подаренную мне Энглам-Мана. Пока мы их ждали, Ульсон стал готовить суп и, отправившись за водою, оставил в кухне несколько кусков мяса. Пока он ходил туда, я заметил большую ящерицу, пробирающуюся с большим куском мяса из кухонного шалаша. Незначительный шорох заставил ее бросить добычу и скрыться. Наконец, мои гости пришли и пробыли до 5 часов. Они даже принесли с собою кеу, одним словом, распорядились у меня в Гарагаси, как у себя дома. Мы расстались большими друзьями.

8 июня. Полагая, что мне удастся добыть вчерашнюю большую ящерицу, я снова положил несколько кусков мяса в кухню и предупредил Ульсона не входить туда. Действительно, через полчаса ожидания я заметил ящерицу; она осторожно пробиралась между хворостом; не желая раздробить кости дробью, я взял револьвер и убил ее. Длина ее туловища равнялась 1 м и [...];[90] см. Пришедшие туземцы очень упрашивали меня дать им шкуру легуана. Они обтягивают ею свои окамы (небольшой барабан). Мясо ее также очень ценится.

13 июня. Небольшой кускус, которого я приобрел несколько недель тому назад, живет и растет отлично. Ест все: рис, аян, бау, кокосовые орехи, сладкий картофель и очень любит бананы. В продолжение дня спит обыкновенно, свернувшись, но все-таки ест, если ему что дадут; ночью же немилосердно грызет дерево ящика, куда я его сажаю.

14 июня. Приходили ко мне туземцы с просьбою указать им место, где находятся их три больших ненира (корзины для рыбной ловли), которые были снесены в море, несмотря на якоря; они были крайне разочарованы, услышав, что я не знаю, где они находятся. Зайдя в Горенду, я был окружен женщинами, просящими меня дать имя родившейся день или два тому назад девочке. Я назвал несколько европейских имен, между которыми имя Мария им понравилось более всех. Все повторяли его, и мне даже была показана маленькая обладательница этого имени. Очень светлый цвет кожи удивил меня; волосы были также интересны, не будучи еще курчавые.

17 июня. Было большое угощение жителей в Горенду, на которое и я был приглашен. Не менее как восемь больших связок таре, из которых каждую несли по 2 человека, очень большая свинья, несколько собак и один кускус с разными аксессуарами папуасской кухни были очищены, сварены в 40 или более громадных горшках и, наконец, съедены при звуках разнокалиберных папуасских «ай» и барума. Это угощение отличалось от других тем, что происходило в деревне и что женщины, хотя и отдельно, но участвовали в нем. Музыка же не переступала порогов буамрамры.

18 июня. Встречаясь с туземцами или проходя через деревню, приходится постоянно отвечать на вопросы, как, например: «Куда идешь?», «Что сегодня убил?» и т. п. Возвращаясь назад, снова приходится отвечать на вопросы: «Где был?», «Что ел?», «У кого?», «Что несешь?» и т. д. Это любопытство нельзя, однако ж, считать характеристичным для черного племени: оно не меньше развито и среди образованных европейцев, только вопросы задаются другого рода.

Ульсон жалуется постоянно на нездоровье; работа его ограничивается варкою бобов, бау и едою. Такие субъекты, как он, наводят скуку. Ему сегодня нездоровилось. Он уверял, что чувствует приближение сильного пароксизма. Мне пришлось готовить, но я предпочел есть почти сырые бобы и недоваренный бау, чем смотреть за огнем и раздувать его.

20 июня. Туземцы начинают собирать орехи кенгара (*Canarium commune*). Несколько человек влезает на дерево и сбрасывают ветки со множеством орехов; под деревом место очищено от мелких кустарников, и женщины и дети собирают сброшенные кенгары. Так как черные какаду питаются в это время исключительно кенгаром и уничтожают в день значительное количество его, то месяца уже 3 или 4, как мне приходится слушать частенько крики папуасов, которые несколько раз ежедневно приходят под деревья спугивать какаду. Эти дисгармонические человеческие крики часто в последнее время нарушают тишину леса.

Встал с головною болью, но, несмотря на то, отправился на охоту. Пароксизм захватил меня, и мне пришлось лечь в лесу, так как я был не в состоянии оставаться на ногах по случаю головокружения и сильной головной боли. Несколько часов пролежал я в лесу и, как только стало немного лучше, еле-еле добрался домой. Пришлось лечь, и сильнейшая головная боль промучила меня далеко за полночь.

26 июня. Последние дни мне не приходилось ходить на охоту. Растущие у самого дома большие *Canarium* покрыты спелыми орехами. Разные виды голубей прилетали с утра и доставляли провизию для завтрака или для обеда. Эти дни приходил ко мне несколько раз Коды-Боро, брат туземца, которого один из офицеров «Витязя» прозвал диким, похожим на черта. Он приходил с настойчивым приглашением приехать в Богати, уверяя, что там всего много, предлагая, подобно жителям Били-Били, построить мне хижину, прибавляя, что люди Богати дадут мне двух или трех жен, что женщин там гораздо больше, чем в Бонгу, и т. д. Он как-то недоверчиво посмотрел на меня, когда его предложения не произвели желанного эффекта.

30 июня. Убив голубя и какаду на моем дереве, я позволил Дигу влезть на него за орехами. На высокий, гладкий, толстый ствол Дигу влез так же, как туземцы влезают на кокосовые пальмы, т. е. при помощи связанной веревки, которую надевают себе на ноги. Он взобрался на самый верх и стал кидать оттуда орехи. Я, Ульсон и 8-летняя дочь Буа подбирали их. В результате оказалось, что маленькая девочка собрала больше, чем мы оба вместе: так хороши были ее глаза и так ловко, несмотря на голое тело, она пролезала везде, даже между самыми колючими лианами и хворостом.

Довольно характерная черта туземцев та, что они очень любят поучать других, т. е. если

кто-нибудь делает что-либо не так, как они, туземцы сейчас же останавливают и показывают свой образ действия. Это даже заметно и в детях: много раз маленькие дети, лет 6 или 7, показывали мне, как они делают то или другое. Это происходит оттого, что родители очень рано приучают детей к практической жизни, так что, будучи еще совсем маленькими, они уже присмотрелись и даже научились более или менее всем искусствам и действиям взрослых, даже и таким, которые вовсе не подходят к их возрасту. Дети мало играют; игра мальчиков состоит в метании палок, наподобие копий, в стрельбе из лука, и как только они делают небольшие успехи, то применяют их к практической жизни. Я видел мальчиков, очень небольших, проводящих целые часы у моря, стараясь попасть из лука в какую-нибудь рыбу. То же самое бывает и с девочками, и даже в большей степени, потому что они ранее вступают в хозяйство и делаются помощницами своих матерей.

Погода великолепная, купаюсь в море несколько раз в день, по вечерам не хочется входить в хижину. Температура, однако ж, не превышает 31°.

1 июля. Между многочисленными птицами самым заметным после черного какаду является наренг (*Vicregos*) не только по своей величине, большому, немного загнутому клюву, но и по шуму полета, который слышится уже издали. Он летает очень высоко, обыкновенно попарно, садится на вершины самых высоких деревьев и при малейшем шуме улетает. Несмотря на все старание, мне не удалось застрелить ни одного.

Сегодня в продолжение 3 часов по крайней мере я провозился с одним из них. Ранив его, но очень мелкою дробью, вероятно, незначительно, я проследил его далее в лесу. Снова выстрелил и, по всему вероятно, опять-таки попал, так как наренг не улетел, а только перелетел на соседнее, более высокое дерево. Заметив себе это место, я вернулся позавтракать и снова возвратился туда, где оставил птицу. Пробираясь в лесу, попал в такую труппу, что был сам не рад. Десятки тонких лиан, гибкие, колючие хвосты *Colatus*, цепляющиеся за платье, царапающие лицо, сбрасывающие шляпу, задержали меня минут около 10. Это было тем более досадно, что птица оказалась все еще на дереве.

Выбравшись, наконец, из чащи, я приблизился к дереву, так что наренг увидел меня, но все-таки остался на месте, стал кричать очень громко, точно протестуя против преследования, и бить одним крылом; другое висело без движения. Он, однако ж, попытался, продолжая кричать, влезть выше. Густые листья скрыли его из виду, но я мог слышать иногда его голос. Явился другой наренг и с криком стал летать, описывая большие круги, над деревом, где сидел его раненый товарищ. Исколотые ноги, солнце, особенно же муравьи обратили мое пребывание под деревом в добровольную пытку. Дерево было высоко, и для того чтобы следить за движениями птицы, приходилось смотреть постоянно вверх. Чрез полчаса шейные мускулы очень устали; глаза, которым приходилось плохо от солнца и от освещенных листьев, почти отказывались служить; но я все-таки сидел и ждал. Наренг не показывался, не откликался на постоянный крик товарища, который в сотне шагов перелетал с дерева на дерево. Головокружение и головная боль заставили меня вернуться домой. Проспав около часа, я вернулся обратно. Раненый все еще находился там, но товарищ его улетел при моем приближении.

4 июля. Погода стоит замечательно хорошая. Занимался микроскопическим исследованием волос папуасов. Нашел громадное разнообразие в толщине и контурах поперечного разреза между волосами, срезанными с различных частей тела одного и того же человека. У белой расы не только толщина, но и цвет волос, растущих на разных частях тела, различен. Вообразив себе людей всех рас, обросших длинными волосами, очутишься в очень разношерстном обществе.

Проходя недалеко от дерева, где 2 дня тому назад я оставил раненого наренга сидящим высоко на дереве, а другого – летающим около него, я подошел к тому месту и, к удивлению моему, увидел обеих птиц в том же положении, как и 48 часов тому назад.

10 июля. В Горенду Туй строит новую хижину с помощью людей Горенду, Гумбу, Бонгу, за что угощает их по вечерам. По случаю постройки несколько раз слышался барум.

11 июля. Около 4 часов был довольно сильный шквал с дождем, затем прояснело, ветер спал, и я сидел на веранде, рисуя кое-что. Вдруг мне почудилось, что большое дерево напротив как будто покачнулось; следующая мысль была, что я, вероятно, дремлю и вижу это во сне; не успел я подумать, быстрее, чем я теперь это записываю, громадное дерево сначала медленно, затем быстрее, быстрее склонилось, рухнуло и легло не более как шагах в двух от хижины, перпендикулярно к ее фасаду или веранде. Дерево было совсем зеленое и казалось совершенно здоровым, только метра два от земли (место перелома) почти что проедено личинками разных жуков. Высота дерева оказалась около 100 фут (именно 96), и если бы оно свалилось на хижину, то проломило бы крышу, переломало много вещей и, пожалуй, ранило одного из нас. Сегодня я поверил предостережению туземцев, что деревья в Гарагаси могут убить меня. Особенно странно было то обстоятельство, что, когда это случилось, ветра уже почти что не было.

12 июля. В последнее время туземцы часто говорили мне: «Завтра будут жечь унан; много будет там диких свиней и других животных, Маклай пойдет со своим «табу» бить свиней, мы же придем с нашими копьями, луками и стрелами». Но это «завтра» все откладывалось, а сегодня в деревне меня уверили снова, что завтра непременно будут жечь унан, и некоторые заявили, что придут за мною около полудня. Увидим.

13 июля. Не было еще 11 часов, я и не думал собираться на новую для меня охоту, как вдруг послышались приближающиеся голоса, и затем скоро явились несколько жителей Бонгу в полном воинском убранстве, с туго натянутыми луками и множеством вновь заостренных стрел разного рода. Каждый имел по 2 копья, концы которых были натерты красной землей, как бы уже покрытые кровью; кроме развевающихся на голове перьев, в волосах красовались алые цветы китайской розы; за сагу были заткнуты ветки с красно-желтоватыми листьями видов *Soleus* или длинные темно-красные листья *Colodracon*. При каждом движении все эти украшения развевались и производили чествощий, своеобразный эффект. Пришедшие за мною объявили, что унан уже горит и что следует идти немедленно. Накинув на себя охотничью сбрую и захватив кое-что на завтрак, я отправился, сопровождаемый пестрою свитою.

Пройдя ближайшею тропинкой лес и подходя к опушке, я услышал шум, похожий на плеск водопада, масса воды которого то увеличивается, то уменьшается. Выйдя из леса, я увидел в сотне шагов у самой земли полосу огня, которая удалялась от нас, оставляя по себе черные обгорелые следы унана и груды легкого пепла. Столбы дыма поднимались около Горенду, далеко на юго-запад, у самого края, около Бонгу и с другой стороны, на восток за Гумбу, около берега реки Габенеу. Пожар только еще начинался, и мы расположились в тени у опушки леса. Я принялся завтракать, туземцы – курить и жевать бетель. Через 3/4 часа огонь отодвинулся от опушки приблизительно на 1/2 мили и благодаря NW гнал дым в противоположную от нас сторону.

Мы пошли по сожженной поляне, которая оказалась далеко не такую ровною, как я себе ее воображал: она вся, насколько я мог обнять глазом, была покрыта кочками фут около 5 вышиною и приблизительно фут 10 или 12 в диаметре у основания. Эти кочки были неравной величины и состояли из земли и мелких камней. Происхождением своим они, вероятно, обязаны земляным постройкам *Maleus*. В лесу находятся подобные же *tumuli*, [91] но реже.

Мы подошли шагов на 10 к линии огня, и каждый из нас избрал себе кочку для наблюдения; таким образом, параллельно огневой линии образовалась цепь охотников, следящих за движением пламени и готовых напасть на добычу. Пожар то увеличивался, то уменьшался; по временам целая стена буро-белого дыма поднималась к небу и пламя большими языками несло по ветру; порою же пламя почти что потухало, пелена дыма разрывалась, открывая

вид далеких гор и ближайшего леса. Вдруг неожиданно дым столбом поднимался вновь, двигался, ложился, и пламя тонкими змейками вилось над почерневшею землей.

Туземцы, стоя в воинственных позах, луки и стрелы в левой руке, а в согнутой правой – копье над плечом наперевес, острием вперед, внимательно следили за движением пламени, желая каждый первым открыть неприятеля. Несколько мальчиков лет 10–11, с миниатюрными луками и копьем, также стояли немного поодаль от отцов и служили живым примером тому, как наука папуасской жизни передается из поколения в поколение.

Сухой унан трещал, вспыхивал, падал; иногда порыв SO гнал массу дыма на нас; легкий пепел травы влетал нам в нос, заставляя чихать и кашлять. Иногда огонь, точно недоумевая, кидался в разные стороны, возвращался назад и прибавлял духоту к жаре уже и без того палящего солнца. Очень утомившись, я положительно заснул бы стоя, если бы по мере удаления огня голос соседнего часового не напомнил мне, что надо идти вперед. После томительных 2 часов мы дошли до противоположной стороны. Наша линия сошлась с встречной линией; взоры туземцев, внимательно исследуя почерневшую поляну, ничего не находили, и когда последние стебли вспыхнули и потом мелким дождем пепла разлетелись по воздуху, я услышал от ближайшего охотника неутешительное «буль-арен» (свиньи нет). Мы сошли со своих кочек; несколько жителей Гумбу, образовавших противную линию, тоже заявили, что ничего не видали.

Я остановил одного из них, за спиной которого, привязанное к копью, висело новое для меня животное, похожее на большую крысу. Я занялся рассмотриванием его: волосы были интересны тем, что походили на плоские иглы, хотя и эластичные. Они были отчасти опалены, так же как ноги и морда, а высунутый язык немного обуглен. Животное, вероятно, задохлось от дыма. Я рассматривал его острые зубы, как вдруг крик отошедших в сторону туземцев: «Буль, будь!» заставил меня оглянуться.

В сотне шагов, лавируя между многочисленными копьями, которые со всех сторон вонзались в землю, бежала большая свинья. Я выхватил двуствольное ружье из рук туземца, который держал его, пока я рассматривал новое для меня животное. Подпустив свинью шагов на 20, я выстрелил. Пуля пробила ей грудь, но ниже сердца. Свинья пошатнулась, однако кинулась в сторону и пробежала мимо меня. Я снова прицелился и раздробил ей заднюю ногу. Свинья остановилась на несколько секунд, но, видя мое наступательное движение, снова отбежала на несколько шагов. Вынув револьвер, я стал подходить. Животное, поднимая верхнюю губу и показывая почтенные клыки, издавало глухое рычание. С каждым выстрелом я подходил ближе и остановился шагах в 6 от свиньи, которая свалилась на сторону, но иногда все еще приподнималась и показывала клыки. Подбежавшие туземцы не дали мне времени выстрелить: один копьем пробил ей бок; другое копьё пролетело мимо, а из трех стрел одна («палом» – с широким плоским бамбуковым концом) вонзилась в шею животного. Оно имело еще настолько силы, что несколькими движениями освободилось от копья и стрелы, конец которой остался в ране. Желая покончить с нею, я подошел с противоположной стороны, хотя охотники и кричали мне, чтобы я не подходил, и, выбрав момент, вонзил свой длинный нож по рукоятку ей в бок, немного позади передней оконечности. Струя теплой крови покрыла мою руку, и животное окончательно свалилось. Окружившие нас туземцы единогласно объявили свинью моею и стали расхваливать мое «табу» и меня самого.

Далекие крики возвестили о том, что можно рассчитывать еще на добычу. Я снова зарядил ружье. Охотники один за другим удалились, раздраженные первою неудачею. Я же, найдя удобную кочку, сел и стал ожидать. Вдали слышались крики: «Буль, будь, будь!» Голоса издали призывали меня. Затем туземцы вернулись и рассказали мне, что там было еще 2 свиньи, ни они ушли, потому что не было меня и моих «табу». Партия людей Бонгу пришла объявить, что они убили одну свинью, но что при этом Саул, которого она повалила, был так ею искусан, что бок, рука, голова и глаз были все в крови, когда его отвели в Бонгу. В свою очередь мои спутники рассказали о наших похождениях, о «табу» и о большом буль Маклая.

Мы отправились к убитому животному, и на вопрос, куда его нести, я сказал, что беру голову и заднюю ногу себе, а прочее отдаю людям Бонгу, что, оставив ружье дома, я пойду в Бонгу перевязать раненого Саула и что приглашаю всех ко мне покурить моего табаку. Все остались довольны, и мы двинулись вперед длинную процессиюю.

Их было человек 40. Когда они расположились, куря, на площадке в Гарагаси, я увидел, кроме животного, о котором уже говорил выше, называемого туземцами «габенеу», еще вид мыши и большого серебристо-белого маба. Приобретя его, а также несколько экземпляров других животных для коллекций, я поспешил в Бонгу к раненому. Меня встретили плачущие женщины и сын его. Кроме множества мелких ран, оказались две глубокие на руке, одна сбоку живота, несколько других около глаза, на лбу, за ухом, на шее, но все это были только царапины. Запекшаяся кровь с пеплом и грязью придавали более жалкий вид раненому, который, размахивая здоровою рукою, рассказывал окружающим, как он вонзил свое копье в смертельно раненую свинью, как та внезапным движением переломила копье и сшибла его самого с ног (обе ноги рассказчика были сильно увеличены в объеме вследствие элѳантиазиса), как, поранив его, она попробовала бежать, но издохла. Его товарищи, думая, что Саул справится один со свиньею, которая уже была сильно поранена, занялись другою и не видели происшедшей с ним катастрофы. Я потребовал воды, нагрел ее, обмыл ею раны, затем перевязал их карболовым маслом. Присутствующие внимательно следили за моими движениями, повторяя, что я хороший человек.

Солнце стояло низко, когда я пришел в Горенду, где между тем борову спалили волоса и ждали меня, чтобы я взял свою часть. Я отрезал голову и заднюю ногу и, несмотря на приглашение ночевать – или, вернее, провести с туземцами бессонную ночь, – взвалил на плечо добычу сегодняшнего дня и отправился домой. Ноша была, однако ж, так тяжела, что пришлось отдыхать раза два. В 8-м часу я сел покойно в свое кресло обедать, очень голодный, так как целый день почти был на ногах и мало ел.

Удары в барум в Горенду возвестили начало «ай» в соседних деревнях, который должен был продолжаться всю ночь и весь завтрашний день.

Лунная ночь была тиха, и звуки труб и других инструментов доносились очень внятно. Отдохнув часа 2 и не будучи в состоянии заснуть, я вздумал отправиться снова в Горенду, желая вполне познакомиться с папуасским «ай» и взглянуть, что они там делают по ночам во время этих пиршеств. Я взял с собою Ульсона, которому очень хотелось побывать во время «ая» в деревне. Вооружившись фонарем, так как на луну нельзя было надеяться (ее часто закрывали черные тучи), мы отправились. Пришлось идти очень медленно, потому что Ульсон, не привыкший к здешним тропинкам, спотыкался и падал несколько раз. Подходя к площадке «ая», я закрыл свет фонаря и тихо приблизился. На площадке пылал большой костер, над которым был устроен род большой жаровни (более 1 м вышины, метра 2 длины и около 1 м ширины). На ней пеклись куски свинины; кругом, сидя, лежа, стоя, туземцы занимались своею музыкой. Каждый по обыкновению старался заглушить остальных своим инструментом. Некоторые спали; жир, в изобилии капавший с жаровни, увеличивал по временам пламя, освещавшее всю картину.

Раздавшийся внезапно звук моего свистка заставил на несколько секунд смолкнуть нестройную музыку, потом послышались возгласы: «О Маклай, гена! Анди-гена!» и т. п. Я отыскал себе удобное место на циновке, но оставался недолго, так как замолкнувшая было музыка возобновилась с новою силою.

14 июля. Был утром в Бонгу перевязать раны Саула. Узнал, что при вчерашней охоте людьми 3 деревень были убиты, кроме множества мелких животных, как [...],[92] пять больших свиней, не считая той, которую убил я. Я поспешил вернуться в Гарагаси, где занялся рисованием и препарированием купленных мною вчера животных (*Brachymeles Garagassi* Mcl.).

16 июля. Туземцы окрестных деревень снова заняты выжиганием травы и охотой, от которой я сегодня отказался. Хотел сделать портрет Налая, но он и другие около него стоявшие туземцы заявили, что, если я сниму с него портрет, он скоро умрет{38}. Странное дело, что и в Европе существует подобное же поверие.

Налай, 10—11 лет, из Бонгу

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 20 июля 1872 г.

17 июля. Прибирал и чистил вещи в хижине; если бы по временам не делать этого, то трудно было бы войти в мою келью в 7 кв. футов.

Был снова в Бонгу у раненого. Около нас собралось целое общество, но каждый был чем-нибудь занят: один кончал новую удя-саб и скреб ее раковиною, другой такую же раковиною заострял концы своего юра, третий, уже ножом, полученным от меня, строгал конец своего копья, сломанного во время последней охоты. Женщины искали вшей в головах мужчин, дети (подростки) были заняты тем же. Двое женщин распространяли свою любезность и на собак и ловили у них блох, причем собаки послушно лежали у них на коленях. Когда я собрался идти, Бугай, один из жителей Горенду, также поднялся, чтобы идти со мною. У берега моря Бугай подошел к дымящемуся толстому стволу, прибитому давным-давно приливом. К моему удивлению, он стал с большим аппетитом глотать целые пригоршни золы.

Не понимая, что это за особенное дерево, я также попробовал золу, и она оказалась приятно соленого вкуса. Этот ствол, долго носимый волнами, источенный разными морскими животными, набрался таким количеством соли, что зола его отчасти может заменить обыкновенную <соль>. [93] Бугай сказал мне, что золу эту многие едят с бау, аяном и другими кушаньями. Для меня это очень полезное открытие; моя соль уже совсем на исходе, и я все ем без соли, исключая мясо. Я обратил внимание на донган, который, заткнутый за браслет Бугая, был сделан из кости животного, которого я еще здесь не видел. Он называется туземцами «тиболь» и водится в лесах, но встречается также на полянах унана. По словам туземцев, тиболь имеет длинный толстый хвост и высоко прыгает{39}.

Дигу из Горенду

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 31 июля 1872 г.

30 июля. Лихорадка сильно беспокоила меня и заставила потерять несколько дней. Ульсон также хворает, даже чаще меня.

У входа в Горенду на пригорке сидела девочка лет 10 и бросала вниз кокосовые орехи; несколько мальчиков от 5 до 10 лет с заостренными палками стояли по сторонам, стараясь, бросая палку, вонзить ее в упругую скорлупу ореха. Эта сцена представилась мне, когда я пришел сегодня в деревню. Пожалел, что я недостаточно художник, чтобы набросать оживленную картину.

Сахарный тростник, которого не было видно некоторое время, опять появился и опять жуется туземцами в большом количестве.

31 июля. Несколько туземцев приехали в Гарагаси на своих пирогах; некоторые по обыкновению уселись у самой лестницы, ведущей к моей веранде. Болтали об охоте, просили перьев и т. д. Вдруг один из них, точно ужаленный, в 2 прыжка соскочил с лестницы с

криками: «Маклай, гена, гена!» (Маклай, иди, иди сюда); остальные последовали его примеру. Не понимая, в чем дело, я спросил туземцев, но не успел получить ответа, как над головой на крыше услышал сильный удар, и столб пыли ослепил меня. Дождь сучьев разной толщины падал на землю у самой веранды. Некоторые из них были достаточно толсты для того, чтобы, упав с высоты 70–80 фут, серьезно ранить человека. Оказалось, что Буа, соскочивший первым, услышал над головой легкий треск и, зная, что он мог значить, поднял тревогу. Туземцы очень боятся падения деревьев и сухих сучьев, которые, падая, могут причинить смерть или опасную рану. Уже давно они находят положение моей хижины в Гарагаси не безопасным и весьма часто предлагают или переселиться в Горенду или Бонгу, или построить новую хижину на другом месте. Отчасти они совершенно правы, но возня, сопряженная с постройкой и переселением, так неудобна для меня, что, полагаясь на «авось», продолжаю жить здесь.

В Бонгу, куда я хожу каждый день перевязывать раны Саула, я присоединился к группе курящих, жующих бетель и разговаривающих, надеясь узнать что-нибудь новенькое из разговора с ними. Завел речь о названиях разных народностей и мест. Желал узнать, имеют ли жители этого берега общее название; такового, однако ж, не оказалось, хотя туземцы хорошо понимали, что я желаю знать. Они называли людей, прибавляя к слову «тамо» название деревни. Рассказывали, что жители деревень в горах на NO, которых называли «тамо-дева», пробуравливают себе ноздри и вставляют в них перья.

Затем разговор перешел на рассказы о моей хижине, о падении сухих ветвей и т. д. Мне опять предлагали построить новую хижину. Угощение следовало своим обыкновенным порядком: сначала выпили кеу, потом, отплевываясь и делая разные гримасы, возбужденные горечью напитка, принялись за выскобленный кокос, затем за груды вареного бау, аяна и каинды{40}, как десерт следовало жевание бетеля, а затем курение; это обыкновенный порядок туземных угощений. Так как я не принимал участия ни в первом, ни в обоих последних отделах ужина, то я отправился ранее других в обратный путь. У одной из хижин я остановился, чтобы пропустить целую вереницу женщин. Среди них было много гостей из других деревень. Когда я остановился, около меня собралась группа мужчин; женщины, выходя из леса и завидя нашу группу, сейчас же весьма заметно изменяли походку и, поравнявшись с нами, потупляли глаза или смотрели в сторону, причем походка их делалась еще более вертлявою, а юбки еще усиленнее двигались из стороны в сторону.

Я так запоздал и было так темно, что мне пришлось ночевать в Горенду. Нары оказались гораздо удобнее моей койки и мягче, и, закрывшись новыми циновками, я проспал недурно, хотя несколько раз просыпался от жесткости толстого бамбука, заменявшего подушку. Когда лежишь на спине, он представляет довольно удобную подушку, но она делается неудобною, как только ляжешь на бок; надо ухитриться спать на спине и не ворочаться.

1 августа. Рассматривая мой метеорологический журнал за 10 месяцев, можно удивиться замечательному постоянству температуры: редко бывает в тени 32°, большею частью 29 или 30°; ночью семью-восемью, очень редко десятью °С холоднее дневного максимума. Притом здесь нет собственно дождливого времени года: дождь распределен довольно равномерно на каждый месяц. Несмотря на приятный климат, одно скверно – лихорадка.

4 августа. Четыре или пять пирог пристали к берегу около Гарагаси. Туземцы из Бонгу принялись усердно колотить в щепки ствол почти что в 40 м длины; он был принесен приливом еще в марте и пролежал здесь около 5 месяцев. Мне объяснили, что завтра они собираются в Теньгум-Мана и эти щепки отнесут в подарок горным жителям, которые, сжигая их, получают пепел, употребляемый ими как соль. В прибрежных деревнях прибавляют к пресной немного морской воды; горные жители заменяют это пеплом. Нагрузив все пироги, они отправились к себе, обещая вернуться.

августа. Почти каждый день лихорадка. Остаюсь на ногах до последней возможности. Хины остается мало. Вчера целый день раздавались в лесу удары топоров. Отправился посмотреть, что они делали. Значительное пространство леса было очищено от кустов и лиан, у больших деревьев обрублены ветви, оставлены только самые толстые сучья; несколько больших деревьев повалены – и все это в 2 дня. Я мог только удивляться работе, сделанной таким примитивным орудием, как каменный топор. Муравьи желтые, черные, коричневые, белые, большие, малые, потревоженные или лишенные своих жилищ, заставили меня уйти.

9 августа. Приходили люди Бонгу с гостями из Били-Били; один из прибывших просил очень послушать гармонику Ульсона; когда последний ушел за нею, туземцы поспешили окутать голову бывшего с ними пятилетнего мальчика своими маль, чтобы он не видел ай. Когда Ульсон кончил играть и ушел, ребенка освободили.

13 августа. Сидел дома и писал антропологические заметки о туземцах этого берега, которые намерен послать академику Бэру{41}. Пришло очень большое число жителей окрестных деревень, одни только тамо-боро, с весьма странною просьбою: они хотели, чтобы я навсегда остался с ними, взял одну, двух, трех или сколько пожелаю жен и не думал бы уехать снова в Россию или куда-нибудь в другое место. Они говорили так серьезно, один после другого, повторяя то же самое, что видно было, что они пришли с этим предложением после долгих общих совещаний. Я им отвечал, что, если я и уеду (в чем я несколько не был, однако же, уверен), то вернусь опять, а что жен мне не нужно, так как женщины слишком много говорят и вообще шумливы, а что этого Маклай не любит. Это их не очень удовлетворило, но они остались, во всяком случае, довольны табаком, который я роздал членам депутации.

Вот уже месяцев 6, как Ульсон и я каждый вечер кладем на костер большое бревно, чтобы поддержать огонь до следующего утра, так как приходится быть экономным со спичками и не дойти до необходимости бегать в Горенду в случае, если костер погаснет. Иногда мы заменяем обыкновенное дерево обрубком, пролежавшим долго в морской воде и совершенно ? Ia raroa собираем белый пепел, который употребляем как соль. Чтобы выпаривать морскую воду на огне, нужно слишком много дерева, а для добывания соли посредством испарения на солнце у меня не найдется достаточно большого и плоского сосуда.

Однако ж я весьма легко и скоро отвыкнул от соли и не замечаю никакого вредного действия для здоровья от ее недостатка.

15 августа. Утром на охоте, когда я шел по тропинке около плантации, шорох между сухими листьями заставил меня остановиться. Прислушиваясь к шуму, я заметил шагах в 20 между деревьями около сухого пня небольшое животное. Это был небольшой кенгуру, рыжевато-серого цвета, которого туземцы называют «тиболь». Я выстрелил и ранил животное, так что его легко было словить. Очень обрадованный своей добычей, я вернулся немедленно домой, забыв, что не застрелил ничего для завтрака или обеда, но мне было не до того, чтобы думать об этом. Вот уже около года, как я пробыл здесь, и это был первый экземпляр тиболя, которого мне удалось добыть. До этого времени я ни разу не видел подобного.

16 августа. Пригласили меня в Бонгу, специально чтобы попробовать еще не виданное мною кушанье «тауна», приготовление которого довольно сложно. Сперва с этих орехов снимается шелуха, они складываются в корзины и вымачиваются дней 10 или более в морской воде; затем они растираются и смешиваются с наскобленным кокосовым орехом, после чего полученное тесто, разделенное на порции, завертывается аккуратно в банановые листья и варится около 3 часов, и наконец таун готов и раскладывается небольшими пакетиками на чистые циновки. Таун мне понравился, несмотря на какой-то запах гнили: орех, должно быть, отчасти гниет во время пребывания в морской воде. Соображая сложность приготовления, трудно догадаться, каким образом туземцы дошли до открытия подобных кушаньев. Вся

деревня принимает участие в таких экстраординарных угощениях.

Видел сегодня в Бонгу самый большой каменный топор, который мне случилось встретить; шириною он был около 12 см и замечательно хорошо вышлифован.

20 августа. Я сидел в Горенду, куда пришел за аяном, и разговаривал с окружавшими меня туземцами, как вдруг раздались пронзительные вопли и причитания, совершенно подобные тем, которые я слышал в Гумбу при похоронах Бото. Голос был женский, и скоро показалась и сама плачущая; обеими руками она закрывала глаза или отирала слезы, шла медленно и крикливо, нараспев голосила какие-то слова; немного поодаль за нею следовали несколько женщин и детей, также понуря голову, но молча. Я спросил: «О чем это плачет и кричит Кололь?» (имя женщины). Оказалось, что ночью издохла большая свинья плачущей, желая пробраться между кольями забора в огород. Кололь отправилась к себе в хижину и продолжала голосить, как о покойнике. Такая привязанность женщин к свиньям может быть отчасти объяснена тем, что в этих странах, как было уже сообщено выше, некоторые женщины кормят поросят грудью. Так было и в настоящем случае. Когда я, смеясь, заметил, что свиней много, она отвечала, указывая на груди, что она сама вскормила эту{42}.

Остров Били-Били

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 22 августа 1872 г.

Подобные сцены случаются здесь в деревнях нередко; при каждой неудаче, потере, смерти обязанность женщин – кричать, выть, плакать; мужчины ходят молча, насупясь, а женщины воют. Двое туземцев принесли издохшую свинью. Она была назначена Аселем, которому и принадлежала, быть отправленной в Бонгу, куда ее и понесли. Такие обоюдные подарки одной деревни другой – здесь общее правило. При отправке свиньи из Горенду ударили в барум. Около получаса спустя послышался барум в Бонгу, означающий получение свиньи и начало «ая».

Мужчина с острова Били-Били

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

22 августа. Вчера вечером собрался в Били-Били, завязав обе двери не веревкою, а белой ниткою, которою я опутал их, как паутиной. Ночью ветер был слаб; зыбь, однако ж, значительная; к рассвету после небольшого шквала с дождем от NNW совсем заштило. Через час гр?бли, очень утомительной по случаю штиля и солнечного жара, мы подошли близко к Били-Били. Туземцы толпою шли вдоль берега, распевая песни, в которые часто вплетали мое имя. Несколько пирога выехало к нам навстречу, и жители Били-Били, стараясь говорить на диалекте Бонгу, который я понимаю, наперерыв уверяли меня, как они рады моему приезду. Красивый островок с густою растительностью, толпа туземцев у берега, разукрашенных цветами, листьями, пироги вокруг шлюпки, песни, громкий разговор, шутки и крики диких – все это живо напоминало мне описание островитян Тихого океана первыми мореплавателями. Выбрав место у берега, я направил туда мою шлюпку. Когда она врезалась в берег, десятки рук потащили ее выше на отлогий берег. Был уже девятый час, и, выпив воды кокосового ореха, я почувствовал сильное желание заснуть, так как всю ночь не пришлось спать. Это желание было нетрудно исполнить, и я расположился, как и в первый приезд, в одной из указанных мне туземных пирога.

Отдохнув, я занялся рисованием. Рисовал, что приходилось: и хижины, и пироги, делал и портреты, снимал факсимиле с разных папуасских орнаментов, выцарапанных на бамбуке.

Обходя деревню, я останавливался около многих хижин. Около одной из них несколько туземцев работали над большим веслом, причем можно было видеть, как железо легко вытесняет употребление раковин и камня как орудий. Небольшой обломанный гвоздь, тщательно плоско обточенный на камне в виде долота, в руках искусного туземца оказался превосходным инструментом для резьбы прямолинейных орнаментов. Работа была долгая, но все же гораздо легче и проще резьбы камнем или раковиной.

Остров Били-Били

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 23 августа 1872 г.

У многих хижин висели вновь выкрашенные белою и красною красками щиты, которые не встречаются у моих соседей, но в большом употреблении у жителей других островов, как Тиара и Митебог. Они сделаны из одного куска дерева, круглы, от 70 см до 1 м в диаметре и в 2 см толщины.

На передней стороне около края вырезано 2 концентрических круга; фигура в середине представляет значительные разнообразия. Щиты эти раскрашиваются только в особенных случаях.

Несколько туземцев, желая показать мне свою ловкость, схватили копья, одели щит на левую руку, так что середина его приходилась почти что у плеча, и стали производить разные воинственные эволюции, причем щит закрывал голову и грудь и мог очень порядочно защищать их от стрел и копий.

23 августа. Собирался отправиться в Тиару (остров и деревня того же имени), которая лежит, сам не знаю где; но так как дует свежий NNW и на море сильная зыбь, туземцы просят подождать хорошей погоды. NNW, обыкновенно дует с открытого моря, сопровождается значительною зыбью и называется туземцами «карог». WNW, также очень обыкновенный здесь ветер, не сопровождается сильным волнением, так как дует с берега; он называется «явар».

Исходил остров по всем направлениям; на берегу нашел раковину [...].[94]

24 августа. Ветер все еще силен для туземцев; просят подождать. Мне все равно, так как везде и всегда работа у меня под рукою, только гляди, узнавай, рисуй и записывай; материал неистощим.

С утра почти вся мужская молодежь отправлялась на четырех пирогах на особенный пир, или, вернее бал, в Богати (туда им ветер попутный). Физиономии молодых людей, которых я знал хорошо, были так разрисованы, что я должен был пристально вглядываться в знакомые лица, чтобы распознать их: до такой степени обыкновенное выражение и черты лица были изменены несколькими цветными фигурами. Сари различных форм и небольшие барабаны, употребляемые во время пляски, не были забыты. Отправляясь, совсем готовые к своим пирогам, туземцы в угоду мне произвели на отлогом сыром (был отлив) песчаном берегу род репетиции пляски, которую должны будут исполнять вечером в Богати. При этом они держали в зубах свои сари, представлявшие курьезно украшенные белыми раковинами языки. В левой руке у них было по небольшому барабану, в который они ударяли правою. При пляске, состоявшей из плавных движений, они не только пели (причем вследствие держания сари в зубах пение их имело странный звук), но и ударяли в барабан, который то опускали к земле, то поднимали над головою. Пляска была в высшей степени оригинальна.

Ванг. Остров Били-Били

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 24 августа 1872 г.

25 августа. Проснувшись ночью и видя, что погода хорошая, я оделся, зажег фонарь и отправился будить Каина и Гада, с которыми я должен был отправляться в Тиару. После нескольких отговорок Каин разбудил Гада; они достали парус и весла. Я перенес в небольшую пирогу разные вещи для обмена и для подарков и стал ждать у берега моих спутников. Размахивая горящими палками, они принесли мачту, парус и свои подарки. Отправляясь в гости, туземцы всегда берут с собою подарки и вещи для обмена, пользуясь при этом тем, в чем они сами имеют избыток.

Марамай. Остров Били-Били

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 24 августа 1872 г.

Луна вышла из-за туч и таинственно проглядывала между пальмами, освещая живописную картину деревни, спокойного моря и группу работавших у пироги. Я поместился на платформе, или на «кобум-барле», по одну сторону мачты со всеми своими вещами; на другой стороне горел небольшой костер в сломанном большом горшке. На носу и на корме в специально устроенных местах поставлены были копья, луки и стрелы обоих туземцев. Один из них поместился впереди платформы, другой в корме, чтобы грести и, кроме того, управлять парусом и рулем. Около 3 часов утра все было готово, и пирога, или на диалекте Били-Били «кобум», была стащена в море. Вскочив в нее, Каин и Гад принялись грести, так как у берегов ветер был слаб; несмотря на это, пирога без шума стала двигаться вперед.

Я решил, что всего рациональнее для меня продолжать прерванный сон, так как я увижу этот берег днем, а ночь была слишком темна, и я не мог разглядеть ничего, кроме силуэтов деревьев, поднимавшихся над общим уровнем леса. Упругая бамбуковая настилка платформы представляла довольно удобную койку, и я отлично проспал более часа. Меня разбудил Гад, предупреждая, что я сожгу свой башмак, так как, потянувшись во сне, я положил одну ногу почти что на костер. Туземцы попросили у меня табаку, закурили свои сигары и стали расспрашивать меня о России, о людях, живущих не только в России, но на луне и на звездах. Между прочим я узнал, что планету Venus они называют «Бой», созвездие пояса Ориона – «Даманг», Плеяды – «Барасси».

Когда мы прошли островок Ямбобу, мне показалось, что берег образует в этом месте залив. Рассвет, однако ж, показал, что предполагаемый залив кончается проливом, и мы скоро очутились в нем. С обеих сторон берег представлял поднятый коралловый риф, покрытый густою растительностью. На юге находилась оконечность материка Новой Гвинеи, которую туземцы называют Бейле, на N – о. Григер^{43} с деревьями Гада-Гада и Митебог; за ними далее на NW – два островка, Багер и другой, имя которого я забыл. Мы вошли в значительную бухту, представлявшую целый архипелаг островков разной величины, все одинаково образованные поднятым коралловым рифом и покрытые лесом. По мере того как мы подвигались, я записывал имена островков.

Солнце показалось на горизонте и осветило архипелаг, спокойную поверхность бухты и далекие горы. Пролив между материком Новой Гвинеи и Григером совершенно безопасен, и бухта с ее многочисленными островами, огражденная от моря рифом, представляющим, однако ж, несколько проходов, может образовать хорошие гавани. Этой бухте мне надо будет подыскать имя, так как, хотя каждый островок имеет свое название, бухта именуется туземцами просто морем. Мы обогнули 3 небольших острова; на одном росли кокосовые пальмы и были расположены плантации жителей Гада-Гада; 5 или 6 других – необитаемы. В глубине на юг находится устье значительной речки. Продолжая плыть дальше, мы обогнули

средний из трех необитаемых островов и увидели, наконец, цель нашей экскурсии – о. Тиару. Группа кокосовых пальм и вытащенные на берег пироги означали, что здесь пристань деревни. Мои спутники принарядились, надели новые пояса, взбили большими гребнями волосы и принялись усердно гресть. Можно было различить толпу собравшихся тиарцев, которые, завидя пирогу из Били-Били, вышли к берегу. Многие громко звали меня по имени. Подойдя к песчаному берегу, пирога была разом вытащена высоко на песок целою толпою туземцев. Я сошел с платформы и, раздав окружившим нас жителям Тиары мои вещи, отправился в деревню, где нам указали большую хижину, в которой был поставлен мой столик и складная скамейка, которые я привез с собою.

Среди обступивших меня туземцев я узнал троих, которые были в Гарагаси месяца два тому назад. Имена их занесены в мою записную книжку. Взяв ее из кармана, я нашел страницу и прочел их имена громко. Очень удивленные и вместе о том обрадованные, они один за другим, по мере того как я произносил их имена, подошли ко мне и по моему знаку уселись у моих ног, потом целый день почти не отходили от меня, стараясь услужить мне чем и как могли. Каин и Гад также почти что не покидали меня. Вся толпа жителей Тиары образовала большой полукруг, молча глядя на меня и на привезенные вещи. При этом я мог удобно разглядеть их физиономии. Здесь, как и в других местах, между совсем плоским и выдающимся немного носом представлялись десятки переходов, и, выбрав из целой деревни две крайности, можно представить две физиономии двух весьма различных типов. Но эти отличия чисто индивидуальные, в чем можно убедиться, рассмотрев физиономии остальных, составляющих всевозможные переходы от одного типа к другому. Я положительно не нахожу основания полагать, что эта раса, живущая на островах, смешанная или отличная от жителей материка.

Я роздал около полуфунта табаку, нарезанного небольшими кусками; это хватило только пожилым, из молодых его получили лишь немногие, преимущественно обладающие более красивыми физиономиями. Пока они курили, я занялся рисованием хижин, которые, как и многие в Били-Били, были построены на столбах более 1 м вышины, но, как вообще все папуасские хижины, состояли преимущественно из крыш. Я обошел затем всю деревню, она была не мала, но не представляла той чистоты и уютности, как деревни моих соседей.

Каин. Остров Били-Били.

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. Август 1872 г.

Вернувшись к прежнему месту, я застал туземцев, готовящих нам обед. За розданный табак жители Тиары принесли мне по стреле, от которых я не отказался, так как они были очень красиво вырезаны. Я обратил внимание здесь на особенную породу собак из Кар-Кара, отличную от распространенной на материке Новой Гвинеи. Собаки из Кар-Кара имеют толстое удлиненное тело, сравнительно очень короткие ноги и толстую морду.

После обеда я обошел остров и сделал эскиз архипелага на W и SW, записав при этом более 30 имен островов.

Наш кобум был уже нагружен и готов к обратному пути. Все население деревни высыпало на берег посмотреть на наш отъезд. Наша пирога оказалась очень нагруженной подарками разного рода, предназначенными тиарцами для моих спутников. Около Григера навстречу к нам выехала пирога, и несколько человек усердно просили меня заехать к ним. Я не согласился, так как было поздно, а на завтра я желал вернуться в Гарагаси. Когда мы вышли из пролива в море, пирогу нашу очень неприятно толкало на волнении, которое было значительно. Это происходило оттого, что толчки волн о вынос передавались пироге, которая сама непосредственно получала толчки от другой волны.

Остров Кар-Кар был ясно виден, хотелось бы туда, так кажется близко, а оттуда на о. Ваг-Ваг, где, по словам Каина, туземцы даже не строят пирога, ввиду своей изолированности.

26 августа. Утром, когда я собирался в путь, вернулась пирога с молодежью из Богати. У всех был очень усталый вид. На прощанье, желая подарить туземцам что-нибудь и не имея уже ни кусочка табаку, я придумал очень простое средство дать каждому что-нибудь для него полезное. Я разбил привезенную с холодным чаем бутылку на кусочки величиною в серебряный четвертак; таких кусочков из одной бутылки вышло несколько сотен. Стекло, будучи для туземцев очень важным орудием (для бритья, полирования дерева и резьбы украшений), доставило им огромное удовольствие. Вся деревня, даже женщины и дети, собрались около шлюпки, протягивая руки. Хотя не было свежего ветра, но он был попутный, и я вернулся в Гарагаси около 4 часов, т. е. употребил почти что 6 часов для перехода; на путь из Гарагаси в Били-Били потребовалось часов 12.

Остров Ваг-Ваг с югозапада

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Остров Кар-Кар в хорошую погоду

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Дома нашел все в порядке, хотя по разным обстоятельствам я уверен, что немало туземцев побывало в Гарагаси во время моего отсутствия; но они не могли удовлетворить своему любопытству, найдя двери опутанными веревкою и ниткою. Вероятно, они думают, что если дотронутся до веревки у дверей, на них посыпятся со всех сторон выстрелы, или, если прикоснутся к нитке, с ними приключится какое-нибудь несчастье.

30 августа. Отправился в Богати и добрался туда через 6 часов, так как сначала дул ровный ветер, а потом только порывами.

Подходя к берегу, где я был 11 месяцев тому назад с офицерами «Витязя», я увидел толпу туземцев, которая присела, когда шлюпка приставала, и оставалась в этом положении до тех пор, пока я не приказал им вытащить ее на берег, что было немедленно исполнено.

Тиара

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. Август 1872 г.

Я обошел деревню, которая мне показалась самою большою между всеми расположенными вокруг бухты Астроляб. На большой площадке виднелись еще следы танцев, в которых участвовали жители Били-Били, о чем было сказано выше. Высокая барла была украшена зеленью разного рода, которую еще не успели снять, а кушанья, приготовленные по случаю пиршества, доедались туземцами, подогретые, еще и сегодня, т. е. на третий день после праздника. Мне также был подан большой кусок «ай-буль» (свиньи, убитой по случаю «ая»). Несмотря на все старания, я не мог достать черепа с нижнею челюстью. Были принесены два, но без нее.

Коды-Боро снова заговорил о моем поселении в Богати и, желая подтвердить свои слова положительными доводами, повел меня через всю деревню к хижине, откуда вызвал молодую, крепкую, довольно красивую девушку. Что он ей сказал – я не понял. Она же

поглядела на меня и, улыбнувшись, юркнула назад. Коды-Боро объяснил мне, что я могу взять ее себе в жены, если поселюсь в Богати, и повел меня далее. Выйдя из деревни, минут через 5 ходьбы мы подошли к высокой изгороди плантации, перелезли через высокий порог и направились к группе работающих женщин. Коды снова позвал одну; то была недурненькая девочка лет 14–15. Этот раз я уже знал, что означало его вызывание, и сейчас же покачал головой. Коды, не теряя надежды найти для меня подходящую, кивнул головой, указывая языком[95] по направлению нескольких девушек. Этот смотр невест мне надоел, и я вернулся в деревню, не слушая более Коды. За недостатком ветра нельзя было и думать о возвращении в Гарагаси. Я остался ночевать.

Хижина в Богати

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 31 августа 1872 г.

31 августа. Провел ночь порядочно, закрывшись флагом. Не обошлось, однако ж, без попытки со стороны Коды привести в исполнение, пользуясь темнотою ночи, те планы, которые потерпели фиаско днем. Хотя, ложась спать, я был один в хижине, около моей барлы не раз слышались женские голоса. Я решил игнорировать это и спать.

Утром, при восходе солнца, нарисовал панораму гор юго-восточного берега залива. Я приобрел за нож орлан-ай. Таинственно обходя задами хижин, Коды привел меня к небольшой буамрамре, где показал мне орлан-ай. Когда я согласился дать за него нож, он завернул «ай» в циновку и с тою же заботливостью, чтобы никто нас не видел, повел меня назад к шлюпке, сам неся тщательно завернутый орлан-ай, и положил его сам под банки в шлюпку, обложив сверток кокосами, которые уже там лежали{44}. Когда шлюпку столкнули в море, все туземцы опять присели, пока Ульсон поднимал парус и я, сидя у руля, не прокричал им прощального «Э-аба» и «Э-ме-ме». При порядочном ветре я скоро добрался до дома, где все нашел в исправности.

1 сентября. Сильная лихорадка.

2 сентября. Топором рассек себе колено и довольно глубоко, работая над кое-какими исправлениями хижины. Придется просидеть дома несколько дней.

3 сентября. Ульсон с десятком жителей Горенду вытащил шлюпку высоко на берег, так как она стала принимать до 80 ведер воды в сутки.

5 сентября. По случаю больного колена не могу ходить на охоту. Провизия наша почти что на исходе, приходится питаться тем, что приносят туземцы. Сегодня было пасмурно; свежий WNW и не более как 26 °C.

9 сентября. К боли в колене присоединилась лихорадка. Провел 3 или 4 дня очень неприятным образом, так как пароксизмы сопровождалась сильнейшею головною болью. К довершению удовольствия приходилось по целым дням слышать стоны Ульсона и причитания его, что мы оба умрем от лихорадки или от голода и т. п.

Погода в эти дни стояла пасмурная, по временам лил дождь и капал мне на стол и на постель.

13 сентября. Занимался препарированием и рисованием мозга маба, который издох в прошлую ночь, прожив несколько месяцев у меня на веранде. Я поправился и, так как и погода улучшилась, хожу опять на охоту.

15 сентября. Решил сохранить остатки провизии, бобы и рис исключительно на те дни, когда

буду не в состоянии отправляться на охоту, а Ульсон, также по случаю нездоровья, не сможет идти за провизией в деревню. Вместо бобов и риса мы питаемся ямсом, сладким картофелем и бананами. Иногда, если нет дичи, приходится голодать, и уже не раз я видел во сне, что роскошно обедаю или ужинаю.

17 сентября. Ульсон жалуется на ревматизм во всем теле и опять лежит почти целый день.

18 сентября. Несколько дней, как птиц совсем нет. Черный какаду, которого во всякое время дня можно было застать на деревьях кенгара, более не виден. Ходишь по лесу, прислушиваешься, но даже и голубей не слышно. Появление известных птиц связано натурально с созреванием известных плодов. Это одна из причин скудости их в настоящее время. Другая причина, вероятно, – рубка леса в местности, где я преимущественно охотился. Жители Бонгу устраивают несколько новых плантаций, для чего вырубает мелкий кустарник и ветви больших деревьев. Когда весь этот хворост достаточно высохнет, его поджигают, а затем сооружается забор из воткнутых в землю обрезков тростника (*Saccharum K?nigii*) и расщепленного дерева поваленных стволов.

20 сентября. Отправившись на охоту, я забрался в такую глушь, что даже с помощью ножа еле-еле мог пробраться между лианами и колючим кустарником разного рода. В этой труднопроходимой чаще леса я был неожиданно, и к немалому удивлению моему остановлен забором плантации. Надо отдать справедливость туземцам в умении находить места для своих огородов в очень глухих и труднонаходимых закоулках леса. Перебравшись через забор этой плантации, где росли бананы, сахарный тростник, ямс и сладкий картофель, я отыскал калитку и таким образом нашел тропинку, которая вывела меня из леса к морю. Я был недалеко от Гумбу, но, не желая зайти в деревню, расположился отдохнуть на стволе повалившегося дерева недалеко от морского берега. Мимо меня прошли несколько женщин, идущих, вероятно, на плантацию; они несли пустые мешки на спинах и громко болтали. Значительная партия жителей Богати в полном вооружении прошла в противоположную сторону, к деревне. Я остановил последнего из них, чтобы узнать, каким образом они пришли сюда, и узнал, что пришли пешком, следуя по морскому берегу, выйдя еще до рассвета из Богати.

Вид из Богати

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1872 г.

Сегодня исполнился ровно год, как я вступил на берег Новой Гвинеи. В этот год я подготовил себе почву для многих лет исследования этого интересного острова, достигнув полного доверия туземцев и на случай нужды – уверенность в их помощи. Я готов и буду рад остаться несколько лет на этом берегу.

Телум из деревни Богати

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Но 3 пункта заставляют меня призадуматься относительно того, будет ли это возможно: во-первых, у меня истощается запас хины; во-вторых, я ношу последнюю пару [...] [96] башмаков и [...] [97] в-третьих, у меня осталось не более как сотни две пистонов.

24 сентября. Коды-Боро, сопровождаемый толпою людей Богати, принес мне поросенка, за что получил установившуюся плату – небольшое зеркало в деревянной оправе, которое из его рук перешло по очереди к каждому из посетителей. Некоторые долго держали его перед

собою, делая всевозможные гримасы: высовывая язык, надувая щеки, жмуря глаза, то отдаляя, то приближая зеркало, то поднимая его вверх, и при каждом новом образе, появляющемся в зеркале, произносили: «а! э! о!» Другие, подержав недолго зеркало в руках и заглянув в него, как бы чего-то испугавшись, отворачивались и сейчас же передавали его следующему.

Хижина в два этажа. Деревня Богати

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая, возможно сделанный при посещении деревни вместе с офицерами «Витязя» в сентябре 1871 г.

27 сентября. Заметил, что два бревна, образующие фундамент хижины, перегнили или съедены насекомыми. Мысль, что каждую минуту пол может провалиться, заставила меня, не медля, принять меры, чтобы привести хижину в более безопасное для меня положение. Так как Ульсон стонет на своей койке и собирается умирать, то мне пришлось отправиться вырубить новые стойки. Вырубил, но не был в состоянии снести их из леса к хижине.

В 2 часа пошел дождь со шквалами. Небо было обложено со всех сторон. Пришлось вернуться в хижину, и, несмотря на перспективу, что хижина может рухнуть, я решил, вместо того чтобы готовить обед, лечь спать, так как не было шансов, чтобы дождь перестал лить. «Qui dort dine»[98] – говорит пословица, но она верна только на один день, потому что, если и на второй не придется пообедать, навряд ли удастся заснуть, так как при сильном голоде спать невозможно. Я уже был близок ко сну, как струйка холодной воды на моем лице из новой щели в крыше заставила меня подняться, чтобы не допустить мою постель быть совершенно залитою. Я прикрепил с помощью палок и шнурков гутаперчевую простыню как раз над головою, так что вода будет стекать теперь по ней, а не попадать на подушку.

Я упоминаю о всех этих удовольствиях как специальное NB людям, которые воображают, что путешествия – ряд приятных впечатлений, и совершенно забывают обратную сторону медали. Не думаю, чтобы эти господа позавидовали мне сегодня: крайняя усталость, головная боль, мокрота кругом, перспектива пролежать голодным всю ночь и возможность провалиться. Иногда, однако же, бывают положения хуже.

10 октября. Трудно выразимое состояние овладевает иногда мною. Частая лихорадка и, может быть, преобладающая растительная пища ослабили до того мускульную систему, в особенности ног, что взойти на возвышение, даже весьма незначительное, для меня очень трудно, и часто, даже, идя по гладкой дороге, я еле-еле волочу ноги. Хотя к занятиям охота и есть, но здесь я устаю, как никогда не уставал. Не могу сказать, что при этом я скверно себя чувствую; изредка только посещают меня головные боли, но они главным образом находятся в связи с лихорадкой и проходят, когда прекращаются пароксизмы. Но я так быстро устаю, что никуда не хожу, как в Горенду или в Бонгу за провизиюю, а сижу дома, где работы всегда много. Спокойствие и уединение Гарагаси восхитительны. На Ульсона наша уединенная, однообразная жизнь производит заметное впечатление. Он стал угрюм и сердится на каждом шагу. Его вздохи, жалобы, монологи так надоели мне, прерывая мои занятия, что раз я объявил ему: деревьев кругом много, море в двух шагах; если он действительно так тоскует и находит жизнь здесь такую ужасною, то пусть повесится или бросится в море и, что зная причину, почему он это делает, я и не подумаю ему помешать.

На днях посетили меня люди Билия, одного из островков архипелага Довольных людей{45}. Двое или трое молодых папуасов имели замечательно приятные и красивые физиономии, положительно не уступающие в этом отношении ни одному из красивейших виденных мною полинезийцев. Сыновья Каина, например, хотя и не особенно красивые, очень напоминают мальчиков островов Мангаревы и архипелага Помоту.

Узнал, что между туземцами здесь происходят дуэли из-за баб.

Расспрашивая Каина о знакомых моих в Били-Били, я спросил о Коре, очень услужливом и понятливом человеке. Каин ответил мне, что Коре получил рану в ногу при следующих обстоятельствах. Он застал жену свою в хижине другого туземца. Когда Коре отвел ее домой, другой туземец захотел воспротивиться. Коре схватил лук и пустил несколько стрел в противника, которого и ранил; но последний успел также вооружиться луком, и пущенная им стрела в свою очередь пробуравила ногу Коре, пронзив ляжку. Другой случай ревности из-за жены произошел месяца 2 тому назад в Богата. Оба противника оказались ранеными, а один чуть было не умер. Копье вонзилось в плечо и переломило ключицу.

Опять каждый день слышатся раскаты грома, как и в прошлом году в это время.

12 октября. Заметил, что при недостаточной пище (когда по временам чувствуешь головокружение вследствие голода) пьешь гораздо более, чем обыкновенно.

Пароксизмы здешней лихорадки наступают очень скоро после каких-либо вредных причин, иногда в тот же самый день. Например, если утром ходил в воде по колени и оставался затем долго в мокрой обуви или пробыл несколько времени на солнце с непокрытой головой, в час или в 2 часа пополудни наступает пароксизм.

Сегодня Ульсон мыл свое белье в продолжение 3 часов, ноги находились при этом в воде, температура которой на 1 или 1 1/2 ° была ниже температуры воздуха; в 3 часа у него был пароксизм, между тем как в предыдущие дни он был совершенно здоров.

Кинжал (слева) и наконечники копий с островов Адмиралтейства

20 октября. Возвращаясь утром с охоты, почти у дома я услышал голос незнакомой птицы. Рассмотрев ее в кустах, я взвел курок, но потом раздумал стрелять: жаль было пистона, их у меня остается очень мало. Для завтрака и обеда провизии было довольно. Я раздумал потревожить маленькую птичку и опустил ружье; мое внимание обратилось на очень курьезного паука с отростками на всем теле. Правую рукою держал я дуло, так что кожа между большим и указательным пальцами перегибалась чрез край ствола. Я поймал паука и, сделав шаг вперед, поднял, не изменяя положения руки, ружье. Раздался выстрел, и боль заставила меня выпустить ружье из руки. Боль была незначительна, хотя крови из небольших ранок было немало. Несколько дробинок проббили кожу. Очень сожалею, что правая рука пострадала, так как вследствие ее большего употребления эти незначительные ранки долго не пройдут.

21 октября. Вечером вчера и всю ночь слышен был барум в Богати. В него ударяли изредка и однообразно. От пришедшего Саула узнал, что действительно в Богати был покойник, которого сегодня утром похоронили. Я спросил, не приходил ли кто из Богати и не сказал ли ему об этом? Саул сказал, что нет; он только слышал барум и знает, следовательно, что умер человек, но кто – ему неизвестно. Следя за ударами барума, он понял, что умершего уже похоронили.

25 октября. Проведя ночь в Бонгу, я очень рано собрался в путь в Мале. Солнце еще не всходило, и только весьма немногие из жителей были на ногах и грелись у огня. Один из них нашел, что и ему нужно идти в Мале, и предложил отправиться туда вместе. Пошли. Мы рано пришли в деревню, где меня привели в большую буамрамру и просили остаться непременно ночевать. Один из туземцев пришел ко мне с жалобой на «тамо-русс» (офицеров или матросов корвета «Витязь»). Он объяснял, что хижина его была заперта и завязана, что «тамо-русс» открыли двери хижины, влезли в нее и забрали его окам и что теперь у него окама нет, так как их делают только тамо-Рай-Мана. Он просил меня о возвращении окама

или по крайней мере об уплате за него. Другой также пристал, уверяя, что «тамо-русс» подняли его ненир (корзина для ловли рыб), вынули рыбу, а может быть, взяли и ненир или опустили его в нехорошем месте, так что после этого он не мог найти его. Третий заявил, что из его хижины «тамо-русс» взяли очень хорошее копье.

Будучи уверен, что это не были выдумки, я счел справедливым удовлетворить их жалобам и обещал вознаградить за вещи, взятые «тамо-русс»; зная, что окамы туземцами очень ценятся, я обещал дать за него топор; за ненир я предложил нож, а за копье мне показалось довольно дать 3 больших гвоздя. Все эти вещи они могут получить, когда хотят, в Гарагаси. Мое решение, которого они, кажется, никак не ожидали, произвело громадный восторг, и возгласы: «Маклай – хороший, хороший человек!» – послышались со всех сторон. Меня, однако ж, немало удивило, что после 14 месяцев туземцы еще не забыли все происшедшее во время посещения корвета «Витязь».

Два больших табира с вареным аяном для меня и Калеу были принесены и поставлены против нас, что послужило знаком, чтобы вся толпа, окружавшая нас, немедленно разошлась, оставив нас одних. Когда мы поели, все вернулись обратно, и некоторые предложили мне приготовить для меня кеу, от чего я отказался.

Несмотря на желание собравшейся публики продолжать общий разговор, я предпочел отдохнуть и, сказав, что хочу спать, растянулся на барле, привыкнув уже давно ничем не стесняться при публике. Туземцы, видя, что я закрыл глаза, продолжали свой разговор шепотом. Многие разбрелись. Отдохнув более часа, я сделал прогулку в лес, сопровождаемый десятком молчаливых туземцев. Я заметил в лесу около Гарагаси многих птиц, которые не попадались мне прежде. Вернувшись в деревню, я заявил, что желаю иметь несколько телумов и человеческих черепов. Мне принесли несколько обломанных деревянных и глиняных фигур. Ни одна никуда не годилась, что очень опечалило хозяев. На палке принесли мне 2 человеческих черепа. Я спросил, где челюсти. Оказалось, как обыкновенно: «Марем арен». Когда я отказался от черепов, туземцы бросили их в кусты, говоря: «Борле, дигор» (нехороший, сор). Это было новое доказательство, как мало уважают туземцы здесь черепа и кости своих родственников, сохраняя только их челюсти.

Несколько молодых папуасов, сидевших против меня, занимались оригинальной операцией, именно «выкручиванием» себе волос подбородка, щек, губ и бровей с помощью вдвое сложенного, крепкого тонкого снурка. Они держали снурки очень близко к коже, причем попадающиеся волосы выкручивались между обоими снурками и малым движением одной руки выдергивались с корнем. Несмотря на вероятную боль при этой операции, туземцы спокойно продолжали ее в течение 2 или 3 часов. Несколько туземцев усердно ели, облизывая себе пальцы, соленый пепел тлевшего большого ствола.

Таль Дялум. Деревня Мале

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 25 октября 1872 г.

Очень смешно было видеть, как довольно большой мальчик, лет более 3, съев несколько кусков ямса из табира своей матери, рядом с которой он сидел, переменяв положение, положив голову на колени матери, схватил толстую, отвислую грудь ее (она кормила еще другого) и стал сосать ее. Мать продолжала спокойно есть, а сын ее, напившись молока, снова принялся за ямс. Вечером, кроме вареного аяна и банан, мне сварили зрелый плод пандануса; последнее кушанье не имеет особенного вкуса и съедомая часть незначительна, но оно очень ароматично.

Я записал несколько слов диалекта Мале, который отличается от языка Бонгу. Приобрел здесь 2 черепа тиболя[...],[99] но без нижней челюсти, а также одного небольшого крокодила

[...],[100] которого туземцы недавно съели за один присест.

28 октября. Одиночество производит на Ульсона очень странное действие. Я иногда думаю, смотря на него, что его мозг начинает приходить в беспорядок: он по целым часам что-то бормочет, вдруг к чему-то прислушивается, затем снова заговорит. Нечего мне тратить времени давать ему совет чем-нибудь заняться, так как он убежден, что мы скоро умрем, будем убиты или каким-нибудь другим образом погибнем. Единственно, чем он интересовался и что иногда делал, было приготовление пищи; иногда же валялся целый день, притворяясь очень больным. Мне этот ленивый трус был противен, я почти что не говорил с ним и не удостоивал даже приказывать ему; было достаточно с моей стороны, что я переносил его присутствие, кормил и поил его, когда вследствие лени или болезни он не хотел или не мог двинуться с места.

Мне много раз случалось прислушиваться очень долго: вдали точно слышатся человеческие голоса. Слушаешь, слушаешь – звуки немного приближаются, и что же оказывается? Оказываются, муха жужжит (может быть, и не муха, потому что я ее не видал, но жужжит, производя звуки, очень человекоподобные). Не только я и Ульсон ошибались много раз, но и туземцы сами бывают введены в заблуждение.

30 октября. Дождь и снова дождь. Течет на стол, на постель и книги... Положение мое теперь следующее: провизия вышла, хина совсем на исходе, капсюль остается около сотни, так что ходить на охоту каждый день нерационально; беру по две каждый раз, но не всегда приносишь 2 птицы. Многие препараты приходится выбросить, новых нельзя сохранять, так как спирту нет; донашиваю последнюю пару башмаков. Лихорадка сильно истощает; хижина к тому же приходит в плачевное состояние.

2 ноября. Сегодня ночью с треском обрушилась боковая веранда. Думал, что вся хижина валится. Дождь шел весь день, так что поправлять веранду я и не подумал. Птиц не было слышно.

3 ноября. Утром приходил Туй, и так как был проливной дождь, то я должен был принять его под навесом. Я его поместил на веранде, у самой двери моей комнаты, около которой я сидел; он пришел просить меня прекратить дождь, уверяя, что люди Горенду и Бонгу все сделали, чтобы заговорить дождь, но без успеха. Если Маклай это сделает, то дождь непременно перестанет. Туй просидел долго, и я узнал от него множество мелких, но интересных подробностей папуасской жизни. Хотя я порядочно говорю на диалекте Бонгу, но все-таки мне еще потребуются года, чтобы действительно познакомиться с образом мышления и с образом жизни этих людей. В продолжение 15 месяцев я ни разу не присутствовал при церемонии их бракосочетания; ни разу – при операции «мулум» (обрезание) и не видел много, много другого.

4 ноября. Отправился за ямсом рано поутру, ничего не евши по той простой причине, что в Гарагаси не было ничего съедобного. Как только пришел, решительно все жители не на шутку пристали ко мне, чтобы я прекратил дождь, потому что он очень вредит их плантациям. Каждый принес мне по несколько провизии и не хотели ничего брать за нее, прося дать им лекарство от дождя. Желая выведать у них, каким образом они сами заговаривают дождь, я предложил сделать это при мне. Бугай показал мне, как они это делают, но прибавил, что в настоящее время их оним не помогает. Туземцы уверены, что я могу, но не хочу согласиться на их просьбу.

18 декабря. Я согласился на просьбы туземцев и отправился на «ай» в Бонгу. Приготовление кушаний, жевание кеу, уши раздирающая музыка прошли своим чередом, и так как я запоздал, то остался ночевать в буамрамре Саула.

19 декабря. Хотя уже свет утренней зари проник в буамрамру, я еще не подымался, так как

ночью меня много раз будили музыка и крики, которые всегда сопровождают здесь «ай».

«Биа, биа!» (огонь, огонь!) – слышалось в некотором расстоянии от буамрамры. Несколько туземцев вошли, очень встревоженные, и заявили, что около Кар-Кара виден огонь или дым от огня. «Так что же? Люди Кар-Кара жгут унан», – сказал я, потягиваясь, но все еще не вставая. «Нет, это не в Кар-Каре виден дым, а из моря он выходит. Скажи, Маклай, что это такое?» – «Я посмотрю, а потом скажу», – отвечал я. Несколько человек прибежали, крича: «Маклай, о Маклай, корвета русс гена; биарам боро» (Маклай, о Маклай, русский корвет идет; дым большой). Еще не веря новости, я оделся и отправился к морю. При первом взгляде сомнение было невозможно: дым принадлежал большому пароходу, вероятно, военному судну, корпуса которого еще не было видно, но можно было заметить, что судно приближается. Во всяком случае, мне надо было отправиться сейчас же в Гарагаси, поднять флаг у хижины, переодеться и отправиться навстречу судна. Какой бы национальности оно ни было, командир его не откажется взять мои письма, уступить мне несколько провизии и перевезти больного Ульсона до ближайшего порта, посещаемого европейскими судами. Все это я обдумал, сидя на платформе пироги, которая везла меня из Бонгу в Гарагаси.

Ульсон еще лежал на своей койке и по обыкновению охал, но когда я ему сказал, что мне надо флаг, что военное судно приближается, я подумал, что человек этот положительно с ума сошел. Он так болтал несвязно и не то плакал, не то смеялся, что я стал опасаться, не случился бы с ним какой-нибудь припадок. Я поспешил поднять русский флаг на флагштоке, сделанном еще матросами корвета «Витязь». Как только флаг был на месте и легкий ветер развернул его, я заметил сейчас же, что судно, которое было около острова Ямбомба, переменяло курс и направилось прямо в Гарагаси. Я вернулся в мою комнату, хотел переодеться, но нашел это совершенно лишним. Платье, которое я мог бы надеть, было во всех отношениях одинаковое с тем, которое уже было на мне. Я сошел вниз к песчаному берегу, и немало труда стоило мне убедить троих туземцев отправиться со мною навстречу приближающемуся судну. Я уже мог различить русский флаг. Сагам и Дигу гребли очень медленно, следя более за движением судна и беспрестанно прося меня вернуться на берег. Я мог видеть офицеров на мостике, смотрящих на меня в бинокль. Наконец, мы были так близки к судну, которое шло теперь малым ходом, что я невооруженным глазом мог различить несколько знакомых лиц между офицерами. Они также узнали меня.

Мое внимание было отвлечено состоянием моих спутников, Сагама и Дигу. Вид такого большого количества людей привел их в сильное волнение; когда же по приказанию командира матросы были посланы по реям и когда они прокричали трехкратное «ура», мои папуасы не выдержали, выпрыгнули из пироги и, вынырнув далеко от нее, стали плыть к берегу. Гребки также были захвачены ими или брошены в море. Я остался один в пироге и без гребков. Пришлось кое-как, гребя руками, приблизиться к клиперу и поймать брошенный мне конец. Наконец, я взобрался на палубу, где общая суматоха и множество людей странно подействовали на меня.

Я был встречен командиром клипера «Изумруд» М. Н. Кумани и офицерами. Все были очень любезны, но говор кругом сильно утомлял меня. Мне было сказано, что клипер был послан его высочеством генерал-адмиралом{46} и что, между прочим, господин Р. {47} был переведен с корвета «Витязь» на клипер «Изумруд» специально для того, чтобы указать место, где должны были быть зарыты мои бумаги, так как в Европе распространился слух, что я был убит или умер, и даже многие из офицеров признались, что, увидя человека в европейском платье, выехавшего им навстречу, они думали, что это Ульсон, так как были почти уверены не застать меня в живых. Я попросил командира позволить мне отправиться домой и приехать через несколько часов переговорить с ним.

Приход клипера был так неожидан, что я не составил себе еще плана о том, что предприму. Самым подходящим мне казалось с помощью людей клипера поправить мою хижину, достать с клипера новый запас провизии и остаться здесь продолжать исследования, отослав до

следующего порта никуда не годного мне Ульсона. Я мог также послать мой дневник и метеорологический журнал Географическому обществу и написать начатое письмо об антропологии папуасов академику К. Э. фон Бэру.

К обеду я вернулся на «Изумруд». Михаил Николаевич сказал мне, между прочим, что по случаю моего не слишком хорошего здоровья он желал бы, чтобы я уже с сегодняшнего дня поселился на клипере, а перевоз моих вещей из Гарагаси на клипер предоставил бы одному из молодых офицеров. Это предложение показалось мне немного странным. «А кто Вам, Михаил Николаевич, сказал, что я пойду с вами на клипере? Это далеко еще не решено, и так как я полагаю, Вам возможно будет уделить мне немного провизии, взять с собою Ульсона и мои письма до ближайшего порта, то мне всего лучше будет остаться еще здесь, потому что мне еще предстоит довольно много дела по антропологии и этнологии здешних туземцев. Я попрошу Вас позволить ответить Вам завтра, отправлюсь ли я на «Изумруде» или останусь еще здесь».

Михаил Николаевич согласился, но я мог заметить, что мои слова произвели на многих курьезное впечатление. Некоторые подумали (я это знаю от них самих), что мой мозг от разных лишений и трудной жизни пришел в ненормальное состояние. Я узнал, между прочим, от командира, что голландское правительство посылает военное судно с ученою целью вокруг о. Новой Гвинеи. Это обстоятельство сильно заинтересовало меня; я мог бы, таким образом, подкрепив мое здоровье морской экскурсией, вернуться с новыми силами и новыми запасами на Берег Маклая. Я рано вернулся в Гарагаси и заснул вскоре, как убитый, после утомительного дня, предоставив себе на другое утро решить важный для меня вопрос: ехать или нет?

20 декабря. Желание командира «Изумруда» было остаться здесь по возможности на короткое время, так как на этом месте после непродолжительной стоянки на корвете «Витязь» заболело [...] человек{48}. Это было одно; но в 2 или в 3 дня я не в состоянии буду написать достаточно подробный отчет Географическому обществу; послать же мой дневник в том виде, как я его писал, мне также кажется неудобным.

Другое обстоятельство, важное для меня, было известие, что если я приму необходимые меры, то буду иметь возможность вернуться сюда на голландском судне. Одно мне казалось положительным – это то, что мне необходимо будет вернуться сюда снова, где вследствие знакомства с туземным языком и заслужив полное доверие туземцев, дальнейшие исследования по антропологии и этнологии мне будут значительно облегчены. Это были мысли, которые на другое утро привели меня к решению оставить на время Берег Маклая, с тем чтобы вернуться сюда при первой возможности.

Когда я объявил капитану М. Н. Кумани мое решение, он спросил меня, как долго мне необходимо будет, чтобы собраться. Я ответил, что через 3 дня после того, как «Изумруд» бросил якорь, он будет в состоянии поднять его и идти куда пожелает. Остающиеся 2 дня я предоставил себе на упаковку вещей и на прощанье с туземцами. Михаил Николаевич любезно уступил мне одну из своих кают, и я уже перевез многие вещи из Гарагаси. Вечером пришли ко мне с факелами много людей из Бонгу, Горенду и Гумбу; между ними были также жители из Мале и Колику-Мана. Туй, Бугай, Саул, Лако, Сагам и другие, главным образом те, которых я более знал и которые чаще бывали в Гарагаси, особенно сокрушались о моем отъезде и, наконец, пришли к решению: просить меня остаться с ними, не ехать, а поселиться на этом берегу, уверяя, что в каждой деревне на берегу и в горах мне будет построен дом, что для каждого дома я могу выбрать в деревне из девушек по жене или даже по две, если одной недостаточно.

Я отклонил это предложение, сказав, что вернусь со временем и опять буду жить с ними.

Люди Гумбу пристали ко мне идти в Гумбу, где, кроме всех местных жителей, собрались люди

Теньгум-, Энглам– и Самбуль-Мана и что все желают меня видеть. Не желая отказать, может быть, в последний раз, я пошел, окруженный большою толпою туземцев с факелами в руках.

В Гумбу было повторение сцены, бывшей в Гарагаси. Все просили меня остаться. Мне мало пришлось спать, и когда к утру я хотел подняться, то почувствовал значительную боль в ногах. Последние два дня я много ходил и не обращал внимания на раны на ногах, которые сильно опухли и мешали очень при ходьбе. Я пошел, однако ж, по берегу, желая вернуться скорее в Гарагаси. Боль была так сильна, что, устроив из нескольких перекладин род носилок, я был перенесен туземцами на них до мыска Габина, а оттуда перевезен на клипер, где я отдохнул и где раны мои были обмыты и перевязаны.

По приказанию командира толстая доска красного дерева, на которой была прибита медная с вырезанною надписью:

должна была быть прибита к одному из деревьев около моей хижины в Гарагаси. Я отправился, несмотря на больные ноги, указать сам место, которое для этого будет самым подходящим. Я выбрал большой *Canarium commune*, самое высокое и представительное дерево в Гарагаси. Я провел остаток дня дома, доканчивая упаковку вещей, потому что завтра будет последний день моего пребывания в этой местности.

Дерево у ручья Бела с прибитой к нему мемориальной доской в память пребывания Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагаси в 1871—1872 гг.

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

21 декабря. Вечером, засыпая, я думал, что в продолжение 14 месяцев и даже более я не нашел времени устроить мою койку более удобным образом и что край корзины, на которой помещалась верхняя часть моего тела, будучи дюйма на два выше крышки другой, где лежали мои ноги, мог бы быть сделан для меня менее чувствительным весьма простым образом: стоило только подложить два бруска под более низкую корзину. Разумеется, я не подумал тревожиться об этом в последнюю ночь, проспав столько ночей и часто пробуждаясь вследствие неудобства койки.

Я вчера уговорил туземцев приехать на клипер осмотреть его, и действительно, довольно многие явились в Гарагаси, но весьма небольшое число отправилось со мною на клипер, а еще меньшее отважилось взобраться на палубу. Но там вид множества людей и разных аппаратов, для них непонятных, так испугал их, что они ухватились со всех сторон за меня, думая быть таким образом в безопасности. Чтобы удовлетворить их и не быть стесненным в моих движениях, я попросил одного из матросов принести мне конец; середину его я обвязал себе вокруг талии, а оба конца веревки предоставил моим папуасам. Таким образом, я мог идти вперед, а папуасы воображали, что держатся за меня.

С таким хвостом, беспрестанно останавливаясь, чтобы отвечать и объяснять туземцам разные предметы, обошли мы всю палубу. Пушки пугали их: они отворачивались и переходили к другим предметам. Что их особенно поразило и вместе с тем заинтересовало, были 2 небольших бычка, взятых как живая провизия для команды; они не могли наглядеться на них и просили подарить им одного. Спросив название, они старались не забыть его, повторяя: «бик, бик, бик». Спустились вниз, в кают-компанию; дорогою туда машина им очень понравилась. Разумеется, они не могли понять, что это такое. Затем большие зеркала в кают-компании, в которых они могли видеть нескольких человек сразу, очень понравились им. Фортепиано, которое я назвал «ай боро русс», не только обратило их внимание, но одному из них захотелось даже самому попробовать его. Я поспешил выпроводить их наверх.

На палубе одному из туземцев захотелось вновь посмотреть быков; он обратился ко мне, но,

забыв название «бик», стал спрашивать о «большой русской свинье». Не поняв его, я отвечал, что никакой свиньи на корвете нет; тогда, чтоб более точно назвать животное, он прибавил, что хочет видеть «большую русскую свинью с зубами на голове». Один из товарищей его подсказал ему «бик», и они все хором затаили: «бик», «бик». Видя, что они достаточно освоились с палубой, я высвободился из петли и предоставил им свободно ходить по ней.

Сегодня же последние мои вещи были привезены из Гарагаси, и Ульсон также перевезен на корвет и, как больной, помещен в лазарет. Перед отъездом Туй просил сказать ему, через сколько месяцев я вернусь в Гарагаси. Даже и теперь, уезжая, после пятнадцатимесячного пребывания, <я не мог> сказать «много», так как этого слова я до сих пор не узнал, почему ответил «навалобе», что значит приблизительно «со временем».

22 декабря. С самого утра несколько пирог окружали клипер, и мне постоянно докладывали, что «черные» хотят видеть меня или зовут меня. Когда я выходил, туземцы кричали, но шум якоря, который стали поднимать, и несколько оборотов винта разогнали скоро все пироги, и крики «Эме-ме» и «Э-аба» стали не так ясно доноситься с берега, как с пирог. Когда клипер стал подвигаться вперед и огибать мысок Габина, раздались удары барума почти одновременно в Горенду и Бонгу; когда же корвет прошел мысок Габина, к этим звукам присоединился барум Гумбу. Отдаляясь, мы еще долго слышали барум; проходя Били-Били, я мог в бинокль ясно видеть туземцев, которые сидели, стояли и ходили вдоль скалистого берега.

Пройдя архипелаг Довольных людей и порт Великий князь Алексей, мы обогнули Сар Croissilles и вошли в пролив между материком Новой Гвинеи и о. Кар-Кар, который я назвал на моей карте проливом «Изумруд».

Краткое сообщение о моем пребывании на восточном берегу острова Новая Гвинея в 1871 и 1872 гг.

19 сентября 1871 г. около 10 часов утра открылся высокий берег Новой Гвинеи близ мыса King William, и на другой день, в 4-м часу пополудни, корвет «Витязь» бросил якорь недалеко от берега в заливе Астроляб. С двумя слугами отправился я на берег и в одной из близ берега лежащих деревень, из которой большинство жителей при нашем приходе разбежались, встретил первых папуасов. Они с большою боязнью предложили мне разные подарки: кокосовый орех, банан и свиней.

Так как корвет спешил в Японию и посетить для выбора несколько местностей восточного берега Новой Гвинеи нельзя было, то я решил остаться здесь. На другой же день я выбрал место для хижины, и плотники корвета начали ее строить. Следующие 4 дня были употреблены на постройку хижины, очистку кругом ее леса и перевозку вещей. Командир и офицеры корвета с большою любезностью помогали мне и даже снабдили меня разными вещами и припасами, которых мне недоставало, за что я всем им приношу здесь мою искреннюю благодарность. 27 сентября утром корвет ушел.

Туземцы, которые во все время пребывания корвета показывались трусливо и в небольшом числе, по уходе его в тот же день нахлынули толпами ко мне из ближайших деревень, с расспросами, вернется ли корвет, долго ли останусь и т. д. Они казались очень недовольными, что я поселился в их соседстве, и хотя принесли мне несколько подарков, не расставались со своим оружием, посматривали на меня очень недружелюбно, а когда я не пустил толпу в мою хижину, некоторые стали грозить мне своими копьями.

Установив вещи и устроившись в моем помещении (хижина имела 1 саж. ширины и 2 саж. длины, была разделена парусинного перегородкою на две половины, так что я помещался в комнате в одну квадратную сажень, другую половину занимали мои слуги), я начал знакомиться с местностью. Несколько лесных тропинок вели из одной деревни в другую, далее идти было неудобно без проводников, которых нельзя было достать: никто не хотел идти, мне пришлось поэтому ограничиться тремя соседними деревнями. Жители оказались очень подозрительными, и им очень не нравились мои визиты, хотя сами приходили ко мне за табаком или за разными безделками, которые я им дарил или выменивал на плоды и овощи. Они очень следили за каждым моим шагом и в особенности, когда я подходил к их деревням. Я стал понемногу изучать их язык, но изучение шло медленно, папуасы неохотно и лениво отвечали на мои вопросы.

Один из моих слуг, полинезиец с о. Ниуе, слег, к хронической серьезной болезни присоединилась сильная местная лихорадка. Его примеру последовал и другой слуга, европеец, швед по происхождению, бывший матросом на китобойном судне. Мне пришлось готовить пищу для троих, лечить больных и ухаживать за ними, носить воду, рубить дрова, принимать визиты папуасов, делать метеорологические и другие наблюдения. Однако же Ульсона (шведа) я поставил вскоре на ноги, и он мог помогать мне. В начале ноября, полтора месяца по приходе, и я почувствовал первые пароксизмы лихорадки, которые уже не покидали меня во все время пребывания в Новой Гвинее, возвращаясь каждые две недели один, иногда и два раза, очень ослабляя организм и мешая многим предприятиям. Пароксизмы сопровождались бредом и сильною опухолью лица, шеи и рук, которая опадала в апирекциях{49}.

Панова флейта

Папуасы разных береговых и горных деревень почти ежедневно толпами посещали мою хижину, так как молва о моем пребывании распространялась все далее и далее. Это было разнообразием моей монотонной жизни с двумя больными, но подчас, чувствуя и себя крайне нездоровым, посещения папуасов, с их подозрительностью и любопытным нахальством, были мне даже неприятны. Риф, который окружал мысок, где стояла моя хижина, мог бы быть источником интересных зоологических наблюдений и исследований, но для этого я должен был бродить по пояс или по колено в воде, следствием чего было возобновление пароксизмов, почему я должен был отказаться и от этого. Наконец, полинезиец, который не хотел принимать никаких лекарств, хотя страдал сильно хроническою болезнью, очень изнуренный лихорадкою, умер 14 декабря, прослужив мне как повар только полторы недели.

Между тем папуасы, видя, что нас только двое, что, кроме того, Ульсон часто болеет (сам же я, когда болел, тщательно скрывал то от туземцев), незнакомые с огнестрельным оружием, которое я им до того времени не показывал, не желая увеличить их подозрительность и боясь еще более отстранить их от себя, предполагая большие сокровища в моей хижине, делались все нахальнее, требовательнее и стали угрожать меня и Ульсона убить.

Я принимал их угрозы шутками или не обращал на них внимания, по-прежнему ходил по лесу, посещал их деревни. При моем появлении подымалась в деревнях страшная суматоха: женщины и дети с визгом бросались в хижины и в лес, собаки выли, мужчины с оружием, с криком и особенным воинственным рычанием сбегались и окружали меня; не раз потешались они, пуская стрелы так, что последние очень близко пролетали около моего лица и груди, приставляя свои тяжелые копья вокруг головы и шеи и даже подчас без церемоний совали острие копий мне в рот или разжимали зубы. Я отправлялся всюду невооруженный, и индифферентное молчание и полное равнодушие к окружающему были ответом на все эти любезности папуасов.

Исключая двух или трех царапин, никто не решался нанести мне серьезную рану: диких ставил втупик мой неизменный индифферентизм; я же, поняв, в чем заключается моя сила, не изменял своего обращения с ними, решил, что когда-нибудь папуасы привыкнут к моим посещениям и к моей личности, и спал спокойно в папуасских деревнях, несмотря на копы и стрелы туземцев, которые не расходились, даже когда я засыпал.

Однако же время шло; я во что бы ни стало хотел добраться до горных деревень, а для этого проводники были необходимы. Несмотря на наши натянутые отношения, я отправился в Бонгу (2-я ближайшая береговая деревня от моей хижины) и объяснил, что я хочу идти в горную деревню Колику-Мана, что для этого мне нужны люди, чтобы нести вещи. Начались переговоры между папуасами, потом они стали советовать мне не ходить: дорога дурная, камни, глубокие ручьи, горные люди убьют меня и т. п. Увидев, что уговариванием и обещанием ничего не поделаешь, я встал и объявил им, что иду один в Колику-Мана; вынув небольшой компас, прибавил, что эта движущаяся стрелка покажет мне дорогу, а если что со мною случится, всем им будет плохо. Приняв очень серьезный вид, я вышел из умолкнувшей толпы, которая казалась озадаченной и боязливо расступилась. Таинственная коробка с живою движущеюся иглою, слова и моя решимость подействовали: через 1/4 часа меня нагнали несколько человек с изъявлением готовности идти со мною и защищать от горных жителей. Так совершил я первую более отдаленную экскурсию, за которой последовали другие.

Заметив, что наша провизия сильно убывает, и не надеясь постоянно получать свежие припасы от соседей, я разделил ее на порции, приблизительно до следующего августа месяца. Эти порции риса и бобов были очень невелики; к тому же почти полное отсутствие животной пищи было очень чувствительно, так что я стал чувствовать, что силы мои значительно уходят при частых приступах лихорадки. Недоверие папуасов было так велико, что в продолжение целых пяти первых месяцев нашего обоюдного знакомства они не решались даже показать своих жен и детей, которые убегали и прятались при моем приближении. Это недоверие, явно недружелюбная замкнутость и трудность проникнуть в горы подали мне даже мысль отобрать часть вещей, нагрузить ими оставленную мне «Витязем» шлюпку и отправиться далее по берегу, искать более благоприятного пристанища и более гостеприимных жителей. Это было в конце января 1872 г.

Два обстоятельства помешали, однако же, исполнению этого плана. Первое было то, что шлюпка, стоящая долгое время на якоре около кораллового рифа, оказалась проеденною червями, сильно текла и была не способна для дальнего, может быть, плавания; второе обстоятельство было изменение отношений папуасов ко мне, которые стали искать сближения со мною и даже моего расположения. Причины тому были многие, между прочим та, что я помог выздоровлению одного папуаса, которому свалившееся дерево проломило голову. Каждый день перевязывая рану и видясь с жителями деревни, где лежал раненый, я приучил их настолько к себе, что они стали позволять женщинам оставаться в моем присутствии и гораздо охотнее стали приносить мне съестные припасы в обмен за табак. Более важная причина желания сближения со мною лежала, как я узнал потом, в событиях, происшедших в папуасском политическом мире. Между моими соседями и жителями нескольких береговых деревень была объявлена война; мои соседи ожидали нападения со стороны неприятелей. Как более слабые и предполагая, что я обладаю какою-то таинственною силою, которая мне позволяет не бояться и относиться равнодушно к их копьям и стрелам, они сочли удобным приобрести во мне союзника и просили позволения, в случае нападения, прислать ко мне под мое покровительство своих жен и детей. Хотя мне не хотелось вмешиваться в их распри, но я на многое согласился, видя случай сблизиться, наконец, с этим недоверчивым племенем. Нападения на деревню не случилось, война ограничилась стычками в лесах; неприятель, услышав, что я стану на сторону моих соседей, и напуганный преувеличенною молвою о моей таинственной силе и моем могуществе, заключил с моими соседями продолжительное перемирие.

Все эти обстоятельства позволили мне, наконец, свободно заглянуть в семейную и общественную жизнь папуасов, видеть многие обычаи и при частых сношениях изучить их язык, так что я свободно мог объясняться с ними об ежедневных делах. Под разными предложениями я посетил многие горные деревни, причем мои соседи оказались хорошими проводниками и переводчиками, так как почти в каждой деревне туземцы говорят на другом диалекте, непонятном для папуасов ближайших деревень. При этих экскурсиях я узнал, что выше 1200–1500 футов в горах около Астролаб-Бай (доходящих приблизительно до 7000 и 8000 ф.) жителей нет, тропинки также находятся только около деревень, выше горы покрыты труднопроходимым тропическим лесом. Это отсутствие жителей, а в особенности тропинок были для меня непреодолимым препятствием подняться выше в горы; никто не соглашался идти со мною, несмотря на щедрые обещания, уверяя, что тропинок нет и что в горах нечего есть.

Идти одному без провизии или с небольшим запасом ее, неся на себе принадлежности для ночлегов, перемену платья, оружие для охоты и кое-какие аппараты для рисования и наблюдений, показалось мне нерациональным; в такой сбруе я с трудом выдерживал трех- и четырехдневные экскурсии по проложенным тропинкам; чтобы добраться до вершины гор, потребовались бы недели. Взять Ульсона было тоже невозможно, он болел, был слаб и почти весь день лежал. Эти обстоятельства, к которым присоединилась мысль, что еще и у моих соседей многое остается для меня, об чем следует разузнать, и нередкое истощение сил вследствие лихорадки и недостаточной пищи убедили меня подчиниться обстоятельствам и ожидать в окрестностях моей хижины прихода русского судна, которое, может быть, могло бы прийти.

Моя провизия давно бы уже истощилась, если бы я не пользовался свежими овощами папуасов и если бы охота благодаря отличному ружью не была бы так удачна. Туземцы приносили мне иногда интересных животных (кускусов, кенгуру, ящериц, змей и т. п.), но, к сожалению, редко; некоторых же животных, несмотря на обещания подарков, мне не удалось получить, как, например, казуара, которого мне также не пришлось ни разу встретить на охоте.

При одной экскурсии в горы я с высоты увидал, что у мыса Дюпере находятся несколько островов. В августе 1872 г. я собрался посетить ту часть берега. Починив не без труда шлюпку, я отправился за мыс Дюпере и нашел там архипелаг, состоящий не менее как из 30 с лишком островков, все кораллового происхождения, расположенные отчасти в небольшой бухточке, отчасти тянувшиеся вдоль берега. Жители этих островов, уже давно слышавшие о моем пребывании на берегу Гвинеи, знавшие твердо мое имя, приняли меня очень дружелюбно. Нашлись между ними такие, которые уже были в моей хижине посмотреть на белого человека и которые упрашивали переехать к ним.

Жизнь этих людей, их отношение между собою, обращение их с женами, детьми, животными произвели на меня впечатление, что эти люди довольны вполне своей судьбою, самими собою и всем окружающим. Я назвал поэтому эту группу островов, на которой еще не был, кроме меня, ни один европеец и которая не нанесена еще на картах, архипелагом Довольных людей – название, которое жители пока заслуживают. Этот архипелаг, обитаемый мирным населением, которое возделывает многие корнеплодные растения, разводит свиней и кур, может представить удобную якорную стоянку, представляет то громадное преимущество, что климат относительно здоров, лихорадки (как мне сообщали жители) очень редки, что очень вероятно, потому что небольшие островки эти обладают более морским, чем береговым климатом. К тому же в бухту впадает значительная река с хорошою водою. Этот архипелаг, если со временем будет сделан промер, может оказаться гораздо более удобным якорным местом, чем глубь залива Астроляб.

Вернувшись с архипелага Довольных людей, я застал Ульсона в худшем положении, чем прежде: к лихорадке присоединился хронический ревматизм; он не вставал с постели и

целый день стонал. Я терял поэтому много время на хозяйственные заботы, носку воды и дров, приготовление пищи; особенно утомительно была поддержка постоянного огня. От сырости мои запасы спичек (несмотря на залуженные жестянки) почти все оказались негодными, пришлось около семи месяцев рубить большие деревья и, перенося толстые пни в шалаш, который служил мне кухней, поддерживать ими постоянный костер.

В августе, не увидав ни одного судна, которого постоянно надеялся открыть на горизонте, Ульсон потерял последние остатки энергии, даже стал заговариваться, так что я серьезно боялся за его рассудок. С этих пор он не только ничего не помогал мне, но стал для меня обузой и много мешал, так как мне приходилось кормить и лечить его.

Как неутешительна была моя жизнь с этой стороны, так успех с другой ободрял и даже увлекал меня. Я близко сошелся с моими соседями и успел познакомиться со многими их обычаями, которые они до того времени тщательно от меня скрывали. Отношение диких ко мне совершенно стало другое, чем первые 5 или 6 месяцев. Мое равнодушие к их стрелам и копьям, мое неизменное слово при обещаниях, мои далекие экскурсии в труднопроходимом лесу, в горах, несмотря на время – днем в жару, ночью часто при сильных тропических грозах, при нередких землетрясениях, – мое внезапное появление при таких условиях без провожатых в деревнях, где обо мне знали только понаслышке, вселило у папуасов не одно удивление, но и род суеверного почтения или страха ко мне, которые преодолели, наконец, их подозрительность и недружелюбие. К тому же помощь больным и подарки сделали мне несомненных друзей.

Не видав до прихода «Витязя» ни одного судна, папуасы были твердо убеждены, что они единственные жители земного шара. Видя, что я физически отличен от них, и предполагая во мне особенные, непонятные для них качества, они не хотели верить, что я такой же человек, как они, и, раз придумав, что я явился к ним с луны, эта мысль так засела в их головах и так распространилась, что никто не верил, когда я отрицал это происхождение. Кроме моего имени «Маклай», которое они знали и помнили с первого же дня моего знакомства с ними, они стали звать меня «каарам-тамо» (человек луны) или «тамо-боро-боро» (человек большой-большой), ставя меня выше самых старых и почитаемых глав семейств, которых они называют просто «тамо» и редко «тамо-боро» (человек, человек большой). Они приходили ко мне, прося изменить погоду или направление ветра; были убеждены, что мой взгляд может вылечить больного или повредить здоровому, думали положительно, что я могу летать и даже, если захочу, могу зажечь море.

Несмотря на предполагаемое всемогущество, мое положение становилось довольно затруднительным: крыша текла, столбы, на которых стояла хижина, проточенные муравьями, стали обваливаться; приходилось ставить подпорки из боязни, что пол или даже вся хижина в один прекрасный день обрушится; запасы хины почти истощились (так как меньшая доза, которую я принимал для купирования лихорадки и которую давал также Ульсону, была два грамма). Что касается до пищи, то уже давно я употреблял только то, чем питались туземцы. Охотой тоже приходилось пользоваться очень умеренно, так как из взятых 1500 капсуль оставалось у меня не более как 300. От 12 пар обуви разного рода не оставалось ни одной цельной; мне пришлось, срезав голенища охотничьих сапог, ходить в этих тяжелых и неудобных башмаках. Явились раны на ногах, которые не заживали. Здоровье Ульсона становилось с каждым днем плоше, и я решил по смерти его, которую ожидал, переселиться в горы, отчасти чтобы поправить свое здоровье, предполагая, что лихорадка в горах не так злокачественна, отчасти чтобы изучить очень разнообразные диалекты горных жителей. Жители разных деревень предлагали мне построить новую хижину, я хотел воспользоваться предложением, чтобы оставить в одной из береговых деревень мои вещи, а самому перебраться в горы.

Для переговоров о постройке новой хижины находился я утром 10 декабря прошлого года в Бонгу (в одной береговой деревне), когда несколько встревоженных папуасов прибежали ко

мне, уверяя, что в одном месте между островами Кар-Кар и Били-Били (о. Дампира и о. Витязя) из моря выходит дым, прося меня сказать, что это такое значит. Небольшое темное облачко действительно виднелось на горизонте в указываемом месте; я не мог иначе объяснить его, как дымом приближающегося или проходящего парового судна. Это предположение оправдалось, минут через 10 можно было различить топы мачт. Папуасы были в большом смятении, хотели сейчас же угнать своих жен и детей в горы; я с трудом уговорил их оставить всех в деревнях. Вернувшись в пироге домой, я поднял русский флаг у хижины и стал ожидать приближение судна, которое признал сперва за русское по флагу, а потом за клипер «Изумруд».

Немало уговаривания и приказаний потребовалось, чтобы заставить папуасов войти в пирогу и выехать со мною навстречу клиперу. Мне понадобился весь мой авторитет «человека луны», чтобы папуасы не вернулись бы к берегу, когда от клипера отвалил катер, чтобы сделать промер для якорного места. На нем я узнал офицера, г-на Рончевского, служившего прежде на «Витязе» и бывшего при моей высадке на этом берегу. Мои папуасы страшно боялись и чуть было все не бросились в воду, когда с вант клипера раздалось трехкратное «ура», которым я был встречен, приблизясь к «Изумруду». Пена и шум винта, гул отданного якоря, опущенный трап одно за другим пугали моих гребцов, которые дрожали, просили вернуться на берег и еле-еле управлялись с пирогами.

Наконец, я подъехал и вошел на клипер, где был радушно встречен М. Н. Кумани и офицерами, с которыми я еще прежде познакомился во время стоянок «Витязя» на о-вах Зеленого Мыса и &vgt; Рио-де-Жанейро. От них я узнал, что клипер прислан в Астролаб-Бай по особенному приказу его императорского высочества генерал-адмирала{50}, что они удивляются, застав меня в живых, и что английские газеты меня уже похоронили. Так как мой завтрак в Бонгу был прерван новостью, что из моря подымается дым, а с того времени прошло около полтора часа, то я не отказался продолжать завтрак на клипере. После папуасской кухни европейские кушанья показались мне очень странными на вкус, особенно сладкие, так как сахару я не пробовал уже более года. Соль была также приятною новинкою; последние семь месяцев я все варил и ел с морской водою, так как соль у меня вся вышла. Меня офицеры любезно снабдили обувью, в которой я очень нуждался, и бельем – мое вследствие сырости было очень гнило и отчасти проедено насекомыми. После завтрака несколько офицеров и я отправились на берег. Я показал им мое помещение в одну квадратную сажень, заставленную вещами, с текущею крышею, с дырявыми стенами и еле держащимся полом. Ульсон был вне себя от радости выбраться с этого ненавистного для него берега; он как будто бы ожил, даже перестал постоянно стонать.

Папуасы в ту же ночь пришли уговаривать меня не оставлять их, обещая построить большую хижину, дать мне запасы кокосовых орехов и разных корней. Я действительно колебался оставить Астролаб-Бай, приход «Изумруда» был так неожидан, я уже привык к мысли остаться всю жизнь на этом берегу, что просил командира дать мне время до следующего утра обдумать, иду ли я на «Изумруде» или остаюсь. Трудность попасть на этот берег, знакомство с местностью, с жителями, с языком, отношение туземцев ко мне, новые запасы провизии и некоторых необходимых вещей, которые я мог бы получить теперь с клипера, сильно поддерживали желание остаться, но состояние здоровья, невозможность привести в порядок в несколько дней мои дневники для отсылки в Европу, а главное, возможность в следующем году возвратиться в Новую Гвинею на голландском военном судне, которое должно будет отправиться, как мне сообщил г-н Кумани, вокруг острова, говорили за уход на время из Новой Гвинеи. Плавание на «Изумруде», который отправлялся в голландские колонии, могло к тому же значительно поправить мое здоровье, необходимое для второй экспедиции.

На другое утро я решил оставить Берег Маклая в Новой Гвинее[102] и стал укладывать вещи. Днем я был занят сборами, причем некоторые офицеры клипера были так любезны помогать мне, по ночам беседовал с папуасами, которые днем мало показывались, боясь клипера,

ночью приходили, зная, что я один в хижине. Они усердно просили остаться, обещая все сделать, что я ни потребую, уверяли, что на них по моем уходе нападут старые неприятели. Я две ночи ходил в деревни, сопровождаемый целую толпою туземцев с факелами, чтобы освещать путь. Соседние деревни устроили прощальные пиры, на которые стеклись много жителей других деревень с подарками. При этом они с разными обрядами и церемониями прощались со мною, и каждый давал мне в подарок кокосов и разных корней. На последнем ночном собрании старики предложили мне в каждой деревне построить по хижине, дать в каждую много съестных припасов и по жене для хозяйства, просили это принять и поочередно жить по несколько времени в каждой деревне. Я отказался от подарков, раздавал вместо того свои⁵⁶ и обещался при прощанье, может быть, к ним вернуться.

Наконец, все было у меня готово, вещи уложены, перевезены на клипер, подарки туземцам розданы, и 24 декабря с рассветом «Изумруд» стал поднимать якорь.

Папуасы, стоя около моей полуразрушенной хижины, не смея из боязни «тамо-русс» (людей русских) близко подъехать к клиперу, издали кричали мне свои последние «Эме-ме!» и «Э-аба-э!»; когда же клипер снялся и стал удаляться, раздались далекие удары «барума» (большой барабан), возвещавшие соседним деревням, что «человек луны» покинул берег Габиану (туземное название порта вел. кн. Константина), прожив там с лишним 15 месяцев хотя не легкою и не покойною, но интересною и уединенною жизнью. Тарнате, 3 февраля 1873 г.

Извлечение из рапорта командира корвета «Витязь» о прибытии в залив астролябия на Новой Гвинее и помещении Н. Н. Миклухо-Маклая на берегу

Путешественник Миклухо-Маклай, избрав эту местность для своего первоначального пребывания, просил вдаваться в залив и избрать место для его жительства. Залив оказался весьма углубившимся вовнутрь острова, заселенный дикарями Папуа по всему протяжению своих берегов. Избрав более удобное и безопасное для корвета якорное место, в 3 часа пополудни бросил якорь на глубине 26 сажень, в 75 сажнях от берега. У самого берега глубина оказалась 6 сажень.

Напротив места якорной стоянки корвета г. Маклай избрал место на берегу для своего жительства. От корвета были даны все средства к устройству жилья и защиты его от нападений дикарей. В течение пяти дней было употреблено ПО человек рабочих, не считая гребных судов. Расчистили местность кругом его дома на 30 саж. в диаметре от девственного непроницаемого леса. Сделали кругом дома в некотором расстоянии шесть мин, вполне вооружили и зарядили их на случай нападения дикарей; проводники провели все в его дом и научили, как ими действовать. Г. Маклай прибыл на Новую Гвинею совершенно без всяких средств для устройства и существования своего и его двух наемных слуг, из которых один шведский подданный, другой дикарь острова Ниуе.

Местность, избранная им для жилья, по общему нашему убеждению, неудобная; в случае крайности ему отрезаны все пути для отступления, и она имеет все данные для развития лихорадки. Переночевавший одну только ночь в доме Маклая инженер-механик прапорщик Богомолов получил лихорадку перемежающуюся 16 сентября и болен по сие время; слуга швед остался там уже пораженный лихорадкой, и сам г. Маклай уже ощущал припадки лихорадки. Через пять дней по уходе корвета лихорадка начала развиваться в команде корвета. Кроме этих губительных обстоятельств для г. Маклая, он не может из своего жилья усмотреть ни одного проходящего корабля, и, обратно, ни один корабль, проходя мимо, никогда не будет в состоянии рассмотреть местопребывание европейца и флаг, который я

ему устроил на мачте. Г. Маклай не озаботился приобрести никакой лодки, чтобы иметь возможность делать наблюдения на воде или ловить морских животных, или иметь возможность удалиться в случае неприязненных действий жителей. А потому я решился отдать ему имеющийся при корвете 4-весельный ял со всеми принадлежностями.

Жители окружающих нас берегов в первые дни нашего пребывания приезжали на корвет, но потом, заметив, что на берегу, кроме рубки дров, производится постройка жилья, начали смотреть на нас с подозрением и удалились от всяких сношений с нами. Тогда мы сами отправились партиями к ним в селения с разными подарками, чтобы завести с ними дружбу и укрепить ее для будущего времени в пользу г. Маклая. Но они не обращали внимания на подарки, и с каждым днем деревни их пустели, наконец хижины их были покинуты совершенно; бывшие по берегам пироги исчезли, и дома, обозначающие места их жительства, перестали быть видимы.

С самого первого появления дикарей на берегу и на корвете мы видели их без оружия, и во все время пребывания никогда они не приближались к нам вооруженные. Из всего окружающего их имущества мы не нашли никаких признаков, которые показали бы о посещении этих берегов европейцами. Железо им не было известно. Когда я им показал два прута железные, то они смотрели равнодушно, но, увидя его гибкость, а потом услыша звук при ударе железа о железо, они были удивлены такому материалу и приняли этот подарок с удовольствием. Лодки жителей Новой Гвинеи безобразны, едва выдолбленные кривые деревья; мы видели даже недолбленные бревна с заостренными концами, что заменяет лодку, тогда как лодки жителей Томбара или Новой Ирландии сделаны весьма искусно, красиво, легко, с украшениями и выкрашенные. У гвинейских папуа парус грубо сделан из травы, веревки кокосовые, или бамбук, или лианы, виды которых весьма разнообразны в лесах Новой Гвинеи. Климат определить трудно по краткости времени пребывания, но можно заметить, что он скорее нездоровый. «Известия РГО», 1872, т. VIII, № 2, стр. 88–90

Второе пребывание в Новой Гвинее на Берегу Маклая (1874 г.)

Из Амбоины на Берег Ковиай в Новой Гвинее

Благодаря письму генерал-губернатора и любезности г. резидента Амбоины мне был предоставлен большой казенный кутер, так называемый крьюзбот{51}, для переезда из Амбоины на острова Серам-Лаут, откуда я надеялся найти возможность отправиться в Новую Гвинею. В Амбоине я нанял для предстоящего путешествия двух слуг, амбоинских христиан: Давида Хукома, человека лет 35, как охотника и главного доверенного человека, и Иосифа Лописа, лет 28, как повара и также умеющего порядочно стрелять. Первый сопровождал уже прежде несколько естествоиспытателей, как д-ра Бернштейна{52}, д-ра Розенберга{53}, и умел порядочно готовить кожи птиц. Второй был в этом отношении еще homo novus,[103] но открытая физиономия его мне понравилась, и я взял его, в чем потом не имел причины раскаяться. Кроме того, меня сопровождал папуасский мальчик Ахмат.

16 февраля. Вечером, около залива Хая.

Так как я уже отдохнул от последних дней в Амбоине и сплю менее крепко, чем в первую ночь, то чувствую укушения муравьев, и меня будят большие черные тараканы, пробегая по рукам и лицу.

Клара с острова Тернате. Остров Амбоина

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 8 февраля 1874 г.

Яванка Мавар, около 25 лет

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

17 февраля. Ветер совсем стих, но качка продолжается. Мы все еще у залива Хая. Живописный берег.

18 февраля. Сильная качка. Толчемся и плохо продвигаемся вперед.

19 февраля. К 8 часам утра открылся о. Гесир{54}, по случаю маловетрия и сильной качки бросили якорь около деревни не ранее 11 часов. Как только это было сделано, несколько малайских шлюпок, из которых две или три были под голландским флагом, приблизились к кутеру, и главнейшие начальники окружающих деревень, как радья[104] муда Кильвару, радья Амар, оран-кая Кваус, майор Гесир, приехали узнать о причине прихода правительственного судна. Показав письмо от резидента, я объяснил дело, которое привело меня сюда. Сказал, что мне необходимо сегодня же малайское прау{55} для того, чтобы отправиться в Новую Гвинею, и человек 15 или 20 людей. Я прибавил, зная характер малайцев{56}, податливый только в случае полнейшей необходимости, что мне нужно это сегодня же, и, не отпуская начальников на берег, стал расспрашивать и записывать, сколько каждый из них может доставить мне людей. Я приказывал всем от имени резидента Амбоины и генерал-губернатора Нидерландских Индий. Анакода (малайский шкипер кутера), имея в виду то обстоятельство, что если я скоро найду себе подходящее судно, он будет в состоянии вернуться в Амбоину, поддакивал каждому моему слову, и мы вместе привели начальников в такое лихорадочное состояние, что они, чтобы отделаться от такого кошмара, согласились сегодня же показать мне несколько подходящих для путешествия прау и сегодня же доставить мне, если захочу всю команду. Мне надо было выбрать «капала-оран» (главного человека над людьми, которых я хотел взять), и, оглядев внимательно физиономии начальников, из которых один, по письменному приказанию из Амбоины, должен был сопровождать меня в Новую Гвинею, я выбрал того, чья физиономия показалась мне самую красивою и интеллигентною, несмотря на то, что к ней примешивалась значительная доля плутовства. Радья Амар, которого я хотел взять с собой, однако ж, отговорился тем, что никогда не бывал в Новой Гвинее, мало знает о ней, а главное потому, что только несколько месяцев тому назад лишился отца и только что вступил в управление своим островом. Он предлагал, поддерживаемый остальными начальниками, другого, бывшего не раз в Новой Гвинее, именно Сангиля, брата майора Г?сира. Мы условились, что я к 5 часам съеду на берег для дальнейших переговоров и для осмотра прау; затем я отпустил их со словами, что мне все надо сегодня же!

Телум. Деревня Бонгу

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 27 января 1874 г.

Мечеть в Гаспре

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 19 февраля 1874 г.

После сиесты к 5 часам съехал на берег в сопровождении анакоды и Давида и Ахмата; меня встретили майор Гесир, его брат, которого он мне представил, радья Амар и толпа малайцев. Мы осмотрели 3 прау: одна была слишком велика, другая ветха, третья, хотя очень невелика, более подходила к моим требованиям. Это был т. н. урумбай^{57}, принадлежащий дер. Гесир, которого за вознаграждение майор Гесир согласился предоставить в мое распоряжение, но в том только случае, если я возьму брата его с собою. Я поглядел на Сангиля – рожа была некрасивая, с хитрым, но не глупым выражением лица. Предпочитая иметь дело с плутоватыми, но не глупыми людьми, я почти решил сейчас же, что дело с урумбаем может быть улажено, но не сказал этого и отправился к дому майора Гесири. Здесь я собрал всех начальников, объявил им, что мне нужны 15 или 16 человек, и предложил, чтобы за известную плату за каждого они выбрали бы между людьми своих деревень по несколько волонтеров, готовых сопровождать меня на Берег Папуа-Ковиай. Майор Гесир сказал, что я могу располагать пятью из его людей; радья Килу предложил мне взять троих, радья Кильвару – двух, оран-кая Кваус – двоих, майор Кильтай – двух, майор Кефинг – троих, итого 17 человек.

Берег Папуа-Ковиай в 1874 г. Составлено по голландским картам того времени и заметкам Н. Н. Миклухо-Маклая. В прямых скобках приведены долготы по современным картам

Я поручил радье муда Кильвару, молодому человеку, физиономия которого мне понравилась, сообщить мне, какое количество саго, сушеной рыбы и говядины мне следует взять для прокормления людей, которых будет (считая также моих трех слуг Давида, Иосифа и Ахмата) 19 или 20, в продолжение 5 месяцев. Он обещал сообщить мне смету всего нужного к следующему дню. Я объявил майору Гесиру, что осмотрю его урумбай на другой день, и, простившись с начальниками, вернулся на кутер.

20 февраля. Писал письма в Европу, в Батавию и на Амбоину и вел длинные переговоры об урумбае – людях и провизии для них. Съехал на берег, чтобы осмотреть снова урумбай. Величина какуты мне понравилась; люди мои нашли, что для них всех помещения было также достаточно, и единогласное мнение было, что судно подходящее и надежное для перехода. Одна из выгод было то обстоятельство, что на случай штиля человек 10 могли бы грести. Урумбай имел две мачты с обыкновенным шлюпочным вооружением. Так как урумбай, будучи вытасчен на берег уже довольно давно, мог показать течь, то было положено спустить его немедленно в воду. Отправился в дер. Кильвару на острове того же имени. Был встречен моим новым другом Мохамедом, или радья муда Кильвару. Деревня была довольно интересная, но описание ее я отлагаю до другого раза. Я узнал, что мне необходимо будет взять около 15 000 кусков саго^{58}, затем достаточное количество рыбы и сушеной говядины, называемой здесь «турумонги». Я поручил Сангилю, майор-муда Гесир Мохамеду и моим двум амбоинцам купить, принять, сосчитать провизию, уложить ее в подходящее место в урумбае, и все это сделать без проволочек. Положено было принять провизию на другой день.

22 февраля. Урумбай подошел к кутеру и мои люди занялись переноскою вещей в мое новое помещение. Я продолжал писать мои письма, а после сиесты записал имена людей, которых я беру отсюда. <...> Таким образом, экипаж урумбая был довольно смешанный, так как между моими слугами были люди из Амбоины, бугисы^{59}, но родившиеся на островах

Серам-Лаут, полукровные малайо-папуасы и двое чистокровных папуасов. Прибыв с урумбая, который утром, отойдя от кутера, бросил якорь на некотором расстоянии, Давид сообщил мне, что было принято 16 250 кусков саго, достаточно сушеной рыбы и говядины, всего на сумму 150 голландских флоринов. Я дал 20 флоринов задатку за урумбай, наем которого на время путешествия на берег Ковиай стоил 50 флоринов, и по 2 флорина каждому человеку, нанятому на 5 месяцев за 10 флоринов.

Урумбай

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 20 февраля 1874 г.

Урумбай у берегов Папуа-Ковиай

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 20 февраля 1874 г.

Деревня Мар на острове Ло(а)до

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 23 февраля 1874 г.

23 февраля. Кончил письма к Географическому обществу и частные в Европу и Батавию и, вложив их вместе с оставшимися деньгами в пакет на имя резидента Амбоины, передал его анакоде кутера, прибавив, что мне более его не нужно и что он может вернуться в Амбоину. Сам же, удостоверившись перекличкою, что все люди налицо, также поднял якорь.

К 9 часам прошли мимо Мар, красивой деревушки на островке, местожительства радьи Лодо. К ночи бросили якорь около о. Горам.

24 февраля. Посетив несколько деревушек на о. Горам, я снова отправился в путь к 12 час. пополудни и после довольно удачного плавания пришел вечером в Ватабелла.

25 февраля. Остров Ватабелла. Даже тот, кто имеет только рудименты чувства прекрасного, должен отдать справедливость, что некоторые местности этого островка представляют очень удачные группы скал и тропической растительности. Кокосовые пальмы, бананы, панданусы, разные ароидные растения, лианы своими разнообразными формами покрывают почти что отвесные скалы и растут в ущельях, спускаясь до моря.

Хижина на сваях. Остров Ватабелла

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 25 февраля 1874 г.

Когда мы подходили к острову, совсем заштило. Из моря была вынута почти без сопротивления большая черепаха, ее потревожили в самом акте совокупления, самец, находившийся внизу, ушел.

Жителей в деревне немного. Между женщинами с малайским типом есть очень высокие, с прекрасными, немного вьющимися волосами, но, к сожалению, с совершенно черными зубами и ртами вследствие жевания бетеля. Есть также много папуасских женщин. Между мужчинами я заметил нескольких с длинными вьющимися в кольца волосами, похожих очень на таитян и вообще на полинезийцев.

Ангена. Берег Папуа-Оним

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

У многих были браслеты из золота и серебра. Груды у папуасских женщин такие же конические, как и у папуасок Берега Маклая. На лбу у некоторых я заметил ряд надрезов. Мне объяснили, что их делают при головной боли. Многие были заражены кожной болезнью, которую здесь называют каскадо.

Язык здесь отличен от диалекта Горам и даже от языка островитян Теор, Кей и Ару. Я заметил несколько очень толстых бамбуков, 17 см в диаметре и 15 мм толщиной. Когда жара начала спадать к 4 часам, я отправился в горную деревню. Тропинка была живописна, но труднопроходима. Пришлось лазить по отвесной стене с выступами; наконец, у самой деревушки надо было подняться, взбираясь по дряхлой, изломанной лестнице. С верхней площадки вид на море великолепен; отсюда я уже мог видеть высокие горы Берега Папуа-Ковиай. Вокруг площадки стояло полдюжины хижин. Несколько гробниц находилось на самом краю отвесной стены, которая опускалась высоким обрывом прямо в море. Вернулся вниз по другой тропинке.

26 февраля. При попутном западном ветре направились мы часов в 7 утра к берегам Новой Гвинеи. Кругом горизонт был обложен серыми тучами, дождь шел часто. Ветер стал крепнуть к полудню, потом, после проливного дождя, заштилело. Сильная качка была крайне неприятна. Течением нас несло на N. К заходу солнца о. Ватабелла виднелся очень ясно. К 8 часам ветер от WSW стал очень силен; пришлось взять по рифу у парусов. Ветер и волнение усиливались. Вода вливалась в мою каюту даже в окна. Ветер стал попутный. Налетел шквал, разорвал в клочки кливер; волною залило маленькую шлюпку, купленную мною в Гесире, она оторвалась и была унесена или затонула. Каждую минуту можно было ожидать, что вал вкатится с кормы и затопит урумбай. Ветер все крепчал, приходилось зажигать фонарь каждую минуту, чтобы смотреть на компас.

Калома, около 28 лет. Остров Ватабелла

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 26 февраля 1874 г.

В это критическое время я заметил, что рулевые совсем обезумели от страха, и при отблеске фонаря, который сейчас же потух, я увидел, что один из них лежит на коленях и, упрятав лицо в руки, молится, вместо того чтобы делать свое дело. Схватив револьвер, я пробрался к нему, поднял его голову и, приложив револьвер к его уху, сказал: «Завтра можешь молиться, теперь, если не будешь править, как следует, я тебе всажу пулю прямо в лоб». Когда выстрел раздался у самого уха, рулевой понял, что, пожалуй, мой револьвер может оказаться для него более опасным, чем ветер и волны, и стал просить, чтобы я не сердился.

К 12 часам снова сильный шквал с дождем привел урумбай в очень серьезное положение. Кроме дождя, который лил ливнем, волны часто заливали урумбай. Приходилось иметь постоянно несколько человек для отливки. Я не был уверен, что какая-нибудь волна не зальет нас окончательно. Я, разумеется, не спал всю ночь. Я не мог доверять рулевым; так как все небо было покрыто темными облаками, то для соблюдения курса единственным средством был компас. К рассвету новый шквал, но не такой сильный. К восходу солнца я имел удовольствие убедиться, что, несмотря на плохую ночь, мы все-таки оказались очень недалеко, но немного на N от мыса Van den Bosch. Затем о. Ади показался к 9 часам.

К 10 небо прояснилось и свежий W стал быстро подвигать нас вперед. Около 3 часов при

сильном попутном ветре и сильном волнении мы прошли чрез пролив Nautilus, и здесь нас чуть не залило попутной волною. Зайдя за о. Ади, мы очутились как бы в большом озере. Бросили якорь. Жителей на берегу не было видно. Вечером слышно было несколько как бы человеческих криков, но я не уверен, что это были люди, а не голоса птиц. Ночью пошел снова дождь.

Берег Папуа-Ковиай в Новой Гвинее

(февраль, март, апрель 1874 г.)

{60}

28 февраля. Направился к о. Наматоте. Было жарко, и ветер был сперва очень слабый от N. Отойдя от о. Ади, W и WSW стал свежеть. Горы около Triton Bay были покрыты облаками, и кругом висело много дождевых туч. К вечеру мы подошли к Наматоте. На берегу вдали показался огонек, который сейчас же скрылся; вероятно, жители испугались звука барабана и песен на урумбае, которыми мои люди воодушевляют друг друга, когда гребут. При лунном свете можно было видеть, что скалы покрыты наверху растительностью. В некоторых местах они представляли отвесные стены. По временам замечательно громкое эхо вторило звукам гонга и голосам людей. Группы скал, покрытые богатою растительностью, были соединены песчаными перешейками, и небольшие бухточки вдавались между скалами, представляя удобные убежища для небольших судов, и действительно, серамские прау часто бросают здесь якорь.

Нас окликнула небольшая пирога. Сангиль отозвался, в свою очередь крикнув свое имя, но люди долго не признавали его голоса; однако ж, слыша понятный язык, пирога приблизилась немного, затем другая, большая, с просторною платформою, на которой сидели несколько вооруженных людей, вышла из-за другой скалы. Завязались переговоры, и, наконец, убежденные словами Сангиля и других матросов-папуасов, они подошли к урумбаю, и несколько черных фигур с громким говором влезли к нам, оставив оружие в пироге. Пока здесь шел оживленный, громкий разговор, на пироге послышалось несколько выстрелов: папуасы разряжали свои кремневые ружья, которые они зарядили на всякий случай. Два выстрелили, а третье ружье, несмотря на приложенное старание, не послушалось.

1 марта. Прекрасное утро придавало много красоты скалам, зелени островка Наматоте и красивым горам с величавыми контурами залива Triton. После завтрака, вооруженный записною книгою, зонтиком и револьвером, я отправился в туземной пироге на берег. Сангиль, вооруженный старым тесаком, и Давид с охотничьим ружьем и небольшим каучуковым ковром сопровождали меня. Папуасские пироги следовали за нами. Высадившись у кораллового рифа, я направился к нескольким хижинам, почти скрытым зеленью. При моем приближении две-три женщины с детьми бросились в кусты. Несколько человек вышли ко мне навстречу и привели к месту, покрытому циновками, где я поместился. Мне сказали, что радья муда Наматоте скоро придет.

Деревушка, в которую я пришел, почти не заслуживает этого имени. Всего там было 2 или 3 шалаша и две прау с крышею, вытащенные на берег. Шалаша были очень примитивной постройки и похожи на те, которые я видал в горах Маривелес, у так называемых негритосов о. Люсона. Несколько женщин сидели около них и приготавливали пищу. Между последними находилась одна, очень разговорчивая, из Серама, с длинными прямыми малайскими волосами, последовавшая за своим мужем-папуасом, который вернулся из Серама. Туземцы были не особенно крепки и красивы; у многих заметны были кожная болезнь и раны. Двое-трое папуасских юношей представляли, однако ж, очень порядочные экземпляры

папуасской красоты. Курчавые волосы, вившиеся крупными кольцами, указывали на помесь папуасов с жителями Серама и с другими малайцами.

Показалась из-за скалы пирога с большой платформой и высокою мачтою с развевающимся голландским флагом. Несколько человек из нее, завидя меня, поспешили вернуться к пироге, и только громкие крики окружавших меня снова вернули их. Двое шли впереди, один, одетый в красные штаны и куртку, был молодой радья Наматоте, другой, в желтом арабском жилете, с белым платком на голове, рослый, с большим носом и неприятною физиономиею, – майор Мавары. Радья муда был довольно большого роста, с вдавленным носом и неприятным голосом в нос. Нос майора отличался также своею формою: внизу он был очень широк, ноздри почти одинаково высокие, как и кончик носа. Оба они были одеты в малайский костюм. Я им указал на место около меня и объяснил им, что намереваюсь поселиться здесь между ними, месяца на три, и что хочу видеть здесь горы, деревья, животных, людей и хижины их, что хочу также знать обо всем, что здесь делается.

Начались сейчас же жалобы на опустошения папуасами Онин (Оним) и на войны между деревнями. Мне рассказали, что в январе жители о. Ади, чтобы отомстить за нападение людей Лакахиа, наняли людей залива Камрау, которые уничтожили, вырезали людей островов Каю-Мера и разогнали людей о. Айдуму. Радья муда Наматоте предложил мне осмотреть его дом, где я могу, если захочу, поселиться на время пребывания на этом берегу. Я согласился, и мы пошли сперва по лесу, по очень мокрой и неудобной тропинке, потом берегом. Обогнули мысок и оказались между двумя скалистыми стенами. Здесь между кокосовыми пальмами стояли несколько хижин, из которых большая принадлежала радье Наматоте. Недалеко от этой хижины стояли две полусожженные и одна полуразвалившаяся. Две другие, с резными досками, стояли по сторонам высокой платформы из сложенных кораллов. Эти последние оказались гробницами родственников радьи Наматоте. Кубическая куча кораллов была также старая гробница. В одной из хижин (гробнице) находились между травю разные вещи умершего.

Дом радьи муда был построен из досок и не отличался оригинальностью постройки. Все место с сожженными и развалившимися хижинами и могилами имело запущенный и непривлекательный вид. Затем отсутствие воды (есть один источник очень плохой, полусоленой воды), малость островка как местности для охоты заставили меня совершенно отказаться от мысли поселиться здесь. Я сказал, что намерен отправиться в Айдуму. Видя, что нет возможности уговорить меня остаться жить в Наматоте, радья муда перешел к вопросу, есть ли у меня ром или gin, которые, по его словам, папуасы здесь очень любят. Я ответил на это, что пить ром нехорошо, для его людей будет лучше, если они никогда не будут пробовать этих напитков.

Отправились на о. Айдуму и бросили якорь к 4 часам около большой старой хижины. Около нее стояла другая, поменьше, как оказалось, также гробница. Ни души кругом не было видно и не слышно. Большая хижина была слишком ветха, чтобы жить в ней; поправить же ее было труднее, чем выстроить новую.

Отправился далее. Прошли мимо двух шалашей, тоже покинутых. Солнце уже заходило, когда я снова отправился на другую сторону бухты Тритон, к о. Мавара. Эти острова очень скалисты. Скалы эти возвышаются стенами и башнями и покрыты местами роскошною растительностью.

Когда взошла луна, мы бросили якорь у юго-западной оконечности о. Мавары. Маленькая хижина, окруженная зеленью, стояла между отвесными скалами. Виднелся огонек на берегу, который сейчас же потух, как только слышались голоса на урумбае. Было довольно очевидно, что нас не сочли за прошеных гостей. Я не захотел тревожить их и приказал не съезжать.

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1 марта 1874 г.

2 марта. Утром рано отправился к хижине; при моем приближении несколько женщин выбежали оттуда и бросились в лес.

Кучи раковин лежали в разных местах около хижины, как бы показывая, что богатство экваториальной растительности не дает человеку достаточно пищи. Ему приходится голодать или собирать по рифам мизерно маленьких безвкусных моллюсков. После завтрака отправился в Лобо посмотреть на местность, где голландцы 46 лет тому назад думали основать колонию, так называемую форт Du Bus, которая просуществовала очень недолго и превратилась в кладбище со многими сотнями могил. Подъехала пирога, и вышедший из нее на урумбай худощавый длинноволосый старик оказался радья Айдума, который должен был покинуть вследствие нападения людей Телок-Камрау свой остров. Он плаксивым тоном рассказал мне свое несчастье. Чтобы иметь более определенное понятие о войнах между туземцами, я стал допытываться (к сожалению, при помощи переводчика Сангиля, так как радья Айдума почти что не понимал малайского языка) о числе напавших. Оказалось, что людей Камрау было около 100 (даже и эта цифра, вероятно, преувеличена); убитых людей в Каю-Мера было 10, раненых 10 или 12. Из этого видно, что войны эти не что иное, как совсем ничтожные стычки, но, несмотря на то, они – главная причина номадного образа жизни туземцев и малочисленности их селений, которые, как я уже сказал, очень мизерны{61}. Поселись они большим селением, оно скоро было бы разграблено и разорено соседями, главным образом ради добычи. Постоянные опасения быть убитым и ограбленным принуждают туземцев жить преимущественно в своих пирогах, перекочевывая с места на место. Радья Айдума захотел сопровождать меня, и его пирога, в которой находилась его семья, состоящая из двух женщин и двоих детей, последовала за урумбаем. Я приказал дать им рису и саго, чем радья и его жены остались очень довольны.

Пролив между островами Семеув и Мавара

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1 марта 1874 г.

Почти совершенный штиль прерывался иногда довольно сильными порывами ветра; при одном из таких порывов, когда урумбай сильно и неожиданно накренило, Ахмат, сидя на невысоком борту, занятый едой, не успел удержаться, вверх ногами полетел в воду. Разумеется, он без труда был вытасчен, весь мокрый, при общем хохоте. Около часа пополудни подъехали к берегу, у самого того места, где расположен был форт Du Bus, основанный в 1828 г. Местоположение очень красивое: большой, глубокий бассейн, замкнутый со всех сторон горами, расстилается у подножия живописной, очень крутой горы Ламансиери. Горы здесь так круты, и при сильных дождях в море стекает так много воды, что можно черпать пресную воду на его поверхности. Это мне сказал радья Айдума и подтвердили несколько других туземцев.

Берег был покрыт высоким лесом, и положительно нигде не было заметно ни малейшего признака колонии, существовавшей здесь 45 лет тому назад. Между туземцами сохранилось, однако ж, воспоминание о ней. Несмотря на жару полдня, я высадился около группы кокосовых пальм, и старик радья Айдума взялся показать мне остатки «рума бату оран Голланда» (каменных домов людей Голланда, или голландцев). Пройдя несколько шагов, мы наткнулись на 4 могилы туземцев, состоящих из небольших построек из кольев и «атапа» наподобие маленьких хижин (около 2 м длины, 1 м ширины и 1 м вышины). В одной из них находился еще «татумбу» (умерший). Тропинки никакой не было. Позвал Иосифа и Ахмата,

которые, по указаниям радьи Айдумы, стали прорубать парангами (большие малайские ножи) путь. Мы наткнулись скоро на каменный пьедестал, на котором стоял полусгнивший толстый столб; подходя к пьедесталу, я почувствовал под ногой что-то твердое и гладкое, которое издало при соприкосновении с гвоздями каблуков металлический звук. Мои люди расчистили хворост и сухие листья, и под этим слоем оказалась овальная массивная чугунная доска, на которой, когда ее повернули на другую сторону, показалось изображение нидерландского герба{62}. Сгнившее дерево столба не могло выдержать тяжести гербовой доски, которая, вероятно, уже много лет как упала и покоилась на земле. Я приказал отчистить ее и приставить в полулежачем положении к остатку столба.

Танома, радья Айдумы

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 2 марта 1874 г.

Между тем Ахмат, следуя за радьей Айдумы, проложил дорогу к так называемым «рума-бату». Это были 2 четырехугольных фундамента, построенных из кораллового известняка. Большие деревья росли посреди их, и фундаменты были почти что скрыты растительностью. Несколько толстых пней когда-то срубленных деревьев пустили новые ростки и в свою очередь превратились в деревья; они также являлись остатками бывшей здесь колонии. Было сыро и очень жарко в лесу, и так как осматривать ничего более не было, я решил идти в туземное селение, которое, по словам радьи, было недалеко; я был, однако ж, неприятно изумлен тем, что нам пришлось пройти 3/4 часа, чтобы добраться до него. Сперва надо было пройти через болото, перебираясь по корням мангров, потом через ручей, затем вверх на крутой холм, на котором была разведена небольшая плантация бананов и сладкого картофеля. Солнце так пекло и не было ни малейшей тени, так что, измученный, я спустился к двум хижинам, очень убогим, но расположенным в тени и у самого моря. Эти хижины были убежищем радьи Айдумы после нашествия людей Телок-Камрау.

Женщина с острова Айдума. Нос пробуравлен

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 2 марта 1874 г.

Расположившись на циновке и отдохнув немного, я стал рассматривать хижину, хотя и это имя для нее слишком претенциозно. Она стояла на кольях, имела очень дырявый пол, еще более дырявые стены из атапа, коры, была менее чем 1 м вышины, так что стоять в ней могли одни только дети; внутри, однако ж, были сделаны несколько отделений при помощи отгородок; небольшой навес перед хижинной служил спальнею свиты радьи Айдума. Старик снова затянул свои ламентации и объявил мне, что желает поселиться со своими подданными там, где я останусь. На это я не сказал «нет», потому что я не прочь иметь постоянно объекты для моих антропологических наблюдений и, разумеется, люди Айдумы, если поселятся около моей хижины, будут скоро моими слугами и могут служить мне проводниками по окрестным горам и лесам. Я увидел здесь двух так называемых вуоусирау, жителей гор Камака. Они были совсем схожи с прибрежными жителями, и один из них был светлее всех остальных окружавших его папуасов.

К 6 часам я вернулся на урумбай, и мы снялись. Заштило, так что пришлось гресть всю ночь, что, однако ж, мои люди делали только от времени до времени, прерывая это занятие сном. Три пироги с женщинами и детьми следовали за урумбаем...

Местность очень живописная, жалко, что здесь легче умирать, чем жить. Между туземцами я видел устрашающие формы болезней, вероятно, занесенные сюда малайцами при их ежегодных посещениях этого берега.

3 марта. Из залива Уру-Ленгуру мы вошли в большой спокойный бассейн, затем через узкость в другой, затем в третий. Направо лежал материк Новой Гвинеи, налево – архипелаг красивых, но необитаемых скалистых островков.

Это одна из самых красивых местностей Ост-Индского архипелага. Известковые скалы представляют большое разнообразие форм и, будучи размыты прибоем, образуют длинные пещеры до 2 м глубины. Во многих местах подмытые скалы обваливаются и, представляя среди зеленого покрова леса белые и желтые пятна, разнообразят физиономию пейзажа. Встречаются также обвалы на самых вершинах гор, и следы их заметны в виде длинных полос поломаных и вырванных обвалом деревьев. Такие полосы можно проследить в некоторых местах до самого моря. Курьезную форму представляют небольшие островки, которые от действия прибоа и размытия скал у поверхностей воды принимают вид пирамидальных грибов.

Так как этот проход между архипелагом Мавара и материком Новой Гвинеи не был еще обозначен на картах, то я назвал его на моей проливом вел. кн. Елены, в воспоминание любезного гостеприимства и нескольких приятных недель, проведенных мною во дворце ее и. в. вел. кн. Елены Павловны в Ораниенбауме осенью 1870 г. {63}

К 10 часам мы подошли к селению Мавара, состоящему из двух хижин. Мне и этот островок не понравился как местожительство. Вечером переправились на противоположный берег, в местность, называемую туземцами Айва. Я здесь, может быть, останусь, так как Айва находится на материке {64}, что в отношении фауны для меня важно. Место красивое, и я не нахожусь вблизи уже занятого другими участка. Меня не будут стеснять, и я не буду мешать другим.

У Давида сильно вспухла рука при значительной лихорадке. Сам я часто чувствую боль в ногах и неприятно-болезненное ощущение во всем теле.

4 марта. Не желая далее терять время, я выбрал место для хижины на уступе скалы с красивым видом на море. Так как место, выбранное мною, было покрыто лесом, то я без отлагательств приказал расчистить площадку, на которой обозначил место для будущей хижины. Сегодня ограничились площадкою и прокладкою тропинки к ней.

5 марта. Постройка идет хорошо вперед. Папуасы, даже женщины, помогают моим людям.

6 марта. Кончили к вечеру крышу и стены, остаются полы обеих комнат. Вид из моей двери и окна на острова Мавара, Айдума и др. и на море великолепен.

7

марта. На 4-й день мои люди кончили хижину. Она разделена на две половины или комнаты; состоит из передней, моей комнаты с двумя окнами и с дверью и другой, почти что вдвое большей, для моих людей. Окна в последней они нашли для себя лишними, так что свет в нее проникает только через дверь.

Моя комната имеет 4 1/2 м длины и 3 1/2 в ширину. Ставни и даже дверь опускаются сверху. Сегодня же перенесли все вещи из урумбая. Мои люди выгружали, а туземцы носили, выговорив себе в подарок две большие бутылки джину, которые я принужден был им дать, так как они отказывались от всего остального. Они так усердно помогали моим людям при постройке хижины, что мне необходимо было дать им что-нибудь, хотя я жалел, что пришлось дать джин, который я собственно привез для консервирования зоологических объектов, а не для потворства дурным привычкам туземцев. Они распили одну бутылку перед моею хижиною, сперва морщась, затем с видимым удовольствием, и стали так веселы, так кричали, пели, плясали до того, что мне пришлось предложить им отправиться к своим баракам, которые они расположили на песчаном берегу у самого моря. Но и оттуда голоса их долетали

до меня, и к этому гаму они присоединили еще выстрелы из своих кремневых ружей, так что я послал спросить, что случилось, вовсе не думая, что эти выстрелы служили выражением приятного расположения духа туземцев.

Домик Н. Н. Миклухо-Маклая на мысе Айва

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1874 г.

У многих туземцев здесь волосы не курчавые, а просто вьющиеся кольцами; у некоторых почти что плоские. Бывает так, что у одного отца, настоящего папуаса, дети – одни с мелкокурчавыми волосами, другие – с крупными кудрями, и всех их добродушный папаша считает своими.

8 марта. Наконец, могу сказать, что я снова житель Новой Гвинеи. Целый день устраивался в хижине и нахожу, что помещение довольно комфортабельно. Пришедшие туземцы рассказали мне, что дней 5 тому назад, именно в день, когда я выбрал эту местность для постройки моей хижины, жители Телок-Камрау убили одного человека о. Наматоте с женою и детьми. Это случилось очень недалеко отсюда, в Телок-Бичару. Необходимо здесь быть настороже.

Пейзаж с домиком Н. Н. Миклухо-Маклая на мысе Айва

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1874 г.

9 марта. Ночью я был разбужен криками, похожими на завывание собаки. Мне, однако ж, объяснили, что это были голоса туземцев, поселившихся на песчаном берегу в Айве, которые, боясь нападения алифуру,[105] перекликаются или показывают, что находятся настороже. Лил сильный дождь.

Айва

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. Март 1874 г.

Наконец, крики усилились, послышалось много голосов. Немного погодя раздался выстрел. Я встал и вынул из ящика ружье. В эту ночь, однако ж, ничего более не случилось.

Утром мне сказали, что оран-алифуру бродили всю ночь в окрестностях и один из моих серамских папуасов выстрелил из ружья, чтобы немного успокоить очень уstraшенных жителей Айдума, которые к пушечному страху видели чужую собаку – верный признак, по их мнению, что алифуру находятся где-нибудь вблизи и высматривают случай и время для нападения. Пришли радья Наматоте и другие начальники, просясь в отпуск на несколько дней; я согласился. Пять пирог ушли по разным направлениям.

Чувствую большую слабость в ногах, левая рука сильно болит. Она совершенно бессильна.

10 марта. Записывал слова диалектов Серама и Айдумы. Много слов общих. Положительно большинство папуасских слов я не мог верно произнести. Я слышал разницу, но не мог привести *lagunx*[106] и язык в надлежащее положение, чтобы выговорить правильно папуасские слова.

Капитан Ройер, командир парохода «Этна»{65}, говорит, что жители Наматоте и Лакахиа

ненадежны (вероятно, по словам спутников своих, тидорского принца Амира и др.) и, напротив того, хвалил людей Камрау и Каймана. Теперь же, наоборот, все папуасы, а за ними серамцы называют людей Камрау и Каймана разбойниками.

Я же уверен, что все они ненадежны. Туземцы здесь сами говорят, что оран-папуа убивают людей, чтобы завладеть их вещами, и тот же радья Айдума, который жалуется на нападения людей Карас и Камрау, сопровождал тидорские хонги,[107] чтобы убивать людей Лакахиа, жечь их хижины и разорять плантации. Этого еще там не забыли, почему Сангиль и радья Наматоте не советуют мне брать с собою радью Айдума в Лакахию, а то туземцы там будут опасаться меня или нападут на нас, желая собственно отомстить старому радье.

Последние дни дождь шел несколько раз каждый день.

11 марта. Нездоров, лихорадка.

13 марта. Ахмат болен сильною лихорадкой, жар почти не уменьшался всю ночь и в течение дня, несмотря на приемы каломеля и хины.

Охота довольно удачна: кроме трех птиц, Давид принес мне большого кенгуру, старого самца. Эти животные не влезают на деревья, как говорит S. Miller{66}. Я отпрепарировал скелет и сохранил сердце и мозг. Мясо превосходно. Папуасские начальники из подражания серамцам не едят кенгуру.

14 марта. Отправился посмотреть, откуда мои люди берут воду. Я пришел к небольшому озеру, окруженному лесом, а с двух сторон высокими скалами. Местность была очень живописна, но не особенно безопасна. Сопровождавшие меня матрос и Давид сообщили мне, что в озере много крокодилов, и не успели они сказать это, как у противоположного берега мы услышали плеск воды и увидели голову большого крокодила, который только что с берега спустился в воду. Я был совершенно без оружия, но мои люди имели в руках по большому малайскому парангу. Подвигаясь, мы стали внимательнее оглядывать края тропинки. Небольшой ручей впадал в озеро, и в этом месте мои люди брали воду, которая, хотя и была пресная, но не могла быть здоровою, протекая в болотистой местности. Воду же озера нельзя пить, так как в высокую воду оно соединяется с одним из многочисленных заливчиков.

Чтобы иметь лучший вид на красивое озеро, я приказал вырубить кусты, прилегающие к скалистому берегу, и при этом мы открыли большую пещеру, очень узкую, но высокую, с большим отверстием наверху, через которое свет падал, проникая зеленую занавесь разнообразной растительности. Во многих местах громадные куски скал, громоздясь один на другой, грозили падением. На стенах были заметны сталактиты, на других – много окаменелостей, которые я не замедлил собрать. Мои спутники наткнулись на кости, и один из них спросил меня, не кости ли это свиньи; но они были человеческие. Многие торчали между камнями, другие едва-едва были прикрыты землею. Судя по величине, это были кости женщины. Я разгреб камни и землю, ища череп, но без результата. В подобных пещерах, как мне объяснили серамцы, туземцы зарывают свои более ценные вещи, боясь нападения хонги, и странствуют в своих пирогах только с самым необходимым из залива в залив; сами же они находятся в значительном количестве, готовы убивать и грабить более слабых. Так, например, в Айве брат радья Айдума убил торговавшего здесь жителя Галела, урумбай этого последнего находится на берегу. По смерти брата своего радья Айдума думает починить урумбай и употребить его при своих странствованиях. Здесь говорят, что этот старик – большой мошенник, что он не раз забирал у макассарских и серамских торговцев значительное количество товаров, а затем скрывался в далеких заливах, не думая уплатить, по обещанию, за взятые вещи. Теперь, при мне, он щеголяет под маскою большой честности.

Многие серамские матросы трусят отправиться со мною в Лакахиа – боятся папуасов, говоря, что в Г?сире я нанимал их с целью отправиться в Айдуму и требовал от них только постройку

хижины. Это для меня безразлично, так как мне необходимо оставить часть моих людей для охраны хижины и моих вещей. Оставляю здесь не желающих отправиться со мною и возьму только охотников.

15 марта. Оказывается, что белые муравьи проникли в нашу хижину и забрались в несколько ящиков. Пришлось выбрать из них все вещи, разрушить все ходы муравьев и т. д. Ахмату лучше, но он очень слаб.

16 марта. Радья Наматоте принес мне экземпляр *Gouga Paruana* и молодого *Visceros*. Первых зовут здесь «титер» и ловят их ловушками, которые расставляют в местах, куда эти птицы обыкновенно прилетают. Ловушка эта носит у туземцев название «эта». Механизм ее весьма прост: палка ?, на которой лежат легкие палки и хворост, покрывается листьями, падает, когда птица наступает на настилки

g, тогда

d выскакивает и осторожно освобождает конец согнутой палки

a, который увлекает за собою петлю, обхватывающую ноги птицы.

Этот род ловушек употребляется также и в Сераме, где называется «сау-саут» и где ею ловят даже оленей. [...] [108] не встречается в Сераме, но ежегодно вывозят отсюда и с других берегов Новой Гвинеи значительное число их на острова Серам-Лаут, Серам и даже Макаassar. Как туземцы меня уверяют, между полами этих голубей нет никакого внешнего отличия.

17 марта. Вчера заболевший Иосиф помешал мне отправиться в горы Камака. Сегодня ему не лучше. Радья Айдума рассказывал между прочим, что в глубь страны по реке Утанате живут люди очень небольшого роста, но большие людоеды: они даже вырывают мертвых и едят их, мозг человека им особенно кажется вкусным. Особенного названия этого племени радья не знал [67]. Вечером имел визит полдюжины дам с о. Наматоте; по случаю визита этого они, кажется, навязали на себя все тряпки, добытые ими от макаassarских и серамских торговцев; болтливая женщина из Серама, о которой я упоминал, говорящая по-малайски, служила им переводчицей; они пришли покурить и попросить иголок.

Мальчик-папуас, лет 8. Берег Папуа-Ковиай

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Ахмату положительно хуже: хотя пароксизмы реже и не так сильны, но он крайне слаб, не только ходить и стоять, но и сидеть без помощи не может. Кашляет и жалуется на грудь. Не могу решиться оставить его в таком положении. Отложил поэтому отъезд до послезавтра. Досадно, время идет. Живописный вид из моего окна заставляет меня часто забывать все неприятности ежедневной жизни.

19 марта. Утром во время отлива собрал целую коллекцию губок. Одна особенно заинтересовала меня, так как она составляет положительный pendant [109] моей *Veluspa Polymorpha*.

Ахмату не лучше. Навряд ли поправится.

20 марта. На горизонте едва заметно показался и вскоре скрылся парус. Сангиль полагает, что это урумбай из Гесира, что капитан Кильтай направляется торговать на берегу Новой Гвинеи, в Лакахию и Утанате. Приказал спустить урумбай: решил отправиться завтра. Ахмату очень плохо, он с трудом и редко говорит, не может без помощи приподнять голову. Мне его

очень жаль, но взять его я не могу, а терять долгое время не следует. Был последние дни очень не в духе. Камака и Лакахия развлекут меня новыми впечатлениями.

21 марта. Назначив Иосифа быть главным, так называемым «капала-оран», над людьми, которых оставляю сторожить хижину, я приказал радье Наматоте и радье Айдума также оставаться в Айве. Иосифу я оставил значительное количество хины (малайцы и даже серамцы знают действие этого лекарства и очень ценят его) и попросил его специально, чтобы Ахмат получал исправно лекарство, и позволил ему брать для больного все, что он захочет из моей провизии. Оставив моих 6 людей в Айве, я поднял якорь и отправился.

Мы опять прошли узкости и спокойные бассейны пролива вел. кн. Елены, и опять я любовался красотами пейзажа. Скалы, растительности моря представляли самые разнообразные эффектные комбинации, и опять безлюдность кругом поразила меня: единственная пирога, которую мы встретили, принадлежала одному туземцу из Лобо и его семейству, состоящему из 3 жен, на которых приходился только один ребенок; они скитались от одного пасира[110] к другому и на мой вопрос: «Откуда и куда?» – отвечали: «Чари маканан» (ищу что поесть). Если взять всех жителей Наматоте, Айдумы, Лобо, даже с горными жителями маирасис, вуоусирау, не думаю, что наберется много более 100 человек. Кругом горы почти не населены; там и сям встречается песчаный берег (пасир) с кокосовыми пальмами, несомненный признак того, что здесь когда-то жили люди. Туземцы живут больше в своих пирогах, на платформах которых помещается их семья. Пироги эти имеют довольно основательные крыши из кадьян (прочные циновки из листьев пандануса). Подойдя к песчаному берегу, пирога вытаскивается на берег и преобразуется в шалаш, в котором туземцы живут по неделям, занимаясь чари маканан – ловят рыбу, собирают хлебный плод в лесу, ставят ловушки для птиц, иногда даже разводят скрытую в лесу небольшую плантацию таро и сладкого картофеля, куда они изредка заглядывают, чтобы собрать плоды. На одном же месте они остаются недолго.

Вечером мы подошли к островам Койра в глубине бухты Тритон. На берегу встретили несколько жителей Айдумы, которые были посланы радьей Айдума ожидать нашего прибытия. Один из них, по имени Ямба, отличался своим высоким ростом и значительной силой. Надо было здесь достать проводников, знающих дорогу к озеру в горах, так как радья Айдума и другие береговые папуасы знали озеро только понаслышке. В пироге в сопровождении радьи Айдума, его двоих людей – Ямба и Турона отправился в Ломиру, где мы надеялись встретить несколько вуоусирау и уговорить их отправиться с нами.

[22 марта.] Было великолепное утро, и при полном штиле маленькая пирога наша скользила очень быстро под самым берегом; при каждом повороте картина менялась; на отвесных бело-желтых скалах, в которых прибой вырыл себе длинную пещеру, растительность теснилась до самой линии прилива. Старый радья, сидя важно в своем желтом халате, бил в тифу{68}, и ее звуки отдавались сильным эхом из глубины пещеры. В одном месте старик указал мне на небольшое углубление в скале; это была маленькая бухточка, в десятке метров ширины, наполненная подводными камнями и спереди совсем закрытая свесившейся зеленью; вода в этом тенистом, прохладном уголке была почему-то (у меня не было времени остановиться и найти причину) в постоянном движении, и плеск ее при полной тишине утра, повторяемый эхом пещеры, был слышен издали.

Хижина папуасов племени вуоусирау у озера Комана-Валлар

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 22 марта 1874 г.

Ивара и Вахенги (Ватенги?), папуасы племени вуоусирау

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 22 марта 1874 г.

Старый радья сказал мне, что это место «помали» и что пирогам не следует приближаться к нему. Он много говорил о нем, но было трудно понять его. Я понял только то, что оно называется Намбитека и почему-то особенно опасно замужним женщинам. Мы проехали между многими небольшими островками, направляясь к юго-восточному углу бухты. Эта местность приблизительно обозначена на карте Дюмон-Дюрвиля. На голландской карте ее нет. Несколько пирог виднелись вдали, занятые рыбного ловлею. Звуки нашей тифы привлекли их внимание, и они направились к нам. За несколькими скалистыми островами виднелась бухточка у подошвы высокой, очень крутой горы Ароры. Кроме трех пирог, вытасненных на берег, мы увидели недавно построенный шалаш. Зеленые листья крыши еще не успели пожелтеть. Около костра сидели женщины. Из-под шалаша вышло несколько мужчин к нам навстречу, между ними я увидел Хукома Драмая{69}, начальника вуоусирау, который был раза два у меня. Он очень почтительно подошел ко мне, изгибаясь, прикладывая руки к голове, и представил мне несколько горных жителей, вуоусирау, между которыми одного он даже называла «капитан», прибавив, что все они находятся здесь и ищут для меня животных, которых привезут мне по возвращении из Лакахиа. Я ответил, сообщив ему мое намерение отправиться сегодня же к озеру Камака-Валлар и что мне нужны люди. После нескольких возражений все устроилось, по крайней мере на словах, и я роздал табак, который привез с собою.

Название «вуоусирау» происходит от названия «Вуор», что значит «гора». Туземцы эти не отличаются от других. Разнокалиберность цвета кожи и роста встречается у них так же, как и у береговых жителей. Между женщинами я заметил одну девочку лет около 13, большие темно-карие глаза которой с длинными ресницами могли бы удовлетворить самых взыскательных ценителей женской красоты. У вуоусирау я также увидел собак, совершенно похожих на собак Берега Маклая. Побережные папуасы собак не держат.

Я вернулся на урумбай, чтобы собрать необходимые вещи для экскурсии к Камака-Валлар. Урумбай, войдя в пролив между островами Койра и материком, высадил меня и моих спутников: Давида, Сангиля, радью Айдума и человек 5 или 6 туземцев. Место, где мы сошли на берег, называлось Варика.

Не стану описывать подробно дорогу, узкую папуасскую тропинку, то взбирающуюся на холм, то спускающуюся круто в лощину, чтобы потом опять подняться. Корни, лианы, толстые стволы повалившихся от старости или от ветра деревьев, болотистый грунт – здесь всего этого было довольно. Через полчаса я почувствовал себя очень усталым, в ногах ощутил сильную слабость, и при каждом шаге боль в опухшем левом боку усиливалась.

Возвращение из Ломиры в открытой пироге под солнцем не прошло мне даром. Я чувствовал приближение пароксизма, но принятая незначительная доза хины (0,2 г) парализовала его силу. Ограничилось головною болью и головокружением.

В двух или трех местах мы встречали развалившиеся шалаши, временные жилища вуоусирау.

Я был рад, когда часа через два ходьбы мне сказали, что мы на вершине хребта холмов и что теперь будем спускаться. В этом месте находились два повалившихся на сторону шалаша. Пока мы отдыхали, а спутники мои курили, я собрал при помощи двух переводчиков, радью Айдума и Сангиля, следующие сведения: в горах далее Камака-Валлар жителей нет, что люди вуоусирау в своих дальних экскурсиях в горы следов людей никогда не видели, что по всему этому берегу единственно на горе Ламансьери и в горах Камака живут люди, что первых называют «майрасис», а вторых – «вуоусирау».

На другой вопрос: знают ли они, откуда они пришли, из какой береговой местности

переселились, – было отвечено, что вуоусирау всегда жили в горах, что диалект их отличен от диалекта майрасис, но что береговые папуасы думают, что они и майрасис одни и те же люди, но живут в разных местах.

Во всяком случае, если они физически и не отличны от майрасис, то живут отдельно весьма долго, так как у них выработался особый диалект.

Мы спустились в болото; здесь все эти ночи шел дождь, почему тропинки были скользкие и мокры. Затем поднялись к покинутой плантации, где солнце меня крайне утомило. Плантация была значительна; на ней стояло несколько толстых пней, срубленных метра 3–4 от земли, для чего дерево, которое желают срубить таким образом, окружается подмостками. Такой способ рубки деревьев, цель которой главным образом уничтожение тени, совершенно рационален, так как построить подмости – труд очень небольшой сравнительно с трудом рубки дерева у корня, где работы оказалось бы втрое больше, чем на несколько метров выше.

Сасси, около 14–15 лет, и Ваймати, около 30 лет. Камака-Валлар

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 22 марта 1874 г.

Направление, которому мы следовали, было О и NO. За плантацией находились еще два длинных шалаша, напомнившие мне шалаша негритосов на о. Люсоне. Простые подставки были заменены подпорами из трех связанных тонких подставок – опять стремление к более легкой работе и сметливость.

Пошел дождь. Тропинка стала круче и хуже. Пришлось пройти, однако ж, целых 3 часа под сильным дождем, часто скользя и спотыкаясь.

К заходу солнца пришел очень усталый к 2 хижинам, с натертыми пузырями на ногах от новых смоченных сапог и очень голодный.

Меня ожидал сюрприз. Давид забыл захватить кофе и сахар, на которые в продолжение последних 3 часов я очень рассчитывал. Пришлось довольствоваться вареным рисом и сушеною говядиной.

23 марта. Проспав сносно ночь в хижине, которую опишу ниже, и за неимением кофе выпив немного безвкусной рисовой воды (отвару), я собрал принадлежности для рисования и отправился к озеру, которое находится в 5 минутах ходьбы от хижины.

Мы пришли к песчаному берегу, покрытому стволами сухих деревьев, из которых многие еще стояли на берегу, другие же стояли или лежали в воде. Далее от берега из воды виднелись одни верхушки деревьев.

Озеро было не широко, но очень длинно.

Близ берега находились два островка. Противолежащие горы, на О и NO, тянулись длинными однообразными хребтами. Вокруг островков виднелась полоса сухих деревьев, отчасти на берегу, отчасти же в воде. Обоих концов озера на S и на N, несмотря на то, что вид был обширный, нельзя было видеть. Они были закрыты выдающимися мысками. Сделав эскиз озера с берега, сопровождаемый радьей Айдумы и двумя папуасами, я выехал в пироге на середину озера. Здесь вид был иной, то есть гораздо более живописный. Высокие горы с красивыми контурами замыкали озеро, которое имело неправильную форму, много мысков и островков разнообразили его. Длина его была раза в 3 более ширины. Я полагаю, что в быстрой, легкой пироге можно бы переплыть его в длину от N на S часа в 2; обойти кругом

(предполагая существование хорошей дороги вокруг) – часов в 8– 10. При настоящем положении тропинок туземцы сомневались, что возможно бы это сделать даже и в 3 дня. Кроме гор на W, которые мы вчера перешли, нашлось одно более низкое место на SO между высокою горою Аророю и горою [...].[111]

Сделав еще два рисунка, я был обрадован приобщением трех экземпляров рыбки [...],[112] которая водится в озере. Есть еще и другая, но ее можно словить только с помощью крючка, так как она живет в глубине.

На возвратном пути я осмотрел отвесные белые скалы, на которых виднелись две параллельные линии одна над другой; нижняя отстояла приблизительно на 150 см, другая на 3 м от настоящего уровня озера. На камнях, стволах и ветвях стоящих в воде деревьев я собрал несколько экземпляров губки. Эта находка меня навела на мысль, что Камака-Валлар было некогда заливом или же находилось каким-нибудь образом в связи с морем. Собранные раковины, отчасти живущие еще теперь в озере, делают это предположение довольно вероятным. На мои вопросы о сухих деревьях в воде и по берегу туземцы сказали, что вода озера была некогда высока и все эти деревья погибли, будучи совсем или отчасти покрыты водою, и что теперь вода в озере понизилась. Но когда вода была высока и когда понизилась, я не мог добиться.

Определив с помощью аппарата Ренью высоту уровня озера (вода кипела при 211,4 °F, и температура ее на поверхности равнялась 32,5 °C), я вернулся к хижине и занялся рисованием ее и людей. Хижины, хотя построенные на сваях, были низки и имели очень плоскую крышу. Стены состояли из деревянных планок, связанных ротангом, они были не выше 1 м, так что только те туземцы, которые были малого роста, могли стоять, и то только посередине, под коньком. Мне же и это оказалось невозможным. Оба фронтона были открыты; пол сделан из планок так называемого pinangutang[113] (дикой арековой пальмы).

Хижина, в которой я провел ночь, имела посередине проход, так что под крышей были, собственно, два отделения хижины, из которых одно разделялось в свою очередь на две каморки. С обеих боковых сторон под продолжением крыши находились платформы для сиденья или спанья. Двери были очень малые, так что в них можно было пролезть только с большими затруднениями и совсем съезжившись. Не только стоять, но и сидеть с поднятою головою нельзя было в каморках. Так как перегородки между ними были низкие, то можно было, стоя на коленях, видеть все, что происходит в других отделениях хижины. Двери открывались в разные стороны. Было также заметно стремление к украшению: концы выдающихся брусьев были вырезаны наподобие головы крокодила, который, по словам туземцев, водился в большом количестве в озере. Несколько прямолинейных орнаментов, вырезанных и разрисованных углем, красовались на некоторых стенах.

Я нарисовал портрет начальника вуоусирау, так называемого «капитана», и одного из его людей (самого красивого и высокого), также портрет двух женщин: жену и дочь капитана; первая была очень мала ростом и брахицефальна, вторая – лет 14–15, но почти что развитая женщина, имела очень недурненькую для папуаски рожицу.

Смерив рост и обхват многих вуоусирау, верхние конечности которых оказались весьма длинными, я захотел убедиться, насколько диалект вуоусирау отличается от остальных диалектов этого берега. Я стал записывать слова. Чтобы сделать это вернее, перед записыванием я несколько раз произносил узнанное слово громко. Мое произношение много раз возбуждало общий смех туземцев, и я сам чувствовал, что не могу никаким образом выговорить некоторые слова. По собранным сведениям оказалось, что число всех вуоусирау не превышает 35–40 человек, включая мужчин, женщин, детей.

Мне хотелось добиться того, чего я не мог узнать утром, именно: сколько лет тому назад вода озера была высока и когда она понизилась. Я придумал для этого следующее средство.

Указывая на нескольких детей, я спросил, видели ли эти дети высокую воду. Оказалось, что нет, что они родились гораздо позже. Я перешел к другим, к подросткам – также нет. Я указал на дочь капитана, которую звали Саси; на этот раз вопрос удался, отец ответил, что именно немного времени перед тем, как Саси родилась, вода озера вдруг понизилась. Смотри на эту девочку, у которой маленькие конические груди очень недавно стали расти, худощавый зад которой и ноги свидетельствовали о ее еще неполном развитии, ей нельзя было дать более 14 лет. Итак, оказывается, что приблизительно лет около 14 тому назад вода Камака-Валлар понизилась, с тех пор, по единодушному отзыву всех туземцев, вода держалась на том же уровне.

Оставались, однако ж, еще и другие вопросы. Я снова стал допрашивать людей, помнят ли они, когда вода повысилась до того уровня, на котором находилась 14 лет тому назад. Переспросил всех, никто не видал и никто не помнит рассказов старых людей о повышении воды. Самому старшему из окружавших меня вуоусирау было лет 45. Итак, снова выходит, что вода повысилась до 1825 г. Однако ж есть полнейшее доказательство тому, что вода озера находилась когда-то на гораздо более низком уровне, чем в настоящее время, метров, может быть, на 40 или еще ниже, так как одни верхушки больших деревьев виднеются на многих местах вдоль берега. И чтобы вырасти до того объема, до которого достигли ныне в воде стоящие деревья, требуется не один десяток лет.

Итак, в середине прошлого столетия вода озера Камака-Валлар была на гораздо более низком уровне, озеро – гораздо меньше настоящего и берега его, находящиеся теперь под водою, покрыты растительностью.

Часа в 3 пополудни я был принужден отправиться назад к урумбау, так как ни у меня, ни у спутников моих, ни даже у вуоусирау не было что есть. Мои люди, полагаясь на гостеприимство последних, захватили с собою очень мало провизии, а у них почти что ничего не оказалось. Проплыв в пироге вдоль берега озера $3/4$ часа, мы очутились около плантации, где проходили вчера. Это обстоятельство значительно сократило путь; к тому же сходить с горы бывает обыкновенно легче, чем взбираться на нее. На хребте я определил при помощи гипсометра Ренью высоту его, которая равнялась [...].[114] Вуоусирау затащили песню, воткнули себе в волосы, за пояс, за браслеты на руках и ногах разноцветные листья, и таким образом мы спустились в Варику, где нас ожидали урумбай и пироги. Я в тот же вечер отправился на старую стоянку к островам Койра в сопровождении 9 пирога. Вид этой процессии был характеристичный; все наперерыв хотели обогнать друг друга, оставляя, однако ж, урумбай всегда впереди. На каждой пироге народу было много: женщины, дети, все пели и кричали, стараясь перекричать друг друга. На 3 пирогах, не закрытых крышею и где были только мужчины, одним из них был исполнен воинственный танец; стоя на платформе, он то прыгал, размахивая руками, то пел, причем крик его переходил в визг; иногда он сильно рубил воздух своим парангом или, схватив лук, пускал в воздух стрелы; иногда, набрав горсть песка из ящика с очагом, искусно бросал песок вверх.

На окружающих горах собирались черные тучи и грозил дождь, почему многие туземцы занялись «заговариванием» грозы, причем они обращались лицом к туче, постоянно грозя ей пальцем или тем, что находилось у них в руке, и что-то усердно бормотали (это очень напомнило мне подобный же обычай у жителей Берега Маклая). Даже и мои матросы-серамцы делали что-то подобное.

Вечером, отдохнув немного от прогулки, я был на берегу и видел их танцы, при которых мужчинам приходится играть главную роль; женщины двигаются медленно, делая маленькие шаги, выдвигая зад, которым вертят из стороны в сторону; так как туловище наклонено вперед, то груди при этом болтаются. Последнее обстоятельство, вероятно, утомительно, почему от времени до времени женщины подпирают свои груди ладонями, но все же продолжают вертеться. При пляске мужчин также главным образом двигается средняя часть туловища; колени согнуты, руки заняты, держа тифу, ударами в которую они аккомпанируют

танец; движения постоянно усиливаются, и под конец темп делается совсем неистовым и вдруг прерывается. Женщины плясали в центре, мужчины, окружая их, двигались вокруг один за другим все быстрее и быстрее.

Эта пляска мне напомнила танцы алифуру, минагаси{70} и негритосов Лимай (на о. Люсоне).

Дождь заставил меня вернуться на урумбай довольно рано, но он не помешал туземцам плясать. Гам продолжался далеко за полночь.

24 марта. Ветер был неблагоприятный весь день, так что к вечеру мы добрались только до Вайкалы на северном берегу о. Айдумы. У самого берега стояла хижина или, вернее, развалины ее. По здешнему обычаю после смерти хозяина хижина его покидается; жить в ней считается небезопасным. Хижина Вайкалы оставалась уже много лет необитаемой; крыша была как решето, столбы едва держались, а пол провалился бы при первом шаге.

Мои матросы, несмотря на папуасские «помали», воспользовались старым канатом, который нашли в хижине, и несколькими досками.

25 марта. За группой островов Каю-Мера находится большой залив, который тянется сперва от N на S, затем от W на O. Острова Айдума, Драмай, Каю-Мера и окружающие их горы – пустыня. На NW довольно узкая долина, которая ведет, вероятно, к озеру Камака-Валлар. До озера недалеко, почему, как мне сказали, многие из жителей Каю-Мера находятся в родстве с вуоусирау. Мы искали жителей, стреляли холостыми зарядами (условный зов серамских гостей), стараясь открыть дымок или пирогу, – напрасно, везде безлюдье. Бывшая деревня Каю-Мера была совершенно сожжена.

26 марта. Около 2 часов пополудни мы подошли к восточному песчаному берегу маленького острова Лакахиа, который бывает заселен только временно, когда, например, торговое прау бросает якорь вблизи{71}. Мои люди отправились за водой на южный берег, где находится, как говорят, небольшой резервуар дождевой воды, вкус которой оказался весьма солоноватым. На песчаном берегу разбросаны кусочки каменного угля, нахождение которого здесь известно уже давно и в последний раз было констатировано комиссией парохода «Этна». Обогнув мыс Тандион-Бай (Cap Baudin), можно было сейчас же заметить, что характер местности здесь меняется: горы поворачивают круто на восток, следуя левому берегу залива Кируру; правый берег совершенно низмен, за исключением двух высоких островов: Бавия и Мой. Вдали тянется высокий кряж гор; из южного низменного берега поднимается только довольно высокий Тандион-Буру.

Набрав воды, мы направились вдоль низменного южного берега, пройдя ко входу залива Кируру, залив Терера и островок Ния. Берег был болотистый и покрыт мангровыми, людей мы заметили только около мыска Ваймета. В ответ на наш выстрел показался высокий столб дыма. Когда мы подошли ближе, туземцы бегали по берегу, махали снятою одеждою и бросали песок вверх, что издали казалось маленькими облаками дыма. Часа 2 люди мои перекрикивались с папуасами; несмотря на наш зов, туземцы не решались приблизиться, хотя у них были пироги; они обращались в бегство, как только урумбай двигался в их сторону. Имена «оран Серам», «Гесир» не помогали. Я вздумал испытать, не сможет ли вид белого человека привлечь их; я вышел из каюты, приказал людям замолчать и сказал по-малайски, что если они подойдут, я им дам табаку. К моему удивлению, это удалось. Сперва они приблизились незначительно, потом, собравшись с духом, подошли ближе, а затем к самому борту, но решились взойти на палубу только после того, как я поднял занавес моей каюты и они убедились, что там нет спрятанных вооруженных людей, которые могли бы убить их или увести в неволю. Удостоверившись в своей безопасности, они с криком влезли на урумбай, стали обнимать всех, громко говорить, смеяться и все-таки по временам боязливо озирались кругом. Я мог, однако ж, заметить, что эта веселость была одною маскою.

Такое недоверие неудивительно. Сколько раз этих людей грабили, избивали, увозили в рабство. Один тидорский принц Амир несколько лет тому назад увез, как говорят, много сотен людей отсюда; в январе этого года люди Камрау убили и ранили людей Каю-Мера, а женщин и детей увели с собою. Неудивительно, что каждый кажется им неприятелем. Они также в свою очередь старались отплатить без разбора всем, кто легкомысленно попадался им в руки.

Именно эта местность, берег около Лакахиа, имеет дурную репутацию. Здесь были убиты матросы капитана Кольфа{72}, много людей Серама и др.

Туземцы здесь темнее людей Наматоте и Айдума и почти что не носят малайского платья; вообще они кажутся более сильными и рослыми. Они привезли с собою сагуер{73}, жидкость, добываемую посредством надрезов ростков гомутовой пальмы. Он был совершенно свеж и показался мне очень вкусным. Кроме гомутовой, здесь много саговых пальм. Вероятно, вследствие обильной пищи страна более заселена.

Ночь провели на якоре около о. Бавия.

27 марта. Направился к водопаду Гуру-Гуру, описанному в отчете экспедиции парохода «Этна», но здесь случилось то же, что в 1871 г. в заливе Praslin Новой Ирландии. Надо было долго искать то, что по описанию должно броситься сейчас же в глаза! Как водопад Бугенвилля, так и Гуру-Гуру мне пришлось увидеть не в дождливое время, что, разумеется, оказывает большое влияние на значительность и красоту водопадов.

Вода Гуру-Гуру оказалась хорошею, особенно для купания – место превосходное, хотя не особенно похожее на рисунок, приложенный к описанию экспедиции «Этны». Водопад находится у подножья высокой горы Бамана.

Пришли три пироги с лакахийцами. Они произвели на меня то же впечатление, как и вчера: именно, что они темнее жителей Айдумы и Наматоте и, вероятно, вследствие обилия пищи крепче сложены и выше ростом. Я мог заметить, что форма их носа значительно изменена обычаем пробуравливания носовой перегородки. Сравнивая носы большинства с носами нескольких других папуасов тех же или соседних местностей, у которых носовая перегородка не пробуравлена, оказывается, что конец носа у первых свислый, ноздри очень подняты и открыты и нос получил крючковатую форму, которая делает физиономии похожими на евреев. Может быть, вследствие законов наследственности, после нескольких поколений постоянно повторяется операция, при которой нос сильно опухает, носы этих папуасов сделались больше. К сожалению, мне не удалось сделать ни одного портрета. Туземцы не сидели смиренно, убегая, как только замечали, что я обращаю на них внимание. Туземцы Лакахиа оказались очень недоверчивыми, и ни один не согласился следовать за мною в глубь бухты Кируру, и при первом движении урумбая вперед быстро отплыли в сторону, как бы боясь, что я силою не захватил бы кого из них.

Пройдя узкость, мы вошли в бассейн со многими выходами. Один из них, направо, был проливом между о. Бавией и другим островом, другой пролив на О между низкими островами, третий, налево, – продолжение так называемого залива «Этна» или Телок-Кируру, как его называют туземцы. Мы подвигались на веслах до вечера по рекообразному заливу; справа берег был низкий, представляя болотистые острова, на которых росли мангровы; слева поднимались высокие горы, покрытые лесом.

28 марта. Утром после часовой гребли узкий залив немного расширился, пройдя холм на правом берегу; несколько каналов между островами, а может быть и рек, впадали в этом месте. Часам к 11 мы вошли в большой бассейн, окруженный горами. Мне показалось, что на голландской карте он представлен не таким большим, как он оказался в действительности. Мы направились к одному местечку, где стояли две кокосовые пальмы и виднелась

полуразрушенная хижина.

В описании экспедиции парохода «Этна» говорится о деревне, находившейся в этом месте. Я пошел в лес с Давидом и тремя серамцами, поднимаясь вдоль левого ската кряжа. Мы достигли хребта часа через два ходьбы. Он шел от WSW на NNO. Перед заходом солнца мои люди привязали койку между двумя деревьями; над нею в виде крыши было растянута каучуковое одеяло. Не более 10 минут потребовалось на устройство бивуака. Я считаю его самым удобопереносимым, простым и здоровым при путешествиях в тропических странах. Он практичен еще и в том отношении, что подвешенная койка может годиться не только в лесу, но и в хижинах туземцев.

29 марта. К утру было ощутительно свежо, хотя термометр не спустился ниже 25 °С; перед рассветом мы слышали несколько раз шаги казуара, но ни одного не пришлось убить: птица слишком осторожна. Я отправился выше и старался заглянуть на ту сторону хребта. Кроме леса и гор, ничего не видал, притом деревья очень мешают. Надо было бы влезть на самую верхушку их, чтобы иметь возможность рассмотреть всю панораму холмов и гор этой части перешейка, который именно здесь не особенно широк.

Эта экскурсия показала мне, что лес здесь далеко не такой непроходимый и что экспедиция внутрь страны здесь не встретит затруднений относительно населения, которое в этом месте несомненно существует, о чем свидетельствуют свежесрезанные ветки кустов, которые я заметил несколько раз вчера и сегодня, а также и многочисленные тропинки. Кроме того, я был удивлен тем обстоятельством, что в этом первобытном лесу большинство деревьев были молоды, старые встречались редко. Грунт был везде – толстый слой уступчивого и мягкого гумуса.

Птиц было очень мало, за исключением одного вида *Visceros*, который встречается здесь в большом количестве.

Я вернулся к месту ночлега, где оставил вещи и людей, исключая одного, который, сопровождая меня, прорубал тропинку в неудобнопроходимых местах. В ожидании завтрака я определил с помощью аппарата Реньо точку кипения на этом месте, которое оказалось 209,5 °F. Но это место было, однако, ниже того хребта, где я был утром. Около полудня я направился к урумбаю, зная, что мои люди внизу очень боятся нападения папуасов, и полагая, что жители окрестных гор, численность которых я не знаю, каждую минуту могут собраться и, пожалуй, с недобрыми намерениями. Я спустился вниз гораздо более короткою дорогою, чем поднялся, но тропинка была по временам очень крута.

Недалеко от берега, узнав, что никаких папуасов не приходило, я позволил двум серамцам разгрести кучу *maleo* или гнездо *maleo*, имевшее почти что 2 м в диаметре и более 1 м вышины. Странное дело! Лень срубить ветвь дерева и сделать род лопаты принудила их более часа разгребать землю руками. Куча состояла из довольно рыхлой земли, температура которой была 32,1 °С, вероятно, вследствие гниения листьев, а не солнечной теплоты, так как солнце не проникает чрез зелень до земли.

Из Тимбоны я направился вдоль берега тем же путем, каким пришел вчера, желая захватить 3 черепа, которые мои люди заметили в трещине скалы. Мы действительно нашли место с черепами{74}, но не успел один из матросов достать их и передать мне, как мы все были немало удивлены неожиданным появлением пяти больших пирог с очень значительным числом туземцев.

Была минута обоюдного недоразумения: мои серамцы, вообразив, что через несколько минут туземцы нападут на нас, очень переполошились и стали готовить ружья; с другой стороны, папуасы на своих пирогах, видя, что мы остановились, в свою очередь взяли за то же, прекратив моментально громкое пение. Между туземцами на пирогах было несколько,

которых мои люди признали за жителей деревень Ваймата, Терера и Банк. Внезапность появления пирога, многочисленность папуасов, их громкое пение, а главное, известная неблагонадежность жителей именно этих берегов были причиной того, что мои серамцы предположили, что пироги явились сюда с намерением напасть на урумбай. Сообразив возможность нападения, я на всякий случай приказал 6 человекам гресть, направляясь прямо к пирогам, а остальным готовиться к защите, вооружиться своими ружьями старого образца и парангами. Дав Давиду, очень меткому стрелку мои два двуствольных ружья, одно нарезное, заряженное пулями, другое – крупную дробью, я расположился сам на крыше каюты с ружьем-револьвером и скорострельным ружьем системы Vaumont. Я предупредил Давида и людей, чтобы никто не стрелял ранее, чем выстрелю я сам, а затем стреляли бы, хорошо целясь, а не просто без толку жгли бы порох.

Мы все приближались. Из пирога папуасы могли хорошо видеть наши приготовления. Громкое пение и пронзительные крики, на минуту возобновившиеся, снова смолкли, и пироги остановились. Было ясно, что папуасы совещаются. Я приказал изо всех сил гресть на группу пирога. Это обстоятельство прервало совещание папуасов; 4 пирога быстро отгребли в сторону, и только одна старалась держаться в почтительном расстоянии, но не слишком далеко от урумбая. Казалось, она имела намерение начать переговоры. Когда я окликнул ее, один из находящихся в ней людей на ломаном малайском языке стал объяснять, что он начальник дер. Ваймата, и, узнав, что урумбай отправился в залив Тимбону, захотел видеть «туан-пути» (белого господина). Я тогда пригласил его подойти к урумбаю, на что он не решался, извиняясь тем, что на других пирогах находятся начальники других деревень. Я сказал ему тогда, чтобы и другие пироги приблизились и все начальники собрались бы на урумбай. Услышав это, люди пироги стали гресть по направлению к остальным, и в непродолжительном времени все пять приблизились к урумбаю. В них мы увидели очень большое количество оружия, стрел и копий, что отчасти подтверждало предположение серамцев или же доказывало недоверие папуасов относительно урумбая.

Папуасы только тогда решились взойти на урумбай, когда я открыл по их просьбе занавес моей каюты и они удостоверились, что у меня нет людей в засаде.

Только начальникам было дозволено мною войти на палубу. От них я поспешил узнать имена окружающих местностей, кое-что о населении, а также удалось мне записать несколько слов их диалекта; но, несмотря на щедро розданный табак, они не чувствовали себя в безопасности на урумбае, и, пока я занялся записыванием слов, внимательно прислушиваясь к выговору, все папуасы один за другим тихонько спустились в свои пироги, и велик был страх моего собеседника, который диктовал мне слова, когда он заметил, что остался один. Забывая даже данный ему табак, он соскочил в свою пирогу, после чего папуасы, не произнося ни слова, усиленно стали гресть от урумбая.

Налетевший легкий шквал с дождем позволил нам поставить паруса и скоро отдалиться от пирога. Серамцы несколько не были успокоены визитом папуасов. Последний только увеличил подозрения моих людей; между ними находилось несколько человек бывалых, которые уже десятки раз посещали разные берега Новой Гвинеи. Они говорили, что папуасы единственно потому мирно приблизились к урумбаю, что заметили наши приготовленные ружья, и сделали это для того, чтобы удостовериться в числе людей на урумбае и рассчитать относительные силы. Они были убеждены в том, что папуасы ожидают теперь ночи, чтобы напасть на нас, и очень просили меня не оставаться здесь до утра, а выбраться скорее в море. Мой же план был исследовать другие проливы, которых я насчитал несколько на левом берегу Телок-Кируру, и одним из этих каналов я желал вернуться к морю. Доводы моих людей одержали верх, и я нехотя согласился исполнить их убедительные просьбы, соображая, что папуасов 50 человек, а нас всего 13, и ночью шансы были не на нашей стороне, так как схватка была бы рукопашная, причем ружья мало бы помогли. Они одолели бы нас своею сравнительною численностью.

Серамцы были так убеждены в опасности, что замечательно усердно, без понуканий, гребли всю ночь, и, пользуясь отливом, к рассвету урумбай бросил якорь у выхода из залива Кируру.

30 марта. Прослав порядочно всю ночь, я был немало удивлен, когда увидел, что мы качаемся на якоре в виде дер.

Ваймата, о. Лакахиа и других знакомых мест. Весь день старался я войти в сношения с туземцами, но ни одна пирога не приблизилась, хотя на берегу туземцы манили и звали нас в деревню.

Мелководье не позволило урумбаю подойти к берегу; нежелание или боязнь папуасов подъехать к нам не дали возможности съехать на берег. Здесь мне пришлось пожалеть о потере плюшки, купленной в Гесире и затонувшей во время перехода с Ватабелло в Новую Гвинею.

Далее на юго-восток от залива Лакахиа берег Новой Гвинеи не защищен островами, как северная часть Берега Ковиай, и не представляет надежных якорных стоянок. Большое волнение при свежем ветре и сильный прибой у берега представили серьезные неудобства продолжать путь на юг, главным образом при малости урумбая и ненадежности вооружения его. Я поэтому решил вернуться в Айву и заняться исследованием Телок-Камрау и Телок-Бичару.

31 марта. Обогнув Тандионг-Бай (Cap Baudin), при значительном волнении мы вошли в Телок-Каю-Мера, где мои люди обратились ко мне с просьбою позволить им отдохнуть после двух утомительных дней.

1 апреля. Мои люди были заняты ловлею рыбы и собиранием ракушек, так что только к 3 часам пополудни мы подняли якорь и вышли из Телок-Каю-Мера в открытое море. Все люди, за исключением Сангиля и Давида, должны были грести изо всех сил, чтобы обогнуть высокий и живописный мыс, который на своей карте я назвал Мыс Лаудон в честь генерал-губернатора Нидерландских Индий. Прибоем нас несколько раз едва-едва не выкинуло на скалы, и часу в 11-м ночи мы бросили якорь у о. Драмай.

2 апреля. Ветер был противный, почему пришлось грести весь день вдоль берега о. Айдумы; я решил переночевать около Вайкалы.

Вот что я узнал от туземца в пироге. Папуасы малой колонии в Айве, полагая, что благодаря моему соседству они будут в полной безопасности, перестали быть постоянно настороже и вовсе не думали о внезапном нападении. В одно дождливое и угрюмое утро, когда начальники и большинство мужчин не находились в селении, а другие по случаю дождя спокойно спали, одни в своих пирогах, другие в бараках, внезапно, без всякого лишнего шума, появилось множество папуасов-врагов (жителей из бухты Бичару). Они все были хорошо вооружены, и, чтоб придать себе более страшный вид, их лица были окрашены черною краскою. Застав маленькое поселение врасплох, они бросились на спящих мужчин, не щадя и женщин. Один из первых шалашей, который был атакован, принадлежал старому радье Айдумы, который был в отсутствии. Дома спали его жена и дочь (хорошенький ребенок лет 5 или 6). Хотя и раненная двумя ударами копья, бедная мать нашла, однако ж, силы добраться с дочерью до моей хижины, где она надеялась быть в безопасности. Другие туземцы колонии последовали ее примеру, по крайней мере те, которые не были слишком тяжело ранены, чтобы добраться туда; таким образом, моя хижина стала центром свалки. Число нападавших было около сотни, между тем как в Айве не находилось более дюжины мужчин, но много женщин и детей.

Разумеется, люди Айдумы были совершенно разбиты. Мои семь слуг не помогли им, боясь быть убитыми вследствие такого заступничества. Победители не удовольствовались тем, что ранили и убили около десятка людей Айдумы (мужчин и женщин), но, убедившись, что раны

жены радьи Айдумы были смертельны, изрубили на куски ее дочь. Отрубленная голова с частью туловища и болтающейся рукою была нанизана на копье и с торжеством унесена в горы. Впоследствии я узнал, что причина этих убийств была старая вражда и давно уже решенная месть. После убийств начался грабёж моих вещей, который продолжался до трех часов пополудни; тогда горные туземцы отправились в обратный путь, неся как трофей голову ребенка, уводя с собой в плен двух молодых девушек и мальчика и унося, сколько могли, вещей, награбленных в моей хижине.

Между тем один из моих людей, Иосиф из Амбоины, не совсем потерял голову. С помощью двух других он отправился в маленькой пироге к большому падуакану (большой торговый прау из Макассара), пришедшему недавно для меновой торговли с туземцами этого берега. Он убедил анакodu туземной прау послать шлюпку с вооруженными людьми для того, чтобы спасти по крайней мере часть моих вещей. Они прибыли в Айву к вечеру и застали людей Наматоте и Мавары занятыми разборкою и дележом добычи, т. е. моих вещей. Утомленные дневными приключениями, туземцы при виде вооруженных людей не стали сопротивляться, когда мои слуги и люди из Макассара собрали несколько остатков из моих вещей, отнесли в шлюпку, которая вернулась к падуакану.

Несмотря на всю неожиданность и неприятность известия, оно меня скорее заинтересовало и рассердило, чем сколько-нибудь смутило или напугало. Мое решение вернуться в Айву уже принято, почему, несмотря на усталость людей и их возражения, я заставил их грести всю ночь в канале между островами Мавара и Симеу.

3 апреля. К рассвету мы были в Маваре; я отправился на берег, в этот раз вооруженный, так как опасался, что люди Мавары, также грабившие мои вещи, могут отнестись не особенно дружелюбно к моему визиту. Я хотел видеть капитана Мавары, физиономия которого мне никогда не нравилась и которого я считал вместе с радьей Наматоте главным виновником убийств и грабежей. Я отправился к его хижине, но там никого не нашел, кроме двух баб, сильно испуганных, забившихся в хижины, и нескольких плачущих детей. Я был почти что убежден, что капитан и другие туземцы-мужчины, не ожидавшие моего появления, попрятались где-нибудь поблизости, может быть, опасаясь, что я сейчас же примусь за расправу, и, увидя меня вооруженного, убежали в лес, как только я соскочил с урумбая на берег.

Расправляться с ними пока я не хотел, тем менее с женщинами и детьми, почему, не добиваясь от них ничего, вернулся к урумбаю и направился далее к о. Наматоте, где, по словам встреченного нами туземца, находились падуакан и мои слуги. Скоро можно было различить падуакан, стоящий под берегом о. Наматоте, в проливе, отделяющем последний от материка. Нетерпение моих людей по мере приближения к нашей цели возрастало, и последние полчаса гребцы исполняли хорошо свое дело. Когда мы были уже недалеко, от падуакана отделилась шлюпка, где сидели Иосиф Лопец, Ахмат и один из моих людей из Серама. Я был рад, что Лопец догадался приехать, так как единственно от него я мог узнать приблизительную истину из всего происшедшего; как только шлюпка приблизилась, я позвал его в мою каюту; он схватил мою руку и казался очень растроган; когда же вошел Давид, его земляк, он бросился обнимать его и чуть не плакал. Когда он более или менее успокоился, я приказал ему рассказать все, что он знает, прибавив, что я уже слышал многое, но желаю узнать от него подробности.

Его рассказ оказался во многом отличным от уже слышанного мною, что было совершенно естественно, потому что туземца вчера я не мог расспрашивать иначе, как через переводчика, человека из Серама, а последний имел причины, как оказывалось, не переводить всего, что было ему передаваемо. Лопец начал свой рассказ с жаром, уверяя, что вся афера была сделана сообща людьми Бичару, Наматоте, Мавары и оставленными мною людьми Серама. Частная месть была причиною убийств жены и дочери старика радьи Айдумы. Зная это и прельщенные добычею моих вещей, которых хватило всем, люди

Наматоте, Мавары вместе с моими слугами из Серама решили пожертвовать семьей и друзьями старика Таноме, радьи Айдумы, ограбить меня и свалить всю вину на людей из бухты Бичары. Иосиф был в этом вполне убежден, уверяя меня, что, когда он услышал крики и гвалт схватки на берегу, он роздал амуницию, порох и пули всем нашим людям, чтобы встретить нападающих; люди мои действительно принялись стрелять, но, как уверял Иосиф, стреляли одними холостыми зарядами, и не потому, что боялись быть убитыми жителями Бичару, а просто потому, что были в стачке с ними. Это мне показалось совершенно правдоподобным, так как я не сомневался, что восемь человек, вооруженных ружьями, без особого труда могли обратить в бегство сотню туземцев, вооруженных копьями, если бы они действительно стреляли пулями и дробью.

6 апреля. Радьи Айдумы и Наматоте старались всеми силами нравиться мне: пожимали беспрестанно мне руки, изъявляли желание всюду следовать за мной, предлагали собрать всех папуасов в Байкалу или куда только я пожелаю.

Серамцы просят в свою очередь не верить ни одному их слову и видят новые сети.

Восемь человек моих людей – серамцев больны лихорадкой.

Вечером Иосиф пришел сказать мне, что оба радьи говорят моим матросам, чтобы они за себя не боялись, что им никто ничего не сделает. Серамцы этому верят, но сильно трусят за меня или, вернее, за самих себя, полагая, что в случае, если меня здесь убьют, им достанется от голландского правительства, когда они вернутся домой.

7 апреля. Измерил череп, который взял с гробницы на о. Наматоте и который оказался очень интересным, имея индекс ширины, равный 62; я смерил его 2 раза, думая, что в первый раз ошибся.

8 апреля. Анакода приехал сказать мне, что вследствие последних событий он боится остаться здесь, что торговля в этом году плоха и что он предпочитает поэтому отправиться на острова Кей или Ару. Я приготовил 2 ящика с препаратами в спирту и черепами, которые хочу отправить с ним, и дам ему несколько писем для передачи первым голландским властям, которые встретятся. Одно будет адресовано генерал-губернатору в Батавию с кратким изложением случившегося и сообщением моего решения остаться здесь.

Между похищенными или разбитыми вещами находились, между прочим, две банки с хиною. У меня остается одна неполная, почему приходится весьма экономно обходиться с приемами. Между моими людьми очень много больных: из 16 матросов только 4 здоровы.

11 апреля. Отправился, наконец, на о. Айдуму. Выбрал будущим местом жительства Умбурмету, положение которой мне кажется более здоровым в сравнении с Байкала. Когда выбирал вечером место для моей хижины, серамцы стали снова ворчать; я сейчас же прекратил это ворчание, заявив опять, что в хижине жить я буду один, а они все могут оставаться ночью и даже днем на урумбае, а что, если им и этого мало, то пусть отправляются домой, а я один останусь здесь. После этого недлиного объяснения, которое я постарался сказать, не повышая голоса, снова послышались уверения в преданности и полной готовности слушаться. Пользуясь моментом, я заставил обещать мне начать постройку хижины завтра с рассветом и построить ее как можно скорее, так как жить на урумбае в маленькой каюте мне очень надоело.

12 апреля. Я еще не встал, т. е. не было и 5 1/2 часов, как партия серамцев съехала на берег, чтобы до завтрака вырубить нужный материал для будущей хижины. Позавтракав, я съехал на берег и назначил на месте, которое Иосиф с одним из серамцев уже расчистили, и размеры хижины. Так как эта хижина будет служить мне только для ночлега, а днем – для письменных занятий, все же мои вещи останутся на урумбае, то размеры ее могли быть очень небольшие. Я назначил всего 3 м в ширину на 4 м длины, как раз достаточно

помещения для койки, в которой буду спать, для стола и для стула. Люди работали очень хорошо, так что завтра кончат хижину.

13 апреля. Хижину действительно кончили. Я провел целый день на берегу, следя за работою, и к вечеру так устал, что отложил переселение до завтра.

15 апреля. Переселился вчера и провел ночь уже в хижине; она такая дырявая (со всех сторон и снизу; сверху, однако ж, не протекает), что вечером нельзя зажечь свечи или приходится зажигать десяток раз в минуту, но это ничего; скверно то, что спать холодно. Умбурмета благодаря моему поселению, как и Айва, становится оживленною, но в Айве от песчаного берега, где вытянуты были на песке папуасские прау и где туземцы строили себе временные шалаши, до моей хижины было далеко; здесь же с моей веранды я могу видеть весь берег и все, что на нем происходит. Сегодня пришли 6 папуасских пирог с кучею народа. Вечером, просидев целый день над кое-какими анатомическими работами, я вышел на веранду и любовался игрою мальчиков и юношей на песчаном берегу. Был отлив, почему они имели большое пространство для своих игр. Они играли в войну: бросали друг в друга песчаные пули и легкие палки вместо копий. Главное искусство состояло в том, чтобы бросить ком песку или копье и потом быстро увернуться, броситься в сторону или на землю или прыгнуть высоко и избежать тем копья, направленного в ноги. Трех- и четырехлетние мальчики участвовали в игре, которая очень интересовала 14- и 15-летних юношей. Здесь, как и в других местах Новой Гвинеи, дети замечательно рано начинают упражняться в попадании в цель: они бросают чем попало и во что случится и достигают в этом большой ловкости.

Имел с Давидом и Иосифом серьезный разговор. Я начал с того, что спросил их: побоятся ли они остаться здесь со мною, если я позволю урумбаю вернуться в Серам? На что они оба ответили очень положительно, что боятся, потому что папуасы готовы здесь убить человека из-за пустой бутылки или старой тарелки. Они прибавили, что это общее мнение, что на них невозможно положиться и что серамцы, несмотря на общую выгоду сохранить мирные отношения, трусят каждую ночь, боясь неожиданного нападения. Если мы останемся здесь вчетвером, то есть я, Давид, Иосиф и Ахмат, то нам не сдобровать. Затем оба прибавили, что у каждого жена и дети.

Вследствие этого разговора я принужден был задержать урумбай.

Часов в 10 вечера пришла пирога с людьми Айдумы с очень интересным известием, оправдавшим предположения моих людей и подтверждающим выраженное ими мнение, что здесь невозможно полагаться на туземцев. Известие состояло в следующем: на днях (кажется, вчера) около 300 человек из горных деревень около Телок-Камрау, преимущественно из деревень Мамай, Рина и др., приходили действительно в Айву с намерением убить меня и разграбить окончательно вещи. Эта экспедиция очень разочаровалась, найдя в Айве одни обгорелые столбы вместо хижины и людей.

Темная ночь; серамцы, как говорит Давид, очень встревожились известием и очень трусят. Давид просил меня не спать здесь, а вместе с моими людьми в урумбае. Я не согласился.

17 апреля. Опять тревога. Новое известие, пришедшее к вечеру. Говорят, что люди Наматоте и Мавары хотят напасть на меня ночью или на рассвете и, если придут, то, вероятно, в значительном числе. Мои люди так встревожены, что ожидают нападения непременно в эту ночь – ведь у страха глаза и уши велики, а главное, страх заразителен. Мне кажется по временам, что все происходящее вокруг меня я вижу во сне, а не наяву.

Я, разумеется, постарался ободрить моих людей и даже успел рассмешить их всех, спросив, каким образом они думают, что горные жители попадут сюда, не имея пирог: или же станут гоняться за урумбаем по морю? Я наотрез отказался перебраться из хижины на урумбай.

Приходится, однако ж, при общей тревоге и возможности нападения лечь спать одетым.

18 апреля. Рисовал портреты туземцев, выбрав не особенно красивые или безобразные физиономии, а именно те, которые подходят всех более к общему типу. Надо сказать, что вообще разнообразие физиономий вследствие разнородной примеси здесь гораздо значительнее, чем, например, на Берегу Маклая, даже у здешних горных жителей, как, например, вуоусирау. Во всяком случае, форма носа не может считаться характеристичною чертою, как того хотят антропологи, не выезжавшие из Европы и делящие род человеческий на расы, сидя в удобных креслах в своих кабинетах. Между папуасами здесь (я разумею собственно тех, которые не представляют заметного характера смешанной расы) можно встретить носы плоские, приплюснутые, прямые, крючковатые и, наконец, такие, у которых кончик носа свешивается низко над верхнею губою.

Умбурмета

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

19 апреля. > Видел сегодня и осмотрел внимательно на днях родившегося папуасского ребенка. Передняя часть тела, руки и лицо были значительно светлее сравнительно со спиною и лбом. Тело было желто-розоватое, с примесью сероватого тона. Волоса – вьющиеся большими кольцами. Меня уверяла мать ребенка, что отец его – ее муж, но при отношениях здешних женщин к серамцам, макассарцам и другим посетителям антропологу, если он не желает ошибиться, не следует верить их рассказам. Сомнение это сильно уменьшает значение и вес наблюдений.

Ивотей с острова Айдума

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Женщина лет 35 с острова Айдума

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Мои слуги Давид и Иосиф сделали сегодня очень серьезное и далеко не приятное открытие. Оказывается, действительно, что мои же люди воспользовались грабежом моих вещей в Айве и вместе с людьми Наматоте и Мавары расхитили их, а также вещи моих слуг (Давида и Иосифа), после того как люди из Телок-Бичару ушли к себе. Некоторые из этих вещей были замечены сегодня в татумбу (род корзины) одного из серамцев, именно Стенберга, много других (моих же вещей) были променены им на масой. Это наглядно доказало, что мне нельзя доверяться не только папуасам, но даже и своим людям. Последние дни дул свежий W и WNW и волнение было значительное.

21 апреля. Под утро был разбужен криками, которые произвели общую тревогу. Оказалось, однако же, что причиною тому была небольшая прау, пришедшая из Горама. Матален Сенгриа с о. Горама, анакода пришедшей прау, и несколько человек горамцев пришли ко мне с визитом и сказали, что прибыли сюда, надеясь встретить на этом берегу анакоду Чечонэ, чтобы торговать его товаром и, узнав, что падуакан Чечонэ уже покинул этот берег, они думают вернуться назад в Горам.

Маус, 17 лет, с острова Айдума

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Мои люди снова сильно перепугались. Множество пирог показались у мыска. Сейчас же было предположено, что люди Наматоте собираются напасть на нас, и когда все пироги снова, вместо того чтобы идти вперед, вернулись и скрылись за мысом, в этом обстоятельстве было найдено подтверждение, что это случилось вследствие неожиданного прихода прау из Горама. Все это может быть и правда, а может быть – и даже вероятнее – чистая выдумка. Серамцы так возбуждены, что во всем готовы видеть неминуемую опасность.

Смерил очень аккуратно головы нескольких мальчиков.

22 апреля. Охота бедна, беднее, чем на материке, в Айве. Присутствовал при бракосочетании Тагара с дочерью старого радьи Айдума. Это был совершенно простой торг. Тагар купил ее за ружье, ценность которого на о-вах Серам считается десять флоринов; в придачу был дан кусок белой бумажной материи в 2 1/2 флорина, итого 12 1/2 флорина, что составит [...].[115] Тагар должен, однако же, ждать до следующего муссона, чтобы взять жену в Серам. Она, впрочем, девица не слишком юная, на вид ей за 20, что здесь далеко не первая молодость. До Тагара она, разумеется, имела уже не одну связь, и сегодня утром я был немало удивлен, получив приглашение на их свадьбу, так как я считал их уже давно мужем и женою, что и было *de facto*, а сегодня сделалось *de jure*.

Ямба с острова Айдума

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Грай с пробуравленной носовой перегородкой. Папуа-Нотан

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

23 апреля. Встал рано, думая отправиться на охоту с Давидом. Пока я пил кофе, любясь видом гор при утреннем освещении, Иосиф рассказал мне, что ночью была снова большая тревога. Пришла какая-то пирога из Мавара; когда ее окликнули, она хотела удалиться; он, Иосиф, звал меня с урумбая, но я, видно, спал, так как ничего не ответил. Я действительно спал очень крепко прошлую ночь, и все, что Иосиф рассказывал, было для меня новостью. Иосиф прибавил, что капитан Мавара – одна из главных личностей, которая грабила мои вещи в Айве, и вообще причина происшедшего там находится именно в той пироге, которая прибыла ночью. «А радьи Наматоте там нет?» – спросил я. «Не видал», – отвечал Иосиф. – «Очень жаль, хорошо было бы захватить их обоих». Иосиф посмотрел на меня очень вопросительно. Я сам не знал, что предприму, однако ж, решил не выпустить живым этого человека. Не следовало терять времени: я послал Иосифа за Давидом, а сам допивал кофе, обдумывая, как удобнее все устроить.

Давид явился, и я объяснил ему в двух словах, что решил взять капитана Мавара живым или мертвым, что нам не придется после этого долго оставаться здесь и чтобы он зарядил все ружья, пока я соберу мои бумаги и книги. Наша работа шла быстро; и когда двое из серамцев пришли с Иосифом, мои бумаги, книги и белье были уже уложены мною. Иосиф объявил, что не ошибся и что капитан Мавара находится в пироге. Я приказал Давиду оставаться при ружьях, Иосифу идти со мною и, обращаясь к Мойбириту – чистокровному папуасу, который почему-то всегда весело и беспрекословно исполнял мои приказания, спросил: «А ты боишься идти со мной или нет?» – «Нет, – отвечал он, – если ты пойдешь первый». Я указал

ему на крепкую веревку, надеясь, что не револьвера, а веревки будет достаточно для капитана Мавары.

С веранды я мог видеть положение всех и каждого и невольно заметил весьма значительное число папуасов сравнительно с моими людьми; хотя я их не считал, но полагаю, что их было раза в три больше нас. Промелькнула мысль: «А ну если все они кинутся защищать капитана Мавары?» Хотя я не сомневался в исходе дела даже и в таком случае, но мне жаль было допустить возможность резни, в которой все-таки я буду виновен. Но это была только минута; я припомнил вид моей разграбленной хижины в Айве, лужи крови, несчастного ребенка на моем столе и кровавые следы ее матери, убитой также в моей комнате. Жаль, что другого нет, подумал я, и вернулся в комнату. «Так пойдем, – сказал я ожидавшему, – никому ничего не говорить, не кричать, а слушать и делать, что прикажу». Вышли как ни в чем не бывало.

Разумеется, ни у кого на песчаном берегу, кроме меня и моих людей, не было даже ни малейшего понятия о том, что произойдет; только Давид и Иосиф знали, что я возьму или убью капитана Мавары, но как – этого даже и я не знал и считал – безразлично, так как взять его было решено. Большинство людей занимались приготовлением завтрака; мои серамцы завтракали в урумбае, только немногие были на берегу, любезничая с молодыми папуасками и выбирая себе невест.

Медленно переходя от одной группы к другой, я, наконец, подошел к пироге, где притаился капитан Мавара и боялся показаться. «Где здесь капитан Мавара?» – спросил я не особенно громким голосом. Ответа не было, но все голоса затихли и много физиономий обернулись, как бы ожидая чего-то. «Капитан Мавара, выходи», – повторил я громче. Общее молчание. Я совсем подошел к пироге. «Выходи же», – были мои последние слова. Тут я сорвал циновку, служившую крышей пироге. В ней действительно сидел капитан. «СлаMAT, туан», – произнес он дрожащим голосом. «Так это ты, который грабил мои вещи вместе с людьми Телок-Камрау! Где теперь радья Наматоте?» – «Не знаю», – еще более слабым голосом произнес этот человек, который был вдвое или втрое сильнее меня и дрожал всем телом. Все папуасы и мои люди окружили нас. «Смотри за людьми», – шепнул я Иосифу, а сам схватил капитана за горло и, приставив револьвер ко рту, приказал Мойбириту связать ему руки. После этого я обратился к папуасам и сказал: «Я беру этого человека, который грабил мои вещи в Айве, помогал людям Камрау, которого я оставил в Айве стеречь мою хижину и который расхитил, что было в ней, допустил, чтобы в моих комнатах убили женщин и детей. Возьмите его сейчас же на урумбай. Мойбирит и ты, Сангиль, как начальник моих людей из Серама, будешь отвечать за него».

Мне казалось, что следует покончить дело как можно скорее, а главное, не позволить, не дать времени людям опомниться и не допустить какого-нибудь совещания. Видя, что мои серамцы убедились в необходимости живо слушаться и уже потащили моего пленника в урумбай, я, спокойно кладя револьвер обратно в футляр у пояса, обратился к туземцам и сказал: «Я не сержусь на вас, а только на начальников, капитана Мавары и радью Наматоте, которые были заодно и делали то же, что люди Телок-Камрау». Заметив, что некоторые были вооружены, я предложил им оставить оружие в стороне, так как никто их не тронет, и помочь моим людям перенести вещи мои из хижины на урумбай.

Мои слова произвели хорошее впечатление на туземцев; серьезные лица приняли веселое выражение. Все снова заговорили и принялись перетаскивать мои вещи из хижины в урумбай. Давид и Иосиф распоряжались очень расторопно. Мои люди, не полагаясь на мирный исход, оставались вооруженными, и все ружья на урумбае были заряжены. Я принял предосторожность положительно запретить, чтобы какая-либо пирога покинула Умбурмету, и приставил Иосифа, Ахмата и радью Айдумы исключительно следить за исполнением этого приказания.

В один час все было перенесено на урумбай, и мы могли бы отправиться в путь каждую

минуту. Я не забыл, однако, об интересном черепе, который находился на могиле недалеко от дома старого радьи и который я до сих пор не хотел трогать из нежелания показать туземцам, что я не уважаю гробницы их родственников. Теперь же, уходя, я не хотел оставить интересный антропологический препарат в лесу в добычу сырости и времени. Надо было ухитриться удалить всех с того места на несколько минут, так как даже и теперь я не желал сделать похищение этого черепа открыто. Я послал серамцев поэтому на урумбай готовиться к уходу, других за водою, шепнув несколько слов Давиду, сказал туземцам, что иду успокоить женщин и проститься с ними. Я рассчитывал, что все мужчины пойдут со мною, в чем и не ошибся.

Женщины, как только произошел арест капитана Мавары, вероятно, боясь насилия, сочли более благоразумным немедленно убраться со сцены и спрятались в старом доме радьи Айдумы. Может быть, они сделали это по приказанию мужчин.

Капитан Мавара

Фотография, сделанная Н. Н. Миклухо-Маклаем

Я отправился к дому и вызвал женщин, которым сказал с помощью переводчика, чтобы они ничего не боялись, что я им ничего не сделаю, не убью и не увезу никого насильно с собою и чтобы они передали бы мои слова другим. Я велел им также передать жене капитана Мавары, что я его взял потому, что он вместе с другими грабил мои вещи, вместо того чтобы защищать их, но что я, однако ж, ничего с ее мужем не сделаю, а только отвезу его в Амбоину на суд резидента. Увидя жену Тагара, я позвал ее и подарил ей кусок красной бумажной материи и много табаку. Я думал, что застаю ее в большом горе по случаю отъезда ее молодого мужа, но замечательно, как мало грусти или даже неудовольствия выражала довольно миловидная физиономия ее при расставании со своим супругом, с которым она жила только один месяц и который вряд ли в такое короткое время мог уже надоесть ей. Я подумал: или европейские женщины притворяются в таких случаях, или папуасские дамы очень отличны от первых. Мне сказали, что одна из жен капитана Мавары находится между женщинами. Я сейчас предложил ей сопровождать мужа, думая, что ее обязанность сделать это. Она не захотела и вовсе не казалась опечаленною участью мужа.

Мне пришли сказать, что вода была забрана. Простившись окончательно с туземцами, которым предоставил значительное количество

табаку, я переехал на урумбай в одной из туземных пирог и, убедившись, что все в исправности, приказал поднять паруса и при легком S ветре направился к о. Ади. Отошедши несколько миль от берега, я приказал развязать руки моему пленнику и дал ему есть. Он сделался очень послушным и стал стараться подружиться с моими людьми. Он предлагал им, как я это узнал от моих амбоинских слуг, значительное количество продуктов Новой Гвинеи, если они помогут ему бежать при первой возможности.

Чтобы помешать исполнению этого плана, я в продолжение восьми дней пути до о. Кильвару нигде не останавливался, несмотря на просьбы людей зайти куда-нибудь за свежую провизию и на то, что вода, взятая в Умбурмете, начала портиться. Раз мне даже пришлось пригрозить огнестрельным оружием, чтобы сохранить дисциплину.

Придя в Кильвару 29 апреля, я передал моего пленника радье Кильвару, сказав последнему, что он будет отвечать перед резидентом Амбоины в случае побега капитана Мавары, и предупредил его, что он должен остерегаться, что люди Гесира ради выгоды (обещанных капитаном Мавары произведений Новой Гвинеи), пожалуй, будут склонны помочь ему.

Я послал Иосифа на небольшой прау с 5 человеками экипажа на о. Банду с письмом к

резиденту Амбоины, который, однако ж, прибыл в Кильвару не ранее 21 мая; это время я прожил на островке Кильвару и сделал несколько интересных наблюдений над малайо-папуасской помесью и вообще немало интересных наблюдений по этиологии. Капитан Мавара был взят на пароходе «Бали» резидентом в Амбоину, а затем переслан, кажется, в Тидор. Наказание его было поселение или, вернее, переселение из Новой Гвинеи, а не собственно тюремное заключение.

Возвращение из Папуа-Ковиай

24 апреля – 30 мая 1874 г.

26 апреля. Открывшиеся на S острова все серамцы и я считали за группу Матабелло{75}, но к 4 часам оказалось, что это о-ва Горам и Мановолка. Прошлого ночью был свежий ветер, говорят (я спал), и притом течение на NW, вероятно, подвинуло нас сильно к N.

27<апреля>. Очень неприятный сюрприз: острова, которые считали вчера, оказались утром о-вами Каймер и Кур. Ошибка очень неприятная. Опять доказательство: не верь другим.

Зыбь большая. Ветер SO.

Воды было немного, но я не зашел на о. Теур, как просили матросы, а прошел прямо до о. Матабелло. Бросили якорь около двух горамских прау. От этих людей я узнал, что пароход с контролером{76} заходил в Гесир, но вернулся дней 20 тому назад в Амбон.

28 апреля. Попутным SO направился к Гораму. Погода стоит очень хорошая.

Вечером зашел в Амар – деревня на берегу Горама, резиденция радьи Амара – узнать об нем и об радье Лоодс, а также чтобы купить курицу, так как денденг{77} и рис очень надоели. Жена радьи Амар, который, к сожалению моему, находился теперь на о. Кой, узнав о моем приходе, снабдила меня курами, кокосами в таком количестве, что я не хотел даже принять такое множество, за которое не хотела принять платы. Я узнал, что пароход приходил в Гесир дней 20 тому назад с резидентом Амбона. Я приказал сняться, как только люди мои вернулись с берега, и объявил моим людям, что во всяком случае хочу быть завтра утром в Гесире. Мои серамцы привыкли немного слушаться, хотя для этого необходима была угроза тюрьмой в Амбоне или подчас револьвер и выстрел в крайнем случае, принялись за весла и прогребли от захода солнца до полночи. Пройдя о. Пулу-Паньянг, легкий SO позволил оставить весла. Отсюда до Серам-Лаут большая мель, коралловые банки и несколько небольших островов. Если бы не луна и не знакомство фарватера этой местности, пришлось бы отложить надежду быть завтра в Гесире, но ветер был почти попутный, и боязнь гресть утром при безветрии воодушевила или поддержала дух людей, и я утром благополучно увидел Марлаут и горы Серама.

<9 апреля. > Утро было ясное, как все эти дни, и урумбай, украшенный 4 флагами, под всеми парусами, которым помогали еще 12 весел, при звуках 2 тиф, гонга и частых ружейных выстрелов торжественно подвигался к острову. Мои люди были немало удивлены, когда вместо Гесира я приказал направиться к о. Кильвару, где меня радушно встретили старый и молодой радья Кильвару. Узнав главные новости, что пароход был здесь, но ушел дней 20 тому назад, что радья Лоодс должен ждать на о. Банда парохода, чтобы отправиться за мною, я передал моих пленников радье и сказал ему, что намерен жить у него.

Перебравшись в его дом, «рума битчара»{78}, я отпустил урумбай в Гесир. Решил вечером

отправить Иосифа с письмами резиденту и ассистенту резидента в Банду и Амбон, рассчитывая, что почтовый пароход придет в Банду 1 мая и захватит письма. Писал до 12 часов.

30 апреля. Иосиф отправился в 8 часов в небольшой йонке{79} на о. Банду с 5 человеками экипажа.

Вечером отправился в Кильфура. Радья Кильвару (сказал), что люди Серама были в заговоре с папуасами в моей истории.

1 мая. Рисовал два интересных типа женщин, а также смесь серамцев с папуасами. Отправился в 4 часа в Серам-Лаут. Достал череп серамца.

1) Волоса смеси

6 серамцев <i>> 9 папуасок курчавы; некоторые – более папуасский тип, другие – более малайский. Между ними головы встре[чаются] очень брахиоцефальные.

2) Нос очень изменяет форму вследствие пробуравливания носовой перегородки (костью рыбы или иглою), представ[ляется] очень плоским, с висячим куском мяса.

2 мая. Ночью я был 2 раза разбужен, сперва звуками тифы около мечети и около хижины радьи; было лунное затмение.

Около 2 часов – много громких и оживленно говорящих голосов, из которых я мог расслышать слово «убежал», заставили меня встать поспешно с постели и выйти.

От женщины, которая живет в доме, где нах[одились] мои пленники, я узнал, что капитан Мавара убежал, но что немедля много людей побежало за ним ловить его. Я оделся и, схватив первое ружье, попавшееся под руку, также поспешил на поиски. На другом берегу острова я встретил людей, ведущих сильно сопротивлявшегося папуаса. При виде меня с ружьем и при моих словах: «Этот человек убежал, теперь я его убью, как предупредил!» – он так сильно отскочил, что вырвался на минуту из рук ведущих его. Так как я его передал радье, то я оставил его на произвол последнего. Несмотря на сопротивление, крики, обе его ноги замкнули в блок. Как я узнал потом, его догнали у самого берега. Он уже был в воде и хотел защищаться от погони камнями, но когда ему сказали, что если он не вернется, в него будут стрелять, он сдался.

Валас ошибочно говорит, что вода в Кильвару хорошая и что деревьев нет{80}. Несколько громадных *Ficus indica* стоят у мечетей, и зелени довольно. Остров понижается: многие гробницы в воде, а также корни больших старых деревьев обнажены приливом.

Остров был, как мне сообщил радья, соединен с Серам-Лаут, но вследствие войн жители Кильвару вздумали прорыть очень небольшой канал через перешеек. Вода dokonчила работу. Теперь канал широкий, но при отливе можно удобно пройти в Серам-Лаут, вода доходит до колена. Но он помнит, что <i>были> видны корни деревьев, росших прежде на перешейке. <i>...>

3 мая. Traubenf?rmige Br?ste der Papua-M?dchen. – Kleiner Wuchs und Neigung zum fett werden. – Kinder von ? und ?Papua haben lockiges Haar und einen bald mehr Papua-andere

Malayen-typus. Ein Exemplar v. Ceram-Laut besonders bemerkenswert dadurch dass der Papua-typus fast nicht bemerklich ist, die Mutter aber von sehr pregnanten Papua-typus.[116]

4 мая. <i>...> Иосиф вернулся с хорошими известиями из Банды. Пароход находится в Амбоине. Он употребил 24 часа до Банды и 3 дня назад.

5 мая. Лихорадка.

Вечером разговаривал с радья муда об жителях Серама. Он говорит, что алифуру (жители гор) совершенно подобны жителям берегов, что в Сераме нет курчавоволосых людей. Он уверял, что между алифуру есть жители с хвостами (оранг апа пакай акор), состоящими из волос. Он сравнил [ал] этот хвост с косою китайцев. Их называют здесь «оран-суанги», и они находятся на многих горах около Амахай, около Кваус ets. Радья муда был убежден, что «суанги» могут быть невидимы. Так, например, здесь говорят, что между обоими муссонами в мес[яце] апреле-мае суанги сходят с гор и крадут детей. Радья муда видел такой пример и отыскал ребенка со многими людьми, ударяя в тифу и с песней, обещая подарки, если оставят ребенка, которого нашли с заткнутыми ртом, ушами, носом листьями у берега моря!

Он убежден, что ночью невидимые суанги могут причинить зло людям, которых замечают. Несколько дней спустя лихорадка, которая кончается смертью.

6 <мая>. Отправил Давида в Серам-Лаут за оленем. Вечером

<1 нрзб> без женщин.

7 <мая>. Давид вернулся, видел вчера, но не застрелил оленя. Вечером опять пляска. Люди Серам-Лаут (прента{81}Кильвару) приехали приготовить «рума битчара» к приезду резидента. Их пляска была тем отлична от обычных чикалеле, что пляшущие представляли какое-нибудь действие, например ловлю рыбы. Люди гребли, потом явился один, который представлял рыбу. Один из гребущих несколько раз неудачно бросал копье и при каждой неудаче бил рулевого; наконец, поймал, но рыба оборвалась, другой заступил его место. Начали тащить, потом несколько раз представили, что рыба так сильно ударила хвостом рыбака, что его должны были на руках нести. Наконец, кончилось представление – рыбу словили. <...>

8 мая. Ждал парохода! Рисовал Бунгарая. В 4 часа отправился в Айялену. Красивый вид: гробницы семейства радьи Кильвару. Промок. Один из людей Макассара пришел с подарками (райск[ие] птиц[ы]), которому я отказал. <...>

Бунгарая. Остров Кильвару

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. Май 1874 г.

9 мая. Выкупался утром при рассвете – последствием была лихорадка. Вечером, незваная, пришла Бунгарая – я не мог воздержаться и отослать ее! Хотя было не более 7 часов. Я предполагаю, что папуасские ласки мужчин иного рода, чем европейские, по крайней мере Бунгарая с удивлением следила за каждым моим движением и хотя часто улыбалась, но я не думаю, что это было только следствием удовольствия. <...>

10 мая. Ждал парохода. Вечером отправился в Кильфуру.

Вечером опять пришла Бунгарая. Утром при уходе я подарил ей кусок катуна, которым она, кажется, не осталась довольна; так как у меня остается всего-навсего 1/2 gulden'a, то денег не пришлось дать. Она говорила что-то, но я не мог понять, кажется, просила денег, желала серег, браслет. Слыша, что я хохочу (было темно), она что-то стала сердито бормотать, я еще более хохотал, она несколько раз толкала меня в бок не слишком нежно, потом даже намеревалась с досады укусить (!) меня раза два. Я ее успокоил. <...>

11 мая. Парохода нет. Папуасов ? и ? обрезают, когда они остаются здесь жить, больших и малых. Браки между серамцами и папуасами относительно редки, папуасы женятся между

собою. Браки серамцев благослов[лены]

<1 нрзб> десятком детей.

<12 мая> <...> Написал письмо Русскому географическому обществу об 2-й моей экспедиции в Новую Гвинею.

Каждый день приходят ко мне разные начальники окрестных местностей с сообщени[ями] об убийствах, кражах, насилии, большинство с Тана-Бесар (Серам). Я их утешаю, что Туан-Бесар{82}

<1 нрзб> и разберет их дела.

Узнал следующее о хонги Тидоре. 2 февраля. Начальник: Себиар, радья Румасол; в кора-кор[a]{83} 40 оран. Хати-Хати, Румбати, Патипи.

<1 нрзб., зачеркн. >

Требовавшие 15 человек от Румбати на основании письма султана Тидорского. Приходят каждый год, спрашив[ают] даже дань с купеческ[их] прау.

Залив MacGlueг серамцы называют Телок-Берау.

13 мая. Между людьми, прибывшими с орау-Лагуа-Денама, встретился молодой серамец, лет 19, с 4 Матмае.[117] Два верхних были нормальной величины, два нижних – <v> 1/2 меньше. Совершенно симметричны. Ни у отца, ни у матери нет подобной аномалии, ни у сестры.

Люди уверяют, что <y> некоторых людей (в одном семействе) между горными жителями встречаются люди с хвостами, уверяют, что и теперь есть один с небольшим. Но все слышали и говорят, но ни один не видал.

Лагуа с двумя парами сосков из деревни Денама (Серам). Кильвару

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 14 мая 1874 г.

Было 7 часов вечера, я сидел за моим скудным ужином, когда на минуту люди мои вышли оба на заднюю веранду. Бунгарая осторожно пробралась мимо меня в спальню. Пришлось ее спрятать, хорошо, что у кровати есть занавески. Принесла тарелку яиц. Странно, что пришла, и еще незваная, да с подарком, когда я ей 3-го дня ничего не дал.

14 мая. Родословная радьи Кильвару.

Тутуктолу: Гесир. Кильтай. Кильвару.

Серам-Лаут. Кампонг: Намаломи. Каранг.

Енамлас (пасир). Мар. Ваваса. Вачика (Бутон). Ена.

Ревап. Вайнсола (Сунги). Киликвай. Беба. Ватуо.

Араулу. Моса. Арабуа. Ватига. Обас. Аркел.

Килибия. Кильфура. 750 человек (рабочих голов) <было> в прежнее время до оспы.

С о. Серам-Лаут вышли 4 человека:

Уан, Соса, Маники, Тофи. <Из них Соси и Тофи переселились на о. > Гесир, <Маники – на о. > Банда, <Уан – на о. > Кефинг{84}.

Там говор[ит]: режь наверху. О спросила, откуда <он>. (Ответил:) Серам-Лаут. Он спр[осил], откуда женщина? – С неба. Женился. 3 мальчика: Боки, Тингалаин, Маслаин. 1) Сакасифа, 2) Сатерия, 3) Катибеси – Рату – Лулунбеси (Амбон, Кильвару).

Женился в Кильвару. Сын Омин отп[равился] и Кефинг и Туйнау. Там во время вечерней пляски он увидел крас[ивую] женщину и сказал <что>, если поп[адет] ей в грудь, то женщина <будет ему принадлежать>, если нет, он

<2 нрзб. >. Попал и женился. Сын Сумат

<1 нрзб. > хотел

<1 нрзб. > в Кильвару. Амир сделал прау. Сын Налан. Сын этого – Кабреси – отп[равил] в Яву и Батавию отр[яд] к генерал-губернатору за письмами, кот[орый] дал палку и камзол с галунами. 1. Бакор; 2. Канакан – Бойфалит; 3. Тоу; 4. Татабаут; 5. Талиса; 6. Лебефалит; 7. Динлат; 8. Гасан; <9>. Анчама; <10>. Хорит.

Бунгарая опять приходила.

15 мая. Думаю около 20-го отправиться в Амбон, но сперва в Банду. Сегодня такой отлив, что отмель соединила Кильвару с Серам-Лаут.

Здешние жители обходятся нехорошо с папуасскими детьми, которых покупали и выменивают в Папуа. Положение их не лучше рабства.

16 мая. Отправился в хижину, где мои люди видели маленького папуасенка под хижиную вместе с козами. Я вошел в хижину и увидел несчастное создание лет 2 или 3 с ужасными худыми ногами и руками, который при виде меня закричал и пополз. Ноги были с ранами. Я приказал позвать хозяина и от гнева весь дрожал, трудно было стоять на ногах. Я сделал очень строгий выговор капитану Кильтай и намер[ен] довести до сведения ген. – губернатору и просить защиты этих несчастных противу серамцев.

Не следует позволить вывозить маленьких детей без матерей из Гвинеи{85}.

Вода поднялась сегодня так высоко, что залила часть острова между хижинами. Прибывшие люди Кефинг привезли известие, что пароход находится уже несколько дней в Банде.

17 мая. Мерил и вычислял отношение между ростом, обхватом, длиной и шириной черепа папуасов Онин и Нотан. Между ?? встречаются чаще брахицефальные головы, чем между ???. Рост очень различ[ен], между ?? от 1750–1480 мм, между ?? 1510–1310 мм. Но между ?? встре[чаются] еще меньш[ие] ростом.

Также волоса папуасов различно завиты. Например, капитан Мавара, Ивотей. Очень многое зависит от ухода за ними.

Несомненно, что и у них встречается индивидуальное различие в степени завитости, длине и цвете. Не надо забывать, что у новорожденных папуасов волоса не совсем черны[е] и не курчавы[е], а только слегка завит[ые] и даже прямые. Итак, вероятно, что папуасы, как и негры, очень измененное племя, происшедшее от индифферентного родоначальн[ого] племени с курчавыми и прямыми волосами.

Также неверно, что человек – животное с гладким лбом.

18 мая. Неполный альбинизм.

Падуакан из Банды привез известие, что пароход, вероятно, придет завтра. Я решил утром отправиться в Амбон via Банда, 21-го.

Интересная акула.

При последнем сильном землетрясении (лет 10 или бол[ее] тому назад) о. Кильвару понизился.

Каждый день приходит Бунгарая.

Во время отлива можно видеть на отлогом песчаном берегу источники пресной воды, которые в обыкновенное время покрыты слоем морской воды. Они совершенно подобны тем, которые находятся на острове.

19 мая. Приобрел сегодня голову и два эмбриона акулы. Эмбрионы особенно интересны.

Люди с жалобами и больные надоедают каждый день.

Женщины здесь, особенно жены и родственницы радий, мажут лицо (лоб, щеки) рисового водою, что очень обезображивает их физиономии. Малайцам это, напротив, нравится.

Макассарские купцы ввели здесь обычай надевать маленьким девочкам сердцеобразную серебряную дощечку, закрывающую mons Veneris.

Манук тируту (Серам, Папуа-Онин), ланда (малайское название) – животное, которое встречается в Папуа-Онин (Ко рас). Его привозили в Манаволку (радя Амар), в Кильвару etc. По описаниям, это животное ежеобразное, с крепкими иглами и острым рылом, может скатываться в шар и рыть длинные ходы в земле.

Скука ждать парохода!! Если бы знал, что придется так долго ждать, давно бы отправился бы в Амбон!

Вино, сахар, кофе на исходе. Денег, рису, бисквитов более нет!.

Мая 21. В 4 часа пополудни пароход «Бали» бросил якорь в проливе между Кильвару и Гесиром. Резидент передал мне много писем, но между ними не нашлось ни одно от матери, Ольги или Л. Мещерского!

22 <мая>. Рассчитался в присутствии резидента с серамцами, заплатив за урумбай 50 fl. рго[118] человека – 10.

Я простил Стенбергу{86}.

Итак, экскурсия обошлась мне:

до и в Нов. Гвин. – 192,

в Кильвару – 212.

Урумбай 2 месяца и 16 матросов – 404.

Амбоинцам – 160.

Получил от Dummler et C° 1500 fl.

23 <мая>. «Бали» зашел в Утумуру за контролером, потом направился к о. Банда, куда прибыл 24-го в 7 часов утра.

Банда. Поселился вследствие нездоровья у г-на de Bordes. Думаю отправиться с г-ном Ланцем снова в Новую Гвинею, оттуда на острова Кей и Ару.

28 <мая>. В 5 часов снялись с якоря. Проходя гору Апи, кратер был ясно виден в виде отверстия на западном склоне. Он был окружен темноватым краем. Подойти к нему, кажется, невозможно и с вершины вряд ли можно смотреть в кратер.

29 <мая>. Заходили в залив Хая за арестантами.

30 <мая>. Заходили в Сапаруу утром, а в 4 часа пополудни пришли на Амбонский рейд, где увидели пароход «Ангер», присланный из Сурабаи для отправления в Новую Гвинею за мною.

31 <мая>. Амбон.

Моя вторая экскурсия на Новую Гвинею

(февраль—май 1874 г.)

Письмо г-ну секретарю Императорского Русского географического общества

Милостивый государь!

Как вы из предыдущих писем знаете, целью моего второго путешествия в Новую Гвинею был юго-западный берег ее, а именно берег, идущий на восток от высокого полуострова Кумавы (полуострова принца Оранье-Нассауского){87}.

Этот берег от большой реки Каруфы (на п-ове Кумаве) до мыса Буру носит туземное название Папуа-Кови?й. На север от п-ова Кумавы берег до залива Мак-Клюр (включая и его) называется Папуа-Оним; севернее залива Мак-Клюр часть берега Новой Гвинеи, против о. Салавати, имеет название Папуа-Н?тан. Это деление западного берега Новой Гвинеи я нашел распространенным между папуасами, а также в ходу между серамцами, которые издавна находятся в торговых сношениях с папуасами.

Папуа-Оним и Папуа-Нотан посещаются чаще макаassarскими и серамскими торговцами, представляя более безопасности. Папуа-Ковиай вследствие частых войн между папуасскими народцами, а также нередких убийств и грабежей торговых экспедиций имеет дурную репутацию и теперь весьма редко посещается большими макаassarскими прау (падуаканами).

Это последнее обстоятельство, т. е. меньший наплыв торговцев и меньшее влияние чужого элемента, решили мой выбор, хотя я по рассказам макаassarцев и серамцев мог заключить, что вместе с более интересным избираю и более рискованное. Уже отправляясь в Папуа-Ковиай, я ожидал что-нибудь подобное случившемуся и нашел потом ряд приключений моих совершенно соответствующим характеру населения этой страны.

23 февраля 1874 г. отправился я из Гесира (островка между восточную оконечностью о. Серама и небольшим о. Серам-Лаут) в туземном урумбае[119] на юго-западный берег Новой Гвинеи via острова: Горам, Матабелло и Ади.

Меня сопровождали двое слуг, жители о. Амбоины, и мой папуасский мальчик Ахмат; [120] экипаж урумбая состоял из 16 человек, из которых 10 были папуасы.

27 февраля бросил якорь около о. Наматоте (остров между заливом Битчару и заливом Тритон в Новой Гвинее).

Для выбора местности, удобной для постройки хижины, я посетил о. Айдуму, берег Лобо, архипелаг Мавару и, наконец, решил остаться жить на берегу Новой Гвинее, называемом Айва, находящемся против архипелага Мавара.

Папуасы были очень изумлены моим намерением жить между ними, но обходились относительно меня дружелюбно и даже очень почтительно. Так как береговые папуасы-ковийи ведут жизнь совершенно номадную, кочуя в своих пирогах из одного залива в другой, переезжая от одного берега к другому, то скоро моя хижина стала центром сбора, около которого почти постоянно теснились пироги жителей Наматоте, Айдумы, Мавары; начальники их – радья Наматоте, радья Айдумы, капитан Мавары – ежедневно посещали меня, уверяя в преданности и дружбе.

Познакомившись с окрестной местностью, я решил предпринять более далекую экскурсию. Я воспользовался обстоятельством, что вследствие W-ого муссона урумбай не мог вернуться в Гесир. Оставив для охранения хижины амбоинца Иосифа и 5 серамцев, я отправился с остальными людьми сперва на восточный берег залива Тритон, в местность, называемую Варика. Следуя моему обыкновению, оставив моих людей в урумбае, я один, невооруженный, предпринял экскурсию в горы; меня сопровождали жители гор Камака, которые называются вуоусирау. Перешед береговой хребет (около 1300 фут.), я посетил большое и очень интересное озеро Камака-Валлар, до сих пор не известное даже серамцам, которые почти ежегодно посещают эти берега. Озеро, об котором я вскоре надеюсь сообщить подробнее, находится на высоте около 500 фут. над уровнем моря (высота определена <c> помощью гипсометра Реньо), окружено горами, которые понижаются немного на юго-восток. Около озера находятся несколько хижин вуоусирау. Горы на восток, т. е. в глубь страны, необитаемы.

Из Варики я продолжал путь в урумбае, останавливаясь у островов Айдумы, Каю-Меры, Лакаия; я пробрался в узкий залив Кируру (Этна-Бай голландских карт). Я нашел, что этот залив ошибочно называется заливом, представляя род длинного пролива между материком и архипелагом низких островов, поросших мангровыми. В последний, более обширный бассейн этого мнимого залива можно попасть другими путями, проезжая более узкими проливами между островами.

По берегам пролива Кируру не оказалось селений, и только в последнем бассейне, в местности, называемой Тимбона, я нашел два полуразрушенных шалаша; также в горах несколько тропинок, срубленные стволы и сучья свидетельствуют, что эти горы посещаются папуасами. Я узнал потом, что сюда приходят от время до время туземцы за масом.[121]

Возвратившись с экскурсии в горы на урумбай, я отправился искать вдоль берега удобного якорного места для ночлега, намереваясь на другой день вернуться к морю другим проливом. Мой план был изменен неожиданным появлением 5 больших пирог, на которых находилось значительное число папуасов. Многие обстоятельства при этой встрече заставляли думать, что папуасы последовали за нами в бассейн Кируру не с дружескими намерениями, и хотя после долгих колебаний некоторые из них и взошли на урумбай, но это только увеличило подозрение моих людей, между которыми было несколько людей бывалых, которые уже много раз посещали берега Новой Гвинее и имели случай хорошо познакомиться с характером папуасов. Они говорили, что папуасы единственно для того приблизились мирно к нам, чтобы знать число людей и вооружение на урумбае и рассчитать относительные силы; они были убеждены, что туземцы ожидают ночи, чтобы напасть на нас, и очень просили меня

не оставаться здесь ночь, а выбраться скорее в море. Нехотя согласился я на их убедительные просьбы, соображая, что папуасов более 50 человек, нас всего 13 и что ночью шансы очень неравные.

Мои люди были так убеждены в близкой опасности, что замечательно усердно гребли всю ночь, и при помощи отлива к рассвету мы бросили якорь у выхода из пролива Кируру против водопада Гуру-Гуру. Весь следующий день я старался снова войти в сношения с папуасами, но ни одна пирога не приблизилась, хотя на берегу туземцы манили и звали нас в деревню. Мелководие не позволяло урумбаю подойти близко к берегу, и нежелание или опасение папуасов[122] подъехать к нам заставили меня остаться весь день на урумбае.

Далее на ЮВ от залива Лакаия берег не защищен островами, как северная часть Берега Ковиай, и не представляет надежных якорных стоянок; поэтому свежий ветер, большое волнение, сильный прибой представили серьезные неудобства продолжить путь на юг при малости урумбая и неблагонадежности вооружения его. Я решил вернуться в Айву.

Несколько слов о посещенной стране и ее жителях. Я имел случай видеть при этой экскурсии одну из самых живописных местностей Ост-Индского архипелага. Море с многочисленными заливами и проливами, отвесные скалы, высокие хребты гор с разнообразными контурами, богатая растительность представляют в Папуа-Ковиай самые эффектные комбинации, и часто пейзаж не довольно назвать «красивым», но надо назвать «величественным».

Кроме красоты природы, путешественника поражает безлюдие этой по виду роскошной страны. На всем протяжении Берега Ковиай, который я посетил (от залива Битчару до залива Лакаия), встречаются не более 3 или 4 построек, которые можно назвать хижинами; все остальные, и эти очень малочисленные, едва заслуживают название шалашей; между ними встречаются часто такие, в которых может поместиться

один человек, и то единственно в лежащем положении. Все эти жилища только временно обитаемы, и даже редко можно застать в них жителей. Все население скитается по заливам и бухтам в своих пирогах, оставаясь только несколько часов или дней в одной местности. Причина тому – главным образом постоянные войны между населением, нападение хонгий, [123] папуасов Оним, которые часто направляются к Берегу Ковиай. Постоянная опасность не позволила жителям изменить номадный образ жизни или, может быть, сделала их номадами. Население гор еще малочисленнее берегового, и только узкий береговой пояс кое-где населен. Замечателен тот факт, показывающий большую изолированность групп населения Новой Гвинеи, что ни береговые, ни горные жители Папуа-Ковиай положительно ничего не знают о Гельвинк-Бай, несмотря на узкость перешейка (особенно около залива Кируру). Горы вовнутрь не населены, и никогда жители Папуа-Ковиай не переходили и не переходят эти горы. Этот факт достоверен, потому что я часто обстоятельно расспрашивал в этом отношении жителей различных местностей и всегда получал самые отрицательные ответы.

Сравнивая образ жизни папуасов Ковиай с образом жизни папуасов Берега Маклая, встречаешь большое различие между обоими населенными. Несмотря на то что папуасы Ковиай уже давно знакомы с железом и разными орудиями, хотя они и познакомились с одеждою и даже огнестрельным оружием, хотя и носят серебряные и даже золотые украшения, но они остались и остаются номадами.

Недостаток пищи вследствие неимения плантаций и домашних животных[124] заставляет их скитаться по заливам за поиском морских животных, за ловлею рыб, бродить по лесам за добыванием некоторых плодов, листьев и корней. На вопрос при встрече: «Куда?» или «Откуда?» – я почти всегда получал от папуасов ответ: «Ищу» или «Искал, что поесть».

Папуасы Берега Маклая хотя живут совершенно изолированно от сношения с другими расами, хотя не были знакомы (до моего посещения в 1871 г.) ни с одним металлом, строили

и строят своими каменными топорами большие селения, с относительно очень удобными, часто большими хижинами, обрабатывают тщательно свои плантации, которые круглый год снабжают их пищей, имеют домашних животных – свиней, собак и кур. Вследствие оседлого образа жизни и союза многих деревень между собою войны сравнительно гораздо реже, чем между папуасами Ковиай.

Все это доказывает, что сношения в продолжение многих столетий более образованных малайцев с папуасами далеко не имели благоприятных последствий для последних, и вряд ли можно ожидать, что столкновение в будущем папуасов с европейцами, если оно ограничится только торговыми сношениями, поведет к лучшим результатам.

На возвратном пути в Айву, 2 апреля, у о. Айдумы я узнал от папуасов, что во время моего отсутствия горные жители залива Битчару напали на жителей Айдумы, которые временно поселились около моей хижины, убили варварски жену и дочь радьи Айдумы, ранили несколько людей и женщин Айдумы; что вследствие того мои люди оставили хижину в Айве, перенесли вещи мои на макассарский падуакан, пришедший недавно в Наматоте для торговли с папуасами.

Я немедленно поспешил в Наматоте и узнал еще следующее: мои соседи, береговые папуасы, жители Мавары и Наматоте, воспользовались нападением горных жителей, разграбили мои вещи, которых остатки были перевезены с помощью макассарских матросов на падуакан. Между разграбленными вещами особенно чувствительна была для меня потеря нескольких метеорологических инструментов, аппаратов для анатомических и антропологических исследований; также моя аптека и мой запас хинного и красного вина не были пощажены. К потере других вещей, забранных папуасами (белье и платье, консервы в жестянках и т. п.), я мог отнестись совершенно равнодушно, так как лишение их не изменяло моих занятий и планов.

Я хотел вернуться в Айву, но ни серамцы, ни мои амбоинские слуги не хотели следовать мне туда, боясь второго нападения папуасов.

Анакода (малайский шкипер) находился постоянно в ожидании нападения и грабежа, так что, как только я перенес мои вещи из падуакана на урумбай, он поспешно оставил Берег Ковиай, направившись на о. Кей или Ару.

Моим людям очень хотелось следовать за падуаканом, но я решил, так как мои люди все без исключения отказались жить в Айве, переселиться на о. Айдуму. Для этого я вернулся в Айву, снял атап[125] с крыши и стен моей хижины, сжег остатки ее и из перевезенных атап построил вторую хижину на о. Айдуме, в местности, называемой Умбурмета. Моя вторая хижина была меньше первой, и я жил в ней один, так как мои люди боялись проводить ночи на берегу и спали в урумбае, который находился на якоре недалеко от берега. Но мне не пришлось более жить спокойно. Обстоятельства с каждым днем усложнялись: горные и береговые папуасы действительно приходили еще раз в Айву; также узнал я, что жители Наматоте хотят напасть на мою новую резиденцию в Айдуме; каждый день являлись новости, что то те, то другие замышляют недоброе против меня, то здесь видели подозрительные прау, то там заметили свежие следы неизвестных людей, бродивших около моей хижины и даже проводивших ночь вблизи ее. То на одного, то на другого папуаса указывали мои союзники (?), жители Айдумы, как на неприятельских шпионов.

Приходилось быть настороже, носить оружие, что было скучно и утомительно. К тому я узнал еще более подробностей о грабеже. Оказалось, что моим серамским людям нельзя доверять и что даже нельзя будет ожидать от них помощи в случае нападения. Явились фактические доказательства, что один из серамцев принял участие в грабеже моих вещей в Айве, что другие находятся в интимных отношениях с папуасами, что когда горные папуасы приходили в Айву и когда мой амбоинский слуга Иосиф роздал порох и пули, чтобы прогнать их,

серамцы стреляли холостыми зарядами. Эти факты легко объясняются обстоятельством, что 3/4 моих серамских матросов были папуасы, некоторые из них были даже вывезены в малом возрасте из этих местностей.

Я поселился в Айве, имея в виду, что на материке Новой Гвинеи фауна богаче, чем на ближайших островах. Мое пребывание на о. Айдуме доказало, что я не ошибся; хотя этот остров в одном месте не отстоит далее от Новой Гвинеи, чем на 1/2 морской мили, фауна оказалась беднее. После грабежа моих вещей люди Наматоте и Мавары не осмеливались посещать мою хижину в Айдуме и только люди Айдумы, Каю-Меры, Камака оставались около моей новой резиденции, вследствие чего материал для антропологических наблюдений стал ограниченнее. При натянутом положении дел нерационально было предпринимать больших экскурсий и даже далеко отдаляться от хижины; мои наблюдения поэтому сосредоточились преимущественно на ближайшем коралловом рифе, а свободное время и вечера я проводил между папуасами, которые, вытащив свои пироги на берег, образовали вновь вблизи моей хижины маленькое селение.

Что мне в Айдуме особенно надоедало, было постоянное беспокойство меня окружавших людей, серамцев и папуасов, и их страх относительно нападения, убийств, грабежа. Мои союзники (?), люди Айдумы, указывали на многих людей, которые, называя себя жителями Айдумы, приходили к моей хижине, как на людей Наматоте или Мавары и как на грабителей моих вещей в Айве, прося меня убить их. Раза два они даже насильно приводили ко мне нескольких папуасов, которые имели дерзость явиться в Умбурмету в одежде, украденной в моей хижине. Я приказал отпустить их, хотя я решил не оставить безнаказанно убийство людей, искавших убежище под моею кровлею, и грабеж моих вещей в Айве. Но мне казалось недостаточным застрелить нескольких простых папуасов, которые хитростью хотели проникнуть к моей хижине, даже если они были действительно шпионы неприятелей. Я хотел захватить по крайней мере одного, если не обоих предводителей грабежа. Я хотел сделать это сам, потому что я по опыту, а также из слов самих папуасов мог заключить, что в случае, если военное или другое большое судно должно было бы взять на себя наказание папуасов, все виновные скроются в горы. Относительно незначительное число моих людей, дружественные отношения папуасов с серамцами не позволяло им предполагать, что я осмелюсь предпринять что-нибудь серьезное против их вождей.

Не составляя никакого плана, я ожидал обстоятельств.

К концу апреля погода изменилась. Частые грозы, сильные дожди, усилившийся прибой указывали на перемену муссона. Приближалось время, когда урумбай мог и даже должен был вернуться в Серам, так как потом, при установившемся муссоне, ветер, прибой и волнение могли бы сделать опасным возвращение столь небольшого судна, как урумбай.

Я должен был также сдержать слово, данное серамцам: отпустить урумбай при перемене муссона.

Мои два амбоинских слуги отказались наотрез остаться одни со мною, если я отпущу урумбай, что я предложил им, обещая прибавку жалования.

Неожиданное обстоятельство определило мое решение.

Утром 25 апреля я узнал, что один из предводителей грабежа, капитан Мавары, скрывается в одной из пирог. Я сейчас же решился: не сказав ни слова моим людям, которым я не мог доверять, отправился я в сопровождении только одного человека к пироге, где капитан Мавары был прятан. Найдя его и приставив ему револьвер ко рту, приказал следовавшему мне человеку связать ему руки. Он был так изумлен и испуган, что не оказал ни малейшего сопротивления.

Также изумлены были серамцы и папуасы, которые были на берегу и видели все

происшедшее. Никто не ожидал случившегося.

После этого ареста я не должен был ожидать вечера, когда другие папуасы узнают о плене одного из начальников. Я приказал немедля, препроводив вождя Мавары на урумбай, перенести туда же мои вещи из хижины.

Папуасы были так поражены происшедшим, что беспрекословно повиновались моему приказанию помочь моим людям переносить вещи в урумбай.

Через 1 1/2 часа после ареста капитана Мавары все было готово к отплытию, и к полудню того же дня при благоприятном ветре урумбай находился уже далеко от Берега Папуа-Ковиай.

30 апреля я прибыл с моим пленником на о. Кильвару и ожидаю здесь прихода голландского военного судна, которое должно прийти сюда с амбоинским резидентом. * * *

Я вывез из Новой Гвинеи довольно интересную зоологическую коллекцию, которую я собрал, имея в виду сравнительно-анатомические исследования. Я собирал преимущественно тех позвоночных, которых анатомическое строение еще не совершенно известно. На коралловых рифах губки с их многочисленными разновидностями особенно привлекли меня. Моя краниологическая коллекция обогатилась также 6 несомненно подлинными папуасскими черепами.

Подробное сообщение моих наблюдений и исследований я могу предпринять только по возвращении в Европу, отчасти вследствие многочисленных рисунков, которые должны быть сделаны под моим надзором, отчасти потому, что я хочу посвятить здесь мое время дальнейшим исследованиям, а не разработке уже добытого материала.

Эта вторая экскурсия в Новую Гвинею, доставившая мне новые научные результаты, увлекает меня еще решительнее на пути исследования этого интересного острова и его жителей, несмотря на трудности и разные непредвидимые осложнения обстоятельств. Я надеюсь, что эта вторая экскурсия не останется моим последним посещением Новой Гвинеи.

О. Кильвару, 13 мая 1874.

Мое нездоровье в Амбоине, а затем возвращение в Яву замедлили переписку и высылку этого сообщения до августа месяца. Ти-Панас, на о. Яве, 20 августа 1874 г.

Третье пребывание в Новой Гвинее на Берегу Маклая

(июнь 1876 г. – ноябрь 1877 г.)

1876 г.

Июнь. Прибыл 27 июня на маленькой шхуне под английским флагом по имени «Sea Bird». Заметил значительное изменение физиономий высоких вершин гор.

Туземцы были очень обрадованы, но несколько не изумлены моему приезду, будучи вполне уверены, что я сдержу слово{88}. Когда я съехал на берег в Горенду в непродолжительном времени туземцы соседних деревень, не исключая женщин и детей, сбегались приветствовать меня. Многие плакали, и все население казалось очень возбужденным моим возвращением. Я недосчитался нескольких стариков – они умерли в моем отсутствии, но зато многие мальчики были уже почти что взрослыми людьми, а между молодыми женщинами, ожидавшими быть скоро матерями, я узнал нескольких, которых оставил маленькими девочками.

Жители ближайших деревень упрашивали меня поселиться в их деревне, я же, как и в 1871 г., предпочел не жить в одной из деревень, а устроиться в некотором расстоянии от них. Осмотрев местность около Горенду, а затем около Бонгу, я остановился на мыске у самой деревни Бонгу, и на другой же день туземцы, под руководством моих слуг и плотника со шхуны, стали расчищать место для моего дома и широкую дорогу от улеу к площадке, выбранной мною. В этот раз небольшой деревянный дом в разобранном виде был привезен мною из Сингапура; но сваи, на которых он должен был стоять, весь остов его, а также и крыша были сделаны уже на месте, в Новой Гвинее. К сожалению, нежелание задержать слишком долго шхуну и вместе с тем воспользоваться услугами плотника принудило меня не обращать достаточно внимания на качество дерева, почему оно очень скоро пришло в негодность, главным образом от белых муравьев, больших врагов деревянных построек в этой части света{89}. Здесь, однако ж, на Берегу Маклая, немало видов деревьев, которые противостоят этому насекомому, но достаточного количества их нельзя было добыть за короткое время.

Июль. На 6-й день дом мой был окончен (в постройке его, кроме меня, принимали участие двое европейцев, двое из моих слуг, несколько десятков папуасов, переносивших срубленные стволы деревьев и кривших крышу, а также несколько десятков женщин, очень усердно расчищавших мелкий кустарник вокруг дома). Вследствие того, что сваи, на которых стоял дом, были около 2 м вышины, я обратил нижний этаж в большую кладовую, в которую были перенесены мои вещи (около 70 ящиков, корзин и тюков разной величины), и я мог отпустить шхуну 4 июля. При помощи моих трех слуг, из которых один был малаец и служил поваром, а при случае и портным, а двое – микронезийцы, туземцы Пелау, и нескольких жителей Бонгу я скоро привел мою новогвинейскую усадьбу в надлежащий вид и устроился довольно комфортабельно. Очень интересные сведения я получил от туземцев о бывших в мое отсутствие землетрясениях. Как я уже сказал выше, изменение вида вершин Мана-Боро-Боро (горы Финистер) поразило меня при моем возвращении на этот берег. До моего отъезда (в декабре 1872 г.) растительность покрывала самые высокие вершины; теперь же во многих местах вершины и крутые скаты оказываются совершенно голыми. Туземцы рассказали мне, что во время моего отсутствия несколько раз повторялись землетрясения на берегу и в горах, причем немало жителей в деревнях было убито упавшими кокосовыми деревьями, которые, падая, разрушали хижины. Береговые деревни пострадали главным образом от необыкновенно больших волн, которые следовали за землетрясением, вырывали деревья и уносили с собою хижины, более близкие к берегу.

Дом Н. Н. Миклухо-Маклая на мыске Бугарлом

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

При этом я узнал далее от туземцев, что давно, еще до моего приезда в 1871 г., целая деревня, по имени Аралу, находившаяся недалеко от морского берега, между реками Габенеу

и Коли, была совершенно смыта громадною волною вместе со всеми жителями. Так как это случилось ночью, все жители погибли, только несколько мужчин, бывшие случайно в гостях в другой деревне, остались в живых, но не захотели вернуться жить на старое место и переселились в Гумбу, которая избежала разрушения, будучи построена далее от берега, чем Аралу. Разрушение этой деревни хорошо помнят даже не очень старые люди, и я полагаю, что это случилось около 1855–1856 гг.[126] После этой катастрофы в соседних местностях случилось много заболеваний, окончившихся смертью. Это последнее обстоятельство произошло, я полагаю, от разложения органических остатков, выброшенных на берег волнами и гнивших на солнце.[127]

Уголок в доме Н. Н. Миклухо-Маклая. Бугарлом

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Это было время, когда туземцы Берега Маклая жгут унан. Вместе со множеством экземпляров *Perameles* мне принесли один экземпляр тиболя (*Macropus tibol* Mcl.), для которого я устроил род клетки, желая сохранить его живым. Туземцы различают два вида тиболя, называя одного «и-тиболь», а другого «вальтиболь» (речного и приморского тиболя). Первый из них, т. е. речной тиболь, должен быть больше ростом и редко достается туземцам. Последние уверяют, что тиболь ест иногда рыбу.

Август. 2-го собрался идти в Марагум-Мана, а затем 5-го в деревню Рай. Везде в горах заметны были следы землетрясений в виде длинных, довольно глубоких трещин, расселин и обвалов. 8-го предпринял экскурсию вверх по реке Габенеу. После 4 часов ходьбы русло поднимается приблизительно на 300 ф. выше уровня моря.

Наму – папуас из деревни Марагум-Мана. Его волосы облеплены глиной и выкрашены

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

12-го экскурсия на пик Константин.

23-го отправился на о. Били-Били, где туземцы построили мне хижину, темную, но прохладную, на месте, называемом Айру, и куда я думаю приезжать от времени до времени. Вернувшись в Бонгу, я посетил деревни Энглам-Мана, Сегуана-Мана и Самбуль-Мана. Все эти деревни не отличаются значительно друг от друга ни характером построек, ни типом и внешним видом жителей. Собрал при этой экскурсии значительное число черепов, а также разузнал довольно много интересных данных по этнологии горных жителей.

Сентябрь. Экскурсия в Бан-Мана, Сандингби-Мана, Бурам-Мана, Манимба-Мана и Колику-Мана. Результатом этих экскурсий было прибавление материалов по этнологии, черепов папуасских для коллекций и несколько дней лихорадки.

20 сентября. Был в Гарагаси, где все очень заросло{90}. Из посаженных кокосовых пальм только 6 принялись. На большом кенгаре еще крепко держится оставленная клипером «Изумруд» медная доска, хотя красное дерево съедено отчасти муравьями. Я укрепил ее, вбив несколько гвоздей. Все сваи моей хижины были до того изъедены муравьями, что легкого толчка ногою было достаточно, чтобы повалить их. В Гарагаси гораздо больше птиц, чем около моего нового дома близ Бонгу, и знакомые крики их живо напомнили мне мою жизнь в этой местности в 1871–1872 гг. Распорядился, чтобы M?bly, мой слуга из Пелау, и несколько жителей Горенду расчистили бы площадку на месте моей бывшей хижины и около растущих там кокосовых пальм.

Октябрь. Благодаря моему теперешнему помещению, гораздо более удобному, чем в Гарагаси, я могу заниматься сравнительно-анатомическими работами. Вообще комфорт (лучшее помещение и трое слуг) благоприятно действует на здоровье. В конце сентября и в начале октября был снят первый сбор кукурузы, которую я посеял в июле месяце. Затем я посеял ее снова и множество семян разнообразных полезных растений, привезенных в этот раз. Вокруг моей хижины я посадил 22 кокосовые пальмы, которые все принялись{91}.

Небольшие ранки на ногах, вследствие ушибов о пни, камни, трения обуви и т. п., превращаются здесь при небрежности обращения с ними, а главное, от действия на них морской воды, от которой нельзя уберечься, мало-помалу в значительные, хотя и поверхностные раны, которые долго не заживают и часто очень болят. Они не раз удерживали меня от экскурсий и заставляют частенько сидеть дома.

Кроме письменной работы, я нахожу возможным заниматься антропологическими измерениями. В Гарагаси это было немыслимо, теперь же туземцы достаточно привыкли ко мне и не видят ничего опасного для себя при этих манипуляциях над их личностями. Не нахожу, однако ж, удобным мерить женщин; мужчины здесь ревнивы, а я не желаю с моей стороны подать повод к недоразумениям, к тому же измерения женщин сопряжены с слишком большой возней: уговариваниями, глупыми возражениями и т. д. Одним словом: в этом случае *le jeu ne vaut pas la chandelle* [игра не стоит

свеч (франц.)].

В Бонгу был большой «ай», в котором принимали участие и женщины (что я увидел в первый раз); процессия возвращения «ая» в деревню представляла очень характерное зрелище, которое стоило бы нарисовать{92}.

Узнал подробности операции «у-ровар», или «мулум» (обрезание). Почти все «улео-тамо» следуют этому обычаю (за исключением некоторых из островов Архипелага Довольных людей), но почти что все горные жители не признают его.

Ноябрь. Часто хворал лихорадкой, и раны на ногах плохо заживают. Когда было возможно, занимался сравнительно-анатомическими работами, а то читал. Боль от ран бывает по ночам так значительна, что приходится принимать хлорал, чтобы спать.

Когда температура по утрам спускается до 21°, то я ощущаю положительно холод, совершенно, как и туземцы, которые дрожат при этом всем телом.

5 декабря. После многодневных приготовлений сегодня начался «мун» в Бонгу, самый значительный, который мне пришлось до сих пор видеть, почему я постараюсь описать его.

Декабрь. Состояние моих ног заставляет сидеть дома.

22 декабря. Курьезная сцена произошла сегодня в Бонгу. Как я уже не раз говорил, днем по деревням людей в обыкновенное время не бывает: мужчины или в других деревнях, на охоте, на рыбной ловле, в лесу или на плантации; женщины с детьми, большими и малыми, также на плантациях. Возвращаются они перед заходом солнца. Зная это, а также и то, что мун уже кончился несколько дней назад, мы были удивлены, услышав несколько громких поспешных ударов в барум, который сзывал людей с плантации в деревню. Я отправился также туда и был там один из первых.

Подоспевший ко мне Буа рассказал мне следующее, а в это время из хижины Лако неслись крики его жены. Дело было вот в чем: Лако, вернувшись раньше обыкновенного в деревню, застал затворенной в своей хижине жену, но не одну, а в обществе Калеу, молодого неженатого человека лет 22. Туземцы вообще ходят так тихо, что виновные были застигнуты совершенно врасплох. Калеу, побитый или нет, не знаю, выбрался из хижины Лако, который начал тужить жену. Он на минуту оставил ее, чтобы созвать с помощью барума своих друзей. Когда я пришел, Калеу стоял, потупившись, около своей хижины, а Лако продолжал чинить расправу в своей. Наконец, он выскочил, вооруженный луком и стрелами, и, оглядев кругом присутствующих, которых уже набралась целая толпа, увидел Калеу; тогда он остановился и стал выбирать стрелу для расправы. В то же время один туземец подал и Калеу лук и несколько стрел.

Смотря на Лако и на крайнее его возбуждение, я не думал, что он в состоянии попасть в противника, и действительно стрела пролетела далеко от Калеу, который стоял, не шевелясь, ожидая экзекуции. И другая стрела не попала в цель, так как Калеу вовремя отскочил в сторону, после чего Калеу не стал ждать третьей и быстро скрылся. Стрелял ли он в Лако или нет, я сам не заметил, я следил за первым. Мне, однако ж, сказали, что он выстрелил раз и не попал. По уходе Калеу ярость Лако обратилась на хижину последнего. Он стал рвать крышу и ломать стены ее; здесь туземцы нашли подходящим вмешаться и постарались отвести его в сторону.

На другой же день я застал противников дружелюбно сидящих у берега моря и курящих одну и ту же сигару. Увидя меня, оба захохотали: «А ты вчера видел?» – спросил меня Лако. «Видел», – отвечал я. «А что ж сегодня Калеу – хороший или дурной человек?» – захотел я знать. «О, хороший, хороший», – заявил Лако, между тем как Калеу говорил то же о своем сопернике.

На тропинке в Бонгу я встретил Унделя и указал ему на сидящих Лако и Калеу. Ундель сказал мне, что Лако прогнал свою жену, которая живет теперь в хижине Калеу, причем он прибавил известную пантомиму и громко рассмеялся.

Однако ж такие случайности происходят очень не часто; это всего третья, о которой я узнал.

1877 г.

Январь. Мои наблюдения по антропологии подвигаются довольно хорошо. Волоса новорожденных не курчавы. До сих пор измерил 102 головы мужчин, 31 – женщин и 14 – детей. Ноги, руки и ногти туземцев.

Пример, как европейские произведения легко вытесняют туземные традиционные украшения. Экскурсия в Бурам-Мана.

Февраль. Пребывание в Айру и экскурсия в Архипелаг Довольных людей, а также в деревню Эремпи.

Тревога людей Бонгу вследствие «Булу-Рибут» около моей хижины.

Ноги все еще сильно болят.

Март. Свадьба Мукао. Разговор с Бугаем «тамо-муен-муен сен гена арен!»{93}.

Берег Маклая в 1876–1877 гг.

(современные названия даны в прямых скобках)

Апрель. Забрал «пат Горенду», потому что «тамо Горенду дигар таталь» (Дигу жаловался, что Бугай забрал «пат Горенду»){94}.

Убеждение о моей глубокой старости.

Западня для диких свиней.

Отвращение к пище.

Май. Экскурсия в Айру и на острова Довольных людей.

Смерть жены Моте.

Июнь. Экскурсия в Гориму.

Трепанг оказывается действительно очень вкусным.

Июль. Экскурсия вдоль берега до деревни Телят, а затем на гору Сирул.

Смерть Вангума, а затем неожиданная смерть маленького Туя.

Туземцы хотят войну. Мой отказ.

Август. Мой второй дом кончен.

Большие бананы, так наз. мога-биган, весят около 500 gm.

Кусок каменного угля из реки и отзывы Буа о его нахождении.

Сентябрь. «Мун» в Богати. Головные украшения.

Привезенные семена, посеянные на плантациях туземцев, хорошо растут. Плавающие крокодилы часто переплывают большие расстояния залива.

Октябрь. Похороны Танока в Гумбу. Люди Горенду действительно думают выселиться.

Ноябрь. Недобросовестность моих людей, которые крадут вещи для вымена на них разных предметов туземцев; не будучи в хороших отношениях друг с другом, один день М. приходит сказать, что С. крадет, на другой С. показывает, что М. обкрадывает.

6 ноября. Приход шхуны «Flower of Yarrow».

9 ноября. Смерть и похороны матроса Абу.

10 ноября. Около 6 часов вечера подняли якорь. Оставил много вещей в доме, которые я запер и предоставил охранять людям Бонгу.

Экскурсия на пик Константин

12 августа. Когда к 9 часам утра в своей дынге{95} я отправился в Богати, вся гора Тайо с пиком Константин была ясно видна. Нигде ни облачка.

При порядочном ветре в полтора часа прибыл в Богати. Встретившие меня туземцы перенесли вещи в хижину Коды-Боро. Они мне сказали, что уже слишком поздно, чтобы идти на гору, и следует подождать до завтра.

13 августа. Поднял людей в 3 часа утра. Напившись кофе и распределив вещи между несколькими носильщиками, отправился при свете неполной луны сперва по лесной тропинке, а затем по высохшему ложу реки Иор. Хотя было темно и дорога неудобна, я, однако ж, ни разу не споткнулся. Начинаю делаться в этом отношении папуасом. Когда рассвело, я записал имена моих спутников, которых оказалось 34 человека.

Вид на гору Тайо от востока, с ложа реки Нобулия (притока реки Иор), не доходя до деревни Ярю

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Не взяв провизии, пришлось зайти в деревню Ярю (810 ф. над уровнем моря).

Моим спутникам очень не хотелось идти далее в горы, но я не обратил на это внимания, тем более что людей у меня было раз в пять более, чем было нужно. К каравану присоединилось несколько человек из деревни Ярю. Мы продолжали следовать по ложу реки, т. е. по булыжникам; в некоторых местах (у порогов) пришлось карабкаться вверх по гладким мокрым камням. Вообще дорога была не особенно хороша. В третьем часу пошел дождь, и все горы были покрыты облаками; идти поэтому вперед было не к спеху. Я сказал туземцам, чтобы они строили шалаш, а сам расположился на ночлег. Сварил себе суп и смерил высоту местности с помощью аппарата Реньо, которого результат был почти что одинаков с показанием моего aneroid-барометра. Высота оказалась равною 860 футам над уровнем моря. Было очень прохладно, вероятно вследствие дождя. Всю ночь дождь лил как из ведра. Крыша из непромокаемого одеяла, растянутого над моею койкою, оказалась очень удачно расположенною. Несмотря на ливень, я остался совершенно сух, но воздух был весьма сыр, и я не был уверен, что день пройдет без лихорадки.

Я поднялся в 6 часов и, видя, что не все мои люди готовы, не стал их ждать, а объявил, что тамо-билен[128] могут следовать за мной, тамо-борле могут оставаться. Это подействовало, почти все последовали за мной.

Вследствие дождя ночью в реке было гораздо больше воды, чем вчера, камни были очень скользкие, и надо было быть весьма осторожным в некоторых местах.

Пройдя немного, пришлось лезть по скату направо, без малейшего следа тропинки. Мои спутники стали уверять, что здесь дороги нет, почему мне пришлось идти или, вернее, лезть вперед. К великой моей досаде, я почувствовал, что вчерашний дождь, от которого я промок, и ночная сырость оказали свое действие и что пароксизма лихорадки мне не миновать. Голова сильно кружилась, и я подвигался как бы в полусне. К счастью, скат был покрыт лесом, так что можно было, придерживаясь и цепляясь за лианы, сучья и корни, подвигаться вперед. При одной крутизне помню, что потянул руку к лиане, что произошло после этого – положительно не знаю...

Проснулся я как будто от человеческих голосов. Я открыл глаза – вижу кругом лес, и не мог ясно представить себе, где я. От общего утомления я снова закрыл глаза и при этом почувствовал значительную боль в разных частях тела и отдал себе отчет, что нахожусь в очень странном положении:

голова лежит низко, между тем как ноги гораздо выше. Я все-таки не мог уяснить себе, где нахожусь.

Когда я опять открыл глаза, то недалеко от меня послышался возглас: «А я тебе говорил, что Маклай не умер, а только спит». Несколько человек туземцев выглянули из-за деревьев. Вид этих людей возвратил мне память. Я вспомнил, что с ними я лазил в гору, вспомнил, как схватился за лиану, чтобы удержаться. Мой вес оказался несоответственным ее крепости, и вот каким образом я очутился на десяток шагов ниже и в таком неудобном положении. Я недоверчиво пощупал ноги, бок и спину, а затем приподнялся. Ничего не было сломано, хотя бок и спина болели, и кажется, что я почувствовал себя бодрее, чем когда свалился. Хотел посмотреть на часы – оказалось, что, вероятно, от толчка при падении они остановились. Солнце было уже высоко, так что я имел основание думать, что пролежал в не особенно комфортабельном положении более 2 часов, а может быть, и еще дольше.

Времени нельзя было терять, а то к 3 часам, пожалуй, опять пойдет дождь, и с вершины ничего не будет видно. К счастью, один из моих анероидов оказался в полной исправности. В этом месте высота горы была 1500 ф. Немного пошатываясь, спустился я к неглубокой долинке и сошел, а затем взобрался снова на холм, который туземцы называют Гумугуа и высота которого была 1880 ф. После него следовала опять неширокая долина, а затем возвышенность в 2400 ф. Идя все далее, мы пришли к вершине горы Тайо, к куполообразной возвышенности, которая с моря придает этому пику такую характерную форму. На небольшой площадке росло много высоких деревьев; высота здесь была 2680 ф. Мои спутники, чтобы показать жителям окрестных деревень, что мы добрались до вершины, зажгли костер.

Двум из них, более ловким, я передал белый флаг из толстой холстины, могущий противостоять некоторое время разрушению и прикрепленный к палке, с приказанием привязать его у вершины самого высокого дерева, обрубив сперва сучья. Когда это было сделано, мы отправились вниз.

Я был разочарован этой экскурсией, потому что по случаю растительности вокруг площадки на вершине пика панорама была очень ограниченная, а я не подумал взять с собою несколько топоров, чтобы вырубить кругом деревья. Мы сошли вниз до места нашего ночлега благополучно и, пообедав здесь, направились в Богати. Из ближайших деревень сходились люди, так что к вечеру моя свита состояла более чем из 200 человек. Хотя я чувствовал значительную усталость, я не захотел нигде останавливаться, и при свете многих десятков факелов мы вошли в Богати в 9 1/2 часов вечера.

Экскурсия и деревню Бомассия

Так как Каин не знал дороги в эту деревню, мы заехали на о. Сегу и забрали там двух людей как проводников. Из бухты мы вышли в речку Аюн-Монгун. Проехав незначительный приток ее, мы очутились в небольшом, почти что круглом, окруженном лесом озере, называемом Моут-Монгун. Здесь пришлось оставить пирогу и идти по узкой тропинке, очень неудобной по причине множества пересекающего ее ротанга, цепляющегося за платье. Замечательно высокий дикий бананник обратил на себя мое внимание; плоды были маленькие, зеленые, полные зерен. Их нельзя было есть. Листья были также сравнительно с другими видами очень узки.

Мы продолжали наш путь на W и после более чем часовой ходьбы пришли в деревню Бомассия. Жители ее были очень испуганы моим неожиданным появлением и, вероятно, моим видом, так как они до сих пор, как мне сказал Каин, не видали белых. Несколько протяжных ударов в барум созвали жителей деревни, которые работали на плантациях, и окружающих селений (люди эремпи живут в небольших, разбросанных в лесу хижинах, приходя от времени до времени в главную деревню). Хижины в Бомассии были почти все на сваях, а

люди внешне ничем не отличались от других папуасов Берега Маклая. Я смерил несколько голов и записал несколько слов их диалекта. Хотя люди здесь положительно людоеды, но в своих украшениях не имеют ни одного человеческого зуба или кости и последние никогда не употребляются ими как орудия. Каин мне сказал, что остатки костей выбрасываются в море. Я здесь видел щиты другой формы, чем на островах Довольных людей; они не круглы, а продолговаты.

Возвращаясь на другой день рано утром, я с удивлением услышал очень громкий голос, который я не мог отнести никакому мне известному животному; во всяком случае, можно было думать, что животное это должно быть значительных размеров. Я был очень удивлен, узнав, что это был голос взрослого казуара. Каин уверял, что их здесь, в этом лесу, особенно много и что он часто слышал их.

Булу-рибут

Мне как-то не спалось, и подумалось мне, что хорошо было бы послушать музыку, которая всегда освобождает от различных назойливых размышлений. Ряд дальнейших соображений навел меня на мысль о том, что, путешествуя на Малайском полуострове, я не раз в селениях и даже в лесу засыпал под звуки своеобразной заунывной музыки т. н. малайских булу-рибут.

Надеясь, что Сале сумеет их сделать, я заснул, очень довольный своей идеей. Узнав на другой день, что Сале действительно умеет делать булу-рибут, я приказал ему заняться ими и сделать мне 4–5 штук различной величины.

Объясню в двух словах, что такое булу-рибут, по крайней мере та форма, которая в употреблении у малайцев Иохора (южной оконечности Малайского полуострова) и Явы. Они состоят из стволов бамбука различной длины (до 60 ф. и более), внутренние перегородки которых удалены, а затем в разных местах и в различных расстояниях друг от друга сделаны продольные щели, широкие и узкие. Такие бамбуки укрепляются у хижин, на деревьях, в деревне, а иногда и в лесу; ветер, проникая в щели – в одну или несколько зараз, – производит весьма курьезные звуки. Так как отверстия расположены с разных сторон бамбука, то различный ветер приводит в действие эти оригинальные эоловы арфы. От длины и толщины стенок бамбука, степени сухости его и положения булу-рибут (т. е. находится ли он посреди дерева или на вершине его) зависит характер звуков.

Дня через три Сале показал мне 5 штук сделанных им булу-рибут; два из них имели более 40 ф. в высоту. С помощью моих людей я распределил их по вершинам стоящих около хижины деревьев, укрепив один из них на самой вершине моего дома. Так как полагается – как объяснил мне Сале – чтобы булу-рибут стоял перпендикулярно, то нам стоило немалого труда прикрепить их к деревьям надлежащим образом, тем более что их нужно было привязывать во многих местах, для того чтобы их не сдуло ветром.

Я с нетерпением ждал вечера, чтобы убедиться, удались ли Сале его булу-рибут, так как днем ветер слишком силен и шелест листьев окружающего леса и шум прибоя на рифе вокруг мыска заглушают звуки малайской эоловой арфы.

Заботы и разнообразная деятельность в течение дня совершенно отвлекли меня от мысли о бамбуках, и только когда я уже лег и стал засыпать, я услышал какие-то протяжные меланхолические звуки, а затем был озабочен резким свистом, раздавшимся у самого дома; свист этот повторялся неоднократно. Несколько других трудноопределяемых звуков – не то завывание, не то плач – слышались близ дома. Я услышал голоса Сале и Мёбли, толкующих о булу-рибут, и вспомнил о нашем утреннем занятии. В течение ночи меня раза два будил

резкий свист на веранде; также явственно слышал я звуки и других бамбуков. Вся окрестность казалась оживленною этими звуками, которые перекликались, как разноголосые часовые на своих постах.

На другой день никто из туземцев не явился ко мне. Когда же и следующий день прошел без посещений, я стал недоумевать и думать, что в Бонгу, вероятно, что-нибудь случилось, почему туземцы целых два дня не показываются около моего дома. Это было совершенно против их обычновения, так как редко проходил день, чтобы кто-нибудь из жителей окрестных деревень не зашел посидеть и поболтать со мною или с моими слугами. Вследствие этого я отправился в деревню узнать, в чем дело.

Я пошел перед заходом солнца, когда туземцы обыкновенно уже возвращаются с работ. Я застал всех по обыкновению занятыми приготовлением ужина. Я подошел к группе туземцев, поспешивших очистить для меня место на барле.

«Отчего вчера и сегодня не приходили в таль-Маклай?»

Туземцы потупились, говоря: «Мы боялись». – «Чего?» – с удивлением спросил я. – «Да тамо-рус». – «Каких тамо-рус? Где? – допрашивал я, озадаченный. – Где вы их видали?» – «Да мы их не видели, но слышали». – «Да где же?» – недоумевал я. «Да около таль-Маклай. Мы слышали их вчера и сегодня ночью. Их так много, они так громко говорят».

Тут мне стало ясно, что булу-рибут около моей хижины были причиною этого недоразумения, и <я> невольно улыбнулся. Туземцы, внимательно следившие за выражением моего лица, подумали, вероятно, что я соглашаюсь с ними, и осыпали меня вопросами: «Когда прибыли тамо-рус? Каким образом? Корвета ведь нет! Прилетели они? Что будут делать? Долго ли останутся? Можно ли прийти посмотреть их?» Все это показалось мне до такой степени смешным, что я захохотал. «Никаких тамо-рус в таль-Маклай нет. Приходите посмотреть сами», – сказал я и вернулся домой в сопровождении полдеревни, отправившейся искать таморус и оставшейся в большом недоумении, не найдя никого. Туземцы, однако ж, не были совершенно убеждены, что тамо-рус не являются, по крайней мере по ночам, каким-либо образом для совещаний с Маклаем, и положительно боялись приходиться ко мне после захода солнца.

Звуки булу-рибут первое время своею пронзительностью будили меня, но потом, привыкнув к ним, я хотя и просыпался, но тотчас же опять засыпал.

Когда я засыпал, эта мягкая заунывная музыка, с аккомпанементом шелеста листьев и плеска прибоя, убаюкивала меня.

Свадьба Мукау

Несколько мальчиков из Горенду прибежали сказать мне, что невесту уже ведут из Гумбу. Я последовал за ними к песчаному берегу ручья и застал там несколько туземцев из Гумбу, пришедших с невестой. Они сидели и курили, пока двое из молодых людей (лет 17–18) занимались туалетом невесты. Я подошел к ней. Ее звали Ло, и она была довольно стройная и здоровая, но не особенно красивая девочка лет 16. Около нее вертелись три девочки от 8 до 12 лет, которые должны были проводить невесту до хижины ее будущего мужа. Но собственно туалетом ее занимались, как я уже сказал, молодые люди. Они вымазали невесту, начиная с волос до пальцев ног, положительно всю, за исключением мест, покрытых несложным костюмом папуасок, красною краскою, или «суру».

Пока ее натирали охрою, туземцы, сидевшие поодаль, подходили к ней, чтобы оплевать ее со всех сторон нажеванною заговоренною массою. Это называлось «оним-атар». Последний из них, нажевав какую-то специальную массу, обрызгал ею нижнюю часть живота, отогнув для этого верхний край ее костюма. Он проговорил еще что-то, и тем операция «оним-атар» кончилась. Невесте провели три поперечные линии белой краской (известью) поперек лица, а также линию вдоль хребта носа. Ей навесили очень много ожерелий из собачьих зубов, а за браслеты на руках воткнули тонкие и гибкие <отрезки>[129] пальмового листа, к концу которых прикрепили по разрисованному листику.

Невеста подчинялась всем этим манипуляциям с величайшим терпением, выставляя поочередно ту часть тела, которую натирали. Поверх весьма незначительного девичьего пояса, очень короткого спереди, надели на нее новый маль, желтый с красными полосами, достигающий до колен, но по сторонам оставляющий ноги, начиная от талии, совершенно непокрытыми. Остатками суру вымазали девочек, сопровождавших невесту.

Ло положила обе руки на плечи девочек, которые, обнявшись таким образом, т. е. положив руки на плечи своих спутниц, двинулись по тропинке в деревню. У всех четырех головы были опущены; они не смотрели по сторонам, а в землю, и двигались очень медленно. На головы им был положен большой женский гун. Их сопровождали гуськом пришедшие с ними туземцы Гумбу. В процессии, кроме трех девочек, не было других женщин. Чтобы видеть все, я следовал одним из первых за невестой, вмешавшись в толпу туземцев Гумбу.

Войдя в деревню, мы застали всех жителей, мужчин и женщин, у дверей хижин. Дойдя, наконец, до площадки Канилю, квартала Бонгу, где находилась хижина жениха, девушки остановились в том же положении, как и шли; здесь же сидели женщины Бонгу и приготовляли инги, а мужчины сидели в разных группах.

Прошло несколько минут общего молчания, которое было прервано короткою речью Моте, подошедшего к девочкам и положившего на мешок, закрывавший голову последних, совершенно новый маль. Отошедшего в сторону Моте заменил Намуй, вышедший из одной хижины, находящейся напротив. Произнося свою короткую речь, он беглым шагом приблизился к девочкам и положил на голову Ло новый табир. Из группы женщин Гумбу выделилась одна и сняла с головы невесты табир, маль и гун и положила их около нее. За этим последовал целый ряд жителей Бонгу, принося один за другим разные вещи: табиры, большое число мужских и женских маль, разные мужские и женские гун и т. д. Двое принесли по новому копы, так называемому [...].[130]

При этом некоторые из туземцев говорили короткие речи или же молча клали свое приношение около невесты и молча отходили в сторону. Женщины Гумбу поочередно подходили, чтобы снять подарки с головы Ло и класть их вместе с другими около нее. Подруги Ло занимались в это время разборкою даров, кладя табиры к табирам, мали к малям и т. д. Когда последний подарок был положен, подруги невесты отошли и присоединились к группе женщин Гумбу. Воцарилось опять общее молчание. Один из старых туземцев, опираясь на копы, подошел к невесте и, обвив вокруг пальца пук ее волос, начал речь, обращаясь к девушке, сидевшей у его ног; по временам, как бы для того, чтобы подчеркнуть сказанное и обратить на это ее специальное внимание, он сильно дергал ее за волосы. Было ясно, что он говорил о новых ее обязанностях как жены. Его место занял другой старик, который также, перед тем как начал говорить, накрутил себе на палец прядь волос Ло и при некоторых наставлениях дергал ее так усердно, что девушка прискакивала на месте, ежилась и тихо всхлипывала.

Все шло как по заученной программе; видно было, что каждый твердо знал свою роль. При всей церемонии присутствующими сохранялось глубокое молчание, так что речи, произносимые не очень громко, можно было хорошо слышать.

Собственно невеста и жених были совершенно на втором плане до того, что одно из главных действующих лиц, старик Гуна, совершенно забыл имя жениха, почему обратился к присутствующим, чтобы узнать его, что было принято, однако ж, не без смеха. Также отец и мать невесты не принимали никакого особенного участия в происходившем.

После того как двое или трое из стариков прочли свои инструкции, подкрепляя свои назидания дерганьем волос бедной Ло, отчего она все более и более всхлипывала, церемония кончилась.

Пришедшие с невестой туземцы стали собираться домой. Женщины забрали все дары, сложенные около Ло, распределив их по своим мешкам, и стали прощаться с новобрачной, пожимая ей руку над локтем и глядя ее по спине и вдоль рук. Невеста, все еще всхлипывая, осталась ожидать, в том же положении, прихода своего будущего мужа.

Я узнал, что все вещи, послужившие для покупки Ло, были даны туземцами Бонгу вообще, а не только родственниками Мукау, и в свою очередь они не пойдут исключительно в семью невесты, а будут распределены между всеми жителями Гумбу. Разумеется, при этом распределении родственные отношения к семье невесты будут играть известную роль.

Вернувшись к хижине Мукау, я застал уже будущего супруга Ло, занимающегося приготовлением угощений для гостей. Мукау – лет 14 или 15; Ло – годом или двумя старше его. Над первым не была еще совершена операция «мулум», почему многие жители Бонгу изъявили свое неодобрение; другие указывали на обстоятельства, что Асел, который давно женат и имеет уже детей, не был еще подвержен этой операции. Из этого обстоятельства я увидел, что обычай «мулум» не соблюдается слишком строго на Берегу Маклая.

На другой день я видел целую толпу молодых людей Бонгу, которые шли к морю купаться. Они громко говорили и смеялись. Это купанье имело непосредственную связь со свадьбой; провожали ли и мыли ли молодые девушки Ло, я не знаю; во всяком случае это купанье Мукау было последним актом его свадьбы.

20 июня 1877 г. я видел другой род свадьбы – именно похищение девушек силою, но собственно силою только для вида, по заранее условленному соглашению. Случай этот произошел таким образом: часа в 2 или в 3 днем послышался барум в Бонгу, призывающий к оружию. Прибежал мальчик в деревню с известием, что несколько вооруженных людей из Колику-Мана неожиданно явились на плантацию, где работали две или три женщины Бонгу, и увели с собою одну из девушек. Несколько молодых людей Бонгу отправились в погоню за похитителями. Произошла стычка, но только для виду (так как все было условлено наперед), после которой все отправились в Колику-Мана, где было приготовлено общее угощение. Между людьми, принимавшими участие в погоне, находились отец и дядя уведенной девушки. Все вернулись с подарками из Колику-Мана и все довольные. Похищенная девушка осталась женою одного из похитителей.

Убеждение о моей чрезвычайной старости

Я сидел около дома, любясь вечерним освещением дальних гор и леса кругом. Пришел Саул-боро и сел возле меня, но долго ничего не говорил. Наконец он собрался и сказал: «Маклай, сколько у тебя жен, детей, внуков и правнуков?»

Я посмотрел на него и невольно улыбнулся. Он говорил очень серьезно и смотрел на меня вопросительно.

– Где? – спросил я.

– Я не знаю, – ответил Саул. – В России, на луне, – поправился он.

– У меня ни жены, ни детей нет, – сказал я.

Саул недоверчиво засмеялся. «Маклай не хочет говорить», – добавил он. «Ну так скажи, помнишь ли ты, когда это дерево было очень маленьким? – сказал он, указывая на громаднейший *Calophilum inophilum*, росший неподалеку и которому было, наверное, несколько сот лет. – Ты, может быть, посадил его?»

Поглядев на Саула и не доверяя что-то его серьезности, я пожелал знать, почему он думает, что я так стар.

– Да ты никогда не бегаешь, не хочешь плясать, когда все старики у нас пляшут; жен здесь не хочешь брать; седых волос на голове много, и ты не хочешь, чтобы тебе их выдернули.

В этот вечер Саул ушел от меня очень недовольный тем, что Маклай ничего не хочет ему сказать.

Экскурсия на острова Били-Били, Ямбомба и некоторые острова Архипелага Довольных людей

Из Били-Били отправился на о. Ямбомбу, дорогою туда остановился у островка Урему, или Урембу, как другие его называют. Здесь собственноручно посадил в разных местах по берегу 12 кокосовых пальм и приказал Каину помнить, что Маклай их здесь посадил, прибавив, что в следующий мой приезд я построю себе дом вместо Айру в Урему. На этом островке никто никогда не жил, только по вечерам слетаются сюда, как и в Били-Били, множество голубей и остаются здесь до следующего утра, когда они снова массами летят в леса Новой Гвинеи. Каин называет Урему часто поэтому Мулики-амб (дом голубей; «мулики» означает на диалекте Били-Били голубь, а «амб» – дом). На материке, против островка Урему, впадает речка Ио-Гуму, довольно значительная. Небольшое селение находится в верховьях ее. Урему и Ямбомба ограждают небольшую гавань, которая может быть довольно удобною для небольших судов.

Я встретил в Ямбомбе очень радушный прием. Все казались рады моему приезду. Биромор проводил меня в свой «дарем» (на диалекте Ямбомбы буамрамра называется «дарем»). Видел у него топор, ручка которого была образец папуасской резьбы. Это был первый и единственный экземпляр, виденный мною на Берегу Маклая. Заметил также висевший на шнурке пробуравленный плоский круглый камень. На мои вопросы, откуда, кто сделал, туземцы отвечали: «Из моря», «Не знаем», «Это было сделано не людьми»; однако ж нашелся один, который пояснил, что «наме, наме» (давно, давно) люди Ямбомбы привезли этот камень с о. Корогу,[131] который находится очень-очень далеко от Ямбомбы, что теперь люди Ямбомбы не только не ездят туда, но не знают даже, где он находится. Люди Ямбомбы не знали, для чего делались эти камни.[132]

Группа туземцев работала над новою пирогой, именно пришивали длинную планку у одного борта ее. Несколько соответствующих отверстий были сделаны на краях пироги и доски; в них продевалась крепкая красная лиана – которую туземцы называют «урамер» – много раз, пока оба отверстия сантиметра в 4 в диаметре не были вполне выполнены оборотами лианы. Одно подобное закрепление отстояло от другого приблизительно на 1/2 м, и все скважины и отверстия были законопачены наскобленными и размоченными внутренними слоями коры

«дым». Работы было немало, но прежде было еще больше, потому что, не имея гвоздей, им приходилось делать отверстия каменными топорами, вследствие чего отверстия были больше; теперь они обтачивают большие гвозди в виде долота и очень искусно делают небольшие четырехугольные отверстия.

Они очень обрадовались, когда я им показал, что, накалив гвоздь на огне, они могут прожигать отверстия разного диаметра, смотря по толщине гвоздя, в бамбуке и не слишком толстых досках. Они очень серьезно просили меня поселиться на о. Урему, надеясь, вероятно, на помощь, которую я могу оказать им моими столярными инструментами. Подаренные мне при отъезде старые кокосовые орехи с ростками я прибавил к тем, которые посадил сегодня утром на о. Урему. Вернувшись в Били-Били, я сказал Мёбли, что подниму его очень рано, чтобы отправиться на острова Довольных людей.

10 мая. За неимением часов я пожертвовал свечою с пометками, соответствующими часам и получасам. Проснувшись, когда моя свеча-часы показывала половину первого часа ночи, я встал и разбудил Мёбли, но прошло более часа до тех пор, пока было все готово и мы могли сдвинуть дынги в море. Ветер был слаб, и к рассвету мы были не далее как милях в 2 на Ю от острова Тамб, крайнего острова группы. Тамб и Матарен имеют «улео» (песчаный берег), обращенный к лагуне, между тем как о. Певай кругом окаймлен скалами, так что пристать к нему неудобно. Проход между островами Тамб и Матарен чист, между тем как между о. Певай и Митебог находится риф. Мы высадились на о. Тамб. Он весь покрыт лесом и не имеет воды; кроме больших деревьев [...] [133] встречается вид пандуса, а также [...], [134] который делает, при положительном отсутствии здесь тропинок, путь по острову очень неудобным и в некоторых местах очень труднопроходимым.

После завтрака Гассан очень тщательно собрал все объедки, и, свернув их, положив камень в середину, обвязав все гибкой лианой, которую сорвал недалеко, он бросил связку далеко в море для того, чтобы дурные люди, найдя наши объедки, не заговорили бы их и не причинили нам вреда.

С о. Тамб мы направились к о. Митебог. Везде глубина была значительная, но могла представлять множество удобных якорных стоянок. Пролив между материком, мысом Год-Аван и о. Митебог был достаточно глубоким для судов больших размеров. На о. Митебог 2 деревни: Митебог и Гада-Гада. Жители последней – выселенцы с другого острова, который они покинули вследствие войны с жителями о. Тиары. Семейные хижины построены все на сваях, «даремы» же – прямо на земле, как в Били-Били, Тиаре и т. д. На конце конька над входом красовалась большая, из дерева вырезанная рыба. Люди здесь были особенно любезны, упрашивали остаться ночевать у них, на что я не согласился, потому что Гассан предупредил меня, что очень боится остаться ночевать в Митебоге или в Гада-Гада, с которыми жители Били-Били находились в неприязненных отношениях. Он боялся, что во время сна ему отрежут несколько волос, заговорят их и что он от этого заболит.

В Митебоге строят много пирог; в одной полуготовой, т. е. не вполне выдолбленной, была налита вода, как мне объясняли, чтобы размочить дерево и сделать его более мягким для долбления.

Лишившись моих 2 часов, я должен был приискать какое-нибудь мерило времени. Днем (так как пасмурных дней здесь сравнительно очень небольшое число) солнечные часы исправляют это дело, вечером я много раз замечал, что, занимаясь какой-нибудь интересной работой, совершенно теряешь всякое представление о времени.

Я придумал следующий способ, который оказался довольно практичным. Я взял 2 стеариновые свечи, у которых отрезал верхние конические концы, а затем зажег одну из них. По прошествии часа я отметил на незажженной свече чертою, на сколько вторая свеча сгорела, и, заметив время, снова зажег вторую. По прошествии часа я сделал то же, т. е.

отметил на целой свече, на сколько вторая свеча укоротилась вследствие горения в продолжение 2 часов. Я сделал то же и для третьего часа. Найдя, что отдели отмеченные были почти что равны, я взял среднюю величину и разделил ее на 4 равные части. Таким образом я получил шкалу сгорания свечи; я, однако ж, скоро заметил, что сквозной ветер, дующий с разных сторон, делает сгорание свечи неравномерным, почему пришлось придумать какой-нибудь способ для ограждения свечи от сквозного ветра. Такой аппарат я себе устроил очень просто, вырезав, почти что совершенно, одну из сторон большой жестянки от бисквит, и получил аппарат, предохранявший свечу от сквозняка и неравного сгорания. К подсвечнику, который я употреблял для этой цели, я прикрепил масштаб из бамбука с делениями. Так как в этой местности круглый год почти солнце поднимается в одно и то же время, то, зажигая мою свечу в 6 часов, я мог почти наверно определять с помощью сгорания ее часы вечера.

Болезнь и смерть жены Моте

29 марта. Утром мне сказали, что жена Моте очень больна, и просили прийти в деревню. В час пополудни один из туземцев пришел с известием, что женщина эта умирает и муж ее просит меня дать ей лекарство. Я отправился и, услышав плачевный голос женщин, которые голосили по разным углам площадки перед хижинкою, подумал, что больная уже умерла. Около хижины сидело несколько женщин, кормивших грудью детей. Мне указали на хижину умирающей, в которую я вошел. В хижине было очень темно, так что, войдя в нее со света, я сперва не мог ничего разглядеть. На меня набросилось несколько женщин, прося лекарство. Когда глаза попривыкли к темноте, я разглядел, что умирающая лежала и металась посередине хижины, на голой земле. Около нее расположилось 5 или 6 женщин, держа кто голову, кто спину, кто руки, кто ноги больной. Кроме того, в хижине было еще много женщин и детей. Добиться толку было невозможно. Умирающая не разжимала зубов и только по временам как-то вздрагивала и старалась подняться. Вне хижины, как и внутри ее, все толковали о смерти. Сама больная иногда вскрикивала: «Умираю, умираю!» Не успел я вернуться домой, как Моте пришел за обещанным лекарством. Я повторил, что принесу его. Отвесив небольшую дозу морфия, я вернулся в Бонгу. Меня встречали и провожали, как будто я действительно нес с собою верное исцеление от всяких недугов. В хижине ожидала меня та же картина. Больная не захотела принять лекарства, несмотря на то, что все уговаривали ее и один из туземцев даже предложил разжать зубы дунганом^{96}, чтобы влить лекарство в рот. Больная повторяла по временам: «Умираю, умираю».

30 мая. Солнце только что взошло, когда несколько коротких ударов барума возвестили, что жена Моте скончалась.

Я поспешил в Бонгу. Вой женщин слышался уже издали. Все мужчины в деревне ходили вооруженными. Около хижины Моте я увидел его самого; он то расхаживал, как бы приседая при каждом шаге, то бегал, как бы желая догнать или напасть на кого; в руках у него был топор, которым он рубил (только для вида) крыши хижин, кокосовые пальмы, кусты и т. д.

Я пробрался в хижину, где лежала покойница, но там было так темно, что я мог разобрать только, что умершая лежит на нарах и кругом ее теснятся, причитывая и воя, женщины.

Часа через два Лако и другие родственники покойницы устроили в переднем отделе хижины род высокого стула из весел и палок. Приложенный рисунок делает подробное описание излишним. Один из туземцев вынес тело женщины, очень похудевшее в последние дни, на руках, другой принял и посадил его на приготовленный стул. У покойницы ноги были согнуты в коленях и связаны. Их завернули в женские нале^{97}, а около головы и по сторонам

воткнули ветки Coleus с разноцветными листьями.

Между тем на площадку перед хижиной высыпали пришедшие из Горенду и Гумбу туземцы, все вооруженные, с воинственными криками и жестами. При этом говорились речи, но так быстро, что мне было трудно понять сказанное. Моте продолжал свою пантомиму горя и отчаяния, только теперь он был одет в новый маль, громадный катазань (гребень с большим веером перьев, который носят единственно тамо-боро, т. е. отцы семейств); большой гун болтался под мышками и, как утром, на плече у него был топор. Он расхаживал, как прежде, приседая, т. е. это был род пляски, которую он исполнял в такт под свою плаксивую речь и завывание женщин.

Что все это была одна комедия, которую действующие и присутствующие считали необходимостью исполнить, было ясно видно и прорывалось по временам. Например, когда Моте, среди своих монологов (он хороший оратор), войдя вдруг в азарт, стал неистово рубить топором кокосовую пальму, одна из женщин, кажется, сестра его, которая также выла, вдруг прервала свои отчаянные вопли, подошла к Моте и заметила ему самым деловым тоном, что портить дерево не следует, после чего Моте, ударив еще раза два, но менее сильно, отошел прочь и стал изливать свою горечь, ломая старый, никуда не годный забор. Также, когда дождь стал накрапывать, он выбрал сейчас же себе место под деревом, где дождь не мог испортить его нового маля и перьев на голове.

Пришли несколько друзей Моте из Гумбу и принесли, чтобы изъявить свое сочувствие, подарки (табиры, которые были положены перед входом хижины умершей). Табиры были сейчас же разобраны членами семьи.

Весь день продолжалось вытье Моте, и даже вечером он расхаживал и тянул свою песнь, начинавшуюся словами: «Аламо-амо» и т. д. Он говорил приблизительно: «Уже солнце село, она все еще спит; уже темнеет, она все еще не приходит. Я зову ее, и она не является» и т. д.

Покойницу принесли снова в хижину, и снова множество женщин окружили нары, на которых она лежала, по очереди воя, поддерживая огонь и болтая.

Зайдя в Бонгу ночью, я застал ту же сцену: женщины бодрствовали внутри хижины и у входа ее, мужчины на площадке, у костра. Несколько раз ночью в Бонгу ударяли в барум, на звуки которого отзывался другой где-то далеко в горах (как я узнал потом, то был барум деревни Бурам-Мана).

31 мая. Придя утром в Бонгу, я застал очень измененное настроение: люди оживленно болтали, следя за приготовлением угощения, которое, судя по числу горшков, стоявших рядами на длинном костре, и по грудам шелухи таро, ямса и т. п., над которым трудились, жадно хрюкая, несколько свиней, должно было быть очень значительное. Все приготовления угощения были сделаны ночью; мне сказали, что люди Бурам-Мана, откуда была покойница и где жило несколько ее близких родственников, должны прийти «гамбор росар» (связать корзину) и что их теперь ждут.

В хижине я увидел, что труп был уже упакован женщинами в коробку из «губ», [135] но голова была еще видна. Подойдя к гам-бору я заметил, что все украшения: ожерелья и т. д., которые были навешаны при вчерашней выставке ее тела, были сняты; даже новый маль не был оставлен на покойнице, и, кроме нескольких ветвей Coleus, ничего не было положено в гамбор. Я вышел из хижины, услышав страшные крики. То была ватага жителей горной деревни Бурам-Мана, которые с криками и воинственными жестами появились со всех сторон на площадку, как вчера люди Горенду, но еще с большим шумом и азартом. Вслед за ними вышел ряд женщин, которые направились прямо в хижину покойницы, причем завывали самым усиленным образом.

Гамбор. Берег Маклая

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 31 мая 1877 г.

Так как люди Бурам-Мана должны были вернуться домой сегодня же, жители Бонгу поторопились распределить для каждого из них долю угощения, которое не полагалось быть съеденным здесь, а взятым с собою. Для этого в каждый табир были положены банановые листья, а на них вареные инги и куски свинины, так, ч[тобы] было удобно связать их в большие свертки; затем к каждому свертку, число которых соответствовало числу мужчин, пришедших из Бурам-Мана (почти все – родственники умершей), были приложены разные вещи, как-то: табиры, гун, мали и т. п.

Между тем двое из туземцев Бурам-Мана вынесли из хижины гамбор с покойницей, а за ними последовали женщины, которые стали неистово выть и толкаться вокруг гамбора. Мужчины занялись увязкою корзины с телом. Она была привязана к бамбуку, концы которого двое мужчин держали на плечах; двое других, не скупясь на ротанг, увязывали корзину, доведенную ими, вследствие стягивания ротангом, до весьма небольших размеров; женщины, не переставая выть, стали кружиться и выплясывать вокруг группы. По временам все останавливались, продолжая выделять среднюю часть тела положительно неприличные движения; некоторые отделялись, скребли и терли гамбор, как бы лаская его, причем причитывали на разные голоса. Эти группы постоянно сменялись, пока, наконец, гамбор не был внесен обратно в хижину и повешен при помощи перекладины в углу ее. В это время люди Бурам-Мана, нагрузив жен своими долями угощения и наследства, поспешили отправиться домой и сошли со сцены с гораздо меньшим шумом, чем пришли.

2 июня. Застал утром всех туземцев от мала до велика с вычерненными лицами; у некоторых, кроме лица, грудь была также натерта черною краской; у третьих, кроме груди, руки и спина, а Моте, муж покойной, имел все тело, испестренное черною краскою, или «куму». Мне сказали, что это было сделано уже вчера вечером. Сегодня все оставались в деревне, никто не ходил на работу; мужчины пили кеу, женщины возились около хижин. Все были испачканы куму, не имели никаких украшений и походили на трубочистов. Заметив, что все без исключения были вымазаны черною краской, я, подойдя к Моте, спросил куму, который мне был тотчас же подан. К величайшему удовольствию обступивших меня туземцев, я, взяв мизинцем немного куму, сделал себе на лбу небольшое черное пятнышко; Моте стал пожимать мне руку, приговаривая: «Э-аба, э-аба», а со всех сторон стали слышаться одобрительные возгласы.

Я вошел в хижину Моте и увидел большой цилиндр из кокосовых листьев, метра в 2 вышиною, как раз в том углу, где повесили вчера гамбор. Раздвинув немного листья, я убедился, что гамбор висел, как и вчера, на перекладине, а цилиндр был сделан вокруг него; в хижине горели 2 костра, что было целесообразно, так как запах от разлагающегося трупа был очень силен.

Горима

Июнь

Сидя за ужином на барле около хижины Коды-боро в Богати, я прислушивался к разговору который вел мой хозяин, сидевший на пороге своей хижины, со своим сыном Уром, только что вернувшимся из другой деревни. Они говорили не громко и жевали при этом бетель, так что я почти ничего не понял из их разговора, хотя мог расслышать несколько раз мое имя.

Когда я кончил ужинать, то слез с барлы и намеревался пройтись по деревне. Коды-боро

удержал меня, схватив за рукав.

– Маклай, ты не ходи в Гориму (деревня, лежавшая милях в 4-х от Богати по берегу).

– Я в Гориму не иду; я завтра вернусь в таль-Маклай.

– Это хорошо, – сказал Коды.

– А отчего же мне не ходить в Гориму? – спросил я.

– Да люди Горимы – люди нехорошие, – объяснил Коды. Я на этот раз удовлетворился этим ответом, так как до наступления темноты я хотел взять несколько пеленгов для определения положения некоторых вершин хребта Мана-боро-боро, который был хорошо виден в этот вечер. Когда стемнело, я обошел несколько костров и поговорил с разными знакомыми. Вернулся к буамрамре, где должен был провести ночь. Коды-боро хлопотал у костра. Я разостлал одеяло на барлу и, найдя бамбук, на который положил все, что мог снять, приготовился к ночи, т. е. снял башмаки, гамаши и т. д. Затем позвал Коды-боро и спросил его: «Отчего люди Горимы борле? (нехороши)». Коды замялся. Я сунул ему в руку несколько больших кусков табаку. «Ты скажи, Коды, а то я вернусь домой, возьму шлюпку и поеду прямо в Гориму». – «О Маклай! Не ездь в Гориму. Люди Горимы скверные!» – «Ты скажи, почему? Что тебе сказал сегодня Ур?»

Хижина в деревне Горима

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. Июнь 1877 г.

Видя, что я не оставлю его в покое, Коды решился сказать все, что слышал. Ур, вернувшись из деревни, куда ходил к родителям жены, рассказал, что встретил там двух туземцев из Горимы, которые говорили обо мне, что у меня много вещей в доме, что если люди Бонгу убили бы меня, то могли бы взять все, и т. д. Что двое из жителей Горимы хотят приехать нарочно в таль-Маклай, чтобы убить меня и взять, что могут, с собою. Вот почему Коды называет людей Горимы «борле» и просит Маклая не ездить в их деревню.

– А как зовут этих двух людей Горимы, которые хотят убить Маклая? – спросил я.

– Одного зовут Аб?й, другого – Мал?, – ответил Коды. Я дал ему еще кусок табаку и сказал, что хочу спать.

По мере того как Коды говорил, у меня составилась план относительно того, что делать в этом случае. Я был удивлен, что после такого долгого знакомства со мною (правда, люди Горимы только один раз, во время моего первого пребывания, были у меня, так что, разумеется, очень мало знали меня) находились еще люди, думающие и говорящие, что хотят меня убить. На это они имели уже довольно времени и случаев. Я, в сущности, не верил, что они говорят серьезно, и был убежден, что при самых удобных обстоятельствах эти люди не посмели бы напасть на меня открыто; бросить же копье из-за угла, подкараулив меня около хижины, или пустить стрелу – на это я считал их вполне способными. Худшим обстоятельством, мне казалось, было то, что они сами говорят об этом, так как это может подать подобную же мысль кому-нибудь из моих более близких соседей. Кто-нибудь может подумать: «Зачем ждать, чтобы люди Горимы убили Маклая и взяли его вещи? Я попробую сделать это сам, и вещи будут мои».

Засыпая, я решил отправиться сам в Гориму, даже, пожалуй, завтра, если буду чувствовать себя достаточно свежим.

Проспав весьма хорошо ночь и будучи разбужен до рассвета криком петухов в деревне, я

встал и нашел, что чувствую себя в расположении духа идти в Гориму. Недопитая с вечера бутылка холодного чая и несколько кусков холодного таро, оставшегося от вчерашнего ужина, послужили мне завтраком. Я оставил большую часть моих вещей в буамрамре и на всякий случай перевязал белой ниткой крест-накрест небольшой ранец с разными мелкими вещами.

Забрав только одеяло и несколько кусков таро, я отправился в путь. Так как все это происходило в буамрамре, то меня никто не видел, и вышел я из буамрамры прямо к морю, а не пошел по деревне. Хотя я и не знал дороги в Гориму, но надеялся добраться до нее, идя берегом, что будет, вероятно, немного дальше, но зато таким образом я не могу миновать деревни, лежащей у моря. Один из жителей Богата, исправлявший что-то в своей вытасенной на берег пироге, спросил меня, куда я иду. Я отвечал: «К реке Киор», что не было неправдой, так как для того чтобы дойти до Горимы, мне надо было перейти реку Киор.

Не стану вдаваться <v> описание пути. К 11 часам солнце стало печь весьма сильно. Пришлось перейти вброд реку Киор, где вода доходила мне до пояса, и еще другую, более мелкую. Снять башмаки я боялся, сомневаясь, можно ли мне будет надеть их снова, так как они были промочены насквозь. Мелкие камни, сменявшие в некоторых местах песчаный берег, делали ходьбу босиком положительно невозможной. В одном месте я пошел по тропинке в лесу, полагая, что она проложена параллельно берегу; но тропинка так углублялась в лес, что мне пришлось свернуть на другую, а затем и на третью. Я уже думал, что заблудился, когда при следующем повороте я вдруг снова увидел море. Был уже третий час, и я решил отдохнуть в этом месте и съесть взятое с собою таро.

Горима была недалеко, но мне не хотелось прийти туда ранее пяти часов. Я вспомнил одно обстоятельство, очень для меня неудобное и которое я совершенно упустил из виду, именно то, что диалект Горимы был мне абсолютно неизвестен и что там навряд найдутся люди, знающие диалект Бонгу. Возвращаться, однако ж, было поздно, оставалось только рискнуть. Отдохнув, я пошел дальше. Деревня Горима расположена на мыске, так что людям, ходившим или стоявшим в то время около берега, мое приближение было заметно еще издали. Навряд я попал бы в этот день в деревню, так как по берегу на значительном пространстве росли мангровы. К счастью для меня, на берегу лежала вытасенная пирога и слышалось несколько голосов в лесу, почему я и решил подождать их возвращения. Нелегко было бы описать выражение удивления туземцев, когда они вернулись и увидели меня. Мне показалось, что они готовы убежать, почему я поспешил сейчас же подойти к самому старому из трех.

– Вы люди Горимы? – спросил я на диалекте Бонгу. Туземец приподнял голову – жест, который я счел за утвердительный. Я назвал себя и прибавил, что иду посмотреть Гориму и что мы поедем вместе.

Туземцы имели очень растерянный вид, но скоро оправились, и так как им, вероятно, и самим надо было домой, то они, по-видимому, были даже рады отделаться от меня так дешево. Я дал каждому из них по куску табаку, и мы отправились. Расстояние оказалось гораздо более далеким, чем я ожидал, и солнце было совсем низко, когда мы подъехали к деревне. Мою белую шляпу и такую же куртку жители заметили еще издали, почему многие собрались встретить меня, между тем как другие то выбегали к морю, то опять возвращались в деревню. Дав еще табаку и по одному гвоздю моим спутникам, я направился в деревню, сопровождаемый туземцами, встретившими меня у берега. Ни один из них, однако, не говорил на диалекте Бонгу, и я сомневаюсь, чтобы кто-либо даже достаточно понимал его. Пришлось поэтому прибегнуть к первобытному языку – жестам. Я положил руку на пустой желудок, затем указал пальцем на рот; туземцы поняли, что я хочу есть, по крайней мере один из стариков сказал что-то, и я скоро увидел все приготовления к ужину. Затем, положив руку под щеку и наклонив голову, я проговорил: «Горима», что должно было значить, что я хочу спать. Меня опять-таки поняли, потому что сейчас же указали на буамрамру. Я не мог объясняться, а то с моей стороны было бы первым делом успокоить жителей, которых,

кажется, в немалое смущение привел мой неожиданный приход. За себя я был очень рад, так как мог быть уверен, что не лягу голодным и проведу ночь не под открытым небом (на что я решаюсь только в самых крайних случаях, из опасения лихорадки). Я так проголодался, что с нетерпением ожидал появления табира с кушаньем и почти что не обратил внимания на приход человека, хорошо знавшего диалект Бонгу.

С большим ожесточением принялся я за таро, которое мне подали туземцы, и полагаю, что это была самая большая порция, которую я когда-либо ел в Новой Гвинее. Утолив голод, я припомнил главную причину, которая привела меня в Гориму, и подумал, что теперь как раз подходящее время поговорить с туземцами, имея под рукою человека, могущего служить мне переводчиком. Я его скоро нашел и сказал, что желаю поговорить с людьми Горимы и узнать, что они могут мне сказать. Я предложил ему созвать сейчас же главных людей Горимы. Пока я занялся устройством своего ночлега. У входа в буамрамру собралась значительная толпа людей, созданных моим переводчиком. Последний объявил мне, что все люди Горимы (т. е. тамо-боро) в сборе. Обратившись к переводчику, я велел, чтобы в костер подбросили сухих щепок для более сильного освещения буамрамры. Когда это было сделано, я сел на барум около костра, освещавшего лица присутствующих. Первые мои слова переводчику были: «Абуй и Малу здесь или нет?» Перед тем, забыв эти имена, я должен был пересмотреть мою записную книжку, так как я записал их вчера вечером в полутемноте. Когда я назвал эти два имени, туземцы стали переглядываться между собою, и только через несколько секунд мне было отвечено, что Абуй здесь.

– Позовите Малу, – было мое распоряжение.

Кто-то побежал за ним. Когда Малу явился, я встал и указал Абую и Малу два места около самого костра, как раз против меня. Они с видимым нежеланием подошли и сели на указанные мною места. Затем я обратился с короткою речью к переводчику, который переводил по мере того, как я говорил, т. е. почти слово в слово. Содержание речи было приблизительно следующее. Услышав вчера от людей Богата, что двое людей Горимы, Абуй и Малу, хотят убить меня, я пришел в Гориму, чтобы посмотреть на этих людей (когда я стал поочередно глядеть на обоих, они отвертывались каждый раз, как встречали мой взгляд); что это очень дурно, так как я ничего дурного не сделал ни Абую, ни Малу и никому из людей Горимы; что теперь, пройдя пешком от Богата до Горимы, я очень устал и хочу спать; что сейчас лягу и что если Абуй и Малу хотят убить меня, то пусть сделают это, когда я буду спать, так как завтра я уйду из Горимы.

Договорив последние слова, я направился к барле и, взобравшись на нее, завернулся в одеяло. Мои слова произвели, кажется, значительный эффект среди слушателей. По крайней мере, засыпая, я слышал возгласы и разговоры, в которых мое имя не раз было повторено. Хотя я и хорошо спал, но просыпался несколько раз, но это происходило не из опасения перед туземцами, а вероятнее, по причине моего тяжеловесного ужина, которого я всегда избегаю.

На другое утро я был, разумеется, цел и невредим, и перед отъездом из Горимы Абуй принес мне в дар свинью почтенных размеров и вместе с Малу непременно пожелал проводить меня не только до Богата, но и в таль-Маклай.

Этот эпизод, рассказанный и пересказанный из деревни в деревню, произвел значительный эффект.

Экскурсия в деревню Телята

Июль

Моя шлюпка (динги), будучи слишком малою для помещения провизии на несколько дней и разных вещей (как-то: стола, складного табурета, гамака и т. п.), необходимых для многодневной экскурсии, и, кроме того, ввиду своей плоскости рискующая быть легко залитой при большом волнении, показалась мне неудобною для экскурсии в Телята. Я решил поэтому воспользоваться одним из больших «ванг» Били-Били. Эти пироги, как я уже говорил, имеют довольно вместительную хижину на платформе, так что в одной из таких пирог я мог не только уместить все мои вещи, включая даже и висячую керосиновую лампу, но нашел место и для стола, и для моего небольшого кресла. В хижине же другой пироги поместился Сале со всеми кухонными принадлежностями.

Деревня Телята

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. Июль 1877 г.

Каждым вангом управляло двое людей; один из них управлял парусом, другой – рулем. Один ванг принадлежал моему старому приятелю Каину, другой – Кисёму, очень энергичному, но, к сожалению, чересчур болтливому жителю Били-Били. Люди этой деревни из поколения в поколение ежегодно по несколько раз совершают путешествия вдоль северо-восточного берега до деревни Телята; они изучили эту местность, господствующие ветра, периодичность их, течение, самые удобные пристани вдоль берега и т. д. Поэтому было вполне естественно, что я предоставил моим спутникам всю мореходную часть экспедиции, уговорившись только, что мы будем останавливаться в каждой деревне столько времени, сколько это будет для меня необходимо. Каин и Кисём объяснили мне, что все переходы из деревни в деревню вдоль берега мы будем делать по вечерам или по ночам, пользуясь береговым ветром, который дует равномерно каждую ночь, начинаясь через час или два по заходе солнца и продолжаясь до рассвета. В продолжение дня нам невозможно было бы бороться с противным SO, который иногда дует очень свежо.

Деревня Телята

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. Июль 1877 г.

Итак, часов в 8 вечера туземцы Бонгу помогли людям Били-Били спихнуть оба тяжеловесных ванга в море. Ветер был незначительный, так что мы стали двигаться вперед очень медленно. Я, будучи уже знаком с этим берегом, лег спать, вполне полагаясь на опытность Каина и Гассана. В некотором отдалении двигалась за нами и другая пирога, с Кисёмом, его сыном и Сале в качестве пассажира.

Ванг блангути – двухмачтовая парусная лодка. Остров Били-Били

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 5 октября 1877 г.

6 июля на рассвете мы проходили мимо мыса Риньи, который туземцы называют Тевалиб. Мыс этот состоит из поднятого кораллового рифа, возвышающегося футов на 15–20 над уровнем моря в виде черноватой, изъеденной прибоем стены, над которой в свою очередь поднимается первобытный лес. Пройдя мыс Тевалиб, мы очутились у песчаного берега (называемого улеу на диалекте Бонгу). В этом месте за деревьями виднелись хижины покинутой деревни Бай. Немного спустя мы прошли отмель, около которой вода сильно волновалась и пенилась; это была, вероятно, та самая, которую посылал осматривать командир «Витязя».

По мере того как мы проходили, несколько туземцев бежали по берегу, стараясь рассмотреть, кто могли быть эти странно одетые люди (я и Сале), плывущие на вангах Били-Били.

Дарем в деревне Бай

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. Июль 1877 г.

Пройдя устье реки Говар,[136] мы должны были вытащить наши ванги на берег, так как наступил штиль; при этом нам немало помогла система блоков [...],[137] данная мне П. П. Новосильским еще в 1871 г. и за которую я не раз был ему очень благодарен. Мои спутники скоро выучились их применению и обращались с ними очень ловко.

С этого места открывался красивый вид на горы, но мне пришлось недолго любоваться им, так как большие белые облака закрыли горы и долины.

Здесь на берегу когда-то существовала деревня, но вследствие нападения неприятелей была перенесена в лес, на довольно далекое расстояние от морского берега, по правую сторону от реки Говар.

Имея перед собою целый день, я пошел с Каином и Гассаном в деревню Бай. Мы шли не спеша, всё по лесу, представлявшему для меня большой интерес своей разнообразной растительностью, и только после полудня пришли в деревню. Около некоторых хижин – все они были совершенно новые – были посажены бананы и много табаку; кокосовых пальм, за исключением одной только, не было вовсе. Это обстоятельство, как мне объяснили, произошло оттого, что туземцы боялись, чтобы пальмы, вырастая, не послужили приманкою для неприятелей. Дарем с особенными украшениями была единственная хижина, отличавшаяся от других своей постройкою{98}. Мы приютились в ней, скрываясь от солнечных лучей; туда же нам подали угощение, состоявшее из таро и вареной курицы.

Записывая диалект деревни Бай, я нашел, что туземцы здесь не имеют названия для Piper Methysticum! Они не только не употребляют напиток, приготовляемый из него, но даже постоянно отказываются от кеу, когда бывают в деревнях, где он составляет главный аксессуар всякого пиршества. Нарисовав дарем, я собрался в обратный путь; при прощанье туземцы поднесли мне живую курицу и таро.

Ночевал на ванге, вытащенном на берег.

7

июля. Разбудил людей очень рано. Мы продолжали путь в темноте. В одном месте Каин указал мне, что тут находилась деревня Мендир, но что она была сожжена и покинута жителями, которые переселились в другое место. Когда стало светать, мы плыли вдоль берега, окаймленного скалами (поднятый коралловый риф). Здесь на значительном протяжении не встречается ни одного улеу, почему нет и береговых деревень.

Когда совсем рассвело, мы подъехали к деревне Мегу, где, по словам Каина, почти все жители вымерли. Несколько рак-рак (пироги, сделанные из невыдолбленных стволов) виднелось у берега. Так как дул довольно умеренный SO, то мы благодаря конфигурации берега могли продолжать наш путь в бейдевинд{99}. Пройдя деревню Лёмчуг и устье реки Серекак, мы обогнули мысок, за которым показался другой, густо поросший кокосовыми пальмами. Это был Бан (деревня Сингор), одно из значительнейших селений этого берега.

Мы подошли к его улеу около 5 часов пополудни. Большая толпа туземцев ожидала нас у берега и, подхватив наши ванги, вытащила их высоко на берег.

Я отправился в деревню. Она оказалась сравнительно большой. Тип людей и их постройки ничем особенно не отличались от моих соседей. Костюмы мужчин были совершенно одинаковы с людьми Били-Били, замужние же женщины закрывали груди, надевая на шею небольшой мешок, спускавшийся до пояса. У девушек одежда походила на легкий костюм девочек Били-Били, т. е., кроме небольших кисточек из бахромы спереди и сзади, несколько рядов полукругом опускающихся нитей нанизанных раковин и зубов собак лежали по сторонам ягодиц. Вообще, здешние туземцы в избытке носили украшения из раковин. Здесь также главное место выделки больших украшений, носимых туземцами на груди, так наз. сьюаль-боро, очень ценимых повсюду на Берегу Маклая.

Мне хотелось приобрести один экземпляр этого украшения, почему я предложил большой нож и множество различных безделушек в обмен за сьюаль-боро. Но этого оказалось недостаточно; прибавив еще один нож, я, наконец, получил желаемое.

Повсюду валялись большие раковины (*Tridacna*), из которых вытачиваются сьюаль-боро; тут же лежали большие точильные камни, на которых выделываются эти украшения. К сожалению, я не видел, каким образом они делаются. Множество орехов кенгара (*Canarium commune*) лежало в шелухе на циновках. Орехи выставляются таким образом два или три дня на солнце, после чего мясистая оболочка делается очень мягкой, так что орехи легко отделяются от нее.

Хотя деревня была большая, однако ни площадка ее, ни хижины не содержались в чистоте. Туземцы также не показались мне особенно чистоплотными. Эту ночь я предпочел спать в гамаке, подвешенном мною между деревьями близ берега моря. Стол, кресло, складной табурет, висящая над столом лампа, а затем появившийся ужин и чай – всё это было рядом сюрпризов и ежеминутно увеличивавшегося изумления жителей деревни Сингор, видевших белого и его обстановку в первый раз в жизни. К моему удовольствию, удивление их выражалось не шумно, а ограничилось (я нарочно внимательно наблюдал за выражением их лиц) вкладыванием одного или двух пальцев в рот, прищелкиванием языком, причем некоторые прикладывали себе к носу сжатый кулак левой руки. Одним словом, непосвященному европейцу, увидевшему эти странные жесты туземцев, никак не пришло бы на ум, что они служат выражением удивления. Особенно лампа, свет которой я мог усиливать и уменьшать по желанию, привела всех в неописанный восторг. Также немало удивляло их, что Маклай запивает свои «инги» горячей водой. Толпа не расходилась до тех пор, пока Сале не убрал все со стола и я, написав мой дневник, не снял башмаков и гамашей и не влез в койку. Тогда явился Сале и объявил через посредство Каина, что сейчас потушит лампу. Это, наконец, заставило туземцев удалиться. Они увели Каина с собою, надеясь, вероятно, узнать от него многое из виденного около моего бивуака и оставшееся для них загадочным.

8 июля. Песчаный берег около Сингора состоял собственно из мелкого булыжника, так что всю ночь море разбивалось с большою силою о каменный вал, и шум от набегавших и снова удалявшихся волн, несших и передвигавших булыжники, был очень силен и не раз будил меня в течение ночи. Я проснулся, когда было уже совершенно светло, и посмотрел на часы; было уже половина седьмого. Посмотрел кругом – ни один из моих людей еще не встал; все они спали крепким сном. Не желая долго ждать завтрака, я решил поднять их всех зараз, выстрелив из двустволки, привезенной мною для охоты. Трудно описать, как быстро вскочили мои люди и принялись уверять меня, что оглохли на одно ухо. Я их успокоил и сказал, чтобы они поскорее помогли Сале разводить огонь и готовить завтрак для всех. Мой выстрел привлек жителей деревни, которые прибежали осведомиться, что случилось. Каин воспользовался этим случаем и набросился на бедных жителей Сингора.

– Как это, – завопил он, – Маклай – тамо-боро-боро, Каа-рам-тамо, тамо-рус, приехал сам в Сингор, а эти люди не принесли еще ни свиньи, ни поросенка, ни даже аяна! (таро).

Каин так расходился, что угнал всех обратно в деревню. По прошествии пяти минут стали

появляться из деревни туземцы: кто с аяном, кто с курицей, кто с поросенком, с бананами и мешками кенгара. Двое пришли сказать, что так как свиньи уже разбрелись, то их можно будет словить только вечером, когда они вернуться в деревню. Пока длились все эти переговоры, две из принесенных куриц выпорхнули из рук державших их, так что на берегу состоялась в высшей степени курьезная погоня туземцев за курами. Она кончилась тем, что куры исчезли в лесу и были принесены только через несколько времени, обе пронзенные стрелами. Порода кур здесь очень маленькая, и они сохранили все привычки полудикой птицы.

После завтрака я пошел обстоятельно осмотреть деревню и нашел, что за нею на SO море образует довольно значительную, хотя мелкую бухточку с многочисленными коралловыми рифами. На противоположном мыске, отличающемся рядом скал, грядою выдающихся из моря, расположена другая большая деревня – Телята, цель моей экскурсии. Этим обстоятельством я был неприятно удивлен, так как знал, что никакими обещаниями или подарками мне не удастся уговорить моих спутников отправиться далее этой местности, а путешествие в туземных пирогах, с туземными переводчиками, благодаря которым меня всюду ожидал хороший прием, пришлось мне очень по нраву.

При помощи бинокля я мог рассмотреть несколько деревень, расположенных вокруг бухты. Я решил переправиться в деревню Телята, что можно было сделать довольно удобно даже и при помощи весел, так как в этот день господствовал на море почти что мертвый штиль.

Мои люди из Били-Били негодовали на меня за то, что я оставил людям Сингора большую свинью, обещанную мне ими; они успокоились, когда я заявил, что они могут взять ее от моего имени при следующем посещении этой деревни, съесть ее на месте или отвезти в Били-Били. Сале как магометанин, не евший свинины, отнесся к этому подарку совершенно равнодушно. Когда мы подъезжали к одной из деревень в бухте, нам навстречу выехало несколько пирога, предполагая в нас людей с о. Тиары (Архипелаг Довольных людей); с этим островом здешние жители имеют постоянные сношения, проводя на нем иногда по несколько месяцев, и жители Тиары также приезжают сюда в гости на долгое время.

У следующей деревни Аврай мы заехали за риф, тянущийся вплоть до самой деревни Телята. Когда ванги наши были вытащены на берег, я приказал выбрать из них все мои вещи, так как полагал, что, живя в деревне, мне удобнее будет видеть ежедневную жизнь туземцев и иметь их под рукою для постоянного наблюдения.

Дарем, или буамрамра, для такой обширной деревни, как Телята, представляла собою довольно небольшое здание и была, как я узнал, к великому моему удивлению, единственным даремом во всей деревне. Для меня одного, впрочем, дарем этот был достаточно велик. Пока переносили мои вещи, я увидел среди обступивших меня людей первого совершенно седого папуаса, т. е. такого, у которого все волосы до одного были белы. У половины мужчин, которых я знал, волосы были черные с проседью; у некоторых было немало седых волос, но у этого человека все волосы на голове и бороде были совершенно белые. Туземцы здесь обыкновенно желают скрыть седину, постоянно натирая и смазывая себе волосы черною краской (кumu) и выдергивая себе седые волосы из усов и бороды; этот же старик, напротив, как бы гордился своей белой головою и не только <не> мазал ее никакой краской, но даже содержал ее очень чисто. Я сперва подумал, что имею дело со случаем альбинизма, но, осмотрев старика поближе, нашел, что он сед от старости, а не от чего-либо другого. Через Каина я спросил его, видел ли он когда-либо белого человека и слышал ли что о белых людях. Он без запинок ответил «нет» на первый вопрос; на второй же сказал, что люди ему говорили о Маклае, который живет в Бонгу и Били-Били.

Убедив старика, что я и есть именно тот Маклай, о котором он слышал, я подарил ему нож, к большой зависти остальных, и дал ему большую порцию табаку. Данный старику нож произвел странное действие: всем туземцам вдруг захотелось иметь по ножу, но так как у них

не было ни совершенно седых волос, ни каких-либо других характерных особенностей, то я объявил первому из просящих, что дам ему нож в обмен за буль-ра (украшение из свиных клыков, которое туземцы носят на груди); другому обещал дать нож за большой табир, третьему – за каменный топор и т. д. Все эти вещи явились в продолжение дня, и каждый получил в обмен за них хороший стальной нож.

Как и в Сингоре, туземцы здесь повсеместно сушили на солнце орехи кенгара; свежие орехи, собираемые в это время года, очень вкусны и очень богаты маслом.

Отдохнув немного, я прошелся по деревне, за которой сейчас начинаются большие плантации, чего мне до сих пор еще не приходилось видеть в деревнях, расположенных вокруг бухты Астроляб. На этих плантациях росло особенно много банан, но так как плодов на них еще не было, то я и не мог видеть, сколько разновидностей разводят здешние туземцы. Бананы здесь едят недозрелыми и варят их как овощи, так что и впоследствии мне не удалось познакомиться с разновидностями этих плодов. Пройдя через плантацию, я вышел к морю и очутился перед обширной открытой бухтой, тянувшейся на О. Благодаря биноклю мне удалось рассмотреть хижины трех деревень; но здешние туземцы не находятся в сношении с тамошними, так что я даже не мог добиться названия тех деревень.

Вечером я имел долгое совещание с Каином, уговаривая его отправиться далее; обещал ему один и даже два топора, ножей, красного коленкору, бус – одним словом, несметные для него богатства. Но он стоял на своем: «Нет», «Нельзя», «Убьют», «Всех убьют», «Съедят» и т. д. – вот все, чего я мог от него добиться.

Я указывал на мой револьвер. Он, хотя и попросил спрятать его, но все-таки продолжал говорить: «Убьют!», «Маклай один, а людей там много».

Часа два бился я с ним таким образом и все-таки не уломал его. В досаде на его возражения я повернулся к нему спиной и заснул, вероятно, прежде, чем он договорил.

9 июля. Отправился по широкой, хорошей тропинке, пролежавшей в лесу, в деревню Аврай. Повсюду поднимались высокие стволы кенгара; их здесь так много, что, полагаю, они были насажены предками теперешних жителей. Орехами кенгара туземцы положительно ведут меновую торговлю с соседскими деревнями.

На рифе, который можно было видеть с дороги, множество женщин собирали морских животных, пользуясь отливом.

Деревня Аврай представляет собою живописный уголок в лесу; только весьма немногие мелкие деревья были вырублены и заменены кокосовыми и арековыми пальмами, бананами, кустами разных видов *Coleus* и *Hibiscus*, а большие все оставлены, так что везде на площадках, вокруг которых живописно ютились небольшие хижины, была тень и прохлада. Дарем не оказалось, почему я и пришедшие со мною люди из Били-Били и Телята расположились на циновках на площадке. Я положительно отказался от всякой еды, кроме кокосовой воды и свежих орехов кенгара. Однако ж туземцы непременно хотели поднести мне что-нибудь, хотя бы и курицу.

Чтобы поймать ее, туземцы устроили род ловушки, состоящей из петли, которая была затянута, как только одна из куриц неосторожно ступила в круг, где были набросаны несколько кусочков кокосового ореха.

Я видел в деревне Аврай несколько очень больших табиров, замечательно правильной овальной формы. Трудно себе представить, каким образом достигается такая правильность, так как известно, что туземцы не имеют других орудий и инструментов, кроме осколков кремня и разных раковин. Это можно объяснить единственно тем, что на выделку каждой вещи туземцы посвящают очень много времени, уж не упоминая о том, что они обладают

очень верным глазом и значительным вкусом. Один из туземцев принес в деревню два вновь заостренных копья. Я пожелал узнать, при посредстве Каина, каким образом это было сделано. Было видно, что работа сделана только наполовину; недоставало окончательной полировки и окраски. Каин объяснил мне, что концы этих копий были сломаны при охоте на диких свиней и, чтобы заострить их вновь, их отточили на кораллах. Это обстоятельство меня очень заинтересовало, и я попросил, чтобы один из мальчиков сбегал на риф и принес образчик коралла, употребляемого при этой операции. Мне принесли весьма красивый экземпляр, из рода *Meandrina*, величиною в человеческую голову. На довольно ровной и вместе с тем шероховатой поверхности его с некоторою силою и ловкостью было нетрудно заострить любую палку. На рифе, кроме того, вода и слизистая оболочка коралла помогают процессу стачивания. Каин сказал мне, что везде на берегу при выделке деревянного оружия употребляется этот метод полировки.

Вернувшись в деревню Телята, я нарисовал группу хижин, которые напоминали собою скорее хижины горных деревень, чем хижины береговых деревень и на островах. Пока я рисовал, Сале прибил к одному из деревьев медный ярлык с моей монограммой.

11 июля. Так как не стоило возобновлять разговор с Каином о поездке дальше вдоль берега, я собрался в обратный путь рано утром. Для возвращения SO был нам почти что попутным ветром. На пути я хотел посетить еще так наз. деревни Рай-Мана и взобраться на гору Сируй. Когда мы подошли к берегу около деревни Биби, то берег оказался совершенно пустынным и в деревне никого не было. Каин объяснил, что все жители ушли в горы: «Унан барата – будь уяр» (жечь унан и есть свиней).

Мои спутники из Били-Били почему-то трусили перед горными жителями и в качестве приморцев полагали, что карабкаться по горам – не их дело. Я знал положение деревень Рай только приблизительно (с пироги я мог с помощью бинокля разглядеть в горах группы кокосовых пальм), но все-таки отправился туда в сопровождении моего слуги Сале. Мне без особенного труда удалось добраться до деревень, где горные жители Рай-Мана приняли меня как нельзя лучше; они по слухам уже знали мое имя и сейчас же догадались, кто это к ним пришел. Я пожалел, что мы не понимали друг друга, но знаками объяснил, что хочу идти на высокий холм, который находился за их деревню и который они называют Сируй-Мана. Проводники нашлись сейчас же, и мы отправились немедленно. С вершины Сируй-Мана (около 1200 фут.) открывалась красивая панорама Берега Маклая на значительном протяжении. Вернувшись снова в деревню, я снова был встречен жителями крайне любезно и предупредительно. Я провел ночь в одной из хижин и вернулся на другое утро, довольно рано, к тому месту, где оставил ванги.

Выкупавшись в море, мы пустились в обратный путь и еще засветло подошли к улеу Бонгу. Встретивший меня Мёбли и туземцы Бонгу сообщили мне весть о смерти Вангума во время моего отсутствия; это был туземец из Горенду, человек лет 25. Вангум был крепкий и здоровый мужчина, как вдруг заболел и дня через 2–3 внезапно умер. Мёбли сказал мне, что деревни Бонгу и Горенду находились в сильной тревоге вследствие этой смерти. Отец, дядя и родственники покойного, которых было немало в обеих деревнях, усиленно уговаривали все мужское население Бонгу и Горенду безотлагательно отправиться в поход на жителей одной из горных деревень. Это обстоятельство было очень серьезно, так что я, услышав о происшедшем, решил не допустить этой экспедиции в горы. Я воздержался, однако ж, от всяких немедленных заявлений, желая сперва обстоятельно узнать положение дела.

15 июля. Я узнал вечером об одном благоприятном для моих планов обстоятельстве, именно, что жители Бонгу и Горенду никак не могут сговориться насчет того, в которой деревне живет предполагаемый недруг Вангума или его отца, приготовивший оным, который причинил смерть молодого человека. Это разногласие они, однако же, надеялись уничтожить весьма простым способом, а именно: напасть сперва на одну, а затем и на другую деревню.

Явившаяся ко мне депутация из Бонгу, для того чтобы просить меня быть их союзником в случае войны, получила от меня положительный отказ. Когда некоторые из них продолжали уговаривать меня помочь им, я сказал с очень серьезным видом и возвысив немного голос: «Маклай баллал кере» (Маклай говорил довольно). После этого депутация удалась.

Затем я отправился в Горенду послушать, что мне скажут там. Людей там я встретил немного; все говорили о предстоящей войне с мана-тамо. Я вошел в хижину Вангума; в углу около барлы возвышался гамбор; недалеко от него горел костер, около которого на земле, вся измазанная сажей, почти без всякой одежды, сидела молодая вдова умершего. Так как в хижине никого, кроме меня, не было, то она улыбнулась мне далеко не печально. Ей, видимо, надоела роль неутешной вдовы. Я узнал, что она должна перейти к брату умершего. Не достигнув задуманной цели моего посещения, я отправился домой и дорогою застал отца Вангума раскладывавшим огонь на берегу, под совершенно новою пирокою своего умершего сына, которую последний окончил всего за несколько дней до своей смерти. Пирога была порублена во многих местах; теперь он хотел покончить с нею совершенно, т. е. сжечь ее. Зная, что я отговариваю людей от войны, затевавшейся по поводу смерти его сына, старик еле-еле поглядел на меня.

Прошло несколько дней. Экспедиция в горы не состоялась. Впрочем, я не приписываю этого моему вмешательству, а просто обе деревни не сошлись на этот раз в мнениях.

23 июля, около 3 часов, я сидел на веранде за какою-то письменною работою; вдруг является Сале, весь запыхавшийся, и говорит мне, что слышал от людей Бонгу о внезапной смерти младшего брата Вангума. Опасаясь за последствия смерти обоих братьев в течение такого короткого времени, я сейчас же послал Мёбли в деревню узнать, правда ли это. Когда он вернулся, то рассказал мне следующее: утром Туй, 9– или 10-летний мальчик, брат Вангума, отправился с отцом и другими жителями Горенду ловить шримсов{100} к реке Габенеу. Там его ужалила в палец руки небольшая змея; яд подействовал так сильно, что перепуганный отец, схватив ребенка на руки и бросившись почти бегом в обратный путь, принес его в деревню уже умирающим.

Собрав в одну минуту все необходимое, т. е. ланцет, нашатырный спирт, марганокислый калий и несколько бинтов, я поспешил в Горенду. Нога у меня сильно болела, почему я очень обрадовался возможности воспользоваться пирокою, отправлявшейся в порт Константин, так как она могла довести меня в Горенду. Около Урур-И мы узнали от бежавших из Горенду сильно возбужденных Иона и Намуя, что бедняга Туй только что умер и что надо идти жечь хижины ямбан-тамо! Послышалось несколько ударов барума, возвещающие смерть мальчика; когда я вышел на берег, меня обогнали несколько бегущих и уже воющих женщин. В деревне волнение было сильное; страшно возбужденные мужчины, почему-то все вооруженные, воющие и кричащие женщины сильно изменяли физиономию обыкновенно спокойной и тихой обстановки деревни. Везде только и было слышно, что «оним», «Кумани», «Ямбан-тамо бар?та»!{101}

Эта вторая смерть, случившаяся в той же деревне и даже в той самой семье, где и первая, последовавшая в промежуток каких-нибудь двух недель, произвела среди жителей обеих деревень настоящий пароксизм горя, жажды мести и страха... Даже самые спокойные, которые раньше молчали, теперь стали утверждать, что жители которой-нибудь горной деревни приготовили «оним», почему Вангум и Туй умерли один за другим, и что если этому не положить конец немедленным походом в горы, то все жители Горенду перемерут, и т. п.

Война теперь уже казалась неизбежною. О ней толковали и старики, и дети, всех же больше кричали бабы; молодежь приготовляла и приводила в порядок оружие. На меня в деревне поглядывали искоса, зная, что я против войны; некоторые смотрели совсем враждебно, точно я был виноват в случившейся беде. Один старик Туй был, как и всегда, дружелюбен со мною и только серьезно покачивал головою. Мне не оставалось ничего больше делать в Горенду;

люди были слишком возбуждены, для того чтобы выслушать меня спокойно. Пользуясь лунным светом, я прошел в Бонгу наикратчайшею тропинкою. Здесь тревога хотя была и меньше, но тем не менее довольно значительная. Саул старался уговорить меня согласиться с ним в необходимости похода на мана-тамо. Аргументы его были следующие: последние события – результат «онима»; затем, если они (т. е. тамо Бонгу) не побьют мана-тамо, то будут побиты последними.

Вернувшись домой, я даже у себя не мог избавиться от разговоров об «оним»; Сале сказал мне, что на о. Яве «оним» называется «доа», и верил в значение его. Мёбли сообщил, что на островах Пелау «олай» то же самое, что «оним», и также не сомневался в том, что от действия «онима» люди могут умирать.

Ванг, принадлежащий Кисёму

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 25 сентября 1877 г.

24 июля. Утром отправился в Горенду. Туземцы имели более покойный вид, чем накануне, но продолжали быть очень мрачными; даже Туй был сегодня в пасмурном настроении.

– Горенду басса (конец Горенду), – сказал Туй, протягивая мне руку Я пожелал, чтобы Туй объяснил мне, в чем именно заключается «оним». Туй сказал, что мана-тамо как-нибудь достали таро или ямса, не доеденного людьми Горенду, и, изрезав его на кусочки, заговорили и сожгли. Мы направились к хижине, где лежал покойник и где толпились мужчины и женщины. Неожиданно раздался резкий свист «ая»; женщины и дети переполошились и без оглядки пустились бежать в лес. Я также не понимал, что будет, и ожидал целую процессию, но вместо нее появился только один человек, который непрестанно дул в мунки-ай, свистя прошел мимо входа в хижину, где лежало тело мертвого Туя, заглянул в нее и снова ушел. Что это значило, я так и не понял.

Когда замолк свист «ая», женщины вернулись и вынесли покойника из хижины. Старик Бугай натер ему лоб белой краской (известью), провел тою же краскою линию вдоль носа; остальные части лица покойного были уже вымазаны «куму» (черною краской). В ушах у него были вдеты серьги, а на шее висели «губо-губо». Бугай прибавил к этому праздничному убранству еще новый гребень, с белым петушиным пером, которое он воткнул ему в волосы. Затем тело стали обертывать в «губ»; но это было только на время, так как собственно «гамбор-россар» (увязывать корзину) должны были не здесь, а в Бонгу. Сагам, дядя покойного, взял труп на плечи, подложив «губ» под тело, и направился скорым шагом по тропинке, ведущей в Бонгу. За ним последовала вся толпа.

Я с несколькими туземцами пошел другою дорогою, а не той, по которой отправилась похоронная процессия, и <мы> прибыли на одну из площадок Бонгу почти одновременно с нею. Здесь из принесенных губ был приготовлен гамбор, в который опустили покойника, причем ни одно из украшений, надетых на него, не было снято; голову покойника закрыли мешком. Пока мужчины, ближайшие родственники умершего, увязывали гамбор, несколько женщин, вымазанных черною краской, вопили, приплясывая, причем очень вертели задом и гладили гамбор руками. Больше всех их отличалась Каллоль, мать умершего; она то скребла землю ногтями, то, держась за гамбор, немилосердно выла, приплясывая и делая положительно неприличные телодвижения.

Наконец, гамбор был отнесен в хижину Сагама. Мне, как и другим, был предложен оним, для того чтобы и с нами не случилось какого-нибудь несчастья. Я согласился, желая увидеть, в чем состоит оним. Ион, один из присутствовавших, выплюнул свой оним мне и другим на ладони, после чего мы все гурьбою отправились к морю мыть руки. Старик Туй уговаривал меня приготовить «оним Маклай», чтобы сильное землетрясение разрушило все деревни в

горах, но не сделало бы ничего прибежным жителям.

Вечером этого же дня я услышал звуки барума в Горенду, и вернувшийся оттуда через несколько времени Мёбли, который зачем-то ходил в деревню, разбудил меня и таинственно сообщил, что война с мана-тамо (вероятно, с Теньгум-мана) решена. Но было положено ничего не говорить о ней Маклаю.

Войны здесь хотя и не отличаются кровопролитностью (убитых бывает немного), но зато очень продолжительны, переходя часто в форму частных вендетт, которые поддерживают постоянное брожение между общинами и очень затягивают заключение мира или перемирия. Во время войны все сообщения между многими деревнями[138] прекращаются, преобладающая мысль каждого: желание убить или страх быть убитым.

Мне было ясно, что этот раз мне не следовало смотреть, сложа руки, на положение дел в деревне Бонгу, находившей всего в пяти минутах ходьбы от моего дома. Притом молчание с моей стороны, при моей постоянной оппозиции войнам, когда только несколько дней тому назад я восстал против похода после смерти старшего брата <Туя>, было бы странным, нелогичным поступком. Мне не следовало уступать и на этот раз, чтобы не быть принужденным уступать впоследствии. Мне необходимо было оставить в стороне мою антипатию к вмешательству в чужие дела. Я решил запретить войну. На сильный аффект следует действовать также аффектом, но еще более сильным, и сперва необходимо разрознить единодушную жажду мести. Следовало поселить между туземцами разногласие и тем способствовать к охлаждению первого пыла.

Хижина в деревне Рай

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. Июль 1877 г.

25 июля. Я долго не спал, а затем часто просыпался, обдумывая план моих будущих действий. Заснул я только к утру. Проснувшись и перебрав вчерашние размышления, я решил избрать план моих будущих действий, который, по моему мнению, должен был дать желаемые результаты и который, как оказалось, подействовал даже еще сильнее, чем я ожидал.

Главное – не надо было торопиться (surtout pas trop de z?le!) [Главное – не переусердствовать (франц.)]. Поэтому, несмотря на мое нетерпение, я выждал обычный час (перед заходом солнца), чтобы отправиться в Бонгу. Как я и ожидал, в деревне всюду шли толки и рассуждения о случившемся. Заметив, что туземцам очень хочется знать, что я думаю, я сказал, что и Вангум и Туй были молоды и здоровы и что старик отец остается теперь один; но что все-таки Маклай скажет все то же, что говорил и после смерти Вангума, т. е.: войне не быть!

Весть о словах Маклая, что войны не должно быть, когда все готовятся к ней, мигом облетела всю деревню. Собралась большая толпа; но в буамрамру, где я сидел, вошли только одни старики. Каждый из них старался убедить меня, что война необходима.

Рассуждать о неосновательности теории «онима» было бы невозможно ввиду ограниченности в моих знаниях языка туземцев – это во-первых; во-вторых, я только даром потратил бы времени, так как мне все равно не удалось бы никого убедить; а в-третьих, это было бы большим промахом, так как каждый стал бы перетолковывать мои слова на свой лад. Тем не менее я выслушал очень многих; когда последний кончил говорить, я встал, собираясь идти, и обыкновенным моим голосом, представлявшим сильный контраст с возбужденной речью туземцев, повторил: «Маклай говорит: войны не будет, а если вы отправитесь в поход в горы, с вами со всеми, людьми Горенду и Бонгу, случится несчастье!»

Наступило торжественное молчание, затем посыпались вопросы: «Что случится?», «Что будет?», «Что Маклай сделает?» и т. п. Оставляя моих собеседников в недоумении и предоставляя их воображению найти объяснение моей угрозы, я ответил кратко: «Сами увидите, если пойдете».

Отправляясь домой и медленно проходя между группами туземцев, я мог убедиться, что воображение их уже работает: каждый старался угадать, какую именно беду мог пророчить Маклай.

Не успел я дойти до ворот моей усадьбы, как один из стариков нагнал меня и, запыхавшись от ходьбы, едва мог проговорить: «Маклай, если тамо-Бонгу отправятся в горы, не случится ли тангрин?» (землетрясение).

Этот странный вопрос и взволнованный вид старика показали мне, что слова, произнесенные мною в Бонгу, произвели значительный эффект.

– Маклай не говорил, что будет землетрясение, – возразил я.

– Нет, но Маклай сказал, что если мы пойдём в горы, случится большая беда. А тангрин – большое, большое несчастье. Люди Бонгу, Гумбу, Горенду, Богати, все, все боятся тангрин. Скажи, случится тангрин? – повторил он просительным тоном.

– Может быть, – был мой ответ.

Мой приятель быстро пустился в обратный путь, но был почти сейчас же остановлен двумя подходившими к нам туземцами, так что я мог расслышать слова старика, сказанные скороговоркой: «Я ведь говорил, тангрин будет, если пойдём. Я говорил».

Все трое направились почти бегом в деревню.

Следующие затем дни я не ходил в Бонгу, предоставляя воображению туземцев разгадывать загадку и полагаясь на поговорку: «У страха глаза велики». Теперь я был уверен, что они сильно призадумаются и военный пыл их таким образом начнет мало-помалу остывать, а главное, что теперь в деревнях господствует разногласие.

Я нарочно не осведомлялся о решении моих соседей, они тоже молчали, но приготовления к войне прекратились.

Недели через две ко мне пришел мой старый приятель Туй и подтвердил уже не раз доходивший до меня слух о том, что он и все жители Горенду хотят покинуть свою деревню, хотят выселиться.

Туй (сын Бонема). Горенду

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1877 г.

– Что так? – с удивлением спросил я.

– Да мы все боимся жить там. Останемся в Горенду – все умрем, один за другим. Двое уже умерли от «оним» мана-тамо, так и другие умрут. Не только люди умирают, но и кокосовые пальмы больны. Листья у всех стали красные, и они все умрут. Мана-тамо зарыли в Горенду «оним» – вот и кокосовые пальмы умирают. Хотели мы побить этих мана-тамо, да нельзя, Маклай не хочет, говорит: «Случится беда». Люди Бонгу трясют, боятся тангрин. Случится

тангрин – все деревни кругом скажут: «Люди Бонгу виноваты; Маклай говорил, будет беда, если Бонгу пойдут в горы»... Все деревни пойдут войною на Бонгу. Вот люди Бонгу и боятся. А в Горенду людей слишком мало, чтобы идти воевать с мана-тамо одним. Вот мы и хотим разойтись в разные стороны», – закончил Туй уже совсем унылым голосом и стал перечислять деревни, в которых жители Горенду предполагали расселиться.[139] Кто хотел отправиться в Гориму, кто в Ямбомбу, кто в Митебог; только один или двое думают остаться в Бонгу. Так как расселение это начнется через несколько месяцев, после сбора посаженного уже таро, то я не знаю, чем это кончится.[140]

Новый дом

Август

Новый дом, начатый еще в июне месяце, был окончен в первых числах августа; размерами он походил совершенно на тот, в котором я живу. Думаю, что я, вероятно, и не буду нуждаться в нем, если только ожидаемая мною шхуна придет ранее конца года; если же нет, то мне придется переселиться в него, потому что крыша моего настоящего дома навряд ли выдержит более 18 месяцев: некоторые столбы и балки сильно изъедены белыми муравьями, так что я ежедневно опасаюсь, как бы они не забрались в ящики с книгами или с бельем. Углядеть за ними очень трудно, так как белые муравьи устраивают крытые ходы от одного предмета к другому, как, например, от ящика к ящику. Осматривать же ящики каждый день – такая возня, что действительно в этом случае игра не стоит свеч. В моем новом доме все столбы и балки сделаны из такого леса, который белые муравьи не трогают. Когда его строили, я нарочно не позволял брать других видов дерева, кроме вышеупомянутого. Одно из них было темного цвета и называется туземцами [...],[141] другое, очень белое и твердое, называется здесь энглам.

Постройка хижины отличалась большой прочностью.

Маклай может ли умереть?

Я имел обыкновение часу в шестом вечера отправляться к моим соседям в деревню Бонгу. Сегодня я отправился, зная, что увижу там также и жителей других деревень, которых ожидали из Били-Били и Богати. Придя в деревню, я вошел в буамрамру, где происходил громкий оживленный разговор, который оборвался при моем появлении. Очевидно, туземцы говорили обо мне или о чем-нибудь таком, что им хотелось скрыть от меня. Заходящее солнце красноватыми лучами освещало внутренность буамрамры и лица жителей Бонгу, Горенду, Били-Били и Богати. Было целое сборище. Я сел. Все молчали. Мне показалось ясным, что я помешал их совещанию. Наконец, мой старый приятель Саул, которому я всегда доверял более других, позволял иногда сидеть на моей веранде и с которым частенько вступал в разговоры о разных трансцендентальных сюжетах, подошел ко мне. Положив руку мне на плечо (что было не простая фамильярность, которую я не имею обыкновения допускать в моих отношениях с туземцами, а скорее выражение дружбы и просьбы), он спросил меня заискивающим голосом и заглядывая мне в глаза: «Маклай, скажи, можешь ты умереть? Быть мертвым, как люди Бонгу, Богати, Били-Били?»

Саул – папуас из деревни Бонгу

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1877 г.

Вопрос удивил меня своей неожиданностью и торжественным, хотя и просительным, тоном. Выражение физиономий окружающих показало мне, что не один только Саул спрашивает, а что все ожидают моего ответа. Мне подумалось, что, вероятно, об этом-то туземцы и разговаривали перед моим приходом, и понял, почему мое появление прекратило их разговор.

На простой вопрос надо было дать простой ответ, но его следовало прежде обдумать. Туземцы знают, убеждены, что Маклай не скажет неправды; их пословица «Баллал Маклай худи» (слово Маклая одно) не должна быть изменена и на этот раз.

Посему сказать

нет нельзя, тем более что, пожалуй, завтра или через несколько дней какая-нибудь случайность может показать туземцам, что Маклай сказал неправду. Скажи я

да, я поколеблю сам значительно мою репутацию, которая особенно важна для меня именно теперь, несколько дней после запрещения войны. Эти соображения промелькнули гораздо скорее, нежели я пишу последние строки. Чтобы иметь время обдумать ответ, я встал и прошелся вдоль буамрамры, смотря вверх, как бы ища чего-то (собственно, я искал ответа). Косые лучи солнца освещали все мелочи, висящие под крышей; от черепов рыб и челюстей свиней мой взгляд перешел к коллекции разного оружия, прикрепленного ниже[142] над барлой: там были луки, стрелы и несколько копий разной формы. Мой взгляд остановился на одном из них, толстом и хорошо заостренном.

Я нашел мой ответ.

Сняв со стены именно это тяжелое и острое копье, которое, метко брошенное, могло причинить неминуемую смерть, я подошел к Саулу, стоявшему посреди буамрамры и следившему за моими движениями. Я подал ему копье, отошел на несколько шагов и остановился против него. Я снял шляпу, широкие поля которой закрывали мое лицо: я хотел, чтобы туземцы могли по выражению моего лица видеть, что Маклай не шутит и не моргнет, что бы ни случилось.

Я сказал тогда: «Посмотри, может ли Маклай умереть».

Недоумевавший Саул хотя и понял смысл моего предложения, но даже не поднял копья и первый заговорил: «Арен! Арен» (Нет! Нет!). Между тем некоторые из присутствующих бросились ко мне, как бы желая заслонить меня своим телом от копья Саула. Простояв еще несколько времени перед Саулом в ожидании и назвав его даже шутливым тоном бабою, я сел между туземцами, которые говорили все зараз.

Ответ оказался удовлетворительным, так как после этого случая никто не спрашивал меня, могу ли я умереть.

<Заметки о втором пребывании на Берегу Маклая>

Экскурсия в Марагум-Мана 2 и 3 августа 1876 г.

(часов 5 от берега)

В шлюпке до устья речки Морель, затем через лес на холмах, покрытых унаном, общее

направление – SSO.

От холма обширный вид: Самбул-Мана на W, Энглам-Мана – SW, Марагум-Мана – SSO. Следы землетрясения попадаются на дороге этой часто в виде длинных трещин и обвалов. Прошли часа 3, дорога тянется берегом, высоким и обрывистым, р. Камран, которой берега представляют хорошие геологические разрезы.

В широком ложе текут несколько рукавов реки, и в некоторых местах представляются обработанные поляны. Горные породы, которые везде здесь встречаются, – глинистый сланец и белый известняк.

Деревня сама разделена на несколько деревушек, отделенных глубокими оврагами. Деревня не представляет ничего особенного, хижины вообще низки, покрыты унаном и однообразной постройки.

Кокосов мало.

Вышина около 750 фут.

Экскурсия в Рай

По случаю противного ветра остался весь день в бухточке при устье речки Боу, затем, остановившись в другой бухточке, Леле, ночью прибыл, обогнув скалистый берег мыса Риньи, к улеу Рай, которая после Гумбу первая береговая деревня на SO. За деревней ряд холмов невысоких, состоящих из поднятых кораллов (на несколько сот футов), за ними более высокий конический холм, которого вышину не удалось определить.

Около Рай находятся следующие деревни:

1) Сераиб; 2) Симна; 3) Варик; 4) Вальгаб; 5) Мурисан.

Пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее

(от июня 1876 г. по ноябрь 1877 г.)[143]

О моем третьем посещении Новой Гвинее могу сказать, во-первых, что оно проходит без таких помех, как приключились при второй экспедиции (на Берег Ковиай в 1874 г.), и, во-вторых, что, сообразно с моим наперед обдуманном планом, оно составляет во всех отношениях продолжение начатых исследований во время первого пребывания на этом берегу (в 1871–1872 гг.).

Мой отъезд в декабре 1872 г. был слишком неожидан, чтобы не оставить многих значительных пробелов в предпринятых работах; и если я согласился на отъезд, то это было только вследствие моего уже тогда принятого решения вернуться со временем на этот берег и дополнить, сколько возможно, что приходилось оставить тогда начатым и отчасти едва затронутым.

Направленный местными условиями при первом посещении Новой Гвинее главным образом на исследования по антропологии и предоставив

ее задачам указывать мне направление пути при последующих путешествиях (при 2-й экспедиции в Новую Гвинею, путешествии в Малайском полуострове), я и этот раз остался ей верным.

Предпринимая путешествие, намереваясь посетить несколько местностей и имея выбор остаться долее в одной из них, мне казалось, помимо других причин,[144] вернее и целесообразнее не поддаваться на приманку новизны и вернуться сюда, на Берег Маклая, продолжать и дополнять начатое. Пересмотр перед отъездом из Явы (в декабре 1875 г.) сведений, добытых в 1871–1872 гг. о туземцах Берега Маклая, по случаю публикации продолжения моих замечаний о них,[145] весьма сильно повлиял на это решение: откинув то, в верности чего у меня оставалось сомнение, мне ясно представилось большое число пробелов и вопросов, остававшихся без удовлетворительных ответов. Зная язык и пользуясь доверием туземцев, я более чем кто другой был в состоянии дополнить уже добытые сведения об их нравах и обычаях.

Возвращаясь на Берег Маклая, я

не имел в виду предпринять дальней экскурсии во внутрь страны. Этот проект, несмотря на всю заманчивость его, я устранил еще при отъезде из программы моей деятельности 1876–1877 гг., полагая, что и без такой экскурсии мне остается много неоконченного и неясного в ближайшей близи; также потому, что запасы и снаряды разного рода, наем необходимого контингента людей потребовали бы значительных расходов, средствами для покрытия которых я не располагал в то время. К тому же эти люди, совершенно необходимые для дальней экспедиции во внутрь страны,[146] были бы мне совершенно не нужны при продолжительном пребывании в Новой Гвинее и составляли бы даже положительную тягость в последнем случае. Не только их пропитание представляло бы затруднение, но даже сомнительно, что они ужились бы мирно с туземцами; во всяком случае, потребовались бы постоянный надзор за ними и разбирательство, вероятно, частых ссор между ними самими и между ними и туземцами. На все это пришлось бы жертвовать время, с которым европеец в этой интересной, но малопригодной для его здоровья стране должен обходиться весьма и весьма экономно.

С другой стороны, ватага слуг, окружающая путешественника, составляющая как бы живой забор, часто мешает непосредственному наблюдению туземцев, влияет нередко значительно на сношении с последними, не говоря уже о том, что, внося при случае посторонний элемент в процесс мышления и во взгляды туземцев, запутывает и искажает сведения об их обычаях и воззрениях, которые при знании языка возможно получать от них.[147]

Взятые мною 3 человека прислуги были достаточны, чтобы освободить меня от докучных забот ежедневной жизни, и мое помещение в Бугарломе[148] было достаточно удобно, чтобы, отдыхая от небольших, несколькихдневных, часто предпринимаемых экскурсий в окрестности, заниматься моими сравнительно-анатомическими работами.

Начну перечнем главных работ, которые занимают мое время.

Во-первых, работы по антропологии.[149] Я занимаюсь при случае антропологическими измерениями,[150] которые вследствие недоверия и подозрительности папуасов я не мог предпринять в 1871–1872 гг., но что теперь, при старом знакомстве, они не могут отказывать мне и должны побеждать свое отвращение к подобным непонятым для них манипуляциям над их личностью. Я увеличил также мою коллекцию черепов для будущих исследований дюжиною черепов, которые родственники умерших

захотели предоставить мне; но был принужден оставить нетронутыми (иными словами, не украл) несколько, вероятно, полных скелетов, хотя знал, где они находятся, не желая злоупотребить доверием туземцев, а они не захотели понять моих весьма ясных намеков, что

я желаю иметь их. Зная, что возможно добыть совершенно полные скелеты в разных госпиталях,[151] я не желаю поколебать легкомысленным шагом нелегко добытое доверие папуасов. Отсутствие фотографической камеры весьма чувствуется; эту работу приходится отложить до 3-го посещения моего Берега!

Во-вторых. Мое внимание было главным образом направлено на вопросы по

этнологии, сознавая, что я нахожусь вследствие многих обстоятельств в удобном положении наблюдать несмешанное и изолированное племя.

Кроме нашего знакомства и обоюдного доверия, мое намерение, которое они знают, что если я и оставлю опять на время этот Берег, я снова вернусь сюда, заставляет туземцев мало-помалу менее стесняться моим присутствием и не изменять или не стараться скрывать постоянно свои обычаи и насиловать свою обыкновенную *mani?re d'?tre* [Манера держаться, вести себя (франц.)]. [152] Немало помогает моему успеху сохранять и укреплять доверие туземцев то, что я здесь

единственный белый, который живет между ними, так как поведение других (в чем я много раз убеждался на других островах) повлияло бы значительно на отношение туземцев к каждому белому в отдельности.

Но при всей обширности поля исследования, несмотря на все мое старание не упустить случая, чтобы знакомиться со всеми подробностями папуасской жизни, я должен сознаться, что мои успехи в этом отношении подвигаются

крайне медленно.

Кто имел случай поставить себе задачей наблюдение первобытного племени при ограниченном знании языка,[153] знает, как

туго идешь вперед, если, критически относясь к каждому так наз. «открытию», отбрасываешь весь хлам неполных, неточных и искаженных посторонним влиянием наблюдений!

Выражение «шаг за шагом» далеко

не достаточно, чтобы выразить всю медленность этого движения.

Расспросы туземцев об обычаях мало помогают (вследствие многих причин), [154] приводят к ошибкам или к воображаемому разрешению вопросов. Единственный путь –

видеть все собственными глазами, а затем, отдавая себе отчет (при записывании) виденного, надо быть настороже, чтобы не воображение, а действительное наблюдение дало бы полную картину обычая или церемонии. Мне даже кажется полезным идти далее: следует удержаться (чтобы не ввести читателя в лишнее затруднение, а может быть, в ошибку) при этом описании виденного от всякого рода субъективных гипотез, объяснений и т. п. Далее, для каждого обряда, церемонии, обычая требуется соответствующий предлог; но эти предлоги как назло наблюдателю представляются в некоторых случаях очень и очень не часто. [155]

Несмотря на наилучшие отношения наши, я единственно мог рассчитывать

на случай; чтобы видеть что-нибудь, я должен был

случайно заставить туземцев на месте действия.

Предупреждение, что приду, или приказ призвать меня, когда случится то и то, когда будут делать это или другое, были часто достаточны, чтобы повлиять на всю процедуру. Опытом я пришел к результату, что лучший образ действия с моей стороны, чтобы узнать и видеть что-нибудь

неискаженное из обычаев туземцев, состоит в том, что я принимаю относительно всего сюда касающегося вид полнейшего равнодушия, и, только притворяясь таким образом, мне удается видеть кое-что из их интимной жизни, не измененное скрытничеством и суеверным страхом...

Несмотря на это утомительное движение, $1/4$ и $1/2$ шага вперед, иногда целый шаг назад, [156] я продолжаю этот путь, подстерегая ежедневные и экстраординарные эпизоды жизни туземцев под видом полнейшего индифферентизма, иногда даже хитростью добываю частички матерьяла к их этнологии, поставив себе за правило верить

единственно своим глазам и не слушать воображение. Я старался тем более накапливать постоянно мои наблюдения в этом направлении, потому что именно эта сторона жизни скорее всего изменяется и исчезает, как только белый человек появляется между первобытными племенами.

(Я вошел не без намерения в некоторые подробности относительно собирания матерьялов по этнологии, во-первых, потому, чтобы показать, через какой фильтр критики с моей стороны должны проходить собираемые сведения, а во-вторых, чтобы дать понятие о количестве времени и внимания, которым я должен пожертвовать для их добытая.)

Я стараюсь как можно менее вмешиваться в дела туземцев, не стараюсь изменять их обыкновений и обычаев; только в одном случае я изменяю роль беспристрастного наблюдателя, и уж не раз употребил мое влияние на предупреждение войн между деревнями и с успехом. Об этом несколько слов ниже.

В-третьих. Я могу далее удобнее заниматься здесь

сравнительно-анатомическими работами, чем в Гарагаси, [157] которые были очень затруднены по случаю малости помещения и образом моей тогдашней жизни: старанием сближения с туземцами, заботою о продовольствии охотою, недостатком прислуги и т. п.

Эти работы составляют главным образом продолжение моих исследований по сравнительной анатомии мозга позвоночных и некоторые дополнения по анатомии сумчатых (Marsupialia). Не время и не обстановка мешали этим занятиям, а сравнительная редкость матерьяла.

В-четвертых. На

метеорологические наблюдения было обращено должное внимание, и их результаты составят дополнение и проверку 15-месячных наблюдений 1871–1872 гг. Разумеется, пробелами остаются дни, посвященные на экскурсии. Термометры и оба анероида были проверены в метеорологической обсерватории в Батавии перед отъездом.

После этого обзора предметов моих занятий скажу несколько слов о более интересных экскурсиях, которые мне удалось совершить. Если, как сказал вначале, я не имел средств предпринять большое странствие во внутрь страны, то от небольших экскурсий по окрестностям я не отказываюсь. Я начал их посещением многих деревень, которые по случаю войн туземцев или по своей отдаленности мне были недоступны в 1871–1872 гг. Это были деревни в горах южного и юго-западного берега залива Астролябия, причем моею целью были преимущественно деревни, за которыми (или выше которых) горы уже не населены. На ЮЗ, где высокий береговой хребет понижается и распадается на несколько кряжей, находится большое число деревень и очень значительное население; но мне не пришлось далеко проникнуть в этом направлении, так как почти каждая деревня находится на военном положении относительно другой, [158] и я не смог уговорить моих соседей, ни жителей ближайших гор идти туда со мною, но зато я перепосетил почти все горные деревни вокруг залива. При этих экскурсиях я имел обыкновенно значительное число спутников из ближайшей деревни Бонгу. Дойдя к вечеру или на другой день до одной из горных деревень,

вся моя свита сменялась жителями последней. Люди Бонгу оставались ждать мое возвращение или шли домой, если я их отпускал, что я обыкновенно делал, когда не знал наверно, сколько дней продолжится экскурсия. Не имея сношений, не зная диалекта последующих деревень и отчасти не убежденные в своей безопасности между горцами, береговые жители редко решались идти выше ближайшей цепи гор.

Переменяя раза 2 или 3 носильщиков моих вещей, причем для каждой палки и бутылки требовалось по человеку, я обходил деревни, и если при первой встрече без страха со стороны туземцев не обходилось, то тем дружелюбнее были проводы (удовольствие отделаться от незваного гостя имело, в чем не сомневаюсь, немало влияния на это добродушие); часто приходилось отказываться от тяжеловесных изъявлений дружбы – обычных подарков съестных припасов на дорогу.

На возвратном пути провожатых было обыкновенно очень много, так как в каждой деревне находились охотники взглянуть на «таль-Маклай» (дом Маклая).

Если при этом способе путешествий я нередко должен был, соображаясь с туземными обычаями и характером, подчиняться многим их желаниям, что иной раз было скучновато, то, с другой стороны, он представлял серьезные выгоды. Посещая новые и отдаленные деревни, где едва мое имя было известно понаслышке, имея туземцев моими спутниками, я не только знакомился со взаимными отношениями туземцев между собою, мог получать разъяснение многих вопросов, возникающих при новых встречах, но я не встречал боязливой замкнутости со стороны населения и мог свободно знакомиться со страной и людьми; немалое удобство было также иметь почти что всюду переводчиков.

Более отдаленные и не менее интересные экскурсии мне удалось сделать по берегу моря, причем я снова воспользовался туземными средствами. Моя шлюпка, в которой я разъезжал по заливу, выходя даже за крайние мысы его, слишком мала (не совсем 4 м у ватерлинии) для многодневного плавания: во-первых, не имея тента, днем представляла серьезное неудобство, что не давало возможности укрыться от солнца; во-вторых, забрав необходимую поклажу и провизию на несколько дней, с большим трудом могла помещать 3 человек (двое гребцов были необходимы в случае штиля). В больших же пирогах о. Били-Били я не только мог разместить удобно мои вещи, быть укрытым от солнца и дождя, но, главное, я был освобожден от всех работ и забот: быть капитаном, лоцманом и матросом моей шлюпки. Я посетил таким образом острова Архипелага Довольных людей[159] и деревни у мыса Дюпере.

Я нарочно отправился в последнюю местность, узнав положительно, что люди Эремпи (область, заключающая с лишком 20 деревень) – людоеды. Я провел в одной из этих деревень около небольшого озера дня два. Они не отличались от моих соседей и хороших знакомых ни в антропологическом, ни этнологическом отношении и различались единственно обыкновением съедать после войн всех убитых, не разбирая при этом ни пол, ни возраст. Так как людской мозг и мягкие части головы считаются очень вкусным блюдом и так как люди (как и вообще все животные) здесь съедаются без остатков (обглоданные и раздробленные кости бросаются здесь, как мне сказали, в море), то при этом посещении моя краниологическая и остеологическая коллекции не обогатились, на что, отправляясь туда, я отчасти рассчитывал. Мне кажется также, что им не часто приходится лакомиться этим родом пищи. Я посетил о. Сегу (один из Архипелага Довольных людей), где строят большие пироги и жители которого острова посещают иногда (однако же не каждый год) о. Кар-Кар (о. Дампира). Целью моего визита на о. Сегу было уговориться с жителями его снарядить в скором времени экспедицию в Кар-Кар, в которой я сам думал участвовать.[160]

Жители островков Били-Били и Ямбомбы, занимаясь горшечным производством, имея большие пироги и посещая значительное протяжение берега материка (Новой Гвинеи), находятся благодаря своим торговым сношениям[161] в миру с большинством береговых

деревень и могут безопасно посещать их. Разузнав мало-помалу все подробности этих экспедиций, мне удалось после долгих прений, множества отговорок и задержек разного рода нанять 2 пироги, в которых я в сопровождении 2 слуг (оставив 3-го в Бугарломе) и 4 туземцев для управления пирогами отправился вдоль Берега по направлению к мысу King William'a с целью посетить деревни, имена которых я часто слышал от жителей Били-Били.

Ванг Блангути – двухмачтовая парусная лодка с острова Били-Били. Улеу (песчаный берег)

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. 5 октября 1877 г.

По случаю преобладающего ЮВ ветра, который дул большую часть дня,[162] мы подвигались единственно ночью, пользуясь береговым ветром, который дул ровно и с достаточною силою. Таким образом, каждую ночь почти мы делали переходы, причем темнота не мешала нам, потому что фарватер на 1 1/2 или 2 мили от берега не представляет никаких опасностей (за исключением банки около деревни Бай, в 1/2 мили от берега). К утру мы останавливались около селений, где проводили день или несколько, смотря по интересу, который представляли для меня селение и его жители.

Посещенный берег, как и вокруг залива Астролябия, был довольно заселен, и, как там, селения находились преимущественно в тех местах, где берег был песчаный, где же скалы (поднятые коралловые рифы) окаймляли на значительное расстояние берег, деревень не было, хотя в горах селений было немало.

Я старался отыскать отличительные черты в сравнении с моими соседями, но ни физический habitus [наружный вид, внешность (лат.)], ни образ жизни не представляли большой разницы; единственно некоторые производства были специальные для некоторых деревень и служили предметами мены, которая составляла монополию жителей Били-Били и Архипелага Довольных людей. Почти в каждой деревне мне приходилось записывать отдельный диалект. На пути я везде разузнавал, между прочим, умеют ли туземцы добывать огонь, но везде слышал тот же ответ; никакой способ получать его им неизвестен.[163] Как и следовало ожидать, «очень, очень дальние» расстояния, по словам моих друзей с о. Били-Били, оказались весьма недалкими, так что, проведя 4 ночи в море и сделав миль 50 (или немного более), считая от мыса Тевалиб (мыс Риньи), мы были у предела, за которым морское странствие жителей Били-Били в настоящее время не простирается, и никакие обещания не смогли убедить моих спутников отправиться со мною далее. Море, жители по берегу – все было им одинаково страшно. Мне пришлось удовлетвориться, видя, что не в состоянии уломать их страха.[164]

Значительное селение, которое оказалось последним из посещенных при этой экскурсии селений, называется Телят, и я надеюсь при помощи моих заметок определить эту местность, как и положение других береговых деревень (Биби, Бай, Кунила, Миндир, Авой, Дайны, Мегу, Об, Дамтуг, Сингор, Аврай) на карте, сделанной офицерами парохода «Базилиск» в 1874 г.[165] К моей большой досаде, погода в продолжение 2 <дней>, проведенных в деревне Телят, была туманная, <так> что нельзя было разглядеть островов Куруа, Бунанга, Кую,[166] которые, по словам туземцев, бывают видны в светлую погоду и по которым я легко бы мог определиться. Местность эта, однако же, весьма характеристична вследствие положения на выдающемся мысе, от которого идет гряда скал, издали видных даже при высокой воде.[167]

Так как отправиться далее люди Били-Били никак не решались и уговор, заключенный с ними (посетить вышеназванные деревни до деревни Телят), был ими исполнен, приходилось вернуться. На возвратном пути, оставив пироги и людей Били-Били, не дойдя до мыса Тевалиб (Риньи), я отправился в горы познакомиться с горными жителями этой местности,

которую называ[ют] «Хогему Рай» (деревни Рай). Берег оказался пустынным, жители ближайшей деревни Биби были все в горах: «унан-барата – будь уяр» (жечь унан, есть свиней);[168] люди Били-Били трусили горных жителей и как приморцы полагали, что карабкаться по горам – не их дело. Я знал положение деревень только весьма приблизительно (с пироги в море я мог с помощью бинокля различить группы кокосовых пальм в горах), но все-таки отправился в сопровождении моего слуги-яванца. Мне удалось посетить три деревни и в этот же день взобраться на гору, которая своим положением давно манила меня. Несмотря на то, что мы не могли понимать друг друга (не было переводчика), горные жители Рай приняли меня как нельзя лучше; они по слухам слышали мое имя и, увидав белого, догадались, кто пришел к ним. Я знаками объяснил, что хочу идти на высокий холм, который открывался за их деревню и который они называют Сируй-Мана (гора Сируй). Я нашел проводников, и мы отправились немедля. С вершины ее (около 1200 ф.) мне представилась красивая панорама Берега Маклая[169] на значительном протяжении.

Ночь я провел в деревне Рай; на другое утро рано был на месте, где оставил пироги, и благодаря порядочному попутному ветру к вечеру вернулся в Бугарлом.

Мне так понравился этот способ путешествия, что я готовлюсь к экспедиции на о. Кар-Кар [170] с жителями о. Сегу.

Спокойствие жизни среди обширного поля многосторонних исследований составляет особенно привлекательную сторону моей новогвинейской жизни. Спокойствие это, благотворительно действующее на характер, совершенно бесценно для деятельности мозга, которая, не отвлекаясь различными мелочами, может быть сосредоточена на немногих избранных задачах.

Дни здесь кажутся мне слишком короткими, так как мне почти что никогда не удается окончить к вечеру все то, что предполагал сделать в продолжение дня[171] утром. Не забывая назойливую истину «Einen jeden Abend sind wir um einen Tag ?rmer!» [С каждым вечером мы становимся беднее на один день (нем.)], приходится нередко отгонять невеселые думы: о мизерных свойствах человеческого мозга, о необходимости собирания матерьялов по песчинкам, иногда даже сомнительной доброты, и т. п. и т. п.

По временам, однако же, моя занятая отшельническая жизнь прерывается на несколько часов, иногда даже на несколько дней неожиданными случайностями.

Одну из таких, случившихся недавно, расскажу для примера.

Я заметил выше, что воздерживался от вмешательства в политическую и социальную жизнь моих соседей и старался единственно предупреждать войны между туземцами.

Одна из многих причин междоусобий основана на поверии, что смерть, даже случайная, происходит через посредство так наз. оним,[172] приготовленного врагами умершего, – врагами семьи его или врагами деревни, в которой он живет. При смерти туземца (иногда даже заблаговременно, перед кончиною опасно больного) родственники и друзья его собираются и обсуждают, в какой деревне и кем был приготовлен оним, который причинил смерть умершего или болезнь умирающего. Толкуют долго, перебирая всех недругов покойного, не забывая при этом и своих личных неприятелей. Наконец, деревня, где живет недруг, открыта, виновник смерти или болезни (чаще несколько таковых) найдены. Открытие мигом переходит из уст в уста, причем часто прибавляются обвинительные пункты и иногда увеличивается реестр виновников. После этих прелиминарий составляется план похода, ищутся союзники и т. д.

Деревня Телята

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

В Бонгу при смерти жены одного из тамо-боро (общее название главы семейства) я услышал совещание о походе на одну из соседних деревень; на этот раз, когда дело касалось смерти бездетной старухи (дети ее умерли малолетними), мне без особенного многословия удалось уговорить туземцев воздержаться от войны. Несколько месяцев спустя, при возвращении с моей экскурсии в деревню Телята, которую описал в кратких словах выше, я застал ближайšie деревни Бонгу и Горенду в сильной тревоге: Вангум, туземец лет 25, крепкий и здоровый, после 2– или 3-дневного нездоровья внезапно умер. Отец, дядя и родственники покойного, которых было случайно немало в обеих деревнях, усиленно уговаривали все мужское население деревень отправиться безотлагательно в поход на жителей одной из горных деревень (чаще других обвиняемых в колдовстве).

Туй (сын Бонема, брат Вантума), 8—10 лет. Горенду

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

С большим трудом и после очень многих серьезных переговоров мне и этот раз удалось устранить набег на горцев. Обстоятельство, что жители Бонгу и Горенду не были одного мнения насчет деревни, где жил предполагаемый недруг Вангума или его отца, значительно помогло моему успеху. Это различие мнения они, однако же, думали парализовать простым способом: напасть сперва на одну, затем на другую деревню. Я отклонил их от этих замыслов.

Несколько дней спустя я узнал, что брат умершего Вангума, мальчик лет 9 или 10, отправившись с отцом и несколькими жителями Горенду на рыбную ловлю к р. Габенеу, был ужален небольшою змеею; яд подействовал так сильно, что перепуганный отец, схвативший ребенка на руки и почти бегом бросившийся в обратный путь, принес его в деревню мертвым. Эта вторая смерть в той же деревне и в той же семье, последовавшая в промежутке немногих дней, произвела настоящий пароксизм горя, жажды мести и страха между жителями обеих деревень... Даже самые умеренные стали с жаром утверждать, что жители Теньгум-Мана приготовили оним, почему Вангум и Налай{102} умерли, и что если этому не положить конец немедленным походом, все жители Горенду перемерут, и т. п. Война казалась неизбежною. Об ней толковали старики, дети и бабы; молодежь готовила и приводила в порядок оружие.

Войны здесь хотя и не отличаются кровопролитием (убитых бывает немного), но очень продолжительны, исходя часто или переходя в форму частных вендетт, которые поддерживают постоянное брожение между общинами и очень затягивают заключение мира или перемирия. Во время войны все сообщения между многими[173] деревнями прекращаются, преобладающая мысль каждого: желание убить или страх быть убитым.

Я не мог смотреть, сложа руки, на такое положение дел в Бонгу, которая деревня была минутах в 5 ходьбы от моего дома в Бугарломе. Притом молчание с моей стороны при моей постоянной оппозиции войнам, когда только несколько дней тому назад я восстал против похода при смерти старшего брата, было бы странным, нелогичным поступком, и, уступив этот раз, я мог бы потерять влияние мое при всех последующих подобных случаях. Я должен был устранить мою антипатию вмешиваться в чужие дела. Я решил запретить войну. На сильный аффект следует действовать более сильным аффектом, а главное – следовало разделить их единодушную жажду мести, следовало поселить разногласие и дать тем первому жару остыть.

Будучи достаточно знаком с процессом мышления и склонностями туземцев, я обдумал план,

который, по моему мнению, должен был произвести желаемое действие и который, на деле оказалось, подействовал даже сильнее, чем ожидал.

Придя в обычный час (перед заходом солнца) в Бонгу при случае происходивших при мне рассуждений о случившемся накануне и заметя, что туземцы очень интересуются узнать мой взгляд на положение их дел, я сказал, что хотя очень жаль отца, который потерял двух сыновей, молодых и здоровых, но что войны все-таки не должно быть и что все, что я сказал при смерти Вангума, остается верным и теперь.

Весть, что Маклай говорит «войны

не должно быть», когда все и всё готовы предпринять ее, облетела всю деревню мигом. Набралась значительная толпа, и почти все старики обступили барлу,[174] в которой я находился, каждый стараясь разуверить меня, что война – положительная необходимость.

Доказывать неосновательность их теории «онима», вступать в теоретические рассуждения об нем было бы не только потерю времени, но и большой промах.

Я выслушал, однако же, очень многих; когда последний кончил, вставая и собираясь идти, я повторил тем же обыкновенным голосом, который представлял сильный контраст с возбужденною речью папуасов, но которому я постарался придать тон убеждения: «Войны

не должно быть; если вы отправитесь в поход в горы, с вами со всеми, людьми Горенду и Бонгу, случится несчастье!»

Наступило торжественное молчание, затем посыпались вопросы: что случится? что будет? что Маклай сделает? и т. п.

Оставляя моих собеседников в недоразумении и предоставляя их воображению найти перевод моей угрозы на свой лад, я ответил кратко: «Сами увидите, если пойдете!»

Направляясь домой, проходя медленно между группами туземцев, я мог расслышать, что их воображение уже работает: каждый старался угадать беду, которую я пророчил.

Не дошел я до ворот моей близко отстоящей усадьбы, как один из стариков нагнал меня и, запыхавшись от ходьбы, торопливо проговорил: «Если тамо Бонгу (люди Бонгу) отправятся в горы, не случится ли тангрин (землетрясение)?»

Этот странный вопрос и запыхавшийся старик показали мне, что мои слова в Бонгу произвели значительный эффект.

– Маклай этого не говорил, – возразил я.

– Нет, но Маклай сказал, что тогда случится большая беда; а тангрин большая, большая беда. Все люди Бонгу, Горенду Тумбу, Богатим, все, все боятся тангрин. А что, случится тангрин? – спросил он опять упрашивающим тоном.

– Может быть, – был мой ответ.

Мой приятель быстро пустился в обратный путь, проговорив скороговоркою, обращаясь к двум туземцам, которые подходили к нам: «Я ведь говорил: тангрин будет, если пойдём. Я говорил!»

Все трое почти бегом направились в деревню.

Следующие дни я не ходил в Бонгу, оставляя воображению туземцев разгадывать загадку и полагаясь на пословицу: «У страха глаза велики». Я был уверен теперь, что они сильно

призадумаются, и военный пыл мало-помалу начнет охладевать, а главное, что теперь в деревнях господствует разногласие. Я не спрашивал, что мои соседи решили; они также молчали, а к войне далее не готовились.

Недели через две пришел ко мне Туй, житель Горенду и самый старый мой приятель,[175] с неожиданной новостью: что он и все жители Горенду решили покинуть деревню эту, решили выселиться.

– Что так? – спросил я, удивленный.

– Да мы все боимся жить там. Останемся в Горенду, все перемрем один за другим. Двое уже умерли от оним манатамо,[176] так и другие умрут. Не только люди Горенду умирают от оним мана-тамо, но и кокосовые пальмы больны, листья у всех стали красные, и они все умрут. Мана-тамо зарыли в Горенду оним – вот и кокосовые пальмы умирают.[177] Хотели мы побить этих мана-тамо, да нельзя, Маклай не хочет, говорит – случится беда. Люди Бонгу трусят – боятся тангрин! Случится тангрин, все деревни вокруг скажут: люди Бонгу виноваты, Маклай говорил, будет беда, если Бонгу пойдут в горы... все деревни пойдут войною на Бонгу, если тангрин будет. Так люди Бонгу боятся! Мы и решили разойтись в разные стороны, – добавил Туй все более и более унылым голосом и стал пересчитывать деревни, куда каждый из жителей Горенду думает переселиться.[178] Так как это переселение начнется через несколько месяцев (после сбора посаженного уже таро), то не знаю, чем это кончится. [179]

Я рассказал немного подробнее этот эпизод из моей новогвинейской жизни потому, что он кажется мне довольно характеризующим мои отношения к туземцам; но для полного понимания предыдущего я полагаю не лишним напомнить о том обстоятельстве, которое так помогло мне уже при первом пребывании на Берегу Маклая[180] и которое представляет повторение уже несколько раз случившегося с европейцами при первых посещениях островов Тихого океана.[181]

Раз возведя меня в положение

Каарам-тамо (человека с луны), придав мне это неземное происхождение, каждый поступок мой, каждое мое слово, рассматриваемые в этом свете, казалось, убеждали их в этом мнении. С моей стороны, мне не приходилось и не приходится лгать (напротив, правдивость до мельчайших малостей – качество Каарам-тамо), ни играть роли или быть чем-либо особенным, так как вся моя сверхъестественность находится в воображении папуасов.[182]

Имей я белых слуг или живи я в близости других белых, туземцы скоро разубедились бы в <не>земном происхождении Каарам-тамо, но мой образ жизни и мои привычки не смогли изменить между папуасами установившееся мнение в особенности моего существа.

Я не считаю нужным разубеждать их[183] потому, что, во-первых, я обращаю мало внимания здесь, как и в других частях света, на «qu'en dira-t-on» [людские толки]; во-вторых, моя репутация и с нею сопряженные качества представляют ту громадную выгоду, что избавляют меня от необходимости быть всегда вооруженным и иметь в доме наготове заряженные ружья, разрывные пули, динамит и подобные аксессуары цивилизации. Проходит уже третий год, и

ни один папуас не перешагнул еще порога моего дома ни в Гарагаси, ни в Бугарломе; незначительный негативный жест Каарам-тамо достаточен, чтобы держать, если хочу, туземцев в почтительном отдалении. Пристальный взгляд Каарам-тамо, будучи, по мнению папуасов, достаточен, чтобы наносить вред здоровым[184] и исцелять больных, мне не приходится носить при себе воинственную амуницию и в незнакомых деревнях быть постоянно «au qui vive?!» [настороже (франц.)] и т. д.

Эта же репутация дает мне иногда возможность видеть и узнавать многое, которое, вероятно, осталось бы недостижимым, был бы я в идеях туземцев не Каарам-тамо, а простой «белый человек». Она приносит даже туземцам ту несомненную пользу, что благодаря ей я был в состоянии не допустить несколько раз междуусобные войны и избавить туземцев от всех соединенных с ними бедствий.

Признаюсь, однако, что если <бы> потребовались для сохранения этой репутации не единственно пассивное молчание и иногда уклончивые ответы, я вряд ли воспользовался бы долго ее покровом; но в таком случае вряд ли мне удалось бы прожить так мирно и спокойно, как живу вот уже около 3 лет между ними. * * *

Сообщив в общих чертах о предметах моих работ, о направлениях моих экскурсий и об образе этих путешествий, рассказав некоторые эпизоды, прерывающие иногда мою спокойную жизнь, и познакомив, наконец, читателя, вследствие какой коллизии обстоятельств мне удастся без особенных хлопот уживаться с папуасами, перейду к обратной, теневой стороне медали.

Сюда относится, во-первых,

нездоровье мое и моих людей, которые чаще были больны, чем я. Кроме моей старой знакомой – лихорадки (Febr. remitt.) со своими непредвиденными и неправильными пароксизмами, которые иногда являются в форме сильных невралгий (neuralg. Ram I et II Nervi Trigemini), род хронической Dermatitis,[185] особенно ног, заставляет меня проводить целые дни, иногда даже недели (!) дома, и, как назло, это нездоровье было причиною, что мне пришлось упустить случай (пока еще не возвратившийся) предпринять экскурсии, которые помогли бы дополнить мои наблюдения обычаев туземцев.

Другая неприятность была: недостаток европейской провизии и многих весьма важных мелочей (между проч[ими] бумаги, чернил, стальных перьев, носок и т. п.), запас которых или истощился, или которые были забыты или утрачены дорогою из Батавии сюда.

Главная причина этой неприятности – почти

годовое запоздание прихода ожидаемого судна.

Об этом несколько слов.

Я упустил из вида, что с членом коммерческого сословия слова и поручения должны сопровождаться положительными доказательствами, что при исполнении их он не будет в убытке; я не догадался подкрепить мою просьбу прислать[186] в ноябре или декабре 1876 г. за мною судно суммою наличных денег, векселем или т. п. ручательством. Моя непрактичность была наказана, что остаюсь вот уже 20 месяцев без писем[187] и что приходится изловчиться прожить с запасом провизии на 5 или 6 месяцев вот уже 17![188] Вся вина лежит, разумеется, на мне самом: я не могу винить человека, с которым был знаком несколько недель, что он не оказал мне более доверия и не пожелал рисковать суммою, которая могла бы стать при большой цене найма судна (500 долларов в месяц), при, может быть, продолжительном плавании в местностях, подверженных неправильным ветрам (полоса штилей и переменных ветров близ экватора).[189]

При другом характере и других воззрениях на окружающее я мог бы отнестись к такому стечению обстоятельств и вследствие его – весьма некомфортабельной жизни в продолжение месяцев как к значительному несчастью; но на опыте я убедился, что отношусь к этим аксессуарам жизни, которую сам избрал, с большим индифферентизмом и, замечая новое лишение или недостаток удобства, могу повторять слова философа [Сократ]: «Много есть, однако же, вещей, которых мне не нужно»...

Если, замечая, что я ни слова не говорю о новооткрытых видах райских птиц, не обещаюсь описать сотни и привезти тысячи новых редких насекомых, меня, может быть, удивляясь, спросит ревностный зоолог: отчего я ради вопросов по этнологии, которые, собственно, не составляют моей специальности, отстранил от себя собирание коллекций{103}, я замечу на это, что хотя и считаю вопросы зоогеографии этой местности, особенно после весьма подвинувшегося в последние годы знакомства с фауной Малайского архипелага, весьма интересными, все-таки счел

за более важное обратить мое внимание, теряя при этом немало времени, на status pfaesens [нынешнее состояние (лат.)] жителя-бытия папуасов, думая, что

эти фазы жизни

этой части человечества при некоторых условиях (которые могут явиться каждый день) весьма скоропроходящи. Размышляя, что в будущем те же райские птицы и бабочки будут восхищать зоолога, те же насекомые насчитываться тысячами в его коллекциях, между тем как почти наверное при повторенных сношениях с белыми не только нравы и обычаи

теперешних папуасов искажутся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинеи, как я искал сакай и семанг в лесах Малайского полуострова.

Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи я был прав: Tempo и galant' uoto [Время покажет; переноси.: правды не скроешь (итал.)]. М. -М. Написано в Бугарломе, на Берегу Маклая в Новой Гвинее, в октябре 1877 г. Переписано и дополнено некоторыми примечаниями во время якорной стоянки в лагуне Рифа Канделярия в июле 1879 г.

Несколько дополнений о моем втором пребывании на Берегу Маклая в Новой Гвинее (1876–1877 гг.)

Из письма к князю А. А. М. {104}

Hindernisse ?berwinden ist der Vollgenuss seines Daseins, sie m?gen materieller Art sein, wie beim Handeln und Treiben, oder geistiger Art wie beim Lernen und Forschen: der Kampf mit ihnen und der Sieg begl?ckt.[190] Schopenhauer

...Так как остается еще несколько листов бумаги, то я могу доставить себе удовольствие писать Вам и дополнить мое письмо Русскому географическому обществу, которое не хотел растянуть лишними подробностями, боясь главным образом, что не хватит бумаги, которой, хоть обходился с нею весьма экономно,[191] остается очень немного. Причина, что многие из моих запасов истощились или близки к тому, та, что вот уже десять месяцев или более, как со дня на день ожидаю прихода судна, которое должно было прийти сюда в ноябре прошлого года, чтоб забрать меня или в случае, если пожелаю остаться, возобновить припасы и привезти письма. Хотя совершенно верно, что жду прихода шхуны каждый день и подчас с нетерпением, но в то же время боюсь ее прихода, боюсь, что ее приход (в случае, если решу не остаться здесь) оторвет меня от работ, которые так интересны, но так трудно и медленно достаются, что приходится дорожить каждым днем, тем более что между многими незначительными является иногда такой день, который дает более результатов, чем недели терпеливого наблюдения!

Вы, надеюсь, извините отрывочность, бессвязность этого письма, которое я предполагаю

писать иногда по вечерам, до тех пор, пока бумаги хватит или пока приход шхуны не прервет мою мирную новогвинейскую жизнь новою переменою декораций!

Добравшись до моего берега (Берега Маклая) 28 июня 1876 г., я поселился недалеко от Гарагасы, в местности, где стояла моя хижина в 1871–1872 гг.

Причины этого выбора были: во-первых, диалект соседних деревень (Бонгу, Горенду, Гумбу) был мне достаточно знаком; во-вторых, якорная стоянка около этого места, защищенная небольшим мысом Габина (мысик Обсервации на карте бухты Астроляб, сделанной офицерами корвета «Витязь»), безопасна[192] и довольно удобна, позволяя всегда сношение с берегом, между тем как в очень многих других местностях на берегу бухты Астроляб по случаю сильного прибоя оно бывает затруднительно.

Бугарлом, туземное название местности, которую я избрал для постройки дома, находится у самого моря близ довольно большой (по здешним понятиям) деревни Бонгу.

Уголок в доме Н. Н. Миклухо-Маклая. Бугарлом

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая. Май 1877 г.

Я решил жить недалеко от одной из деревень, потому что в очень многих случаях моей прислуги мне не будет достаточно, жить же в самой деревне не хотел вследствие людского шума (разговоров мужчин, перебранок баб и крика детей) и воя туземных собак. Хижина, для которой я привез доски (стены и пол) из Сингапура, построена на сваях метра два вышины, имеет около 10 м длины и 5 м ширины. Верхний этаж состоит из комнаты и веранды, между тем как нижний, который также имеет стены (но сквозные, частью из досок, частью из бамбука), образует мою препаровочную для анатомических работ, мой кабинет для антропологических измерений и складочный магазин для припасов. Люди и кухня помещаются в отдельной хижине шагах в десяти от дома; наконец, для шлюпки построена третья хижина.

Складная мебель, привезенная еще из России и Германии, дополненная в Батавии и Сингапуре, китайские циновки, несколько палок, пустые ящики, обращенные в шкафы для книг, банок и стклянок, размещенные в порядке оружие и инструменты обратили мой небольшой домик в достаточно удобное помещение, которого умеренный комфорт бывает весьма приятен после утомительных экскурсий в горах и ночлегов под открытым небом или в темных, не всегда опрятных хижинах туземцев.

Мальчик. Деревня Бонгу. Берег Маклая

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

В августе этого года мое помещение увеличилось новою пристройкою, почти одинаковых размеров с первоначальным домиком. Она состоит из большой комнаты с двумя верандами и соединена с жилым домом коридором между верандами обоих домов. Новый дом построен на сваях самого прочного дерева,[193] которого не трогают белые муравьи; стены снаружи из бамбука, внутри обложены циновками; наконец, крыша крыта листьями саговой пальмы.[194] Жители Бонгу под руководством моих слуг построили для меня этот европейско-малайско-папуасский дом, который образует светлое, чистое и прохладное жилище, о котором я позаботился заблаговременно, думая, что наскоро крытая (в июне

прошлого года) крыша первого дома не выдержит ливней в ноябре, декабре и январе. Если шхуна придет скоро, до дождливого времени года, пожалуй, этот второй дом окажется лишним; если же останусь жить здесь, этого дома хватит мне надолго!

Слуг у меня трое (или, вернее, 2 1/2): яванец, весьма порядочный человек,[195] кроме должности главного доверенного человека он оказался изрядным портным и сносным поваром по части малайской кухни; другие два – туземцы архипелага Пелау: одного я взял как гребца для моей шлюпки и как охотника собственно не для собирания орнитологической коллекции, а для доставления мне дичи для стола; другого, лет 12 или 13, чтоб прислуживать мне в доме и сопровождать меня иногда при небольших экскурсиях. Прислуга могла бы, пожалуй, быть и лучше, но даже при настоящих условиях главная цель достигнута, и я избавлен от ежедневных хозяйственных забот, которые в Гарагаси (в 1871–1872 г.) падали главным образом на меня и сделались мне в то время так противны, что я часто предпочитал

голодать, чем носить воду, собирать дрова и раздувать огонь.

Когда теперь в Бугарломе мне нужны бывают люди для какой-нибудь работы, для которой силы моих слуг недостаточны, несколько ударов в гонг, который для этого висит у меня на веранде, призывает людей Бонгу, которые охотно являются. Если же для какой-нибудь особенной работы (постройки хижины, сооружения забора, рубки деревьев и т. п.) людей Бонгу (около 80) недостаточно, призываются на подмогу люди Горенду.

После поселения в Бугарломе при помощи туземцев было расчищено место около дома и посажены разные деревья (кокосовые пальмы, бананы, папайя, хлебное дерево и т. д.) и в некоторых подходящих местах, где земля была вскопана, посеяны разные семена (кукурузы, тыквы, арбуза и т. п.).

Почти все посаженное и посеянное скоро принялось, взошло и стало расти очень хорошо.

Скоро дающие плоды папайя, кукуруза, арбузы и т. п., которые туземцы увидели в первый раз, очень понравились им, и они с удовольствием приходили работать в плантации сами или, когда были заняты работою на собственных плантациях, присылали своих жен и дочерей, которые даже усерднее работали, чем мужчины, так как последние имеют привычку часто прерывать работу, чтобы покурить,[196] пожевать «кау»[197] и т. п. Несколько широких дорожек были также расчищены вокруг дома, и, наконец, вся усадьба обнесена забором с трех сторон, так как четвертою стороною был берег моря.

В первые месяцы по моем прибытии (июль и август) было, как я знал (вследствие метеорологических наблюдений 1872 г.), самое сухое время года на этом берегу и ложе больших рек в это время почти что высыхает и образует сравнительно удобный путь в горы до высоты 2000–3000 фут. Я воспользовался этим обстоятельством, чтоб сделать несколько экскурсий. Моя цель при этом была не столько посещение горных деревень, сколько желание испытать годность туземцев как носильщиков багажа при более отдаленных странствованиях. Но уже трех– или четырехдневная экскурсия отняла у меня эту иллюзию и доказала, что все попытки этого рода ни к чему не приведут. Главная помеха употреблять туземцев как носильщиков была невозможность забрать достаточное количество громоздкой и малопитательной туземной провизии (ямс, таро), так как от другой (риса и сушеной оленины) они положительно отказывались. Потом постоянный страх перед горным населением и непривычная система ежедневного напряжения имели также свои доли при неудаче испытания.

Для опыта я выбрал трех человек, которых считал более надежными и выносливыми. Груз, который каждый, смотря по сложению, должен был нести, не превышал 15–20 фунтов; ежедневный переход в гористой местности не был более 8 часов ходьбы. При всех этих

умеренных требованиях уже на третий день я с досадою увидел, что один из папуасов, на которого я даже более чем на других надеялся, первый отказался идти далее! Когда после недолгого отдыха я подал знак двинуться вперед, он не встал и, лежа, плаксивым голосом заговорил: «Я голоден, таро сегодня кончится, ноги болят, дороги нет, [198] горные жители убьют! Все одно придется умереть, так ты, Маклай, лучше убей меня сейчас! Ноги так болят, что далее идти я не могу». При таком настроении уговаривания были бы напрасны, почему я взял молча его ношу поверх моей, которая была незначительна, и мы пошли далее.

Не прошло и часа, как явился другой инвалид. Другой туземец, рослый парень, но большой лентяй, жалостным голосом сказал мне, что второй день у него лихорадка, что он чувствует себя очень слабым, что он догонит нас сегодня или завтра, как только оправится немного. Лихорадка его была выдумка, я это видел; но крайние меры с туземцами редко приводят к удовлетворительным результатам. Без него было бы легко обойтись, но не без его ноши, потому что было взято единственно самое необходимое. Мои остальные два спутника (мой слуга из Пелау и третий папуас) имели такие раскисшие выражения лиц, которые становились еще кислее, когда я взглядывал на них, что увеличить их ноши не было никакой возможности (я и то несколько раз думал, что при каком-нибудь повороте они оставят мои вещи и скроются или нарочно отстанут под предлогом, что ноги болят). Нести самому третью ношу мне было не по силам.

Итак, на мой опыт я получил отрицательный ответ. Я свернул с пути в ближайшую горную деревню, из которой, сменив людей, направился в следующую и обошел таким образом несколько деревень.

В знакомой местности, между известными им деревнями, туземцы были хорошими, даже очень предупредительными проводниками; но едва они выходили из знакомого им (весьма небольшого) околотка, как становились непригодными спутниками: все им казалось трудным, опасным, невозможным; за каждым кустом или камнем им чудился неприятель. Одна только боязнь отказать мне заставила туземцев Бонгу согласиться пойти со мною за границу их обыкновенных странствий.

Высокая цепь гор (Мана-Боро-Боро туземцев или хребет Финистер на картах), не будучи населена, не представляет препятствий путешественнику со стороны населения, но для переноски самого ограниченного количества вещей требуются люди, а для них – провизия. Кроме даже небольшой ноши (платья, инструментов, оружия), человек может нести съестных припасов для себя только на очень ограниченное число дней. Брать для переноски провизии особых носильщиков мало помогает, так как и для носильщиков требуется дневная порция. Мне несколько раз являлась мысль, что, имея съестные припасы – консервы, которых переноска для продовольствия одного человека в продолжение многих дней не представляла бы ни слишком большого груза, ни объема, я мог бы

один предпринять дальнюю экскурсию и быть избавленным, имея провожатых, от множества хлопот, уговариваний и т. п. Такое

портативное питательное вещество могло бы сделать возможным многие экспедиции и таким образом доставить науке немало ответов на многие еще не разрешенные вопросы.

Если вследствие вышесказанных причин мне пришлось оставить мысль проникнуть при помощи папуасов внутрь страны, за горы, то, переменяя план, я употребил с полным успехом их содействие при посещении горных деревень, которых образ жизни и обстановка во многих подробностях отличны от жителя-бытья береговых жителей (отчасти беднее и примитивнее жизни береговых жителей).

Жители Бонгу и Горенду, воспользовавшись моею склонностью посещать горные селения, предложили мне идти в деревню Марагум-Мана, с жителями которой они во время моего

первого пребывания на этом берегу вели войну Хотя мир был заключен, но обе стороны, боясь измены бывших неприятелей, не хотели сделать первого шага, хотя и желали упрочить мир возобновлением обоюдных посещений. Отправляясь же со мною, люди Бонгу, Горенду и Гумбу считали себя в полной безопасности. Когда, согласившись, я назначил день экскурсии и отправился в Марагум-Мана, около 100 человек образовали мою свиту. Вид этой толпы вооруженных и разряженных, как на пир (они хотели числом и блеском поразить своих бывших неприятелей), папуасов был оригинален и даже привлекателен. Трехдневная экскурсия в Марагум-Мана имела полный успех, и за нею последовал целый ряд других.

Островок Били-Били у западного берега залива Астролябия своим положением и образом жизни его жителей представлял для меня удобный центр для морских экскурсий. Когда я выразил желание иметь на острове собственную хижину (хотя при моих посещениях каждая хижина в деревне была к моим услугам), жители Били-Били с готовностью исполнили мое желание. Моя вторая резиденция Айру была не более как папуасская хижина, но я от времени до времени с удовольствием проводил в ней несколько дней, особенно потому, что выбранное местечко представляло весьма обширный, иногда при утреннем и вечернем освещении грандиозный вид гористого берега Новой Гвинеи. Моим хорошим отношениям с жителями Били-Били я обязан многими интересными экскурсиями: на острова Довольных людей, к людоедам Эремпи и вдоль берега до мыса Тевалиб. Эти поездки я не мог бы предпринять в моей шлюпке, которая не больше невского ялика.

Малость шлюпки была весьма удобна в другом отношении: она позволяла мне одному разъезжать по бухте. Это удовольствие я стал позволять себе впоследствии только в крайних случаях, убедившись, что даже при малости и легкости шлюпки, когда приходилось грести при штиле или противном ветре (лабиринт при одном парусе не стоило), сил моих хватало ненадолго. Раз я отправился, по обыкновению, вечером часов в 11 из Бугарлома в Айру (около 12 миль), когда часа два перед рассветом заштилело и шлюпку мою, без воды и провизии, занесло течением далеко в открытое море, так что мне казалось, что только счастливым случаем[199] могу я попасть на один из островов, Кар-Кар или Ваг-Ваг. Случился, однако, еще более счастливый случай: прокачавшись несколько часов, несомый от берега течением (грести я не думал – это значило бы напрасно выбиваться из сил), я дождался ветерка с подходящего румба, который позволил поднять парус, и в два или три часа пополудни, немного испеченный солнцем и с хорошим аппетитом, я добрался до Били-Били, где я мог бы быть при других условиях погоды в два или три часа утра. После этого случая, отправляясь в Айру, я стал брать с собою Мёбли (моего слугу, туземца Пелау), который мог грести в случае надобности.

Другое приключение, которое также благополучно сошло с рук, случилось при восхождении на пик Константин, вершину хребта Тайо, на западном берегу бухты, у подножия которого находится значительная деревня Богатим. По своей форме это самый характерный пик между вершинами гор, окружающих бухту Астролябии.

На второй день ходьбы, проведя по случаю проливного дождя весьма скверно ночь, мне и моим спутникам (человекам 20, жителям деревни Богатим) предстояла самая крутая часть подъема. Отправились мы при рассвете, карабкаясь, прыгая и скользя между скалами и камнями, которые представляли возможность следовать вверх по ложу потока (верхнего течения реки Нобулия, приток реки Иор), которое было, однако, сравнительно весьма изрядная и самая прямая дорога на вершину горы. Наконец, компас показал и туземцы согласились, что надо было, оставив ложе потока, направиться в сторону и лезть вверх между деревьями. Не было и признака тропинки, и так как ни один туземец не знал или не хотел знать дороги, пришлось мне идти вперед.

Преыдущий день мы должны были несколько десятков раз переходить вброд реку Иор, и контраст весьма свежей, текущей с горы воды, которая в иных местах доходила мне до пояса, и палящих лучей солнца производил весьма неприятное ощущение. Почти всю ночь, не

переставая, лил дождь, и, несмотря на три фланелевые, надетые одна поверх другой рубахи, толстого войлочного, а затем каучукового одеял, я не мог согреться. Пароксизм лихорадки, для которого причин было достаточно, я ожидал не ранее вечера или следующего дня, поэтому поднялся я в тот день рано, чтоб без помех со стороны лихорадки добраться до вершины. На всякий случай я принял утром еще предохранительную порядочную дозу хины. Кроме незначительной головной боли над правым глазом, я чувствовал по временам легкое головокружение, что заставляло меня иногда останавливаться, чтоб придержаться за ближайшую скалу, ствол или ветку.

В одном месте подъем был особенно крут, и без корней больших деревьев, которые благодаря громадному развитию корней могут удерживаться на этой крутизне, и лиан, которые служили нам как канаты, пришлось бы, вероятно, вернуться к месту ночлега, сделать большой обход и подняться с другой стороны.

Эта крутизна представляла метров 20 или 25 ширины, и ее нельзя было избежать, так как по обеим сторонам были обрывы – следствия последнего сильного землетрясения (1873 г.). Цепляясь за корни и лианы, я почти что добрался до более отлогого места, когда почувствовал сильное головокружение, наступившее так неожиданно, что я не успел рассмотреть ближайшую более солидную опору, чем тонкую лиану, за которую держался в ту минуту...

Когда очнулся, я лежал в очень неудобном положении (голова находилась гораздо ниже ног и туловища) около большого дерева, между большими корнями. Я долго не мог понять, как попал я туда и вообще, где я нахожусь. Я не чувствовал никакой боли, кроме странного ощущения в голове. Кругом было совершенно тихо, ни души. Мне хотелось спать, и вопросы, где я и т. д., казались мне вовсе неинтересными. Приведши голову и ноги в более удобное положение, причем я почувствовал с удивлением боль во многих местах, я закрыл было глаза и стал засыпать, когда услышал недалеко возглас: «Я ведь говорил, что Маклай не умер – он только устал и спит!» Снова открыв глаза, я увидел многих папуасов, которые лежали и сидели вокруг меня в недалеком расстоянии, и двух, которые подкрались ближе, чтоб посмотреть на меня, и из которых один разбудил меня возгласом, что я еще не умер.

Мне трудно было собрать мысли и привести их в порядок. Люди, которые, подошедши, обступили меня, несколько глотков крепкого кофе с небольшим количеством рома (отличный напиток при экскурсиях) помогли мне отдать себе отчет о случившемся и вспомнить всю связь обстоятельств: головокружение, тонкую лиану, которая не смогла удержать меня, вероятно последовавшее падение, которое я не помнил, и неудобное положение, когда пришел в себя. Папуасы дополнили остальные моменты этого казуса, рассказав, что, когда увидели, что я, упав и скатившись к большому дереву, не встал, подумали: одни, что лежу мертв, и боялись подойти, другие утверждали, что Маклай не может умереть и что, устав, он только отдыхает, и поэтому не подходили, боясь разбудить.

Солнце было уже высоко, так что я пролежал после падения по крайней мере часа полтора. Часы мои остановились, вероятно, вследствие падения, на половине седьмого. Рассматривать долго место, по которому я скатился к дереву, и рассчитывать шансы и последствия, если б скатился немного в сторону, прямо в обрыв, было некогда; голова и ноги были целы, и время подняться на вершину пика терять было нельзя, почему мы двинулись и стали снова карабкаться вверх.

Несмотря на это приключение, я имел силы не только добраться до вершины, но в тот же день, правда, часам к 11 ночи, дойти до деревни Богатим, откуда я предпринял эту двухдневную экскурсию. Дней пять я хромал и дней десять чувствовал контузии, полученные во время падения в различных частях тела.

Эти головокружения, которых пример я описал выше, являющиеся изменнически, когда их

вовсе не ожидаешь, одно из самых неприятных следствий анемии, происшедшей от лихорадки, которая, хотя посещает меня в последние годы реже, никогда не оставляла меня совершенно уже много лет. На Яве осенью 1874 г., а потом во время путешествия в Малайском полуострове подобные головокружения были причиной весьма неприятных случайностей, которые, однако, не имели пока слишком серьезного исхода...

Жизнь в таких отдаленных местностях от европейских колоний, как Берег Маклая, имеет то значительное неудобство, что, отправляясь туда, надо или делать громадные запасы, или привыкнуть обходиться без многих, иногда весьма необходимых вещей, или уловчаться заменять их суррогатами собственного изобретения. Мои сборы к этому путешествию в декабре 1875 г. были весьма поспешны, и многое было позабыто. К тому же последствия расхищения моих вещей в Айве (на Берегу Ковиай в апреле 1874 г.) отозвались неприятными сюрпризами и при настоящем путешествии. Многих предметов, которых я тогда лишился, я не мог пополнить в Батавии и Сингапуре, некоторые не подумал, другие не успел выписать из Европы, тем более что 1875 год я провел почти весь en route [в пути (франц.)] (в Малайском полуострове, Сиаме). Так, например, лишение большого ящика с анатомическими инструментами, который был унесен папуасами в горы вместе со многими другими вещами, было часто для меня очень чувствительно. Пришлось при анатомических работах довольствоваться оставшимся небольшим ящиком, дополнив его из несессера хирургических инструментов и отчасти выбрав несколько инструментов между столярными принадлежностями. У меня, далее, оказалось только полдюжины (!) тонких стекол для покрывания микроскопических объектов (так называемых Deckgl?schen; не припомню русского названия). Пришлось поэтому быть очень осторожным с этими шестью и не пренебрегать даже самыми маленькими осколками, когда стекла ломались.

Двое из моих часов были приведены в бездействие, одни вследствие описанного падения, другие – вследствие опытов, которые вздумал производить над ними младший из моих слуг с островов Пелау. С оставшимися тремя я обходился с большею осторожностью и брал их с собою, отправляясь в новые экскурсии, и не оставлял их на столе, опасаясь за их целостность. Дома, в Бугарломе, высота солнца была для меня достаточным регулятором времени; для вечера я придумал весьма удобное мерило времени. Масштаб, которого деления были определены несколькими опытами, приставленный в известное время к зажженной стеариновой свече, защищенной от сквозного ветра с трех сторон жестяными ширмами, мог показывать мне ход времени с достаточною точностью. Измеренное сгорание свечи не допускало меня засиживаться слишком поздно, когда обдумывание какого-нибудь наблюдения или другое интересное занятие заставляли забывать время. Если не ошибаюсь, древние японцы имели что-то подобное, т. е. применяли огонь или сгорание как мерило времени.

Не стану более приводить примеров ухищрений разного рода, к которым мне пришлось прибегать вследствие поспешного и неполного приготовления к путешествию, затянувшемуся пребыванию в Новой Гвинее и разных лишений, происшедших от запоздания прихода шхуны. Тех и других я мог бы привести дюжины. Перейду лучше от этих mis?res de la vie journali?re [неприятностей каждодневной жизни (франц.)] к серьезному вопросу, который занимал меня часто.

Размышления о судьбе туземцев, с которыми я так сблизился, нередко являлись сами собою, и прямое следствие их был вопрос: окажу ли я туземцам услугу, облегчив моим знанием страны, обычаев и языка доступ европейцам в эту страну?

Чем более я обдумывал этот шаг, тем более склонялся к отрицательному ответу.

Иногда я ставил вопрос этот иным образом. Рассматривая вторжение белых как неизбежную необходимость в недалеком будущем, я снова спрашивал себя: не помочь ли доступу миссионеров, чтоб они своим влиянием предупредили и парализовали вредное действие на

туземцев со стороны шкиперов и тредоров (vulgo [обычно, сплошь и рядом (лат.)]: торгашей)? Ответ снова оказывался отрицательный, так как миссионеры, к сожалению, нередко занимаются под маскою наставников и друзей туземцев деятельностью тредоров и вообще готовят даже путь к вторжению тредоров с их аксессуарами: введению в употребление спиртных напитков, огнестрельного оружия, распространению болезней, проституции, вывоза туземцев силою или обманом в рабство и т. п.[200]

Я решил поэтому положительно ничем, ни прямо, ни косвенно, не способствовать водворению сношений между белыми и папуасами.

История европейского влияния и европейской колонизации на островах Тихого океана так характеристична и переполнена такими примерами, что невозможно взять на себя ответственность, привлекая сюда белых, стать причиной увеличения реестра подвигов бессовестной эксплуатации, насилия и жестокости!.

Чтобы отогнать эти невеселые думы, мне стоило только обратиться к моим научным занятиям, которые всегда были и всегда останутся главнейшею целью моих странствований и при этом верность замечания Шопенгауэра: «Im Reiche der Intelligenz waltet kein Schmerz, sondern Alles ist Erkenntniss»[201] – здесь снова подтверждалась.

Так как это письмо не имеет назначения трактовать о научных результатах (а бумага еще есть), то, чтоб переменить тему, расскажу случай, который может послужить примером, насколько надо быть осторожным при делании «открытий» в стране, подобной Новой Гвинее.

Обходя горные деревни, я провел первую ночь в Теньгум-Мана, следующую – в Сегуана-Мана, где мои спутники из Бонгу пожелали остаться ждать меня, пока я вернусь из деревни Сам-буль-Мана, куда я направился на другое утро с новыми проводниками и носильщиками, жителями Сегуана-Мана. Спустившись в лощину между обоими хребтами и перейдя вброд весьма быстрый горный поток (верховье реки Колли), мы снова поднялись на противоположный хребет, где стояла деревня Самбуль-Мана. В деревне я расположился в барле, или хижине, назначенной для хранения принадлежностей «ай», для гостей и вообще для мужского населения деревни. Барлы в горных деревнях отличаются от соответствующих построек в береговых деревнях. В горах, как, например, это было в Самбуль-Мана, они малы, низки, темны, так как они не открыты спереди и сзади, как в береговых деревнях; небольшое отверстие (1 м вышины и 1/2 или 3/4 м ширины) в 1/2 м расстояния от земли в переднем фасаде служит единственною дверью. Крыша с боков доходит почти до земли, так что боковых стен снаружи почти не видно. Передняя и задняя стены образованы большею частью из расколотого бамбука, корзинообразно переплетенного. Над дверью под крышею висят или воткнуты в известном порядке нижние челюсти свиней или остатки черепа собак, кускуса, *Perameles*, рыб и т. п., сохранные «в память» пиршеств и угощений гостей, происходивших в разное время в этой барле. Там же сохраняются, прикрепленные разным образом, разные предметы, напоминающие что-нибудь или кого-нибудь[202] или чем-нибудь обратившие на себя внимание туземцев. Не только над входом, но и внутри барлы сохраняются разные достопримечательности. Осмотрев по порядку все предметы, навешанные у входа, я вошел в барлу, где было так темно, что днем пришлось зажечь свечу.

Кроме двух вырезанных из дерева масок, употребляемых при Ай-Мун, двух или трех выдутых яиц *Megarodius*, почерневшего от дыма обломанного черепа казуара, мое внимание обратило на себя главным образом несколько костей, привешенных в самом видном месте среди хижины. Это были два позвонка быка (!) средней величины. Из тщательного образа, каким они были привязаны хорошо скрученным снурком к одной из перекладин под крышею, и по выражению физиономий окружающих меня жителей деревни я мог заключить, что они весьма дорожат этим украшением барлы.

– Анде рие? (это что?), – спросил я, удивленный, забыв, что, кроме людей Бонгу, оставшихся

в Сегуана-Мана, никто здесь не понимает диалекта Бонгу. Хотя ответили многие, и некоторые вдались в длинные рассказы, понять я ничего не мог. находка эта меня, однако, сильно заинтересовала. Каким образом эти бычьи позвонки попали сюда, в эту деревню между горами, в трех днях ходьбы от моря? Хотя я читал, что в Новой Гвинее были найдены следы не только быка,[203] но и носорога,[204] видеть, однако, в этих позвонках доказательство одного из этих открытий мне не пришло в голову, и чтоб найти разгадку, я послал за одним из людей Бонгу.

Вечером жителям Самбуль-Мана удалось объяснить мне, что эти позвонки – кости «большой свиньи» и что они получили их из Энглам-Мана. На другое утро от пришедшего туземца Бонгу я услышал следующую повесть. По уходе корвета «Изумруд» (в декабре 1872 г.) сильным волнением были выброшены на берег многие предметы, между которыми находилось несколько костей, которые были признаны жителями деревень Горенду и Бонгу за «сурле бульборо рус» (кости большой русской свиньи).[205] Туземцы собрали и сохранили как редкость эти кости и два позвонка, подаренные в Горенду одному из жителей Энглам-Мана, <от него они> перешли к отцу невесты его, туземцу Самбуль-Мана, в барле которого я их увидел. Другие кости были подарены в разные деревни в горах и, может быть, пространствуют подобным описанному образом еще дальше, не только удивят, но и послужат к разным гипотезам, если будут найдены европейскими путешественниками по ту сторону Мана-Боро-Боро (хребет Финистер).

При посещении горных деревень я имею обыкновение осматривать со вниманием не только хижины, но и матерьялы всех украшений,[206] и разных мелких орудий,[207] которые отличны значительно, смотря по деревням, надеясь найти следы существования животного, которое, вероятно, живет в Новой Гвинее не только на севере, где его нахождение было доказано мне в 1874 г.[208] Я говорю о Gen. Echidna.

Я думал найти, может быть, иглы его, употребленные как украшение какого-нибудь рода, или, может быть, его череп, сохраненный как *temento* [здесь: на память, в воспоминание (лат.)] туземного угощения. Но иглы ехидны не нашлись между украшениями, и ревизия всех костей и черепов, которые до сих пор попадались мне на глаза, не повела к ожидаемому открытию. К тому же это животное так характерно и отлично (своими иглами) от прочих, что туземцы, которым я не раз описывал его и расспрашивал о нем, должны были бы его знать, а они постоянно уверяют меня, что никогда такого животного не видели. Сегодня меня очень забавило открытие, что папуасы считают меня не только «человеком с луны», но и столетним, по крайней мере, дедушкой!

Я сидел после обеда в Бугарломе, любясь пространством видом и вечерним освещением моря и далеких гор у горизонта, когда мой приятель, старый Саул, пришел поболтать.

После обычных вопросов и ответов Саул замолк, а я продолжал смотреть на далекий горизонт с голубыми и лиловыми горами и островами. Саул снова прервал молчание. Положив руку мне на плечо, он таинственным тоном спросил: «Маклай! Скажи мне, сколько у тебя «там» (под «там» он подразумевал мою родину – луну или большой, большой остров, Россию или вообще что-то большое и далекое) внуков?» Этот вопрос не мог не вызвать моей улыбки. Видя, что я не отвечаю, и думая, что я его не понял, он продолжал: «Я не спрашиваю, сколько у тебя детей; скажи, сколько у тебя внуков? Ты, Маклай, ведь очень стар. Седых волос у тебя очень много, зубы у тебя плохи; ты не хочешь более есть сахарный тростник; ты никогда не бегаешь, я не видал тебя никогда бегущим; ты ходишь и говоришь, как старый, старый человек. Ты, Маклай, так же стар, должно быть, как это дерево, – добавил он, указывая на громадный старый *Calophyllum inophyllum*, который стоял вблизи, – а это дерево было точно такое же, когда я был маленьким ребенком». Мой ответ, что ни жены, ни жен, ни детей, ни внуков у меня нет. Он не поверил и ушел, досадуя, что Маклай не хочет говорить с ним...

Я и теперь смеюсь, когда вспоминаю странный вопрос Саула, сколько у меня внуков. Определяя лета туземцев, белые часто ошибаются лет на 10, даже на 15; но составить себе такую идею о моих летах (мне в этот год было или будет 30 лет), какую составил себе Саул, положительно курьезно, но характеристично... Бугарлом, на Берегу Маклая в Новой Гвинее в октябре и ноябре 1877 г.

P. S. Мое письмо было прервано приходом шхуны. Шхуна не привезла ни писем, ни провизии. Г. Ш. в Сингапуре предположил, что, соскучившись ждать шхуну (ждал я, правда, 12 месяцев), я покинул, вероятно, Берег Маклая на одном из мимо проходящих судов, почему он заблагорассудил оставить мои письма у себя в Сингапуре; но не будучи уверен, однако, положительно в верности своей гипотезы, он дал инструкцию шкиперу заглянуть сюда. Хотя я прождал письма терпеливо 21 месяц, мне теперь кажется весьма долго ждать еще два месяца! От шкипера узнал весть о войне России с Турцией и о взятии Константинополя.

Идем в Сингапур, но при западных ветрах, при частых штилях, сменяющихся шквалами, плавание, вероятно, очень затянется... В море, у группы Луб, на шхуне «Flower of Yarrow» 19 ноября 1877 г.

Последнее посещение Берега Маклая в Новой Гвинее

(1883 г.)

Я имел возможность снова посетить Берег Маклая, встретив на пути в Австралию в Батавии корвет «Скобелев»{105}.

Узнав от адмирала Н. В. Копытова{106}, что он намеревается посетить некоторые острова Меланезии и, может быть, зайдет на Берег Маклая, я предложил адмиралу взять меня с собою, так как благодаря моим знаниям туземного языка и местных условий островов, куда должен был зайти корвет, я мог быть полезным при плавании, а я, со своей стороны, мог вновь посетить знакомые мне места.

Должен сказать, что Берег Маклая особенно притягивал меня, так как мне хотелось знать, что случилось с моими новогвинейскими друзьями.

Адмирал согласился, и я, распорядившись, чтобы мой багаж был отправлен в Австралию на английском пароходе «Chyebassa», на котором я ехал из Порт-Саида в Брисбейн (Квинсланд), захватил несколько необходимых вещей и перебрался на корвет, который снялся на другое же утро.

За неимением свободной каюты мне было устроено при помощи брезента и флагов отличное помещение под полуютом. Кроме подвешенной офицерской койки, служившей мне постелью, стол, стул и кресло были помещены в моей временной каюте, которая, находясь на палубе, была прохладна и светла.

Зайдя на Макассар, в Амбоину, я попросил адмирала приобрести здесь одного бычка, 2 телок и коз местной породы, уже акклиматизировавшейся в Малайском архипелаге, в подарок туземцам Берега Маклая. Мое желание было исполнено, и, кроме того, на казенные деньги были куплены для подарков туземцам тех островов, к которым мы должны были пристать, разные вещи, как-то: малайские паранги (большие ножи), красная бумажная материя, бусы, небольшие зеркала и т. п. Кроме того, мною было приобретено множество семян разного рода, между прочими – семян дуриана, мангустана, манго, нескольких видов хлебного дерева, апельсина, лимона, ланзат{107}, кофейного дерева, несколько молодых ананасов и,

кроме того, много семян разных полезных растений и овощей.

Пройдя пролив Буру и Сагуйэн (между островами Салавати и Батанта), 12 марта мы подплыли к северному берегу Новой Гвинеи. По случаю дождя и густых облаков, скрывавших берег, и вообще вследствие дождливой погоды адмирал решил не заходить в Дорэ, а идти прямо к Берегу Маклая.

15 марта мы проходили мимо бухты Гумбольдта в Новой Гвинее. Открывшийся перед нами 16 марта о. Вулкан оказался снова действующим, как и в 1877 г.

17-го утром, пройдя проливом «Изумруда» (между Новой Гвинеей и о. Кар-Кар), мы медленно прошли Архипелаг Довольных людей около 2 часов пополудни, а в половине шестого вечера бросили якорь в порте Константин.

Я съехал на берег, на мысок Обсерваций, и увидел там несколько старых знакомых из Гумбу (Олума и др.) и сказал им, что я буду завтра утром в Бонгу и что для корвета нужна провизия: свиньи, таро, бананы и т. п.

Боясь лихорадки, я не рискнул в тот же вечер отправиться в другие деревни и вернулся на корвет.

18 марта адмирал, несколько офицеров и я съехали на берег около деревни Бонгу. Сопровождаемые туземцами, которые, перебивая один другого, обращались ко мне с расспросами, где я буду жить, когда начать строить мне хижину и т. п., мы обошли деревню. Она показалась мне в этот раз как-то меньше и запущеннее, чем в 1876–1877 гг. Припомнив расположение деревни, я скоро открыл, что целые две площадки с окружающими их хижинами обратились в пустырь. Площадки заросли травой, а на развалинах хижин рос кустарник. На мои вопросы мне объяснили, что из туземцев, живших в этих хижинах, одни перемерли, а другие выселились. Сообразно с моими инструкциями, данными при отъезде в 1877 г., все девушки и молодые женщины были удалены, оставалось только несколько старых, безобразных старух. Помня также мои советы, туземцы явились не только без оружия, но даже и без малейшего украшения. Вид их поэтому был сегодня довольно мизерный (дикие, без украшений, лохматые, напоминают одетого в лохмотья европейца), тем более что почти вся молодежь отсутствовала: одни находились в Богати по случаю происшедшего там большого «ая» и «муна», другие, вероятно, были в лесу, охраняя женщин. Мой старый приятель Саул рассказал мне длинную историю о «тамо-инглис» (вероятно, экспедиции шхуны «Dove»), затем о приходе в Гарагаси абадам-Маклай (брата Маклая), как он, вероятно, называл г. Р. {108} Вспомнив, что я еще не видел Туя, я прервал разговор вопросом о нем.

«Туй муэн-сен (Туй умер)», – ответил мне Саул.

Я очень пожалел о моем старом приятеле.

Я оставил туземцев Бонгу в большом волнении, объявив, что привез им быка, корову, козла и коз. Все повторяли за мной имена этих животных, все хотели их видеть сейчас же и т. д. Я объяснил, что для привезенного скота надо построить изгородь, чтобы он не разбежался. Туземцы много говорили, и никто не принимался за дело. Еще раньше я убедился, что если дать туземцам какую-нибудь вещь для общего пользования, но не исключительно одному, то это всегда окажется ошибкой, так как никто не заботится об общей собственности. Однако же дать привезенный скот кому-нибудь одному или же раздать по одному животному на нескольких лиц не казалось мне справедливым. Сказав, что я привезу быка, корову и коз к заходу солнца, я направился к тому месту, где в 1876–1877 гг. стоял мой дом. Придя туда, я почти не узнал местности. Под большими деревьями, которые некогда окружали мой дом, рос теперь всюду высокий кустарник; только местами изредка проглядывали между зеленью посаженные мною кокосовые пальмы, бананы и множество *Carica rарауа*, которая

поднималась высокими стволами значительной толщины.[209] Вместо широких дорожек, содержащихся всегда в большой чистоте около моей хижины, оказалось теперь две-три тропинки, по которым можно было добраться только с трудом.

Я пошел прямо туда, где прежде стояли оба дома. Между кустами я нашел полдюжины еще стоявших свай, и это было все. Припоминая, с какими хлопотами я строил себе дом, с каким терпением я разводил плантацию, мне трудно верилось, что каких-нибудь 5–6 лет было достаточно, чтобы превратить все в глухой уголок густого леса. Это был пример роскошного плодородия почвы. Времени на размышления, однако ж, у меня не было, почему я приказал сопровождавшим меня туземцам расчистить то место, где в 1877 г. у меня росла кукуруза и где, мне показалось, кустарник был не так част. Я велел выдергивать с корнями небольшие деревца, что при большом числе рабочих рук оказалось вовсе нетрудно.

Расчищенное место было вскопано матросами, имевшими с собою железные лопаты, на пространстве нескольких квадратных сажен. Я послал туземцев за водою, а сам с помощью моего слуги из Амбоины Яна и обоих матросов стал рассаживать молодые растения и семена, привезенные из Амбоины. Принесенная в бамбуках вода послужила для поливки вновь посаженных растений. Не посадил я только одних семян кофе, отдав их Саулу и некоторым другим туземцам для передачи жителям горных деревень, где для кофейного дерева климат подходит более, нежели на Берегу Маклая.

Туземцы, по-видимому, интересовались всей этой процедурой. Я, тем не менее, не был уверен, что мой эксперимент удастся, и даже боялся, чтобы на вновь взрытую землю не явились в тот же день или на другой свиньи и не разрыли бы новую плантацию; сделать же достаточно прочную изгородь было невозможно. У меня не было времени, чтобы приглядеть за сооружением ее самому, а туземцы были слишком возбуждены приходом корвета и постройкою у деревни забора для скота. Я отправился лесом по хорошо знакомой тропинке в Горенду; но и тропинка была сильно запущена; невысокий тогда кустарник вырос теперь в большие деревья, так что знакомая тропинка показалась мне совершенно новою. Добравшись, наконец, до места, где 6 лет тому назад была расположена деревня Горенду, я был окончатательно поражен ее измененным видом. Вместо значительной деревни оставались только две-три хижины: все заросло до неузнаваемости. Мне стало почему-то так грустно, что я поспешил выйти к морю и отправиться обратно на корвет.

После полдника и короткой сиесты я вернулся на берег и снова пошел в Бонгу. Я чувствовал себя как дома, и мне положительно кажется, что ни в каком из уголков земного шара, где мне приходилось жить во время моих странствий, я не чувствую такой привязанности, как к этому берегу Новой Гвинеи. Каждое дерево казалось мне старым знакомым. Когда я пришел в деревню, вокруг меня собралась толпа. Многих знакомых лиц я не мог досчитать; многие показались мне совершенно незнакомыми: в мой последний приезд они были еще юношами, а теперь у них самих были дети. Только немногие старики оказались моими прежними старыми приятелями. Два обстоятельства в особенности бросились мне в глаза. Во-первых, мне и всем окружавшим меня казалось, что как будто только вчера, а не 6 лет тому назад, я был в Бонгу в последний раз; во-вторых, мне показалось странным отсутствие всякой дружественной демонстрации по отношению ко мне со стороны папуасов после моего долгого отсутствия. Подумав немного, я нашел второе обстоятельство совершенно понятным: ведь я и сам ничем особенным не выражал моего удовольствия при возвращении сюда; что же мне удивляться, если и папуасы не скажут от радости при виде меня? Были, однако ж, и такие среди них, которые, прислонясь к моему плечу, всплакнули и, всхлипывая, стали пересчитывать умерших во время моего отсутствия: «И этот умер, – говорили они, – и этот, и этот», и т. д. Всем хотелось, чтобы я по-старому поселился между ними, но на этот раз уже в самой деревне; хотели также знать, когда я опять вернусь и что им делать, если «тамо-инглис» снова появятся.

Несколько мальчиков, перегоня друг друга и запыхавшись, прибежали с известием, что

«тамо-рус» с «буль-боро-рус» (большая русская свинья) приближаются в «кобумани-боро» (в шлюпке очень большой). Все бросились бежать; я тоже последовал за толпой.

Действительно, большой баркас шел недалеко от берега. Так как по причине отлогости берега тяжелому баркасу нельзя было подойти близко к нему, то офицер, в распоряжении которого находился баркас, командовал несколькими матросами, чтобы они, засучив панталоны, соскочили в воду. Большая толпа жителей Бонгу, Горенду и Гумбу молча стояла вдоль берега, следя за каждым движением людей. Двое из выскочивших матросов держали концы веревок, привязанных к рогам бычка. Из накренившегося на один бок баркаса выскочило молодое животное и, очутившись в воде, направилось сперва вплавь, а затем бегом к берегу, так что матросам нелегко было задерживать его. Он побежал вдоль берега и тянул бегущих за ним матросов. Было крайне комично видеть, как около сотни туземцев, которые при виде нового для них животного, казавшегося для них, не знающих животных больше дикого кабана, громадным, рассыпались во все стороны; некоторые даже полезли на деревья, другие бросились в море. За бычком последовала корова, оказавшаяся гораздо смиреннее его. За нею появился козел в сопровождении коз. Всех их матросы вели за веревки, привязанные к рогам. Вся эта процессия направилась в деревню, куда я также поспешил, чтобы распорядиться и приказать туземцам помочь матросам.

В деревне была сооружена изгородь, метров 15 в квадрате, для бычка и коровы. С некоторым затруднением матросы заставили их перепрыгнуть через высокий порог изгороди. Калитка была сейчас же заточена, так как я полагал, что пройдет некоторое время, пока животные привыкнут к своему новому положению. Несколько из матросов с баркаса, пришедшие поглядеть деревню, наломали в лесу молодых ветвей разных деревьев и бросили их за изгородь; по-видимому, угощение пришлось по вкусу корове, которая тотчас же принялась жевать ветки. Бычок же был очень беспокойен, он ходил вдоль изгороди, нюхая воздух и как бы ища выхода. Присутствие матросов, которые ухаживали за ними во время переезда из Амбоины, как бы успокаивало их. Рога были освобождены от веревок, и животные, кажется, чувствовали себя спокойнее. Козла и коз, за неимением другого помещения, я предложил туземцам поместить в одну из хижин и рассказал, чтобы женщины принесли им завтра молодого унана.

Один из матросов заметил, что недурно было бы показать туземцам, каким образом доят коз. Когда спрошенный мною табир был принесен и матрос стал доить одну из коз, все туземцы сбегались посмотреть на это диво. Возгласам и расспросам не было конца, но никто не отважился попробовать молока, которое и было выпито матросами.

Солнце уже садилось, почему я сказал матросам, что им пора собираться на корвет. Оба матроса, находившиеся в изгороди, должны были перепрыгнуть через забор, так как калитки не было. Я продолжал давать туземцам кой-какие инструкции относительно их поведения в случае прихода белых. В это время возгласы туземцев заставили меня обратить внимание на поведение бычка. По уходе матросов он стал очень беспокойен, все бегал вдоль изгороди и, как мне сказали туземцы, хотел сломать забор. Я поспешил на место и увидел, что рогами бычку удалось разворотить в одном месте верхнюю часть забора. Сбегавшиеся туземцы приводили беднягу в ярость. Он еще раз бросился к забору с нагнутой головой, и еще несколько палок вылетели из изгороди. Не успел я крикнуть одному из туземцев, чтобы он побежал за тамо-рус, как бычок, отбежав от забора, ринулся опять к нему, но на этот раз уже с намерением перескочить через него. Это ему удалось, и он, вырвавшись на свободу, как бешеный полетел по деревне. Туземцы в ужасе быстро попрятались кто куда. Я остался один и мог видеть, как телке удалось тоже перескочить через ограду и побежать стремглав вслед за бычком. Сомневаясь в удаче, я все-таки скорым шагом пошел по тропинке к морю, где был встречен возвращающимися матросами. Я в двух словах рассказал им, в чем дело. Они отвечали, что, вероятно, им удастся загнать бычка обратно в изгородь, так как он очень ручной.

Когда мы вернулись в деревню, то оказалось, что бычок и телка нашли тропинку, ведущую в лес, почему я послал туземцев в обход, чтобы не допустить бычка зайти слишком далеко; матросы же должны были, стараясь по возможности не пугать животных, попытаться загнать их обратно в деревню. Не стану распространяться далее. Вся эта история кончилась тем, что попытка вовсе не удалась, так как, завидев людей, бычок стремительно пустился вперед; туземцы, разумеется, разбежались в разные стороны. За бычком последовала и телка, и интересная парочка унеслась на ближайшие холмы.

Было уже темно, когда мы вернулись на корвет после постигшей нас неудачи. Я был так утомлен происшествиями дня, что, несмотря на большое желание, не мог исполнить обещанного, т. е. вернуться ночевать в Бонгу.

19 марта на рассвете корвет «Скобелев» снялся и направился к островку Били-Били. Так как предполагалось сделать съемку порта Великий князь Алексей, то для нас было очень важно иметь переводчиков, потому что диалектов жителей Архипелага Довольных людей несколько и они мне незнакомы; в Били-Били же я мог рассчитывать найти кого-нибудь из знакомых, которые согласились бы отправиться с нами. Так как глубина в этом месте была достаточна, то корвет направился в пролив между островом Били-Били и материком Новой Гвинеи. Подходя к деревне, мы уменьшили ход и спустили шлюпку, и я направился к деревне. На берегу нас ожидала большая толпа, узнавшая меня и вопившая: «О Маклай! О Маклай! Эме-ме! Э-аба! Гена!»

Несколько пирог приблизилось к шлюпке. В одной из них находился Каин, в другой – Марамай и Гассан и несколько других.

Чтобы не терять времени на лишние переговоры, я предложил им всем следовать за мною на корвет, обещая дать табаку и гвоздей. Каин перебрался ко мне в шлюпку и стал предлагать всевозможные вопросы, на которые я, разумеется, не мог отвечать за недостатком времени.

Очувтившись на палубе, туземцы были очень смущены и перепуганы шумом машины и множеством матросов. Они сейчас же стали просить меня отпустить их домой. Сказав Каину и Гассану, что мне их нужно для того, чтобы говорить с людьми о Сегу, куда идет корвет, я роздал остальным очень щедро то, что им было обещано (т. е. табак и гвозди), и отпустил их, задержав Каина, Гассана и Марамай, который сам пожелал отправиться с нами. Когда корвет двинулся, я почти насильно должен был удержать Каина; Гассан же, улучив момент, когда я на него не глядел, взобрался на полуют и оттуда бросился в море.

Проходя мимо островка Урему, где я в 1877 г. посадил несколько кокосовых пальм, я имел удовольствие видеть, что они принялись и росли хорошо. Каин и Марамай, указывая на них, повторяли мое имя, приговаривая: «Нуи Маклай», «Мунки Маклай» («остров Маклая», «кокосы Маклая»), «Навалобе Маклай Урему ина таль атар» («Со временем Маклай прибудет в Урему и построит себе дом»). Туземцам очень хотелось, чтобы корвет прошел через узкий пролив между о. Григером и мысом Бэйле на материке Новой Гвинеи и таким образом направился бы к о. Сегу. Адмиралу, однако ж, это показалось слишком рискованным, почему мы продолжали путь вдоль островов Архипелага Довольных людей. Мы прошли острова [...], [210] попытались проникнуть в порт Алексей около острова [...],[211] но и это оказалось неудобным вследствие множества рифов. Наконец, мы прошли длинный о. Сегу и увидели пролив между материком, совершенно чистый от всякой опасности. Пройдя пролив, корвет бросил якорь у западного берега о. Сегу, на [...][212] саженях глубины.

Так как было еще не поздно, то в тот же день было сделано несколько промеров.

Я отправился вместе с несколькими офицерами на паровом баркасе осмотреть несколько бухт обширного порта Алексей. При моем возвращении мне было сообщено, что Каин и Марамай последовали примеру Гассана, т. е. воспользовались приблизившеюся пирогаю,

которая забрала их из воды, и более не возвращались. Хотя я отчасти извинял страх туземцев, но все-таки был сильно раздосадован их поступком, почему, увидев пирогу с туземцами, я приказал рулевому направиться к ней и почти что силою взял одного из них, другой же бросился в воду. Я отвез моего пленника на корвет, убежденный, что это обстоятельство побудит Каина или Марамая вернуться на корвет. На палубе я начал с того, что убедил знаками (диалект Сегу был для меня незнаком) моего пленника, что его не ожидает никакая опасность и напротив того – он получит много подарков, из которых многие были вручены ему немедленно.

Перед заходом солнца вид высоких гор, с их вершинами, пиками Канта и Шопенгауэра, был великолепен. Двум людям из команды было поручено смотреть за пленником, который, благодаря благодушию матросов, чувствовал себя совершенно спокойно, принимая все, что ему только давали.

20 марта. Был одет в половине пятого и после завтрака отправился с лейтенантом Б. {109} в бухту Эремпи, которая оказалась гораздо более обширною, чем мы думали, и состояла собственно из трех бассейнов. Глубина воды в бухте совершенно достаточна для больших судов. Берега кругом были покрыты лесом. Мы видели нескольких туземцев, которые, однако ж, побоялись приблизиться к паровому баркасу, дым которого очень смущал их.

На обратном пути я попросил лейтенанта Б. войти в речку Аю, которая была мне знакома еще с 1877 г. Речка оказалась достаточно глубокою, хотя и узкою. Растительность кругом была роскошная. Одна лиана, с пучками лиловых цветов, попадалась очень часто. Очень высокие бананники росли у самого берега. Кроме высокого ствола и узких листьев, они отличались маленькими несъедобными плодами, полными зерен.[213]

Недалеко от устья речки Аю я заметил небольшое озеро <Моут-Монгун>, которое я видел, отправляясь в деревню Эремпи в 1877 г. Я решил, вернувшись на корвет, отпустить нашего вчерашнего пленника, и поэтому сам отправился с ним в деревню Сегу, которая, однако ж, оказалась совершенно безлюдною. В одной из покинутых хижин я увидел два круглых щита, несколько горшков с орнаментами вокруг горла и один очень замечательный «телум», представляющий мужскую и женскую фигуры in cornu.

Наш пленник остался на острове и не отходил от шлюпки до нашего отъезда. Он был бы не прочь вернуться обратно на корвет, где все обращались с ним очень хорошо. Встретив на обратном пути к корвету несколько пирог, я стал уговаривать туземцев (говоря на диалекте Бонгу, который они, по-видимому, отчасти понимали) вернуться в деревню, откуда они выбрались вчера вечером вследствие прихода нашего корвета. Дав им несколько подарков (табаку, красного колленкору и бус), я сказал, чтобы они привезли нам на другое утро кокосовых орехов.

Когда стемнело, можно было разглядеть во мраке несколько пирог, возвращавшихся на о. Сегу. Огоньки, замелькавшие там и сям, показали нам, что туземцы послушались и вернулись по домам.

21 марта. До восхода солнца я отправился в деревню Сегу и отпустил шлюпку. Кругом не было ни души, но я был убежден, что туземцы скоро покажутся, и не ошибся. Не только мужчины явились ко мне, но от них не отстали и женщины. Каин был между первыми. Очень радостно пожимая мне руку, он сказал, что вчера он потому только сбежал с корвета, что боялся оставаться там среди тамо-рус без меня, но что со мною он готов вернуться хоть сейчас и отправиться, куда я пожелаю. Я поймал его на слове и предложил ему отправиться со мной в деревню Бомассия, про которую я только слышал в 1876 г., побывать же там самому мне не удалось. Кроме Каина, я взял с собою еще и моего амбоинца Яна.

В небольшой пироге мы отправились к реке Аю, затем через небольшой приток по имени

Маус мы переплыли маленькое озерко Аю-Тенгай, окруженное лесом. Около тропинки мы вытащили пироги на берег и втроем отправились вперед. Часа через полтора мы пришли к деревне, очень похожей на Эремпи. Жители ее сперва бросились было бежать, но несколько слов, сказанных Каином, успокоили их совершенно. А когда я роздал несколько подарков, вся деревня, как мужчины, так и женщины, сбегалась, чтобы получить от меня что-нибудь; мужчинам я давал табак и гвозди, женщинам – бусы и красную материю, разорванную на длинные полосы.

Здесь, как и в Эремпи, жители – людоеды. Мне хотелось приобрести несколько черепов, но Каин уверил меня, что мозг обыкновенно варится в самом черепе, а затем, когда все уже съедено, кости выбрасываются в море. Мне предложили купить здесь очень интересный для меня и довольно длинный щит – не деревянный, а сплетенный из ротанга. Этот щит был приобретен туземцами от жителей Кар-Кара (о. Дампир). Так как владелец щита хотел получить за него топор, которого у меня даже и не было с собою, и не хотел доверить его мне и подождать уплаты при посредстве Каина, да и самому ему не хотелось идти на корвет, где он мог получить топор, то мне пришлось отказаться от приобретения щита. Тем не менее мне удалось приобрести копье, лук и стрелы, весьма тщательной работы, и этим пополнить небольшую коллекцию папуасского оружия, которую я имел намерение послать е. и. в. великому князю Алексею Александровичу как образцы искусства туземцев, живущих у порта имени е. в. Концы стрел в особенности были вырезаны очень искусно: разными зарубками и засечками.

Когда нам подали угощение из вареного таро и т. п., я пожелал узнать, имеют ли здешние жители специальные табиры для угощений, на которых бы подавалось исключительно человеческое мясо. Ответ получился отрицательный. Мне сказали, что человеческое мясо варится в обыкновенных горшках и подается тоже в обыкновенных табирах.

Так как сегодня меня не угощали мясом, то на этот раз я мог быть уверен, что мне не преподнесли человеческого мяса.

На обратном пути нам пришлось пройти несколько довольно больших и очень хорошо обработанных плантаций. По-видимому, земля здесь особенно плодородна.

Мы вернулись на корвет как раз перед самым ливнем. От адмирала я узнал, что он намеревается сняться на следующий день. Это меня крайне удивило и опечалило, так как на карту еще не было нанесено и половины обширного порта Великий князь Алексей. Все бухточки и якорные места около островов Рио, Ти?ра, Григер и др., т. е. вся южная часть этого порта, не значились еще на карте, сделанной офицерами корвета «Скобелев». Я несколько раз начинал доказывать адмиралу, как было бы хорошо распространить промер и на остальную часть порта Алексей. Адмирал, однако же, оставался непреклонен, говоря, что уже сделано все необходимое и что лучшей якорной стоянки, чем мы имели около о. Сегу, искать нечего и что ему необходимо крайне дорожить временем и т. д. Мне было очень досадно, что не русскому военному судну удастся сделать полную карту отличного порта Алексей.[214]

22 марта. Встав до рассвета, отправился на мостик и сделал эскиз гор Мана-боро-боро и Архипелага Довольных людей.

Сильный противный ветер помешал нам сняться, почему я отправился на небольшой островок по имени Меласпена, покрытый растительностью и представляющий во многих местах некоторые удобства для причаливания шлюпок. Оттуда я переехал на о. Сегу, отыскал Каина и через него спросил у туземцев, которые считают о. Мегаспена своим, согласны ли они дать мне этот остров для того, чтобы поставить там дом в случае моего возвращения. Все оказались не только согласными, но даже очень довольными, услышав, что я поселюсь недалеко от них.

23 <марта>. Снялись с якоря в 6 часов и около 8 проходили пролив «Изумруда» между Новой Гвинеей и о. Кар-Каром. У SW оконечности последнего мы заметили несколько парусных пирог, и часа через три я убедился, что эти самые пироги были вытаснены на берег у мыса Круазиль; это послужило мне доказательством постоянного сообщения между туземцами Кар-Кара и жителями материка.

Чтения Н. Н. Миклухо-Маклая в Географическом обществе

29 сентября – 8 октября 1882 г

Чтение первое[215]

1 октября{110}

Г. Председатель! {111}

Милостивые государыни и милостивые государи!

Чрез восемь дней, 8 октября, исполнится 12 лет, как в этой же зале я сообщил гг. членам Географического общества программу предполагаемых исследований на островах Тихого океана. Теперь, вернувшись и вполне взвешивая значение каждого слова, могу сказать, что исполнил мое обещание, данное Географическому обществу 8 октября 1870 г., выраженное тогда мною в следующих словах: «Со своей стороны я сделаю все, что будет в моих силах, чтоб мое предприятие не осталось без пользы для науки».

Надеюсь, мм. гг., вы поймете всю трудность моей задачи: познакомить вас в трех чтениях с ходом и результатами моих 11-летних странствований. Я буду доволен, если вы получите общее впечатление и убедитесь, что, посещая интересные и частью совершенно неизвестные страны, я не терял даром времени, и пожелаете впоследствии познакомиться с подробным отчетом моих наблюдений и исследований в печати. Издание этих наблюдений и исследований и есть одна из главных причин моего настоящего приезда в Россию.

В предлагаемых трех чтениях я не буду следовать хронологическому порядку моих путешествий, буду сообразоваться с программой исследований, которую я поставил себе в 1872 г., в конце моего первого пребывания на Берегу Маклая в Новой Гвинее, о чем сообщу ниже. В этом первом чтении я буду говорить о моих двух пребываниях на берегу, который ради удобства при описании я назвал Берегом Маклая: о пребывании в 1871 и 1872 гг. и о втором, более продолжительном, в 1876 и 1877 гг.

Предупреждаю вас, мм. гг., что мне придется иногда в этих чтениях повторять то, что было уже напечатано в разных изданиях как Русского географического общества, так и других – иностранных – ученых обществ.

Вместе с тем прошу, мм. гг., снисхождения за погрешности против русского языка: вследствие весьма небольшой практики в продолжение 11 лет я подчас с трудом справляюсь с русскою речью. Также прошу извинить и не совсем, быть может, удовлетворительное изложение вследствие моей малой привычки говорить в многочисленном собрании белых; мне часто приходилось говорить с черными, но это совсем другое дело!

(Смех.)

Я должен заметить, что хотя 12 лет и кажутся длинным периодом, но все же при критическом обсуждении моего путешествия не следует забывать всех препятствий, которые мне являлись на пути и очень замедляли ход работ. К числу этих препятствий относится прежде всего

продолжительность путешествия. Приведу несколько примеров. При посещении островов Меланезии в 1878 и 1879 гг. я провел в путешествии 409 дней, из которых 237 находился на берегу, на суше, а 172 дня – в море. При обстановке, в которой я тогда путешествовал, – это была небольшая шхуна, – я мог уделить работе весьма незначительную часть времени. Мой последний переезд из Австралии в Европу, хотя и при совсем другой обстановке, длился не менее 200 дней. Приведу еще пример большой потери времени. При путешествии на Малайском полуострове мне приходилось ходить большею частью пешком в течение 176 дней, делая по 10 часов в день. Естественно, что такие переходы требовали более продолжительного отдыха, на который и приходилось терять время. Значительная потеря времени сопряжена также с разными, хотя и простыми, но необходимыми

условиями жизни, как, например, устройство себе жилья и поиски ежедневного пропитания. Так, в 1872 г., во время первого моего пребывания на Берегу Маклая, мой ежедневный стол зависел главным образом от охоты, и мне нередко приходилось голодать, если охота была неудачна. Потом еще препятствие –

болезни. Не говоря уже о частых припадках лихорадки, которым я подвергался в Новой Гвинее и которые оставляли по себе большую слабость, очень мешавшую занятиям, мне пришлось пролежать около месяца в госпитале в Амбоине, когда к перемежающейся лихорадке присоединилась еще рожа лица и головы – болезнь, почти эпидемически господствующая на Берегу Ковиай в Новой Гвинее. Целые семь месяцев проболел я в Сингапуре, вернувшись из Новой Гвинее в 1878 г., вследствие чего вес моего тела от нормального, 147 фунтов, понизился до 93 английских фунтов, и в продолжение этих

семи месяцев работать, в собственном смысле слова, я мог только весьма мало. Наконец, крайнее

недоверие туземцев, которое приходится встречать во многих малоизвестных и потому наиболее интересных местностях и которое может быть преодолено только долгим терпением, большою настойчивостью,

незнание местного языка и большая трудность изучения его без вспомогательных средств, как, например, переводчики или лексиконы. В подробном отчете о моих путешествиях найдутся еще многочисленные примеры подобных препятствий.

Выбирая в 1868 г. ту часть земного шара, которой предполагал посвятить мои исследования, я остановился на островах Тихого океана и преимущественно на Новой Гвинее как острове, наименее известном. Остановившись на этом выборе, я постарался предварительно познакомиться со всею литературою об этом острове, имея в виду главным образом цель – найти местность, которая до тех пор, до 1868 г., еще не была посещена белыми. Такою местностью был северо-восточный берег Новой Гвинее, около бухты Астролябии. Дампир, который был около этого берега и именем которого назван о. Кар-Кар, прошел вдали от берега, не останавливаясь на нем. Дюмон-Дюрвиль, который дал название заливу Астролябия, потеряв у Раротонги оба якоря, также не мог остановиться и прошел восточнее Кар-Кара, определив только два крайних мыса: Дюпере и Риньи.

О моем первом пребывании в Новой Гвинее вам, мм. гг., вероятно, кое-что уже известно из моих печатных сообщений, так что на подробностях я не буду останавливаться. Но мне кажется, что вам было бы небезынтересно знать, каким образом я успел сойтись с туземцами и заслужить их доверие и уважение; одним словом, каким образом моя задача удалась.

Обдумав совершенно объективно все обстоятельства моего первого пребывания между туземцами и последующего знакомства с ними, я пришел к заключению, что хорошим результатом сношений с дикарями я обязан главным образом моей сдержанности и терпению. Высадившись на Берег Маклая, я избрал для постройки хижины мысок, довольно отдаленный от обеих соседних деревень Горенду и Гумбу; местность эта не принадлежала никому, не была до моего поселения занята никем; таким образом, поселившись вне деревень, отстоявших от места моей хижины (называемого, как я узнал впоследствии, Гарагаси) не менее 1/3 и 1 1/2 мили, я не навязывал жителям своего постоянного присутствия. Это обстоятельство оказалось в высшей степени удачным шагом для моего дальнейшего сближения с дикими. Заметив далее, что мой приход в деревни нарушал обычное течение жизни туземцев, что при моем появлении все женщины с детьми стремглав бросались в кусты, а мужчины брались за оружие, окружали меня и угрожали убить, я постарался найти средство, чтоб не беспокоить их внезапным появлением. Я нашел для этого очень простое средство, которое, может быть, покажется вам малостью, но все-таки весьма характеристично и покажет вам, каким образом мелкие вещи могли иметь важные последствия. Открыв, что неожиданность моего появления сильно их беспокоит и так им надоедает, я обыкновенно, подходя к деревне, останавливался и резким свистом давал знать о моем приближении для того, чтоб дать женщинам время убраться с детьми в кусты и спрятаться там. Я скоро заметил, что вследствие этого туземцы, зная, что я не придю неожиданным гостем, стали совершенно иначе относиться к моим визитам и гораздо реже брались за оружие. Таких примеров я мог бы привести очень много.

При первом же моем прибытии главной моей заботой было изучение языка туземцев – задача, оказавшаяся очень трудной, и не раньше четырех или пяти месяцев мне удалось познакомиться с языком настолько, чтоб понимать туземцев и быть в состоянии объяснять им самые необходимые вещи и предлагать им самые элементарные вопросы. Постепенное ознакомление с языком и, если можно так выразиться, моя «деликатность» в обращении с туземцами, наконец, мало-помалу преодолели их нежелание видеть меня среди себя и поддерживать со мною сношения. Сперва они положительно предлагали мне удалиться, показывая на море; это был их постоянный жест, как бы приглашавший отправиться туда, откуда пришел. Доходило даже до того, что они почти ежедневно ради потехи пускали стрелы, которые пролетали очень близко от меня, главным образом, как я полагаю, для того, чтоб испугать меня или испытать, как я отнесусь к подобной с их стороны забаве.

При неоднократных таких опытах, которые могли кончиться плохо для меня, я только два раза был слегка оцарапан. Я скоро понял, что моя крайняя беспомощность ввиду сотен, даже тысяч людей была моим главным орудием. Ознакомясь ближе с языком, я стал замечать, что между туземцами существует какое-то особенное мнение касательно моей личности. Мне удалось, наконец, чрез несколько месяцев узнать, что среди туземцев возникла мысль о моем сверхъестественном происхождении. Эта мысль возникла, выросла и окрепла среди туземцев не только без всякого с моей стороны участия или содействия, но даже без моего ведома, так как сам я узнал о существовании ее только впоследствии, ближе ознакомившись с местным языком.

Я стал замечать, что в разговорах между собою они часто употребляли весьма странную комбинацию слов: «каарам-тамо»; «каарам» означает «луна», «тамо» – человек. Сначала я не мог понять значение этого выражения – «каарам-тамо»; человек с луны, и, только ознакомившись, наконец, с языком папуасов настолько, чтоб спросить у них, что это такое, где находится этот «каарам-тамо», я, к моему крайнему удивлению, узнал, что так они называют меня. Но все-таки весьма ограниченное знание языка не позволяло мне сделать дальнейших вопросов, чтоб тотчас же разъяснить, каким образом они пришли к такому странному заключению относительно моего происхождения. Наконец, уже на четвертом месяце моего знакомства с ними, когда я успел ознакомиться с языком достаточно хорошо, при новых расспросах о происхождении этого выражения я узнал следующее. Спросив

однажды одного из туземцев: «Кто тебе сказал, что я каарамтамо?», т. е. человек с луны, я получил ответ: «Да все говорят это». – «Кто же эти все?» – «Да ты спроси их (при этом он указал на подле стоявших): вот тот, тот и тот, все тебя так называют».

Добившись, наконец, кто первый назвал меня таким образом (мне сказали, что это был Бугай из деревни Горенду), я тотчас же отправился в эту деревню, отыскал Бугая и спросил его: «Почему ты думаешь, что я пришел с луны?» – «Потому что у тебя огонь с луны». Опять явилось затруднение: что они называют «огнем с луны»? Я стал объяснять им, что огонь, который горит в моей хижине или зажигается в ней, совершенно такой же, как и тот, который горит в Горенду, Тумбу и других деревнях. «Все это так, – отвечал Бугай, – но у тебя в твоей хижине есть еще другой огонь, который с луны». Снова пришлось расспрашивать, и, наконец, я узнал, что этот дикарь Бугай, будучи раз с товарищем на рыбной ловле, увидел около моей хижины яркий, белый свет и так испугался, что сейчас же бросился в деревню и стал звать всех посмотреть на «огонь с луны», как он назвал этот необыкновенный огонь. С этого времени сначала в ближайших деревнях, а потом и в более отдаленных стали звать меня «человеком с луны».

Долго я не мог сообразить, какой особенный огонь они могли видеть у меня. Припомнив хорошенько все обстоятельства моей жизни в Гарагаси, я остановился как на более вероятном на следующем случае. Однажды в бурную ночь, когда мне надо было отыскать что-то под хижиную (хижина в Гарагаси стояла на сваях), я вздумал зажечь один из фальшфейеров, оставленных мне командиром корвета «Витязь». Это-то случайное обстоятельство окончательно утвердило в мозгу туземцев убеждение в моем сверхъестественном происхождении, первоначальное зерно которого брошено было, вероятно, моим неожиданным появлением среди них.

Туземцы, раз вошедши в эту колею мышления, стали объяснять положительно всякую относящуюся ко мне мелочь каким-нибудь особенным, сверхъестественным образом. Они были убеждены, например, что я могу зажечь воду, могу летать и т. д. Все эти атрибуты, которыми они облекали каарамтамо – человека с луны, росли и распространялись весьма быстро вследствие того, что мои соседи имели сверх того и выгоду как можно больше рассказывать обо мне как существе необыкновенном. Чем более они возвышали меня в глазах жителей более отдаленных деревень, тем более возвышались и сами, тем более казались страшными своим врагам, если бы те вздумали когда-нибудь напасть на них.

Вскоре туземцы соседних деревень дали мне доказательство своего ко мне доверия. Однажды, когда жители более отдаленных деревень объявили моим соседям, жителям Горенду и Бонгу, войну и хотели напасть на них, эти соседи мои решились на совершенно неожиданный поступок, который немало удивил меня. В продолжение четырех или пяти месяцев они ни разу не показывали мне своих жен и детей. Извещенные о моем приближении к деревне свистком, все женщины и дети убегали и оставались в лесу до тех пор, пока я не уходил; да я и не старался обнаруживать особенного любопытства видеть их. Как же поэтому велико было мое изумление, когда однажды несколько десятков женщин с грудными детьми были приведены к моей хижине в Гарагаси (в то время я уже хорошо понимал их язык), и один из старых людей, которых они называют «тамо-боро» (большой человек), обратился ко мне с просьбою о позволении оставить их около моей хижины на несколько дней, так как они ожидают нападения неприятеля. Хотя меня очень беспокоит и раздражает крик детей, но я согласился на их просьбу. Враги моих соседей были напуганы этим обстоятельством и, видя меня на стороне деревень Горенду и Бонгу, удержались от нападения, и, таким образом, вся история обошлась без кровопролития.

Чем больше распространялась моя известность как «каарам-тамо» (человека с луны), тем удобнее стало для меня являться в окрестные деревни, и мои исследования и наблюдения пошли гораздо успешнее. Вообще, чем менее я менял свое поведение, чем более я оставался

самим собой, т. е. европейцем, ученым, исследователем, чем больше отличался от туземцев, тем более укреплялась в них идея о моем неземном происхождении, для поддержания которой мне не приходилось играть никакой роли или принимать какие-нибудь меры. В отношениях моих с туземцами я строго наблюдал за собою, чтоб всегда даже малейшее, но данное

мною обещание было исполнено, так что у папуасов явилось убеждение, выражаемое ими в трех словах и ставшее между ними родом поговорки: «Балал Маклай худи», что в переводе значит: «Слово Маклая одно». Но, чтобы дойти до такого мнения, я действительно должен был быть весьма заботлив: никогда ничего не обещать, чего не могу сделать. Это исключительное положение много помогало в моих частых сношениях с туземцами и давало мне возможность оказывать на них хорошее влияние при часто возникавших между ними междоусобиях и войнах.

По мере знакомства с туземцами, с образом их жизни и нравами, в сентябре и ноябре 1872 г., т. е. в конце моего пребывания в Гарагаси, мне стала рисоваться программа дальнейших исследований на островах Тихого океана. Изучив туземцев Берега Маклая в антропологическом и этнологическом отношении, я наметил себе задачу исследования всей папуасской или меланезийской расы.

Между интересными и малоизвестными животными Новой Гвинеи наиболее интересным представлялся мне туземец Новой Гвинеи,

hoto rapua.

Таким образом, мне представлялось необходимым,

во-первых, познакомиться с папуасами других частей Новой Гвинеи для сравнения их с изученными мною жителями Берега Маклая;

во-вторых, сравнить папуасов Новой Гвинеи с обитателями других островов Меланезии и,

в-третьих, выяснить отношение папуасов к «негритосам» Филиппинских островов, доказать присутствие или отсутствие курчавоволосой расы на Малайском полуострове и в случае ее присутствия сравнить ее представителей с остальными меланезийцами. Программу эту мне удалось выполнить, но на выполнение потребовалось десять лет путешествия.

Вернувшись из Новой Гвинеи и прибыв на клипере «Изумруд» в мае 1873 г. на о. Яву, я воспользовался там гостеприимством генерал-губернатора Нидерландских Индий и занялся приведением в порядок моих наблюдений на Берегу Маклая в 1871–1872 гг., результатом чего был ряд статей в батавийском журнале естественных наук («Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indi?»). Случилось это таким образом. Страдая в то время лихорадкою денга

(кнокель-курс голландцев или

денью-фивер англичан) с опухолью суставов пальцев, я не в состоянии был писать и должен был диктовать переписчику, и вот причина, почему статьи эти напечатаны в иностранном журнале, на чужом языке; будь я сам здоров или имей под руками переписчика, умеющего писать по-русски, я, без сомнения, прислал бы статьи в Русское географическое общество {112}.

Таким образом напечатаны были:

- 1) «Anthropologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea» <1873. D. 33. S. 225–250>.
- 2) «Ueber Brachycephalie bei den Papuas von Neu-Guinea» <1874. D. 34. S. 345–347>.

3) «Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea» (I und II) <1875. D. 35. S. 66–93; 1876. D. 36. S. 294–333>.

4) «Notice m?torologique concernant la C?te-Maclay en Nouvelle-Guin?e» <1873. D. 33. P. 430–431>.

Наконец, я послал профессору Брок? в Париж маленькую статейку под заглавием «Vestiges de l'art chez les Papouas de la C?te-Maclay en Nouvelle-Guin?e», которая составляла начало целого ряда статей, посвященных вопросу об искусстве папуасов, но от профессора Брока я не получил ответа, вероятно, по случаю его смерти, и только теперь случайно узнал, что означенная статейка моя напечатана в «Bulletin de la Soci?t? d'Anthropologie de Paris» 3-me s?r. T. 1. Ann?e 1878. P. 524–531); последующие же статьи о том же предмете остались ненапечатанными и находятся в моих бумагах.

Вышеозначенные брошюры заключают в себе предварительные сообщения о результате моих исследований в Новой Гвинее в 1871–1872 гг.

Для передачи вам, мм. гг., содержания каждой из этих брошюр мне потребовалось бы целое отдельное чтение, а потому приниматься за подробное изложение результатов, перечисленных в них, я считаю положительно здесь неуместным; тем более что если б я вздумал изложить пред вами результаты моих 11-летних путешествий, более или менее в подробном виде, мне понадобилось бы употребить на это по одной лекции в неделю, целую зиму.

Чтобы дать понятие о содержании означенных сообщений и важном значении находящегося в них матерьяла, я сообщу заголовки статей в одной из брошюр по этнологии: 1) пища туземцев; 2) приготовление пищи; 3) кухонные принадлежности и орудия; 4) орудия, употребляемые при разных работах; 5) одежда и украшения; 6) деревни и жилища; 7) внутренность хижин; 8) ежедневная жизнь папуасов; 9) заметки об изучении языка; 10) искусства; 11) суеверия и обычаи, связанные с суевериями, и 12) музыка и пение. К этому могу лишь прибавить, что в моих коллекциях, оставленных в Сиднее{113}, особенно богатых предметами Берега Маклая, имеются в большом количестве образчики домашней утвари, орудий, оружия и других употребляемых в разных случаях их жизни предметов. Сверх того, в коллекциях моих находится полное, чрезвычайно интересное в антропологическом отношении собрание черепов.

Отправляясь в декабре 1872 г. на «Изумруде» с Берега Маклая, я обещал туземцам, которые сильно горевали о моем отъезде, вернуться к ним. В январе 1876 г. мне удалось исполнить это обещание: я отправился вторично на Новую Гвинею. Это путешествие, совершенное на маленькой английской шхуне «Sea Bird», было сопряжено с большими неудобствами и богато приключениями.

Пройденный путь обозначен здесь, на этой карте

(показывает).

Из Явы я отправился на о. Целебес и, пройдя около островов Геби и группы Пеган, отправился на о. Яп, а оттуда на группу Пелау, или Пелью. Побывав там и пройдя группу Улеай и острова Матвея, посетил острова Адмиралтейства, острова Луб, Ниниги и, наконец, прибыл к себе в Новую Гвинею. Краткое сообщение об этой экспедиции находится в «Известиях Географического общества», а также напечатано в «Petermann's Geographische Mittheilungen», 1878 <Bd. 24> (Reise in West-Mikronesien, Nord-Melanesien und ein dritter Aufenthalt in Neu-Guinea, von Februar 1876 bis Januar 1878). Я вернулся снова на Берег Маклая затем, чтоб, зная хорошо язык туземцев и пользуясь их полным доверием, дополнить мои наблюдения и окончательно выяснить некоторые, не вполне разрешенные мною при первом посещении вопросы. Мои ожидания вполне оправдались. Полное знание языка туземцев, а

главным образом их доверие ко мне весьма облегчили мои исследования. Я не в состоянии показать вам здесь всех рисунков, портретов, изображений хижин и других предметов и вообще обстановки жизни туземцев Новой Гвинеи, но в этих двух

(показывает толстые томики) записных книгах собран громадный этнологический материал о папуасах Берега Маклая.

Само собою разумеется, что я обставил свое возвращение в Новую Гвинею совершенно иным образом, чем в 1871 г. Вместо хижины, в которой мое помещение было не более семи квадратных футов, я привез с собою из Сингапура удобный дом и поставил его в другом месте берега, чем в 1871 г. Этот раз моя резиденция находилась в 1/2 мили от порта Константин, на мыске, называемом туземцами Богарлом (или Бугарлом). Таким образом, при более удобной обстановке я мог заняться анатомическими работами. Образцы некоторых анатомических рисунков находятся

(показывает) на последней таблице, а в этом портфеле лежат остальные, и желающим я могу их показать.

Мне удалось еще посетить значительные пространства берега Новой Гвинеи – миль 180, от мыса Кроазиль до мыса Теляты, и притом очень удобным образом. Я с двумя слугами и несколькими жителями деревни Бонгу отправился в двух пирогах вдоль берега, останавливался почти во всех деревнях и везде встречал радушный прием благодаря моим спутникам-папуасам, которые, будучи моими старыми знакомыми, хорошо знали меня и знали туземные языки, так что я мог очень удобно познакомиться с образом жизни и нравами береговых папуасов, которые в этнологическом отношении очень отличаются между собою: каждая деревня имеет свои характерные особенности. Некоторые виды пройденных деревень выставлены также здесь

(показывает на развешанные на стене рисунки).

Мое влияние на туземцев оказалось так сильно, что мне удалось совершенно прекратить во все время моего пребывания постоянные междоусобные войны. Этот результат был для меня в высшей степени приятен. Эти войны имеют более характер убийств, чем войны или боя в открытом поле. Каждое убийство ведет к новым репрессалиям, и, таким образом, вся война состоит из ряда вендетт. Войны страшно вредили всему населению, так что туземцы боялись отходить на несколько часов от своих селений. Вследствие моего положения и авторитета как «человека с луны» я имел возможность положительно запретить войны и вскоре увидел хороший результат этого запрещения.

Во второе пребывание в Новой Гвинее мое здоровье вследствие более удобной обстановки было гораздо менее подвержено приступам лихорадки, так что я мог более времени употреблять на занятия, состоявшие, как я сказал, главным образом в этнологических исследованиях, причем, однако, никогда не упускал из вида и сравнительно-анатомических работ. Но я полагал, что мне следует главным образом заняться изучением туземцев и образа их жизни. Я застал их на самой низкой ступени развития: металлов они совершенно не знали, и все их орудия были сделаны из камня, костей и дерева. Они не умели даже добывать огня. Несомненно, что такая примитивная жизнь туземцев, во всех ее мелочных подробностях, представлялась интересным предметом исследования для всякого естествоиспытателя. Сверх того, эта степень развития туземцев Берега Маклая – переходная и должна бы измениться уже вследствие одного моего пребывания между ними. Так, они познакомились с употреблением железа и целого ряда других предметов, которых прежде совершенно не знали; целый ряд идей явился в их умственном кругозоре. В непродолжительном, быть может, времени вследствие развития торговли в Тихом океане жители Берега Маклая войдут в сношения с другими народами, и тогда их примитивность вполне исчезнет, а вместе с тем исчезнет большая часть того научного интереса, который

представляют дикари в их первобытном состоянии.

Сорау кобул (парусные лодки). Деревня Мале. Берег Маклая

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Позвольте мне здесь, мм. гг., привести несколько строк из моего письма Императорскому Русскому географическому обществу о втором пребывании моем на Берегу Маклая в Новой Гвинее в 1876 и 1877 гг. О выборе главного предмета моих исследований я писал тогда следующее:

«Если, замечая, что я ни слова не говорю о новооткрытых видах райских птиц, не обещаюсь описать сотни и привезти тысячи редких насекомых, меня, может быть, удивляясь, спросит ревностный зоолог: отчего я ради вопросов по этнологии, которая собственно не составляет моей специальности, отстранил от себя собирание коллекций? Я отвечу на это, что, хотя и считаю вопросы зоогеографии этой местности весьма интересными, особенно после весьма подвинувшегося в последние годы знакомства моего с фауною Малайского архипелага, все-таки почел за

более важное обратить мое внимание, теряя при этом немало времени, на status praesens житья-бытья папуасов, полагая, что

эти фазы жизни

этой части человечества при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день)

весьма скоро проходящи. Те же райские птицы и бабочки будут летать в Новой Гвинее даже в далеком будущем, и собирание их будет восхищать зоолога; те же насекомые постепенно наполнят его коллекции, между тем как, почти наверное, при повторенных сношениях с белыми не только нравы и обычаи

теперешних папуасов искажутся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинее, подобно тому как я искал оран-сакай и оран-семанг в лесах Малайского полуострова.

Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи я был прав».[216]

Благодаря большому ко мне доверию туземцев я был поставлен во время второго у них пребывания в возможность познакомиться с весьма интересными обычаями – брачными, погребальными и другими. Укажу для примера на некоторые обычаи, иллюстрации которых

(показывает на рисунки) находятся здесь, на рисунках. Так, туземцы оставляют покойников гнить в хижинах. На первой таблице вы имеете рисунок гробницы взрослого папуаса. Когда человек умирает, его тело приводят в сидячее положение; потом труп оплетают листьями кокосовой пальмы в виде корзины, около которой жена покойного должна поддерживать огонь в течение двух или трех недель, пока труп совершенно не разложится и не высохнет. Случаи зарывания трупов крайне редки и происходят только тогда, когда какой-нибудь старик переживет всех своих жен и детей, так что некому поддерживать огонь. Это и случилось с моим знакомым Маде-Боро, гробницу которого под барлою (верандою) его опустевшей и запертой хижины вы видите на этом рисунке. Трупы умерших детей подвешивают в небольших корзинках под крышею хижин. Описанный способ погребения обыкновенно сопровождается многими обрядами, которые подробно изложены в одной из

вышеупомянутых брошюр.

Хижина в деревне Мале

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Я уже говорил, что папуасы не умели добывать огонь, и когда я спрашивал их об этом, то они положительно не понимали моего вопроса и даже находили его смешным. Они говорили, что если у одного погаснет огонь, то он найдется у другого; если во всей деревне не будет огня, то найдется в другой. Некоторые туземцы говорили мне, что их отцы и деды рассказывали, что помнят или в свою очередь слышали о времени, когда у людей вовсе не было огня, что им приходилось есть пищу сырую, вследствие чего у них была болезнь десен, название которой сохранилось до сих пор. Когда в ноябре 1877 г. я решил, наконец, вернуться в Сингапур на случайно зашедшей английской шхуне, то приказал оповестить по всем деревням, чтоб ко мне из каждой деревни явилось по два человека: самый старый и самый молодой. Ко мне пришло более чем по два человека, так что около моей хижины собралась большая толпа. Когда все они сгруппировались около меня, я сказал им, что покидаю их на время и, вероятно, не скоро вернусь. Они почли долгом выразить мне свое неудовольствие и очень сожалели о моем отъезде. Потом я объяснил им, что, вероятно, другие люди, такие же белые, как и я, с такими же волосами и в такой же одежде, придут к ним на таких же кораблях, на каких приезжал я, но, очень вероятно, это будут совершенно иные люди, чем Маклай.

«Гробница Маде-Боро под барлою его опустевшей и запертой хижины». Остров Били-Били. Берег Маклая

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Я считал своим долгом предупредить этих дикарей относительно того класса промышленников, которые еще до сих пор делают острова Тихого океана свидетелями весьма печальных сцен. Еще до сих пор так называемое «kidnapping», т. е. похищение людей в рабство разными средствами, там встречается и производится под английским, германским, американским и французским флагами. Я ожидал, что и в Новой Гвинее может случиться то же, что на островах Меланезии (Соломоновых, Новогейбридских и других островах), где население стало уменьшаться значительно вследствие вывоза невольников. Поэтому я, полагая, что и Берег Маклая будет со временем целью посещения этих судов, счел долгом предупредить и объяснить им, что хотя они и увидят такие же суда и таких же людей, как Маклай, но эти люди могут их увести в неволю.

Это предупреждение привело их в большое смущение, и они положительно хотели воспротивиться моему отъезду и старались уговорить меня остаться. Тогда я посоветовал им никогда не выходить к белым навстречу вооруженными и никогда не пытаться даже убивать их, объясняя им все значение огнестрельного оружия сравнительно с их стрелами и копьями. Я им советовал для предупреждения бед при появлении судна сейчас же посылать своих женщин и детей в горы. Я им указал, однако, каким образом они могут отличить друзей от недругов. Впоследствии я узнал, что все мои советы, выслушанные со вниманием, были исполнены в точности. После моего отъезда пришла английская шхуна из Мельбурна на Берег Маклая с золотоискателями, которые полагали, что я скрыл присутствие там золота, и хотели исследовать берег в этом отношении. Это было год спустя после моего отъезда. Я встретил в Мельбурне в прошлом году одного из участников этой экспедиции, который и рассказал мне, что они нашли мою хижину в том виде, как я ее оставил, и что дверь и замок были целы, а плантация вокруг дома содержалась так хорошо, что имела вид сада. Когда

мистер П.

[Артур Пек] , участник экспедиции, взялся за замок, чтоб посмотреть, нельзя ли войти в хижину, то полдюжины рук схватили его, и папуасы объяснили ему знаками, что это принадлежит Маклаю, каковое имя они постоянно повторяли в разговоре между собою, и что ему нечего тут искать. Демонстрация эта была настолько внушительна, что белые поспешили убраться, видя, что туземцы, пожалуй, станут защищаться.

Я получил еще одну весточку о моих друзьях: военное судно было послано туда вследствие распоряжения the High Commissioner of the Western Pacific Sir Arthur Gordon

[верховного комиссара (Великобритании) в западной части Тихого океана сэра Артура Гордона (англ.)].

Перед отъездом Ромильи (Deputy-Commissioner –

заместителя (верховного) комиссара (англ.) на Берег Маклая я имел случай видеть его в Сиднее и передал ему те знаки и слова, по которым он мог быть узан туземцами как друг Маклая. Из рассказа вернувшегося Ромильи я убедился, что все, даже мельчайшие подробности моих советов папуасами были исполнены. Так, в течение многих часов, пока он не сделал известных знаков, ни один человек не осмеливался подойти в своей пироге к шхуне; но как только он сделал знаки и сказал условные слова, которым я его научил, моментально все изменилось: десятки пирог явились к шхуне, и все начали кричать, произнося постоянно имя Маклай. Тогда Ромильи представился им как «брат Маклая», после чего он был отведен к моему дому и вообще встречен туземцами в высшей степени дружелюбно.

Быть может, я утомил ваше внимание, господа, моим рассказом о пребывании моем в Новой Гвинее, но этим рассказом я желал дать вам хотя общее понятие, каким образом я достиг весьма интересных и важных для науки результатов{114}.

Чтение второе

4 октября

Г. Председатель!

Милостивые государыни и милостивые государи!

Я начну сегодняшнее чтение тем, чем начал и прошлое: просьбой о снисхождении ко мне за мое не совсем удовлетворительное изложение, происходящее вследствие непривычки говорить пред большим европейским обществом.

Прошлое чтение я посвятил двум моим пребываниям на Берегу Маклая, но вследствие головной боли не успел достаточно подробно изложить результаты этих пребываний.

Я уже сообщил, что результаты моего первого пребывания на Новой Гвинее в 1871 и 1872 гг. были напечатаны в четырех брошюрах на французском и немецком языках; но во время второго моего там пребывания, при более обширном знакомстве с папуасским языком, мне удалось многое дополнить, а по этнологии добыть результаты, более важные и удовлетворительные. Поэтому мысль вторично посетить Берег Маклая оказалась в высшей степени удачною в интересе моих исследований.

Как вам, мм. гг., уже известно, отправляясь в Новую Гвинею, я имел в виду исследование меланезийского, или папуасского, племени и с этою целью нарочно избрал ту часть Новой

Гвинеи, которая была до меня еще совершенно не затронута белыми. Мое с лишком трехлетнее пребывание на Берегу Маклая убедило меня, что туземцы этого берега не находились до моего приезда в соприкосновении ни с белой, ни с малайской расами. Я удачно попал именно в такое место, где папуасская раса была совершенно чиста, без всякой посторонней примеси, тогда как на других островах Меланезии, как я сообщу в следующей лекции, она является более или менее смешанною с другими расами.

Основываясь на поверхностных и отрывочных наблюдениях различных путешественников, позднейшие ученые предполагали существование в Новой Гвинее нескольких различных племен, причем отличали прибрежных жителей от обитателей внутренних гористых местностей. Поэтому представлялось необходимым прежде всего проверить это мнение относительно Берега Маклая и местностей, к нему прилегающих. Сделав значительное число экскурсий во внутрь страны, в горы, и посетив различные, по возможности отдаленные места вдоль берега, я пришел к положительному убеждению, что никакого племенного или расового различия между прибрежными жителями и обитателями горных местностей не существует, везде живет одно и то же племя, имеющее одинаковый антропологический *habitus* и отличающееся по местностям только языком и подробностями образа жизни и обычаев. Таким образом, вопрос о существовании в Новой Гвинее нескольких различных племен решен мною в отрицательном смысле.

Далее, касательно черепа папуасов существовало мнение, что отличительный его признак – долихоцефалия, или длинноголовость. Это мнение принималось как совершенно доказанная истина, и даже один из известнейших современных антропологов, профессор Р. Вирхов, считал необходимым на основании формы черепа отличить как две вполне самостоятельные и отдельные расы

длинноголовых (долихоцефальных)

папуасов, с одной стороны, и

короткоголовых (брахицефальных)

негритосов (Филиппинских островов). Для разрешения этого вопроса – длинноголовости (долихоцефалии) папуасов – я обратился как к самому надежному средству к измерению голов туземцев, что для меня было значительно облегчено обычаем папуасских женщин брить голову по выходе замуж.

Я сделал сотни таких измерений, и к моему величайшему удивлению, между сотнями измеренных голов десятки оказались брахицефальными или очень склонялись к брахицефалии

(короткоголовости).

Ввиду такого результата, для предупреждения каких-нибудь сомнений со стороны ученых относительно правильности и точности своих измерений, я запасся достаточным количеством краниологического матерьяла папуасских черепов, который вполне подтверждает результаты, полученные мною путем измерения. Таким образом, признак

длинноголовости (долихоцефалии) для расового отличия папуасов оказывается несостоятельным. Для специалистов скажу, что ширина черепа папуасов Новой Гвинеи относительно длины варьирует между 62 и 86, т. е. в весьма широких пределах.

Далее, во многих учебниках по антропологии как на признак, отличающий папуасов от других темных, курчавоволосых рас, указывается, что у папуасов курчавые волосы растут будто бы не равномерно, а

группами, или

пучками, так что между этими группами, или пучками, находятся извилистые безволосые пространства. Наблюдая волосы на голове и теле как детей, так и взрослых папуасов и внимательно рассматривая распределение волос на коже, я убедился положительно, что у папуасов ни в каком возрасте особенной пучкообразной группировки волос не существует.

Следовательно, и этот общепринятый в учебниках признак папуасского племени оказался несостоятельным.

Наконец, некоторые антропологи, никогда не выезжавшие из Европы, как на хороший признак при классификации различных рас (папуасской, негритосской, негритянской) указывают на размер (диаметр) спирали (завитка) волос и на основании этого признака различали, например, папуасов от негритосов, утверждая, что у негритосов волосы представляют гораздо более узкие спирали, а именно диаметр волосной спирали, или завитка, равняется 1–2 мм. Но по произведенным мною наблюдениям и измерениям отрезанные у папуасов Новой Гвинеи волосы свертывались спиралью (завитками), диаметр которой в очень многих случаях не превышал 1–1,5 мм, причем оказалось, что диаметр спирали, или завитка, волос, взятых с различных частей головы (виска, затылка), а тем более различных частей тела, весьма различен и сильно варьирует. Таким образом, и это основание (диаметр спирали волос) классификации рас, которое было серьезно защищено некоторыми учеными, не выдерживает критики.

Все вышеуказанные вопросы могли быть разрешены только благодаря громадному, так сказать, живому матерьялу, который находился у меня под руками.

Познакомившись с папуасами Берега Маклая, я, как уже сообщил в первом чтении, для сравнения и проверки добытых на этом берегу антропологических наблюдений решил посетить другие местности Новой Гвинеи. Отдохнув в течение шести месяцев в Бюйтенцорге на о. Яве и приготовив к печати предварительные сообщения о результате первого путешествия, я отправился в этот раз на берег Новой Гвинеи, противоположный Берегу Маклая, где, по разным соображениям, предполагал найти более или менее чистое, несмешанное папуасское население. В декабре 1873 г. на почтовом голландском пароходе вышел я из Батавии и, посетив разные порты Явы, через Макаassar, Тимор, Банду прибыл в Амбоину, где хотя и нашел средства к дальнейшему путешествию, но не мог получить никаких новых для меня сведений о Новой Гвинее. Из Амбоины я направился на один из островов группы Серам-Лаут – островок Кильвару, откуда дальнейшее путешествие представлялось возможным только с помощью малайского прау. Но здесь возник чрезвычайно важный вопрос: какую именно часть берега Новой Гвинеи избрать местом исследований?

Каждому из вас, мм. гг., легко понять, какое важное значение имеет удачный выбор места для тех или других научных наблюдений и исследований. Поэтому, прежде чем остановиться на той или другой местности, я постарался приблизительно собрать сведения о Новой Гвинее как у малайцев, так и в литературе.

Необходимо заметить, что малайцы о. Целебеса, главным образом макаassarцы, уже в течение 300–400 лет имеют сношения с Новою Гвинеей, равно жители островов Серам-Лаут, Серама и Кей также часто отправляются туда за невольниками, для ловли и покупки у туземцев черепах, трепангов и жемчужных раковин. Я узнал также, что в той части берега Новой Гвинеи, которая называется Папуа-Оним и Папуа-Нотан, малайцы всегда принимаются туземцами в высшей степени дружелюбно и что хорошие отношения установились между ними уже издавна, так что на этих частях берега я, по всей вероятности, встретил бы смешанное население. В интересной статье П. Леупе

(P. A. Leupe. De reizen der Nederlanders naar Nieuw-Guinea en de Papoesche eilanden in de 17-e en 18 eeuw),[217] в которой описаны сношения малайцев и европейцев с туземцами Новой Гвинеи в XVI и XVII столетиях, я нашел, между прочим, заметку о том, к какому средству прибегли малайцы о. Целебеса для того, чтоб, установив совершенно правильные сношения с западным берегом Новой Гвинеи, иметь вполне в своих руках этот рынок. Отправляясь в Новую Гвинею, они брали с собою молодых девушек из хороших малайских семейств и отдавали их в жены более влиятельным туземцам, а в обмен вывозили папуасских девушек, которых выдавали на Целебесе замуж за малайцев. Таким образом установились родственные связи между макассарцами и прибрежными папуасами Новой Гвинеи, вследствие чего между ними упрочились тесные и исключительные торговые сношения. Вот почему названный голландский ученый Леупе, роясь в архивах, нашел, что все попытки голландцев в XVI и XVII веках завладеть рынком Новой Гвинеи были уничтожены вследствие такого вероломства, как он выражается, со стороны макассарцев. Убедившись из этого, что папуасское племя берегов Папуа-Онин и Папуа-Нотан уже в течение нескольких сот лет подвергалось смешению с малайским, и для того, чтобы найти чистокровных папуасов, я должен был отправляться далеко во внутрь страны; я решил избрать другой берег Новой Гвинеи для своей экскурсии, именно Берег Папуа-Ковиай.

О жителях Берега Папуа-Ковиай ходили между малайцами самые ужасные рассказы: их считали людоедами; уверяли, что они нападают на проходящие к берегу суда, грабят, убивают, поедают экипаж и т. п.

Все эти страшные рассказы малайцев о разбойничестве и людоедстве жителей Берега Папуа-Ковиай и побудили меня избрать именно эту местность, так как я надеялся встретить там чистокровное папуасское население.

С большими затруднениями мне удалось нанять небольшую малайскую прау, или, как ее называют на островах Серам-Лаут, небольшой «урумбай», – судно, имевшее приблизительно 30 футов длины и 8 футов ширины; и на это судно должен был взять экипаж в 16 человек, так как в меньшем числе малайцы не решались отправиться в гости к папуасам Берега Ковиай. Они уверяли, что при меньшем числе экипажа экипаж едва ли вернется живым: все будут перерезаны и т. д. Сверх того, в Амбоине я запасся хорошим поваром и охотником, которые были христиане и, оставив свои дома и семейства в Амбоине, желали, разумеется, со временем вернуться домой; я знал их за честных людей, так как раньше они служили у других натуралистов, от которых имели хорошие рекомендации, и я мог более или менее на них положиться.

Не желая иметь в своем экипаже людей из одной какой-нибудь местности, знакомых между собою, я

намеренно оставил при себе по несколько человек из разных местностей и даже разных племен; так, у меня были малайцы, папуасы и другие. Люди знакомые легче могли сговориться между собою, оказать мне скопом неповиновение, сопротивление и даже нападение на меня.

Наконец, когда урумбай и люди мои были готовы, мы отправились с острова Серам-Лаут сперва к островам Матабелло, а затем, повернув на северо-восток и пройдя между п-овом Кумава и о. Ади, прибыли к Берегу Папуа-Ковиай Новой Гвинеи. Я посетил сначала великолепную бухту Тритон-бай, около которой почти за 40 лет до моего прихода находилась голландская колония Форт-дю-Бюс (Fort du Bus); от этой колонии в настоящее время, кроме нескольких камней в лесу, ничего не сохранилось. Колония была основана в 1828 г. и существовала до 1836 г., т. е. в течение восьми лет. Голландцы старались поддержать ее существование, высылая ежегодно по 150–200 солдат-яванцев с европейскими офицерами; но вследствие лихорадок и дизентерии не многим из гарнизона приходилось возвращаться: почти весь гарнизон обыкновенно вымирал до прихода смены. Когда я прибыл в Тритон-бай,

я не мог найти у туземцев даже и воспоминания об этой колонии (в моем экипаже находились два-три человека, знавшие местный язык и служившие мне переводчиками), и только один из стариков-папуасов, радья Айдума,[218] мой приятель (портрет его находится здесь), вспоминал, что есть в лесу недалеко от берега так называемая рума-бату (т. е. каменный дом). Действительно, по указанию радья Айдума мне удалось найти в лесу следы бывшей здесь колонии Форт-дю-Бюс: фундаменты нескольких домов и заржавленный чугунный щит с гербом нидерландским, найденный мною на земле, был покрыт мохом.

Находящаяся здесь перед вами, мм. гг., карта до моего прихода представлялась далеко не такую, какую вы ее теперь видите. Все это

(показывает) рисовалось в виде материка Новой Гвинеи, между тем оказалось в действительности, что из Тритон-бай есть пролив, отделяющий группу островов Мавара от материка, весьма живописный, который я назвал проливом великой княгини Елены Павловны (другой пролив, отделяющий о. Наматоте от материка, назван мною проливом королевы Софии в честь покойной королевы нидерландской). Для пребывания своего я выбрал в высшей степени красивое место – Айва, мысок, находящийся между обоими вышеназванными проливами, где с помощью взятых с собою необходимых для постройки хижины принадлежностей в виде «атап», сплетенных особым образом листьев саговой пальмы, которые составляют удобный материал для построек, мои люди скоро выстроили хижину, и я немедленно принялся за антропологические исследования. Хотя между населением, особенно между детьми, встречались положительные доказательства помеси, но вообще можно сказать, что обитатели Папуа-Ковиай представляются чистокровными папуасами.

Отсутствие помеси или присутствие ее только в незначительной степени объясняется тем, что малайцы никогда не поселялись на этом берегу и, заходя сюда лишь изредка, вступали в случайные, временные связи с папуасскими женщинами; рождавшиеся от таких случайных связей полукровные дети бросались родителями на произвол судьбы и редко достигали зрелого возраста. Так как вопрос о том, населяет ли Новую Гвинею одно племя или несколько различных племен и даже рас, представлялся нерешенным в науке, то я не доверился первому общему впечатлению, которое было в пользу полного сходства жителей Берега Папуа-Ковиай с обитателями Берега Маклая. В самом деле, помимо некоторых особенностей костюма, я встретил здесь множество физиономий, которые вследствие поразительного сходства можно было принять за братьев или близких родственников многих знакомых мне папуасов на Берегу Маклая.

Но я не поддался этому первому впечатлению и старался проверить его на деле, для чего занялся антропологическими измерениями, насколько туземцы позволяли над собою эти манипуляции. Я сообщу здесь только некоторые результаты измерений. Так, например, рост людей на Берегу Маклая варьирует между 1 м 74 см (максимум) и 1 м 42 см (минимум); рост женщин, у которых есть вполне взрослые дети, 1 м 32 см. Рост туземцев Папуа-Ковиай разнится от приведенных цифр весьма незначительно, именно: максимум роста мужчин 1 м 75 см и минимум 1 м 48 см; женщин 1 м 31 см. Между тем как индекс ширины черепа на Берегу Маклая 86,4 и минимум 64,0, на Папуа-Ковиай – 80 и 62. Опять-таки различие пропорций незначительное.

Независимо от этого, как показывают приведенные цифры, и на Берегу Папуа-Ковиай подтвердился результат, добытый мною на Берегу Маклая, т. е. что между жителями Новой Гвинеи вообще встречается часто брахицефальная форма головы.

Оставив в моей хижине в Айве около десяти человек экипажа, я решил с остальными отправиться в глубь Новой Гвинеи, между прочим, для того, чтобы проверить рассказы туземцев о каком-то большом озере в горах. Высадившись на материке Новой Гвинеи против о. Койра, я перешел хребет гор в 1200 футов вышины и действительно открыл сравнительно узкое, но длинное озеро, называемое окрестными жителями «Камака-Валлар». Обитающие

же в окрестностях озера горные жители называются «вуоусирау», и по произведенным исследованиям, измерениям и снятым рисункам они почти не отличаются от береговых папуасов. Озеро Камака-Валлар тем более обратило на себя мое внимание, что, по рассказам туземцев, за несколько лет до моего прихода уровень его весьма значительно изменился.

Присматриваясь ближе к озеру, я заметил в прибрежной его части множество деревьев, находившихся, очевидно, на различной глубине, так как некоторые из деревьев показывались из воды только своими вершинами, между тем у других вода едва покрывала нижние части стволов. Это несомненно указывало, что когда-то уровень воды в озере был ниже и находившиеся в воде деревья росли открыто на берегу, но потом вода повысилась, затопила берег, и деревья очутились, таким образом, в озере на различной его глубине. При этом туземцы уверяли, что незадолго до моего прихода вода в озере стояла еще выше, так что деревьев совсем не было видно.

Сверх того, и другие признаки на крутых берегах озера ясно указывали на значительные изменения и колебания уровня воды – от 15 до 20 футов. По словам туземцев, понижение воды в озере произошло чрезвычайно быстро: утром еще они видели озеро с обыкновенным уровнем, но около полудня вода в нем вдруг стала спадать, начали показываться вершины деревьев, и на другое утро, к удивлению жителей, вокруг озера, на обнаженном берегу, явилась целая полоса омертвевших деревьев, которые до того находились под водою. Рассматривая эти деревья, я нашел, что многие достигали 25 см толщины и древесина их еще очень хорошо сохранилась, почему можно предположить, что они сравнительно не очень долго находились под водою – может быть, от 30 до 40 лет.

Повышение воды в озере Камака-Валлар можно объяснить тем, что озеро это, находящееся на высоте 500 футов над уровнем моря, представляет резервуар воды без истока, так что при сильных ливнях во время дождливого времени вода в нем, значительно прибывая, может с годами повыситься на несколько футов. Дожди в этой местности Новой Гвинеи бывают так обильны, что после двухдневного ливня поверхность залива Тритон покрывается слоем пресной дождевой воды, столь значительным, что воду эту можно черпать сосудами и употреблять в питье и пищу. Что касается приведенного выше рассказа туземцев о случившемся незадолго до моего прихода быстром понижении воды в озере, то понижение это может быть объяснено следующим образом. Образующие дно озера слои, принадлежа к какой-нибудь мягкой породе и постепенно растворяясь, не могли противостоять увеличившемуся давлению воды, масса которой возросла от сильных дождей; явился прорыв, в который и устремилась вода, продолжавшая вытекать до тех пор, пока оторванные сильным напором воды камни и глыбы земли не завалили протока и, таким образом, выход воды остановили на некоторое время, значительно понизив уровень озера.

Деревянная чаша с резными ручками для варки мяса. Острова Адмиралтейства

Вода в озере оказалась очень теплая, 31 °С, и неприятного вкуса. Мне удалось также найти здесь интересный и новый род губок, принадлежащий к группе Halichondria и названный мною Rumut Vallar?. Собрав затем интересную коллекцию раковин, я отправился далее, посетил острова Айдуму, Драмай, Каю-Мера, причем выступающий между двумя последними островами мыс назвал в честь генерала-губернатора Нидерландских Индий, оказавшего мне гостеприимство в Бюйтенцорге, мысом Лаудон, побывал на островке Лакахиа, где нашел каменный уголь, прошел в Телок-Кируру[219] и, высадившись в местности, называемой Илонай, сделал несколько экскурсий в горы.

Однако появление нашего небольшого судна привлекло внимание жителей южного берега Телок-Кируру, где находятся многочисленные деревни папуасов. Вероятно, мы показались им

хорошею и легкою добычею, и они явились к вечеру в таком числе, что мои люди положительно струсили, уверяя, что наш последний час пришел и если мы не уберемся в продолжение ночи из узкого залива, то на утро не миновать беды.

Действительно, число пирог, а с ними и папуасов все возрастало, и нападение их на нас стало казаться и мне не только вероятным, но и неизбежным. О сопротивлении с дюжиной людей сотням дикарей нечего было и думать, и поэтому я решил ретироваться без шума под прикрытием темной ночи. Побуждаемые страхом, люди мои не щадили сил и, несмотря на утомление, усердно работали веслами всю ночь, чтобы поскорее выбраться из негостеприимного Телок-Кируру. Папуасы, собравшиеся было напасть на нас, вероятно, были неприятно удивлены на другой день, увидев, что добыча, на которую они положительно могли рассчитывать, так неожиданно ускользнула из их рук.

Добравшись до о. Айдума, я получил весьма неприятное известие, что моя хижина в Айве, в которой оставалось человек пять моих людей, была совершенно разграблена и все находившиеся в ней вещи забраны дикарями, живущими в горах вокруг Телок-Камрау, которые в мое отсутствие явились в числе более 200 человек, окрашенные в черную краску, с перьями райской птицы на голове (что они обыкновенно делают, отправляясь на войну и желая показаться страшнее неприятелям). Против этих 200 вполне вооруженных дикарей пятеро моих людей, понятно, ничего не могли сделать. Надо еще сказать, что около моей хижины сгруппировалось большое число прибрежных папуасов, и на них-то сперва напали горные дикари. Из женщин, надеявшихся укрыться в моей хижине, три были настигнуты в ней и убиты вместе с ребенком четырех лет. Точно так же были умерщвлены взятый мною в качестве проводника и переводчика старик, радья Айдумы, жена его и дочь-ребенок, которого разбойники изрубили на моем столе; последняя жестокость была сделана с очевидною целью показать, что они нисколько не боятся белого и при случае с ним расправятся подобным же образом. Несмотря, однако, на этот неприятный эпизод, я решился остаться в Новой Гвинее, хотя люди мои, напуганные кровавым происшествием в Айве, настоятельно требовали возвращения и угрожали покинуть меня одного.

В Айве я не мог оставаться, потому что дикари, ограбившие мою хижину, уходя, отравили источники пресной воды, и должен был поселиться на о. Айдуме, в наскоро устроенном небольшом и крайне неудобном помещении; люди же мои, хотя и остались со мною, но до того боялись папуасов, что жили на судне и крайне неохотно сходили на берег.

На о. Айдуме я пробыл около месяца и за отсутствием живого антропологического матерьяла все время посвятил сравнительно-анатомическим работам, пользуясь тем, что охотник мой из Амбоины Давид доставлял мне интересные экземпляры новогвинейских птиц и других животных.

Особенно мое внимание обратил на себя в высшей степени интересный вид кенгуру (*Dendrologus ursinus*), строение которого вследствие приспособления к местным условиям существенно изменилось: он приобрел крепкие когти, но утратил мускулы хвоста и из скачущего животного стал лязющим, почему живет большею частью на деревьях.

Но, занимаясь сравнительно-анатомическими работами на урумбае, я, признаюсь, не покидал намерения наказать главного зачинщика и виновника нападения на мою хижину в Айве, разграбления моих вещей и убиения нескольких людей, которого, как я узнал, звали Мавара и портрет которого вы здесь видите. Хотя человек этот, как легко заметить по портрету, был втрое сильнее меня, но нервы мои оказались крепче, и мне удалось взять его в плен живым. Мое появление перед ним и среди окружавших его дикарей было так неожиданно, что, когда я приказал своим людям связать разбойника, то не встретил ни малейшего сопротивления со стороны толпы папуасов, которые так растерялись, что даже помогли моим людям перенести остатки моих вещей и пленника на урумбай.

С добычей своей я отправился на о. Кильвару, откуда послал одного из людей известить о происшедшем резидента Амбоины, а в ожидании ответа целый месяц провел на островах Серам-Лаут, занимаясь изучением находящегося здесь смешанного типа людей, помеси папуасов с малайцами. Занятия шли успешно благодаря знакомству моему с малайским языком, а также и тому, что я хорошо был принят начальником, или радьей, и поселился в его доме.

На островах, расположенных между Целебесом и Новою Гвинеей, особенно на островах Серам-Лаут, Кей и других, издавна существует обыкновение приобретать папуасов как хорошую и дешевую рабочую силу, и зажиточный малаец всегда охотнее берет в услужение или для работ папуаса, нежели своего же малайца. Вследствие этого папуасы обоего пола в значительном числе вывозятся из Новой Гвинеи, приобретаются малайцами названных островов, вступают с ними в близкие сношения и образуют малайско-папуасскую помесь. Результаты моих антропологических исследований этой помеси сообщены в первом прибавлении к статье «Meine zweite Excursion nach Neu-Guinea 1874» под заглавием «lieber die Papua-Malayischen Mischung in den westlichen Molukken» &t;«Natuurkundig Tijdschrift...» 1876. D. 36. S. 174–176&t;.

Происходившее в течение многих столетий и продолжающееся и в настоящее время смешение малайской и папуасской рас вполне объясняет то разнообразие типа, какое встречается между населением восточной части Малайского архипелага.

Считаю уместным сказать здесь несколько слов о социальном положении папуасов Берега Ковиай и о том влиянии, какое имели на это положение малайцы и их культура. Сравнивая их положение с тем, в каком находятся обитатели противоположного, восточного, берега Новой Гвинеи, могу сказать, что папуасы Ковиай могли бы очень и очень позавидовать своим соплеменникам – папуасам Берега Маклая. Вследствие торговых сношений с малайцами (о чем я говорил в начале чтения), в которых вывоз невольников из Новой Гвинеи и торг ими всегда играли важную роль, папуасы Берега Ковиай из оседлых мало-помалу превратились в кочевых: на всем протяжении берега в настоящее время не встречается ни одной папуасской деревни. Подвергаясь вначале насилию, нападению и обращению в рабство со стороны малайцев, жители прибрежных деревень впоследствии сами сделались их сообщниками и в свою очередь отправлялись в более отдаленные горные папуасские деревни, производили на них нападения, захватывали в плен жителей и продавали малайцам. Понятно, горные жители не оставляли таких вероломных действий соседей без отмщения, и таким образом между прибрежными и горными папуасами возникали постоянные междоусобия и производилось взаимное истребление.

Находясь постоянно между двух огней – эксплуатацией малайцев, с одной стороны, и угрозой нападения горных жителей – с другой, береговые папуасы нашли слишком беспокойным и небезопасным жить на суше, бросили свои хижины и плантации на берегу и обратились в

водных номадов, скитаясь в пирогах вдоль и между берегов. Лишенные постоянного и обеспеченного источника пропитания, они находятся в крайне бедственном положении, и при встрече с бесшумно скользящею у берега пирогой на вопросы сидящему в ней папуасу: «Куда идешь?» или «Откуда ты?», обыкновенно получаешь ответ: «Иду искать чего-нибудь поесть» или «Искал чего-нибудь поесть». Живут они обыкновенно с женами и детьми в крытых пирогах, в которых помещается и все их имущество, и только на ночь или в свежую погоду пристают в

известных местах песчаного берега, которые служат им как бы станциями, где они сходятся для разного рода сношений и дел своих и имеют свои особые названия.

В некоторых местах я мог найти остатки их прошлой оседлой жизни, состоявшие из разных плантаций, на которых все еще росли некоторые виды полезных растений, главным образом

кокосовые пальмы; под тенью их некогда были расположены хижины; только в трех местах я видел довольно большие деревянные хижины, принадлежавшие папуасским начальникам, именно на островах Наматоте, Айдума и Мавара, пощаженные малайцами, вероятно, для того, чтоб при посещениях этого берега иметь хотя какой-нибудь «pied-a-terre»

[временное пристанище] , в которых они, однако, боятся оставаться ночью, опасаясь измены на вид смиренных и почтительных папуасов, но которые не упускают случая мстить своим врагам малайцам. Из сказанного следует, что хотя жители Папуа-Ковиай и получили от малайцев огнестрельное оружие, познакомились с курением табака и опия, стали ценить золото и усвоили малайские названия своих начальников, но оттого не стали ни богаче, ни счастливее.

На обратном пути в июне 1874 г. я серьезно заболел в Амбоине и едва было не умер в тамошнем госпитале, но, оправившись, я вернулся на Яву, заходя на пути в Тернате, Менадо, Макассар, Сурабай, где снова воспользовался гостеприимством генерал-губернатора Лаудона. Зная его за человека вполне честного и справедливого, я обратился к нему с полуофициальным письмом, в котором описал бедственное положение папуасов Берега Ковиай вследствие эксплуатации их малайцами, ведущими деятельную торговлю невольниками. Хотя рабство в голландских колониях давно уничтожено официально, на бумаге, но торговля людьми совершается на деле в довольно широких размерах, и находящиеся на многих островах голландские резиденты частью не в состоянии следить за тем, что делается в отдаленных колониях, частью же считают более удобным смотреть сквозь пальцы на подобные явления. Письмо мое не затерялось в архиве, и голос мой за несчастных папуасов не оказался гласом вопиющего в пустыне: в ноябре 1878 г., уже в Сиднее, я имел большое удовольствие получить письмо из Голландии с известием, что голландским правительством приняты самые энергические меры к искоренению возмутительной торговли людьми.

Перехожу к моему четвертому посещению Новой Гвинеи, на этот раз – южного ее берега, с тою же целью сравнения обитателей его с чистым, несмешанным племенем Берега Маклая, а также проверки рассказов о так называемом

желтом малайском племени на юге Новой Гвинеи.

Миссионерами и некоторыми путешественниками неоднократно сообщалось о существовании на южном берегу Новой Гвинеи особого светлокожего племени, отличного от остальных темнокожих папуасов Новой Гвинеи, которое названо ими

желтым, или

малайским. Пропутешествовав по островам Меланезии месяцев одиннадцать на трехмачтовой шхуне «Sadie F. Caller», я с островов Соломоновых прошел на острова Луизиады, где оставил багаж на шхуне, возвращавшейся обратно в Сидней, а сам решил остаться на маленьком острове Варе (или Teste Island) в ожидании прихода туда миссионерского парохода, на котором и предполагал отправиться далее, на южный берег Новой Гвинеи. Ожидать мне пришлось недолго: через неделю на миссионерском пароходе «Элленгован», на который я был радушно принят миссионером of the London Missionary Society Reverend J. Chalmers'om

[Лондонского миссионерского общества преподобным Дж. Чалмерсом (англ.)], мы плыли уже по направлению к Ануапате – главной резиденции миссионеров на южном берегу Новой Гвинеи. Путешествие наше до Ануапаты, или Порты-Морезби, продолжалось около двух с половиною месяцев, и мне удалось посетить много встречавшихся на попутных островах деревень, при помощи переводчиков говорить с туземцами и сделать ряд любопытных антропологических наблюдений.

Наконец, добрались мы до Ануапаты – главной станции английских миссионеров. Она весьма негостеприимно встретила меня лихорадкой, от которой я едва отделался недели через три. Оправившись от болезни, я тотчас же, не теряя времени, принялся за розыски так называемых

желтых людей, наблюдение над которыми составляло одну из целей моего посещения южного берега.

Хотя никакого желтого, отличного от других новогвинейских папуасов племени я не нашел, зато познакомился с некоторыми фактами, послужившими несомненно основанием вышеприведенных рассказов о

желтых людях. В двух-трех из посещенных мною папуасских деревень, именно в Карепуна, Кало и Хула, я нашел у жителей несомненную примесь полинезийской крови. Жители этих деревень, правда, весьма немногочисленные, отличаются от других папуасов южного берега прямоволосостью и более светлым цветом кожи; но по поводу этого случайного и единичного явления говорить об особом желтом племени, конечно, не представляется ни малейшего основания.

Однако и эта незначительная в количественном отношении примесь полинезийской расы, оказавшая влияние на антропологический *habitus* туземцев-папуасов, отразилась также и на их обычаях. Несомненно полинезийцы, быть может, случайно занесенные в своих утлых пирогах ветром или течением к южному берегу Новой Гвинеи, ввели между туземцами, например, обычай татуирования, на который я обратил особое внимание, так как обычай этот под влиянием миссионеров может скоро совершенно исчезнуть. Лондонское миссионерское общество содержит в различных местах южного берега Новой Гвинеи от 30–35 миссионеров, из которых только двое белых, остальные же принадлежат к туземцам островов Тихого океана, и не только полинезийцам, но и меланезийцам. На о. Лифу (группы Лояльти) миссионеры устроили большую школу, в которой обучают молодых, более способных и энергичных туземцев и приготавливают их к пропаганде Евангелия между островитянами Тихого океана.

Само собою разумеется, что темнокожие миссионеры из туземцев, зная хорошо язык, нравы и обычаи последних, гораздо успешнее ведут дело распространения христианской религии на островах Тихого океана и, являясь обыкновенно пионерами в новых местностях и среди вполне дикого населения, готовят и облегчают дальнейший путь миссионерам-европейцам. С помощью миссионеров-туземцев распространение Евангелия и вообще европейской культуры за последние семь-восемь лет сделало значительные успехи среди папуасов южного берега Новой Гвинеи, и, вероятно, недалеко то время, когда многие из них будут усердно посещать церковь, распевать гимны и даже читать и писать по-английски. При таких условиях, понятно, многие местные обычаи, как татуирование и т. п., с которыми соединены разного рода обряды и понятия, несовместные с христианскою религией и европейскою культурой, должны мало-помалу исчезнуть и перейти в область преданий.

На южном берегу Новой Гвинеи татуируются преимущественно женщины, мужчины же – только в исключительных случаях, в отличие и награду за разного рода подвиги, особенно умерщвление врагов. Взглянув на мужчину-туземца, можно по его татуировке определить, сколько убил он людей, так как число татуированных фигур на различных частях тела (руках, груди, плечах) обыкновенно соответствует числу убитых им людей. Женщины татуируются с детства до старости; девочек уже пяти-шести лет начинают разрисовывать, и эта разрисовка, по-видимому, прекращается только с рождением женщиной последнего ребенка. Встречаются женщины, украшенные татуировкой от лба до пальцев ног; иногда для татуировки бреют даже голову. Все это делается, конечно, из любви и даже страсти к украшению, и, действительно, татуированная туземная женщина, не только на мой взгляд, но

и на взгляд многих других европейцев, производит гораздо более приятное впечатление.

Что касается главной моей антропологической задачи, то по произведенным наблюдениям и измерениям оказалось, что и на южном берегу Новой Гвинеи обитает то же папуасское племя, как на западном <Берегу> Ковиай и восточном <Берегу> Маклая, за исключением вышеупомянутой, встречающейся в немногих деревнях примеси полинезийской. Как на Берегу Маклая, и здесь встречается нередко брахицефальная форма головы, но при производстве измерений головы я наткнулся здесь на любопытные случаи деформирования черепов у женщин, происходящие оттого, что женщины с самого юного возраста, с 6–7 лет, носят на спине различные тяжести в мешках, привязанных веревкой или ремнем к голове, отчего образуется вдавление черепных костей. Это поперечное вдавление, находящееся как раз у *Sutura sagitalis* и поражающее своею аномальностью, весьма часто встречалось мною при собирании черепов и измерениях головы, почему можно предполагать, что оно передается путем наследственности.

В заключение скажу несколько слов о последнем, пятом посещении Новой Гвинеи в 1881 г., именно южной ее части, которое представлялось мне необходимым для пополнения некоторых пробелов и разъяснения некоторых вопросов, оставшихся от четвертого путешествия в эту местность. Для этого я воспользовался следующим случаем. В деревне Кало на южном берегу Новой Гвинеи были умерщвлены папуасами четверо миссионеров из туземцев, с их женами и детьми. Узнав об этом, коммодор австралийской морской станции Вильсон счел необходимым строго наказать жителей деревни Кало, так как это было уже не первое подобное убийство, совершенное папуасами, и для этого лично отправиться на место преступления. Так как за год перед тем я жил в деревне Кало у убитых миссионеров и был знаком с местными условиями, то старался убедить Вильсона, с которым находился в дружеских отношениях, что убийство, вероятно, было делом немногих и что несправедливо было бы из-за немногих, действительно виновных, наказывать всех жителей деревни Кало, в которой насчитывалось 2000 человек.

Коммодор, соглашаясь в принципе с моими доводами, находил, однако, весьма затруднительным найти действительно виновных и в конце концов полагал, что для примера и назидания туземцам и поддержания силы и значения английского флота, обязанного защищать подданных королевы, ничего не остается делать, как сжечь всю деревню. Но так как я продолжал настаивать на своем плане и уверял в полной возможности найти виновных, то Вильсон предложил мне отправиться с ним. Я, конечно, с удовольствием принял предложение и в качестве гостя коммодора отправился в пятый раз в Новую Гвинею на корвете «Вульверин».

План мой вполне удался: вместо сожжения деревни и поголовного истребления ее жителей все ограничилось несколькими убитыми в стычке, в которой пал главный виновник убийства миссионеров, начальник деревни Квайпо, и разрушением большой его хижины. Посетив затем несколько деревень южного берега, я дополнил некоторые прежние свои наблюдения; но краткость стоянки корвета и дело в Кало значительно помешали моим работам.

Охарактеризовав в общих чертах влияние малайцев на папуасов Новой Гвинеи, мне кажется справедливым и уместным не умолчать и о влиянии белых на жителей южного берега острова.

Я сказал выше, что влияние миссионеров на южном берегу растет, и выставил хорошие стороны их влияния: туземцы учатся читать и писать и т. д.; но мне не пришлось сказать о теневой стороне появления миссионеров на островах Тихого океана. Эта теневая сторона, по моему мнению, состоит главным образом в том, что за миссионерами следуют непосредственно торговцы и другие эксплуататоры всякого рода, влияние которых проявляется в распространении болезней, пьянства, огнестрельного оружия и т. д.

Эти «благоденствия цивилизации» едва ли уравновешиваются умением читать, писать и петь псалмы!

По мере того как распространяется торговля, растут и потребности туземцев, вызываемые искусственно, примером и навязыванием. Туземцы скоро выучиваются курить табак и употреблять спиртные напитки.

Некоторые миссионерские общества позволяют своим членам торговать, другие (к которым, между прочим, принадлежит также London Missionary Society) не допускают такого смешения занятий, как распространение религии и вышеназванных «благоденствий цивилизации».

Пока еще на южном берегу Новой Гвинеи тредоров появилось немного; но они не замедлят попытаться счастья и здесь, а с их появлением, вероятно, повторятся те бедствия, которым подверглись другие острова Тихого океана.

Единственным союзником туземцев

в борьбе их с белыми явится, вероятно, климат Новой Гвинеи, неблагоприятный для существования в ней белой расы.

В следующем чтении я перейду к моему путешествию по Малайскому полуострову (дружные и продолжительные рукоплескания).

Чтение третье

6 октября

Г. Председатель!

Милостивые государыни и милостивые государи!

Сегодня я намерен сообщить вам о двух моих путешествиях – об экскурсии на Филиппинские острова и о довольно продолжительном путешествии по Малайскому полуострову.

В числе вопросов, предложенных мне для разрешения во время путешествия и вошедших в составленную мною в 1870 г. программу, [220] находился один, предложенный академиком Бэрм и выраженный им в письме ко мне в следующих словах: «Я советовал бы вам заехать на Филиппинские острова и отыскать там остатки первобытного населения, тщательно их исследовать и употребить всевозможное старание, чтоб привезти с собою несколько черепов. Мне кажется, очень важно решить вопрос: действительно ли эти негритосы Филиппинских островов – брахицефалы».

Мне удалось решить этот вопрос во время непродолжительной (пятидневной) стоянки клипера «Изумруд» в Маниле в конце марта 1873 г. По приходе клипера в Манилу я переплыл в небольшой рыбацкой лодке на противоположный берег большой манильской бухты и, переночевав в деревне Лимай, на следующее утро отправился с проводником и носильщиком моих вещей в горы Маривелес. В этих-то именно горах и сохранились до настоящего времени остатки племени негритосов, о которых желал знать академик Бэр. После непродолжительного путешествия пешком мы наткнулись на становище негритосов, которые обыкновенно перекочевывают с места на место. При помощи одного из моих людей, знакомого с языком дикарей и служившего мне переводчиком, я тотчас завязал с ними дружественные отношения и прожил в их становище несколько дней. Живут они в так называемых пондо, представляющих не что иное, как переносный щит из пальмовых листьев, которым они заслоняются от ветра и холода. Такой пондо, или шалаш, в котором можно

только сидеть или лежать, но отнюдь не стоять, был устроен мне для ночлега.

На основании сделанных мною в значительном количестве измерений я пришел к заключению, что сомнение академика Бэра было напрасно: негритосы действительно оказались брахицефалами. Индекс ширины их черепа колебался между 87,5 и 90. Измерение голов было облегчено тем, что мужчины имеют обыкновение брить затылок. Некоторые негритосы своими физиономиями чрезвычайно напоминали папуасов Новой Гвинеи – обстоятельство в высшей степени важное, потому что до сих пор негритосов считали племенем, совершенно отличным от папуасов. Негритосы вообще отличаются малым ростом: я видел женщину, рост которой был не более 1 м 30 см; у нее было уже двое детей.

В короткое время, проведенное мною в горах Лимай, я успел подметить у негритосов несколько весьма интересных обычаев, очень сходных с обычаями, встречающимися на многих островах Меланезии.

Ради опыта я бросил несколько объедков в огонь, и негритосы тотчас же стали засыпать костер землею, потушили огонь и просили меня больше не делать этого. В другой раз я плюнул в огонь, отчего они тоже пришли в большое смущение, прося и этого не делать. Подобные же предрассудки относительно огня встречаются и в Новой Гвинее. Сверх того, я узнал чрез переводчика о следующем весьма интересном обычае, который недурно было бы, хотя в иной форме, заимствовать белым. Негритос перед началом еды обязан громко прокричать несколько раз приглашение разделить с ним трапезу другим людям, которые случайно могли бы близ него находиться в это время. Мне говорили, что обычай этот соблюдается так строго, что нарушитель его подвергается смерти, чему и бывали случаи. Крайне сожалею, что не имел возможности дольше остаться между негритосами и ближе познакомиться с обычаями и языком этого вымирающего племени: я должен был к назначенному сроку вернуться в Манилу, на клипер «Изумруд», отправлявшийся в Гонконг, Сингапур и Яву. Но все-таки, как я уже сказал, мне вполне удалось сделать достаточно измерений для разрешения поставленного Бэром вопроса, собрать краниологический материал и сделать значительное число рисунков.

В августе 1874 г., вернувшись с Берега Папуа-Ковиай в Бюйтенцорг и отдохнув там немного, я решил предпринять путешествие по Малайскому полуострову, для чего и отправился в Сингапур.

Надо заметить, что до того времени в литературе не была установлена точно принадлежность к той или другой расе жителей внутренней части Малайского полуострова, известных под именем оран-сакай и оран-семанг. Так, Логан, Ньюбольд, Кроуфорд, Ло, Вайц [221] и другие авторы говорят об этом различно. Между тем как одни из них не отличают этих племен от малайцев, другие утверждают, что они очень отличаются от малайцев, что они негры и т. п. Никто из названных авторов лично не видел и не наблюдал этих племен, а все они ссылаются на путешественников, которые тоже не имели специальной цели познакомиться с ними для решения спорного вопроса. Я пытался расспрашивать малайцев об их соседях, жителях внутренней, гористой и лесной части Малайского полуострова, но от них мне не удалось получить толковых сведений. Считая, однако, исследования эти несомненно интересными для антропологии, я решился попробовать сам выяснить дело, никак не полагая, что для этого потребуется так много времени, как оказалось впоследствии. Я думал, что экскурсия во внутрь Малайского полуострова займет лишь несколько недель, что стоит только перейти поперек полуостров в какой-нибудь его части, побывать в горах, и я буду в состоянии ответить на главный вопрос – о расе горных племен.

Из Сингапура я отправился в Иохор – резиденцию махараджи йохорского. Махараджа, немолодой уже человек, лет около 50-ти, почти с европейским воспитанием и образом мыслей, принял меня радушно и пригласил поселиться у него во дворце. Узнав о моем

намерении отправиться чрез его страну, он предложил мне свое содействие в этом предприятии. За все это я обещал ему составить карту пройденного пути, что для него было небезынтересно, так как страна была тогда весьма мало известна: в Йохоре не нашлось ни одного малайца, который мог бы похвастаться, что он прошел Йохор поперек. Махараджа дал мне открытое письмо ко всем старейшинам в деревнях, чтоб они поставляли мне необходимых людей как проводников и слуг, сколько пожелаю, хоть до 30 человек.

Не теряя ни минуты, я отправился в путь в декабре, а это было как раз самое дождливое время года на полуострове. Путешествие оказалось довольно трудным: реки и ручьи вследствие обильных дождей вышли из берегов; более низменные места покрылись водою, в лесах тоже вода. Чем дальше, тем больше затруднялся путь; мне приходилось по целым дням идти в воде, которая доходила до колен, а местами до груди; целые семнадцать дней я не имел ничего сухого на себе: весь мой багаж был смочен.

Дошедши до устья реки Муар, я пустился в плоскодонной лодке вверх по течению. По берегам названной реки попадались малайские селения, но не они привлекали мое внимание. Поднимаясь выше, я добрался, наконец, до речки Палон, приток Муара. Она протекала лесом, и здесь, в лесу, у верховьев Палона, стали уже встречаться изредка разбросанные маленькие хижины – жилища так называемых оран-утан. Последнее слово надо объяснить. В Европе с именем оран-утан соединяют представление о большой человекообразной обезьяне, известной в науке под именем *Pithecius satyrus*; малайцы же никогда не называют обезьян, <t. e. > животных, оран-утанами, а дают это название людям, живущим постоянно в лесах. «Оран» значит «человек», «утан» означает «лес»; «оран-утан» значит, таким образом, «лесной человек». Подобных названий у малайцев много, как, например: оран-букит – человек, живущий на холме; оран-улу – человек, живущий у верховьев реки; оран-далам – человек, живущий внутри страны; оран-лаут – человек, живущий у моря, и т. д. Все эти названия соответствуют не расе, а месту жительства людей.

Хотя название оран-утан может относиться к малайцу, который поселился в лесу, но этим названием обозначают смешанное в различной степени папуамалайское племя, живущее в лесах и на холмах Малайского полуострова.

Эти оран-утаны не имеют постоянных жилищ, а там и сям в лесу у них построены жалкие хижины, которые посещаются ими от времени до времени. Некоторые из них находятся в хороших отношениях с малайцами; другие же, напротив, избегают иметь сношения с ними. Антропологические наблюдения над ними показали, что хотя оран-утаны частью и смешались с малайцами, но, сверх того, имеют много примеси и меланезийской крови. Это обстоятельство еще более усилило во мне желание ближе и как можно лучше исследовать оранов, надеясь, наконец, найти среди них чистокровных меланезийцев.

Йохор я прошел с запада на восток: от устья реки Муар, впадающей в Малаккском проливе, до устья реки Индау в Китайском море, а потом от севера на юг: от реки Индау до Селат-Тebraу, пролива, отделяющего островок Сингапур от материка Азии. На первую часть экскурсии потребовалось 30 дней, на вторую – 20 дней. Я встретил на пути там и сям немногочисленные орды племени оран-утан. Хотя они более или менее отличались от малайцев и между собою, но все-таки ни одна из виденных групп не представляла чистого меланезийского племени. Виденные мною оран-утаны в Йохоре были более похожи на малайцев, чем на особое племя. Я, разумеется, постарался собрать как можно более сведений об их языке и нашел, что они постепенно забывают свой родной язык и усваивают малайский вследствие постоянных сношений с малайцами. Записанные мною в разных местах различные диалекты языка оран-утанов заставляют меня думать, что оран-утаны разделялись когда-то на много различных народностей. Сверх того, и обычаи их оказались различны. Я приведу один пример: одни из оран-утанов употребляли очень важное для них оружие, именно сумпитан, другие группы оран-утанов вовсе не слыхали о нем.

Малайцы различают два рода оран-утанов: одних они называют оран-утан-дина, а других оран-утан-лиар. Оран-утан-дина (дина – значит «ручной») находятся в постоянном соприкосновении с малайцами; но оран-утан-лиары никогда не показываются малайцам, не хотят ничего знать о них и только при посредстве оран-утан-дина выменивают иногда вещи, которые им нужны от малайцев. Эти оран-утан-лиар – совершеннейшие номады; они привыкли к своей номадной жизни, любят ее и не желают менять ее на более удобный образ жизни малайцев, хотя и не уступают малайцам в умственных способностях; в самой удобной хижине они чувствовали бы себя как птица в клетке и, вероятно, долго не прожили бы в ней. Это смешанное племя оран-утан постепенно вымирает, и главным образом вследствие того, что напор малайцев и китайцев от берегов все больше и больше вытесняет их внутрь страны, в леса. Сверх того, малайцы, а еще более китайцы выменивают и покупают самых красивых и крепких девушек, дочерей оран-сакай, так что оран-утанам остаются только некрасивые, слабосильные женщины, от которых, естественно, рождаются слабые, малорослые и хилые дети.

Дети, родившиеся от браков малайцев с женщинами оран-утан, очень приближаются физически к малайцам, так что их трудно бывает отличить от малайских. В Йохоре можно найти постепенные переходы от оран-утан к малайцам. Мелано-малайская смесь, должно быть, образовалась уж очень давно, и я полагаю, что в Йохоре прежде обитало чистокровное меланезийское племя. Между малайцами существует предание, что когда к ним был занесен арабами ислам, то не желавшие принимать новую веру бежали в леса, где, вероятно, и смешивались с меланезийцами, и таким образом образовалась первая помесь оран-утанов с малайцами.

Результатом 50-дневной экскурсии в Йохор была сильная лихорадка, которая мне так надоела, что я решил во что бы то ни стало избавиться от нее и воспользовался приглашением сингапурского губернатора сэра Андрю Кларка отправиться с ним в Бангкок, полагая, что морская прогулка благоприятно подействует на мое здоровье. Я прожил в Бангкоке дней десять и не только успел познакомиться с интересным городом, но и заручился весьма важным для следующих моих путешествий письмом от сиамского короля, в вассальной зависимости от которого находится почти половина Малайского полуострова. В письме король приказывал всем своим вассалам оказывать мне всякую услугу и пособие и доставлять в случае нужды по моему требованию людей и вообще средства для путешествия. Хотя результаты моей экскурсии на Йохор были интересны, но они далеко не удовлетворяли меня; поэтому я решил отправиться сухим путем из Йохора в Сиам.

Надо мною, разумеется, трунили и смеялись, говоря, что я вернусь из Пахана, что мне не удастся пройти дальше и т. д.; но все эти толки меня не остановили. Я отправился снова из Йохора в сопровождении доставленных мне махараджею 30 человек и с письмом от него к соседнему владельцу, бандахаре паханскому, находившемуся с махараджей йохорским в отдаленных родственных отношениях, что не мешало, однако, их подданным постоянно вести между собою войны. Я нарочно не взял никаких писем и рекомендаций от сингапурского губернатора, боясь быть принятым за английского агента и встретить затруднения у малайцев, которые вообще не любят англичан.

Из Йохора я отправился в путь в сопровождении двух слуг: папуасского мальчика Ахмата и яванца-повара, 20 человек носильщиков, данных мне махараджей, и им же назначенного мелкого чиновника, обязанного передавать мои приказания носильщикам, гребцам и т. п., а также, опираясь на открытое письмо махараджи ко всем старшинам и деревенским начальникам, доставлять мне все необходимое для путешествия, как-то: людей для носки вещей, гребцов, разного рода провизию и т. п. Люди обыкновенно сменялись в каждой деревне, и так как все это делалось по приказанию махараджи и других владетельных князьков, то мне не приходилось даже платить носильщикам, которых, впрочем, по свойственным малайцам лени и недоверию к белым я не в состоянии был бы нанять и за большие деньги. Приставленные ко мне в качестве посредников между мною и туземным

населением чиновники сопровождали меня до пределов соседнего княжества, где сменялись другими такими же чиновниками, и за более или менее щедрый с моей стороны «бакшиш» оказывали мне всевозможные услуги и облегчали мое путешествие.

Приближаясь к столице какого-нибудь султана или раджи, я обыкновенно посылал туда нескольких из сопровождавших меня людей, чтоб предупредить князя о моем приходе и дать ему время позаботиться о моем помещении. Посланные мои на вопрос князя, кто я такой, должны были, согласно моим наставлениям, отвечать, что «дато рус» Маклай (дато – по-малайски означает «дворянин») придет в гости к нему, что дато Маклай идет из такой-то страны, побывав у такого-то султана или князя, и направляется через эту страну в такую-то, к тому-то. На вопрос: «Что же дато Маклай хочет во всех этих странах, чего он ищет?» – посланные мною люди имели инструкцию отвечать: «Дато Маклай путешествует по всем странам малайским и другим, чтоб ознакомиться, как в этих странах люди живут, как живут князья и люди бедные, люди в селениях и люди в лесах; познакомиться не только с людьми, но и с животными, деревьями и растениями в лесах» и т. п. Разумеется, такой небывалый гость, желавший все видеть и исследовать, приводил в немалое изумление и беспокойство туземные власти, которые хотя и любезно меня встречали, но еще любезнее и торопливее старались меня выпроводить из своих владений.

Возвращаюсь к рассказу о моем прибытии из Йохора в Пахан.

По приходе в Пахан я был встречен весьма любезно бандахарою (который заменил в последние года этот титул титулом «султана»); но он был немало смущен моим желанием отправиться во внутрь его страны, а потом в Клантан. При первой же аудиенции я повторил ему слова моего посланного, что я пришел навестить его и надеюсь, что бандахара может сделать для меня то же, что сделал махараджа йохорский, давший мне до 25 человек для переноски вещей из Йохора в Пахан, и так как я намереваюсь идти из Пахана в Клантан, то я надеюсь, что бандахара паханский может дать мне столько же людей. На это бандахара с гордостью ответил мне, что Пахан больше Йохора, и потому если махараджа дал 25 человек, то бандахара может дать, если нужно, 40 человек. Я ничего против этого не имел и, пробыв несколько дней у бандахары в гостях, отправился в путь в Клантан.

Не стану входить здесь, за недостатком времени, в подробности этого путешествия, из которых многие тем более интересны, что до меня ни один европеец никогда не посещал этих стран; скажу только, что у верховьев реки Пахан, в горах между странами Пахан, Трингано, Клантан, я встретил, наконец, первых

несомненно чистокровных меланезийцев. Хотя они оказались очень пугливыми, но я успел сделать несколько портретов и антропологических измерений и, подвигаясь весьма медленно вперед, посетил почти все встречавшиеся на пути селения этих примитивных дикарей, называемых здесь «оран-сакай». Они столько же отличались от малайцев, сколько малайцы от папуасов, и приближаются к негритосам о. Люсона, о которых говорилось в начале этого чтения. По произведенным мною многочисленным измерениям оран-сакай оказалось: рост у мужчин варьирует между 1620 и 1460 мм, у женщин – между 1480 и 1350 мм; череп приближается к брахицефальной форме; индекс ширины черепа варьирует: у мужчин между 74–82, у женщин – 75–84, у детей – 74–81, из чего видно, что женщины оказались наиболее короткоголовыми. Завитки курчавых волос у оран-сакай, как и у папуасов Новой Гвинеи, имели от 2 до 4 мм в диаметре. Цвет кожи варьирует между номерами 28 и 42, 21 и 46 таблицы Брока. Нашлась еще особенность: *plica semilunaris*, или так называемая *palpebra tertia*, более развита, чем у людей других рас, у которых она, как, например, у кавказской, не шире 1,5–2 мм, между тем как у оран-сакай, по крайней мере у некоторых индивидуумов, она достигла 5 и 5,5 мм ширины. Наконец, у оран-сакай часто встречается также складка кожи у внутреннего угла глаза, называемая при патологическом увеличении *epicanthus*.

Продолжая путешествие, я направился из Пахана в Трингано, а потом в Клантан, где

познакомился со старым раджей Клантана, с которым при первой встрече произошел такой же разговор, как и при свидании с бандахарою паханским. Хотя раджа был очень удивлен и смущен приходом белого в его владения, однако не отказался дать мне нужных людей для переноски вещей. Я посетил затем владения многих малайских князьков: Легге, Саа, Ямбу, Румен, Яром, Ялор, Патани. Все эти названия соответствуют владениям отдельных малайских князьков, которые находятся в вассальной зависимости от короля сиамского. Благодаря письму сиамского короля я всюду встречал хороший прием и еще лучшие проводы, потому что хотя мое появление и возбуждало любопытство малайцев, но они были очень довольны, когда я уходил: мой приход слишком нарушал их обыденную жизнь и порождал в них разные сомнения и опасения относительно моих намерений. Это-то желание поскорее избавиться от моего присутствия, выпроводить меня способствовало скорости и многим удобствам моего путешествия, во время которого я останавливался только в тех местах, где встречал интересовавших меня дикарей.

Скажу теперь несколько слов о некоторых обычаях этого вымирающего племени оран-сакай. Подобно оран-утанам, они ведут бродячий образ жизни в лесах, останавливаясь на короткое время на избранных местах для сбора разного рода лесных продуктов: камфоры, каучукового дерева, ротанга, слоновой кости и т. п. и обменивая эти продукты у малайцев на табак, соль, железные ножи и разные тряпки, в которые они облачаются, посещая малайские селения.

Костюм оран-сакай весьма примитивный: он состоит у мужчин из пояса вокруг талии, часть которого закрывает регинаеум; у женщин пояс из ротанга наматывается несколько раз вокруг талии и к нему спереди и сзади прикрепляется тряпка (обыкновенно приобретенная у малайца), прикрывающая регинаеум. Лица женщин обыкновенно татуируются линиями и круглыми пятнами; татуировки у мужчин я не встречал. Оран-сакай, как и другие меланезийцы, прокалывают носовую перегородку и вставляют в отверстие так называемую «хаянмо», длинную бамбуковую палочку или иглу *Hystrix*{115}. Малайцы особенно боятся одного оружия оран-сакай, встречающегося также и у оран-утанов и называемого туземцами «блахан». Оружие это состоит из пустого внутри бамбука, метра два длиной и приблизительно одинакового диаметра 2–3 см, из которого они выдувают небольшие стрелы, весьма легкие. Небольшой царапины достаточно, чтоб убить человека, который умирает, как уверяли меня малайцы, через 10–15 минут. Эти стрелы очень тонки, не толще вязальной спицы, и заострены таким образом, что, вонзаясь в кожу, кончик стрелы обламывается и остается в коже.

Мне было очень интересно познакомиться ближе с ядом, который оран-утан и оран-сакай употребляют для отравления своих стрел, и потому во время моей экскурсии в Йохоре я постарался добыть значительное количество этого яда, который продавали мне за пустяки – за табак – и нарочно приготавливали для меня.

Думей – женщина оран-сакай, 20 лет

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Произведенные мною опыты с ядом над собаками и кошками показывали различное его действие: иногда замечался на животном тетанус, другой раз такого симптома не было. Это обстоятельство навело на мысль, что добытый мною в разных местах яд был не одинаков по своему составу. Действительно, в этом я убедился во время второго путешествия по Малайскому полуострову. Я узнал, что многие из дикарей приготавливают свой особенный ядовитый состав, примешивая к основному, так сказать, яду еще ему одному известные ядовитые вещества. Базис, основание яда, в который они обмакивают концы своих стрел, составляет вываренный сок коры *Antiaris toxicaria* – большого дерева, называемого также «упас» и растущего на Яве и других островах Малайского архипелага. К этому варкою

сгущенному соку некоторые прибавляют сок одного из ядовитых видов *Strychnos*, другие же яд змеи и т. п.

Малайка из деревни Пинанг, княжество Румен

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

От таких примесей получается различный яд и различное действие его на животный организм. Из опытов моих над собаками и кошками я убедился, что маленький укол ядовитой стрелы производил смерть. Смерть у кошек и собак наступала минут через 15 или 20. Надо заметить, что яд, с которым я производил опыты, пролежал у меня месяца два, после того как он был добыт.

Другое, в этнологическом отношении очень важное оружие, встречающееся у оран-сакай Малайского полуострова, называемое «лойдс» (или лук); он имеет около 2 футов длины и стрелы с железными оконечниками.

Оран-сакай весьма хорошо обращаются со своими женами и дочерьми, почему я был не особенно удивлен, когда узнал, что жены и дочери могут в известных случаях наследовать даже звание раджи, или по-туземному батена.

Надо сказать при этом, что оран-сакай имеют наследственных начальников, власть которых очень значительна. Довольно любопытны у оран-сакай свадебные обряды, о которых рассказывали мне туземцы, порядочно говорившие по-малайски. В назначенный для свадьбы день невеста в присутствии родных обеих сторон и свидетелей должна бежать в ближайший лес, а чрез известный промежуток времени вслед за ней бежит жених, и если догонит и поймает невесту, то берет ее в жены, если же не догонит, то должен отказаться от нее навсегда. Девушка, не желая сделаться женой, всегда имеет возможность убежать и скрыться в лесу так ловко, что жених не в состоянии поймать ее в назначенный срок. У некоторых из оран-сакай существуют еще остатки так называемого общинного брака, так что женщины переходят постепенно, в известном порядке и через некоторые промежутки времени, от одного мужчины к другому, не становясь исключительною принадлежностью кого-нибудь одного, причем дети остаются при матери и отца не знают. Существование такой формы брака подтвердили мне и миссионеры, поселившиеся близ города Малакки для обращения оран-сакай в католичество.

Оран-сакай очень боятся мертвых. Когда один из членов общины заболевает и болезнь принимает дурной исход, так что можно ожидать его смерти, они просто оставляют больного в лесу с некоторым запасом пищи, сами же уходят, покидая становище, и более в него не возвращаются. Таким образом во многих местах можно наткнуться на такие брошенные вследствие чьей-нибудь смерти остатки шалашей и бывших становищ оран-сакай. Между малайцами об оран-сакай ходит очень много рассказов, в которых обыкновенно их выставляют с какими-нибудь выдающимися особенностями: длинными ступнями, ушами, прикрывающими в случае дождя даже голову, хвостами, клыками и т. п. Рассказывают даже о существующем у них обычае (встречающемся, впрочем, и на некоторых островах Тихого океана) *jus primae noctis*

[право первой ночи (лат)], которым обыкновенно пользуется отец, и т. п.

Добравшись до Патани, я вступил уже во владения короля сиамского и совершил путешествие по землям раджей Тодион, Теба, Чена, Сонгоро, или Сингоро, и Кеды в течение 22 дней на слонах. Таким образом, на путешествие по Малайскому полуострову употреблено

мною 176 дней.

Каман (мужской дом) на острове Ярун (Марон)

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Из Кеды я отправился в Малакку, близ которой посетил станцию миссионеров и познакомился с оран-мантра, смешанным племенем, не представляющим поэтому особенного интереса и усвоившим себе уже малайские обычаи, костюм и даже язык.

В этом же году я отправился из Сингапура снова в Буйтенцорг, где написал несколько статей о результатах моих путешествий 1874 и 1875 гг.:

1) «Ethnologische Excursion in Iohore (15 December 1874 -2 Februar 1875) («Natuurkundig Tijdschrift...». 1875. D. 35. S. 250–258>»;

2) «Ethnologische Excursionen in der Malayischen Halbinsel (Nov. 1874 – Oct. 1875) (Vorläufige Mittheilung)», <«Natuurkundig Tydschrift...». 1876. D. 36. S. 3-26>»;

3) «Einiges über die Dialekte der melanesischen Völkerschaften in der Malayischen Halbinsel (Zwei Briefe an S. Exc. Otto Böttlingk). Batavia, 1876.

Эти статьи были напечатаны в Батавии в «Natuurkundig Tijdschrift...» и в «Tijdschrift voor <Indische> Taal-, Land- en Volkenkunde» за 1876 г. Несколько времени спустя эти же статьи были переведены и напечатаны в английском журнале «Journal of the Straits Branch of the <Royal> Asiatic Society», 1878 и 1879, издаваемом в Сингапуре. Все эти брошюры я передал в библиотеку Академии наук, а по другому экземпляру – в Публичную библиотеку, так что желающие могут познакомиться с ними в этих библиотеках.

Затем я прошу извинения, что мне придется еще раз утомить вас, милостивые государыни и милостивые государи, четвертым чтением в пятницу, в 7 1/2 часов

(рукоплескания).

Чтение четвертое и последнее[222]

8 октября

Г. Председатель!

Милостивые государи и милостивые государыни!

Сегодняшнее мое чтение я начну с путешествия по островам Малайского архипелага, потом перейду к путешествиям по островам Микронезии и Меланезии, скажу несколько слов о результатах пребывания в Австралии и в заключение сообщу о том, что я намерен делать по возвращении в Австралию.

В предыдущих сообщениях я уже имел честь передать вам, милостивые государи, о поездках, совершенных мною на о. Яву, острова Молуккские, острова Тернате, Тидоре и северную часть о. Целебеса (Минахасу).

В 1874 г., отправляясь на Берег Папуа-Ковиай и возвращаясь оттуда, я оставался довольно долго в Амбоине и островах Серам-Лаут.

В Малайском архипелаге исследования по антропологии были обставлены совершенно иным образом, чем в Меланезии или на Новой Гвинее. Здесь я имел дело не с дикими, которые боялись, особенно вначале, каждого инструмента, так что только после долгих переговоров удавалось добиться позволения измерить их или сравнить цвет их кожи с таблицей Брока. Малайский архипелаг, как известно, составляет нидерландскую колонию; на островах этих голландцы имеют школы, тюрьмы и госпитали, в которых я находил всегда большой и доступный материал для наблюдений и изучений. Сверх того, я имел от генерал-губернатора колоний открытое письмо, которым предлагалось всем властям в колониях оказывать мне всевозможное содействие в путешествии и научных исследованиях.

Благодаря этому мне удалось собрать значительный антропологический и этнографический материал для изучения туземных обитателей Малайского архипелага и сравнения их с другими племенами и расами. Наконец, здесь, особенно в Амбоине и Тернате, я мог пользоваться услугами фотографии, и за сравнительно недорогую плату, и собрать большое количество фотографических рисунков, часть которых привезена мною в Европу, более же значительная часть оставлена в Сиднее.

Отправляясь в 1876 г. во второй раз на Берег Маклая, я посетил многие из островов Западной Микронезии. Отчет об этом путешествии напечатан в «Известиях Географического общества» под заглавием «Отрывки из моего дневника», и потому я не буду касаться здесь подробностей этого путешествия, а напомним только некоторые результаты, к которым пришел.

Я нашел, что хотя микронезийская раса очень приближается к полинезийской, тем не менее присутствие в ней меланезийской примеси очень вероятно, и эта примесь выражается в большей курчавости волос: в некоторых случаях курчавость эта так значительна, что подходит к характеру волос чистых меланезийцев (несколько примеров я встретил на островах Пелау), в темном цвете кожи, некоторых особенностях черепа и т. д. [223] На островах Пелау я пробыл довольно долго и мог познакомиться со многими туземными обычаями, о которых сообщено мною в «Известиях», побывал проездом на группе Улеай, жители которой отличаются очень богатою и разнообразною татуировкою. Направляясь к югу, я посетил острова Адмиралтейства, до того времени редко посещавшиеся европейцами вследствие дикости и людоедства туземцев, и пробыл довольно долго в разных деревнях туземных дикарей. Так как мне эти дикари показались в высшей степени интересными, то я уже тогда занялся изучением их языка, надеясь когда-нибудь побывать там же, что мне потом и удалось (в 1879 г.).

На группе Луб (или Hermit) я убедился, что острова эти заселены не чистокровною меланезийскою расою, а смешанною с микронезийцами, которые живут на соседней группе Эсчекер (или Эшикье), что до моего посещения этой местности, насколько я знаю, было еще неизвестно, так что именно здесь, на группе Эсчекер, близ Новой Гвинии, и находится граница прямоволосого микронезийского племени.

Как, может быть, вы помните, в конце 1872 г. на Берегу Маклая я предположил исследовать, по возможности, все разветвления меланезийской расы, чтобы составить полное представление о всей папуасской или меланезийской расе. В 1879 г., будучи в Сиднее, хотя многие обстоятельства побуждали меня вернуться в Европу, я не поддался этим требованиям и отправился на острова Меланезии. Это путешествие я совершил на американской трехмачтовой шхуне «Сади Ф. Каллер»; оно продолжалось более года и было в высшей степени интересно. Шхуна направилась сначала в Нумею, а потом в Южную бухту (Baie du Sud) Новой Каледонии; я осмотрел около и в самой Нумее все, что было более интересного, и путешествовал внутри страны с целью ближе познакомиться с туземцами острова. Оттуда я отправился на острова Лояльти, рассадник черных миссионеров, из воспитанников которых выбирают миссионеры для островов Меланезии и Новой Гвинии, и побывал на многих островах из группы Новых Гебрид, конечно, везде отправляясь на берег,

рисую и производя антропологические наблюдения, по которым многие из туземцев Ново-Гебридских островов, как и Новой Гвинеи, оказались брахицефальными, или короткоголовыми.

Потом я посетил мимоходом острова Санта-Круз, особенно прославившиеся тем, что несколько лет назад английский коммодор Гуденоф (Goodenough), отправившийся без оружия на берег, был убит на главном острове этой группы отравленною стрелою: он умер на шестой или седьмой день от тетануса. Вместе с тем было ранено несколько матросов, из которых один только остался жив. На этой же группе был убит другой весьма почтенный и очень уважаемый человек, именно епископ Патесон, глава меланезийской миссии, таким же образом, т. е. ядовитою стрелою.

Так как шкипер «Сади Ф. Каллер» побоялся оставаться в этой группе слишком долго, то мне пришлось ограничиться наблюдениями и измерениями тех туземцев, которые, подъехав к шхуне, являлись к нам на палубу.

Пройдя восточнее Соломоновых островов и Новой Ирландии, ложась в дрейф в некоторых местах, но недостаточно долго, чтоб съехать на берег, шхуна пришла к островам Адмиралтейства, где пробыла около двух месяцев. Все время я жил на берегу и побывал на о. Сорри, в Нарес-Харбуре, на северо-западной оконечности большого острова, в том месте, которое за год до меня посетил английский фрегат «Челенджер».

Результаты по этнологии, добытые учеными, находившимися на фрегате, были неудовлетворительны, потому что никто из них не жил на берегу: они только издали наблюдали туземцев. Так как во время предыдущего моего посещения островов Адмиралтейства (в 1876 г.) я уже начал изучать немного их язык, то в этот раз маленькая подготовка оказалась весьма полезною, и я дошел до того, что понимал туземцев порядочно, вследствие чего и мог сделать немало интересных этнологических наблюдений.

Отправившись отсюда на группу Луб, а потом на группу Ниниго, где я пробыл гораздо дольше, чем в первый раз, в 1876 г., я убедился, что между этими группами существуют довольно оживленные сношения: с островов Луб почти ежегодно отправляется экспедиция на Ниниго за рабами, и главным образом за женщинами, вследствие чего на группе Луб постоянно происходит смешение меланезийской расы, с одной стороны, и микронезийской, с другой стороны. На группе Луб я нашел, между прочим, предание, что жители этой группы переселились из другой местности (с островов Адмиралтейства). Мне даже показали остатки пир?ги, которую нетрудно было признать за пирогу с островов Адмиралтейства. Пирога эта была прибита после бури к о. Луб с двумя человеками, которые потом остались жить на группе Луб; но во время моего посещения островов Луб их уже не было в живых.

Этот случай показывает, каким образом произошло, вероятно, заселение группы Луб.

Мне удалось посетить потом весьма интересную, редко посещаемую группу Тробриан. Она находится между Новою Британией и Новою Гвинеей. Я там остался несколько дней, из которых один провел в деревне на о. Туме. Пробыв потом несколько недель на островах Соломоновых, шхуна добралась до о. Луизиады.

Это путешествие по островам продолжалось с лишком тринадцать месяцев, и из 409 дней 237 были проведены на берегу, а 162 – в море. Не многие результаты путешествия могут быть переданы в кратком изложении. Между ними один выдвигается на первый план, именно: жители весьма многих островов Меланезии (некоторых из островов Новогебридских, Соломоновых, Луизиады и др.) оказались имеющими форму

брахицефальную (index ширины черепа превышал во многих случаях 81 и в некоторых даже 85), что доказывает, что короткоголовость имеет в Меланезии гораздо большее распространение, чем полагали. К этому неожиданному результату меня привели

многочисленные измерения голов туземцев весьма многих островов Меланезии. Кроме этих измерений, я собрал, где представлялась возможность, достаточное число черепов для дальнейших исследований и сравнений с экземплярами, собранными на Новой Гвинее. О других результатах этого путешествия отсылаю специально интересующихся антропологией к письму моему к профессору Вирхову, напечатанному в «Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», или к «Известиям Русского географического общества» (т. XVII, 1881. Отд. II. С 131–142).

Побывав потом на южном берегу Новой Гвинее и на островах Торресова пролива, я прибыл на северную оконечность Австралии, именно в Соммерсет, где желал ознакомиться с остатками когда-то многочисленного там населения австралийцев. С той же целью я не упускал случая дорогою вдоль восточного берега видеть, измерять, рисовать и снимать фотографии с тех немногих черных туземцев Австралии, которые скитаются, ведя самый жалкий образ жизни, в окрестностях европейских городов и селений. Ознакомившись с австралийцами в разных местах, от мыса Йорка на севере до Гипсленда на юге колонии Виктории, я увидел большое однообразие типа и отличие этой расы от меланезийской, с одной, и от полинезийской, с другой стороны. Как известно, вопрос о расе австралийцев до сих пор еще не решен: между тем как некоторые антропологи считали их принадлежащими к папуасской расе, другие причисляли их к полинезийской, наконец, Гексли (Huxley) отделил их от остальных под названием «австралоидов». Такое разнообразие мнений настоятельно требует точного и положительного решения вопроса о расе австралийцев. Я не мог взять на себя решение этой задачи, требующей обстоятельного ознакомления с туземцами Австралии на всем протяжении этого большого острова, на что необходимо было бы посвятить года два или три путешествий. Наблюдения мои над туземцами единственно восточного берега Австралии не были достаточны для решения вопроса о расе австралийцев, однако они склоняют меня согласиться с мнением профессора Гексли, что австралийцы составляют расу *sui generis* [

своеобразную (лат)].

Будучи в Бризбейне, я предпринял экскурсию во внутрь страны, миль на 600 от берега, чтоб убедиться в верности слуха о существовании племени совершенно безволосых людей внутри Австралии, о чем лет 10 или 11 ранее я слышал еще в Европе. Близ города Сен-Джордж, на реке Баллоне, я действительно отыскал нескольких представителей безволосых и действительно убедился, что, кроме ресниц, тело их было совсем без волос; я узнал, что они составляют уже второе, а может быть, уже третье поколение таких безволосых людей. Оказалось также, что слух о племени был утрирован, так как, кроме членов одной семьи, таких безволосых людей не было, и те, которых я видел, принадлежали к одной и той же семье. Подробности об этом случае наследственной *atrichia universalis* (безволосости), который составляет интересный *pendant*

[пару (франц.)] к наследственной же аномалии – чрезмерной *hypertrichosis*, [224] описаны мною в письме к профессору Вирхову, напечатанном в «Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft», 1881. [225]

В Бризбейне мне удалось заняться в высшей степени интересною работою – сравнительною анатомиею мозга представителей австралийской, меланезийской, малайской и монгольской рас. Я воспользовался для того казнью нескольких преступников, получив предварительно от правительства колонии Квинсленд разрешение исследовать мозги повешенных, которые я мог вынимать из черепа непосредственно после смерти и делать с них фотографии, как только они достаточно отвердевали в растворе хромистого кали и спирта, дня два или три после смерти. Оставляя мозг лежать в спирте *in situ* в черепе, пока он достаточно не отвердел, я сохранял таким образом тщательно его форму и, снимая каждый экземпляр его в восьми видах (сверху, снизу, спереди и сзади, с обеих сторон, затем оба вида среднего продольного сечения), получал ряд замечательных фотографий в натуральную величину.

Доброкачеством снимков я обязан правительству колонии Квинсленда, предоставившему мне отличную фотографическую лабораторию of the Survey Office в Бризбейне для моих фотографических работ.

Кроме мозгов повешенных, городской госпиталь города Сиднея доставил мне ряд интересных мозгов меланезийцев. Сидней составляет один из центров торговли с островами Тихого океана, и на приходящих с островов небольших торговых судах большую часть экипажа составляют обыкновенно туземцы с островов Меланезии. Из этих-то темнокожих матросов многие попадали в госпитали, а из госпиталей в случае смерти – в мои руки для анатомических исследований и получения мозгов и черепов. Хотя изучение собранного таким образом в Бризбейне и Сиднее матерьяла я далеко не считаю оконченным, тем не менее могу указать на некоторые результаты по сравнительной анатомии мозга различных рас. Там мною замечены существенные особенности в развитии corpus callosum, pons Varolii и малого мозга, в относительном объеме нервов, группировке извилин большого мозга и т. п.

Кроме работ по анатомии человеческого мозга, я занимался также анатомией мозга сумчатых животных, родов Macropus, Osphranter, Halmaturus, Petrogale, Phascolarctus, а также мозга Ornithorhynchus paradoxus и Echidna hystrix, которых я доставал без особых затруднений в имении Пейкдель близ городка Стантона, принадлежащем г. Дональду Гунну, любезным приглашением которого воспользовался и прожил некоторое время в его имении. Независимо от того, близ городка Глен-Инес произведены мною палеонтологические раскопки и найдены остатки костей исчезнувших животных: Diprotodon australis, Nototherium Mitchellii, Phascolumys gigas, Macropus titan и других.

Таким образом, мое пребывание в Австралии посвящено было главным образом антропологическим, сравнительно-анатомическим исследованиям.[226] Но среди этих занятий меня не оставляла мысль устроить в Сиднее помещение, приспособленное для постоянных биологических работ. В 1878 г., будучи избран членом одного из местных ученых обществ – «Linnean Society of New South Wales», я предложил этому обществу устроить в Сиднее биологической станции. С этою целью я устроил подписку, собрал деньги, получил от правительства землю, сделал чертежи необходимых построек, но самое устройство станции и возведение построек передал членам общества, так как должен был отправиться в путешествие по Меланезии в марте 1879 г. Но когда я вернулся после 13-месячного путешествия в Сидней, то нашел, что устройство станции не подвинулось ни на шаг. Принявшись горячо за дело, потребовавшее немало хлопот и труда, с помощью правительства и частных пожертвований я удачно окончил постройку и внутреннее устройство станции и составил правила для пользования ею. В этой станции, которая, по мысли основателя, должна служить местом, где всякий естествоиспытатель, undisturbed (никем не беспокоимый) и undisturbing (никому не мешая), может спокойно заниматься своими научными исследованиями, пользуясь удобным помещением, я прожил более полугода, работал в ней и нашел, что она вполне соответствует своей цели. Желая, по возможности, обеспечить прочную будущность станции и сохранить за нею навсегда научное значение и цель, я основал особое общество под названием «Австралийской & биологической & ассоциации» (The Australian Biological Association), задачей которого, между прочим, будет поддержание Сиднейской биологической станции и ее научного значения, а также основание и развитие подобных станций в других местах Австралии. * * *

Сообщив о ходе моих путешествий, считаю долгом и удовольствием выразить здесь мою полную и искреннюю благодарность прежде всего Императорскому Русскому географическому обществу, которое, на первых порах оказав мне авторитетную поддержку и матерьяльное содействие, не переставало выражать свое сочувствие в течение моих 12-летних путешествий и благодаря стараниям которого в настоящее время, надеюсь, труды мои появятся в свет на русском языке. Не могу не вспомнить здесь с чувством благоговения незабвенной памяти в бозе почивших государя императора Александра Николаевича, милостиво разрешившего мне воспользоваться для путешествия военными русскими судами,

и великой княгини Елены Павловны, благодаря просвещенному содействию которой разрешения эти воспоследовали; великим князьям Константину Николаевичу, всегда оказывавшему просвещенное содействие моим путешествиям, и Алексею Александровичу, которому я обязан возвращением на военном судне в Россию.

Много лиц и учреждений помогало и облегчало мне научные путешествия и исследования. Из числа их я с особенною благодарностью должен назвать генерал-губернатора Нидерландской Индии Лаудона, махараджу йохорского, о которых я говорил в последнем чтении, и правительства австралийских колоний. В Австралии я имел годовые даровые билеты на проезд по всем железным дорогам; пользовался до того времени, пока биологическая станция была основаема, помещениями для анатомических занятий в одном из зданий, принадлежащих правительству; пользовался для фотографических работ фотографическим ателье городского музея или казенной типографии и т. д. и т. д. Даже в настоящее время все мои вещи и коллекции находятся на хранении в Сиднее в одном из правительственных магазинов.

Считаю нелишним и даже необходимым сказать несколько слов о средствах, полученных мною в разное время от Географического общества и частных лиц для путешествия, тем более что, судя по тому, что я слышал и читал даже в разных газетах и журналах, публика имеет очень преувеличенное представление об этих средствах.

Собственно от Императорского Русского географического общества я получил при моем отъезде 1500 руб. и в 1873 г. при посредстве же Географического общества от г. В. Л. Нарышкина 2000 руб. Затем, помимо моего желания и ведома, вследствие доброго намерения помочь мне, при посредстве моего старого товарища и друга князя А. А. Мещерского, собрано 7700 руб., которые были пересланы мне бароном Ф. Р. Остен-Сакеном.

Наконец, к моему большому удивлению, в 1879 г. я получил сумму в 4500 руб., собранных газетою «Голос», чрез русское консульство в Сиднее. Итого получено мною за все время моего путешествия 15 700 руб.

Получив неожиданно собранные по подписке редакцией «Голоса» деньги, я тогда же ответил А. А. Краевскому письмом (напечатанным в «Голосе» от 7 октября 1880 г.), где, выражая полную и искреннюю благодарность за оказанную мне помощь, о которой никому не заявлял и никого не просил, прибавил, что принимаю деньги только

заимообразно и надеюсь со временем возвратить их лицам подписавшим.

Теперь я намерен сказать несколько слов об издании моих трудов. В ответе на письмо вице-председателя Географического общества, написанное от имени Совета общества, я выразил желание, чтоб издание моих трудов осуществилось на русском языке при содействии Географического общества, с тем условием, чтоб общество взяло на себя уплату долга, сделанного мною во время путешествия, и обеспечило меня средствами на два года, в течение которых надеюсь вполне приготовить к печати мои труды^{16}. Мой манускрипт собственно уже готов. Остается исключить только то, что, может быть, в мое долгое, 12-летнее отсутствие из Европы, в течение которого я не мог следить за научною литературою, было уже сделано другими. Затем, очень многие части моих работ написаны на иностранных языках и должны быть переведены на русский. Наконец, кроме моего манускрипта, я предоставляю все мои антропологические и этнологические коллекции в полное распоряжение Географического общества безвозмездно.

Теперь мне остается только поблагодарить вас, милостивые государыни и милостивые государи, за то терпение, с которым вы выслушали мои четыре чтения, несмотря на мой подчас ломаный русский язык и на то, что мои сообщения, вследствие непривычки говорить пред большим собранием, может быть, не отличались хорошим изложением.

<...>{117} Мм. гг.! Я не оратор и не могу в длинной и красноречивой речи выразить всю мою благодарность за ваше сочувствие к моим трудам, о которых, сознаю, не сумел дать надлежащего представления в моих чтениях. Скромный путешественник и человек дела, смею надеяться, что, когда труды мои будут напечатаны, вы лучше их оцените и, быть может, признаете, что собранный мною единственно в интересе знания в продолжение 12-летних путешествий матерьял будет новым вкладом в науку (продолжительные рукоплескания).

Антропологические заметки о папуасах Берега Маклая[227] на Новой Гвинее[228]

...Таким образом, является желательным и, можно сказать, необходимым для науки изучить полнее обитателей Новой Гвинееи.

(К. Е. von Baer. Ueber Papuas und Alfuren. S. 71)

Это мнение совпадало с моим желанием посетить Новую Гвинееу и по возможности ознакомиться с ее обитателями. Желание исполнилось, и я провел 15 месяцев на одном из интереснейших берегов Новой Гвинееи, в постоянном общении с туземцами, которые вначале приняли меня очень недоверчиво и враждебно, но в конце концов обращались со мною дружелюбно.

Ни один европеец не посетил этого берега до прибытия сюда в сентябре 1871 г. императорского русского корвета «Витязь». [229] На мою долю выпало редкое счастье наблюдать население, жившее еще полностью вне сношений с другими народами[230] и притом на такой стадии развития цивилизации, когда все орудия труда и оружие изготовляются из камня, кости и дерева. Еще в Европе я избрал для своего будущего пребывания восточное побережье Новой Гвинееи как наименее известное и где папуасская раса сохранилась в наиболее чистом виде. Последнее предположение действительно оправдалось: я не нашел у туземцев никакой примеси чуждой крови; поэтому наблюдения, которые мне удалось сделать над моими соседями, могут иметь ценность при изучении всей папуасской расы. О результатах некоторых из этих наблюдений я хочу здесь вкратце сообщить.[231]

В цитированной выше статье г. Бэра, находившейся, к счастью, при мне, уже высказаны или намечены важнейшие вопросы, касающиеся антропологии папуасов. Я не преминул ими воспользоваться. Прежде, однако, чем перейти к этим вопросам, мне кажется уместным, для устранения возможных недоразумений, точнее объяснить, с какими людьми я имел дело.

Как сказано, я высадился в заливе Астролябия. Моя хижина была построена на его южном берегу, почти посередине между двумя крайними мысами (м. Дюпере и м. Риньи). Я ознакомился как с жителями побережья залива, так и с обитателями соседних островов у мыса Дюпере.[232] Люди с о. Кар-Кар (о. Дампир) также являлись к моей хижине. Я неоднократно посещал папуасов, живущих в горах вокруг залива, до высоты примерно 1500 футов, в разбросанных там деревнях, и мог лично убедиться в том, что высокий горный хребет, идущий параллельно берегу и имеющий приблизительную высоту в 6–8 тысяч футов, необитаем. Полнейшее отсутствие тропинок, густота девственного леса и крутизна горного хребта образуют трудно преодолимую преграду для проникновения в глубь страны, о которой туземцы, несмотря на мои частые расспросы, не могли мне дать никаких сведений, так как они сами никогда не переходят через горы. Некоторые долины на юго-западном берегу

залива проникают далеко в горы. Жители и этих склонов не упускали случая навестить белого пришельца. Являлись также люди с восточной части горного хребта, с которыми мои соседи незадолго перед этим заключили мир, и возвращались домой довольные, получив от меня подарки.

В общем плотность населения вокруг залива довольно велика.[233] У меня было широкое поле для наблюдений, которые, однако, значительно затруднялись обилием языков и их различием в ближайших деревнях.

Об этих многочисленных языках, так же как и о физиономии и климатологии страны, образе жизни и питании папуасов, я подробно сообщу в другом месте; здесь же достаточно сказать, что Берег Маклая гористый и порос густым лесом. Деревни папуасов расположены в тени лесов, и только при работе на плантациях да на рыбной ловле туземцы подвергаются действию солнца. Пища их главным образом растительная; мясо свиней, собак, сумчатых, птиц и пресмыкающихся составляет большую редкость; рыбной ловлей здешние папуасы занимаются тоже мало.

Теперь я перехожу к настоящей задаче этого сообщения, т. е. к рассмотрению свойств кожи, волос, черепа и других телесных особенностей здешних папуасов.

Телосложение . Самый высокий папуас, измеренный мною, был ростом 1,74 м, самый низкий – 1,32 м; рост остальных варьировал в этих пределах, причем, однако, лишь немногие приближались к указанному максимуму. Женщины в большинстве случаев были значительно ниже мужчин. В общем папуасы хоть и невысоки ростом, но хорошо и крепко сложены, что было замечено и ранее другими наблюдателями относительно папуасов, живущих в других местах.[234]

Кожа . Я никоим образом не могу согласиться с авторами, которые приписывают папуасам некую особенно шершавую кожу.[235] Не только у детей и женщин, но и у мужчин кожа гладкая и ничем не отличается в этом отношении от кожи европейцев. То обстоятельство, что здесь многие страдают psoriasis'ом и вследствие этого имеют кожу, покрытую сухими чешуйками, не представляет еще расовой особенности;

понятно также, что если многие другие смазывают кожу в течение многих лет особым сортом глины, то неудивительно, что она становится у них несколько грубее. Наконец, также ясно, что кожа у людей, постоянно всюду ходящих нагими и подвергающих себя действию солнца и всем переменам погоды, не может быть так же нежна, как кожа людей, защищающих себя платьем. Одним словом,

какую-то особенную шершавость кожи никоим образом нельзя приводить в качестве одного из признаков, отличающих папуасов от остальных людей.

Цвет кожи. У большинства путешественников приходится встречать упоминание о черном, даже о синевато-черном цвете кожи папуасов.[236] Очень темная окраска кожи действительно свойственна жителям многих меланезийских островов,[237]

но отличительным признаком всей папуасской расы черный цвет <кожи> считать нельзя.

Здешние папуасы почти все светло-шоколадного, коричневого цвета; попадаются (особенно между горными жителями) желто-коричневатые, не темнее светлых самоанцев, но встречаются и темноокрашенные, как обитатели Новой Ирландии или Дорэ. В общем я нашел, что цвет кожи папуасов варьирует в широких пределах, не меньше, чем у многих других рас.

Возраст оказывает на цвет кожи значительное влияние, что особенно заметно у мужчин. До двадцати лет юноши довольно светлы, пожилые люди гораздо темнее. Однако и здесь можно найти индивидов, как и в Полинезии,[238] более темных, чем большинство населения. Как мне кажется, их появление следует объяснять не иначе, чем аналогичные случаи появления брюнетов и блондинов у кавказской расы. Я видел также светлее и темнее окрашенных детей у одних и тех же родителей. Отклонение от обычного цвета кожи поддерживается также наследственностью. Браки между темными индивидами случаются здесь часто.

Пигмент распределен по телу неравномерно; некоторые места кажутся немного светлее, чем остальные. Лицо,[239] ладони, ступни, кожа подмышками, как и места, покрытые браслетами и передником стыдливости, окрашены светлее. У женщин с отвислыми грудями нижние поверхности грудей и места, прикрытые последними, также светлее остальной кожи.

У некоторых папуасов я наблюдал на коже более темные пятна. Цвет этих пятен не отличался значительно от цвета остальной кожи, но контуры их обрисовывались все-таки вполне ясно. Эпидермис на этих местах был так же гладок, как и на остальном теле, и ничто не давало повода предположить, что эти пятна, занимающие часто большие участки кожи (иногда половину спины или значительную часть одной из конечностей), связаны с каким-нибудь болезненным процессом.

Цвет рубцов. Маленькие раны оставляют рубцы, которые несколько темнее кожи; например, можно различить по более темной окраске мелкие круглые рубцы (у женщин по обеим сторонам груди, у мужчин – на спине и конечностях), сделанные раскаленным углем. Глубокие раны, встречающиеся у здешних папуасов, нередко имеют следствием ряд почти белых рубцов; я также видел неоднократно на теле папуасов более крупные белые пятна с очень зубчатыми очертаниями.

Волосы . В распределении и свойствах волос думали найти самый характерный признак папуасов,[240] поэтому я обратил на волосы папуасов особенное внимание. Прежде всего о

распределении волос. Чтобы составить себе правильное мнение о распределении волос на голове папуасов, я исследовал его как у совсем маленьких (3–6 месяцев) детей, так и на бритых головах более старших (7—13 лет). Мне удалось также несколько раз наблюдать распределение волос на головах взрослых, когда мне приходилось самому коротко стричь волосы на значительных участках головы (при ранениях головы, которые я должен был лечить). Таким путем я мог получить ясную картину распределения волос на голове папуасов. Групповидного или пучкообразного распределения волос я решительно не заметил. Волосы на голове папуаса

растут совершенно так же, как у европейца и вообще как на человеческом теле, т. е. отдельные волосы находятся не на равных расстояниях друг от друга (1–3 мм в среднем) и часто по 2, по 3, реже по 4 вместе.

Вначале новые волосы папуасов (на голове у детей или на теле у взрослых), длиной приблизительно в 1,5 мм, прямые, не изогнуты; лишь потом, когда волосы отрастут и окрепнут, они начинают завиваться. При этом волосы собираются в локоны, закругления которых достигают в поперечнике приблизительно 3–5 мм у детей, а у взрослых 6–10 мм.

Каким образом Эрл пришел к убеждению, что волосы папуасов достигают длины в 1 фут, для меня неясно.[241] Мне кажется, трудно сказать что-нибудь положительное, достаточно проверенное рядом наблюдений относительно длины, которой может достигнуть волос папуаса, подобно тому, как это трудно сказать относительно длины, какой мог бы достигнуть волос европейца, предоставленный свободному росту.[242] Папуасы часто бреют свои волосы, смазывают их разными жидкостями, стригут их и т. д. К тому же рост волос у всех человеческих племен представляет значительные индивидуальные колебания. И у папуасов:

один имеет массу волос, вдвое превышающих по размерам его голову; другому же приходится покрывать свою жидковолосую или даже лысую голову шкуркой кускуса; один часто обрезает бамбуковым ножом свои «гатесси» (туземное название длинных локонов на затылке), покрывающие у него не только шею, но и плечи и часть спины, а другой, несмотря на все старания, не может отрастить длинных локонов и печально говорит о своих волосах: «Гатэ борле, борле» (плохие, плохие волосы).[243]

Папуасы тратят много труда и времени на расчесывание, разделение на отдельные пряди и окраску своих волос. Если не расчесывают волос несколько дней, то последние образуют вьющуюся, взъерошенную массу, из которой торчат отдельные, более длинные пряди,

но никогда волосы не образуют естественным путем обособленных длинных прядей, как это утверждает Эрл, а за ним и другие авторы. Я много раз наблюдал, как здешние жители старательно отделяют свои «гатесси» одну от другой. Не следует также думать, что эти «гатесси» состоят каждая из одного пучка; они скорее представляют закрученную, продолговатую массу, состоящую отчасти из отмерших и отпавших волос и из втертой глины. Нередко части такого локона висят один за другим на четырех-пяти волосках.

Цвет волос. На детских головах можно видеть, что волосы папуасов от природы матово-черного цвета. В более позднем возрасте у всех туземцев без исключения вследствие втирания различных веществ волосы изменяются в цвете и становятся еще более матовыми. Эту искусственно приобретенную окраску не всегда легко наблюдать, так как волосы почти всегда бывают окрашены у них в красный или черный цвет.

Отдельный волос, выделенный из локона, представляет спираль, отличающуюся от всякого другого вьющегося волоса (также и европейца) лишь своими более узкими завитками. Если волосы папуаса предварительно хорошо расчесаны, то кольца их (завитки) оказываются более широкими, и тогда, мне кажется, очень трудно отличить макро– или микроскопически отдельный папуасский волос от вьющегося волоса всякой другой расы. При рассматривании в микроскоп волосы папуасов (мужчин) имеют приблизительно среднюю толщину волос европейца. Многие волосы взрослых папуасов, вымытые в воде,[244] теряют свой черный цвет, становятся светло-желтыми и представляются под микроскопом вполне прозрачными, как всякий другой волос после обработки щелочами. Причина этого – различные реактивы, которыми папуасы обрабатывают свои волосы (в молодости – золой и известью, в позднейшем возрасте – красной и черной глиной).

Говоря о волосах папуасов, необходимо добавить несколько слов

об уходе за ними и о причёске папуасов. Первые волосы у детей мягки и прямые; уже в самом раннем младенческом возрасте, когда волосы только что показались, голову натирают черной краской. В возрасте от трех до четырнадцати лет волосы часто бреют или обрезают. Прежде употребляли для обрезания волос бамбуковые ножи, а для бритья – острые осколки кремня или пользовались острыми краями некоторых трав. Вскоре после моего появления <на Берегу Маклая> туземцы ознакомились с режущими свойствами стекла, и теперь они бреют себе волосы осколками стекла, если только могут их добыть. Чтобы сколько-нибудь защитить детей от вшей, волосы на их голове натирают золой и известью, отчего образуется толстая корка. Если снять эту корку, то волосы оказываются бурными или даже светло-желтыми. У детей, особенно у девочек, операцию эту часто повторяют; у мальчиков до обряда обрезания, т. е. до тринадцати-четырнадцати лет, волосам не дают отрасти длиннее 5–6 мм, после же обрезания на волосы и причёску обращается особое внимание. Волосы отрастают более 10 см (редко свыше 14 см), расчесывают по нескольку раз в течение дня большим бамбуковым гребнем с длинными зубцами и натирают их <мякотью> молодых кокосовых орехов, а также различными сортами глины.

Перед большими празднествами и посещением соседних деревень молодые папуасы

обыкновенно заняты украшением друг друга. При этом раскрашивается лицо, иногда и спина, расчесываются и красятся волосы. Чтобы краска лучше держалась, сначала натирают волосы наскобленной «мякотью» кокосового ореха (при помощи раковины), потом тщательно причесывают их длинным бамбуковым гребнем, отрезая лишние, торчащие локоны так, чтобы получилась более ровная и пышная прическа. После этой операции больше не видно отдельных локонов, а видна лишь волнистая масса волос, в которой заметны только отдельные волосы, а не отдельные завитки. Далее натирают красной краской

(суру) или всю голову, или лишь только часть ее вокруг лица, наподобие ленты; в последнем случае красят волосы на затылке в черный цвет. Часть молодежи и все папуасы более зрелого возраста пользуются для окрашивания волос только черной краской

(куму).

Потом обвивают вокруг головы одну или две ленточки, изящно сплетенные из тонких полосок листа пандануса, и закрепляют их на затылке посредством приделанных к концам деревянных булавок. Ленточки эти мешают волосам спадать на лоб. Большой бамбуковый гребень, украшенный у молодых людей лишь одним пером, втыкается в волосы спереди. Перо на гребне обрезано так, что при самом легком движении головы или ветерке оно приходит в колебание, что, по-видимому, весьма нравится папуасам. Кроме того, в волосы втыкаются красные цветы Hibiscus, а на затылке обыкновенно развеивается длинный и узкий, пестро окрашенный лист Colodracon, прикрепленный маленьким бамбуковым гребешком. Это обычная праздничная прическа папуасской молодежи

(маласси). Прическа более пожилых туземцев

(тамо) гораздо проще. Они обыкновенно красят волосы в черный цвет, не употребляют ни ленточек, ни цветов, ни листьев и лишь в особо торжественных случаях втыкают в волосы большой веер или султан из перьев. Но зато они отпускают волосы на затылке, которые, будучи разделены на длинные тонкие пряжи, образуют вышеописанные «гатессы», спадающие сзади на шею от одного уха до другого. Длинные гатессы считаются у мужчин большой красотой. На темени волосы отпускают и расчесывают по-прежнему, гатессы же густо смазывают черной краской, чтобы лучше изолировать их друг от друга.

В обычные дни пожилые мужчины не носят в волосах ничего, кроме гребня; молодые – лишь несколько цветов и листьев. Вообще волосы приходится красить не особенно часто, так как краска – вещь дорогая, и волосы поэтому имеют часто красно-бурый оттенок.

Женщины и девушки почти вовсе не тратят труда и времени на украшение волос и лишь в редких случаях получают от своих мужей или братьев немного черной или красной краски. По большей части они коротко бреют свои волосы и бреют их.

Горные жители ухаживают за своими волосами не так старательно, как мои соседи, живущие на побережье. Однако в торжественных случаях их прическа похожа на прически последних. Жители Самбуль– и Сегуана-Мана (горные деревни) привязывают к отдельным локонам различные мелкие предметы, как, например, красиво окрашенные перышки, раковинки, блестящих жуков и т. д. Такой же обычай я наблюдал у жителей Новой Ирландии (Порт-Праслин).

Седина скрадывается краской; к тому же папуасы, кажется, не достигают преклонного возраста, так что седые волосы редко можно встретить. Если в бороде появляются кое-где седые волосы, их старательно выдергивают.

Лысых я встретил среди многих сотен папуасов только четырех. Зато редкие или жидкие волосы встречаются у стариков довольно часто.

Брови у папуасов в большинстве случаев сбриваются; если же они не сбриты, то обычно бывают очень густые; они поразительно широки и часто соединяются на переносье.

Ресницы, особенно у молодых людей, достигают значительной длины и обыкновенно красиво изогнуты кверху.

Бороду молодые люди бреют или выщипывают. Старшие отпускают бороду, которая становится густой и обильной, но не достигает особенной длины, так как ее часто обрезают и даже бреют. Как и в Полинезии, бороду здесь носят не особенно охотно, считая ее признаком старости. Волосы бороды у папуасов (как и у кавказской расы) гораздо толще, чем на голове, поэтому и завитки их значительно шире.

Волосы на теле. Как и на голове, волосы на теле папуасов растут вовсе не группами или пучками, как это утверждают некоторые наблюдатели.[245] Быть может, поводом к такому ложному представлению послужило то обстоятельство, что у пожилых индивидов волосы на тех местах, где они бывают длиннее (на груди, на внутренней поверхности бедер и т. д.), собираются в небольшие пучочки или завитки. Достаточно, однако, более внимательного осмотра тела любого папуаса, чтобы убедиться, что волосы растут не пучкообразно и что их корни распределены не группами.

Скудный или более обильный рост волос на теле подвержен у папуасов подобным же индивидуальным колебаниям, как и у других племен. Вообще же обволошенность тела у здешних туземцев, по-видимому, меньше, чем у европейцев; некоторые же части тела представляются, наоборот, более волосатыми, чем у кавказской расы. Так, например, у папуасов часто можно встретить довольно густые и длинные волосы на спине, начиная от затылка. Эти волосы следуют вдоль позвоночника, причем <их полоса> постепенно суживается книзу; я видел также у некоторых папуасов, что все ягодичы их покрыты обильными волосами. Наоборот, на тыльной стороне рук, где у европейцев нередко можно видеть довольно длинные волосы, я не встречал их у папуасов вовсе.

У индивидов, страдающих psoriasis'ом (по-туземному «массо»), я видел только скудную растительность на теле, а у некоторых не было и вовсе волос на теле. Вообще относительно волос на теле, а равно и растущих подмышками и на половых частях, можно заметить, что все они много толще волос на голове; при этом волосы подмышками и на половых частях образуют гораздо более широкие завитки, чем волосы на голове.

Череп . Малое число несомненно подлинных папуасских черепов, находящихся в европейских музеях, побудило меня старательно их собирать здесь; но, несмотря на все усилия, мне удалось добыть всего 10 штук. Погребальные обычаи папуасов были благоприятны для моей цели, но позже они оказались причиной того, что мне могли достать лишь немногие черепа. После пребывания трупа около года в земле его выкапывают родственники, по крайней мере голову; нижнюю челюсть тщательно отделяют от черепа, очищают и сохраняют, череп же, наоборот, бросают в каком-нибудь углу деревни в кусты.[246] Эти черепа, подвергаясь действию погоды и разным случайностям, могут сохраняться лишь немногие годы; поэтому в каждой деревне можно найти только черепа людей, недавно умерших.

Носы папуасов с проколотой носовой перегородкой

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Однако весьма трудно добыть череп с нижней челюстью: последняя, как уже сказано, заботливо сохраняется родственниками умершего. Щедрый подарок редко побеждает нежелание папуасов отдать челюсть умершего родственника, хотя они охотно отдают череп за пустую бутылку. С большим трудом я мог достать 2 черепа с нижней челюстью.

До сих пор я не имел возможности обработать свой краниологический материал, который я сохраняю до более подробного изучения. Пока я ограничусь только сообщением некоторых беглых наблюдений.

Череп папуасов Берега Маклая долихоцефальный (указатель ширины в среднем 77), высокий (указатель высоты в среднем 72); при рассматривании сбоку (в профиль) верхний контур его представляется весьма выпуклым. При рассматривании черепа спереди или сзади он кажется крышеобразным; вдоль его, через макушку, идет явственное гребневидное утолщение, что, впрочем, было отмечено и относительно других папуасских черепов. Лоб с боков сильно сдавлен, и скуловые кости сильно выдаются в стороны. Надбровные дуги часто бывают сильно развиты. Затылок широкий и плоский.[247] Верхняя челюсть значительно развита и довольно прогнатна, так что верхний ряд зубов выдается над нижним. Нижняя челюсть спереди узка, с выступающими вперед углами. Положение нижнего ряда зубов по большей части менее прогнатно, чем верхнего.

Физиономия . Немного покатый, невысокий и узкий лоб, приплюснутый широкий нос,[248] часто с большими ноздрями, широкий, выдающийся вперед рот с выпяченной верхней губой, уходящий назад подбородок и, наконец, выдающиеся в стороны скулы, резко контрастирующие в височной области с узким подбородком, – вот приблизительно господствующий тип здешних папуасов.

Но не все лица можно подвести под эту схему. Попадают и прямые и не особенно плоские носы, даже большие, выпуклые; губы также не у всех толстые и выпяченные, встречаются и узкие, причем иногда и подбородок не отступает заметно назад.

Описание человеческого типа выходит весьма различным, смотря по тому, имеются ли в виду лица более молодых или старых людей. Менее развитая мускулатура, большая толщина жирового слоя, более гладкая кожа значительно изменяют очертания лица. В предыдущем описании я имел в виду главным образом лица мужчин в возрасте приблизительно от 30 до 35 лет. У молодых папуасов лоб обыкновенно более выпуклый и глаза лежат не так глубоко. Глаза вообще большие, с черной или карей радужной оболочкой и матово-белой роговицей, которая у более пожилых имеет желтоватый оттенок. Среди мальчиков нередко встречаются миловидные и приятные лица.[249] Среди взрослых мне лишь крайне редко попадались физиономии, о которых можно было бы сказать то же самое. Дети и женщины гораздо ближе по типу к африканским неграм, чем мужчины. Вообще я нигде не встречал такого несходства между лицами детей и взрослых, как здесь, на Новой Гвинее. Физиономии некоторых жителей горной деревни Теньгум-Мана поразили меня своей некрасивостью: с узким и покатым лбом и широким толстым носом соединялся у них рот, имеющий при самом спокойном выражении лица не менее 75–80 мм в ширину; но в той же деревне оказались и люди с почти красивыми (на взгляд европейца) лицами.

Изображение мужчины и женщины на бамбуке. Деревня Мале

Папуасы Берега Маклая прокалывают себе носовую перегородку. Эта операция производится над детьми в возрасте трех-четырех лет. Она несколько изменяет форму носа, так как носовая перегородка немного отвисает. Отверстие имеет в ширину около 5 мм. В носу редко носят тяжелые и толстые предметы; мужчины обыкновенно в качестве носового украшения употребляют продолговатый камешек или кусочек раковины. Жители же гор втыкают в нос бамбуковые, украшенные узорами палочки длиной в 15–20 см; особенно любят это украшение женщины. У одного племени, живущего к юго-востоку от бухты Астролябии и называемого здешними туземцами «дева», пробуравливают себе крылья носа в их верхней части и носят в отверстиях перья, деревянные палочки и другие украшения.[250]

Зубы . Верхний ряд зубов выступает над нижним. Зубы у папуасов крепкие, большие и часто ряд их несимметричен. Вследствие преобладания растительной пищи зубы уже очень рано стираются.[251] Беспреданное жевание бетеля является причиной порчи и даже отсутствия зубов у пожилых туземцев.

Уши папуасов мясистые и не слишком оттопыренные; ушная раковина плоска, но довольно широка. Мочка – вытянутая от ношения тяжелых серег и часто разорванная. Девушки продырявливают, кроме мочки, еще верхний край уха. Прокалывание производится в ранней молодости посредством шипа *Dioscorea*.

Туловище . У папуасов сравнительно тонкая шея. У некоторых грудь мощно развита и плечи широки. Почти у всех мужчин грудная клетка хорошо развита, и лишь немногие могут быть названы узкогрудыми.

Животы у папуасов бывают выпяченными только после обильной пищи; особенно это заметно у детей; у взрослых это наблюдается лишь после пиров, и то в меньшей степени. То обстоятельство, что это состояние преходящее, ясно показывает, насколько эластичны брюшные покровы и вместе с тем какое количество пищи может поглотить за раз человек.

Если смотреть на

спину папуасов в профиль, то можно заметить в области поясницы более значительную вогнутость, чем у европейцев. Я многократно убеждался в том, что кривизна позвоночника у папуасов заметно уклоняется от его изгиба у кавказской расы.[252]

Ягодицы у мужчин и женщин хорошо развиты, но не чрезмерно, как это утверждалось относительно некоторых других папуасских племен.[253] У детей обоего пола ягодицы даже очень плоски и мало мясисты.

Конечности . Мускулатура верхних конечностей большей частью хорошо развита, и кисти имеют красивую форму. Хотя папуасы при работе различают правую и левую руки и имеют даже особые названия для них, однако они гораздо больше пользуются левой рукой, чем европейцы. Я замечал это очень часто. Они пользуются для многих целей также нижними конечностями и могут поднимать ногой с земли очень мелкие предметы. При этом они схватывают предмет, не сгибая пальцев ног, а зажимая между большим пальцем и остальными, что им обыкновенно хорошо удается.[254] Я заметил, что у многих папуасов большой палец ноги отстает от остальных на 2–2,5 см; это во многих случаях оказывается им очень полезным, так как дает возможность держать ногой даже крупные предметы. Очевидно, эта особенность приобретенная, так как в большинстве случаев тот же палец на левой ноге не бывает настолько отодвинут от прочих пальцев. Величина обеих ступней нередко тоже неодинакова, что, вероятно, следует приписать большему употреблению одной ноги сравнительно с другой.

Утолщенные ногти папуасов

Рис. Н. Н. Миклухо-Маклая

Ногти на ногах и руках очень тверды и толсты, а так как средняя часть их еще толще и крепче, то встречаются когтеобразные ногти на руках и ногах, обязанные своей формой тому, что боковые, более мягкие части их легко отламываются.

Хотя и встречаются папуасы с малым развитием икр, но у большинства икры развиты

удовлетворительно, только расположены несколько высоко.[255]

Половые органы . Что касается наружных половых органов у мужчин, то я не заметил ничего особенного, кроме сравнительно малой длины penis'a. Очень плотно (даже у мальчиков) прилегающие мали (пояса стыдливости), вероятно, служат причиной частых заболеваний этих органов (особенно воспалений яичек).

Мальчики в возрасте 13–15 лет подвергаются обрезанию.[256] Производится оно острым осколком кремня, которым надрезают крайнюю плоть; эта операция оставляет в позднейшем возрасте один или несколько кривых рубцов. Обрезание практикуется у папуасов Берега Маклая большинством береговых жителей и некоторыми жителями гор, но в некоторых деревнях этот обычай отсутствует.[257] почему жители их презираются остальными.

Туземцы Новой Ирландии (Порт-Праслин) также не знают этого обычая. В 1871 г., когда я их посетил, они ходили еще совершенно нагими, и у всех без исключения glans penis была закрыта rhaerutium'ом (я видел приблизительно человек 50 или 60 туземцев).

Груды у молодых девушек конической формы и остаются маленькими и заостренными до первого кормления; впоследствии они принимают иногда значительные размеры и у женщин двадцати – двадцати пяти лет становятся похожими на длинные полунаполненные мешки, в верхней части несколько более узкие, чем в нижней. Ареола большая (10–12 мм в поперечнике) и очень темно пигментированная; сосок плоский и мало выдающийся. У женщин старше тридцати лет высохшие груди отвисают наподобие пустых, складчатых треугольных мешков.

Кормление грудью продолжается по несколько лет. Я встречал детей на вид лет трех, четырех и даже старше, которые уже помогали родителям при работе и разделяли с ними всякую пищу, но в то же время продолжали еще кормиться молоком матери.

В половом отношении папуасы очень строги. Внебрачных связей вовсе не бывает или по крайней мере они случаются крайне редко, что, вероятно, стоит в связи с ранними браками. Папуасы женятся обыкновенно вскоре после обрезания и имеют одновременно только одну жену. Женщины (наверно, от тяжелой работы) не особенно плодовиты: обыкновенно женщина рождает двух-трех детей, редко пять. В июле и августе я замечал в папуасских деревнях много женщин на сносях, и большинство рождений приходится на сентябрь. Отсюда можно предположить, что

зачатие происходит по преимуществу в известное время года, именно в декабре и январе, когда здешние папуасы наименее заняты полевыми работами и когда ими справляется большинство их ночных праздников, продолжающихся обыкновенно по несколько дней подряд.[258]

В заключение сообщу еще о некоторых замеченных мною особенностях и привычках папуасов Берега Маклая.

Несмотря на темный цвет кожи, я мог констатировать у папуасов побледнение и покраснение лица. Под влиянием гнева или страха цвет их лица становится заметно светлее; когда они заболели, я их видел также более бледными. Радость, пляска, быстрая ходьба, натуга, усилие при поднятии чего-либо тяжелого вызывали на некоторое время потемнение цвета лица.

Я не видел здесь ни одного толстого папуаса. В молодости у обоих полов есть достаточный жировой слой, но с возрастом почти все становятся довольно тощими. Это обстоятельство, кажется, стоит отчасти в связи со стиранием и гниением зубов и вследствие этого неудовлетворительным питанием.

Походка мужчин имеет также нечто своеобразное, что мне скоро бросилось в глаза. Но для определения того, в чем именно состоит ее особенность, мне потребовалось более продолжительное наблюдение. Папуасы делают одной ногой (то правой, то левой) большой шаг, а затем подводят другую ногу. Чем больше им приходится ходить, тем заметнее этот способ передвижения. Походка женщин несколько изменяется воспитанием. Мужчины находят красивым, если их жены при ходьбе двигают своими задними частями так, чтобы при каждом шаге одна из ягодиц непременно поворачивалась в сторону. Я часто видел в деревнях маленьких девочек, семи-восьми лет, которых их родственники или родственницы учили этому вилянию задом; целыми часами девочки заучивали эти движения. Девушки, желающие понравиться папуасским юношам, должны это делать особенно демонстративно, и некоторые достигают в этом большого искусства. Что этот способ ходьбы неудобен, видно из того, что девушки, если нет мужчин или они не обращают на них внимания, начинают ходить проще, но стоит мужчине взглянуть на них, как женщины снова начинают двигать своими задними частями. Походка старых женщин естественнее, но все-таки они не могут вполне забыть привычек молодости.

Мужчины

плавают так, что над водой не видно ни ног, ни рук, а только одна голова; они могут плавать быстро и долго. Женщин я никогда не видел купающимися или плавающими в море, мужчин же, напротив, часто.

Излюбленная поза папуасов – это сиденье

на корточках. Это положение обуславливается не только привычкой, но также соотношением размеров конечностей и туловища. Часами сидят они в такой позе, не вставая даже тогда, когда они могли бы лечь или принять более удобное, по нашим понятиям, положение. Когда я пробовал воспроизводить позу сидящих таким образом папуасов, то мог сохранить равновесие только тогда, когда опирался на пальцы ног; став же на всю ступню (как это делают папуасы), я обыкновенно падал назад или же бывал вынужден расставлять шире ноги.

Меня часто поражала способность папуасов

быстро засыпать. Это случалось в любой час дня, даже тогда, когда папуасы вовсе не были утомлены. Излюбленным положением во время сна является лежание на животе, с подложенными под голову руками. Сколько часов папуасы, особенно мужчины, проводят во сне, я не могу определить точно, но, во всяком случае, они спят приблизительно две трети дня, если только празднество, война или какие-нибудь другие чрезвычайные обстоятельства не нарушают их однообразной жизни.

К самым частым

болезням папуасов нужно отнести

накожные, из которых наиболее распространены elephantiasis и psoriasis. Первая болезнь встречается и у молодых и у старых (дети моложе пятнадцати лет, по-видимому, избавлены от нее), но чаще у мужчин, чем у женщин, и поражает преимущественно нижние конечности. Несмотря на громадное увеличение объема и значительную деформацию ноги (начиная выше колена до пальцев), движение вследствие этого бывает, по-видимому, не особенно затруднено. Я часто видел, как больные элифантiazисом папуасы бегают долгое время ради собственного удовольствия. Psoriasis встречается очень часто. Так как эта болезнь передается по наследству, то ее можно встретить иногда даже у новорожденных, причем участки кожи, пораженные болезнью, расположены симметрично на спине; с годами она довольно скоро распространяется по всему телу; от нее не бывает избавлено и лицо (на ушах и щеках я часто наблюдал чешуйки psoriasis'a). У детей десяти-двенадцати лет часто уже все

тело покрыто беловатыми, сухими, тонкими чешуйками, образующими обыкновенно очень запутанный узор. Psoriasis здесь почти не считается болезнью, и, что мне показалось необычным, мужчины, больные psoriasis'ом, выбирают себе нередко жен, пораженных той же болезнью; естественно, что в таких случаях у большинства новорожденных видны следы того же заболевания.

Больных

волчанкой (lupus) я видел в трех деревнях. Они почти всегда закрывали пораженные части лица листьями вследствие того, что иначе их глубокие раны вызывали суеверный страх в их земляках и те предпочитали избегать сношений с ними.

Зато у папуасов я никогда не видел

бородавок и

родимых пятен. Было много туземцев, изрытых

оспой (особенно на лице); они рассказывали, что оспа появилась с северо-запада и прошла вдоль всего берега и что многие от нее умерли, теперь же этой болезни больше нет. Эпидемия свирепствовала, по-видимому, лет 8 или 10 тому назад.

Перемежающиеся лихорадки в районе залива Астролябия бывают часто даже у туземцев, причем не только на берегу, но и в горах. Почти во всех деревнях и в продолжение всего года я видел больных лихорадкой.

Так как ночи здесь очень прохладны, а папуасы еще не изобрели одежды, несмотря на их большую чувствительность к ночному холоду, то у них существует повсеместный обычай зажигать огонь под бамбуковыми нарами, на которых они спят в своих хижинах. Голое тело спящего очень сильно нагревается снизу, а сверху и с боков охлаждается; поэтому бывают частые случаи простуды, ведущей к заболеваниям

органов дыхания.

Наверное, встречаются и другие внутренние болезни, которые мне остались неизвестными, главным образом вследствие моего недостаточного знания языка, что не позволяло подробно расспросить о том туземцев. Я должен еще упомянуть, что и здесь я наблюдал 2 или 3 случая

инфлуэнцы, известной на островах Тихого океана.

Сифилис на этом берегу не встречается, и заболевания половых органов, кроме опухолей (из-за слишком тесных поясов стыдливости) и случаев elephantiasis'a, очень редки.

Относительно

продолжительности жизни папуасов можно высказать только предположения. Очень старых индивидов я не встречал; самым старым, по-моему, было лет 50–60. Я не могу также сказать что-нибудь положительное относительно

смертности. В трех деревнях, ближайших к моей хижине (население их всех достигало приблизительно 300 человек), умерли в течение года только 4 мужчины и 1 мальчик. О смерти женщин я ничего не мог узнать, так как их хоронят очень просто, без большой торжественности. Кажется, однако, смертность среди женщин больше, чем среди мужчин, может быть, вследствие их тяжелой работы. Еще молодые мужчины женились в третий и четвертый раз, так как их жены одна за другой умирали, и такие случаи нередки. У папуасов Берега Маклая женщин сравнительно меньше, чем мужчин, по крайней мере во всех

маленьких деревнях, где число жителей мне было известно. С этим согласуются и жалобы мужчин (я часто их слышал) на то, что в их деревне нет женщин для женитьбы.* * *

Мои заметки основаны, как сказано выше, лишь на сопоставлении отдельных произведенных на месте наблюдений. Моим стремлением было, следуя совету К. Э. фон Бэра, наблюдать людей по возможности «без предвзятого мнения относительно количества и распространения человеческих племен и рас».[259] В течение следующих лет я надеюсь посетить еще несколько островов Меланезии и собрать там дополнительный материал по антропологии папуасов. Поэтому в ныне публикуемых заметках я избегал всяких предположений, сравнений и выводов.

Но один вывод напрашивается и теперь, после того, как повидал папуасов Новой Гвинеи (Берега Маклая и Доре), Новой Ирландии, негритосов Люсона (которые несомненно папуасы), жителей Новых Гебрид и Соломоновых островов, именно тот вывод, что раса папуасов распадается на несколько разновидностей, которые, однако, не обособлены резко одна от другой. Чипанас, сентябрь 1873 г.

Комментарии

Включенные в настоящее издание материалы не только рассказывают о реальной жизни среди аборигенов замечательного отечественного исследователя Н. Н. Миклухо-Маклая на островах Новой Гвинеи, но и дают возможность понять и прочувствовать, насколько его деятельность волновала, интересовала современное общество. Помещенные ниже дневники ученого, его официальные сообщения для прессы и Русского географического общества, письма-отчеты помогают «увидеть» и понять, что значила жизнь Н. Н. Миклухо-Маклая на Новой Гвинее, а также его наблюдения для научного мира, для ученых, изучающих первобытную, племенную культуру, для большинства антропологов, этнографов, для ведущих ученых, деятелей науки того времени.

Публикуемые дневники, документы в основном воспроизводятся по Собранию сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая в шести томах (т. 1. М.: Наука, 1990: Путешествия 1870–1874 гг. Дневники, путевые заметки, отчеты / Сост. Б. Н. Путилов, отв. ред. Д. Д. Тумаркин; т. 2. М.: Наука, 1993: Путешествия 1874–1887 гг. Дневники, путевые заметки, отчеты / Сост. Б. Н. Путилов и др., отв. ред. Д. Д. Тумаркин; т. 3. М.: Наука, 1993: Статьи и материалы по антропологии и этнографии народов Океании / Сост. А. Н. Анфертьев и др., отв. ред. Д. Д. Тумаркин). Перепечатка того или иного включенного текста по другому изданию особо оговаривается.

Все даты даются по новому стилю, как это принято в Собрании сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, а также в современных статьях и публикациях.

Письмо Л. Н. Толстого Н. Н. Миклухо-Маклаю. 25 сентября 1886 г. Письмо печатается по тексту, опубликованному в Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах (М., 1934. Т. 63. Письма 1880–1886 гг. С. 378–381).

Письмо Л. Н. Толстого впервые было опубликовано в «Неделе» (1888. № 15. 10 апреля. С. 487). Это письмо является ответом на письмо Н. Н. Миклухо-Маклая Льву Николаевичу от 19 сентября 1886 г., в котором исследователь писал: «Я случайно услышал, что Вы интересуетесь некоторыми эпизодами моих странствий. Не знаю, насколько это верно, но на всякий случай, рискуя даже показаться «навязчивым», посылаю Вашему сиятельству две брошюры, касающиеся моего пребывания в Новой Гвинее».

Ответное письмо Н. Н. Миклухо-Маклая. Санкт-Петербург, 29 января 1887 г. Письмо

печатается по тексту, опубликованному в сборнике «Человек с луны. Дневники, статьи, письма Н. Н. Миклухо-Маклая» (составительство, подготовка текста, комментариев и послесловие Б. Н. Путилова. М., 1982). Письмо интересно тем, что показывает, как глубоко и критически относился ученый к тексту подготавливаемых для печати описаний своего путешествия, как воспринимал советы и рекомендации таких современников, как Л. Н. Толстой.

Почему я выбрал Новую Гвинею полем моих исследований. Эта очень важная в теоретическом отношении статья была задумана еще на борту «Витязя» в марте 1871 г. и продолжена во время жизни в 1872 г. на берегу Новой Гвинеи. К сожалению, статья не была завершена, хотя ученый предполагал в ней обосновать и раскрыть основные задачи и проблемы антропологического и этнографического изучения жизни папуасов Новой Гвинеи. В наброске плана статьи Н. Н. Миклухо-Маклай писал: «Цель моя – уяснить положение папуасов относительно других рас и потом (находя главною задачей этнографическое положение папуасов) постараться определить распространение ее по собств. наблюдениям»

(Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. в 6 т. М.: Наука, 1993. Т. 3. С. 351).

В полном сохранившемся виде статья впервые была опубликована в 1939 г. в «Известиях Всесоюзного географического общества» (т. 71. Вып. 1–2. С. 284–287). В последующем этот текст был перепечатан в сборнике работ Н. Н. Миклухо-Маклая «Путешествия на Берег Маклая» (М.: Географгиз, 1956), во всех многотомных собраниях сочинений ученого. В настоящем издании текст воспроизводится по Собранию сочинений в 6 томах (т. 3).

Первое пребывание в Новой Гвинее на Берегу Маклая (от сентября 1871 г. по декабрь 1872 г.). Впервые эти материалы были опубликованы с сокращениями и поправками в 1923 г. Подготовкой рукописей к печати руководил после смерти Н. Н. Миклухо-Маклая замечательный ученый, академик Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923), географ, этнограф и археолог, основоположник антропологии в России, президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Д. Н. Анучин стремился бережно относиться к рукописям Н. Н. Миклухо-Маклая, но в то же время часто вносил свою правку, делал уточнения научного характера, дополнял текст исследователя-путешественника пояснениями, научными наименованиями растений и животных.

В последующие годы была продолжена работа над рукописями Миклухо-Маклая: окончательно установлен текст ученого, в ряде случаев восстановлен первоначальный вариант. Именно такие уточненные материалы опубликованы в современных собраниях сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая, а также в сборниках его исследований, проведенных на островах Новой Гвинеи.

Краткое сообщение о моем пребывании на восточном берегу острова Новая Гвинея в 1871 и 1872 гг. Краткий отчет, подготовленный для Императорского Русского географического общества, знакомил с первыми, очень трудными месяцами жизни Миклухо-Маклая в Новой Гвинее. В сокращенном виде под заголовком «Известия от г. Миклухо-Маклая» отчет был опубликован в «Известиях Русского географического общества» в 1873 г. (т. 9. № 6. Отд. 2. С. 203–207). Публикация не имела положенного предуведомления, текст подвергся произвольной правке, были изъяты материалы о трудностях жизни исследователя и т. п. Получив в мае 1875 г. этот номер «Известий РГО», Миклухо-Маклай с возмущением писал: «Если я

что делаю или

что говорю, то это

единственно для науки, т. е. для истины, которая

не требует и

не выносит

цензур» (Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. С. 427). В последующем все сообщения исследователя печатались без сокращений, полностью.

Следует особо отметить, что даже в столь урезанном виде первое сообщение путешественника привлекло внимание печати и повлекло за собой ряд статей в популярных журналах: «Живописное обозрение» (1875. № 44–45), «Нива» (1875. № 34) и др.

Извлечение из рапорта командира корвета «Витязь» о прибытии в залив Астролябия на Новой Гвинее и помещении Н. Н. Миклухо-Маклая на берегу. Впервые опубликовано в «Известиях Русского географического общества» в 1872 г. (Т. VIII. № 2. С. 88–90).

Второе пребывание в Новой Гвинее на Берегу Маклая (1874 г.). Текст печатается по Собранию сочинений в 6 томах (т. 1). Особо следует отметить, что Миклухо-Маклай не обратил внимания на разноречивость в написании географических названий, собственных имен (особенно это проявляется в использовании личных имен и географических названий в косвенных падежах:

капитан Мавара, капитан Мавары и под.). Этот разноречивый сохранился в собрании сочинений и закономерно перешел в наше издание.

Моя вторая экскурсия на Новую Гвинею (февраль-май 1874 г.). (Письмо г-ну секретарю Императорского Русского географического общества). Впервые опубликовано на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1874 г. (№ 277) под заглавием «Русский ученый в Новой Гвинее (Письмо г. Миклухо-Маклая г. секретарю Русского географического общества)». Перед статьей дано краткое редакционное примечание: «Считаем долгом заявить нашу искреннюю признательность даровитому и неутомимому путешественнику в деятельности которого русское общество принимает столь живое участие, и г. секретарю Географического общества за сообщение этого письма в нашу газету». (Данные и некоторые другие сведения почерпнуты из подробных, детальных комментариев к томам шеститомного Собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая.) Повторная полная публикация в «Известиях Русского географического общества» за 1874 г. (Т. 10. № 8. Отд. 2. С. 309–317).

Как отмечает составитель комментариев в шеститомном Собрании сочинений Б. Н. Путилов, в «очерках и статьях популярного характера, появившихся в русских журналах в 1875 г., было широко использовано это сообщение об экспедиции в Папуа-Ковиай (см.: Нива. 1875. № 34; Пчела. Русская иллюстрация. 1875. № 32; Живописное обозрение. 1875. № 44, 45 и др.).

Третье пребывание в Новой Гвинее на Берегу Маклая (июнь 1876 г. – ноябрь 1877 г.). Обычно данные материалы называют «Второе пребывание на Берегу Маклая», но мы, чтобы отличить их от «Второго путешествия в Новую Гвинею 1874 г.» и тем самым облегчить читателю восприятие публикуемого, назвали эти дневниковые записи «Третьим путешествием», что, по существу, соответствует действительности.

Одной из важных задач этого путешествия Н. Н. Миклухо-Маклай считал продолжение исследований по естествознанию, антропологии и этнографии. Впервые материалы о пребывании исследователя на Берегу Маклая в июне 1876 г. – ноябре 1877 г. были изданы в 1923 г. К сожалению, как показало последующее изучение этой публикации, Д. Н. Анучин сделал перекомпоновку частей, внес нежелательные поправки и т. п. Только в последних изданиях собрания сочинений ученого был восстановлен первоначальный текст. Именно он и публикуется нами.

Пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее (от июня 1876 г. по ноябрь 1877 г.)

представляет собой отчет Русскому географическому обществу. В кратком виде опубликован в «Отчете Императорского Русского географического общества за 1879 г.», в полном виде – в «Известиях Русского географического общества» (1880. Т. 16. Вып. 2. Отд. 2. С. 149–170).

Несколько дополнений о моем втором пребывании на Берегу Маклая в Новой Гвинее (1876–1877 гг.). Данные материалы были направлены близкому другу Александру Александровичу Мещерскому (о нем см. с. 632). На основании их была подготовлена статья в газете «Голос» (1880. 21 и 22 мая. № 140, 141), озаглавленная «Пребывание Н. Н. Миклухо-Маклая в Новой Гвинее в 1876–1877 годах (из письма г. Миклухо-Маклая)».

Последнее посещение Берега Маклая в Новой Гвинее (1883 г.). По указанным выше причинам в данном издании в заглавии по сравнению с текстом, приведенным в шеститомном Собрании сочинений путешественника, внесены изменения: вместо «Третье посещение Берега Маклая в 1883 г.» дается «Последнее посещение». Впервые материалы о посещении исследователем Берега Маклая в 1883 г. были изданы в 1923 г.

Чтения Н. Н. Миклухо-Маклая в Географическом обществе 29 сентября – 8 октября 1882 г. Чтение и «демонстрационные беседы» Н. Н. Миклухо-Маклая проходили в Императорском Русском географическом обществе в среду 29 сентября, понедельник 4 октября, среду 6 октября 1882 г. Программа чтений была опубликована заранее в нескольких петербургских газетах. При этом отмечалось, что исследователь расскажет о путешествиях 1871–1882 гг., т. е. о всем пребывании на Берегу Маклая. Фактически эти чтения давали возможность познакомиться со всеми основными этапами жизни Миклухо-Маклая среди папуасов, узнать, к каким научным выводам пришел ученый, увидеть реальные предметы быта папуасов, рисунки, воспроизводящие портреты отдельных представителей аборигенов, их дома, орудия труда, сцены из жизни.

Текст авторизованной стенограммы печатался на страницах газеты «Голос» за 1882 г. (№ 269, 299, 309, 311). Помимо этого, материалы чтений, сообщения о них, краткие изложения появились во многих периодических изданиях России. В связи с этим Н. Н. Миклухо-Маклай подготовил для печати специальное заявление: «М. Г.! Просмотрев несколько отчетов о моих чтениях и демонстрациях, я нашел так много неверностей всякого рода, доходящих в некоторых до искажения фактов, что считаю долгом известить тех из читающей публики, которые действительно интересуются антропологией и этнологией, что

единственно верный и просмотренный мною отчет о четырех чтениях – тот, который печатается в газете «Голос» (1882. № 276).

Пресса отмечала, что чтения привлекли внимание множества людей, в том числе не только членов Географического общества, но и молодежи, учащихся, и что на выступлениях ученого было большое количество женщин.

Антропологические заметки о папуасах Берега Маклая на Новой Гвинее. Впервые напечатано в журнале «Природа» за 1874 г. (кн. 2. С. 67–76), затем в «Путешествиях» Миклухо-Маклая 1823 г. Статья также появилась на немецком языке в голландском журнале «Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie». 1873. Deel XXXIII.

В настоящем издании статья печатается по тексту, опубликованному в книге:

Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия на Берег Маклая / Отв. ред. Н. А. Бутинов. М.: Географгиз, 1956. С. 324–342.

Примечания

1

Величина Новой Гвинеи еще в точности не определена. Господствуют два мнения: одно предполагает ее равную 10 800 кв. миль, другое – 13 0001. Мы получим лучшее представление о ее величине, сравнивая ее с расстояниями в Европе: длина Новой Гвинеи равняется приблизительно расстоянию от Гибралтара до Амстердама и большая ширина – ширине Пиренейского полуострова от Валенсии до Лиссабона (или от Парижа до Триеста) (см.:

Finsch O. Neu-Guinea und seine Bewohner. Bremen, 1865. S. 12). В «Petermann's Geographische Mitteilungen» (1869. Taf. 20) находится карта Новой Гвинеи &и&t; карта западной части Европы в том же масштабе для сравнения: по ней Новая Гвинея соответствует приблизительно Австрии.

2

Д. Б. Юкс

(Jukes J. B. Narrative of the Surveying Voyage of H. M. S. «Fly». 1842–1846. London, 1847. Vol. 1. P. 29) говорит о Новой Гвинее, что не знает части света, исследование которой так льстит воображению, вероятно, так богата интересными результатами для натуралиста, этнолога, географа и для всех вместе, которое, по всей вероятности, так вознаградит просвещенное любопытство смелого исследователя, как внутр. Новой Гвинеи. Далее он восклицает, что теперешние сообщения делают внутренность Новой Гвинеи подобной волшебным странам арабских сказок, так покрыты темнотой она и чудеса, которые в ней сокрыты.

А. Р. Валлас говорит про Новую Гвинею, что ни одна страна земного шара не представляет таких своеобразных, новых и красивых произведений природы, как Новая Гвинея

(Wallace A. R. Der Malayische Archipel. Deutsche Ausgabe von Meyer. Braunschweig, 1869. Bd. 2, S. 293), и далее &и&t;он называет&t; Новую Гвинею самую большую terra incognita, которую остается исследовать естествоиспытателям.

3

Новая Гвинея открыта, вероятно (сведения не вполне достоверны), португальцем де Менезесом между 1526 г.

&и&t;в рукописи зачеркнуто: – 28&t;. Имя же «Новая Гвинея» было дано Торресом-и-Ортелесом де Рецом в 1545 г., во 2-е их плавание, вследствие «темного и курчавоволосого населения», которое они нашли схожим с африканскими неграми. У Бэра

(Baer K. von. Ueber Papua und Alfuren//M?moirs de l'Acad?mie Imp?riale des Sciences de St.

Petersbourg. Sixième série. Sciences Naturelles. 1859. T. 8. S. 275; также отд. перепечат.) сказано, что Менезес, должно быть, был на острове западнее Новой Гвинеи, а что испанский мореплаватель Alvar de Saavedra открыл северный берег Новой Гвинеи и он же, судя по некоторым испанским источникам (Nevera), назвал вследствие курчавоволосости жителей Новой Гвинеею.

4

Перечень мореплавателей и ученых, посетивших берега Новой Гвинеи, дает на первых страницах Finsch в вышеприведенном сочинении. Здесь да будет достаточно заметить, что самую большую заслугу по исследованию северо-восточного, северного и западного берегов Новой Гвинеи имеют голландские мореплаватели, между тем как южный берег описан англичанами. Восточный берег определил Дампиер (открывший мыс Короля Вильяма) и просмотрел Дюмонд-Дюрвиль, открывший два значительных залива – Astrolab и Гумбольдта.

5

Waitz Th Anthropologie der Naturvölker. T. V. Leipzig, 1865. S. 1.

6

Вышед из Кронштадта 27 окт. (ст. ст.) 1870 г. и заходя в Копенгаген, Плимут, о. Мадеру, о. С. Винцент (один из о-вов Зеленого Мыса), Рио-де-Жанейро, Пунто-Аренас и бухту Св. Николая в Магеллановом проливе, Талькахуано, Вальпарайзо, о. Рапа-Нуи, о. Мангареву, Папеити (на о. Таити), Апию на о. Уполу, одном из о-вов Самоа, о. Ротуму и Port Praslin (на о. Новой Ирландии), мы на 346-й день увидели берег о. Новой Гвинеи.

7

Горы Финистер (или, как туземцы называют их, Мана-Боро-Боро), достигающие высоты с лишком 10 000 фут, тянутся параллельно берегу, т. е. в WNW направлении, и представляют род высокой стены, круто поднимающейся от моря, так как высочайшие вершины их находятся приблизительно милях в 40 от него. Влажный воздух, встречая эту стену, поднимается и, охлаждаясь, образует облака, которые мало-помалу закрывают часов в 10 или 11 утра весь хребет, за исключением более низких гор (1500 или 2000 фут вышины). Накопившиеся в продолжение дня облака должны разрешиться к ночи, при быстром понижении температуры, сильным ливнем, сопровождаемым обыкновенно грозой. Таким образом, к утру облака снова исчезают с гор, и хребет Финистер бывает виден во всех деталях.

8

Светло-зеленый цвет оказался цветом высокой травы (разные виды Imperata) на поляне по скатам гор.

9

Вписано Д. Н. Анучиным.

10

Вписано Д. Н. Анучиным.

11

Мыс Дюпере, названный так Дюмон д'Юрвилем, оказался не мысом материка Новой Гвинеи, а одним из островков архипелага, который я впоследствии назвал архипелагом Довольных людей.

12

В 1883 г. > П. Н. Назимов был произведен в контр-адмиралы.

13

Вписано Д. Н. Анучиным.

14

У самого берега глубина была несколько сажень.

15

Вписано Д. Н. Анучиным.

16

Вписано Д. Н. Анучиным

17

Вписано Д. Н. Анучиным

18

Вписано Д. Н. Анучиным.

19

Вписано Д. Н. Анучиным.

20

Вписано Д. Н. Анучиным.

21

Вписано Д. Н. Анучиным.

22

Мне кажется здесь подходящим объяснить, что я это сделал вследствие следующего обстоятельства. Когда перед уходом корвета «Витязь» из Кронштадта е. и. в. вел. кн. Константин Николаевич 17 октября 1870 г. осматривал суда, отправляющиеся в Тихий океан (корвет «Витязь», клипер «Изумруд», лодки «Ермак» и «Тунгуз»), е. и. в. при осмотре корвета зашел и в мою каюту, где, между прочим, великий князь милостиво спросил меня, не может ли он что-либо для меня сделать. На это я отвечал, что все, что я желал, уже сделано, так как я уже нахожусь на корвете, который перевезет меня на берега Новой Гвинеи, и что мне остается только выразить мою глубочайшую благодарность е. и. в. за помощь моему предприятию. Когда же великий князь предложил еще раз подумать, не надо ли мне чего, мне пришла мысль, которую я выразил приблизительно в следующих словах: «Вашему и. в. известно, что так как цель моего путешествия в Новую Гвинею – научные исследования этого малоизвестного острова, то для меня очень важно, чтобы результаты моих исследований и открытий не пропали для науки. Ввиду того, что я не могу сказать заранее, как долго мне придется прожить в Новой Гвинее, так как это будет зависеть от местной лихорадки и от нрава туземцев, я принял предосторожность запастись несколькими медными цилиндрами для манускриптов разного рода (дневников, заметок и т. п.), которые в этих цилиндрах могут пролежать зарытыми в земле несколько лет. Я был бы поэтому очень благодарен е. и. в., если можно было бы устроить таким образом, чтобы судно русское военное зашло через год или несколько лет в то место берега Новой Гвинеи, где я останусь, с тем чтобы, если меня не будет в живых, мои рукописи в цилиндрах были бы вырыты и пересланы имп. Русск. Географическому обществу». Выслушав меня внимательно, е. и. в., пожимая мне на прощанье руку, сказал, что обещает не забыть ни меня, ни мои рукописи в Новой Гвинее.

Помня это обещание е. и. в. генерал-адмирала, я выбрал подходящее место для зарытия цилиндров и указал его офицерам «Витязя».

23

Вписано Д. Н. Анучиным.

24

Это вкладывание пальца, иногда и двух, в рот оказалось очень характерным и общим выражением удивления между туземцами.

25

Вписано Д. Н. Анучиным.

26

Вписано Д. Н. Анучиным.

27

Я постоянно замечаю, что для отыскания подходящего листа туземцы уходят в лес и возвращаются с каким-нибудь листом, но не всегда одинаковым.

28

Вписано Д. Н. Анучиным.

29

Имеется в виду 9 ч вечера: ср. ниже запись о вечерних наблюдениях.

30

«Чарки» – чилийское название сушеной говядины, привезенной мною из Вальпарайзо.

31

Вписано Д. Н. Анучиным.

32

...я целиком погрузился в созерцание роскошных таинственно-фантастических окрестностей (нем.).

33

Вписано Д. Н. Анучиным.

34

Вписано Д. Н. Анучиным.

35

Вписано Д. Н. Анучиным.

36

Вписано Д. Н. Анучиным.

37

Оставлено место для слов на языке бонгу.

38

Оставлено место для слов на языке бонгу.

39

Я до сих пор не стрелял из ружья или револьвера в присутствии туземцев. Звуки выстрелов, когда я убиваю птиц в лесу, они не соединяют с понятием о смертоносном оружии.

40

Вписано Д. Н. Анучиным.

41

Вписано Д. Н. Анучиным.

42

Оставлено место для текста.

43

Оставлено место для текста.

44

Рисунок не сохранился.

45

«Эту жизнь очень жалкой» (нем.).

46

прическа (от фр. coiffure).

47

Рисунок не сохранился.

48

Доступных единственно для мужчин, как я узнал впоследствии.

49

Оставлено место для текста.

50

Которая оказалась так называемой *foliorum vagina* <влагалищем листа> арековой и других пальм.

«Влагалищем листа» вписано Д. Н. Анучиным.

51

Оставлено место для текста.

52

Оставлено место для названия.

53

Оставлено место для текста.

54

Бурные потоки, полноводные реки (от *um. fiumam, fiumana*).

55

Вписано Д. Н. Анучиным.

56

Оставлено место для названия.

57

Оставлено место для названия.

58

Оставлено место для названия.

59

Оставлено место для названия.

60

Оставлено место для названия.

61

Оставлено место для названия.

62

Оставлено место для названия.

63

Оставлено место для названия.

64

Вписано Д. Н. Анучиным.

65

Оставлено место для названия птицы.

66

Оставлено место для названия.

67

Набросок не сохранился.

68

Оставлено место для названия.

69

Оставлено место для названия.

70

Оставлено место для названия.

71

Оставлено место для названия.

72

Оставлено место для названия.

73

Оставлено место для названия.

74

Оставлено место для названия.

75

Оставлено место для названия.

76

Оставлено место для названия.

77

Оставлено место для текста.

78

Оставлено место для текста.

79

Оставлено место для названия.

80

Оставлено место для названия.

81

Оставлено место для названия.

82

В точности я не мог определить, где живут эти люди; мне известно только, что где-то за рекою, около Марагум-Мана и составляют не одну, а много деревень.

83

Похмелье (нем.).

84

Оставлено место для названия.

85

Оставлено место для имени.

86

Оставлено место для названия.

87

Оставлено место для названия.

88

Д. И. Анучиным исправлено на более точное: гипсотермометр.

89

Оставлено место для названия.

90

Оставлено место для текста.

91

Холмы, кучи, груды (лат.).

92

Оставлено место для названий.

93

Вписано Д. Н. Анучиным.

94

Оставлено место для названия.

95

Кроме указывания рукою или кивком головы по какому-нибудь определенному направлению, туземцы иногда заменяют эти жесты высовыванием кончика языка то направо, то налево, смотря по местонахождению указываемого предмета.

96

Оставлено место для текста.

97

Оставлено место для текста.

98

Кто спит, тот обедает; спящий хлеба не просит (франц.).

99

Оставлено место для названия.

100

Оставлено место для названия.

101

Оставлено место для текста.

102

Я таким образом называю берег Новой Гвинеи вокруг Астролаб-Бай и бухты с архипелагом Довольных людей по праву первого европейца, поселившегося там, исследовавшего этот берег и добившегося научных результатов.

103

Здесь— «новичок» (лат.).

104

Я пишу, следуя малайскому произношению, «радьа», а не «раджа», которое некоторые русские авторы пишут, следуя английскому произношению слова.

105

Оран-алифуру – название, распространенное у малайцев, жителей Серама, и перенятое также и здешними жителями вообще для обозначения туземцев гор или материка, в отличие от жителей прибрежных.

106

Гортань (лат.).

107

Хонгами называются морские экспедиции, предпринимаемые султанами Тидора и Тернате для собирания по берегам Новой Гвинеи дани, которую вышеназванные султаны считали себя вправе взимать.

108

Оставлено место для названия разновидности голубя.

109

Пара

(фр.).

110

Песчаный берег по-малайски.

111

Оставлено место для названия.

112

Оставлено место для названия.

113

Правильно: pinang-utan.

114

Оставлено место для текста.

115

Оставлено место для текста.

116

Гроздевидные груди папуасских девушек. – Малый рост и склонность к ожирению. – Папуасские дети ? и ?

имеют курчавые волосы и скорее более папуасский – другие же более малайский тип. Один экземпляр с Серам-Лаута особенно примечателен благодаря тому, что папуасский тип почти не заметен, но у матери – очень ярко выраженный папуасский тип (пер. А. Н. Анфертьева).

117

Соски? (лат.).

118

За (лат.).

119

Урумбай – большая непалубная лодка, с каютой в виде хижины посередине. Борт урумбая не выше 1 1/2 фута от ватерлинии, нос и корма заострены и высоки. Урумбай, общеупотребляемое судно в Молуккском архипелаге, бывает очень различной величины; мой урумбай мог поднять не более 2 тонн груза.

120

Ахмат, папуасский мальчик лет 12-ти, был подарен мне в январе 1873 г. султаном Тидорским. Пробыв около 5 месяцев на клипере «Изумруд», он выучился говорить по-русски, и я до сих пор не говорю с ним иначе, как на этом языке. Хотя он имеет очень незначительную

склонность к послушанию, он бывает мне полезен, будучи сметлив и расторопен.

121

Масой – кора дерева из семейства лавровых, употребляется на Востоке как лекарство.

122

Папуасы Лакаия часто испытывали нападение хонгий султана Тидорского и папуасов Оним, что сделало их очень подозрительными и злобными.

123

Морские экспедиции многочисленных пирог с целью убийств, грабежа и добытая рабов.

124

Только у горного населения Папуа-Ковиай я встретил собак, береговые жители не имеют даже и этого домашнего животного. Так как и в горах собак очень немного, то их не употребляют в пищу, как на Берегу Маклая.

125

Атап – пласты особенным образом связанных листьев ниповой или саговой пальмы; употребляется в Ост-Индском архипелаге для покрытия крыш и иногда для стен хижин.

126

Мне указали на молодого туземца, который только что родился, когда случилась катастрофа в Аралу; ему не могло быть более 20 лет.

127

Подобный же пример случился на о. Луб в 1875 г. и был сообщен мною в моем письме имп. Русскому геогеогр. обществу, напечатанном в «Известиях» общества в томе XV, стр. 43.

128

В слове «билен»

ен произносится в нос, как французское

і и

in.

129

Вписано Д. Н. Анучиным.

130

Оставлено место для названия.

131

Я много раз и от других туземцев слышал название Корогу, но не мог добиться, где находится этот остров. Мне кажется положительно, что из теперь живущих жителей Берега Маклая никто там не бывал и единственно слышал от отца или деда это имя.

132

Этот камень был не что иное, как каменный наконечник булавы, которые употребляются на южном берегу Новой Гвинеи, а также на некоторых островах Луизиады.

133

Оставлено место для названия.

134

Оставлено место для названия.

135

Губ, как я уже имел случай заметить, не что иное, как так называемые [листовые влагалища] разных видов пальм.

136

Жителями других деревень река эта называется Гуан или Вай.

137

Оставлено место для названия.

138

Обе стороны имеют, или думают иметь, многих союзников, почему боятся идти в каждую деревню, об которой не знают положительно, что она дружественная. Таким образом случается, что нейтральные деревни подолгу считаются союзниками противной стороны.

139

Достоинно внимания, что обычай выселяться из местностей, где произошел один, а тем более несколько смертных случаев и который я нашел в силе между меланезийскими номадными племенами о. Люсона, Малайского полуострова и западного берега Новой Гвинеи, встречается также и здесь среди оседлых жителей Берега Маклая, дорожащих своей собственностью.

Покидая Берег Маклая в ноябре 1877 г., я не думал, что жители Горенду приведут в исполнение свое намерение выселиться. Вернувшись туда в мае 1883 г. на корвете «Скобелев» и посетив Бонгу, я по старой тропинке отправился оттуда в Горенду. Тропинка сильно заросла; на ней, очевидно, ходили мало. Но, придя на то место, где находилась старая деревня Горенду я положительно не мог сообразить, где я. Вместо значительной деревни, большого числа хижин, расположенных вокруг трех площадок, я увидел только две или три хижины в лесу – до такой степени все заросло. Куда расселились тамо-Горенду, я не успел узнать.

141

Оставлено место для названия.

142

У большинства туземных построек на этом берегу крыша опускается почти что до земли, так что образует также и стены хижины.

143

Это сообщение написано мною в октябре месяце 1877 г. в Бугарломе, на Берегу Маклая; но, будучи написано неразборчиво, на многих разнородных лоскутах бумаги (по случаю недостатка ее), не могло быть послано в этом виде Имп. Русскому геогр. обществу; продолжительное нездоровье мое в Сингапуре в 1878 г., а затем работы в Австралии помешали переписать его. Только теперь в море я нахожу иногда возможность, когда качка и людской шум не препятствуют, заниматься машинальной работой переписки. Я предпочел оставить сообщение

без изменений, дополнив его только несколькими примечаниями.

144

Причины эти изложены в моем письме князю Ал. Ал. Мещерскому, которого перевод находится в одном из номеров итальянского журнала «Cosmos» за 1877 г.

145

N. von Miklucho-Maclay. Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea, II//Natuurkundig Tijdschrift... 1876. Я отдал тогда в печать этот 2-й выпуск примечаний, потому что не знал, сколько времени я останусь в Новой Гвинее и даже придется ли мне вернуться.

146

Прислуга при такой экспедиции должна быть набрана главным образом из иг-туземцев этого Берега по многим причинам; из них главные: во-первых, постоянные войны между деревнями, большая раздробленность населения, отсутствие безопасности в чужих деревнях делают туземцев

<далее зачеркнуто: которых вообще нельзя назвать трусливыми> весьма боязливыми вне собственной территории или участка ближайшей дружественной деревни; во-вторых, их припасы (таро, ямс и т. п.) слишком неудобопереносимы (громоздки) и тяжелы при пешеходных экспедициях, а они не хотят заменить свою традиционную пищу другою (например, рисом и т. п.); в-третьих, туземцы моего Берега, не быв в сношении с белыми и не имея в своем общественном устройстве подобного отношения, как отношение слуги к господину, весьма неясно понимают условия такого договора, почему всякая дисциплина, необходимая при дальней экспедиции в страну с незнакомым населением, весьма затруднительна и почти что невозможна; наконец, в-четвертых, здесь семейные связи очень препятствуют набору людей, некоторые даже в последний момент могут поддаться просьбам, уговору, слезам матери, жены, детей и т. п.

147

В доказательство каждого пункта я мог бы привести примеры из собственного опыта, но удерживаюсь, считая эти комментарии по своему объему здесь неуместными.

148

Бугарлом – туземное название места, где стоит мой домик.

149

Мое мнение об антропологических наблюдениях, которыми большинство путешественников принуждены ограничиваться, я сообщил в моем письме г. проф. Р. Вирхову, напечатанном в «Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte» за март 1878 г.

150

По программе г. проф. Вирхова (Anleitung zu Wissenschaftlichen Beobachtungen auf Reisen. Berlin, 1875. S. 585).

151

Не только скелеты, но и все тело умерших меланезийцев, с немногими трудностями, можно получать иногда в госпиталях Нидерландских колоний, в Австралии, Новой Каледонии и др.

152

Эта скрытность, основанная на трудно преодолимой недоверчивости характера, может привести легко к ряду ошибочных наблюдений.

153

Хотя я говорю по-папуасски порядочно, но во многих случаях мое знание оказывается все еще весьма ограниченным.

154

Туземцы трудно или совершенно не понимали, «на что» мне хочется знать все эти подробности об их обычаях и обыденной жизни; убедясь, что я не могу уличить их во лжи, отвечали большею частью только из вежливости, чтобы отделаться каким-нибудь ответом. Я много раз натыкался также на людей, которые сами не знали подробно процедуру обычая; и не всегда легко бывает найти действительно компетентный источник. Другая причина (помимо затруднения ставить вопросы), что при расспрашивании туземцев о каком-либо обычае следует быть весьма осторожным, – та, что они очень склонны отвечать на все вопросы «да» или так неясно, что приходится почти что угадывать, что они хотят сказать; а станешь угадывать 9 шансов из 10 впадаешь в ошибку.

155

Так, например, «мулум» (обряд обрезания) производится сообразно с числом подрастающих мальчиков нескольких соседних деревень 1 раз в 6 или 7 лет, так что вряд ли мне придется видеть собственными глазами эту операцию, сопряженную с очень многими церемониями.

156

Например, в том случае, когда, сделав из нескольких наблюдений слишком поспешный вывод, натыкаешься неожиданно на факт, который разрушает созданную теорию.

157

Туземное название мыса, где стояла моя хижина в 1871–1872 гг.

158

Безопасность для туземцев разных деревень пока еще «*pia desideria*» [Заветные мечты, благие пожелания (лат.)] на моем Берегу. Не говоря уже о горных жителях (которые считаются особенно воинственными), но между береговыми положение дел таково, что ни один туземец, живущий у мыса Дюпере, не осмеливается дойти, следуя вдоль морского берега, до мыса Риньи, что составляет 2 или 2 1/2 дня ходьбы.

159

Весьма удобную якорную стоянку для судов средней величины среди островов архипелага этого, без трудности доступную несколькими достаточно глубокими и широкими проходами, я позволил себе назвать Портом вел. кн. Алексия.

160

Эта экспедиция почти что состоялась, когда приход шхуны помешал осуществлению этого плана.

161

Замечательно, что единственно эти 2 деревни (Били-Били и Ямбомба) занимаются

горшечным производством. По всему Берегу Маклая они не имеют конкурентов. Распространение этого производства по берегам Новой Гвинеи представит, когда будет узноано, интересный этнографический результат.

162

Он задувал различно между 9 и 11 часами утра и спадал между 4 и 6 часами вечера, редко он продолжал дуть после захода солнца.

163

Я заметил при этом расспрашивании, что мой вопрос многим туземцам казался весьма странным. К чему добывать его, если они уже имеют его? Если он потухнет в одной хижине, то в другой он горит или тлеет; если он каким-либо образом погаснет во всех хижинах деревни, то он найдется в соседней! К чему же добывать его, искать то, что есть! Это был ход их мыслей, смысл их ответов.

164

Имей я подходящую для многодневного плавания достаточно большую шлюпку и наемных людей (не папуасов), я, разумеется, отправился бы далее; но в таком случае сомневаюсь, что меня бы так же мирно встречали, как между Бугарлом и Телят благодаря моим туземным спутникам. Без них я не видал бы 1/4 того, что мне удалось видеть.

165

Г. капитан Морезби был так любезен, что прислал мне в мае прошлого года карты своих съемок восточного берега Новой Гвинеи с приложением нескольких номеров «Hydrographic Notice». Но, к сожалению, береговой контур от мыса короля Вильяма до мыса Риньи (на этой карте) имеет так мало деталей, что мне будет весьма трудно согласить мои заметки 1877 г. (которые остались в Сингапуре!) с картою, которую имею перед глазами.

166

Туземные имена островов Рук, Лотин и Лонг; но так как мне не пришлось увидеть их, то не знаю, какое туземное имя соответствует английским названиям на картах.

167

Я надеюсь встретить капитана Морезби при моем возвращении в Европу, и, может быть, из разговоров с ним мне удастся решить, разъяснить остающиеся недоумения.

168

Перед концом сухого времени года (в июле и августе) папуасы обыкновенно жгут унан (Sachagum Konigii), главным образом для охоты на диких свиней, почему они сопоставляют обыкновенно эти два удовольствия: «унан барата – буль уяр!»

169

Я называю (или, если угодно, осмеливаюсь называть) Берегом Маклая часть северо-восточного берега Новой Гвинеи, между мысами Эремпи и Телята, или, соображаясь с картами, приблизительно от мыса Круазиль до мыса короля Вильяма. Очень сожалею, что, не имея с собою моих записок и дневника 1876–1877 гг., нахожусь пока в невозможности приложить картографический эскиз Берега Маклая.

170

Я уже сказал, что эта экспедиция по случаю отъезда моего в ноябре не состоялась.

171

Сплю я здесь обыкновенно от 9, редко 10 час. вечера до 5 час. утра, на сиесту (от 1 1/2 – 2 1/2 час. пополудни) требуется еще 1 час; к этим 8 или 9 часам сна на еду (3 раза в день) уходят около 1 1/2 часа, так что около 13 час. остается на работу. Это распределение времени нарушается во время экскурсий.

172

«Оним» называется заговоренный предмет с какою-нибудь целью; всякое лекарство также называется оним.

173

Обе стороны имеют или думают иметь многих союзников, почему боятся идти в каждую деревню, об которой не знают положительно, дружественная она или нет, считая нейтральные за союзников своих противников.

174

Барла – большая, открытая с обеих сторон хижина, преимущественно предназначенная для мужчин.

175

Тот самый, который приходил при постройке матросами корвета «Витязь» моей хижины в Гарагаси в сентябре 1871 г. и уверял, что меня убьют, когда корвет уйдет.

176

Мана – гора, тамо – человек или люди. Мана-тамо – люди гор.

177

Не помню латинского названия грибка, который причиняет эту болезнь кокосовых пальм, при которой листья мало-помалу желтеют, затем делаются красными и дерево умирает. Эта болезнь очень часто встречается в Малайском полуострове, на Яве и многих других местностях.

178

Достоинно внимания, что этот весьма распространенный обычай – не оставаться в местностях, где случился один или тем более несколько смертных случаев, который был сообщен многими путешественниками в разных странах, который я нашел в силе между меланезийскими номадными племенами о. Люсона, Малайского полуострова, западного берега Новой Гвинеи, встречается также между оседлыми, дорожащими своею собственностью жителями Берега Маклая.

179

По случаю моего отъезда в ноябре я и теперь не знаю, приведен ли этот проект выселения в исполнение; или, предполагая, что в моем отсутствии им нечего бояться тангрин вследствие войны, ярые приверженцы войны, сделав набег на одну из горных деревень и убив 2 или 3 горцев, думают, что задержали дальнейшее приготовление онима и остались жить в Горенду.

180

См.:

N. de M. -Maclay. Mijn Verblijf aan de Oostkust van Nieuw-Guinea in de Jaren 1871 en 1872 в «Natuurkundig Tijdschrift...», Batavia, 1873 – голландский перевод моего сообщения, полнее напечатанного в «Известиях ИРГО»(Имеется в виду «Краткое сообщение о моем пребывании на восточном берегу о. Новой Гвинеи в 1871 и 1872 годах».).

181

Примеров слишком много, и они, полагаю, достаточно известны, чтобы приводить их здесь! Вера и репутация сверхъестественности белых продолжалась в большинстве случаев очень недолго: ром и тому подобные слабости обличали скоро их земное происхождение.

182

Может быть, со временем, если найдется время и настроение, расскажу несколько сюда относящихся случаев.

183

На днях произошел весьма курьезный и характеристический разговор между одним старым туземцем Бонгу и мною. Придя в обычное время в деревню, я вошел в барлу, в которой происходил громкий, оживленный разговор, который оборвался при моем появлении. Очевидно, туземцы говорили обо мне или о чем-нибудь, что желают скрыть от меня. В барле, кроме жителей Бонгу, были гости из деревень Богатим и Били-Били. Я сел. Все молчали. Наконец, мой приятель Саул, которому я всегда доверял более других и с которым нередко разговаривал о разных трансцендентальных сюжетах, подошел ко мне и, положив руку мне на плечо (что было более выражение дружбы и просьбы, чем простая фамильярность,

которую я имею обыкновение исключать в моих отношениях с туземцами), заглядывая мне в глаза, спросил меня масляным голосом: «Маклай, скажи, можешь ты умереть? Быть мертвым, как люди Бонгу, Богатим, Били-Били?» Вопрос удивил меня своею неожиданностью и серьезным, хотя просительным тоном, которым он был сказан. Выражение физиономий желающих услышать мой ответ присутствующих показало мне, что не один Саул спрашивает. На ясный вопрос следовало дать ясный ответ, но который следовало обдумать минуту. Тем более обдумать, что туземцы знают, убеждены, что Маклай не говорит неправды. «Балан-Маклай-худи» (слово Маклая одно) вошло между ними в поговорку, в верности которой им никогда не приходилось сомневаться. Скажи я «нет», пожалуй, завтра или через несколько дней случай уличит Маклая во лжи. Скажи я «да», я поколеблю сам – и значительно – мою репутацию, которая особенно важна для меня теперь, несколько дней после моего запрещения войны. Эти соображения промелькнули гораздо скорей, чем потребовалось времени написать последние строки о них. Чтобы иметь эту минуту обдумать ответ, я встал и прошелся в длину барлы, как бы ища что-то (собственно, я искал ответа). Наконец, я нашел искомое. Остановившись, я снял с подвесок у стены солидное папуасское копье. Я выбрал нарочно самое тяжелое. Я вернулся тогда к Саулу, который, следя за моими движениями, стоял посреди барлы. Я подал ему копье, а сам, отойдя несколько шагов, остановился против него. Сняв тогда шляпу, которой широкие поля скрывали лицо (чтобы туземцы могли по выражению лица видеть, что Маклай не шутит и не моргнет, что бы ни случилось), сказал: «Попробуй! Посмотри, могу ли я умереть!» Недоумевающий Саул, хотя понял теперь смысл поданного копья и моего предложения, не подняв даже его, первый заговорил: «Арен! Арен!» (нет! нет!), между тем как несколько из присутствующих бросились ко мне, как бы желая загородить меня от копья Саула своим телом. Простояв еще несколько времени, ожидая пробу Саула и назвав его даже шутливым тоном «бабою», я сел между туземцами. Ответ оказался удовлетворительным, так как никто и ни разу после этого случая не спрашивал, могу ли я умереть.

184

Это была причина, как я узнал теперь, что в 1871 г. в продолжение с лишком 4 месяцев туземцы скрывали от меня своих жен и детей, что еще и теперь случается в горных деревнях.

185

Да извинят г-да дерматологи мне это чересчур общее название: пока не могу приискать в памяти более специального, подходящего к физиономии болезни, которая, вызванная ничтожными ушибами, царапинами, трением обуви, одежды и т. п., перешла в значительные, хотя поверхностные раны, нарывы, сопряженные опухолью желез и т. п.; вероятно, основная причина всех этих «приятностей» были не ушибы и царапины, а общая анемия вследствие не подходящей белому туземной пищи, на которую я обречен обстоятельствами.

186

Судно

не должно прийти

нарочно для меня одного из Сингапура, но, посещая торговые станции этой фирмы на островах Тауи, Агомес, Каниес, собственно

зайти за мною на Берег Маклая.

187

Я получил мои письма, прибыв в Сингапур в конце января 1878 г., так что пробыл этот раз

23 месяца

без писем.

188

Это обстоятельство, принудив меня употребить главным образом туземную пищу, имело для моего здоровья очень серьезные последствия и было главным образом причиной почти 7-месячной болезни в Сингапуре.

189

Запоздание шхуны имело, как я узнал впоследствии, весьма трагические последствия для 5 белых тредоров, поселенных на островах. Трое были, вероятно, убиты (1 – на о. Тауи, 2 – на группе Каниес), а двое ограблены и прожили несколько месяцев в очень неприятном положении.

190

«Преодолевать препятствия – вот истинное наслаждение его существования на земле; какого порядка ни были бы эти препятствия – материального ли, как при занятии торговлею и ремеслом, или умственного, как при изучении или исследовании, – борьба с ними и победа осчастливливают»

<Шопенгауэр>.

191

Так, например, чтоб пополнить истощающийся запас бумаги, я принужден был вырвать из всех моих книг с переплетом первый и последний лист белой бумаги; для рисунков не особенной важности употреблять оберточную бумагу, конверты старых писем, планки из бамбука и тому подобное.

192

В ноябре, декабре и январе я видал иногда здесь ночью такие шквалы, что судно без запаса двух якорей с солидными цепями едва ли осталось бы на якоре.

193

Туземное название этого дерева «эглам».

194

Листья саговой пальмы считаются самыми прочными для крытия крыши.

195

Впоследствии я переменял это мнение, и мне пришлось отказать этому человеку в Сингапуре как отъявленному вору. —

Позд. прим.

196

Из расспросов туземцев я узнал, что курение табака, как и самое растение, распространилось на Береге Маклая в сравнительно недавнее время; теперешние жители образуют второе поколение, которое курит табак. Люди лет 45 или 50 говорили мне, что их отцы в молодости еще не курили. Табак (по-папуасски «казь») был получен от туземцев, живущих на западе.

197

Жевание кусков плода арековой пальмы с известью и листьями бетеля (*Piper betle*), процесс, называемый туземцами «кау уяр» (есть кау), по словам их, очень старое обыкновение, о введении которого никто не помнит и не знает.

198

Я нарочно выбрал для этой экскурсии дикую местность в горах, без деревень.

199

Последствия такого счастливого случая (в Тихом океане, как известно, весьма нередко случается, что пироги, находясь в значительном расстоянии от какого-нибудь острова, застигнутые штилем, течением, заносятся далеко в море, где погибают или достигают иногда отдаленных островов) могли бы быть для меня весьма курьезны, если б попал на один из островов, как Кар-Кар или Ваг-Ваг. Пребывание там было бы во всяком случае интересно. Эти острова, не будучи еще никогда посещены белыми, вполне неизвестны; но весьма сомнительно, чтоб мне удалось когда-нибудь выбраться оттуда, особенно с о. Ваг-Ваг.

200

Возражения вроде того, что темные расы как низшие и слабые, должны исчезнуть, дать место белой разновидности *Species Homo* [человеческого вида], высшей и более сильной, мне кажется, требуют еще многих и многих доказательств. Допустив, однако, это положение, извиняя тем истребление темных рас (оружием, болезнями, спиртными напитками, содержанием их в рабстве и т. п.), логично идти далее, предложить и в самой белой расе начать отбор всех неподходящих к принятому идеалу представителей единственно избранной белой расы; для того чтоб серьезными мерами помешать этим «неподходящим экземплярам» оставить дальнейшее потомство, логично ратовать за закон: чтоб всякий новорожденный, не дотягивающий до принятой длины и веса, был устранен, и т. п.

Дойдя при помощи беспристрастного наблюдения до противного положения, что части света с их различными условиями жизни не могут быть заселены одною разновидностью *Species Homo*, с одинаковым организмом, с одинаковыми качествами и способностями, додумавшись, что поэтому существование многих рас совершенно согласно с законами природы, придется признать за представителями этих рас права людей, согласиться, что истребление темных рас не что иное, как применение грубой силы, и что каждый честный человек должен осудить или, если может, восстать против злоупотреблений ею.

Простите, что я остановился так долго на теме, слишком ясной для каждого беспристрастного, не ослепленного высоким мнением о совершенствах расы, к которой он сам имеет счастье принадлежать и для которого так подходят слова Епихарма:

... Так кажется собаке – пес

Прекраснейшим созданием, так бык – быку,

Осел – ослу и свинья – свинье.

201

A. Schopenhauer. Parerga und Paralipomena, 2-te Aufl. Bd. 1. S. 355 (В царстве интеллигенции нет места боли – там все познание. – Нем.) (Приведенный в тексте перевод принадлежит Миклухо-Маклаю. Более точный перевод: «В царстве интеллекта нет места для скорби, здесь – всё познание».).

202

Придя недавно в деревню, в которой я провел одну ночь как-то в 1871 г., я заметил висящий в барле обломок сучковатой палки, которой форма мне показалась знакома. Видя, что я обратил внимание, один из присутствовавших туземцев предупредительно напомнил мне, что это была моя палка, которую я сломал дорогою из Гарагаси в Мале. Я действительно припомнил это обстоятельство, случившееся шесть лет назад; эти шесть лет жители Мале сохраняли обломок палки, чтоб при разговоре обо мне указывать на нее как на вещественное доказательство существования Маклая и посещения его Мале. Когда я бросал при моих посещениях деревень пустую жестянку от консервов или пустую коробку от спичек, они подбирались туземцами и сохранялись в барле, где я провел ночь; дорогою, когда случалось бросать изодранные перчатки, они поднимались обыкновенно спутниками и привешивались на сучке ближайшего дерева и т. п.

203

Гг. Макфарланом и Стоном на юге Новой Гвинеи.

204

Офицеры английского парохода «Базилиск» сообщили, что видели в Новой Гвинее следы и кал, которые, по их мнению, могли принадлежать большому животному, например носорогу.

205

Мне помнится, что во время трехдневной стоянки «Изумруда» в бухте Габинау на корвете находился небольшой бык, который привел в величайшее удивление видевших его папуасов, называвших его «большой русской свиньей с зубами (рогами) на голове».

206

К сожалению, некоторые и даже самые интересные украшения вынимаются и носятся туземцами только в экстраординарных случаях, например при Ай-Муне и т. п., так что в обыкновенное время их не приходится видеть.

207

Например, зубы видов кускуса употребляются папуасами как маленькие долота для орнаментировки (резьбы) наконечников стрел; острые кости рыб и обточенные кости птиц употребляются как ланцеты; куски кожи акул употребляются для полирования дерева и т. п.

208

На Берегу Ковиай в Новой Гвинее в марте 1874 г. я видел у одного жителя той местности несколько игл, образующих концы ожерелья, которые я принял за иглы ехидны, так как нахождение ее в Новой Гвинее мне казалось довольно вероятным. Спрошенный об их происхождении туземец не только сказал мне название животного (обрывок бумаги, на котором я записал это название, к сожалению, затерялся), но прибавил, что животное это отыскивается часто собаками в лесу гор. Мои люди из Серам-Лаут (Речь идет о гесерцах, которых Миклухо-Маклай нанял во время экспедиции в Папуа-Ковиай в 1875 г.), нередко посещавшие берег Оним, также знали его, называя малайским именем «ландак» (это название дается на Яве роду *Hystrix*), <они> рассказали мне, что это животное привозится макаassarскими падуаканами живым в Серам, что один такой ландак был привезен недавно в Кильвару (небольшой островок у юго-восточной оконечности о. Серама). Расспрашивая далее, я узнал, что ландак не кусает, так как у него зубов нет, и это обстоятельство укрепило меня во мнении, что этот ландак не что иное, как вид рода *Echidna*. Не добыв, однако, в 1874 г. никаких других доказательств существования этого животного на Берегу Ковиай, я совершенно забыл о виденном и слышанном до тех пор, пока прочел (кажется, в итальянском географическом журнале «Cosmos») письмо г. О. Беккари с островка Соронг (около берега Оним в Новой Гвинее), что г. Л. М. Д'Албертис получил там от туземцев животное, покрытое иглами, но которое г. Беккари в том письме, однако, не называет ехидною. Существование ехидны в Новой Гвинее оказалось подтвержденным на севере (в горах Папуа-Нотан), она описана под именем *Acanthoglossus Brunyi*, на южном берегу найденная около Порт-Морезби под именем *Acanthoglossus Lavessii*. Что касается последнего вида, которого два экземпляра я видел в Австралийском музее в Сиднее, по моему мнению, он не более отличается от австралийского вида (*Echidna Hystrix*), как последний от тасманского (*Echidna Setoca*).

209

Вообще я заметил, что *C. rарау* очень быстро акклиматизировалась на Берегу Маклая. Теперь нет деревни, где бы она не росла.

210

Оставлено место для названия.

211

Оставлено место для названия.

212

Оставлено место для числа.

213

Этот вид дикого банана по рисунку цветов, плодам и по моему описанию был назван бароном Ф. Мюллером в Мельбурне «*Musa Maclayi*» (См. «*Proceedings of the Lynnean Society of New South Wales*»).

214

Я не ошибся, так как месяцев 5–6 спустя германским корветом [...] была сделана съемка южной части порта Алексей, две бухточки которого были названы немцами [...].

215

Просматривая настоящую стенограмму, я заметил, что в мое чтение не вошли многие из тех

фактов, которые я желал сообщить. Это произошло, вероятно, вследствие головной боли, которая продолжалась весь день и особенно усилилась к вечеру. Я позволяю себе пополнить настоящий отчет пропущенными на чтении фактами, а также несколько исправить мою подчас нескладную русскую речь.

216

Изв. РГО. 1880. Т. 16. Вып. 2. Отд. 2. С. 170.

217

Bijdragen voor de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch Indië. 1865. D. 10.

218

После того как малайцы начали посещать берега Новой Гвинеи, папуасские начальники усвоили себе малайское название «радьи».

219

Телок – по-малайски значит «бухта», «залив».

220

Читана в общем собрании Географического общества 7 октября 1870 г.

221

Logan]. R. Ethnology of the Indo-Pacific Islands // Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia. 1853. V. 7;

Newbold T. J. Political and Statistical Account of the British Settlements in the Straits of Malacca. V. 2. London, 1839;

Crawfurd J. A Descriptive Dictionary of the Indian Islands and Adjacent Countries. London, 1856;

The Karean Tribes or Aborigines of Martaban and Tavai, with Notices of the Aborigines in Keddah and Perak // Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia. 1850. V. 4>; Waitz Th Anthropologie der Naturv?lker. Th. 5. Abth. 1. Leipzig, 1865.

222

Считаю долгом заявить, что вина в задержке печатания этих чтений лежит исключительно на мне. Неотложные дела, поездка в Москву, а затем нездоровье в продолжение последних двух недель мешали мне просматривать стенограммы тотчас же по их получении. К тому же они потребовали многих изменений и поправок. Не хочу упустить здесь случая выразить полную благодарность моему старому товарищу и другу, ныне присяжному поверенному В. Ф. Суфщинскому, который, несмотря на свои занятия, взял на себя скучный труд просматривать после меня стенограммы и переводить мой «ломаный» на более удобочитаемый русский язык.

223

См. об этом в «Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft f?r Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Sitzung am 3 M?rz 1878» мою статью «Anthropologische Notizen, gesammelt auf einer Reise in West-Mikronesien und Nord-Melanesien im Jahre 1876».

224

Известный случай волосатых людей в Бирме; случай той же аномалии в России – крестьянина Костромской губернии и его детей.

225

В этом же журнале напечатаны мною еще многие сообщения об австралийцах, как-то: «?ber die Mika-Operation in Central-Australien» <1880. Bd. XII. S. 85–87>; «Langbeinigheit der australischen Frauen» и др.

226

Некоторые результаты этих работ напечатаны в «Proceedings of the Linnean Society of New South Wales», как, например, «Plagiostomata of the Pacific, by N. de Micloucho-Maclay and William Macleay». <1879. V. III. P. 306–317) и др.

227

См.: *Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indië. Deel 33.*

228

Эта статья была написана на Новой Гвинее в течение 1872 г. На случай, если бы лихорадка или туземцы сократили мое пребывание там, было условлено с капитаном императорского русского корвета «Витязь», что статья будет упакована в жестяном ящике и зарыта в известном, указанном мною месте.

Время, остающееся до моего второго путешествия на Новую Гвинею, которое я намереваюсь предпринять до конца нынешнего года, не позволяет мне привести более подробностей. Полагаю, однако, этим не вполне утрачивается ценность наблюдений, конечно, неполных, но произведенных на месте. При последующей редакции я только немного дополнил и исправил частности.

229

Дампир прошел на парусах к северу от о-вов Ваг-Ваг (о. Рич) и Кар-Кар (у Дампира *Ile Br?lante*, названный впоследствии также о. Дампир), в значительном отдалении от берега Новой Гвинее (см.: *Suite du voyage du Guillaume Dampier aux Terres Australes. Amsterdam, MDCCV. P. 105* и карты на стр. 1). Дюмон-Дюрвиль, который также проходил мимо этого берега и открыл залив Астролябия и бухту Гумбольдта, тоже здесь не высаживался.

У папуасов этого берега я не нашел никаких следов европейских вещей. Если же принять во внимание, как заботливо хранили туземцы все мелочи, подаренные им мною, и как эти вещи путем обмена и подарков способны скоро распространяться, я могу из отсутствия европейских вещей, которых я не застал при моем прибытии, с уверенностью вывести заключение о том, что сношений с европейцами совершенно не было. Ответы туземцев на мои вопросы также подтверждали это заключение.

230

Я не нашел у здешних папуасов ни одной вещи, которую бы они не изготовили сами.

231

Подробное описание моего пребывания и моих экскурсий на Новой Гвинее может появиться лишь гораздо позже, так как мое путешествие, вероятно, потребует еще несколько лет.

232

Я назвал эти острова (числом около 30), посещенные мною недавно, Архипелагом Довольных людей. См.: Naturkundig Tijdschrift. D. 33. S. 121.

233

Я оцениваю население на побережье залива Астролябия и в окружающих горах по крайней мере в 3500–4000 человек; там около 80 деревень, и я принимаю за среднее число жителей в селении как минимум 45–50 человек. Это число, вероятно, еще ниже действительного, так как только в самых маленьких деревнях можно было насчитать менее 40 человек, в больших же было и 100, и 150.

234

Wallace A. K Der Malayische Archipel. Bd. 2. Braunschweig, 1869. S. 234.

235

Reise der ?sterreichischen Fregatte Novarra um die Erde in den Jahren 1857, 1858, 1859. Anthropologischer Theil. Abth. 3. Ethnographie, bearbeitet von F. M?ller. Wien, 1868. S. 14;

Finsch O. Neu-Guinea und seine Bewohner. Bremen, 1865. S. 34.

236

Цвет кожи черновато-коричневый, часто даже иссиня-черноватый» (Reise der ?sterreichischer Fregatte... S. 14;

Finsch O. Neu-Guinea... S. 39).

237

Когда я прибыл с Ротумы на Новую Ирландию, меня поразили темный цвет тамошних папуасов в сравнении с полинезийцами; наоборот, на Берегу Маклая мне бросился в глаза светлый цвет кожи у жителей гор. Туземцы из Доре, которых я видел в Тидоре (человек 60), были в среднем темнее туземцев залива Астролябия. Негритосы Люсона, посещенные мною в апреле 1873 г., были также темнее обитателей гор на Берегу Маклая. Некоторое количество очень светлых папуасов было среди новогейбридцев, которых я застал на Таити среди рабочих на плантациях.

238

Weitz Th. Anthropologie der Naturvölker. Bd. 5. Abth. 2. Leipzig, 1870. S. 26 und f.

239

Цвет кожи лица у многих других темноокрашенных племен (например, у полинезийцев, малайцев, мулатов) я находил более светлым, чем на остальном теле, обратное, следовательно, тому, что наблюдается у европейцев. Можно, пожалуй, объяснить эту особенность более частым шелушением эпидермиса более нежной кожи лица.

240

Earl G. W. The Native Races of the Indian Archipelago. Papuans. London, 1853;

Baer K. E. von. Ueber Papuas und Alfuren // Memoirs de l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersbourg. Sixième série. Sciences Naturelles. 1859. T. 8. S. 65.

241

Earl G. W. The Native Races. P. 2.

242

Нет, кажется, ни одного человеческого племени, у которого бы с детства оставляли волосы свободно расти, не применяли бы бритвы, стрижки, расчесывания, смазывания различными веществами и т. д.

243

Длинные пышные волосы считаются здесь большим украшением мужчины.

244

При промывке папуасского волоса, который перед тем был расчесан и поэтому имел широкие завитки, я всегда замечал, что в воде завитки снова становились узкими.

245

Jukes]. B. Narrative of the Surveying Voyage of H. M. S. «Fly». 1842–1846. V. 2. London, 1847.

246

Я получил однажды в одной деревне (Гумбу) менее чем в 10 минут 5 черепов, которые мне собрали ребяташки за несколько кусков табаку и лоскутков ситца в разных закоулках деревни позади хижин. Я сам часто находил вблизи папуасских деревень человеческие кости, валявшиеся на земле, в кустах, вместе с костями свиней и собак; они, очевидно, были выброшены самими папуасами вместе с другими костями.

247

Череп младенцев и детей раннего возраста значительно отличается от черепа взрослых; затылок у них сильно выдается, что у взрослых не так бросается в глаза. Искусственной деформации черепа, как мне положительно известно, у папуасов Берега Маклая не практикуется.

248

Уоллес

(Wallace A. R. Der Malayische Archipel. Bd. 2. S. 412, 415 и др.) говорит часто о «большом папуасском носе». Таковой, может быть, характерен для некоторых папуасских племен, но здесь я встречал его только в виде исключения, у двух-трех индивидов.

249

Попадались также нередко лица, напоминающие известный портрет у Рафлза (

Raffles T. S. The History of Java. London, 1830. Plate 31), воспроизведенный К. Э. фон Бэрром (Ueber Papuas und Alfuren. S. 58), причем физиономии не принадлежали больным субъектам, как это предполагал фон Бэр. Папуасский мальчик Ахмат (из Амбербаки), сопровождающий меня с февраля 1873 г., мог бы служить парой к этому портрету.

250

Этот обычай я наблюдал также в Порт-Праслин у обитателей Новой Ирландии.

251

Уже на 8-м месяце моего пребывания на Новой Гвинее я заметил значительное стирание своих зубов вследствие почти исключительно растительной пищи.

252

И этот вопрос, как многие другие, должен быть предоставлен более точному анатомическому исследованию на секционном столе.

253

Например, это было замечено голландской экспедицией у папуасских женщин пролива Принцессы Марианны (см.

Finsch O. Neu-Guinea. S. 51).

254

Я видел, как они таким образом держали самые различные предметы, поднимали их с земли, ловили в воде маленьких рыб, снимали более крупных с остроги и даже очищали от кожуры бананы.

255

Окружность икр редко превышает 30 см.

256

Насколько мне известно, ни у одного папуасского племени не наблюдали еще обрезания (см. Baer K. E. von. Ueber Papuas... S. 91).

257

В горных деревнях Энглам-Мана, Теньгум-Мана, Марагум-Мана

(мана значит «гора»), а также на о. Тиара (одном из островов Архипелага Довольных людей) я не обнаружил этого обычая.

258

У австралийцев было замечено нечто подобное. См. Reise der ?sterreichischer Fregatte... S. 6–7.

259

Baer K. E. von. Ueber Papuas... S. 71.

Комментарии

1

Лемурия – материк, якобы существовавший на месте значительной части Индийского океана, от юго-восточной Африки и Мадагаскара до Зондских островов. Гипотезу об этом «затонувшем материке» высказал в 1840-х гг. французский исследователь Ж. И. Сент-Илер.

В середине XIX в. английский зоолог Ф. Склэтер назвал этот предполагаемый материк Лемурией (по роду полуобезьян, распространенному на Мадагаскаре). Эту гипотезу о Лемурии разделяли выдающиеся ученые Т. Гексли (Хаксли), Р. Вирхов и Э. Геккель, которые предполагали, что именно здесь находилась прародина человечества. Исследования дна Индийского океана не подтвердили эту гипотезу. Миклухо-Маклай, видимо, скептически относился к данной гипотезе.

2

Миклухо-Маклай писал в 1881 г.: «Название «Берег Маклая» было употреблено мной еще в 1872 г. с целью дать более удобную ссылку в научном описании, чтобы не нужно было постоянно повторять географическое положение исследованной части побережья между мысом Круазиль и мысом короля Вильяма – полосы земли с береговой линией, превышающей 150 миль, простирающейся вглубь до высочайших хребтов и имеющей в ширину в среднем 50–60 миль; это описание было принято научным миром».

3

Элефантиаз (от греч. *el?phas* – «слон») – «слоновая болезнь», заболевание человека и некоторых видов животных; значительное увеличение отдельных частей тела (чаще ног) из-за резкого утолщения кожи и подкожной клетчатки в связи с хроническим воспалением лимфатических путей и застоем лимфы.

4

Миклухо-Маклай с первых дней жизни среди папуасов ввел в употребление слово

табу, принятое в науке для обозначения запретов у первобытных народов на различные предметы, слова и действия.

5

Барла – платформа, на которой папуасы сидят, спят и едят.

6

Коко (*Chlamydodera*) – птица из семейства райских птиц (*Paradisaeidae*).

7

Имеется в виду особый музыкальный инструмент, который Миклухо-Маклай впоследствии называл словом

монки-ай (или
мунки-ай).

8

Сигнальный барабан –
барум.

9

В дневнике, в письмах и в статьях для печати Миклухо-Маклай называл его мысом Уединения или Отшельничества.

10

Кёри, правильнее
карри (индийск.) – здесь: острая приправа, широко распространенная в Южной Азии.

11

Нежелание папуасов давать волосы Миклухо-Маклаю связано с боязнью магии: согласно распространенным среди многих народов мира верованиям, тот, кто получает какую-нибудь частицу человеческого тела, способен с помощью колдовства нанести вред их владельцу, вплоть до смерти. Миклухо-Маклаю удалось постепенно преодолеть эту боязнь, предлагая в обмен собственные волосы.

12

Буамрамра (правильно

бам гхамбера) – крыша из листьев саговой пальмы. Такие крыши имели мужские дома (по-бонгуански

боджьоу) – большие хижины, где могли находиться только мужчины. Здесь хранились культовые музыкальные инструменты и другие предметы, которые запрещено было видеть женщинам и детям. Миклухо-Маклай ошибочно принял термин, называющий такую крышу, за наименование мужского дома. В этом значении слово

буамрамра встречается во всех дневниках и других сочинениях Миклухо-Маклая.

13

Таро (*Colocasia esculenta*, местное название

бау) – основная огородная культура у обитателей Берега Маклая.

14

Миклухо-Маклай использует полинезийский термин

тага для обозначения материи, которую изготовляли из луба хлебного дерева.

15

Фальшфейер – специальная гильза, заправленная медленно горящим составом; используется для фейерверков, освещения местности, для сигналов.

16

Миклухо-Маклай вспомнил рассуждения о смерти немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788–1860); в гл. 49 («Путь спасения») его книги «Мир как воля и представление» есть такие слова: «Смерть каждого человека до известной степени представляет в наших глазах какой-то апофеоз и канонизацию, и оттого мы не без глубокого благоговения смотрим на труп хотя бы самого незначительного человека».

17

Речь идет о немецком профессоре Карле Гегенбауре (1826–1903), курс которого по сравнительной анатомии Миклухо-Маклай слушал в Йенском университете в 1865–1866 гг.

18

Здесь проявилась мировоззренческая и научная позиция Миклухо-Маклая. Некоторые антропологи и биологи аргументами о наличии у папуасов «пучковолосости» обосновывали учение о неравноценности человеческих рас и отнесении папуасов к промежуточной стадии между человекоподобными обезьянами и европейцами. Понимая опасность подобной теории, Миклухо-Маклай пришел в «приятное расположение духа», когда убедился в ложности утверждений, что у папуасов волосы на голове растут пучками.

19

Здесь и ниже Миклухо-Маклай неточно называет мужской дом словом барла (см. комментарии 5 и 12).

20

Ауе – готовый (о кушаньях). «Хорошо» – по-бонгуански билен.

21

Аусь – тростниковое растение *Saccharum edule* из семейства Gramineae. Соцветия этого растения папуасы Берега Маклая едят в вареном или печеном виде.

22

Велькер Герман (1822–1897) – немецкий анатом и антрополог, предложивший новую методику антропологических исследований.

23

Береговые жители умели добывать огонь с помощью трения, но при тесном общении между деревнями люди предпочитали поддерживать постоянный огонь либо доставать его от соседей. Обитатели горных деревень, жившие в большей изоляции, тоже старались поддерживать постоянный огонь в своих деревнях, хотя умели его добывать.

24

Аян – местное название ямса (*Dioscorea*), многолетнего растения, клубни которого, богатые крахмалом, идут в пищу в печеном виде.

25

Орлан – плод дикорастущего дерева *Pangium edule*; из его перебродившей мякоти и ядра делали кислый соус, считавшийся большим деликатесом.

26

Гамба – скорлупа кокосового ореха, используемая в качестве чашки и тарелки.

27

В Полинезии, как и во многих других странах мира, люди, обменявшиеся именами, считаются братьями, побратимами. При этом они сохраняют в качестве основного свое прежнее имя.

28

Имеется в виду

балансир – бревно, укрепленное двумя поперечными перекладинами параллельно борту лодки. Оно придает лодке остойчивость на воде.

29

Миология – раздел анатомии, изучающий строение мышечной системы.

30

Миклухо-Маклай имеет в виду здесь высказывание А. Шопенгауэра, приведенное в труде «Мир как воля и представление»: «Еще могучее становится впечатление, когда мы видим перед собою борьбу возмущенных сил природы – в больших размерах, когда <...> мы стоим у беспредельного моря, потрясаемого бурей <...> молнии сверкают из черных туч, и раскаты грома заглушают бурю и море. Тогда в невозмутимом зрителе этой картины двойственность сознания достигает высшей ясности».

31

Моль – здесь: мужская набедренная повязка из луба.

32

Маб – на языке бонгу название кускуса, мелкого сумчатого из семейства Phalanycridae; дюг – название новогвинейского казуара (крупной нелетающей птицы с трехпальными ногами).

33

Камера-луцида (правильнее

люцида) – четырехугольная призма, которая, подобно видоискателю современного фотоаппарата, отображает внешние предметы. Миклухо-Маклай часто пользовался этим прибором, облегчавшим срисовывание предметов и лиц, так как, глядя в эту призму сверху, можно видеть изображение предмета, лист бумаги, лежащей под призмой, и движение карандаша наблюдателя.

34

У папуасов Берега Маклая и большинства других районов Новой Гвинеи не было ни наследственных, ни выборных вождей. В то же время из среды соплеменников стихийно выделялись благодаря своему воинскому искусству, успехам в хозяйственной деятельности или знанию магии «большие люди»

(тамо боро), которые пользовались особым авторитетом. Важные решения обычно принимались сообща всеми взрослыми мужчинами деревни.

35

Местные жители не умели солить мясо (да и соли как таковой у них не было, некоторое подобие соли они добывали из древесных стволов, долгое время находившихся в морской воде). Папуасы не заготавливали пищу впрок. Этим отчасти объясняются подарки свиней от одной деревни другой.

36

Тамо – взрослые полноправные мужчины;

маласи – юноши и неиницированные молодые мужчины (юноши по-бонгуански –

гхелагу). Переход в возрастную категорию тамо сопровождался обрядами инициации, во время которых группа иницируемых жила в уединенной лесной хижине, где впервые знакомилась с тайным мужским культом и проходила различные физические испытания. Особо значимым элементом этих обрядов была церемония обрезания

(мулум). Папуас, прошедший обряды инициации, получал права взрослого мужчины: участвовать в деревенских сходках и празднествах-пирах, играть самому и слушать игру на всех музыкальных инструментах, иметь полное вооружение, вступать в брак, есть свинину и т. д.

37

Реньо Анри Виктор (1810–1878) – французский физик и химик. Сконструированный им гипсотермометр (прибор, употребляемый для определения точки кипения воды на различных высотах) Миклухо-Маклай использовал для барометрического нивелирования.

38

Публикуемый портрет Налая (от 20 июля) говорит о том, что Миклухо-Маклай осуществил свое намерение.

39

Тиболь – кенгуру небольших размеров, приспособленные к лазанью по деревьям.

40

Каинда – разновидность ямса.

41

Бэр Карл Эрнст (1792–1876) – известный русский естествоиспытатель, основатель эмбриологии, один из учредителей Русского географического общества, работал также в области антропологии, создал свою методику измерения черепов.

42

Во многих районах Новой Гвинеи существовал (и кое-где сохраняется до сих пор) обычай вскармливать поросят грудью. Чаще всего это делалось в тех случаях, когда поросенок дикой свиньи был пойман маленьким. Иногда женщина носила вскормленного ею животного на спине в плетеном мешке

(гхун), в котором обычно носят детей.

43

Григер – правильнее

Грагед. На современных картах – Кранкет.

44

Эти предосторожности объяснялись особым отношением папуасов к ритуальным предметам, в том числе и к музыкальным инструментам. Передавая

орлан-ай чужеземцу, Коды старался сделать это незаметно, так как нарушал обычай и мог вызвать недовольство односельчан.

45

Миклухо-Маклай дал это название архипелагу, побывав там в августе.

46

Имеется в виду великий князь Константин Николаевич (1827–1892), главный начальник флота и морского ведомства (на правах министра) и председатель Российского географического общества.

47

Р. – Рончевский Константин Данилович, моряк, младший офицер, автор очерка «Поиски клипера «Изумруд» за Н. Н. Миклухо-Маклаем», опубликованного под литерами А. Р.

48

По донесению П. Н. Назимова от 10 ноября 1872 г. из Нагасаки, «через пять дней по выходе из залива, где оставили натуралиста г. Маклая, начала являться лихорадка, 25 человек явились один за другим с сильными припадками перемежающейся лихорадки. Через три недели болезнь немного ослабла и случаи заболевания стали реже. Из числа 25 человек несколько были опасно больны». Согласно позднему отчету доктора Кролевецкого, больных перемежающейся лихорадкой в конце сентября – в октябре было всего 13, причем болезнь «не отличалась интенсивностью» и продолжалась в среднем 18 дней. Доктор видел причину заболевания в заготовке дров «в болотистой почве в лесах Новой Ирландии».

Один из участников плавания вспоминал, что, несмотря на принятые меры, «по прошествии нескольких дней» число больных лихорадкой дошло до 78, а через три недели в Терпате их стало 84.

49

Апирекции (правильнее

апирексии) – промежутки между приступами перемежающейся лихорадки.

50

Великий князь Константин Николаевич, будучи главным начальником флота и морского ведомства, носил звание генерал-адмирала.

51

Крюйсбот (из голл. kruisboot) – прогулочный катер.

52

Бернштейн Генрих Агатон Б. (1828–1865) – немецкий врач, путешественник и естествоиспытатель. В 1853 г. приехал на Яву в должности главного врача курорта. Одновременно занимался орнитологией. По предложению колониальной администрации в 1860–1863 гг. занимался исследованием Хальмахеры и окружающих островов. В 1864 г. возглавил экспедицию по исследованию Новой Гвинеи и Южных Молукк. Умер на о. Батанта у северо-западного побережья Новой Гвинеи.

53

Фон РозенбергХерманн (1817–1888) – немецкий путешественник и естествоиспытатель. Более 30 лет жил в Индонезии, занимая различные должности. Дважды посещал Новую Гвинею: в 1858 г. Берег Папуа-Ковиай на пароходе «Этна» и в 1868–1870 гг. – северное побережье Западной Новой Гвинеи. В 1874 г. Розенберг возвратился в Европу.

54

Гесир – о. Гесер; вместе с окружающими островами Серам Лаут, Гором (или Горонг) и восточной оконечностью о. Серам населен народом, который у Миклухо-Маклая и некоторых других авторов называется серамцами, а в современных этнографических трудах получил этноним «гесерцы», что является переводом их самоназвания «оранг гесер» («люди Гесера»). В описываемое время восточная оконечность Серама и острова между нею и архипелагом Кей входили в состав султаната Тидоре. Именно в этом месте существовал центр торговли с районами Ковиай и Онин на Новой Гвинеи. Гесерцы как самостоятельный народ сложились вокруг названного торгового центра, он привлекал также выходцев из разных концов Малайского архипелага.

55

Прау (мал. perahu) – общее название для любого вида местных судов.

В данном случае под

малайцами имеются в виду гесерцы Восточного Серама и амбонцы. Миклухо-Маклай называет

малайцами представителей всех береговых народов Малайского архипелага. Они противопоставлены у него папуасам, к которым он относит не только население Новой Гвинеи, но и негритосов Юго-Восточной Азии, а также переходные монголоидно-австралоидные типы на Тиморе и Малых Зондских островах.

Урумбай – небольшое парусное судно с заостренными и высокими носом и кормой, без палубы, но с каютой посередине в виде хижины.

Саго – основной продукт, получаемый в процессе обработки сердцевины саговой пальмы. Саговую муку прессовали в тесто и хранили в виде колбасок, завернутых в пальмовые листья. Эти колбаски Миклухо-Маклай и называет здесь кусками.

Бугисы (или

бугийцы) – народность на Южном Сулавеси.

Берег Папуа-Ковиай – старое название западной части Новой Гвинеи к востоку от полуострова Бомбераи (Папуа-Онин). Торговые связи Ковиай с островами Малайского архипелага и тем самым его вовлеченность в великие торговые пути, связывавшие Юго-Восточную Азию с Европой, прослеживаются по крайней мере с XVI в. Из Ковиай вывозили дикий мускатный орех, кору масои – дерева из семейства лавровых, трепангов, перламутр, жемчуг. В Ковиай центры торговли располагались на островках Ади, Наматоте, Айдума, Лакахиа. В настоящее время термин «Ковиай» вышел из употребления. Ныне этот

район называется Каимана, по одноименному городку, ставшему центром бывшего Берега Папуа-Ковиай.

61

Миклухо-Маклай вряд ли прав, видя причины миграции населения только в войнах и разбойных морских экспедициях. Необходимо учитывать также специфику прибрежного рыболовства и возделывания клубнеплодов, преобладающих в береговой зоне Западной Новой Гвинеи, которые предусматривают сезонные миграции внутри определенной хозяйственной территории.

62

Голландские колониальные власти проводили начиная с 1848 г. «политику гербовых столбов»: военные корабли, объезжая берега западной части Новой Гвинеи, устанавливали в гаванях, торговых центрах специальные столбы с укрепленным на них нидерландским гербом. Находка Миклухо-Маклая связана со следами этой «политики».

63

Елена Павловна (1806–1873) – великая княгиня, вдова великого князя Михаила Павловича, брата Николая I. Ее дворец в Ораниенбауме был культурным центром Петербурга. Осенью 1870 г. П. П. Семенов представил Миклухо-Маклая Елене Павловне, которая проявила живой интерес к планам путешествий Миклухо-Маклая, оказала содействие его намерениям попасть на «Витязь» и передала рекомендательное письмо П. Н. Назимову – капитану корабля.

64

Миклухо-Маклай постоянно употреблял слово

материк применительно к Новой Гвинее, имея в виду отношение «главного» острова к прилегающим мелким островам.

65

Имеется в виду:

Baijer G. Reis van Amboina naarde Z. W. en N. Kust van Nieuw Guinea gedaan in 1858 met Z. M.

Stoomschip Etna. Amsterdam, 1862. Властями Нидерландской Индии была послана экспедиция военного парохода «Этна» под командованием капитана Г. Ройера с целью найти место для основания административного центра в западной части Новой Гвинеи. В марте – июле 1858 г. экспедиция посетила берег Папуа-Новой Гвинеи, где достигла залива Лакахия. В ходе работы были собраны ценные сведения о районах северо-восточной оконечности полуострова Чендравасих (Вогелкоп) и залива Гумбольдта.

66

Здесь Миклухо-Маклай допустил ошибку. В докладе Русскому географическому обществу в 1882 г. ученый отмечал, что вид кенгуру, который он наблюдал и изучал в Айдуме, «приобрел крепкие когти, но утратил мускулы хвоста и из скачущего животного стал лозящим, почему живет большей частью на деревьях»; тем самым он исправил свою ошибку.

Мюллер Соломон – известный немецкий зоолог середины XIX в.

67

Рассказ раджи – первое в истории науки сообщение, полученное непосредственно от аборигенов, о пигмеях-людоедах Новой Гвинеи (но утверждение раджи, будто мертвых выкапывают и едят, не соответствует действительности).

68

Тифа – небольшой односторонний барабан, представляет собой полый усеченный конус, выдолбленный из твердой древесины. Широкий конец тифы обтянут кожей, узкий конец остается открытым. При игре тифу держат под мышкой левой руки обтянутым концом вперед и бьют по нему кистями рук.

69

Хуком – не имя, а титул; в переводе с малайского означает «судья». В данном случае – титул, присвоенный вождю племени.

70

Минагаси (вернее

минахаса) – народность северной части о. Сулавеси.

71

На маленьком островке никто не живет постоянно. Сюда приезжают (как на ярмарку) местные папуасоязычные жители и торговцы из близлежащих районов.

72

Д. Х. Колфф – голландский офицер, командовавший в 1826 г. экспедициями в южную часть Молуккских островов и на Папуа-Ковиай.

73

Сагуэр – брага, приготовляемая из сока плодов определенного вида пальмы.

74

Спутники Миклухо-Маклая нашли так называемое вторичное захоронение: покойника хоронят в земле, а затем через год кости и череп перезахороняют в пещерах или скальных выступах.

75

Матабелло – второе название островов Ватубела.

76

Контролер (более точно

контролер при внутренней администрации) – должность чиновников колониальной администрации Нидерландской Индии. Видимо, название

контролер употреблено в тексте по ошибке вместо

резидент. далее говорится о том же самом судне, но с резидентом, а не с контролером на

борту.

77

Денденг – консервированное (вяленое) мясо: режется тонкими ломтями, приправляется солью и пряностями, сушится на солнце, а затем жарится в кокосовом масле.

78

Рума битчару (правильнее битчара, мал.) – «дом для разговоров», т. е. общинный дом.

79

Имеется в виду

джонка (нидерл. jonk) – деревянное парусное грузовое судно речного и прибрежного морского плавания.

80

Имеется в виду следующее место в книге А. Р. Уоллеса

(Wallace A. R The Malay Archipelago, the Land of the Orang-Utan and the Bird of Paradise. L., 1869. P. 287–288): «Маленький остров Кильвару – не более чем песчаная отмель... Хотя он не более чем пятьдесят ярдов в ширину и приподнят над высшей точкой прилива не более чем на три-четыре фута, он имеет источники превосходной питьевой воды – странный феномен, который, по-видимому, предполагает наличие глубоко сидящих подземных каналов, соединяющих его с другими островами».

81

Прента (правильнее

перинта, мал.) – приказ, власть. Здесь имеется в виду, что Серам-Лаут находится под властью Кильвару.

82

Туан бесар (мал.) – большой господин. (Здесь, видимо, амбонский резидент.)

83

Кора-кора – разновидность местных судов. (Миклухо-Маклай имеет в виду, что на каждом судне было по 40 человек.)

84

Дополнения, введенные в угловых скобках в текст, основаны на указаниях в источнике, сделанных Миклухо-Маклаем с помощью соединительных линий. Эта работа осуществлена исследователями, подготовившими текст дневников Н. Н. Миклухо-Маклая к публикации.

85

Миклухо-Маклай в специальном письме на имя генерал-губернатора Нидерландской Индии среди преступлений, совершившихся в колонии, обращал внимание и на судьбу детей, продаваемых в рабство.

86

Речь идет о краже вещей Миклухо-Маклая и его слуг одним из серамцев – Стенбергом (см. запись об этом 19 апреля 1874 г.).

87

Кумава – южная гористая часть полуострова Бомбераи.

88

Миклухо-Маклай дал обещание папуасам при отъезде в декабре 1872 г. вернуться.

89

Белыми муравьями англичане, жившие в колониях, называли термитов.

90

Гарагаси – место, где стояла хижина Миклухо-Маклая в 1871–1872 гг.

91

Кокосовые пальмы начинают плодоносить через 7–8 лет после посадки. Миклухо-Маклай, видимо, собирался через несколько лет вернуться на Берег Маклая и прочно там обосноваться.

92

Ай – в языке бонгу название празднеств различного типа.

93

Фраза означает: «Мужчина умер. Приходить нельзя» (бонг.).

94

Пат (бонг.) – топор.

95

Дынга (правильнее
динги) – здесь: шляпка.

96

Дунган (точнее –
бонган) (бонг.) – кинжал из кости.

97

Миклухо-Маклай в ряде случаев называет женские юбочки из растительных волокон
нале. Более точное название такой юбочки
най.

98

Дарем – обитатели деревни Бай так называли общинный мужской дом, в котором жили
подростки и неженатые мужчины, ночевали гости деревни, хранились предметы культа.

99

Байдевинд – курс судна относительно ветра, при котором ветер дует на судно косо навстречу.

100

Шримсы – небольшие съедобные креветки.

101

Ямбан тамо багхатар – «жечь людей гор». Слова
ямбан тамо («люди гор») обычно употреблялись как ругательство, означавшее «недотепы»,
«необрезанные».

102

Миклухо-Маклай ошибочно назвал одного из братьев Налай вместо Туй.

103

Как следует из текста, Миклухо-Маклай имеет в виду собирание зоологических экспонатов. В то же время антропологические и этнографические коллекции он собирал тщательно, проявляя заботу об их сохранности. Эти коллекции хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого.

104

А. А. М. – Александр Александрович Мещерский, один из самых близких друзей Миклухо-Маклая. Их дружба зародилась еще в гимназические годы, окрепла во время учебы в Йенском университете (хотя они занимались на разных факультетах). По окончании университета Мещерский служил в Русском географическом обществе. Во время путешествий Миклухо-Маклая был его доверенным лицом в Европе, выполняя множество поручений, заботился о том, чтобы найти для друга денежную поддержку. Миклухо-Маклай в письмах называет его: «мой старый товарищ и друг», «верный друг мой», «самый дорогой мой друг»...

105

«Скобелев» – новое название корвета «Витязь», на котором Миклухо-Маклай совершил плавание в 1870–1871 гг.

106

Николай Васильевич Копытов (1833–1901), контр-адмирал, командующий отрядом русских судов в Тихом океане. О его уважительном отношении к Миклухо-Маклаю свидетельствуют рапорты в Петербург о ходе плавания (см.:

Вальская Б. А. Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 г. и о плавании корвета «Скобелев» к этому острову в 1883 г. // Страны и народы Востока. М., 1972. Вып. 13).

Мангустан, ланзат – плодовые деревья, которые культивируются на Новой Гвинее.

Имеется в виду

Ромильи (H. H. Romilly), правительственный уполномоченный, который по поручению британского верховного комиссара в западной части Тихого океана сэра Артура Гордона посетил в июне 1881 г. на корабле «Beagle» Берег Маклая. Перед этим он виделся с Миклухо-Маклаем в Сиднее и получил от него специальные «знаки и слова», по которым папуасы должны были принять его за друга («брата»).

Лейтенант Б. – мичман (позднее лейтенант) Витольд Людвигович Барщ. Его именем назван мыс на «материке» Новой Гвинее севернее Архипелага Довольных людей. Это название сохранилось и на современных картах.

Ошибка: первое чтение состоялось 29 сентября.

На чтениях председательствовал вице-президент Российского географического общества П. П. Семенов. Первому выступлению Миклухо-Маклая предшествовала речь председателя, в которой он сказал: «Немного нужно для того, чтоб охарактеризовать деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая, так как она всем нам достаточно известна, хотя мы были знакомы с нею только по отрывочным сведениям. Н. Н. Миклухо-Маклай в 1870 г. сам, по собственному почину задумал чрезвычайно смелое путешествие, которое, по первоначальному плану, должно было продолжаться в течение немногих лет. При этом он поставил себе задачу изучить <...> человека на самых низших его ступенях. <...> Он очутился на берегу совершенно диком, куда еще не вступала нога европейца. <...> Смелый подвиг его состоял в том, что он решился построить хижину, решился остаться на том берегу в течение года. <...> Н. Н. Миклухо-Маклай отправился в путешествие с большим риском, на свои собственные средства. Русское географическое общество могло только в слабой степени содействовать ему в материальном отношении. <...> Но русское общество поддержало г. Миклухо-Маклая нравственно и материально, дав ему возможность в течение 12 лет вполне

предаться своим занятиям. Одно время, однако, мы опасались, что он не возвратится: его здоровье было слабо, и мы думали, что все драгоценные матерьялы могут погибнуть для науки. Но в настоящее время Н. Н. Миклухо-Маклай и эту вторую часть своей программы сдержал. <...> Он познакомит нас со всеми результатами своих 12-летних трудов» (Голос. 1882. 3 октября).

112

На русском языке в 1874 г. увидели свет три статьи ученого о его пребывании на Берегу Маклая: Антропологические заметки о папуасах Маклаева берега Новой Гвинеи // Природа. 1874. Кн. 2. С. 67–76; О употреблении напитка «кэу» папуасами в Новой Гвинее // Известия Российского географического общества. 1874. Т. 10. Вып. 2. Отд. 2. С. 83–86; Еще о некоторых этнологически важных обычаях папуасов Берега Маклая

// Там же. Вып. 4. С. 147–149.

113

Значительная часть коллекций, собранных Миклухо-Маклаем, до 1886 г. хранилась в Батавии (Джакарте).

114

В беседе, состоявшейся 30 сентября, Миклухо-Маклай остановился на подробностях быта папуасов. «Демонстрируя портреты папуасов, г. Миклухо-Маклай заметил, что они до такой степени сходны с оригиналами, что, когда он показывал их туземцам, они тотчас называли по имени изображенное лицо. При изготовлении этих портретов он имел в виду показать вариацию типов, которая зависит не от смешения племен». (Новое время. 1882. 1 октября).

115

Имеется в виду дикобраз.

116

В ответ на ходатайство Совета Российского географического общества Александр III 31 октября 1882 г. распорядился оплатить все долги Миклухо-Маклая, выделить ему средства на двухлетнее пребывание в Сиднее для завершения его трудов, а также выразил желание

взять на себя все расходы по изданию сочинений ученого.

117

В публикации стенограммы приводится заключительная речь П. П. Семенова: «Мм. гг.! Позвольте от имени Императорского Русского географического общества и, полагаю, от всех присутствующих в нашем собрании гостей поблагодарить от души нашего дорогого путешественника, Н. Н. Миклухо-Маклая, не только за те интересные сообщения, которые в целом ряде чтений он сделал всему собранию, но и за то обязательное внимание, с которым он отнесся ко всем вопросам, которые мы ему предлагали, причем он познакомил нас со всеми результатами своего путешествия. Я надеюсь, что та духовная связь, которая существует между нашим путешественником и русским обществом, никогда не прекратится и что все присутствующие с благодарностью будут вспоминать о тех подвигах, которые совершил наш ученый путешественник».

После этой речи г. председателя в публике раздались крики «браво» и громкие, единодушные и продолжительные рукоплескания, не умолкавшие в течение нескольких минут.

Последующие заключительные слова Миклухо-Маклая явились ответом председателю и публике (Голос. 1882. 15 октября).